Пл. СОКОЛОВЪ.

РУССКІЙ АРХІЕРЕЙ изъ ВИЗАНТІИ

— И —

ПРАВО ЕГО НАЗНАЧЕНІЯ ДО НАЧАЛА XV ВѢКА.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Б.-Житомирская 20, с. д.
1913.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
3360
85

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Введеніе 1
Глава I. Россія въ составѣ имперіи при Владимірѣ Св. Поставленіе Иларіона. Митр. Ефремъ и Никифоръ. 36
Глава II. Поставленіе Клима Смолятича 55
Глава III. Хлопоты князей Андрея Боголюбскаго и Ростислава Кіевскаго объ утвержденіи ихъ кандидатовъ на митрополію 96
Глава IV. Грамота Луки Хризоверга вел. князю Андрею Боголюбскому 128
Глава V. Митр. Кириллъ II (III) 159
Глава VI. Митр. Максимъ. Законодательство имп. Андроника II 193
Глава VII. Примѣненіе Андроникової Новеллы въ Галичѣ и Владимірѣ. Споръ митр. Петра съ Тверяками. Митр. Петръ и Иванъ Калита 218
Глава VIII. Митр. Ѳеогностъ и Ѳеодоръ Галицкій . . 260
Глава IX. Митр. Ѳеогностъ и вел. кн. Симеонъ Ивановичъ 290
Глава X. Кандидатура Алексѣя Плещеева 318
Глава XI. Поставленіе митр. Алексѣя и Романа Литовскаго 345
Глава XII. Споръ изъ за Литовской митрополіи и выдѣленіе Галича 373
Глава XIII. Кандидатура Митяя и Кипріана и окончательная неудача переговоровъ митр. Алексѣя съ Литовцами 419
Глава XIV. Поставленіе митр. Кипріана и отказъ Москвы признать его 438
Глава XV. Митяевъ соборъ 482
Глава XVI. Поставленіе мит. Пимена и митрополія Великой Руси 500
Глава XVII. Борьба между митрополитами Пименомъ и Кипріаномъ 517
Глава XVIII. Окончательное признаніе митр. Кипріана. Возстановленіе единства митрополіи и отказъ Москвы отъ притязаній на право назначенія митрополита всея Руси. 560

Главнѣйшими источниками послужили:

П. С. Л. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, изданное Археографическою комиссіею, гдѣ помѣщены всѣ цитируемыя нами лѣтописи.

Р И. Б. VI Русская Историческая Библіотека т. VI. Памятники древне-русскаго каноническаго права ч I. С.П.Б 1889 г, гдѣ проф А С Павловымъ частію собраны изъ другихъ изданіи, частію напечатаны по рукописямъ памятники отъ XI—XV вѣка, а также данъ переводъ важнѣйшихъ документовъ изъ

A. P Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV-MCCCCII ediderunt Fr Miklosich et Ios. Muller T. I et II

Введеніе.

Въ числѣ новеллъ Юстиніана особенное значеніе для нашей отечественной церкви имѣютъ двѣ новеллы—123-я и 137-я, преимущественно въ ихъ опредѣленіяхъ относительно замѣщенія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ. Содержаніе ихъ въ общемъ представляется однимъ и тѣмъ же и—общеизвѣстно. Юстиніанъ предоставляетъ избраніе кандидатовъ на вакантную каѳедру клирикамъ каѳедральнаго города и его лучшимъ гражданамъ съ тѣмъ, чтобы это избраніе производилось ими правильно и съ матеріальной, и съ формальной стороны. Т. е., чтобы не только было избрано лицо, удовлетворяющее требованіямъ закона (очень не высокимъ съ нашей современной точки зрѣнія), но и самый актъ избранія совершонъ былъ безъ симоніи и безъ какихъ бы то ни было вліяній, какихъ бы то ни было личныхъ соображеній. Но въ деталяхъ опредѣленія этихъ новеллъ представляютъ замѣчательныя особенности, являющіяся результатомъ прогресса централизаціи церковнаго управленія въ царствованіе Юстиніана. Послѣдняя вытекала изъ самаго существа отношеній между церковью и государствомъ въ Византіи и являлась лишь отраженіемъ идей государственной централизаціи. Строй церковнаго управленія долженъ былъ слѣдовать гражданскому и земскому порядку, и съ этой точки зрѣнія митрополитъ по отношенію къ епископамъ долженъ былъ быть такимъ же органомъ центральной церковной власти патріарха, какимъ былъ въ свѣтской области эпархъ по отношенію къ подчиненнымъ ему начальникамъ городскихъ округовъ.

Юстиніанъ несомнѣнно и имѣлъ въ виду эту цѣль. Въ отличіе отъ стародавней практики и обычая, епископъ при немъ избирается уже не всею паствою, а лишь

нѣкоторыми ея членами, что естественно увеличивало значеніе въ дѣлѣ замѣщенія каѳедры не только клириковъ, голосъ которыхъ теперь вѣсилъ больше въ виду уменьшенія числа свѣтскихъ избирателей, но и усиливало политическій элементъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ свѣтскими избирателями являлись лица, лучшія не съ церковной, а именно съ политической точки зрѣнія.

Разница въ постановленіяхъ новеллъ разныхъ эпохъ царствованія Юстиніана замѣчается въ трехъ пунктахъ: въ вопросахъ относительно числа кандидатовъ на епископство, о срокѣ, въ теченіе котораго избирателямъ предоставлено осуществить ихъ права, и наконецъ—о томъ, кому принадлежитъ право утвержденія представленнаго кандидата.

Нов. 123 не требуетъ непремѣнно представленія трехъ кандидатовъ и допускаетъ, въ случаѣ невозможности для избирателей найти такое число достойныхъ лицъ, ограничиться представленіемъ двухъ или даже одного кандидата. При этомъ имъ дается для выборовъ опредѣленный, а именно шестимѣсячный срокъ. Только по истеченіи этого срока, если избиратели не представятъ ни одного достойнаго кандидата, „тотъ, кому подобаетъ посвящать епископа“, долженъ замѣстить каѳедру достойнымъ кандидатомъ по собственному выбору [1]).

Кто этотъ посвящающій, не опредѣляется. Лишь въ гл. 3 той же 123 новеллы, по поводу ставленическихъ пошлинъ (συνηθειῶν—обычныхъ даровъ посвящающему) говорится объ епископахъ, которыхъ посвящаютъ архіепископы и патріархи, *митрополитахъ*, *„посвященныхъ собственнымъ синодомъ* или блаженнѣйшими патріархами“, и о всѣхъ другихъ епископахъ, „которые посвящаются или патріархами или митрополитомъ [2])“.

---

[1]) Nov. 123 c. 1 § 1. Εἰ δὲ οἱ ὀφείλοντες τὸν ἐπίσκοπον ἐπελέξασθαι τὰ τοιαῦτα ψηφίσματα ἐντὸς ἓξ μηνῶν μὴ ποιήσουσι, τηνικαῦτα τῷ κινδύνῳ τῆς ἰδίας ψυχῆς ἐκεῖνος, ᾧ ἁρμόζει χειροτονῆσαι τὸν ἐπίσκοπον χειροτονείτω, πάντων τῶν ἄλλων, ὧν εἰρήκαμεν παραφυλαττομένων.

[2]) Nov. 123 c 3. Τοὺς δὲ μητροπολίτας τοὺς ὑπὸ τῆς ἰδίας συνόδου, ἢ ὑπὸ τῶν μακαριωτάτων πατριαρχῶν χειροτονουμένους καὶ τοὺς ἄλλους ἅπαντας ἐπισκόπους τοὺς ἢ ὑπὸ πατριαρχῶν ἢ ὑπὸ μητροπολιτῶν χειροτονουμένους

Очевидно, на этотъ счетъ господствовало большое разнообразіе обычаевъ, которое, повидимому, предполагалось сохранить и на будущее время, не исключая даже посвященія митрополита собственнымъ соборомъ тамъ, гдѣ это было утвердившимся обычаемъ.

Если мы сравнимъ эти постановленія Nov. 123, относящіяся къ 546 г., т. е. эпохѣ извѣстнаго сотрудника Юстиніана въ церковномъ законодательствѣ патр. Мины (съ ноября 531 г. по авг. 552 г.), съ постановленіями нов. 137-й, изданной 25 марта 565 г., при преемникѣ Мины патр. Евтихіи (552 по 12 апр. 565 г.), то мы ясно увидимъ, какой прогрессъ сдѣлала идея централизаціи церковнаго управленія въ какихъ-нибудь неполныхъ двадцать лѣтъ Nov. 137 гл. 2 повторяетъ постановленія Nov. 123 гл. 1, но съ важными ограниченіями. Во-первыхъ, она умалчиваетъ о правѣ избирателей представить въ случаѣ нужды не трехъ, а двухъ или даже одного кандидата, и тѣмъ предписываетъ, чтобы кандидаты представлялись въ количествѣ не менѣе трехъ. Относительно утвержденія одного изъ этихъ трехъ кандидатовъ новелла 137-я уже ясно опредѣляетъ: „изъ трехъ лицъ такимъ образомъ избранныхъ, лучшій да поставляется по избранію и суду поставляющаго“ [1]).

Смыслъ всѣхъ этихъ измѣненій совершенно понятенъ. При правѣ избирателей представлять даже одного кандидата, поставляющій фактически могъ быть лишенъ возможности производить оцѣнку кандидатовъ, и самое право утвержденія могло быть сведено къ простой формальности. При порядкѣ же, предписанномъ нов. 137, поставляющій дѣлался въ полномъ смыслѣ слова хозяиномъ выборовъ. Онъ долженъ былъ изъ трехъ кандидатовъ утвердить не того, напр., за котораго было подано наибольшее число голосовъ при избраніи, а того, кого самъ считалъ за лучшаго. Въ случаѣ, если бы избиратели не исполнили предписанія закона о выборѣ трехъ кандидатовъ, а представили только двухъ или

---

1) Nov. 137 c. 2. ἵνα ἐκ τῶν οὕτως ψηφιζομένων τριῶν προσώπων ὁ βελτίων χεροτονηθῇ τῇ ἐπιλογῇ καὶ τῷ κρίματι τοῦ χειροτονοῦντος.

одного, поставляющій могъ назначить иного кандидата, если считалъ его болѣе достойнымъ. Уже это одно сводило роль избирателей къ второстепенной, и фактически ставило замѣщеніе каѳедры въ распоряженіе поставляющаго. Но къ этому слѣдуетъ прибавить, что нов. 137-я молчитъ и о томъ шестимѣсячномъ срокѣ, который предоставленъ былъ избирателямъ на производство выборовъ, и, такимъ образомъ, какъ бы отмѣняетъ его. Это давало возможность поставляющему въ томъ случаѣ, если у него былъ наготовѣ подходящій кандидатъ для замѣщенія вакантной каѳедры, назначать его, не дожидаясь производства выборовъ клириками и гражданами, на которое требовалось все-таки нѣкоторое время. Въ концѣ концовъ, на практикѣ право выбора кандидата могло быть осуществлено гражданами и клиромъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Если новелла 123-я старается, можетъ быть, только урегулировать существовавшую ранѣе практику, то нов. 137 представляетъ изъ себя смѣлый и продуманный планъ централизаціи церковнаго управленія. Согласно этой новеллѣ, назначеніе митрополитовъ фактически сосредоточивалось въ рукахъ патріарховъ, а назначеніе прочихъ епископовъ въ рукахъ митрополитовъ. Этимъ же митрополитамъ предоставленъ и судъ надъ епископами. И въ этомъ случаѣ нов. 137 не уничтожаетъ митрополитанскихъ соборовъ открыто; совершенно напротивъ—она сѣтуетъ на то, что соборы не собираются, и предписываетъ, чтобы они непремѣнно собирались, хоть одинъ разъ въ годъ, для рѣшенія церковныхъ дѣлъ согласно канонамъ и законамъ [1]).

Но рядомъ съ юрисдикціею соборовъ и совершенно независимо отъ нея, нов. 137 создаетъ конку-

---

[1]) κελεύομεν πᾶσι τρόποις μίαν σύνοδον γίνεσθαι καθ'ἕκαστον ἔτος ἐν κάστῃ ἐπαρχίᾳ ἢ τῷ Ἰουνίῳ ἢ τῷ Σεπτεμβρίῳ μηνι, και συνιέναι . παρὰ τοῖς ὁσιωτάτοις μητροπολίταις ἑκάστης ἐπαρχίας τοὺς ὑπ'αὐτῶν χειροτονουμένους ἐφ'ᾧ τὰς κινουμένας αἰτίας, ἢ τὰ παρά τινων προσαγγελλόμενα, ἢ προφάσει πίστεως ἢ κανονικῶν ζητήσεων ἢ διοικήσεως ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων ἢ περι ἐπισκόπων, ἢ πρεσβυτέρων, ἢ διακόνων, ἢ ἄλλων κληρικῶν, ἢ περι ἡγουμένων, ἢ μοναχῶν, ἢ περὶ καταγνωσμένου βίου, ἢ και ἄλλων δεομένων ἐπανορθώσεως κινεῖσθαί τε και προσηκοντως ἐξετάζεσθαι καὶ τὴν ἐπ αὐτοῖς διώρθοσιν προιέναι τοῖς θείοις κανόσι και τοῖς ἡμετέροις νόμοις συμβαίνουσαν.

рирующую съ ними юрисдикцію митрополитовъ въ интересахъ быстроты производства. „Но это разслѣдовать не только на имѣющихъ быть ежегодныхъ соборахъ, но и всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ іереевъ, или клириковъ, или игуменовъ, или монаховъ подвергнется *обвиненію относительно вѣры*, или относительно дурной жизни, или въ нарушеніи въ чемъ-нибудь божественныхъ каноновъ. И если обвиняемымъ будетъ епископъ, то обвиненіе (τὰ λεγόμενα) долженъ разслѣдовать митрополитъ; если митрополитъ,—то блаженнѣйшій архіепископъ, подъ которымъ онъ состоитъ; если же пресвитеръ, или діаконъ, или иной клирикъ, или игуменъ, или монахъ,—то святѣйшій епископъ, подъ которымъ они состоятъ, долженъ разслѣдовать доносъ и, по обнаруженіи истины, подвергнуть каждаго каноническимъ наказаніямъ по мѣрѣ вины по суду производящаго разслѣдованіе. Все это имѣетъ силу не только относительно епископовъ, или клириковъ, или игуменовъ, которые имѣютъ быть поставлены въ будущемъ, но и относительно нынѣ существующихъ и обвиняемыхъ кѣмъ-нибудь, какъ подобаетъ, въ какихъ-нибудь преступленіяхъ, воспрещаемыхъ божественными канонами и нашими законами. Ибо разъ они будутъ такимъ образомъ соблюдаемы, то и міряне достигнутъ большаго успѣха и направленія и *въ правой вѣрѣ*, и въ благочестивой жизни“. (Nov. 137 c. 5).

Послѣднія слова и оговорки Юстиніана, по нашему мнѣнію, вполнѣ доказываютъ 1) что единоличный судъ патріарха надъ митрополитомъ и митрополита надъ епископомъ былъ совершенною новостію, такъ что самъ Юстиніанъ считалъ нужнымъ придать своему закону quasi—обратное дѣйствіе или, по крайней мѣрѣ, разъяснить, что онъ имѣетъ приложеніе и по отношенію къ совершоннымъ уже нарушеніямъ законовъ и каноновъ и 2) что поводомъ къ усиленію церковной централизаціи послужила не только задорная жизнь клира (на которую жалуется новелла въ гл. 2-ой), но и какіе-то догматическіе споры. Принимая во вниманіе годъ изданія этой новеллы, легко догадаться, что это были за споры. Послѣдніе годы своей жизни Юстиніанъ перешелъ на сторону монофелитовъ и тѣмъ вызвалъ

сильнѣйшій протестъ въ особенности со стороны православной іерархіи. Нов. 137-я являлась своего рода боевымъ закономъ, разсчитаннымъ на то, чтобы сломить сопротивленіе православной іерархіи. Этою тенденціозностію новеллы объясняется, по нашему мнѣнію, очень многое.

Новелла производитъ впечатлѣніе какой-то неискренности. Первая глава ея представляетъ наборъ изреченій и сентенцій богословскаго характера, очень мало идущихъ къ дѣлу и нѣсколько странныхъ въ качествѣ текста юридическаго памятника. Читая ихъ, чувствуешь, что этими сентенціями стараются что-то замаскировать. То же впечатлѣніе производятъ и слѣдующія главы. Законодатель не рѣшается высказать свою руководящую мысль прямо, а достигаетъ этого путемъ умолчаній и такихъ распоряженій, цѣль которыхъ становится понятной лишь при сравненіи текста нов. 137 съ новеллою 123.

Первоначальною антиправославною тенденціею нов. 137 въ значительной мѣрѣ можетъ быть объяснена и послѣдующая судьба этой новеллы.

Нов. 137 сохранилась до насъ лишь въ греческомъ текстѣ. Это значитъ, что она или была разсчитана только на востокъ, или, можетъ быть, даже была прямо не принята на западѣ. Послѣднее предложеніе имѣетъ за себя нѣкоторыя данныя въ виду того, что и на востокѣ къ ней относились съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

Іоаннъ Схоластикъ, вступившій на Константинопольскій патріаршій престолъ 15 апр. 565 г., т. е. менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ изданія нов. 137, и написавшій свои 87 главъ уже послѣ смерти Юстиніана, помѣстилъ въ нихъ лишь новеллу 123-ю. Принимая во вниманіе то значеніе, какое придаетъ Схоластикъ этой послѣдней новеллѣ, изъ которой онъ заимствовалъ цѣлыхъ 49 главъ своего собранія, и почти полное при этомъ игнорированіе позднѣйшей и дѣйствующей нов. 137-й, слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, что Схоластикъ, издавая свои 87 главъ, имѣлъ въ виду не просто дать коротенькую выборку изъ дѣйствующаго Юстиніанова законодательства о церкви,

но и устранить нов. 137-ю изъ церковнаго обихода. Онъ легко могъ сдѣлать это, просто порекомендовавъ подчиненнымъ митрополитамъ не пользоваться на практикѣ тѣми правами, какія предоставлялись имъ новеллою 137-ю, а довольствоваться лишь тѣмъ, что предоставлялось новеллою 123-ю.

Но, конечно, это не помѣшало нов. 137-й сдѣлаться одною изъ важнѣйшихъ и въ практическомъ отношеніи. Вліяніе замѣтно даже въ 87 главахъ Схоластика. Излагая въ 32-й главѣ содержаніе Nov 123 c. 5, онъ вноситъ важное измѣненіе въ текстъ новеллы, опуская упоминаніе ея о возможности поставленія митрополитовъ собственнымъ соборомъ, и говоря согласно нов. 137, лишь о постановленіи ихъ патріархомъ [1]).

Списки номоканона, содержавшіе 87 главъ Схоластика, пополнялись полнымъ текстомъ нов. 137 и, благодаря этому, послѣдняя является одною изъ тѣхъ немногихъ новеллъ Юстиніана, полный переводъ которыхъ излагается въ древнерусскихъ кормчихъ (въ томъ числѣ и Ярославовой). Текстъ новеллы сохранился и въ Coll XXV capitulorum. Новелла 137-я принята въ номоканонъ XIV титуловъ [2]).

Далѣе, текстъ Nov. 123 подвергался измѣненіямъ подъ вліяніемъ Nov. 137. Находимъ списки, въ которыхъ оба эти текста комбинированы слѣдующимъ образомъ. Главы 1—3 Nov. 123, опредѣляющія порядокъ назначенія епископовъ, выброшены и замѣнены предписаніями главъ 1 и 2 Nov 137; глава 10 pr. Nov 123, говорящая объ обязанности митрополитовъ созывать соборы по два раза въ годъ, замѣнена главами 4 - 6 § 1 Nov. 137 (о порядкѣ утвержденія кандидатовъ въ епископы, соборахъ и митрополитанской юрис-

---

[1]) Coll 87 cap. c. 32 . τοὺς δὲ χειροτονουμένους ἀπὸ μητροπολιτῶν ἢ πατριαρχῶν

[2]) А именно. Tit I c. 8 (= Nov 137 c 3), c. 23 (= Nov 137 c 2) c. 28 (= Nov 137 c. 23) Tit III c. 1 (= Nov 137 c. 6 pr.) Tit VIII c. 8 (Nov 127 c. 4—5) Tit IX c. 1 (= Nov 137 c 3). Мы находимъ ее, въ Epanag. VIII c. 3 и 5., т. е. памятникѣ, созданномъ при участіи патр. Фотія К-го.

дикціи) Наконецъ эпилогъ Nov. 123 замѣненъ концемъ 5-й главы и эпилогомъ Nov. 137. (О чемъ см. въ изд. новеллъ Кролля). Очевидно, что такая переработка текста Nov. 123 была совершена подъ вліяніемъ практической потребности замѣнить устарѣвшія ея части дѣйствующими законоположеніями Nov. 137.

Такимъ же комбинированнымъ текстомъ является и текстъ Василикъ (Bas III 1 c. 8 сл). Текстъ Nov. 123 c. 1 = Bas 1. 8. подвергся слѣдующимъ измѣненіямъ: 1) требуется представленіе непремѣнно трехъ кандидатовъ[1]) на епископскую каѳедру, 2) разъясненъ вопросъ относительно принадлежащаго митрополиту или патріарху права утвержденія кандидата „по выбору и суду посвящающаго“ [2]). Наконецъ въ высшей степени важныя главы 4—6 нов. 137 относительно соборовъ и митрополичьей и патріаршей юрисдикціи цѣликомъ приняты въ Basic, III. cap. 17—19.

Всѣ эти измѣненія сдѣланы согласно Nov 137. Но въ то же время въ Nov. 123 c. 3 = Bas III. 1.10. сохранено упоминаніе о возможности посвященія митрополита собственнымъ соборомъ. Въ отступленіе отъ Nov 137-й Василики приняли во вниманіе существованіе автокефальныхъ митрополитовъ и ихъ пріобрѣтенныхъ правъ. Василики и въ данномъ случаѣ воспроизводили дѣйствительно то законодательство, которое считалось дѣйствующимъ.

Это законодательство перешло въ Россію путемъ переводовъ кормчихъ и другихъ источниковъ права на славянскій языкъ. Ясно, какъ оно должно было бы содѣйствовать національзаціи русской церкви, если бы оно соблюдалось: въ такомъ случаѣ кандидаты въ русскіе епископы представлялись бы русскими князьями и мѣстнымъ духовенствомъ, кандидатъ же въ русскіе митрополиты долженъ былъ бы представляться Кіев-

---

[1]) Τοὺς κληρικοὺς καὶ τοὺς πρώτους τῆς πόλεως ἐπὶ τρισὶ προσώποις ψηφίσματα ποιεῖν

[2]) Δηλαδὴ τῆς ἔμπροσθεν ἡμῖν εἰρημένης παρατηρήσεως καὶ ἐπὶ τούτων τῶν προσώπων ἐν τοῖς γινομένοις περι αὐτῶν ψηφίσμασι φυλαττομένης ἕνα ἐκ τῶν οὕτως ψηφιζομένων τριῶν προσώπων ὁ βελτίων χειροτονηθῇ τῇ ἐπιλογῇ καὶ τῷ κρίματι τοῦ χειροτονοῦντος.

скимъ великимъ княземъ съ его выдающимися дружинниками и кіевскимъ же клиромъ, а за патріархомъ константинопольскимъ оставалось бы лишь право утвержденія представленнаго такимъ образомъ кандидата.

Но въ дѣйствительности въ ту эпоху, когда русскіе приняли христіанство, и разсматриваемый законъ Юстиніана и право Василикъ оставались уже лишь на бумагѣ. Оно уже не удовлетворяло ни требованіямъ византійскаго клира, ни требованіямъ византійскаго правительства. Что касается до клира, то требованія его сводились къ полному устраненію мірянъ отъ выборовъ и сосредоточенію выборовъ митрополита въ патріаршемъ синодѣ, выборовъ же простого епископа — въ митрополичьемъ соборѣ. Такъ мы и находимъ въ чинахъ избранія епископовъ и въ Россіи. Митрополитанскій синодъ избиралъ трехъ кандидатовъ, а изъ нихъ одного выбиралъ митрополитъ. То же должно было происходить и при выборахъ митрополита въ патріаршемъ синодѣ. Но, конечно, этимъ не устранилось вполнѣ участіе мірянъ. Такъ прежде всего одному изъ такихъ мірянъ принадлежало право выбора константинопольскаго патріарха изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ патріаршимъ синодомъ; мы имѣемъ въ виду византійскаго императора. Можно сказать, что чѣмъ болѣе синодъ освобождался отъ вліянія всѣхъ прочихъ факторовъ, тѣмъ болѣе онъ подчинялся вліянію императора.

Императорская власть, благодаря своему положенію, могла вліять и на выборы простыхъ митрополитовъ и вообще всѣхъ іерарховъ, которые избирались синодомъ, и направлять выборы по своему усмотрѣнію; и для нея являлось въ высшей степени желательнымъ поддерживать это стремленіе сосредоточить выборы въ патріаршемъ синодѣ. Это было важно для нея и по чисто политическимъ соображеніямъ.

Въ глазахъ византійцевъ императорская власть, до самаго паденія имперіи, представлялась властію всемірною и исключительною, не допускавшею возможности существованія равныхъ императору и независимыхъ отъ него властей. Суверенитетъ въ современномъ смыслѣ слова долженъ былъ принадлежать только византійскому

императору и никому другому. Несмотря на полное несоотвѣтствіе этихъ колоссальныхъ претензій дѣйствительному положенію вещей, эта теорія являлась, въ глазахъ византійцевъ, непреложною истиною, чуть ли не догматомъ вѣры.

Въ словахъ Писанія „Бога бойтесь,—царя чтите“ они видѣли указаніе на то, что во всей вселенной есть только одинъ царь, коему надо повиноваться по слову Божьему, и этотъ царь есть царь ромеевъ. Апостолъ сказалъ: не—царей чтите, а—царя чтите, разсуждали они. Притязанія германскихъ императоровъ не только на императорскій титулъ, но и на равенство съ императоромъ ромеевъ, приводили византійцевъ въ изумленіе и негодованіе. Современникъ и историографъ Мануила I Комнена Іоаннъ Киннама (см. его Historia V 7. Migne SGr. 133 col. 569—581), возмущается предложеніемъ имп. Фридриха I Барбароссы императору Мануилу I Комнену, чтобы послѣдній именовался императоромъ Новаго Рима, а не римскимъ. Киннама отрицаетъ за Фридрихомъ самое право на титулъ и власть императора. Источникомъ власти западнаго императора, разсуждаетъ Киннама, является будто бы папское помазаніе. Но во—первыхъ, самое такое помазаніе есть актъ чисто духовный, а не юридическій актъ, сообщающій права императорской власти (βασιλείας καταχαρίζεσθαι, βασιλείας μετατιθῆναι). Во-вторыхъ, если папа и имѣетъ какую-нибудь власть (мірскую), то лишь въ силу пожалованія ея Константиномъ Великимъ, первымъ христіанскимъ императоромъ. Равняя съ римскимъ (т. е. византійскимъ) императоромъ какого-то варвара, роняющаго узурпированное имъ императорское достоинство тѣмъ, что онъ служитъ папскимъ конюхомъ, папа тѣмъ самымъ отрицаетъ источникъ своей собственной власти. Съ такою критикою Donatio Constantini Magni слѣдуетъ согласиться. Но нельзя было не согласиться и съ тѣмъ, что фактически существовали совершенно независимые отъ византійскаго императора властители даже на востокѣ, и нужно было подумать о томъ, какъ примирить таксе фактическое (допустимъ это) состояніе съ теоріею все-

мірности императорской власти. Средствомъ этого примиренія и являлось византійское церковное устроїйство.

Въ силу требованій византинизма церковное устройство должно было, по возможности, соотвѣтствовать гражданскому и—наоборотъ. На востокѣ этотъ принципъ былъ проведенъ лишь по отношенію къ низшимъ подраздѣленіямъ церкви, т. е. епископіямъ и митрополіямъ, предѣлы которыхъ должны были совпадать со свѣтскими городскими округами и провинціями. Дальнѣйшая централизація церкви на востокѣ встрѣтила непреодолимыя препятствія въ церковныхъ традиціяхъ и не пошла дальше образованія патріархатовъ. Гражданскою параллелью патріархату могъ служить лишь діэцезъ, т. е. третьестепенное дѣленіе имперіи, округъ, на которые дѣлилась каждая изъ четырехъ префектуръ имперіи. Правда, одинъ изъ патріарховъ, именно патр. Новаго Рима, выдѣлился на востокѣ изъ ряда своихъ коллегъ. Подъ властью его сосредоточилось нѣсколько діэцезовъ, и онъ по положенію своему приближался къ положенію префекта преторіи. Въ его патріархатъ входили всѣ тѣ страны Восточной имперіи, которыя не входили въ составъ прочихъ патріархатовъ (въ томъ числѣ и варварскія страны, куда относилась и Россія). Это создавало константинопольскому патріарху положеніе второго лица послѣ императора и дѣлало патріарха Новаго Рима духовнымъ главою восточной церкви. Но и онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ притязать на такую же всемірную власть, какая подобала императору. Въ теоріи, по крайней мѣрѣ, всѣ патріархи были равны между собою, и это ограничивало власть к-го патріарха лишь опредѣленною, хотя бы и очень обширною территоріею. При такихъ условіяхъ теорія совпаденія церковнаго дѣленія съ гражданскимъ, какъ нельзя лучше, мирилась со старою римскою теоріею, дѣлавшей изъ императора главу jus sacrum, поскольку послѣднее является частію jus publicum. На помощь той же теоріи пришло и Константиново дареніе (Donatio Constantini Magni). Въ Византіи XI и XII в. никто не сомнѣвался въ подлинности этого акта, и к-іе патріархи ссылались на него, требуя себѣ, какъ епископамъ Новаго Рима,

тѣхъ же привилегій, какія предоставлены были Константиномъ епископу древняго Рима. Но мы видѣли, что Киннама указываетъ, и совершенно правильно, что по Константинову дарению права папы не оригинальны, а пріобрѣтены лишь въ силу императорскаго пожалованія. Совершенно понятно, какъ Константиново дареніе должно было вліять на отношенія императора къ патріарху константинопольскому, всѣ права котораго и по канонамъ опирались лишь на положеніе его, какъ епископа новой столицы, Новаго Рима. Единымъ главою всѣхъ христіанъ являлся императоръ, а патріархъ предсгавлялся лишь его ближайшимъ помощникомъ въ сферѣ церковнаго управленія.

Поэтому идеи всемірной супрематіи императора легче всего было провести въ церковной области; органы церкви были проникнуты идеями о всемірной власти императора, и черезъ нихъ эти идеи должны были получить признаніе не только въ церковной, но и въ гражданской области. Признаніе того, что всѣ христіане суть подданные императора, являлось обязательнымъ для всѣхъ православныхъ до самаго паденія Константинополя; отрицавшіе это становились тѣмъ самымъ, по меньшей мѣрѣ, схизматиками.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна переписка между патріархами Маркомъ Александрійскимъ и Ѳеодоромъ Вальсамономъ. Маркъ Александрійскій, съ современной точки зрѣнія заграничный по отношенію къ Византійской имперіи патріархъ, спрашивалъ своего ученаго коллегу-канониста: „не подлежимъ ли мы, александрійцы, осужденію (εἰ κατακρινόμεθα) за то, что въ нашей странѣ нѣтъ (οὐ διεδόθησαν) шестидесяти книгъ Василикъ и по отношенію къ нимъ мы поэтому находимся въ полнѣйшей темнотѣ“. Для Марка обязательность императорскихъ законовъ, даже гражданскихъ, для всѣхъ православныхъ является до такой степени несомнѣнною, что даже фактъ неимѣнія послѣдняго изданія ихъ свода представляется для него грѣхомъ, заслуживающимъ отлученія (κατακρινόμεθα; ни о какомъ иномъ осужденіи, кромѣ церковнаго суда, для александрійцевъ не могло быть и рѣчи). Вальсамонъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія и только ста-

рается успокоить угрызенія совѣсти своего коллеги. „Всѣ гордящіеся христіанствомъ (своимъ), живутъ ли они на Востокѣ, или въ Александріи, или гдѣ бы то ни было, носятъ имя римлянъ и обязаны жить по законамъ (конечно римскимъ). Но они не связаны закономъ, который гласитъ, что для римлянъ неизвинительно (οὐ συσφίγγονται) незнаніе законовъ. Ибо только живущіе въ Римѣ, т. е. въ столицѣ, богатой многочисленными знатоками законовъ, связываются законами, какъ оковами. Ибо для нихъ, кто бы они ни были, было бы неизвинительно ссылаться (διενιστάμενοι) на незнаніе законовъ, такъ какъ они могли бы узнать содержаніе законовъ отъ своихъ сосѣдей (συγκατοίκων). Живущіе же внѣ Рима, т. е. сельчане и другіе, а тѣмъ болѣе александрійцы, не знающіе законовъ, получаютъ снисхожденіе. Хорошо, если они будутъ обращаться съ вопросами (въ Константинополь) и узнавать предписанія законовъ; но если это сопряжено съ трудностями, то они будутъ удостоены снисхожденія“. (Отв. 3. Вальсамона Марку Александрійскому [1]).

Очевидно, что при такихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между императорскою и духовною властями, отдѣльныя части Византійской имперіи могли въ случаѣ нужды обойтись съ одною только церковною организаціею, безъ соотвѣтствующей гражданской. Такая нужда въ разбираемую нами эпоху чувствовалась уже очень сильно, а въ послѣдующія времена еще болѣе усилилась.

Во времена Комненовъ Римская имперія понималась какъ οἰκουμένη вселенная въ смыслѣ „страны, гдѣ живутъ христіане“. Только такое опредѣленіе ея гра-

---

[1]) Нельзя не сознаться, что отвѣтъ Вальсамона дѣлалъ обязательность императорскихъ законовъ на практикѣ довольно проблематичной; но далеко не всѣ были такъ снисходительны къ нарушенію ихъ, какъ Вальсамонъ. Современники замѣчали, что въ отвѣтахъ Марку Александрійскому есть такіе, которые „нарушаютъ (παρεκβάσεις ποιούμεναι) каноническія и законныя предписанія“ и Іоаннъ Китрскій (Димитрій Хоматіанъ[2]) совѣтовалъ читать Вальсамона лишь хорошо знающимъ право и умѣющимъ отличать правильное отъ неправильнаго. (Migne SGr. 119 col. 981).

ницъ и можно было дать, такъ какъ только на христіанъ, гдѣ бы они ни жили, распространяется обязательность римскихъ законовъ; ибо только христіане-римляне. Слова Вальсамона, на которыя намъ приходилось ссылаться, уже сами по себѣ доказываютъ, что космополитическое христіанство было въ эту эпоху единственнымъ цементомъ, связывавшимъ еще разваливающееся зданіе прежде великой Римской имперіи.

Но этого мало. Если мы посмотримъ внимательно, то увидимъ, что въ предѣлахъ прежней Римской имперіи только одна церковь не только сохраняла прежнее болѣе или менѣе нормальное устройство, но и тѣ территоріи, которыя въ прежнія времена были завоеваны не римскимъ оружіемъ, а православными миссіонерами.

Представляя изъ себя въ церковномъ отношеніи одно болѣе или менѣе стройно организованное цѣлое, Восточная Римская имперія въ гражданскомъ отношеніи распадалась на территоріи трехъ разрядовъ. Къ первому разряду относились тѣ территоріи старой Римской имперіи, которыя оставались еще не подъ теоретической только, но и фактической властью римскаго императора; гдѣ поэтому, наряду съ церковными властями, должна была существовать и правильная іерархія властей гражданскихъ. Но послѣдняя далеко уступала первой. Въ то время, какъ среди духовенства замѣчалась строжайшая дисциплина, и епископъ, ослушавшійся воли патріарха, неизбѣжно подвергся бы низложенію, гражданскіе сановники все болѣе и болѣе увлекались примѣромъ своихъ западныхъ коллегъ-феодаловъ и подчасъ не столько служили императору, сколько являлись угрозою для него. Территоріи этого разряда, уже и въ XII в. сравнительно очень немногочисленныя, впослѣдствіи что далѣе, то болѣе переходили во второй разрядъ территорій: разрядъ провинцій Римской имперіи, завоеванныхъ нехристіанами (масульманами) и входившихъ въ составъ различныхъ масульманскихъ государствъ. Съ точки зрѣнія византійской государственной теоріи ни эти государства не были государствами, ни провинціи Римской имперіи не были завоеваны, а лишь временно заняты варварскими

народами. И Византія всѣми силами старалась поддержать эту фикцію, необходимую для сохраненія универсальности императорской власти. Здѣсь то, въ этихъ провинціяхъ, и сказалось во всемъ блескѣ значеніе византійскаго церковнаго строя для имперіи. Совершенно ясно было, что варвары-узурпаторы ни въ какомъ случаѣ не допустятъ на свою территорію никакого свѣтскаго сановника имперіи, который вздумалъ бы править жившими на ней христіанами отъ имени императора. Иначе обстояло дѣло съ духовными ея сановниками. Съ точки зрѣнія масульманъ-завоевателей право тѣсно связано съ религіею; поскольку они терпѣли на своей территоріи христіанъ и въ частности православныхъ, постольку они могли не только терпѣть ихъ епископовъ, но и предоставлять имъ надъ ихъ паствою юрисдикцію, духовную съ точки зрѣнія масульманства, и въ то же время свѣтскую съ точки зрѣнія византійскаго права. Такимъ образомъ византійскій архіерей въ масульманскихъ странахъ не только могъ поддерживать связь христіанъ-ромеевъ съ имперіею, но и съ успѣхомъ замѣнять и недостающаго гражданскаго правителя, совмѣщая въ своихъ рукахъ и духовную и свѣтскую юрисдикцію надъ ромеями. Совершенно понятно, что Византія въ этихъ-то территоріяхъ особенно дорожила именно епископами, или хотя бы одними лишь митрополитами и патріархами; не назначая свѣтскихъ чиновниковъ, она непремѣнно назначала духовныхъ сановниковъ въ лицѣ митрополитовъ и патріарховъ въ страны, подвергшіяся варварской оккупаціи. Хотя бы фактически они и не имѣли возможности занять ихъ каѳедры, предполагалось все-таки, что при малѣйшей возможности они должны сдѣлать это и сдѣлаютъ.

Такое направленіе византійской политики замѣчается задолго до X в. и нашло яркое выраженіе уже въ 692 году. Окончательно признавъ своимъ 36 правиломъ супрематію константинопольскаго патріарха на востокѣ по образцу супрематіи римскаго папы на западѣ (ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ὡς ἐκεῖνον μεγαλύνεσθαι πράγμασι) и предоставивъ прочимъ патріархамъ только числиться

(ἀριθμείσθω) послѣ к-го патріарха, Трулльскій соборъ въ 37-мъ правилѣ продолжаетъ:

„Понéже въ разныя времена были варварскія нашествія, и отъ того множайшіе грады сдѣлались порабощенными беззаконнымъ (τοῖς ἀνόμοις) и по сей причинѣ предстоятелю (т. е. епископу) такового же града невозможно было *по совершеніи надъ нимъ* рукоположенія пріяти свой престолъ, утвердитися на немъ въ состояніи священноначальственномъ, и тако по преданному обычаю рукоположенія и все, что епископу своійственно производити и совершати, того ради мы, соблюдая священству честь и уваженіе и желая, чтобы порабощеніе отъ язычниковъ отнюдь не дѣйствовало ко вреду церковныхъ правъ, постановили, да тако рукоположенные и по вышеизложенной причинѣ на свои престолы не вступившіе, не подлежатъ за сіе предосужденію (τὸ ἀποκριμάτιστον τηρεῖσθαι συνεωράκαμεν); почему и рукоположенія въ разныя степени клира по правиламъ да совершаются, и преимуществомъ предсѣданія сообразно своему предѣлу да пользуются, и всякое происходящее отъ нихъ начальственное дѣйствіе да будетъ признаваемо твердымъ и законнымъ. Ибо нуждою времени и препятствіями въ соблюденіи точности не должны стѣсняемы быти предѣлы управленія“ (οὐ γὰρ ὑπὸ τοῦ τῆς ἀνάγκης καιροῦ τῆς ἀκριβείας περιγραφείσης ὁ τῆς οἰκονομίας ὅρος περιορισθήσεται. Переводъ книги правилъ не вразумителенъ. Правило говоритъ: non enim a tempore necessitatis exacta juris observatione circumscripta suspensationis terminus definietur. Правило хочетъ сказать: ибо такъ какъ нуждою времени ограничена возможность точнаго примѣненія (правилъ), то нельзя опредѣлить предѣлъ (крайній) снисхожденія къ ихъ несоблюденію).

Правило стоитъ на границѣ между прежнимъ правомъ, воспрещавшимъ назначеніе епископа для слишкомъ малочисленной паствы, и той практикой, какую мы находимъ, напр., въ разсужденіяхъ Вальсамона и законахъ Алексѣя Комнена. Правило не рѣшается еще прямо сказать. что на такія каѳедры, (о которыхъ идетъ рѣчь), могутъ быть назначаемы и *впредь*; но въ то же время, какъ въ Трул. 37, такъ и въ другихъ

правилахъ того же собора легко найти указанія на то, что практика посвященія титулярныхъ епископовъ къ этому времени была уже утвердившеюся Такъ пр. 35 говоритъ о такихъ епископахъ, въ церкви которыхъ вовсе не оказывалось клириковъ, (а слѣдовательно едва ли была и паства) и предполагаетъ, что по смерти такихъ епископовъ на ихъ мѣста будутъ посвящены новые [1]).

Изъ того же обстоятельства, что Іоаннъ Кипрскій могъ переселиться въ Геллеспонтскую область „купно со всѣмъ своимъ народомъ по причинѣ варварскихъ нашествій и дабы освободиться отъ языческаго рабства и вѣрно покорствовати скипетру христіаннѣйшія державы“ (Трул. 37), мы вправѣ заключить, что эта паства была очень невелика, и что за переселеніемъ Іоанна въ его епархіи христіанъ больше не осталось.

Такимъ образомъ епископы назначались и на такія каѳедры, гдѣ или совсѣмъ не было христіанъ, или ихъ было крайне мало, и это вызывало справедливыя сомнѣнія въ канонической допустимости такой практики; ибо относительно епископовъ, занимавшихъ каѳедры и изгнанныхъ съ нихъ, никакихъ вопросовъ и возникать не могло. Трулльскій соборъ не только въ пр. 35, но и въ пр. 37-мъ молчаливо становится на сторону практики, которая, по словамъ самого же правила, вызвана была событіями, совершившимися „въ разныя времена“ и, слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ являлась уже давней.

Трул. 37-е не запрещаетъ и впредь совершать подобныя поставленія, а конецъ его, гласящій о томъ, что трудно говорить объ отступленіи отъ правилъ, когда невозможно ихъ соблюденіе, прямо заставляетъ думать, что такое незапрещеніе являлось молчаливымъ разрѣшеніемъ. Наконецъ руководящій мотивъ изданія

---

[1]) Трул. 35. объ имуществѣ умершаго епископа предписываетъ: „и да состоитъ оно подъ охраненіемъ клира той церкви, коея предстоятелемъ былъ преставившійся даже до произведенія иного епископа,— развѣ *когда не остается клириковъ въ оной церкви.* Тогда митрополитъ да соблюдаетъ оное въ цѣлости и все да предаетъ епископу, который поставленъ будетъ“.

правила, „чтобы порабощеніе отъ язычниковъ отнюдь не дѣйствовало ко вреду церковныхъ правъ“ (μηδαμῶς πρὸς λύμην τῶν ἐκκλησιαστικῶν δικαίων τὴν ἐθνικὴν ἐπήρειαν ἐνεργεῖσθαι), говоритъ въ пользу такого же предположенія.

Такимъ образомъ, практика поставленія епископовъ въ мѣстности, занятыя варварами и безусловно недоступныя для посвящаемыхъ, возникла еще ранѣе Трулльскаго собора, и послѣдній только призналъ сомнительную прежде законность такой практики.

Можно съ полною увѣренностію сказать, что всѣ эти правила, плохо мирившіяся съ старыми канонами церкви, изданы подъ вліяніемъ свѣтской власти и исключительно въ видахъ византійской государственной политики. Трулльскій соборъ и его правила являются своего рода византійскимъ Стоглавомъ.

Императору принадлежала не только инициатива созванія собора, но въ значительной степени и программа его дѣятельности. Правило 3-е, о бракѣ духовныхъ лицъ, начинается такъ: „Поелику благочестивый и христолюбивый царь нашъ предложилъ сему святому и вселенскому собору, чтобы счисляющихся въ клирѣ и другимъ божественная преподающихъ, представити чистыми и непорочными служителями и достойными мысленныя жертвы великаго Бога... и очистити отъ скверны, прильнувшія къ нимъ отъ незаконныхъ браковъ“. (Невольно припоминается при этомъ текстъ предисловія къ 6-й новеллѣ Юстиніана Великаго). Далѣе въ ясной связи съ правиломъ 3-мъ находятся правила 4, 5, 6, 12, 13, 14 и 15, которыя излагаютъ въ совершенно правильной логической послѣдовательности вопросъ о бракѣ клириковъ. Въ этомъ отдѣлѣ можно видѣть содержаніе того императорскаго предложенія, о которомъ говоритъ правило 3-е. Правила 7—11 имѣютъ характеръ безсистемныхъ вставокъ въ первоначальный логически послѣдовательный текстъ. Ту же самую картину представляетъ изъ себя и дальнѣйшій текстъ Трулльскаго собора. Можно выдѣлить цѣлые отдѣлы совершенно логическаго и послѣдовательнаго законодательства, прерываемые вставками болѣе или менѣе случайнаго характера. Таковы отдѣлы о бродячемъ духовенствѣ (прав. 17, 18, 20, 21), симоніи (прав. 22, 23),

предѣлахъ епархіи (25), отдѣлъ, къ которому относится и разбираемое нами правило, состоящій изъ правилъ 31, 35, 36, 37, 38, 39, (этотъ отдѣлъ можно назвать отдѣломъ объ устройствѣ церковнаго управленія) и наконецъ—о монашествѣ (40—49). Всматриваясь въ порядокъ указанныхъ правилъ, можно даже найти въ немъ постепенный переходъ отъ низшаго къ высшему. Начавъ, такъ сказать, съ домашней дисциплины клира—брачнаго права клириковъ—соборъ переходитъ затѣмъ къ отношеніямъ клирика къ епископу, (куда относятся вопросы—о недопустимости перехода въ другую епархію, представляющій содержаніе отдѣла о бродячемъ духовенствѣ, и—о симоніи), при чемъ одно правило говоритъ и объ обязанностяхъ епископа, находящагося въ предѣлахъ чужой епархіи. Затѣмъ идутъ важныя для насъ правила объ отношеніяхъ епископа къ митрополиту (пр. 35), объ отношеніяхъ къ патріарху к-му и между патріархами (ст. 36) и, наконецъ—изъятія изъ этого традиціоннаго строя въ видѣ допущенія титулярныхъ епископовъ (пр. 37) и ихъ правахъ (пр. 38), и статья о Юстиніанѣ (пр. 39), представляющая въ сущности одинъ изъ частныхъ случаевъ примѣненія предшествующихъ 37 и 38 правилъ. Если мы признаемъ такую постепенность, то отъ текста получится впечатлѣніе, точно эти правила докладывались собору въ заранѣе опредѣленномъ порядкѣ, прочія же правила составлялись въ промежутки между этими докладами. Указанныя правила явятся послѣдовательными звеньями цѣпи, началомъ которой служитъ правило 3-е, и должны быть признаны тоже за остатокъ первоначальнаго императорскаго предложенія, о которомъ мы говорили раньше. Тѣмъ болѣе, что и вопросы, затронутые этими правилами, тѣ же, о которыхъ говорило и законодательство Юстиніана Великаго.

Но если даже и не видѣть въ указанной послѣдовательности правилъ чего-нибудь преднамѣренно планомѣрнаго, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что правила 35-е—39-е оказались рядомъ не случайно, а составляютъ подраздѣленія одного компактнаго цѣлаго. Присутствіе въ немъ правила 39-го заставляетъ думать, что и всѣ другія правила этой массы обязаны

своимъ происхожденіемъ тому же источнику, какъ и правила о бракѣ клириковъ. Юстиніанъ Ринотметъ сдѣлалъ основанный имъ городъ Юстиніанополь гражданскою митрополіею Геллеспонта. Онъ желалъ кромѣ того сдѣлать этотъ новый городъ одною изъ старѣйшихъ церковныхъ митрополій на томъ основаніи, что Юстиніанополь населенъ былъ переселенцами съ Кипра, эмигрировавшими сюда вмѣстѣ съ митрополитомъ. Собору предстояло не только сохранить за послѣднимъ привилегіи Кипрскаго архіепископа, но и перенести ихъ на новую его каѳедру. Но для рѣшенія этого вопроса предварительно необходимо было разрѣшить два другихъ. Во-первыхъ, возможно ли назначеніе епископовъ на каѳедры, занятыя варварами, гдѣ, напримѣръ, не было христіанъ (какъ это было съ митрополіею Кипра Константиною), во-вторыхъ, пріобрѣтаетъ ли вновь учрежденная гражданская митрополія права и церковной митрополіи.

Изъ существовавшихъ правилъ ясно вытекали отрицательные отвѣты на тотъ и на другой вопросы.

Сардикійское 6-е воспрещаетъ поставлять епископа въ какое-либо село или малый городъ, для котораго „довлѣетъ и единый пресвитеръ, да не уничижится имя епископа и власть“. Если далѣе правило и предписываетъ поставлять епископовъ „въ тѣ грады, въ которыхъ и прежде были епископы“, то соборъ отнюдь не имѣетъ при этомъ въ виду разоренныхъ городовъ, безъ паствы, а только примѣрно опредѣляетъ, какіе города онъ считаетъ достаточно большими, какъ это видно изъ продолженія правила: „Аще же обрящется нѣкій градъ, многимъ числомъ людей толико возросшій (что, подразумѣвается, сталъ не менѣе городовъ, уже имѣющихъ епископовъ), что признанъ будетъ достойнымъ имѣти епископа, да пріиметъ“.

Второй же вопросъ совершенно ясно разрѣшался Халкидонскимъ 12-мъ, по которому, въ случаѣ дѣленія одной гражданской провинціи на двѣ, церковная власть все-таки остается за прежнимъ митрополитомъ. „Градъ же, который по царскимъ грамотамъ почтенъ именованіемъ митрополіи, единою честью да довольствуется, такъ какъ и епископъ, управляющій его церковью, съ

сохраненіемъ собственныхъ правъ истинной митрополіи".

Но это не остановило императора, а лишь заставило его вести дѣло на соборѣ съ особою политичностію и осторожностію.

Сначала былъ поставленъ вопросъ объ отношеніи митрополитовъ къ подчиненнымъ имъ епископамъ, а главное, къ имуществу этихъ епископовъ, и въ 35-мъ правилѣ рѣшено было, совершенно правильно съ точки зрѣнія каноновъ, что имущество подчиненныхъ митрополиту епископовъ принадлежитъ ихъ каѳедрамъ, а не митрополіи, и должно быть сохраняемо митрополитомъ для ихъ церквей и передаваемо ихъ преемникамъ. Но такъ какъ, мы видѣли, это правило распространялось и на титулярныхъ епископовъ, то имъ косвенно рѣшался и вопросъ о признаніи титулярныхъ епископовъ.

Затѣмъ поставленъ былъ вопросъ объ источникѣ правъ Константинопольскаго патріарха и въ 36-мъ правилѣ, на основаніи правилъ соборовъ Константинопольскаго и Халкидонскаго, рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что такимъ источникомъ является значеніе Константинополя, какъ столицы.

Только послѣ этого возбужденъ сначала общій вопросъ о признаніи титулярныхъ епископовъ, рѣшенный въ 37-мъ правилѣ, хотя и въ уклончивыхъ и неясныхъ словахъ, но въ положительномъ смыслѣ, а затѣмъ, при участіи этихъ титулярныхъ епископовъ, правило о соотвѣтствіи церковнаго строя гражданскому было изложено въ томъ смыслѣ, какой мы находимъ въ правилѣ 38-мъ. „*Отцами нашими положенное* сохраняемъ и мы правило, гласящее тако: аще царскою властію вновь устроенъ или впредь устроенъ будетъ градъ, то гражданскимъ и земскимъ распредѣленіямъ да слѣдуетъ и распредѣленіе *церковныхъ дѣлъ*". Эта глухая ссылка на отцевъ безъ указанія, какому собору это правило принадлежитъ, (въ противоположность, напр., правилу 35-му, гдѣ прямо указаны въ качествѣ источника соборы Константинопольскій и Халкидонскій), объясняется тѣмъ, что хотя и въ данномъ случаѣ соборъ имѣетъ въ виду Халкидонское 17-е правило, но

совершенно измѣняетъ смыслъ его. Послѣднее говорило только о распредѣленіи приходовъ между сосѣдними епископіями одной и той же провинціи. „Аще царскою властію вновь устроенъ или впредь устроенъ будетъ градъ, то распредѣленіе церковныхъ *приходовъ* да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку“. Трул. 38-е придало этому правилу такое значеніе, какого оно не могло и не должно было имѣть; въ сущности Трул. 38-е является замаскированною отмѣною Халкидонскаго 12-го. Согласно послѣднему, епископъ Юстиніанополя не могъ даже признанъ быть равнымъ митрополиту Кизика, не говоря уже о томъ, чтобы подчинить его; теперь получилось иначе. Правило 38-е служило подготовкою правилу 39-му, въ которомъ мы находимъ какъ разъ это подчиненіе.

„Мы постановляемъ, да будутъ сохранены невзмѣнными преимущества, данныя престолу выше именованнаго мужа“ (т. е. Іоанна арх. Кипрскаго, переселившагося въ Юстиніанополь) „отъ богоносныхъ отецъ во Ефесѣ нѣкогда собравшихся, да имѣетъ Новый Юстиніанополь права Константинополя“ (разумѣются права Константины, митрополіи Кипра) „и учреждаемый въ немъ боголюбезнѣйшій епископъ да начальствуетъ надъ всѣми епископами Геллеспонтскія области и да будетъ поставляемъ отъ своихъ епископовъ по древнему обычаю... и епископъ града Кизическаго подчиняется предстоятелю реченнаго Юстиніанополя по примѣру всѣхъ прочихъ епископовъ, подвластныхъ вышереченному боголюбезнѣйшему предстоятелю Іоанну, отъ котораго, когда потребно будетъ, и самого Кизика града епископъ да поставляется.“

Обратимъ вниманіе на одно: на Трулльскомъ соборѣ присутствовало чрезвычайно много епископовъ, какъ ни на одномъ изъ прежнихъ соборовъ. Это только и возможно объяснить тѣмъ, что на соборъ во множествѣ были допущены титулярные епископы и митрополиты, и тогда будутъ понятны и результаты собора. Соборъ старается сохранить такой видъ, точно онъ подтверждаетъ правила прежнихъ соборовъ; въ дѣйствительности же ихъ отмѣняетъ. Такимъ образомъ можно думать, что дѣйствительные епископы были

противъ этихъ постановленій, которыя были проведены, какъ мы уже сказали, главнымъ образомъ императоромъ и исключительно въ политическихъ видахъ. Результаты этой политики для церкви видны уже въ опредѣленіяхъ Седьмого собора. Оказалось, что они содѣйствовали порабощенію церкви въ иконоборческую эпоху, и что епископовъ стали назначать свѣтскіе начальники. Это совершенно понятно по отношенію къ тѣмъ каѳедрамъ безъ паствы, которыя, во что бы то ни было, предписало сохранять Трулльское правило: тамъ избирательная комиссія, установленная Юстиніановымъ законодательствомъ, и дѣйствительно сводилась къ свѣтскому начальству. Ихъ же примѣръ долженъ былъ вліять и на прочихъ начальниковъ и другихъ мѣстъ.

VII-й соборъ дѣлаетъ попытку радикально измѣнить это положеніе.

Соборъ совершенно устраняетъ свѣтское начальство отъ участія въ выборѣ епископовъ и — со ссылкою на Ап. 30-е и Никейское 4-е — передаетъ это дѣло въ руки исключительно епископовъ. „Всякое избраніе во епископа, пресвитера или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ недѣйствительно по правилу (Ап. 30), которое глаголетъ: „Аще который епископъ, мірскихъ начальниковъ употребивъ, черезъ нихъ получитъ епископскую въ церкви власть, да будетъ извергенъ и отлученъ, и всѣ сообщающіеся съ нимъ. Ибо имѣющій пропзвестись во епископа долженъ избираемъ быти отъ епископовъ, яко же святыхъ отецъ въ Никеи опредѣлено въ правилѣ, которое глаголетъ: епископа поставляти наиболѣе прилично всѣмъ тоя области епископамъ: аще же сіе неудобно, или по належащей нуждѣ, или по дальности пути, то по крайней мѣрѣ три вкупѣ да соберутся, а отсутствующіе да пріимутъ участіе въ избраніи и изъявятъ согласіе посредствомъ грамать, и тогда творити поставленіе. Утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой области подобаетъ митрополиту.“

Но правило не устраняло и не могло устранить самой византійской системы церковнаго управленія и потому мало измѣнило положеніе вещей.

Правило собора нашло себѣ полное примѣненіе въ чинѣ поставленія епископовъ, согласно которому всѣ міряне были совершенно устранены отъ всякаго участія въ дѣлѣ избранія епископовъ. Но соборъ не могъ отмѣнить противоположныя предписанія Юстиніанова законодательства, которыя и остались дѣйствующимъ правомъ, признававшимся не только государствомъ, но и церковью въ лицѣ составителей и толкователей номоканона. Нужно было какъ-нибудь привести къ компромиссу эти два непримиримыя по существу закона. Такой компромиссъ найденъ былъ въ томъ предположеніи, будто бы гражданамъ принадлежитъ только право засвидѣтельствованія достоинствъ кандидата въ епископы, тогда какъ право избранія принадлежитъ исключительно собору. Такое представленіе находилось въ совершенномъ противорѣчіи съ духомъ Юстиніанова законодательства и даже буквою его, но было хорошо тѣмъ, что развязывало руки центральному правительству, для котораго это свидѣтельство обращалось въ актъ, ни къ чему не обязывающій.

Да и въ прочихъ отношеніяхъ оно посодѣйствовало централизаціи въ духѣ Трулльскихъ правилъ. Легко рѣшался и вопросъ, какъ быть съ тѣми епископами занятыхъ врагами мѣстностей, которыхъ, согласно Трулльскимъ правиламъ, все-таки обязанъ былъ поставлять мѣстный митрополитъ. Такъ какъ этотъ самый митрополитъ могъ и не имѣть, да и очень часто не имѣлъ подъ собою, никакихъ епископовъ, то оставалось одно: поручить это дѣло патріаршему синоду. Но послѣднее можно было сдѣлать лишь однимъ путемъ: возведя этихъ епископовъ въ достоинство митрополитовъ. Такъ какъ, согласно Трулльскому 38-му, такіе митрополиты приравнивались или, по крайней мѣрѣ, могли быть приравнены обыкновеннымъ митрополитамъ, то и поставленіе ихъ должно было быть предоставлено патріарху.

И мы, дѣйствительно, видимъ массовое возведеніе въ митрополіи преимущественно восточныхъ епископій, т. е. тѣхъ, которыя имѣлъ въ виду и Трулльскій соборъ. Тамъ такое возведеніе не было даже нарушеніемъ правъ митрополитовъ, которые и сами были

такими же титулярными епископами безъ епископіи и безъ паствы.

Правило Трулльскаго собора никогда не было такъ необходимо, какъ въ XII вѣкѣ, когда къ масульманамъ прибавились еще крестоносцы, относившіеся къ православной іерархіи на востокѣ подчасъ даже хуже масульманъ. Самъ знаменитый толкователь канонов Ѳеодоръ Вальсамонъ именно изъ-за крестоносцевъ не могъ занять своей патріаршей Антіохійской каѳедры. Изъ его толкованій на 37-е Трулльское, въ которомъ онъ защищаетъ законность поставленія титулярныхъ епископовъ, мы узнаемъ, какъ велико было ихъ число въ тогдашней Византійской имперіи. Кромѣ патріарховъ Іерусалимскаго и Антіохійскаго, въ числѣ ихъ были митрополиты Иконійскій, восточные и другіе. Каѳедры эти были въ такомъ жалкомъ положеніи, что самый институтъ титулярныхъ епископовъ прекратилъ бы свое существованіе, если бы на помощь ему не пришло свѣтское правительство. На почетныя мѣста восточныхъ епископовъ не находилось кандидатовъ, такъ какъ клирики Константинопольской церкви не желали ради этой чести жертвовать доходами отъ занимаемыхъ ими должностей, которыхъ они, согласно правиламъ, лишались, становясь епископами.

Поэтому Алексѣй Комненъ принужденъ былъ, въ видахъ спасенія института титулярныхъ епископовъ и въ силу принадлежащей императору дискреціонной власти, сдѣлать изъятіе изъ этого общаго правила, предписавъ, чтобы впредь за вновь назначаемыми титулярными епископами оставлялись ихъ прежніе должности и доходы, за исключеніемъ лишь архонтикіи и священническихъ и діаконскихъ мѣстъ Великой церкви. Онъ дѣйствовалъ такъ, очевидно, по соображеніямъ имперской политики.

Но этимъ дѣло, конечно, не могло ограничиться. Если такіе ничтожные епископы, безъ паствы и безъ каѳедръ, возводились въ митрополиты, то какое, съ логической стороны, основаніе было оставлять въ подчиненіи митрополитамъ дѣйствительныхъ епископовъ, съ паствою? Очевидно, было одно изъ двухъ: слѣдовало

или проводить трулльское право во всей его послѣдовательности или отказаться отъ него. Но ясно, что объ отказѣ отъ такого продуманнаго въ интересахъ централизаціи права не могло быть и рѣчи. И вотъ мы наблюдаемъ дальнѣйшее разрушеніе митрополитанскаго строя и въ самой Греціи, еще не занятой варварами. Послѣднее слово и въ данной области принадлежитъ тому же Алексѣю Комнену, и это послѣднее слово являлось послѣдовательнымъ проведеніемъ и трулльскаго права и государственной централизаціи.

До Алексѣя въ данномъ случаѣ дѣйствовали, можно сказать, тайкомъ. Чтобы предупредить возможные протесты митрополитовъ, которые были заинтересованы въ поддержаніи стараго порядка поставленія, данный епископъ обыкновенно возводился въ достоинство митрополита, яко бы лишь лично, на время своей жизни, потомъ же митрополія должна была снова обратиться въ простую епископію. Но патріархи при Алексѣѣ Комненѣ не справлялись съ содержаніемъ такихъ пожалованій и прямо поставляли новыхъ митрополитовъ на такія бывшія епископскія каѳедры. Это было имъ тѣмъ легче, что во-первыхъ такое возведеніе въ митрополиты отдѣльныхъ лицъ, а не каѳедръ, было совершенно неизвѣстно древнему праву и совершенно ему противорѣчило, во-вторыхъ же этотъ новый порядокъ былъ въ интересахъ всѣхъ клириковъ Константинопольской церкви, извлекавшихъ для себя изъ него выгоды и доходы и, наконецъ, по политическимъ причинамъ поддерживался и императоромъ, даже вопреки патріарху.

Несомнѣнно въ этихъ интересахъ Алексѣй Комненъ издалъ буллу въ пользу Великой церкви, въ которой, между прочимъ, значилось, что епископіи, возведенныя уже въ достоинство митрополіи и архіепископіи, остаются въ этомъ достоинствѣ и на будущее время, если только это достоинство не было пожаловано временно въ пользу отдѣльныхъ лицъ (Zachariæ J. Gr. R. III 367). Другими словами, временное пожалованіе не предполагалось и должно было быть доказано заинтересованными лицами, т. е. соотвѣтствующимъ митрополитомъ. Но доказать это на практикѣ оказывалось

труднымъ, такъ какъ императоръ явно дѣйствовалъ противъ нихъ, не стѣсняясь средствами.

Этимъ и объясняется чрезвычайно интересное дѣло относительно Василійской и Мадитійской митрополіи, разгорѣвшееся при патр. Николаѣ Грамматикѣ. Уже патріархъ Евстратій (1081—1084) рукоположилъ митрополита Василейскаго, предшественникъ котораго былъ подчиненнымъ митрополиту Анкирскому, какъ простой епископъ, и лишь лично возведенъ былъ на время жизни въ митрополиты. Митрополитъ Анкирскій жаловался императору на нарушеніе своихъ правъ, но тотъ рѣшилъ дѣло не въ его пользу. Новый патріархъ, Николаій Грамматикъ, готовъ былъ пойти въ этомъ вопросѣ на уступки, когда въ 1087 году былъ поданъ одновременно протестъ двумя митрополитами — тѣмъ же Анкирскимъ, по поводу Василейской каѳедры, и Ираклійскимъ, по поводу Мадитской каѳедры. Оба они указывали на то, что это простыя епископіи, и что только ихъ архіереи пожалованы были въ митрополиты лишь на время ихъ жизни, и потому, на основаніи Халк. 12-го правила, право поставленія этихъ титулярныхъ митрополитовъ принадлежитъ не патріарху, а имъ, митрополитамъ.

Императоръ увидѣлъ въ этомъ протестѣ покушеніе на самый принципъ централизаціи и повелъ дѣло соотвѣтствующимъ образомъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1087 года онъ лично явился въ патріаршій синодъ, который, конечно, какъ составленный изъ митрополитовъ, и долженъ былъ являться центромъ оппозиціи, и прочелъ пространную записку о томъ, какъ слѣдуетъ понимать 12-е Халкидонское правило. Достоинства этого толкованія весьма сомнительны. Вальсамонъ не сохранилъ его, ограничившись замѣчаніемъ, что онъ не приводитъ ни императорской грамоты, ни толкованія, въ виду ея длинноты и многословія, и прибавилъ только, что императоръ рѣшилъ всѣ вопросы такъ, какъ ему было угодно. Между прочимъ и поставленіе этихъ новыхъ митрополитовъ оставлено за патріархомъ Константинопольскимъ. Единственная уступка, которая сдѣлана была императоромъ, заключалась въ томъ, что патріарху предоставлено

было не иначе регистрировать императорскіе шиттакіи на этотъ счетъ, какъ по личному докладу о томъ императору, убѣдившись, что эта привилегія дается согласно принадлежащему царю праву и на достаточномъ основаніи.

Такая уступка очень походила на насмѣшку надъ митрополитами: ею синодъ былъ устраненъ отъ надзора за возведеніемъ епископіи въ митрополіи. Право же патріарха опротестовывать распоряженія императора тоже не давало никакихъ гарантій, такъ какъ патріархъ былъ лично заинтересованъ въ томъ, чтобы митрополитовъ было какъ можно болѣе.

Но неутомимый митрополитъ Анкирскій не унимался. Опять-таки по поводу Васплейской митрополіи онъ снова обратился къ императору съ новымъ прошеніемъ о пересмотрѣ дѣла.

Въ отвѣтъ на это, въ мѣсяцѣ августѣ 7 индикта (т. е. 1089 года), послѣдовалъ указъ патріарху разсмотрѣть дѣло, не стѣсняясь прежнимъ указомъ, въ соединенномъ засѣданіи синода и нѣкоторыхъ старѣйшихъ сенаторовъ, о назначеніи которыхъ, по словамъ императора, просилъ патріархъ, постановить рѣшеніе, соотвѣтствующее закону и канонамъ, и написать и моему царству, „которое и постановитъ, что слѣдуетъ“.

Но это засѣданіе синода такъ и не могло состояться. Узнавъ о предстоящемъ пересмотрѣ вопроса о титулярныхъ митрополитахъ и зная, что патріархъ Николаій готовъ пожертвовать этою, по его мнѣнію, несправедливою привилегіею въ пользу дѣйствительныхъ митрополитовъ, клирики Великой церкви прямо взбунтовались. Они врывались въ засѣданіе синода, гдѣ долженъ былъ рѣшаться этотъ вопросъ, и поднимали такой шумъ, что совершенно невозможно было заниматься. Клирики стояли на томъ, что разъ данныя Великой церкви привилегіи не подлежатъ никакому пересмотру. Было ясно, что клирики могли дѣйствовать такъ, лишь зная, что императоръ на ихъ сторонѣ. Патріархъ трижды пытался собрать синодъ по этому поводу, пытался и войти въ соглашеніе съ клириками — и все безуспѣшно. Въ результатѣ онъ представилъ импе-

ратору отъ имени членовъ синода докладную записку, съ критикою указа 1087 года.

Нельзя назвать эту критику удачною. Патріархъ заявляетъ въ своей запискѣ, что хотя указъ составленъ искусно и краснорѣчиво и многимъ кажется убѣдительнымъ, но все-таки невозможно уничтожить законы и каноны и поколебать истину, ибо многіе каноны и законы воспрещаютъ возведеніе епископій въ митрополіи. Но въ дѣйствительности оказывалось, что патріархъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, не могъ найти нормъ позднѣе Халкидонскаго собора. Онъ ссылается на 8-е правило Ефесскаго собора, 12-е Халкидонскаго, а изъ законовъ на совершенно неподходящую новеллу Маркіана, говорящую вовсе не объ митрополіяхъ, а объ епископіяхъ. Патріархъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о Трулльскомъ 38-мъ правилѣ и этимъ молчаливо признаетъ, что правило говоритъ противъ него. При такомъ жалкомъ обоснованіи заявленіе патріарха, что есть много и другихъ каноновъ апостольскихъ и соборныхъ, которые говорятъ о томъ же, но приводить ихъ излишне, прямо должно было вызвать недоумѣніе и изумленіе. Въ дѣйствительности съ этой стороны дѣло обстояло плохо.

Въ дальнѣйшемъ самъ патріархъ принужденъ былъ сознаться, что Патры были возведены въ митрополію императоромъ Никифоромъ, что самъ синодъ патріаршій допускалъ возведеніе епископіи въ митрополитанское достоинство по соображеніямъ общественной пользы, съ согласія прежняго митрополита, который при этомъ получалъ вознагражденіе (?) отъ императора.

Начавъ съ совершеннаго отрицанія значенія давности въ вопросѣ о распредѣленіи митрополіи, патріархъ, въ дѣйствительности, затѣмъ кладетъ этотъ институтъ въ основу своего окончательнаго предложенія: оставить за Константинопольскою церковью лишь тѣ митрополіи, которыми она владѣла не менѣе тридцати лѣтъ, прочія же возвратить ихъ настоящимъ митрополитамъ. Въ подтвержденіе патріархъ приводитъ нѣсколько странныя основанія: во-первыхъ Халкидонское 17-е, говорящее о приходахъ, а не объ епископіяхъ, во—вторыхъ, прецедентъ съ Резійской епископіею, которая

была возведена въ достоинство митрополіи патріархомъ Германомъ, но черезъ *двѣсти* лѣтъ возвращена по прежнему Неокесаріійскому митрополиту, при Романѣ Старшемъ, по рѣшенію смѣшаннаго суда изъ митрополитовъ и ученыхъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха Θеофилакта I. (Грамоту патріарха Николая см. у Миня. Греч. серія т. 119 ст. 863—884 Συντ. V 62 сл).

Совершенно понятно, что проектъ патріарха не получилъ осуществленія. Противъ него была не только его малообоснованность, но и политическія соображенія; указъ же 1087 года остался дѣйствующимъ закономъ и на будущее время [1]).

Комнены такъ усердно повышали простыхъ епископовъ въ митрополиты, что во второй половинѣ XII вѣка повидимому совершенно не оставалось простыхъ епископовъ. По крайней мѣрѣ на соборѣ 1187 года участвовали въ качествѣ членовъ такіе незначительные митрополиты, какъ Левкадъ Гареллы и даже Назіанзъ (Цахаріе III. 514).

Къ еще болѣе важнымъ результатамъ приводила теорія всеобщаго подданства христіанъ императору въ странахъ, которыя, съ точки зрѣнія этой теоріи, слѣдуетъ назвать имперскими провинціями третьяго разряда. Это были страны съ варварскимъ некультурнымъ населеніемъ, принявшимъ православіе по убѣжденіямъ греческихъ миссіонеровъ и дипломатовъ, но сохранившимъ особенности своего быта, въ томъ числѣ и ихъ національное, государственное устройство. Послѣднее въ высшей степени осложняло примѣненіе къ нимъ общей византійской теоріи. Принятіе христіанства та-

---

[1]) Въ качествѣ такового онъ приводится Вальсамономъ въ толк на Трул. 38, хотя, какъ мы видѣли, и съ нескрываемымъ неодобреніемъ. Находимъ его и у Властаря Е. 21 (Συντ VI 126) и въ Сокращеніи каноновъ Арменопулу, хотя и послѣдній приводитъ не только самый указъ, но и протестъ противъ него патріарха Armenar. Epitome lib I Алексѣя Комнена Περὶ τοῦ, ἐφειμένον εἶναι τῷ βασιλεῖ ἀνάγειν τὰς ἐπισκοπὰς εἰς μιτροπόλεις. Armen. epit can. lib. IV. Συνοδικὸν γράμμα τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου κυρίου Νικολάου πρὸς τὸν εὐσεβέστατον ρασιλέα κύριον Ἀλέξιον τὸν Κομνηνόν, παριστῶν ἐκ τῶν ἁγίων κανόνων καὶ νόμων, ὅτι οὐκ ἔξεστιν ἀφαιρεῖσθαι τὰς ἐπισκοπὰς ἀπὸ τῶν μητροπόλεων.

кими народами и народцами, съ точки зрѣнія Византіи, заключало уже въ себѣ и принятіе римскаго подданства и являлось такимъ образомъ способомъ инкорпораціи въ составъ имперіи. Но въ дѣйствительности эта инкорпорація выражалась лишь во введеніи въ такихъ странахъ имперскаго церковнаго устройства. На мѣстнаго митрополита изъ Византіи, являвшагося фактически единственнымъ византійскимъ чиновникомъ, на которомъ держалась связь этихъ провинцій съ имперіею, возлагались такія задачи, которыхъ не могло быть въ странахъ старыхъ, занятыхъ врагами—иновѣрцами.

Понятно, что въ масульманскихъ странахъ церковь не могла преслѣдовать никакихъ миссіонерскихъ цѣлей. Ея задача была поддержать христіанство среди ромеевъ, составлявшихъ коренное культурное населеніе страны, среди пришлецовъ—масульманъ. Въ новыхъ же странахъ положеніе дѣлъ являлось какъ разъ обратнымъ. Тутъ въ теоріи всѣ были ромеи-римляне; но въ дѣйствительности это были варвары, жившіе нѣкоими по своему варварскому праву, которыхъ еще слѣдовало ознакомить и съ римскимъ правомъ, и съ римскою культурою. Это и было одною изъ главнѣйшихъ обязанностей духовенства, особенно митрополита.

Хотя и въ этихъ варварскихъ странахъ населеніе подлежало дѣйствію римскихъ законовъ, поскольку подлежало епископской юрисдикціи, но иной, чѣмъ въ масульманскихъ странахъ. Она распространялась на все мѣстное населеніе, но была уже по объему. Въ глазахъ масульманъ епископъ былъ главою христіанства и въ гражданскомъ отношеніи, и они не вмѣшивались въ его юрисдикцію; тогда какъ въ данномъ случаѣ архіерею приходилось дѣлиться юрисдикціею съ мѣстнымъ княземъ. Это было не фактическимъ только положеніемъ, но вытекало и изъ самыхъ принциповъ христіанскаго римскаго права.

Все это выдвигало на очередь вопросъ объ отношеніяхъ митрополита къ князю, такъ какъ, только вліяя на послѣдняго, митрополитъ могъ достигать возложенныхъ на него задачъ, ибо и самое принятіе христіанства являлось прежде всего дѣломъ князей.

Византійцы постарались ввести такихъ князей въ составъ византійской чиновничьей іерархіи. Мы видимъ, что хотя нѣкоторые изъ этихъ князьковъ и были признаны въ ихъ достоинствѣ, но это отнюдь еще не являлось признаніемъ ихъ оригинальныхъ суверенныхъ правъ на власть, а являлось лишь делегаціею имъ частицъ имперской власти на правахъ зависимаго отъ имперіи чиновника [1]).

Главною же обязанностію такихъ князей было насаждать подъ руководствомъ духовенства византійскую культуру во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, начиная съ православія и кончая костюмомъ, и давать во всѣхъ этихъ отношеніяхъ примѣръ ихъ соплеменникамъ [2]).

Но бывали и такіе князья, которые не были признаны со стороны императора. Ихъ власть въ глазахъ византійцевъ должна была представляться не имѣющею юридическаго титула и только фактически терпимою.

Уже изъ этого вытекало, что такихъ князей слѣдовало поставить подъ власть мѣстнаго епископа, который и долженъ былъ руководить имп. Поэтому дѣйствительный ихъ рангъ въ византійскомъ правѣ опредѣлялся рангомъ того епископа, который былъ въ его

[1]) Cinnami Hist V. 7. (Migne Gr. 133, 561) οἷς δὲ μὴ τοῦ τῆς βασιλείας μέτεστιν ὕψους πόθεν οὗτοι τηλίκας προβεβλήσονται ἀρχὰς αἱ.. οἱόν τινες διαιρέσεις ἐκ τοῦ τῆς βασιλείας καθίενται κράτους. Вопросъ Киннамы направленъ къ западнымъ королямъ, не получившимъ признанія ихъ титула со стороны Римскаго (т. е. Византійскаго) императора.

[2]) Арихисъ, герцогъ Беневентскій, признавъ супрематію Византійскаго императора, прямо объщалъ при этомъ носить и византійскій костюмъ и прическу. Jaffe 86 p. 259—263. Arichis dux suos apud imperatorem misit missos, petens auxilium et honorem patriciatus una cum ducatu Neapolitano sub integritate, simul et suum cognatum Athalgisum in adjuterium dirigendi, permittens ei tam in tonsura, quam in vestibus usu graecorum perfrui sub eiusdem imperatoris dicione Haec audiens autem imperator, emisit illi suos legatos... ferentes secum vestes... sicut Arichisus indui... pollictus fuerat. Въ 787 г. Арихисъ счелъ своимъ долгомъ построить въ Беневентѣ храмъ Св. Софіи. Erchemperti Historia Longobardorum Beneventanorum c. 3 *an 787*. (Waitz Mon Germ. Script. rerum Longobardorum pag. 235). Infra Beneventi autem moeniam templum. Domino opprulentissimum ac decentissimum condidit, quod graeco vocabulo Agian Sophiam... nominavit. То же видимъ и относительно Белы III Венгерскаго.

стольномъ городѣ. Если при такомъ князѣ былъ византійскій митрополитъ, то его можно приравнять начальнику византійской провинціи; если же простой епископъ, то князь былъ не болѣе начальника византійскаго округа, какъ бы ни была велика территоріальная область, надъ которою онъ господствовалъ. Въ первомъ случаѣ онъ соотвѣтствовалъ, самое большее, византійскому губернатору, во второмъ - византійскому исправнику. Правъ на церковное управленіе ни тотъ ни другой, конечно, имѣть не могъ, какъ не имѣли ихъ и ихъ византійскіе прототипы [1]).

Но приходилось считаться съ тѣмъ, что въ такихъ странахъ далеко не всегда возможно было замѣщать всѣ епископіи греками епископами, такъ какъ не находилось достаточнаго числа желающихъ ѣхать далеко отъ родины, и большую часть каѳедръ простыхъ епископовъ приходилось замѣщать мѣстными кандидатами. При такихъ условіяхъ задачею византійской политики являлось—всячески поддерживать церковный принципъ нераздѣльности митрополіи и ненарушимости правъ митрополита, тотъ принципъ, который не находилъ себѣ полнаго примѣненія въ самой Греціи, и не допускать митрополитовъ изъ мѣстныхъ кандидатовъ.

Къ числу этихъ странъ относилось и самое важное культурное пріобрѣтеніе Византіи—будущая Россія. Исторія ея церкви, до самаго паденія Константинополя, свидѣтельствуетъ о томъ, что поддержаніе принципа: „русскій архіерей изъ Византіи“ было постоянною заботою византійскаго правительства, независимо отъ всѣхъ перемѣнъ въ политическихъ судьбахъ имперіи. Но нельзя сказать, чтобы этотъ чрезвычайно

---

[1]) Пахимеръ Михаилъ I. 10. „Вскорѣ разнеслась молва о взятіи на западѣ города Диндамина и о томъ, что его жителямъ нуженъ архіерей, что тамъ требуется и военачальникъ, и войско. Поэтому въ санъ архіерея возведенъ былъ Халкутцн, который украшался достоинствомъ великаго скевофилакса Великой церкви, а военачальникомъ вмѣстѣ съ нимъ отправленъ туда Палеологъ, которому приказано по усмотрѣнію содѣйствовать тамъ и другимъ вождямъ, особенно же архіерею“.

простой самъ по себѣ принципъ всегда находилъ сочувствіе въ самой Россіи и проводился греками безъ протестовъ и сопротивленій со стороны русскихъ. Попыткѣ по возможности освѣтить этотъ вопросъ съ историко-юридической стороны и будутъ посвящены слѣдующія главы.

I.

Въ 988 году вел. кн. Кіевскій Владиміръ и кіевскіе руссы приняли крещеніе отъ грековъ. Моментъ былъ выбранъ необыкновенно удачно для царствованія страшнаго для славянъ Василія Болгаробойцы. Онъ смотрѣлъ на болгаръ, съ которыми велъ военныя дѣйствія, не какъ на воюющую сторону, а какъ на взбунтовавшихся подданныхъ, и тысячами ослѣплялъ плѣнныхъ болгаръ, какъ бунтовщиковъ. Василій, со своей точки зрѣнія, былъ правъ, разъ всѣ христіане признавались греками за ромеевъ, подданныхъ императора. Болгаробойца наводилъ ужасъ не на однихъ только болгаръ, а и на руссовъ; они всего только за два года до крещенія вмѣстѣ съ болгарами потерпѣли отъ него полное пораженіе въ 986 году.

Но къ 988 году положеніе дѣлъ перемѣнилось. Владиміръ взялъ Корсунь. Это было для него необходимо для того, чтобы вступить въ составъ христіанъ—ромеевъ на наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Въ то же время и дѣла страшнаго Болгаробойцы были въ это время очень плохи: противъ него взбунтовался и успѣшно дѣйствовалъ Варда Фока. Василій, не пользуясь популярностію среди грековъ, очень нуждался въ помощи варваровъ и, конечно, готовъ былъ на наибольшія уступки имъ. И тѣмъ не менѣе Владиміръ, принявъ крещеніе, сдѣлался не только зятемъ императора, но и греческимъ вассаломъ: онъ принужденъ былъ послать своему шурину шеститысячный отрядъ, который и помогъ ему одолѣть противника и оставленъ былъ въ Греціи навсегда, при чемъ, повидимому, руссы должны были пополнять и убыль на будущее время[1]).

---

[1]) *Васильевскій* Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ въ Журн. М. Н. Пр. 1874 и 1875.

Вѣроятно, одновременно же русскій великій князь былъ введенъ въ составъ византійской служилой іерархіи. Архизъ Беневентскій, какъ мы видѣли, получилъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ достоинство патриція; Владиміръ былъ возведенъ въ санъ стольника. Исторія этого титула далеко не ясна. Въ XIV вѣкѣ, по крайней мѣрѣ московскими великими князьями, этотъ титулъ уже не употреблялся въ сношеніяхъ съ Византіею; мы не находимъ его ни въ грамотѣ Іоанна Кантакузина Симеону Ивановичу, ни въ грамотѣ патріарха Антонія Василію Дмитріевичу, что особенно замѣчательно, такъ какъ Антоній прямо пишетъ: „Мѣрность наша и святый царь пишемъ тебѣ по старому обычаю и въ своихъ грамотахъ и извѣ-

---

Кедринъ II. 444 (переводъ Васильевскаго) Ж. М. Н. Пр. 1874, ноябрь 123). Когда одинъ отрядъ Варды явился въ виду Хризополя, то Василій II „приготовилъ ночью корабли и посадилъ въ нихъ Русь, такъ какъ кстати онъ призвалъ къ себѣ изъ нихъ союзную силу и сдѣлалъ зятемъ князя ихъ Владимира по своей сестрѣ Аннѣ, переправившись съ ними, онъ неожиданно нападаетъ на враговъ и легко захватываетъ въ свои руки“ ib. стр. 125 Зонара II. 124 (переводъ Васильевскаго) „Когда Дельфина (сторонникъ Фоки) расположился лагеремъ противъ Хризополя, императоръ напалъ на нихъ съ Русскимъ народомъ, потому что онъ, устроивъ родственный союзъ съ княземъ ихъ Владимиромъ чрезъ сестру свою Анну, получилъ оттуда вспомогательный военный отрядъ, онъ одержалъ верхъ надъ противниками“.

Пселлъ же пишетъ объ этой побѣдѣ (стр. 10)· „Императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему грековъ, и, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ къ нему пришелъ отъ Тавроскиѳовъ значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ вмѣстѣ и устроивъ другую наемную силу, выслалъ ихъ противъ расположенной на другой сторонѣ фаланги. (Васильевскій 121)

Но русскихъ и потомъ въ Византіи не любили и постарались отправить ихъ куда-нибудь подальше. Армянскій историкъ Асохикъ (Васильевскій 125) разсказываетъ, что въ 1000 году около Муша (недалеко отъ Эрзерума) былъ шеститысячный отрядъ русскихъ.

„Тогда весь народъ Рузовъ, бывшій тамъ, поднялся на бой; ихъ было 6000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ прислалъ царь Василій у царя Рузовъ въ то время, когда выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго Въ это же самое время Рузы увѣровали во Христа“.

щеніяхъ, и черезъ своихъ пословъ оказываемъ тебѣ ту же честь, какую имѣли и прежніе великіе князья".

Да и изъ словъ Григоры (XIV в.) слѣдуетъ заключить, что эта честь, яко бы предоставленная русскимъ князьямъ императоромъ Константиномъ Великимъ (?), была въ его время уже вышедшимъ изъ употребленія титуломъ. По его словамъ, „когда со всѣхъ сторонъ стекались въ Римъ правители народовъ, персовъ и другихъ народовъ, каждый изъ нихъ получилъ какое-нибудь названіе. *Такъ при Великомъ Константинѣ правитель Россійскій получилъ титулъ и санъ стольника*... Пелопонезскій—санъ принцепса, правитель Аттики и Аѳинъ—великаго дукса, Віотіи и Ѳивъ—великаго примкирія, владѣтель великаго острова Спицліи—титулъ короля. И другіе получили другіе титулы. На какія обязанности указывалъ каждый титулъ, объ этомъ время не сохранило памяти, и одни изъ титуловъ совершенно покрыло волнами забвенія, а другіе соблюло до насъ, но зато утратило ихъ смыслъ". (Григора VII. 5).

Но еще въ концѣ XIII вѣка русскіе князья съ гордостію носили этотъ титулъ и приписывали пожалованіе его даже не Константину, а самому Августу. По сообщенію Планудиса, полиграфа XIII в., посолъ какого-то русскаго царя, (?) явившись въ Константинополь при Андроникѣ II Палеологѣ (стало быть за время отъ 1282 по 1300 годъ, когда умеръ Планудисъ), заявилъ отъ имени своего государя: „Мой государь, царь Руси, стольникъ святого твоего царства, рабски бьетъ челомъ святому твоему царству" [1]).

Планудисъ, къ сожалѣнію, не передаетъ имени этого князя; но, судя по титулу его „царь", которымъ именуетъ своего государя посолъ, слѣдуетъ думать,

---

[1]) Проф Павловъ (Р. И. Б. VI, прим. 273 пр. 1) приводитъ по Hermes XIV, 1879 s. 445 слѣдующія слова Планудиса: δουλωθέντων Ῥωμαίοις τῶν ἐθνῶν καὶ τῶν αὐτῶν βασιλέων ἐτίμησε ὁ Αὔγουστος, ἀζιώμασιν ἄλλοις ἄλλους τῶν εἰρημένων βασιλέων τοῦτο (чит. τούτῳ) μὲν δεικνὺς, ὅτι καὶ ὑπ᾽ αὐτὸν εἰσι καὶ ὅτι τιμαῖς δεξιοῦται αὐτοὺς ἀναλόγοις τὸν μὲν οὖν ἄρχοντα τῶν Ῥὼς ἐτίμησε τὸ τοῦ ἐπὶ τραπέζης ὀφφίκιον, ὥστε καὶ ἑλθών τις ἐκ τῶν Ῥὼς πρέσβις εἰς τὸν βασιλέα Ἀνδρόνικον τὸν Παλαιολόγον οὕτως προήνεγκε τὴν πρόσρησιν ὅτι ὁ αυθέντης μου ὁ βασιλεὺς τῶν Ῥὼς ὁ ἐπὶ τραπέζης τῆς ἁγίας βασιλείας σου προσκυνεῖ δουλικῶς τὴν ἁγίαν βασιλείαν σου.

что дѣло шло о королѣ галицкомъ, для котораго титулъ великаго князя оказывался уже слишкомъ низкимъ. Изъ сообщеній и Григоры, и Планудиса однако ясно, что этотъ титулъ былъ пріобрѣтенъ не галицкимъ королемъ, а его предками въ незапамятныя времена; сообщеніе же Григоры заставляетъ думать, что и русскій великій князь, подобно другимъ, получилъ этотъ титулъ одновременно съ признаніемъ имъ византійской супрематіи. Тѣмъ болѣе, что и впослѣдствіи титулъ этотъ давался родственникамъ и въ частности— зятьямъ императора. Такъ стольникомъ былъ Палеологъ, зять императора Андроника Старшаго, губернаторъ Янины, (Cantac. Hist. IV, 15,) и Георгій Хумнъ, сватъ императора[1]). Во всякомъ случаѣ самъ по себѣ этотъ титулъ не давалъ никакой юрисдикціи.

Отъ московскихъ временъ мы не имѣемъ извѣстій о томъ, какъ принимали московскихъ пословъ въ Константинополѣ, и что они при этомъ говорили; но зато до насъ сохранились письменныя обращенія московскихъ государей къ византійскимъ царямъ, исключающія всякую мысль о равенствѣ между ними. До насъ дошла грамота великаго князя Василія Васильевича отъ 1451—1452 года, предназначенная для отсылки къ послѣднему византійскому императору, Константину Палеологу. Василій Васильевичъ, „сватъ святого ти царства“, величаетъ адресата: „Державнѣйши и боговѣнчанне, и благочестья ревнителю, и непорочныя православныя вѣры теплый и непреклонный истинный поборниче и правителю, и высочайши царю и самодержьче греческаго скипетра. Въспріялъ еси свой великый царьскый скипетръ, свое отчество, въ утверженіе всему православному христіяньству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли“.

Обращеніе это являлось традиціоннымъ, какъ это можно видѣть изъ грамоты Іоанна Кантакузина вел. кн. Симеону Ивановичу, которая, въ свою очередь,

---

[1]) АР. I 223 Χοῦμνος ὁ συμπένθερος τοῦ αὐτοκράτορος ср. А Р I 176.

является отвѣтною на посланіе этого князя (Сент. 1347 года) „Да, царство Ромеевъ и святѣйшая Великая церковь, *какъ и ты писалъ*, есть источникъ всякаго благочестія и училище законодательства и освященія".

Но если и въ гражданскомъ отношеніи Россія стала вассальною страною, то въ церковномъ отношеніи она сдѣлалась провинціею Византіи, подъ управленіемъ посылаемыхъ изъ Византіи митрополитовъ. При этомъ, хотя всѣ христіане считались за грековъ-ромеевъ, въ Константинополѣ, тѣмъ не менѣе, держались правила назначать этого митрополита изъ ромеевъ-грековъ, а не ромеевъ-славянъ.

Только, какъ на курьезъ, можно указать на мнѣніе, будто бы уже при Владимірѣ заключено было условіе съ византійскимъ правительствомъ назначать митрополитовъ поперемѣнно то изъ грековъ, то изъ русскихъ. Мнѣніе это основано на неправильно понятомъ извѣстіи Григоры (Ист. кн. 36, гл. 6), которое въ дѣйствительности гласитъ слѣдующее:

„Этому народу (руссамъ), съ тѣхъ поръ какъ онъ притекъ къ благочестивой вѣрѣ и принялъ христіанское божественное крещеніе, предписано подчиняться одному архіерею, который, сообразно условіямъ личнымъ и мѣстнымъ, раздѣлилъ бы церковное управленіе всѣмъ народомъ между различными большими и меньшими епископіями; а этому первому архіерею быть подчиненнымъ Константинопольскому трону, получая отъ него права на духовную власть. Быть же ему (митрополиту) и теперь (дѣло идетъ о времени Григоры) изъ здѣсь (т. е. по контексту и связи рѣчи—въ Константинополѣ, а не въ Россіи) не только родившихся, но и воспитанныхъ, и поперемѣнно одинъ за другимъ всегда принимающихъ тамошнее (т. е. Кіевское) предстоятельство послѣ смерти предшественника[1])".

---

[1]) Nic. Grigora Hist 36, 6. και εἶναι τὸν πρῶτον τοῦτον ἀρχιερέα τῷ τῆς Κωνσταντινουπόλεως ὑπείκοντα θρόνῳ και ὑπὸ τούτου τὰ νόμιμα δέχεσθαι τῆς ἀρχῆς πνεοματικῆς· εἶναι δ᾽αὐτὸν καὶ νῦν μὲν ἐκ τῶν τῇδε (К-лει) φύντων ὁμοῦ καὶ τραφέντων ἀμοιβαδὸν τὴν ἐκεῖ προεδρίαν ἀει διαδοχομένων μετὰ τὸν προτέρου θάνατον παραλλάξ Переводъ—modo ex gente illa modo ex nostra terra natis educatisque—представляетъ совершенную фантазію.

Что дѣло идетъ не о поперемѣнномъ назначеніи митрополитовъ то изъ грековъ, то изъ русскихъ, ясно уже и изъ того, что Григора тутъ же заявляетъ, что это приведенное имъ основное правило управленія русскою церковью было грубо нарушено назначеніемъ русскаго Алексѣя послѣ грека Θеогноста. Онъ приводитъ эту историческую справку именно въ доказательство того, что русскіе митрополиты всегда должны быть изъ грековъ, „дабы связь между этими двумя народами сильнѣе и сильнѣе укрѣплялась и навсегда сохраняла бы единодушіе вѣры въ его полной сущности и силѣ“. Но и помимо того подобный договоръ былъ бы совершенно невозможенъ во времена Владиміра, такъ какъ у послѣдняго не было, да и не могло быть, кандидатовъ для замѣщенія русской митрополіи, и ему поневолѣ приходилось бы и при существованіи такого договора обращаться въ Грецію при всякой вакантности митрополичьей каѳедры и замѣщать ее греками. Въ силу этого принципа, какого греки неизмѣнно держались и впослѣдствіи, первыхъ нашихъ митрополитовъ слѣдуетъ предполагать греками, пока не доказано противное. Свѣдѣнія о нихъ крайне скудны.

О Михаилѣ, предполагаемомъ первомъ митрополитѣ Кіевскомъ, сохранилось извѣстіе у Татищева, будто бы онъ былъ болгаринъ. Но Татищеву въ подобныхъ случаяхъ нужно вѣрить осторожно: онъ любитъ находить русскихъ, или, по крайней мѣрѣ, славянскихъ митрополитовъ тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности не было. Возможно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ предположеніемъ, которое само давалось въ руки: что для миссіонерской дѣятельности среди руссовъ были призваны ихъ соплеменники, болгары. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что греки того времени понимали миссіонерство нѣсколько иначе, чѣмъ мы. Наилучше обставленная въ Кіевѣ церковь, Десятинная, не служила цѣлямъ миссіонерства, въ смыслѣ проповѣди на родномъ языкѣ, такъ какъ богослужебнымъ языкомъ являлся тамъ греческій; очевидно, на этомъ же языкѣ служилъ и митрополитъ Михаилъ въ пріѣзды свои въ Кіевъ, и совершенно безразлично, былъ ли

онъ огреченный болгаринъ, или просто грекъ. Нельзя не обратить вниманія и на странную для миссіонеровъ отчужденность митрополитовъ отъ великаго князя на первое время. Митрополія находилась не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ, далѣе чѣмъ въ восьмидесяти верстахъ отъ Кіева, въ стольномъ же городѣ Владиміра митрополиты бывали лишь гостями до самаго построенія Св. Софіи Ярославомъ, т. е. въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ. Трудно предположить, чтобы Владиміръ, не жалѣвшій средствъ на построеніе Десятинной церкви, поскупился на построеніе при ней и митрополіи; вѣроятнѣе всего, что сами митрополиты предпочитали жить подальше отъ дружины ласковаго князя Владиміра. О происхожденіи другого митрополита, Леонтія (992—1008), мы ничего не знаемъ, и потому слѣдуетъ по общимъ соображеніямъ предполагать въ немъ грека. Что же касается до преемника его, Іоанна (1008—1035), то это несомнѣнно былъ грекъ; онъ даже канонъ Борису и Глѣбу написалъ не по-русски, а по-гречески [1]). То же слѣдуетъ предполагать и о всѣхъ его преемникахъ вплоть до Иларіона.

Первый извѣстный изъ лѣтописей случай поставленія митрополита изъ русскихъ и не въ Константинополѣ, а волею великаго князя и мѣстнымъ русскимъ соборомъ,—это поставленіе Иларіона. Коротенькое сообщеніе объ этомъ лѣтописи подъ 6559 г. (1050—1051) гласитъ: „Постави Ярославъ Іларіона митрополитомъ русина въ Святѣй Софьи, собравъ епископы". Въ своемъ архіерейскомъ исповѣданіи Иларіонъ говоритъ о себѣ. (Приб. твор. св. 00. Т. II. 255):

„Азъ милостію человѣколюбиваго Бога инокъ и прѣзвитеръ Иларіонъ, изволеніемъ Его отъ богочестивыихъ епископъ священъ былъ и настолованъ въ велицѣмъ и богохранимѣмъ градѣ Кыевѣ, яко быти ми въ немъ митрополиту, пастуху же и учителю. Бывша же си въ лѣто 6559 владычествующу благовѣрному кагану Ярославу, сыну Владимирю. Аминь". Замѣ-

---

[1]) Голубинскій Ист. Рус Церкви 1.268 прим 1 „Канонъ святымъ, имѣя по главамъ греческій стихъ сп: „Давиду пѣснь приношу (и) Роману".

чательно, что самъ Иларіонъ такимъ образомъ не упоминаетъ о какомъ-либо участіи Ярослава въ своемъ посвященіи.

Ни о мотивахъ такого необычайнаго поставленія, ни о послѣдующей судьбѣ Иларіона лѣтопись не говоритъ ни слова и даетъ возможность самыхъ разнообразныхъ предположеній на этотъ счетъ.

Наиболѣе распространенное мнѣніе ставитъ поступокъ Ярослава въ связь съ походомъ его на грековъ въ 1043 году, видя въ немъ не только актъ сознательной вражды къ грекамъ, но и доказательство стремленій Ярослава утвердить и полную самостоятельность Руси отъ грековъ [1]).

Но историческія данныя не подтверждаютъ такого предположенія. Самыя причины Ярославова похода на грековъ вовсе не настолько выяснены, чтобы можно было съ несомнѣнностію видѣть въ немъ актъ сознательнаго желанія Ярослава освободиться отъ власти Византіи. Византійскіе источники на этотъ счетъ противорѣчатъ одни другимъ. Если Пселлъ видитъ въ этомъ походѣ актъ сознательной вражды русскихъ къ грекамъ, то съ другой стороны Кедринъ объясняетъ его, какъ слѣдствіе простой драки съ русскими и убійства какого-то знатнаго и вліятельнаго русскаго. Можно сказать съ несомнѣнностію одно: вспомогательный шеститысячный корпусъ русскихъ, такъ называемые варанги, образовавшійся при Владимірѣ Святомъ, продолжалъ свое существованіе и впослѣдствіи, и былъ уничтоженъ лишь много времени спустя послѣ Ярослава.

---

[1]) Никоновская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ поставилъ митрополитомъ Иларіона, „соблюдающеся отъ вражды и лукавства, якоже бѣша тогда“ (6559). Соловьевъ же I. 210 полагаетъ, что „поставленіе митрополита Иларіона было слѣдствіемъ недавней вражды съ греками. Какъ видно, поведеніе прежняго митрополита Ѳеопемпта во время этой вражды было таково, что Ярославъ на будущее время хотѣлъ предохранить себя отъ подобнаго въ случаѣ новаго разрыва“. Соловьевъ I. 211 пр. 11. „Этотъ князь рѣшилъ поставить своего митрополита, чтобы на будущее время избѣжать тѣхъ непріятностей, которыя были во время войны“.

Все заставляетъ думать, что это, какъ выражается Пселлъ, возстаніе русскихъ [1]) было дѣйствительно случайнымъ актомъ, а не слѣдствіемъ какихъ-нибудь продуманныхъ плановъ освобожденія отъ власти грековъ, которая въ сущности при Ярославѣ ни въ чемъ, кромѣ назначенія митрополита, и не проявлялась.

Но чѣмъ бы ни былъ вызванъ походъ русскихъ на Византію при Ярославѣ, несомнѣнно, что между этимъ фактомъ и фактомъ поставленія Иларіона нѣтъ никакой причинной связи.

Неудачный походъ на грековъ сына Ярослава, Владиміра, былъ въ 1043 году, а черезъ три года, въ 1046 году, русскіе уже заключили съ ними миръ, скрѣпленный бракомъ любимаго сына Ярославова, Всеволода, съ дочерью императора Константина Мономаха. Старшій сынъ Всеволода отъ этого брака, Владиміръ Мономахъ, родился въ 1053 году: стало быть, бракъ былъ заключенъ незадолго передъ этимъ [2]).

Бракъ этотъ имѣлъ огромное значеніе. Только Мономахъ въ глазахъ грековъ и духовенства, державшагося греческихъ взглядовъ, являлся теперь правомѣрнымъ государемъ, далеко превосходившимъ всѣхъ прочихъ князей благородствомъ въ виду родства съ императорскимъ домомъ.

Если предположеніе, что Владиміръ желалъ передать своему младшему сыну Борису Кіевъ, въ виду происхожденія его отъ царской крови (Соловьевъ I. 192), должно быть признано за предположеніе, ничѣмъ не

---

[1]) Περὶ τῆς τῶν Ῥώσων ἐπαναστάσεως Пселлъ 143. См. Васильевскій Ж. М. Н. П. мартъ 1875, стр. 73. Замѣтимъ, что и попавшихъ во время этого похода въ плѣнъ руссовъ такъ же ослѣпили, какъ бунтовщиковъ, какъ при Василіи ослѣпили болгаръ.

[2]) Прибавл. къ Ипатіевской лѣтописи (6551) и относитъ бракъ Всеволода къ самому времени заключенія мира съ греками, т. е. къ къ 1046 году. „По трехъ же лѣтѣхъ смирися Ярославъ со Греки, и поятъ дщерь у Константина Мономаха, царя Греческого, за сына своего Всеволода, и тогда отпущенъ бысть и Вышата“.

За такое предположеніе, какъ дѣйствительно наиболѣе вѣроятное, высказывается и Соловьевъ: „Вѣроятнымъ слѣдствіемъ и условіемъ прекращенія вражды къ грекамъ былъ бракъ сына Ярославова Всеволода на царевнѣ греческой“ (Ист I 209).

доказанное, и по тому времени и невѣроятное, то относительно Владиміра Мономаха можно съ несомнѣнностію сказать, что и его отецъ, и онъ самъ очень гордились своимъ родствомъ съ византійскими царями.

„Азъ, худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ нареченъ въ крещеніи Василій, русскимъ именемъ Владиміръ, отцемъ возлюбленнымъ и матерію своею Мономахъ“ (Завѣщаніе). Самъ Владиміръ видѣлъ въ „Мономахъ“ имя, но русскіе книжники видѣли въ немъ фамилію [1]).

Греки же считали права русскихъ князей на первенство и на благородство исключительно по родству ихъ съ византійскимъ императоромъ. Митрополитъ Никифоръ говоритъ о Мономахѣ: „Его же (Мономаха) Богъ издалѣча проразумѣ и предповѣмъ, его же изъ утробы освяти, помазавъ отъ царской и княжеской крови“. (Рус. Ист. Дост. стр. 63). По мнѣнію же Кинамы (V 12), Василько Юрьевичъ Долгорукій (т. е. братъ Андрея Боголюбскаго) являлся старѣйшиною русскихъ князей, конечно, потому, что онъ происходилъ отъ византійской княжны [2]).

Результатомъ войны, такимъ образомъ, было не ослабленіе, а усиленіе греческаго вліянія; миръ же сопровождался и назначеніемъ новаго митрополита изъ Греціи. На періодъ этой войны падаетъ такое сообщеніе: „Въ лѣто 6552 выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви св. Богородица“. Въ этомъ извѣстіи, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ видѣть несомнѣнное доказательство того, что упоминаемый въ 1039 г. м. Θеопемптъ въ 1046 не былъ уже въ живыхъ; трудно допустить, чтобы митрополитъ-грекъ не могъ разъ-

---

[1]) Объ Антоніи Римлянинѣ мы читаемъ, что онъ прибылъ въ Новгородъ „владѣющу градомъ симъ благочестивому великому князю Мстиславу Володимеровичу Мономаху, внуку Всеволодову“. (Пам. стар. русской литер. I, 265).

[2]) Cinamci Hist. V c 12 Βασιλίκᾳ (Васильку Юрьевичу, сыну Долгорукаго)... τῷ Γεωργίου παιδὶ ὃς τὰ πρεσβεῖα τῶν ἐν Ταυροσκυθικῇ φιλάρχων εἶχε

яснить благочестивому Ярославу недопустимость крещенія покойниковъ. Можно думать въ такомъ случаѣ, что и походъ на грековъ произошелъ во время вакантности митрополичьей каѳедры. Драки между руссами и греками и случайныя убійства во время дракъ были и на Руси явленіемъ довольно заурядным. Будь митрополитъ Ѳеопемптъ въ живыхъ, онъ, конечно, уладилъ бы дѣло и, во всякомъ случаѣ, не благословилъ бы благочестиваго Ярослава на походъ противъ христіанъ-грековъ, единственный за все время послѣ принятія руссами крещенія. Отсутствіе митрополита было главною причиною того, что постепенно накоплявшіяся со времени смерти Владиміра и Анны неудовольствія довели до вооруженнаго столкновенія.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ относить смерть митрополита Ѳеопемпта не позже, какъ къ 1043 г. Преемникомъ его, согласно спискамъ митрополитовъ, является не Иларіонъ, а Кириллъ I. Очевидно, этотъ неизвѣстный лѣтописямъ митрополитъ и былъ поставленъ по замиреніи съ греками въ 1046 году и, несомнѣнно, поставленъ въ Византіи. Оказывается, Иларіонъ былъ не первымъ послѣ войны митрополитомъ, а — вторымъ. При такихъ условіяхъ особенно характерно, что Ярославъ не воспользовался ни временемъ войны, ни бывшею въ это время вакантностію митрополичьяго престола, чтобы поставить Иларіона. Если бы онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду тѣ продуманныя политическія соображенія, о какихъ говоритъ Соловьевъ, то такое поведеніе было бы просто необъяснимымъ. Это было самое удобное время для выполненія плана отдѣленія русской церкви отъ Константинополя, и такое-то единственное въ своемъ родѣ время и было бы упущено Ярославомъ.

Еще менѣе можно было бы находить актъ сознательнаго стремленія русскихъ освободиться отъ Византіи въ выборѣ оригинала кормчей для перевода на славянскій языкъ при Ярославѣ. Особенности этой кормчей [1]),

---

[1]) Превосходно издана проф. В. Н. Бенешевичемъ подъ названіемъ „Древне-славянская кормчая XIV титуловъ безъ толкованій“ т. I. СПБ. 1906.

между прочимъ, заключаются въ томъ, что она является спискомъ синтагмы до-фотіевской редакціи и притомъ такимъ, въ которомъ пропущено правило 69-е трулльское, коимъ предоставлялось императору, на основаніи древняго обычая, право входить внутрь алтаря, чтобы принести дары Творцу. Несомнѣнно, что и та и другая особенность, съ точки зрѣнія грековъ XI вѣка, являлись не достоинствами списка, а—наоборотъ—важными его недостатками. Едва ли русскіе переводчики при Ярославѣ умѣли выбирать кормчія для своего перевода: они, конечно, не выбрали бы устарѣвшую кормчую до-фотіевской редакціи. По всей вѣроятности, греки просто сбыли Ярославу негодный устарѣвшій экземпляръ кормчей, можетъ быть даже и не зная о пропускѣ въ немъ знаменитаго 69-го правила; русскіе же и переводили съ этого списка.

Но Ярославъ, ставя Иларіона, дѣйствительно могъ быть введенъ въ заблужденіе этою самою кормчею. Тамъ насчетъ поставленія епископовъ находимъ, кромѣ каноническихъ правилъ, еще и новеллы Юстиніана, говорящія о томъ же предметѣ, т. е. новеллы 123-ю и 137-ю. Какъ извѣстно, по этимъ новелламъ избраніе епископа предоставлялось клиру и наиболѣе виднымъ жителямъ каѳедральнаго города. Они должны указать трехъ—въ крайнемъ случаѣ двухъ и даже одного—достойнаго, т. е. удовлетворяющаго требованіямъ закона кандидата на вакантную каѳедру. Требованія эти весьма невысоки. Будущій епископъ долженъ имѣть не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, быть православнымъ, честной жизни и грамотнымъ. Онъ не долженъ былъ имѣть ни жены, ни конкубины, ни дѣтей, ни законныхъ, ни естественныхъ. Если онъ состоялъ прежде въ бракѣ, то жена его до брака должна была удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ невѣстѣ священника. Въ епископы не допускались лишь куріалы или оффиціалы, за исключеніемъ принявшихъ монашество и пробывшихъ въ монастырѣ не менѣе 15 лѣтъ до ихъ избранія. Допускался и кандидатъ изъ мірянъ съ тѣмъ, чтобы послѣ его избранія въ епископы онъ въ теченіе не менѣе трехъ мѣсяцевъ пробылъ въ клирѣ на низшихъ степеняхъ и за это время изучилъ священные каноны и обыденную службу.

Смыслъ этихъ предписаній совершенно ясенъ даже изъ довольно темнаго, по мѣстамъ, русскаго перевода кормчей того времени [1]). Законъ *вмѣнялъ въ обязанность,* чтобы „клирики и первыя притяжателя града“ указали, если имѣютъ, такого кандидата. Законъ не различалъ въ этомъ отношеніи и кандидата въ митрополиты отъ кандидата въ епископы. Только въ томъ случаѣ, если бы клиръ и граждане не исполнили своей обязанности, тотъ, кому принадлежало право посвященія, могъ (и долженъ былъ) посвятить епископа по своему усмотрѣнію [2]).

Ярославъ уже и ранѣе держался практики давать мѣста епископовъ русскимъ, разъ находились подходящіе для этого кандидаты. Такъ, еще задолго до поставленія Иларіона, въ 1036 году, Ярославомъ былъ поставленъ въ Новгородъ Лука Жидята, первый епископъ изъ русскихъ. Теперь Ярославъ имѣлъ совершенно достойнаго кандидата въ митрополиты въ лицѣ своего Берестовскаго священника Иларіона, привлекшаго его своимъ образованіемъ, краснорѣчіемъ и аскетическими подвигами въ пскопанной себѣ пещерѣ, изъ которой впослѣдствіи возникъ Печерскій монастырь.

Но нѣтъ никакихъ основаній считать Иларіона постриженникомъ Антонія Печерскаго, какъ это дѣлаетъ Симонъ въ посланіи къ Поликарпу, говоря о епископахъ изъ печерскихъ постриженниковъ: „Первый Леонтій епископъ Ростовскій... и се бысть первый престольникъ... Иларіона же митрополита и самъ челъ еси въ житіи св. Антонія, яко отъ того постриженъ бысть и тако священства сподоблепъ“. (Макарій II. 315). Ссылка на житіе преподобнаго Антонія, т. е. на сказаніе о зачалѣ Печерскаго монастыря, показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ. Сказаніе ничего не говоритъ о постриженіи Иларіона Антоніемъ,

---

[1]) Nov. 123 c 1 и 2. находятся въ такъ называемои Ефремовской кормчеи, въ составѣ 93 главъ(=87 главъ съ дополненіями) въ видѣ главъ 28—31. Nov. 137. переведена тамъ полностію въ видѣ главы 87-й.

[2]) Собр. 93 гл., гл. 30 „Аще ли хотящеи причьты (ψεφίσματα) творити мьніе мѣсяць шести да сътворять, тогда бѣдою своіеіа душа тъ, ему же лѣпо есть епископа поставить“. Бенешевичъ стр. 766.

а напротивъ утверждаетъ, что Антоній лишь занялъ, придя въ Кіевъ, ту пещеру, въ которой прежде подвизался Иларіонъ, которая и стала ненужною ему съ избраніемъ его на митрополичью каѳедру. Иными словами: Антоній пришелъ въ Кіевъ, когда Иларіонъ былъ уже посвященъ въ митрополиты. Къ тому же извѣстно, что самъ Антоній, не имѣя пресвитерскаго сана, никого не постригалъ, а поручалъ дѣлать это Никону, пришедшему къ нему въ монастырь въ числѣ первыхъ, если не первымъ. Въ такомъ случаѣ, придется предположить, что Иларіонъ не былъ митрополитомъ еще сравнительно долгое время послѣ прихода Антонія; но этого нельзя допустить потому, что и самъ Антоній не сразу остановился на Иларіоновой пещерѣ, а сначала обходилъ кіевскіе монастыри, но они ему не понравились.

Къ тому же Иларіонъ и самъ говоритъ о монастыряхъ, существовавшихъ въ его время на Руси и въ частности въ Кіевѣ: „Монастыреве на горахъ сташа, черноризцы явишася“ [1]) уже вслѣдствіе дѣятельности Владиміра. Иларіону не было никакихъ основаній ждать такъ долго пострпженія въ Кіевѣ: въ это время были уже монастыри, слѣдовательно, были и лица, которыя могли постричь его въ монахи. Въ спискѣ Симона дѣло идетъ, по всей вѣроятности, о другомъ Иларіонѣ, сподвижникѣ Ѳеодосія Печерскаго, какъ объ этомъ догадывается и митр. Макарій [2]).

Что касается до образованности и краснорѣчія Иларіона, то они съ несомнѣнностію засвидѣтельствованы оставшимися отъ него сочиненіями; но все-таки въ признаніи его за чрезвычайно и при томъ школьно образованнаго человѣка (на основаніи его Слова о благодати и Похвальнаго слова Владиміру) есть большая

---

[1]) Слово о законѣ и благодати въ Приб. къ твор Св. ООт ч. II. стр. 241.

[2]) Поэтому не имѣютъ значенія и соображенія митр. Макарія о времени поставленія Леонтія Ростовскаго, который оказывается поставленнымъ еще ранѣе Иларіона и тоже изъ печерскихъ постриженниковъ. Нельзя заключать на этомъ основаніи, что Леонтій былъ поставленъ до 1051 года.

доля увлеченія. Правильнѣе смотритъ на дѣло митр. Макарій, полагающій, что Иларіонъ не превосходилъ св. Кирилла Туровскаго ни талантами, ни образованіемъ. (Ист. III. 181). Какъ увидимъ, съ представленіемъ о выдающемся образованіи Иларіона плохо вяжется то несомнѣнно неясное представленіе о церкви, какое мы находимъ въ его архіерейскомъ исповѣданіи. Но во всякомъ случаѣ, Иларіонъ съ избыткомъ удовлетворялъ цензу, предписанному законами Юстиніана.

Ярославъ, обладая такимъ достойнымъ кандидатомъ, согласно тексту кормчей „отъ книгъ божественныхъ повелѣній божественныя кончины *Юстиніана*“ [1]) долженъ былъ считать себя обязаннымъ предложить его въ митрополиты. Вѣроятно, этотъ выборъ сдѣланъ былъ съ совѣта духовенства и дружины, т. е. тѣхъ старѣйшихъ города, о которыхъ говорятъ новеллы, находящіяся въ этихъ повелѣніяхъ. До сихъ поръ дѣйствія Ярослава слѣдуетъ признать безупречными съ точки зрѣнія кормчей.

Далеко не столь безупречно было посвященіе Иларіона въ митрополиты соборомъ епископовъ безъ сношеній съ патріархомъ, но едва ли есть основанія особенно обвинять за это Ярослава. Какъ въ новеллѣ 123-й, и такъ и въ новеллѣ 137-й говорилось: „да большиихъ поставленъ будетъ бѣдою поставившааго“ (Бенешевичъ 765), „да тако причитаіемомъ трьмъ лицемъ больши (ὁ βελτίων) избереться поставліенъ боудетъ соудомъ (κρίματι) поставляющааго“. (ib. 801). Трудно въ этихъ словахъ разобрать прямое указаніе на патріарха, и даже и подлинный греческій текстъ закона не могъ бы быть болѣе понятенъ Ярославу, чѣмъ этотъ переводъ.

Что же касается до другихъ каноническихъ источниковъ, какіе мы находимъ въ Ярославовой кормчей, то въ нихъ говорилось о посвященіи епископа соборомъ епископовъ.

Для того, чтобы понять необходимость участія патріарха въ поставленіи митрополита, нужно было ясно различать въ этомъ актѣ два момента: 1) моментъ юридическій утвержденія кандидата (въ данномъ слу-

[1]) Бенешевичъ стр. 739.

чаѣ однимъ патріархомъ) и 2) моментъ сакраментальный посвященія кандидата (соборомъ епископовъ). Но можно ли было требовать пониманія такихъ тонкостей отъ Ярослава, который незадолго передъ тѣмъ (въ 1044 г.), какъ почтительный племянникъ, крестилъ кости двухъ своихъ дядей, Ярополка и Олега, умершихъ въ язычествѣ, чтобы погрести ихъ въ церкви, и не нашелъ среди своего духовенства лицъ, которыя разъяснили бы ему недопустимость такого благочестія?

И въ поступкѣ Ярослава съ Иларіономъ мы склонны видѣть тоже актъ непросвѣщеннаго благочестія. Ярославъ, по всей вѣроятности, былъ убѣжденъ, что онъ въ точности исполняетъ предписанія кормчей и долженъ поступать такъ. Очень возможно, что онъ считалъ себя тѣмъ поставляющимъ, о судѣ котораго говоритъ кормчая. Архіерейская присяга Иларіона подтверждаетъ наше предположеніе. Если бы Ярославъ задавался тѣми широкими замыслами, какіе ему приписываютъ, то въ ней Иларіонъ, несомнѣнно, долженъ былъ бы выяснить свои отношенія къ Константинопольской церкви, хотя бы въ томъ приблизительно видѣ, какъ это сдѣлалъ Виленскій соборъ 1415 года, заявивъ, что для единства церкви достаточно лишь единства вѣры. Но въ исповѣданіи Иларіона нѣтъ ничего подобнаго, а есть только несомнѣнное отожествленіе термина „церковь“ не съ обществомъ вѣрующихъ, а съ храмомъ. Онъ говоритъ: „Къ кафоликіи и апостольстѣй церкви притекаю, съ вѣрою вхожду, съ вѣрою молюся, съ вѣрою исхожду... Слава же Богу о всемъ, строющему о мнѣ выше силы моеа. Молитеся о мнѣ, честные учители и владыки Русской земли“. (Приб. къ тв. Св. ООт., т. II. 255[1]). Это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ Словѣ о законѣ и благодати Иларіонъ одинъ разъ употребляетъ „церковь“ въ смыслѣ—общество вѣрующихъ, „Церковь Твою възрасти“ (стр. 252).

---

[1]) У Кирилла Туровскаго находимъ правильное пониманіе термина „церковь“. См, напр., въ его словѣ на недѣлю Вай „Его славный честный домъ-церковь — имѣетъ искусныхъ строителей· патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ, іереевъ и всѣхъ церковныхъ учителей“.

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба Иларіона. Съ точки зрѣнія грековъ поступокъ Ярослава представлялъ собою несомнѣнный бунтъ и противъ патріарха, и противъ имперіи, за который не только Ярославъ, но и Иларіонъ и всѣ русскіе подлежали отлученію, какъ схизматики. Но не невозможно и то, что дѣло закончилось признаніемъ Иларіона со стороны Византіи. Мы имѣемъ имя его въ спискахъ русскихъ митрополитовъ, напр., въ Воскресенской лѣтописи, что едва ли бы могло случиться, если бы Иларіонъ умеръ подъ отлученіемъ; мы и не находимъ, напр., въ этомъ же спискѣ отлученнаго митрополита Климента. И греческіе преемники Иларіона несомнѣнно не допустили бы включенія въ софійскіе диптихи имени отлученнаго митрополита; а диптихи и слѣдуетъ признать источникомъ списковъ митрополитовъ. Въ Приб. къ Ипат. лѣтописи подъ 6558 г. читаемъ даже, что „Ила-

---

Но если Кириллъ Туровскій и правильно понималъ „церковь“, то въ этомъ отношеніи онъ являлся исключеніемъ среди русскихъ, которые вообще отожествляли понятіе „церкви“ съ понятіемъ только храма.

Въ этомъ виноваты не одни русскіе въ памятникахъ изобразительнаго искусства, т. е. памятникахъ, заимствованныхъ изъ Греціи, мы находимъ то же смѣшеніе. А именно, девятый членъ Символа вѣры. „Вѣрую во едину святую, соборную и апостольскую церковь“ изображается разрѣзомъ соборнаго каѳедральнаго храма съ епископомъ, совершающимъ евхаристію внутри его. Но болѣе ученые и развитые члены греческой церкви были свободны отъ такого смѣшенія. Очевидно, имѣя въ виду это ходячее представленіе о церкви, Властарь считаетъ нужнымъ бороться съ нимъ и пишетъ, что церковь, это— не храмъ, а собраніе вѣрующихъ. Повторяетъ его и митрополитъ Фотій: „Церковь глаголемъ не храмъ, но исполненіе сущее вѣрныхъ“ (τῶν πιστῶν πλήρωμα Р. И. Б. VI. ст. 369).

Но въ Россіи и книжники были въ этомъ отношеніи ничѣмъ не выше простецовъ. Знаменитый Даніилъ Заточенникъ не стѣснялся даже измѣнять текстъ Священнаго Писанія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ несовмѣстимъ съ понятіемъ о церкви, какъ о храмѣ, а могъ быть объясненъ только въ смыслѣ общества вѣрующихъ. Онъ писалъ:

„Послушайте, жены, апостола Павла глаголюща: к р е с т ъ (вмѣсто правильнаго—Христосъ) е с т ь г л а в а ц е р к в и, а мужъ женѣ своей“. (Пам. Древн. Письм. т. 81. стр. 25).

То, что и митрополитъ Иларіонъ былъ въ этомъ отношеніи чуть что не ниже Кирилла Туровскаго и — не выше всѣхъ послѣдующихъ русскихъ, не можетъ дать о немъ представленія, какъ объ особо выдающемся или особенно образованномъ лицѣ.

ріонъ поставленъ бысть митрополитомъ Кіеву, отъ патріархи Михаила Кируларія". Если Ярославъ не преслѣдовалъ цѣлей отдѣленія русской церкви отъ греческой, то дѣло и дѣйствительно могло быть улажено, хотя бы черезъ невѣстку великаго князя, дочь императора Константина Мономаха. Для нея естественно было похлопотать въ Константинополѣ, чтобы Иларіонъ былъ признанъ, не взирая на формальныя неправильности его поставленія. Ссориться со сватомъ едва ли могло быть въ расчетахъ и Константина Мономаха.

Но во всякомъ случаѣ Иларіонъ пробылъ на митрополіи недолго, и поставленіе его не послужило прецедентомъ на будущее время. Подъ 1055 г. (Новг II. 6563) упомнается уже митр. Ефремъ, судившій еп. Новгородскаго Луку. Слѣдовательно, и Ярославъ, и Иларіонъ сошли въ могилу приблизительно въ одно время. Можно думать, что Иларіонъ умеръ даже нѣсколько ранѣе Ярослава. Когда послѣдній скончался въ началѣ 1054 г. въ Вышгородѣ, то „возложьше на сани везоша и Кыеву, *попове поюще* обычныя пѣсни, плакашася по немъ людье". Хотя Ярославъ и былъ положенъ въ мраморной ракѣ въ созданной имъ Св. Софіи, но ни о какомъ участіи Иларіона въ погребеніи Ярослава не упоминается; слѣдуетъ думать, что митрополита въ это время въ Кіевѣ уже не было. Преемникомъ же Иларіона былъ грекъ Ефремъ. Такимъ образомъ, если соображенія наши о времени смерти Иларіона правильны, то Ярославъ не повторилъ поставленія митрополита изъ русскихъ [1]).

Послѣ Иларіона мы видимъ, что послѣдующіе митрополиты поставляются въ Греціи, а русскіе князья даже и не подымаютъ вопроса объ этомъ. Все это было бы очень странно, если бы вопросъ о митропо-

---

[1]) Греки, однако, если и примирились съ Иларіономъ, то, повидимому, имѣли зубъ противъ другого ставленика Ярослава—Луки Новгородскаго. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ преемника Иларіонова, грека Ефрема, было привлечь въ 1055 году (стало быть, уже послѣ смерти Ярослава) этого епископа къ суду по совершенно облыжному обвиненію со стороны его холопа, и Лука былъ продержанъ въ Кіевѣ въ заточеніи довольно долгое время, пока не обнаружилась его невиновность.

литѣ изъ русскихъ былъ до такой степени обдуманъ Ярославомъ, какъ это иногда предполагаютъ.

Впрочемъ, до половины XII вѣка въ поискахъ за митрополитами изъ русскихъ указываютъ на двухъ митрополитовъ, яко бы изъ русскихъ—Ефрема и Никифора; но и то и другое указаніе является явнымъ недоразумѣніемъ.

Въ лицѣ Ефрема мы имѣемъ не митрополита Кіевскаго, а митрополита Переяславскаго, т. е. простого епископа, названнаго митрополитомъ потому, что въ Переяславлѣ прежде была митрополія, которую перенесли въ Кіевъ уже при Ярославлѣ. Наименованіе Ефрема митрополитомъ можетъ служить только примѣромъ той путаницы, какая существовала у современниковъ Ярослава относительно значенія этого титула. Ефремъ, постриженникъ Печерской обители, жившій въ Константинополѣ и по порученію Ѳеодосія Печерскаго около 1063 года списавшій для него монастырскій уставъ, былъ хиротонисанъ, какъ выражается Несторово житіе Ѳеодосія, въ митрополиты Переяславскіе—„изведенъ бысть въ страну сію и поставленъ бысть митрополитомъ въ городѣ Переяславлѣ“. Лѣтопись же объясняетъ и причину такого страннаго наименованія, сообщая подъ 1089 годомъ. „Въ се же лѣто священа бысть церкы св. Михаила Переяславьская, Ефремомъ митрополитомъ тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже въ Переяславли митрополья“. Для лѣтописца этого достаточно, чтобы признать Ефрема за митрополита. И въ то же время онъ знаетъ, что въ 1089 году въ Кіевѣ былъ митр. Іоаннъ III. Впрочемъ, лѣтопись потомъ и сама поправляетъ свою ошибку, называя подъ 1091 годомъ Ефрема, совершенно правильно, *епископомъ* Переяславскимъ, да такъ же называетъ его и Симонъ Владимірскій.

Только Никоновская лѣтопись (6599) да Степенная книга именуютъ Ефрема митрополитомъ Кіевскимъ (очевидно, введены въ заблужденіе его титуломъ). А Приб. къ Ипат. лѣт. л. 6600 пишетъ: „Въ сіе лѣто посвященъ есть Ефремъ *Грекъ* на митрополію Кіевскую отъ Николая патріархи“.

Что касается до митр. Никифора изъ русскихъ, то о немъ мы находимъ указанія только у Татищева, который введенъ былъ въ недоразумѣніе Никоновской лѣтописью. Въ ней подъ 1097 годомъ, вмѣсто митрополита Николая, названъ митрополитъ Никифоръ, въ дѣйствительности прибывшій изъ Греціи лишь въ 1104 году, о чемъ и повѣствуется въ той же Никоновской лѣтописи на своемъ мѣстѣ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы исправить ошибку лѣтописца, Татищевъ заявляетъ, что были не одинъ, а два Никифора. Онъ говоритъ, что по смерти митрополита Ефрема въ 1096 году избранъ на его мѣсто, по волѣ великаго князя, Полоцкій епископъ Никифоръ и поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ (II, 169. Поставленіе митрополитовъ соборомъ русскихъ епископовъ вообще является излюбленною темою Татищева, какъ мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться); о прибытіи же дѣйствительнаго митр. Никифора Татищевъ говоритъ лишь подъ 1105 г. Мы полагаемъ, что здѣсь дѣло не въ опискѣ, какъ предполагаетъ митр. Макарій (II. 15 прим. 32), а именно въ толкованіи Татищевымъ извѣстія Никоновской лѣтописи о двухъ Никифорахъ.

Наши митрополиты по прежнему назначались изъ Византіи и изъ грековъ и, нужно сказать, что они превосходно выполняли возложенную на нихъ задачу—ввести Русь въ составъ имперіи. Во всякомъ случаѣ несомнѣнный фактъ, что набѣги русскихъ на Византію съ принятіемъ христіанства прекратились. Единственный походъ этого рода — Вышаты — произошелъ въ періодъ вакантности Кіевской митрополіи и въ глазахъ византійцевъ являлся не военнымъ походомъ, а разбойничьимъ набѣгомъ. Сами же греки продолжали называть русскихъ ромеями и считали потому для нихъ обязательными всѣ греческіе законы. Такъ митр. Іоаннъ II писалъ Іакову черноризцу относительно русскихъ, имѣющихъ двухъ женъ, что это недопустимо для нихъ, какъ для христіанъ и ромеевъ πόῤῥω γὰρ τοῦτο καὶ τῆς νῦν εὐσεβείας καὶ τῆς Ῥωμαικῆς εὐσχήμωνος πολιτείας. (Р.И.Б. VI. ст. 4, пр. 21). И нашъ митрополитъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и его современники, Вальсамонъ и Маркъ Александрійскій.

II.

Только въ половинѣ XII вѣка мы находимъ попытки поставить замѣщеніе русской митрополіи въ зависимость отъ русскаго великаго князя. И Изяславъ, и Андрей, съ именами которыхъ связаны эти попытки, дѣйствовали на этотъ разъ несомнѣнно сознательно, руководясь политическими соображеніями.

Произошло это въ отсутствіе митрополита, послѣ митрополита Михаила. О послѣднемъ извѣстно намъ очень мало, но и изъ этого малаго ясно, что онъ не пользовался авторитетомъ среди своей паствы. Въ 1134 или 1135 году епископъ Новгородскій Нифонтъ, державшійся, какъ извѣстно, суздальской стороны и плохо успѣвавшій удерживать новгородцевъ отъ проявленія вражды къ суздальцамъ, пригласилъ было къ себѣ на помощь митрополита Михаила въ Новгородъ, но совершенно напрасно: новгородцы не только пошли въ походъ противъ суздальцевъ, не взирая на запрещеніе со стороны митрополита, но и задержали въ Новгородѣ самого митрополита и отпустили его лишь послѣ мира съ суздальцами, вернувшись съ неудавшагося похода [1]).

Формальнаго отлученія на новгородцевъ однако наложено не было. Такъ слѣдуетъ заключить не только по выраженіямъ лѣтописи, но и по тому, что оно было бы невыгоднымъ прежде всего для Нифонта, съ которымъ Михаилъ былъ, какъ видно, въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Въ 1135 году онъ оказался не въ состояніи помирить кіевлянъ съ черниговцами; на этотъ разъ удачно выполнилъ эту миссію лишь Нифонтъ Новгородскій, пріѣхавшій спеціально за этимъ въ Кіевъ [1]).

---

[1]) Въ Новгородской и Софійской лѣтописяхъ говорится лишь о поѣздкѣ въ 1134 году митрополита Михаила въ Новгородъ, при чемъ оказывается, что Михаилъ былъ задержанъ въ Новгородѣ новгород-

То обстоятельство, что Новгородскій владыка оказывался болѣе популярнымъ въ Кіевѣ, чѣмъ мѣстный митрополитъ, конечно не говоритъ въ пользу послѣдняго.

Въ 1145 году этотъ Михаилъ отправился въ Константинополь, какъ видно, не вполнѣ добровольно, и

цами, не слушавшимися его увѣщаній, и отпущенъ лишь послѣ того, какъ походъ, предпринятый вопреки увѣщаніямъ митрополита, окончился полною неудачею.

Новг. 1. 6642· „Томъ же лѣтъ ходи Всеволодъ съ Новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали.. а Изяславъ иде Кыеву и раздьрася вся земля Русьская. Томъ же лѣтѣ рубоша Новгородць за моремъ въ Дони (Дани) и иде Исаія игуменъ съломъ Кыеву; приде опять съ митрополитомъ Михаиломъ Новугороду декабря въ 9. Въ то же лѣто, на зиму, иде Всеволодъ на Суждаль ратью, и вься Новгородьская область, мѣсяця декабря въ 31, и сташа денье зли, мразъ, вьялица, страшно зѣло, и бишася на Ждани горѣ, и много ся зла створи, и убиша посадника Новгородьскаго Иванка, мѣсяця генъваря въ 26, и Петрила Микулъциця, и много добрыхъ мужь, а Суждальць болѣ. и створше миръ придоша опять, и пустиша митрополита Кыеву, мѣсяця феураря въ 10, въ мясопустную недѣлю, а на Суждаль идуце не пустиша его, а онъ мълвяше имъ: не ходите, м е н е Б о г ъ п о с л у ш а е т ь, и пришьдъше даша посадництво Мирославу Гюрятиницю“. То же самое, только нѣсколько короче, говорится и въ Софійской, тамъ, напримѣръ, не говорится о поѣздкѣ Исаіи въ Кіевъ.

Судя по датѣ, слѣдуетъ предполагать, что дѣло происходило въ зиму съ 1133 на 1134 годъ, такъ какъ въ этомъ году мясопустная недѣля (Пасха 15 апрѣля), дѣйствительно. приходилась на 11 февраля, что очень близко къ показаніямъ лѣтописи. Подъ слѣдующимъ же 1135 годомъ (6643) мы находимъ въ Новгородской лѣтописи. „Ходи Мирославъ посадникъ изъ Новагорода мирить Кыянъ съ Черниговьци, и приде не успѣвъ ницто же“.

Слова; „мене Богъ послушаетъ“ естественнѣе всего истолковать, какъ отлученіе, наложенное на новгородцевъ на случай непослушанія и нежеланія умириться съ суздальцами. Если это такъ, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ первый случай наложенія отлученія на городъ митрополитомъ по политическимъ мотивамъ

Но изложеніе Никоновской лѣтописи подъ 6643 годомъ, передѣланное изъ этихъ извѣстій новгородскихъ лѣтописей, не поддерживаетъ такого толкованія „Того же лѣта Михаилъ митрополитъ Кіевски и всея Руси посла запрещеніе на весь Новъгородъ; Новгородци же съ княземъ ихъ Всеволодомъ Мьстиславичемъ и съ епископомъ Нифонтомъ оскорбишася зѣло, и послаша къ Михаилу митрополиту въ Кіевъ съ челобитьемъ, просяще прощеніа, Исаію игумена съ посломъ Якуномъ Иванковымъ, посломъ Новгородцкимъ. (Какъ мы видѣли, объ этомъ въ Новгородской лѣтописи нѣтъ ни слова). И приятъ бысть

обратно не вернулся. Удаленіе его совпадаетъ съ образованіемъ антигреческой партіи, какъ въ Кіевѣ, такъ и на Волыни.

Въ эту пору происходила упорная борьба византійцевъ съ венграми, въ которую были втянуты и русскіе. Союзниками грековъ противъ Гезы Венгерскаго были Владимірко Галицкій и его сватъ, Юрій Суздальскій.

Михаилъ митрополитъ Кіевски и всея Руси отъ всего Новагорода съ великою честію и радостію. И паки нѣціи злии человѣци начаша въздвизати Всеволода Мстиславича воинствовати на Суздаль и на Ростовъ; и сіа услышавъ Михаилъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси запрѣщаше князю Всеволоду Мстиславичю и всѣмъ Новгородцемъ, да не проливаютъ напрасно крови христіанскіа и не творятъ брани. И въсхотѣ Михаилъ митрополитъ ити въ Кіевъ, и не пустиша его Новгородци, и не токмо его, но ни единаго человѣка его, дабы вѣстъ не была въ Суздалѣ и въ Ростовѣ. Митрополитъ же нача глаголати имъ: „аще преслушавъ мене поидете... не угодно вамъ будетъ; аще бо и грѣшенъ есмь, но и мене грѣшнаго услышитъ Господь Богъ, молящася ему со слезами (Очевидно, фраза Михаила, какъ она передана въ Новгородской лѣтописи, показалась лѣтописцу слишкомъ самоувѣренной, и онъ постарался ее смягчить, но и тутъ не упоминаетъ ни о какомъ отлученіи, хотя оно именно здѣсь-то было бы умѣстно и здѣсь-то его и слѣдовало бы ожидать) Они же начаша негодовати на митрополита, и многы вины глаголаша на Ростовцевъ и на Суздальцовъ“. Далѣе, умалчивая о томъ, что суздальцевъ пало больше, чѣмъ новгородцевъ, (лѣтописецъ-новгородецъ хотѣлъ этимъ нѣсколько смягчить горечь неудачи своихъ земляковъ, Никоновская лѣтопись забываетъ упомянуть и о томъ, что митрополитъ былъ, наконецъ, отпущенъ изъ Новгорода, чѣмъ можетъ ввести въ совершенное заблужденіе читателя. Повторяемъ, Никоновская лѣтопись желаетъ объяснить и украсить извѣстія первоначальныхъ лѣтописей и носитъ, несомнѣнно, производный характеръ, не дающій основаній опираться на нее, какъ на болѣе древнія лѣтописи. Но и въ ней мы не находимъ извѣстія о наложеніи митрополитомъ отлученія въ собственномъ смыслѣ слова, хотя новгородцы и вели себя не только непослушно по отношенію къ нему, но даже и съ полнымъ отсутствіемъ уваженія.

Новг. 1. 6643: „Ходи Мирославъ посадникъ изъ Новагорода мирить Кыянъ съ Черниговьци, и приде не успѣвъ ницто же; сильно бо възмялася вся земля Русьская.... Въ то же лѣто, на зиму, иде въРусь архепископъ Нифонтъ, съ лучьшими мужи, и заста Кыяны съ Черниговьци стояще противу собе и множьство вои; и Божіею волею съмиришася, а Мирославъ преставися до владыкы, генуаря въ 28; а епископъ приде феураря въ 4; а посадництво даша Костянтину Микулъцицю Новѣгородѣ“.

Миротворцемъ оказывается на сей разъ не митрополитъ, а Нифонтъ Новгородскій. Татищевъ, (II. 219), идетъ въ своихъ предположеніяхъ еще

Юрій былъ женатъ на гречанкѣ, а сынъ Владимірка, Ярославъ, былъ женатъ на дочери его. Противную имъ партію представлялъ Изяславъ Волынскій, шуринъ Гезы Венгерскаго; онъ постоянно поддерживалъ своего зятя. Хотя упорная борьба Мануила противъ Гезы и началась лишь въ 1152 году, но и ранѣе, въ 1149 г., Геза самъ заявлялъ, что онъ „ратенъ царю“; а еще ранѣе Геза поддерживалъ противъ Мануила своихъ родственниковъ, владѣтелей Сербіи и Босніи. Такимъ образомъ Владимірко и Юрій являлись дорогими союзниками грековъ, и самый походъ Мануила въ Венгрію 1152 года Киннама объясняетъ, именно, какъ результатъ желанія императора спасти своего союзника Владимірка отъ Гезы [1]).

далѣе. Онъ полагаетъ, что митр. Михаилъ, по желанію князя Ярополка, услышавшаго о возмущеніи (?) новгородцевъ, писалъ къ нимъ посланіе, въ которомъ убѣждалъ ихъ прекратить мятежи и „на нѣкоторыхъ наложилъ клятву“. Татищевъ не объясняетъ, кто были нѣкоторые, и почему клятва наложена только на нихъ, а не на всѣхъ новгородцевъ Разсказъ Татищева не находитъ ни малѣйшаго подтвержденія въ лѣтописяхъ, не только древнихъ, но и Никоновской. Онъ даже противорѣчитъ послѣдней, которая ставитъ поѣздку Исаіи въ Кіевъ послѣ извѣстія о примиреніи Ярополка со Всеволодомъ. Ник. 6643· „Таже умирися князь Ярополкъ Кіевскій съ Всеволодомъ, придаде Переаславль Андрѣю, брату своему, а Володимеръ—Изяславу Мстиславичю“.

[1]) Киннама II. 11 передаетъ, что ромеи вторглись и опустошали Венгрію въ отсутствіе Гезы, воевавшаго въ это время въ Галиціи, и уже готовы были перейти Саву, „какъ разнѣслась молва, что король Пэонянъ (Венгровъ), счастливо окончивъ войну противъ Галиціи, страны Тавроскиѳской, и располагая огромными силами, съ великимъ рвеніемъ идетъ на римлянъ. *А царь за то особенно и мстилъ ему, что онъ напалъ на Владиміра, союзника римлянъ, вопреки его желанію*“. Такимъ образомъ, по объясненію Киннамы, вторженіе Мануила въ Венгрію было собственно диверсіею, предпринятою въ защиту Владиміра Галицкаго, диверсіею, которая однако не спасла его, если бы не излишняя довѣрчивость Гезы. По нашимъ лѣтописямъ получается слѣдующее. Въ 1152 году Владимірко напалъ на Угорскую помощь, шедшую къ Изяславу въ Кіевъ, и, пользуясь тѣмъ, что венгры оказались мертвецки пьяны, перебилъ ихъ за исключеніемъ немногихъ. Тогда на слѣдующій годъ Изяславъ и Геза рѣшили отомстить противнику и двинулись на него. На этотъ разъ пошелъ самъ король, не взирая на

Мы видѣли уже, что митр. Михаилъ стоялъ на сторонѣ Юрія Суздальскаго; онъ долженъ былъ стоять и на сторонѣ Владимірка. Но этотъ Владимірко уже въ 1144 г. принужденъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній на Кіевъ въ пользу Игоря; да и кіевляне отъ всей души любили какъ разъ противника Владимірка, Изяслава Мстиславича Волынскаго. Уже это одно дѣлало положеніе митрополита Михаила въ Кіевѣ очень тяжелымъ и достаточно объясняетъ его отъѣздъ въ Константинополь.

Въ періодъ отсутствія его Изяславъ Мстиславичъ 13 августа 1146 года завладѣлъ Кіевомъ и, естественно, долженъ былъ подумать и о своихъ отношеніяхъ къ митрополиту. Изяславъ не могъ ожидать ничего хорошаго отъ митрополита—грека, тѣмъ болѣе, что и безъ митрополита духовенство было противъ Изяслава. Взявъ въ 1146 году Туровъ, онъ призадержалъ у себя епископа Туровскаго. Другимъ извѣстнымъ намъ политическимъ узникомъ Изяслава былъ впослѣдствіи еп. Новгородскій Нифонтъ. Для князя, державшагося такой рѣшительной политики относительно епископовъ, было бы въ высшей степени важно имѣть при себѣ преданнаго митрополита, чтобы черезъ него держать въ повиновеніи и епископовъ.

Лѣтомъ 1147 года онъ и рѣшился замѣстить пустовавшую каѳедру природнымъ русскимъ и безъ сношеній съ Константинополемъ. Моментъ выбранъ былъ

то, что, судя по Киннамѣ, по просьбѣ Владимірка на Венгрію пошелъ Манунлъ. Владимірко былъ совершенно разбитъ союзниками подъ Перемышлемъ и, только подкупивъ совѣтниковъ короля, избѣгъ смерти и дѣлежа его волости побѣдителями, на которомъ настаивалъ Изяславъ. Какъ водится, Владимірко нарушилъ крестное цѣлованіе и на этотъ разъ; но и послѣ этого разгрома Изяславъ безъ помощи венгровъ, занятыхъ греками, не рѣшался напасть на Владимірка. Осторожность его слѣдуетъ признать совершенно основательною. Когда по смерти Владимірка онъ напалъ было на сына его, Ярослава, то онъ послѣ кровопролитнаго сраженія потерялъ почти всѣхъ своихъ дружинниковъ и, конечно, былъ бы совершенно разбитъ, если бы при галицкихъ войскахъ былъ князь, тогда какъ въ его отсутствіе произошло полнѣйшее замѣшательство.

очень удачно, принимая во вниманіе тѣ затрудненія, какія испытывали въ это время греки.

Въ Константинополѣ въ эту пору царила полнѣйшая неурядица и въ церковныхъ и въ политическихъ дѣлахъ. Патріархъ Михаилъ Окситъ, занимавшій престолъ до 1146 г., кончилъ тѣмъ, что самъ призналъ себя недостойнымъ, отказался отъ него, удалился въ Оксію въ 1146 году, гдѣ и наложилъ на себя покаяніе за то, что согласился было быть патріархомъ. Преемникъ же его, Косьма Аттикъ (1146—1147), оказался еще менѣе удачнымъ. Онъ не имѣлъ никакого понятія ни о тактѣ, ни объ управленіи и, послѣ крупнаго скандала, былъ низложенъ патріаршимъ синодомъ. До конца 1147 года патріаршій престолъ оставался вакантнымъ, такъ какъ императору было не до церковныхъ дѣлъ.

На имперію со всѣхъ сторонъ надвигались враги. Въ 1144 году во власть масульманъ перешла Эдесса. Вѣсть объ этомъ вызвала Второй крестовый походъ, а крестоносцы смотрѣли на схизматиковъ-грековъ почти съ такою же ненавистью, какъ и на масульманъ. Весною 1147 года черезъ византійскія владѣнія прошли нѣмецкія дружины крестоносцевъ, въ октябрѣ же къ Константинополю явились французы съ Людовикомъ VII, и тутъ чуть было не произошла катастрофа: благочестивый король началъ помышлять, не лучше ли начать освобожденіе Святой земли съ уничтоженія царства схизматиковъ? Византійцамъ лишь съ трудомъ удалось удалить французовъ въ Азію. Въ то же время флотъ Рожера Сицилійскаго захватилъ Корфу и ограбилъ Коринѳъ и Ѳивы. Однимъ словомъ, грекамъ было не до Руси и не до русскаго митрополита.

Выборъ Изяслава палъ на нѣкоего Климента Смолятича. Относительно великокняжескаго кандидата мы имѣемъ довольно много извѣстій изъ различныхъ источниковъ, и всѣ они говорятъ въ его пользу. Его можно признать человѣкомъ достойнымъ и пользовавшимся общимъ уваженіемъ даже со стороны враговъ. Это былъ инокъ изъ Заруба и притомъ схимникъ. „Постави Изяславъ митрополитомъ Клима

Смолятича, выведъ изъ Заруба". (Ипат 6655). О кіевскомъ или смоленскомъ Зарубѣ идетъ рѣчь, изъ лѣтописи не видно, но другимъ же данным вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу Смоленска. На это указываетъ прежде всего прозвище Смолятичъ, т. е. изъ Смоленска, что для монаха должно обозначать не мѣсто его рожденія, а мѣсто его иноческихъ подвиговъ. Выраженіе лѣтописи „выведъ изъ Заруба" заставляетъ предполагать, что Зарубъ находился не около Кіева, а довольно далеко отъ него. Изъ свидѣтельства Кирика видно, что недалеко отъ Климова монастыря былъ греческій монастырь. Если не искать этого монастыря на Аѳонѣ, то его естественнѣе всего поискать въ Смоленскѣ [1]). Еще до поставленія Клима къ нему обратился за разрѣшеніемъ одного вопроса церковной практики Полоцкій епископъ, а Климъ, въ свою очередь, обратился за разрѣшеніемъ этого же вопроса къ Нифонту Новгородскому. Это доказываетъ, что Нифонтъ былъ сосѣдомъ Клима, что указываетъ на Смоленскъ и, во всякомъ случаѣ, не на Кіевъ: кіевлянинъ естественно обратился бы за разрѣшеніемъ сомнѣнія къ митрополиту, а не сталъ бы наводить справки въ отдаленномъ Новгородѣ. Въ бытность митрополитомъ Климентъ переписывался со своимъ природнымъ „напрѣснымъ" княземъ и его пресвитеромъ Ѳомою. Какъ увидимъ, наиболѣе вѣроятно лишь то предположеніе, что дѣло идетъ о Ростиславѣ Смоленскомъ.

Такимъ образомъ, если видѣть въ словѣ Зарубъ названіе города, то, по всей вѣроятности, дѣло идетъ о смоленскомъ Зарубѣ [2]). Но былъ ли Климъ родомъ

---

[1]) Видѣть же здѣсь указаніе на Аѳонъ мѣшаетъ буквальный смыслъ текста. „Въ томъ монастыри, идѣ-то Климъ, кресты въздвизаетъ попинъ чернець, не игоуменъ въ росьстѣмь, а въ гречьстѣмь игоуменъ". Кирикъ говоритъ о томъ монастырѣ, въ какомъ жилъ Климъ, когда онъ къ нему обратился; на Аѳонѣ же, вѣроятно, была однообразная богослужебная практика. (РИБ. VI. 29).

[2]) Никоновская лѣтопись, впрочемъ, принимаетъ это слово за тождественное со словомъ затворъ (Никон. 6655).

изъ Смоленска, это—сомнительно. Лаврентіевская лѣтопись называетъ его русиномъ; это указываетъ скорѣе на южно-русское происхожденіе Клима.

Относительно личныхъ достоинствъ Клима враждебная ему Ипатіевская лѣтопись даетъ такой отзывъ: „бѣ бо черноризечь скимникъ и бысть книжникъ и философъ такъ, яко же въ Русской земли не бяшеть“. Такой, очевидно, преувеличенный отзывъ о достоинствахъ Клима, какъ увидимъ, вызванъ особыми соображеніями лѣтописца; но для своего времени Климентъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ недюжинный. Еще до избранія своего въ митрополиты онъ пользовался среди русскихъ большимъ авторитетомъ въ церковныхъ вопросахъ. На него ссылались и къ нему обращались въ недоумѣнныхъ случаяхъ не только изъ Полоцка, но и изъ Новгорода, гдѣ былъ такой знатокъ въ этой области, какъ Нифонтъ. Содержаніе нѣкоторыхъ его отвѣтовъ, записанныхъ извѣстнымъ Кирикомъ и отчасти Саввою наравнѣ съ отвѣтами Нифонта, говоритъ въ пользу Клима [1]).

Современники считали Клима философомъ; мы же

---

[1]) Климъ былъ хорошо знакомъ съ церковными обычаями Константинополя (Кирикъ вопр. 38), по всей вѣроятности, ознакомившись съ ними при путешествіи туда. Онъ былъ строгій постникъ, болѣе строгій, чѣмъ его противникъ и совопросникъ Нифонтъ (Саввино вопр. 5).

Выходя изъ того положенія, что „не на грѣхъ положена своя жена“, онъ не только разрѣшалъ сожительство супруговъ въ комнатѣ съ иконами (Саввино вопр. 4), но и расходился съ греками въ вопросахъ о допустимости причащенія священникомъ своей попадьи. Климентъ, уже будучи митрополитомъ, не видѣлъ въ этомъ никакого грѣха, тогда какъ греческая практика или запрещала это совершенно или разрѣшала лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Вопр. Кириково гл. 20. „Рѣхъ (—че) митрополиту (—ъ) причащатися попадьи у своего попа достоить (ли). Есть ли, рече, то (г) рѣхъ, есть ли ти оконо (и) помолча“. По такъ называемымъ правиламъ Никифора Исповѣдника причащеніе своей жены допускается лишь въ случаѣ отсутствія другого священника (Pitra Hist et Mon. II p. 340 can 143). По псевдо-зонарину номоканону одно правило (60-е) воспрещаетъ священнику отказывать ся отъ причащенія жены при отсутствіи посторонняго священника, другое же (пр. 125) совершенно воспрещаетъ причащать свою попадью.

можемъ судить о его философіи и по дошедшему до насъ посланію Клима къ пресвитеру Ѳомѣ [1]).

Судя по нему, и Климентъ и его противники, Ѳома и Григорій, умѣли читать по — гречески. „Григорій", пишетъ Климъ Ѳомѣ, „зналъ альфу, якоже и ты, виту, подобно и всю 24 словесъ грамоты". (стр. 522) Климъ упоминаетъ имена Омира, Аристотеля, Платона, но считаетъ нужнымъ оправдываться въ знакомствѣ съ ними и даже открещиваться отъ него. На обвиненіе Ѳомы—„Славишися пиша, философъ ся творя" (т. е. пиша, ты ищешь славы, стараясь прослыть за философа), Климъ называетъ неправильнымъ утвержденіе, будто бы онъ оставилъ почитаемыя писанія, а писалъ отъ Омира, Аристотеля, Платона, знаменитыхъ въ „Еллинскихъ нырѣхъ". Философію же онъ видѣлъ не въ знакомствѣ съ ними, а въ изысканіи „по тонку" смысла отдѣльныхъ мѣстъ Св. Писанія, находя его въ аллегорическомъ толкованіи, и прямо заявлялъ, что его не интересуетъ буквальный смыслъ текста. „Что мнѣ Іаковъ и его двѣ жены, Лія и Рахиль, если понимать ихъ буквально, а не доискиваться духовнаго смысла" (стр. 214—216). И вотъ, по мнѣнію Клима, больная очами Лія подъ покрываломъ означаетъ невѣрующихъ іудеевъ, а Рахиль—вѣрующихъ язычниковъ. Такими весьма подчасъ темными и всегда произвольными толкованіями наполнено все письмо къ Ѳомѣ, да и въ нихъ Климентъ не былъ самостоятеленъ, а пользовался различными сборниками такихъ толкованій [2]).

---

[1]) Никольскій. О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича. СПБ. 1892. стр. 103 сл.

[2]) „Характеристика, данная себѣ Даніиломъ Заточенникомъ, какъ нельзя болѣе подходила бы и къ Климу, „Азъ не за море ходилъ, ни отъ философъ научился; но быхъ, яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ, и совокупляя, яко медвяный сотъ; тако и азъ, по многимъ книгамъ собирая сладость словесную, разумъ совокупихъ, яко мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла". Такъ же мало оригиналенъ былъ и Климъ. Своимъ символизмомъ и аллегоризмомъ чрезвычайно напоминаетъ другого южнаго проповѣдника—Кирилла Туровскаго, который даже въ описаніи весны ухитряется найти аллегоріи.

Въ нашихъ глазахъ Климентъ былъ лишь начетчикъ-самоучка, лишенный систематическаго образованія. Но эти то толкованія, повидимому, и нравились современникамъ и доставили ему славу великаго философа. Нынѣшній читатель скорѣе согласился бы съ отзывомъ Ѳомы о такой quasi-философіи. Таковъ былъ кандидатъ Изяслава.

Схимникъ Климъ не устоялъ противъ искушенія честолюбія и согласился на предложеніе великаго князя. Въ этомъ онъ принужденъ признаться самъ въ посланіи къ Ѳомѣ. „Удивительно, какъ ты говоришь мнѣ—„Ты пщешь славы“. Я указалъ бы тебѣ тѣхъ, которые дѣйствительно хотятъ славы, которые пріобрѣтаютъ домъ къ дому и села къ селамъ, изгоевъ, сябровъ, борти, пожни, ляда и старины. (Намекъ на своего врага Манупла Смоленскаго, одареннаго Ростиславомъ?) Отъ нихъ окаянный Климъ вполнѣ свободенъ“. Но послѣ этой попытки оправдаться въ обвиненіи Ѳомы Климъ наивно сознается, что онъ не устерегся „піявицы оныя“, т. е. честолюбія, и въ свое оправданіе приводитъ лишь соображенія, что во-первыхъ честолюбіе свойственно всѣмъ, а во-вторыхъ онъ не искалъ власти. Многіе презрѣли богатство, славы же—никто. „Славы и власти желаютъ не только міряне, но и монахи: честолюбіе преслѣдуетъ каждаго изъ насъ до гроба. Если кто изъ насъ достигаетъ глубокой старости, то и тогда никакъ не можетъ избавиться отъ славолюбія“ [1]). Такія разсужденія рисуютъ Клима отнюдь не съ идеальной стороны и подрываютъ довѣріе и къ послѣдующимъ его словамъ. „Вѣдущій сердца и утробы, Той единый знаетъ, сколько я молился, чтобы избѣжать власти“. „Если же по его смотрѣнію она тѣмъ не менѣе выпала на мою долю, то не подобало Ему противитися“. Такая мысль высказана Климомъ не невзначай: онъ неоднократно къ ней возвращается и въ другомъ

---

[1]) Мнози бо богатство прѣзрѣша, славы же ни единъ (стр. 104 стр. 18—49) Славы и сласти не токмо мирьстіи желають, но и мниси, ея хотѣнне комуждо насъ послѣдуеть и до гроба аще бо и кто насъ во глубоку старость дойдеть, то и ту никакого славолюбіа остатися не можеть (стр. 123, стр. 454—459).

мѣстѣ посланія (стр. 705—716): „Если мы, будучи тварію Божіею, какъ хотимъ, распоряжаемся сотворенною Имъ тварію, то что же мы, возлюбленный, должны думать о Богѣ?.... Не подобаетъ ли Ему распоряжаться сотворенною Имъ тварію и управлять Своимъ великоименитымъ кораблемъ, какъ онъ хочетъ; намъ же нелѣпо противитися Ему, а слѣдуетъ только славить и благодарить Его“ [1]). Климъ не замѣчаетъ нескромности даже въ признаніи себя избранникомъ Божіимъ и серіозно утверждаетъ, что онъ получилъ власть по особому смотрѣнію Божію. Наивное самохвальство Клима для насъ изумительно, но, по всей вѣроятности, Климъ былъ въ этомъ случаѣ лишь сыномъ своего вѣка.

Вопросъ о поставленіи Клима и былъ рѣшенъ лѣтомъ 1147 года на соборѣ русскихъ епископовъ въ Кіевѣ. Соборъ этотъ съ нашей, современной точки зрѣнія, не могъ бы быть признанъ за избирательный въ собственномъ смыслѣ слова. На немъ не было рѣчи о выборѣ кандидата въ митрополиты; кандидатъ этотъ былъ предложенъ собору Изяславомъ, совершенно согласно постановленію объ этомъ Юстиніанова законодательства. Никто на соборѣ и не отрицалъ права Изяслава сдѣлать такое представленіе, равно какъ никто не отрицалъ и достоинствъ Клима; рѣчь шла лишь о томъ, можно ли поставить его безъ участія Константинопольскаго патріарха?

Ходъ дѣла на соборѣ представляется намъ далеко не во всемъ яснымъ. Свѣдѣнія о происходившемъ на немъ приходится черпать изъ довольно спутаннаго изложенія Ипатіевской лѣтописи, считавшей поставленіе Климента неправильнымъ и незаконнымъ, но въ то же время старавшейся обѣлить въ этомъ Изяслава. Лѣтопись даетъ прежде всего поименный списокъ участвовавшихъ въ соборѣ епископовъ, указывая, что на соборъ „снидошася“ Онуфрій Черниго-

---

[1]) Да аще мы убо тварь суще божіа отъ него сотвореною тварію дѣйствуемъ яко же хощемъ... то нѣсть ли ему лѣпо дѣйствовати отъ него съ творею тварію, яко же хощеть, управляти великоименыты свой корабль (церковь?) смотренію же его нѣсть ны ся лѣпо супротивити токмо славити.

скій, Ѳеодоръ Бѣлгородскій, Евфимій Переяславскій, Даміанъ Юрьевскій, Ѳеодоръ Владимірскій, Нифонтъ Новгородскій, Мануилъ Смоленскій—всего семь епископовъ. Но такъ какъ ни Нифонтъ ни Мануилъ, какъ увидимъ, въ поставленіи Климента не участвовали, Лаврентіевская же лѣтопись даетъ точное число участвовавшихъ въ немъ—шесть, то, очевидно, что въ Ипатіевской лѣтописи есть въ этомъ мѣстѣ пропускъ имени этого шестого. Можно догадываться, что это былъ Іоакимъ Туровскій. Онъ былъ плѣнникомъ Изяслава и не могъ не быть въ это время въ Кіевѣ. Любопытно, что этотъ пропущенный Ипатіевскою лѣтописью Іоакимъ Туровскій, правильно указанъ въ печатномъ изданіи Кіевскаго патерика (Житіе Нифонта), который, кромѣ того, указываетъ въ числѣ членовъ собора еще Косьму Полоцкаго, тоже не указаннаго въ Ипатіевской лѣтописи. Какъ объяснить, что патерикъ, въ своемъ изложеніи слѣдующій преимущественно ей, здѣсь дѣлаетъ такое важное отступленіе отъ своего источника? Къ этому вопросу намъ еще придется вернуться; теперь же замѣтимъ, что перечень патерика не является перечнемъ всѣхъ епископовъ, которые могли быть извѣстны его автору по Ипатіевскоій лѣтописи: въ немъ мы не находимъ современника собора, Нестора Ростовскаго.

При такомъ составѣ собора Изяславъ могъ считать поставленіе Климента обезпеченнымъ: большинство епископовъ (шесть) были южно-руссы, или вполнѣ отъ него зависѣвшіе, или вполнѣ ему преданные. Но оппозиція оказалась болѣе сильною, чѣмъ Изяславъ ожидалъ: на соборѣ противъ Онуфрія Черниговскаго, поддерживавшаго кандидатуру Клима, выступили Нифонтъ Новгородскій и Мануилъ Смоленскій. Относительно Онуфрія Черниговскаго извѣстно, что онъ былъ посвященъ въ Кіевѣ въ 6651 (1142—1143) году. Въ 1146 году онъ приводилъ къ крестному цѣлованію Давыдовичей и Ольговичей, при чемъ сказалъ своимъ пресвитерамъ: „Аще кто сего крестнаго цѣлованія ступитъ, проклятъ будетъ Господскима 12 праздникома“. (Ипат. 6664). Какъ мѣсто поставленія, такъ и своеобразная формула отлученія, употребленная Онуфріемъ,

заставляютъ предполагать въ немъ не грека, а русскаго; къ тому же въ высшей степени невѣроятно, чтобы грекъ рѣшился требовать поставленія митрополита изъ русскихъ, безъ участія патріарха и въ самомъ же Кіевѣ. Противника Онуфрія, Нифонта Новгородскаго, одни считаютъ русскимъ, другіе грекомъ. Въ пользу русскаго происхожденія его говорятъ данныя житія, составленнаго священно-инокомъ Варлаамомъ по порученію митр. Макарія (Пам. стар. русской литературы IV стр. 1 сл.). Варлаамъ, на основаніи преданія основаннаго Нифонтомъ Псковскаго Спасопреображенскаго монастыря, пишетъ, что мірское имя Нифонта было Никита, и что онъ родился въ окрестностяхъ Кіева. [1]).

Нѣкоторые изъ сохранившихся каноническихъ отвѣтовъ его тоже не показываютъ въ немъ грека. Такъ онъ, напр., не одобрялъ, подобно новгородцу Кирику, паломничествъ русскихъ на востокъ, что едва ли бы сдѣлалъ грекъ [2]). Но въ то же время несомнѣнно, что Нифонтъ былъ не меньшимъ знатокомъ правилъ, чѣмъ самъ Климентъ. Можно думать, что онъ былъ и знатокомъ греческаго языка, знакомство съ которымъ не могло быть рѣдкостію въ Кіевѣ уже въ

---

[1]) Не довѣрять этому показанію не находитъ основаній даже Ключевскій, строгій критикъ житій святыхъ. „Нѣтъ основаній“, пишетъ онъ, „отвергать извѣстіе о кіевскомъ происхожденіи Нифонта, тѣмъ болѣе, что мнѣніе, считающее его грекомъ, есть догадка, не имѣющая достаточной опоры. Принимая свидѣтельство о кіевскомъ происхожденіи митр. Нифонта, почему не признать достовѣрнымъ и свидѣтельство о мірскомъ имени Нифонта-Никита?“ (Житія святыхъ 262) Прибавимъ, что указаніе мірского имени святого не требовалось правилами русской агіографіи; память же о происхожденіи подвижника сохранялась гораздо долѣе, чѣмъ его имя мірское. Достаточно вспомнить о житіи Ѳеодосія Печерскаго, не говоря уже о другихъ. Варлааму не для чего было бы выдумывать эти данныя, если бы онь почему-нибудь ихъ не имѣлъ.

[2]) „ А иже се рѣхъ идоуть въ стороноу въ Іероусалимъ къ святымъ, а дроугымъ азъ бороню, не велю ити· сдѣ велю добромоу іемоу быти. Нынѣ дроугоіе оуставихъ іесть ли ми, владыко, въ томь грѣхъ?— Велми, рече, добро твориши, да того дѣля идеть, абы порозноу ходяче ясти и пити; а то ино зло борони, рече“. (Р. И. Б. VI. 27).

Еще болѣе суровый отвѣтъ получилъ Савва: „Ходили бяхоу ротѣ, хотяче въ Іероусалимъ —Повелѣ ми опитемью дати; та бо, рече, рота гоубить землю сию“. (Р. И. Б. VI. 62).

силу постоянныхъ сношеній южно-руссовъ съ Константинополемъ. Мѣстомъ постриженія житіе считаетъ Печерскій монастырь. Это подтверждается и Ипатіевскою 6664, разсказомъ о предсмертномъ видѣніи Нифонту Ѳеодосія Печерскаго, гдѣ послѣдній называетъ его, архіепископа, „брате, сыну Нифонте“, и тѣмъ, что имя Нифонта Новгородскаго стоитъ въ Симоновомъ спискѣ епископовъ, постриженниковъ Печерскаго монастыря. Патерикъ указываетъ на время постриженія Нифонта, на игуменство Тимоѳея (1124—1131). Въ 1139 году Нифонтъ былъ поставленъ епископомъ въ Новгородъ, гдѣ и словомъ и дѣломъ онъ строго поддерживалъ церковную дисциплину. Такъ въ 6653 году онъ лишилъ погребенія двухъ утонувшихъ (утопившихся?) поповъ (Новг.). Еще ранѣе онъ воспретилъ вѣнчаніе новгородскаго князя Святослава, считая его бракъ незаконнымъ.

Что же касается до другого противника Климента, Мануила Смоленскаго, то это былъ пришлецъ изъ Греціи, софійскій пѣвчій, „пѣвецъ гораздый“ и къ тому же скопецъ. Вѣроятно, своимъ голосомъ онъ и понравился Ростиславу, взявшему его въ епископы вновь открытой каѳедры въ Смоленскѣ (въ 1137 году). Можно думать, что Мануилъ былъ прекраснымъ хозяиномъ и, благодаря вліянію на Ростислава, хорошо обставилъ Смоленскую каѳедру съ имущественной стороны. Но, несмотря на свое греческое происхожденіе, Мануилъ не пользовался среди своихъ современниковъ славою знатока правилъ; въ сомнѣніяхъ, какъ мы уже видѣли, обращались къ Клименту или Нифонту, а не къ Мануилу. И на соборѣ 1147 года душою оппозиціи Клименту былъ Нифонтъ, а не Мануилъ.

Мы считаемъ неосновательными сомнѣнія въ томъ, былъ ли Нифонтъ на соборѣ 1147 года. Сомнѣніе вызывается Новгородскою лѣтописью, ничего не упоминающею о поѣздкѣ Нифонта въ Кіевъ въ 1147 году, хотя лѣтописецъ былъ очень близокъ къ Нифонту, очень его любилъ и тщательно заносилъ въ лѣтопись его поѣздки. Но вѣдь Новгородская лѣтопись не упоминаетъ ни подъ 1147 ни подъ 1148 годомъ и о по-

ставленіи Климента, и едва ли такое молчаніе можно признать за случайное. Какъ Нифонтъ, такъ и лѣтописецъ, желали просто игнорировать Клима, а для этого лучше всего было не говорить ни о соборѣ, ни о поѣздкѣ Нифонта въ Кіевъ. Въ 1149 году лѣтописецъ принужденъ былъ упомянуть о Климѣ, такъ какъ Нифонта отправили на судъ къ Климу. Къ тому же нельзя съ увѣренностію сказать, дѣйствительно ли лѣтописецъ былъ вполнѣ точенъ въ записи всѣхъ поѣздокъ Нифонта. Самымъ же существеннымъ въ нашихъ глазахъ является то обстоятельство, что молчаніе одной изъ нашихъ лѣтописей о какомъ-нибудь событіи нельзя считать доказательствомъ невѣрности положительнаго сообщенія объ этомъ событіи другой лѣтописи. Между тѣмъ весь разсказъ Ипатіевской лѣтописи утратилъ бы всякій смыслъ, если предположить, что Нифонта на соборѣ не было.

Переходя къ самому изложенію исторіи поставленія Клима, мы тотчасъ же сталкиваемся со слѣдующимъ: Лаврентіевская лѣтопись всю активную роль приписываетъ Изяславу, какъ оно, конечно, и должно было быть и было на самомъ дѣлѣ; Ипатіевская же лѣтопись борется между чувствами ненависти къ Клименту и расположенія къ Изяславу и потому употребляетъ всѣ усилія, чтобы оправдать своего любимца въ этомъ дѣлѣ, или по крайней мѣрѣ смягчить его вину. Смягчающимъ обстоятельствомъ служатъ прежде всего высокія достоинства Клима. Вотъ почему Климъ оказывается такимъ небывалымъ на Руси философомъ, — „философъ такъ, яко же въ Руской земли не бяшеть“; объ участіи же Изяслава въ поставленіи Клима не упоминается ни словомъ, и вся активная роль приписана Онуфрію Черниговскому. На соборѣ 1147 года дебатировался вопросъ лишь о посвященіи Клима, а отнюдь не объ его избраніи членами собора. Уже поэтому одному роль Онуфрія не могла быть активною: онъ является лишь орудіемъ Изяслава, и собственно участвовалъ лишь въ дебатахъ о посвященіи.

Онуфрій отвѣчалъ на заявленныя, вѣроятно, Нифонтомъ, сомнѣнія въ возможности поставленія митрополита безъ участія патріарха въ смыслѣ допустимости

такого поставленія. „Азъ свѣдѣ, яко достоинъ сошедшеся епископомъ митрополита поставити". Едва ли Онуфрій имѣлъ при этомъ въ виду только прецедентъ при Ярославѣ I. Въ такомъ случаѣ мы были бы вправѣ ожидать у него прямой ссылки на Ярослава, чего мы не находимъ. Къ тому же прецедентъ съ Иларіономъ могъ быть обращенъ и противъ Онуфрія: вѣдь послѣ этой попытки другихъ попытокъ этого рода не было, и возвратились къ прежней практикѣ назначенія митрополитовъ изъ Византіи; поступокъ Ярослава тѣмъ самымъ признавался за неправильный. Изъ хода дѣлъ на соборѣ слѣдуетъ заключить, что рѣчь шла объ общецерковныхъ нормахъ поставленія епископовъ на соборѣ.

Съ легкой руки Виленскаго собора 1415 года очень распространено мнѣніе (поддерживаемое и Никоновскою лѣтописью), будто бы и на Кіевскомъ соборѣ въ 1147 году руководились 1-мъ Апостольскимъ правиломъ. Но такое мнѣніе, основанное на несомнѣнно неправильномъ чтеніи этого правила, слѣдуетъ оставить. На соборѣ 1415 года, или вѣрнѣе на радѣ великаго княжества Литовскаго, какъ извѣстно, избранъ былъ въ митрополиты западной Руси Григорій Цамблакъ по предложенію великаго князя Витовта и при жизни митрополита Фотія.

„Онъ же (Витовтъ) съ нами съвѣтовася, истинно и праведно, яко правый истинный великый князь; и събра вся князи литовскихъ и русскыхъ земель и иныхъ странъ, елико суть ему покорени нашеа церкве, и бояръ, и вельможь, архимандриты же и игумены и благоговѣйныа инокы, и попы" и предложилъ Григорія для поставленія собору западно-русскихъ епископовъ. Оно и дѣйствительно состоялось, какъ выражаются они, „сихъ всѣхъ (представителей православнаго населенія) совѣтомъ и волею, и нашимъ избраніемъ и хотѣніемъ".

Въ оправданіе своего безусловно антиканоническаго способа дѣйствій, соборъ въ своей грамотѣ и ссылается между прочимъ на прецедентъ съ поставленіемъ Клима Изяславомъ. „Поставихомъ по преданію Св. Апостолъ, якоже пишутъ въ своихъ прави-

лѣхъ: „два или три епископа рукополагаютъ митрополита[1]), якоже и прежде насъ сотвориши епископи при великомъ князѣ Изяславѣ Кіевскимъ, поставиша митрополита по правиломъ“. Такъ какъ текстъ правилъ читался по какой-нибудь кормчей, по всей вѣроятности, по кормчей Софійскаго собора, то слѣдуетъ допустить, что былъ совершонъ подлогъ въ этомъ экземплярѣ и тамъ слово „епископа“ замѣнено было словомъ „митрополита“. Допустить, что такое измѣненіе было сдѣлано уже во время Изяслава, и что, слѣдовательно, и на соборѣ 1147 года Онуфрій ссылался на этотъ текстъ, въ такомъ видѣ находившійся и въ Ярославовой кормчей, совершенно невозможно уже потому, что Виленскій соборъ имѣлъ въ рукахъ кормчую совершенно иной редакціи, да если бы такой подлогъ и существовалъ въ Ярославовой кормчей, то его, навѣрное, исправилъ бы уже митрополитъ Константинъ I. Виленскій соборъ доженъ былъ имѣть въ своихъ рукахъ текстъ Сербской Кирилловой кормчей, который въ это время былъ офиціальнымъ текстомъ Кіевской митрополіи[2]). Съ этого экземпляра и дѣлались списки и для другихъ епископовъ, напр., при митрополитѣ Максимѣ—списокъ для Рязанскаго епископа Іосифа и, вѣроятно, для архіепископа Новгородскаго Климента. Несомнѣнно, что во всѣхъ ихъ 1-е правило Апостольское читалось правильно; даже при Димитріи Донскомъ Митяй читалъ его: „рукополагаютъ епископа“. Такимъ образомъ, если подлогъ и былъ сдѣланъ въ кіевской протоєронесіи, то лишь въ самое послѣднее передъ Виленскимъ соборомъ время, можетъ быть, и для собора. Въ такомъ случаѣ вѣроятнымъ участникомъ этого подлога слѣдуетъ признать Григорія Цамблака, для котораго прежде

---

1) Вмѣсто правильнаго „епископа“.

2) Переписчикъ этой книги, Іоаннъ Драгославъ, писалъ между прочимъ „Пишю тебѣ, возлюбленный Богомъ архіепископе Кирилле, протоєроню, да ся словомъ твоимъ вселенная Руская просвѣтитъ, а писаніемъ сію Зонару да ся нигдѣ не препишетъ, понеже тако подобно есть сей Зонарѣ во всякомъ царствѣ единой быти на соборѣ, яко же святіи отцы уставиша и предаша намъ“.

всего и требовался такой подлогъ. Весьма возможно, что на мысль о такомъ подлогѣ и были наведены словами Онуфрія [1]).

На соборѣ въ 1147 году Онуфрій, вѣроятно, имѣлъ въ виду Карѳ. 16: „Многіе епископы, собравшись, да поставляютъ епископа; а по нуждѣ три епископа, въ какомъ бы мѣстѣ они ни были, по повелѣнію первенствующаго да поставляютъ епископа“. Правило это въ своемъ родѣ единственное: оно имѣетъ такой смыслъ, что епископы, если ихъ болѣе трехъ, могутъ при поставленіи епископа обойтись и безъ участія митрополита, тогда какъ всѣ прочіе каноны безусловно требуютъ и тогда согласія митрополита. (Ант. 19, Сард. 6, I всел. 4 и др.) [2]).

---

[1]) Что такой подлогъ дѣйствительно существовалъ, въ самомъ кіевскомъ экземплярѣ кормчей, и Фотій митрополитъ зналъ объ этомъ, показываетъ его отношеніе къ 1-му Апостольскому правилу въ грамотѣ къ литовскимъ епископамъ. Вмѣсто того, чтобы привести правильный текстъ Апостольскаго правила взамѣнъ того, какой читался въ грамотѣ Виленскаго собора, Фотій приводитъ всевозможныя правила, но совершенно умалчиваетъ о спорномъ правилѣ, хотя казалось бы, что простая ссылка на это правило говорила бы гораздо больше длинныхъ и витіеватыхъ разсужденій Фотія, но такая ссылка, въ дѣйствительности, могла быть и очень опасною, если подлогъ былъ въ самомъ древнемъ экземплярѣ кормчей. Съ текстомъ Никоновской лѣтописи намъ еще придется имѣть дѣло; какъ увидимъ, онъ составленъ подъ вліяніемъ грамоты Виленскаго собора.

[2]) Такой смыслъ получился лишь благодаря недоразумѣнію, въ первоначальномъ же латинскомъ текстѣ и это правило Карѳ. собора не противорѣчило всѣмъ остальнымъ. Исторія нашего текста такова. На соборѣ 390 года (II Карѳ.) Нумидій Массилитанскій жаловался на то, что нѣкоторые епископы позволяютъ себѣ рукополагать избранныхъ паствою епископовъ, не сносясь съ своимъ примасомъ и не получивъ отъ него письменнаго разрѣшенія на это. Alii episcopi usurpatione quadam usurpant contempto primate cujuslibet provintiae suae, ad desiderium populi episcopum ordinare, sine literis ad se primae cathedrae manantibus, neque postea acceptis. Соборъ призналъ это за злоупотребленіе (о чемъ, впрочемъ, и спора не было) и постановилъ, чтобы „никто не смѣлъ такъ легкомысленно посвящать епископа, хотя бы и со многими епископами, безъ разрѣшенія примаса провинціи и его предписанія; въ случаѣ же нужды посвятить епископа могутъ хотя бы и три епископа, по предписанію примаса Ut inconsulto primate csujuslibet provinciae tam facile nemo praesumat, licet cum multis episcopis, in quocunque loco sine ejus, ut dictum est praecerto, episcopum or-

Но даже и это правило говорило лишь о выборѣ епископа, а не о выборѣ митрополита. На это и указали Нифонтъ и Мануилъ, возбудившіе вопросъ о допустимости посвященія митрополита соборомъ мѣстныхъ епископовъ, безъ предварительнаго согласія патріарха Константинопольскаго. И Нифонтъ и Мануилъ заявили: „Не есть того въ законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха, но ставить патріархъ митрополита; а мы не поклончивѣ ти ся, ни служивѣ съ тобою (Климомъ), зане не взялъ если благословенія у св. Софьи, ни отъ патріарха; аще ли ся исправиши, благословишися, и тогда ти ся поклонивѣ: мы взяли отъ Михаила отъ митрополита рукописаніе, яко не достоить намъ безъ митрополита въ св. Софьи служити“. (Ипат.).

Не вполнѣ ясенъ смыслъ послѣднихъ словъ Нифонта—„Мы взяли отъ Михаила отъ митрополита рукописаніе, яко не достоить намъ безъ митрополита въ св. Софьи служити“. Какъ бы мы ни понимали его, ясно одно: уѣзжая, митрополитъ Михаилъ опасался, какъ бы русскіе не замѣстили митрополичью каѳедру сами, и принялъ противъ этого какія-то мѣры въ видѣ такого рукописанія. Значитъ, русскіе подумывали о замѣщеніи митрополичьяго престола русскимъ же еще въ 1144—1145 году, задолго до поставленія Клима, и Изяславъ, любимецъ кіевлянъ, только выполнялъ въ

---

dinaie; si autem necessita sfuerit, tres episcopi in quocunque loco sint, cum primatis praecepto ordinare debeant episcopum (Conc. Carth II 12 Bruns Canones I 121—122)

При пересмотрѣ этого канона въ числѣ прочихъ на соборѣ 418 г. онъ былъ вновь подтвержденъ въ видѣ can. 13 подъ слѣдующимъ неправильнымъ заголовкомъ. Ut non liceat episcopum, nisi a plurimis ordinari, sed si necessitas fuerit vel a tribus ordinetur episcopus, т. е. чтобы не позволялось епископу быть посвящаему иначе, какъ многими (епископами), а если бы оказалась нужда, то чтобы посвящался хотя тремя епископами. Необходимость согласія примаса подразумѣвалась само собою, какъ это видно и изъ текста, находящагося подъ этимъ заголовкомъ „ Мы должны соблюдать постановленія древнихъ, какъ то чтобы безъ согласія примаса каждой провинціи такъ легкомысленно не дерзали многіе епископы, собравшись, поставлять епископа и т. д. A nobis veterum statuta debere servari sicuti et inconsulto primate cujuslibet provinciae tam facile non praesu-

данномъ случаѣ ихъ желаніе. Но какую же мѣру принялъ Михаилъ?

Если лѣтопись передаетъ возраженіе Нифонта правильно, то получается, что передъ отъѣздомъ въ Константинополь, митрополитъ Михаилъ разослалъ по епископамъ грамоты со строгимъ воспрещеніемъ имъ совершать безъ митрополита богослуженіе въ церкви Св. Софіи кіевской.

Но едва ли такое пониманіе было бы правильнымъ. Ссылка на существованіе подобнаго обычая въ Константинополѣ въ разсматриваемую эпоху едва ли допустима. Обычай, по которому въ періодъ вдовства патріаршей каѳедры епископамъ воспрещалось даже входить въ храмъ Св. Софіи, и потому самое избраніе патріарха происходило не въ Софійскомъ, а во Влахернскомъ храмѣ, возникъ лишь во время Палеологовъ. При Комненахъ же и въ никейскій періодъ его не существовало. Патріархъ избирался въ катехуменіяхъ Св. Софіи или Никейскаго каѳедральнаго храма. Слѣдовательно, въ константинопольской практикѣ разсматриваемаго XII вѣка Михаилъ не могъ бы найти прецедента для своихъ распоряженій. Да и самое распоряженіе въ такомъ видѣ не достигало бы цѣли [1]).

---

mant multi congregati episcopi episcopum ordinare; nisi si necessitas fuerit, tres episcopi in quocunque loco sint cum ejus praecepto ordinare debebunt episcopum (ib. 162). Въ греческой синтагмѣ первая часть канона ut inconsulto... praesumat отсутствуетъ; licet „хотя бы“ понято въ смыслѣ „дозволено“, выброшены поэтому и слова sine... praecepto, и потому вторая часть канона пріобрѣла смыслъ обратный смыслу подлиннаго канона, который прямо осуждалъ практику, предложенную Онуфріемъ.

[1]) Во время вдовства Константинопольской каѳедры, по свидѣтельству Симеона Солунскаго, архіереямъ совершенно воспрещалось входить въ Великую церковь, чтобы не прослыть искателемъ патріаршей каѳедры. Migne CLV. 437 C. Περὶ τῶν ἱερῶν χειροτονιῶν. Πατριάρχου πρὸς θεὸν μεταστάντος, οὐδεὶς τῶν ἀρχιερέων τῇ Μεγάλῃ ὅλως ἐκκλησίᾳ παραβάλλει, ἵνα μὴ ὡς ἐπιβάτης λογισθῇ.

Но это свидѣтельство относится ко времени Палеологовъ, когда избраніе патріарховъ дѣйствительно происходило сначала во Влахернскомъ храмѣ, а потомъ, по свидѣтельству Симеона, въ храмѣ Святыхъ Апостоловъ, а отнюдь не въ Великой церкви. Migne CLV, 437, D.

Переводъ съ каѳедры на каѳедру въ древней Руси не практиковался и, какъ показала кандидатура Клима, опасность была съ другой стороны. Противъ этой же опасности мѣра Михаила оказывалась недѣйствительною: Климъ могъ быть посвященъ и не въ Софіи кіевской, а затѣмъ, въ качествѣ митрополита, могъ бы служить въ послѣдней въ сослуженіи съ другими епископами. Послѣдніе оказывались правыми даже съ точки зрѣнія запрещенія, наложеннаго Михаиломъ, и возраженіе Нифонта утрачивало бы почву.

Иначе обстоитъ дѣло, если читать это мѣсто—не „въ св. Софьи", а „отъ св. Софьи", т. е. безъ митрополита отъ Св. Софіи константинопольской. Въ такомъ случаѣ возраженіе Нифонта гласило бы: „Мы взяли отъ митрополита Михаила рукописаніе, яко не достоитъ намъ безъ митрополита *отъ* святой Софьи служити". Предположеніе о порчѣ текста лѣтописи въ этомъ мѣстѣ отнюдь не невѣроятно само по себѣ: впослѣдствіи мы увидимъ, что въ немъ есть и другая несомнѣнная порча: замѣна имени „Германъ" именемъ „Иванъ". Въ данномъ же случаѣ, какъ контекстъ, такъ и другія соображенія говорятъ въ пользу предлагаемаго чтенія. И непосредственно передъ этимъ и въ другомъ мѣстѣ та же Ипатіевская лѣтопись говоритъ, по поводу отказа Нифонта, не о Св. Софіи кіевской, а именно о Св. Софіи константинопольской. „Его же (Нифонта) Климъ понуживаше служити съ собою, онъ же ему тако молвяшеть: „*Ньси пріялъ благословенія отъ св. Софьи*, и отъ святаго великаго сбора, и отъ патріарха" (Ипат.

Συνάγονται (ἀρχιερεῖς) οὐκ ἐν τῳ μεγάλῳ ναῷ τοῦ πατριαρχείου ὅτι πατριάρχης οὐκ ἔστι καὶ οὔτινι ἄδεια ἐκεῖσε παραβαλλεῖν, ἀλλ'ἐν τῶν ἁγίων Ἀποστόλων θείῳ σήκῳ,

Но ранѣе эпохи Палеологовъ такого обычая не существовало: въ X вѣкѣ патріарховъ выбирали въ храмѣ Святой Софіи, въ его южныхъ катехуменіяхъ Constant. Porphyrog. T. 1. XIV p. 564.

Если бы обычай, воспрещавшій архіереямъ входъ въ Св. Софію въ періодъ вдовства патріаршей каѳедры, образовался въ эпоху Комненовъ, то онъ, несомнѣнно, былъ бы перенесенъ и въ Никею по взятіи Константинополя крестоносцами, но и въ Никеѣ избраніе патріарха происходило тоже въ мѣстномъ каѳедральномъ храмѣ Св. Софіи. (Соколовъ, Христ. Чт. 1907 IV. I. 435).

6664). Естественно и въ заключительныхъ словахъ ожидать того же.

Впослѣдствіи каждый епископъ при своемъ рукоположеніи давалъ обѣщаніе не принимать митрополита иначе, какъ изъ Константинополя. На такое обѣщаніе ссылается, напримѣръ, Фотій (1415—1418) въ своемъ посланіи епископамъ литовскимъ, поставившимъ митрополитомъ Григорія Цамблака безъ сношенія съ Константинополемъ: „И рцѣте ми вы, преступившеи древнюю пошлину и своего исповѣданія и обѣщанія, еже ся есте обѣщали къждый васъ на своемъ исповѣданіи, еже не пріимати иного митрополита, но токмо иже отъ Костянтина-града посылаемаго, отъ зборныя и апостольскыя церкви". (Р. И. Б. VI, 328). Воскресенская лѣтопись и предполагаетъ, что и здѣсь рѣчь идетъ именно объ этомъ обѣщаніи (Воскр. 6655). „Мы бо взяхомъ рукополаганіе отъ Михаила митрополита, яко не достоитъ намъ безъ митрополита во св. Софіи служити". Но таковому толкованію мѣшаетъ буквальный смыслъ: „пріяхомъ рукописаніе", а не „дахомъ рукописаніе". Давали ли подобныя рукописанія русскіе епископы и въ древности, въ разсматриваемую нами эпоху, это—неизвѣстно; но если и не давали, то обязанность подчиняться патріарху сама собою предполагалась. Если митр. Михаилъ подозрѣвалъ въ епископахъ способность забыть о неіі, то онъ, отъѣзжая въ Константинополь, не только имѣлъ право сдѣлать имъ письменное напоминаніе, но и обязанъ былъ къ этому.

Только при чтеніи „отъ Св. Софіи" возраженія Нифонта и Мануила пріобрѣтаютъ и полную логическую послѣдовательность и законченность и совершенно ясный смыслъ. Они говорили: „*Въ законѣ* (новеллахъ Юстиніана) нѣтъ того, чтобы епископы могли ставить митрополита безъ патріарха; митрополита ставитъ патріархъ. Мы не будемъ ни признавать тебя (Клима) за митрополита ни служить съ тобою, ибо ты не взялъ благословенія ни у Св. Софьи, ни у патріарха. Если ты исправишься и благословишься у патріарха, тогда мы признаемъ тебя за митрополита. *Мы получили отъ* (поставившаго насъ митрополита) *Михаила рукописаніе, въ силу котораго подвергаемся*

запрещенію въ священнослуженіи, если примемъ митрополита не изъ Константинополя".

Нифонтъ и Мануилъ превосходно различали юридическій и сакраментальный моменты поставленія епископа. Они не отрицали за Изяславомъ права предложенія кандидата на основаніи Юстиніанова закона и не отрицали и за соборомъ права посвятить великокняжескаго кандидата; но они требовали сохраненія за патріархомъ предварительнаго утвержденія кандидата въ митрополита.

Какъ отнеслись къ возраженіямъ Нифонта и Мануила заинтересованныя лица? Климъ былъ очень недоволенъ ими „на ня про то тяжко сердце имѣя". Вѣроятно, не былъ доволенъ и самъ Изяславъ. Но на членовъ собора доводы Нифонта и Мануила произвели впечатлѣніе. Изъ Ипатіевской лѣтописи видно, что Онуфрій принужденъ былъ искать новыхъ доводовъ въ пользу своего предложенія. Печерскій же патерикъ дополняетъ Ипатіевскую лѣтопись весьма важною подробностію, будто бы соборъ большинствомъ шести епископовъ, а именно: Нифонта, Мануила, Косьмы Полоцкаго, Іоакима Туровскаго, Евфимія Переяславскаго и Ѳеодора Бѣлгородскаго отвергли предложеніе Онуфрія, на сторонѣ котораго остались лишь Ѳеодоръ Владимірскій и Даміанъ Юрьевскій.

Это и понятно. Почти всѣ, если не всѣ епископы, присутствовавшіе на соборѣ, были ставленниками Михаила; сомнѣнія возможны лишь относительно Ѳеодора Бѣлгородскаго и Даміана Юрьевскаго. Тѣ рукописанія, на какія ссылается Нифонтъ, должны были находиться у всѣхъ этихъ епископовъ, а не у одного только Нифонта; не даромъ противники Клима, говорившіе прежде въ двойственномъ числѣ, переходятъ на множественное: „мы взяли", когда дѣло заходитъ объ этихъ рукописаніяхъ. Одно изъ двухъ: или авторъ патерика допустилъ въ немъ грубый подлогъ (и даже рядъ подлоговъ) или онъ пользовался какими-то не дошедшими до насъ источниками. Но для чего ему понадобился бы такой подлогъ? По соображеніямъ агіографіи вовсе не требовалось измѣнять ипатіевскій списокъ членовъ собора; безъ указанія имени игуме-

на, постригшаго Нифонта, тоже можно было обойтись. Разбираемый же нами списокъ шести епископовъ, отвергшихъ предложеніе Онуфрія, вставленъ въ патерикѣ въ Ипатіевскую лѣтопись до такой степени механически, что не только не разъясняетъ, а скорѣе затемняетъ исторію собора. Онъ, вѣроятно, заимствованъ изъ какого-то готоваго источника безъ всякихъ измѣненій; почему, въ самомъ дѣлѣ, не могло сохраниться данныхъ для біографіи Нифонта въ Печерскомъ монастырѣ, какъ они сохранились въ Межигорскомъ? [1])

Но какъ же въ такомъ случаѣ могло состояться посвященіе Климента? Если предложеніе Онуфрія было отвергнуто шестью епископами противъ трехъ, тогда, казалось бы, членамъ собора не оставалось ничего другого, какъ разъѣхаться по домамъ. Да, но изъ шести епископовъ, противниковъ Климента, совсѣмъ уѣхать изъ Кіева возможно было лишь тремъ, т. е.: Нифонту въ Новгородъ, Мануилу въ Смоленскъ и Косьмѣ въ Полоцкъ,—города, отдаленные отъ Кіева. Остальнымъ тремъ епископамъ Нифонтовой партіи уѣзжать было некуда. Іоакимъ Туровскій былъ плѣнникомъ Изяслава, а еп. Бѣлгородскій и Переяславскій были епископами кіевскихъ пригородовъ. Что же касается до Онуфрія и его сторонниковъ, Ѳеодора Владимірскаго и Даміана Юрьевскаго, то они тоже не имѣли основаній уѣзжать отъ именинъ великаго князя Изяслава —Пантелеймона. Такимъ образомъ, къ дню этихъ именинъ, 27 іюля, изъ прежняго состава собора въ Кіевѣ оказались шесть южно-русскихъ епископовъ.

При такомъ составѣ шансы великокняжеской партіи перемѣнились, и Онуфрій возобновилъ свое предложеніе, указавъ средство обойтись безъ патріаршаго благословенія: „Азъ свѣде, достоить ны поставити, а глава у насъ есть св. Климента, якоже ставять Греци рукою святаго Ивана“.

---

[1]) Въ Воскресенской лѣтописи, гдѣ изложеніе основано на простомъ непониманіи текста Ипатіевской лѣтописи, пѣтъ и извѣстія о томъ, что на сторонѣ Онуфрія оказались епископы Ѳеодоръ Владимірскій (т. е. еп. князя Изяслава) и Даміанъ Юрьевскій, а просто мнѣніе Нифонта и Мануила приписано всѣмъ епископамъ, за исключеніемъ Онуфрія (6655).

Можно догадываться, о какомъ греческомъ обычаѣ говоритъ Онуфрій. Будущему архіепископу новгородскому Антонію, когда онъ около 1200 года посѣтилъ Константинополь, показана была въ церкви Софіи между другими диковинами „Германова рука, ею же ставятся патріархи, и икона Св. Спаса, ею же посла Германъ святой чрезъ море съ кораблемъ (безъ корабля) въ Римъ посольствомъ (Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ т. II. стр. 341. Хожденіе Антонія). Дѣло идетъ о патріархѣ Германѣ I (11 авг. 715—18 янв. 730), святомъ защитникѣ иконопочитанія, современникѣ Льва Исавра, при которомъ и началось иконоборчество. Обрядъ поставленія рукою Германовою являлся воспоминаніемъ объ этой борьбѣ противъ иконоборцевъ (какъ и многое другое, видѣнное Антоніемъ въ Св. Софіи) и имѣлъ двоякій смыслъ: новый патріархъ заявлялъ этимъ о своей принадлежности къ иконопочитателямъ и получалъ посмертное благословеніе отъ своего святого предшественника на Константинопольскомъ престолѣ, перваго борца за иконопочитаніе.

Едва ли Онуфрій могъ имѣть въ виду какой-нибудь иной обычай и, вѣроятно, замѣнилъ имя „Германъ“ болѣе привычнымъ именемъ „Иванъ“ просто по созвучію (если только эта замѣна не сдѣлана была по той же причинѣ самимъ лѣтописцемъ). Предполагать сознательную недобросовѣстность со стороны Онуфрія нѣтъ основаній. Какой смыслъ имѣла бы сознательная замѣна дѣйствительно существовавшаго поставленія рукою Германовою никогда не существовавшимъ поставленіемъ рукою Ивановою? Тѣмъ болѣе, что эту руку показывали всѣмъ русскимъ, пріѣзжавшимъ въ Константинополь[1]).

Предложеніе Онуфрія должно было очень польстить русскимъ епископамъ: имъ предоставлялась возможность сдѣлать поставленіе русскаго митрополита

---

[1]) Греки утверждали, что папа по избраніи его соборомъ рукополагается въ свой санъ черезъ наложеніе руки умершаго предшественника. (Лебедевъ VII. 37). По всей вѣроятности, греки имѣли въ виду и свой обычай поставленія рукою Германа патріарха.

болѣе торжественнымъ, чѣмъ даже поставленіе самого константинопольскаго патріарха. Германъ, рукою котораго ставился онъ, былъ лишь епископомъ Новаго Рима; Климентъ, главою котораго предполагалось воспользоваться для поставленія русскаго митрополита, былъ не только епископомъ древняго Рима, но и мужемъ апостольскимъ и мученикомъ. По счастливой случайности, и великокняжескій кандидатъ тоже носилъ имя Климента, можетъ быть, въ честь того же Климента римскаго, и въ такомъ случаѣ находился подъ особымъ его покровительствомъ.

Сверхъ того, на епископовъ долженъ былъ повліять авторитетъ такого лица, какъ Климъ, слывшаго за знатока правилъ. Онуфрій сдѣлалъ свое предложеніе съ чьихъ-то словъ. „Азъ свѣде“, говоритъ онъ по поводу Ивановой руки. Все это заставляетъ думать, что самъ Онуфрій и въ Константинополѣ не бывалъ, гдѣ Германову руку показывали всѣмъ пріѣзжимъ. Въ такомъ случаѣ источникомъ свѣдѣній Онуфрія должно было признать Клима находившагося въ это время въ Кіевѣ; во всякомъ случаѣ Онуфрій высказалъ свое предположеніе не безъ совѣщанія съ нимъ.

Молчаніе Нифонта на предложеніе Онуфрія о возможности замѣнить патріаршее благословеніе благословеніемъ мощами Климента, тоже можетъ быть объяснено лишь тѣмъ предположеніемъ, изъ котораго мы исходимъ: что Нифонта не было на томъ соборномъ засѣданіи, на которомъ разбпрался вопросъ о предложеніи Онуфрія. Иначе Нифонту, съ его точнымъ различеніемъ юридическаго и сакраментальнаго моментовъ въ поставленіи епископовъ, было бы легко доказать непріемлемость предложенія его противника. И второе предложеніе Онуфрія было основано на томъ же непониманіи юридической стороны посвященія, какъ и первое. Для Онуфрія и послѣ разъясненій Нифонта патріаршее благословеніе представлялось не болѣе, какъ какимъ-то благочестивымъ актомъ; по нуждѣ его можно было замѣнить благословеніемъ мощами. Онуфрій не понималъ, что и благословеніе рукою Германовою отнюдь не являлось юридическимъ актомъ утвержденія кандидата въ патріаршествѣ, не являлось

тѣмъ актомъ благословенія, о которомъ шелъ споръ съ Нифонтомъ.

Но неужели и скрывшійся за Онуфріемъ Климъ не понималъ того, что было такъ ясно Нифонту? Неужели и онъ со всею своею философіею стоялъ настолько ниже своего противника? Трудно дать отвѣтъ на это; Климъ могъ дѣйствовать просто подъ вліяніемъ той же „піявицы честолюбія“, на которую онъ жаловался потомъ въ письмѣ къ пресвитеру Ѳомѣ.

Какъ бы то ни было, но лишенные своего вождя епископы, противники Климента, согласились съ доводами Онуфрія, и Климъ былъ въ самый день великокняжескихъ именинъ Изяслава-Пантелеймона поставленъ (27 іюля) соборомъ южно-русскихъ епископовъ въ кіевскіе митрополиты въ храмѣ Св. Софіи кіевской [1]).

Поставленіе Климента вызвало въ русской церкви расколъ. Новаго митрополита признавали только на Руси въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. въ южной Руси; въ сѣверной же Россіи его не признавали не только бывшіе на соборѣ Нифонтъ (Новгородъ), Мануилъ (Смоленскъ) и Косьма (Полоцкъ), но и Несторъ, еп. Суздальскій. Онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Нифонтомъ и послѣ собора и, слѣдовательно, не вступилъ въ общеніе съ Климомъ. Но большинство этихъ епископовъ спокойно остались на мѣстахъ, невзирая на это; потерпѣлъ только Нифонтъ, но скорѣе по причинамъ политическимъ, чѣмъ за неповиновеніе митрополиту.

Дѣло происходило такъ. Новгородцы были въ постоянной враждѣ съ Юріемъ Долгорукимъ, что было очень выгодно для Изяслава. Нифонтъ же состоялъ съ Юріемъ въ очень близкихъ отношеніяхъ самъ, и пытался примирить съ нимъ и новгородцевъ. Почти тотчасъ послѣ поставленія Клима онъ въ 1148 году отправился въ Суздаль „мира деля“ и съ честью принятъ былъ Юріемъ и еп. Несторомъ; онъ не только тамъ торжественно освятилъ церковь Богородицы, но и въ Новгородѣ уже продолжалъ освящать антиминсы

---

[1]) Лавр. 6655. Изяславъ постави митрополита Клима калугера, русина особь съ шестью епископы, мѣсяца іюля въ 27, на память святаго Пантелеймана.

для суздальскихъ церквей, „повелѣніемъ еп. Нестора“. Дипломатическая миссія Нифонта въ главномъ потерпѣла неудачу: Юрій отказался заключить миръ. Но, тѣмъ не менѣе, по просьбѣ Нифонта онъ освободилъ захваченныхъ новоторжскихъ гостей, что давало надежду на болѣе благопріятный исходъ мирныхъ переговоровъ въ будущемъ. Такой миръ, обезпечивая Юрія съ тыла, давалъ бы ему полную свободу для дѣйствій противъ юга.

Изяславъ немедленно принялъ мѣры противъ такоій опасности. Осенью того же 1148 года онъ вывелъ изъ Новгорода князя Святополка и замѣнилъ его своимъ сыномъ Ярославомъ, зимою же явился въ Новгородъ и самъ. Тутъ онъ легко убѣдился, что новгородцы не желали мира съ Юріемъ: они съ радостію встрѣтили великаго князя, отправились съ нимъ воевать волости Юрія, удачно дошли до Ярославля и вернулись назадъ лишь передъ наступленіемъ весенней распутицы, съ добычею и полономъ. Для Изяслава было ясно, что авторомъ опаснаго для него политическаго проекта былъ Нифонтъ, и архіепископу пришлось отправиться въ Кіевъ вслѣдъ за великимъ княземъ, какъ два года тому назадъ пришлось сдѣлать это Іоакиму Туровскому. Новгородская лѣтопись 6657 сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: „Иде архепископъ Новъгородьскый Нифонтъ въ Русь, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ; ставилъ бо его бяше Изяславъ съ епископы Русьскыя области, не славъ Царюграду; а Нифонтъ тако мълвляше: не достойнѣ есть сталъ, оже не благословенъ есть отъ великаго сбора, ни ставленъ; а онъ про то небързо отрядивъ его, нъ посади и въ Печерьстѣмъ монастыри, дондеже Гюрги пріидетъ“.

Это указаніе даетъ намъ возможность разобраться и въ Ипатіевской лѣтописи. Прежде всего объясняется ея молчаніе о второмъ невольномъ путешествіи Нифонта въ Кіевъ въ 1149 году. Ипатіевскому лѣтописцу очень близки интересы Кіево-Печерскаго монастыря и потому выгоднѣе было замолчать тотъ фактъ, удостовѣренный Новгородскою лѣтописью, что этотъ монастырь служилъ мѣстомъ заточенія святого поборника земли Русской (какъ называетъ лѣтопись Нифонта).

Что это молчаніе не случайное, а намѣренное, доказывается извѣстіемъ, помѣщеннымъ подъ 6664 въ Ипатіевской же лѣтописи по поводу смерти Нифонта. „Его же Климъ понуживаше служити съ собою, онъ же ему тако молвяшеть: „Нѣси пріялъ благословленія отъ Св. Софьѣ, и отъ святаго великаго сбора, и отъ патріарха; тѣмже не могу съ тобою служити, ни въспоминати тебе въ святѣй службѣ, но поминаю патріарха; оному же мучащюся съ нимъ и научающу на нь Изяслава и своя поборники, не може ему успѣти ничто же". И тутъ, въ панегирикѣ Нифонту, лѣтописецъ не только умалчивалъ о фактѣ заточенія, очень почетномъ для Нифонта, но не особенно лестномъ для Печерскаго монастыря, но и прямо отрицалъ этотъ фактъ. Тенденціозность заставляетъ лѣтописца представить дѣло такъ, будто бы Изяславъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Клима, тогда какъ въ дѣйствительности Изяславъ преслѣдовалъ Нифонта по чисто политическимъ соображеніямъ, Климъ же въ этомъ случаѣ самъ былъ орудіемъ Изяслава. Ипатіевская лѣтопись излагаетъ дѣло такъ, что разсказъ ея можно отнести и ко времени собора 1147 года. Истинная хронологія возстановляется лишь при помощи Новгородской лѣтописи. Въ разсказѣ о соборѣ Нифонтъ предлагаетъ Климу благословиться у патріарха; теперь, какъ и въ Новгородской лѣтописи, онъ этого уже не предлагаетъ: испрошеніе благословенія могло имѣть мѣсто лишь до посвященія, теперь же оно было неумѣстно, разъ Климъ былъ уже неблагословенъ, т. е. отлученъ, за свой поступокъ. На соборѣ Нифонтъ говорилъ отъ лица цѣлой партіи, теперь же говоритъ только отъ собственнаго лица. Наконецъ въ связи съ разсказомъ объ этомъ отвѣтѣ Нифонта на домогательства Клима Ипатіевская лѣтопись говоритъ о грамотѣ патріарха Нифонту": Патріархъ же присла къ нему грамоты, блажа и причитая къ святымъ его; онъ же болѣ крѣпляшеся, послушивая грамотъ патріаршь". (Ипат. 6664). Какъ увидимъ, грамоты эти были вызваны событіяти 1149 года.

Нифонтъ недолго пробылъ въ заточеніи. 26 августа 1149 года Юрій Долгорукій побѣдителемъ вошелъ въ Кіевъ, покинутый Изяславомъ. Нифонтъ былъ

освобожденъ изъ заточенія и съ честію отпущенъ въ Новгородъ къ великой радости новгородцевъ [1]).

Оставляя Кіевъ Долгорукому, „Изяславъ и митрополита Клима поя съ собою". (По сообщенію Ипатіевской 6657. Лаврентіевская ничего объ этомъ не говоритъ). Климъ сдѣлалъ было попытку вернуть себѣ милость своего „напреснаго господина"—Ростислава Смоленскаго, и написалъ ему письмо. Ни князь ни еп. Мануилъ не удостоили его отвѣта; пресвитеръ же Смоленскій Ѳома, вѣроятно, по порученію Ростислава, написалъ изгнанному митрополиту то рѣзкое и даже прямо дерзкое письмо, о которомъ мы говорили уже выше. Климентъ былъ очень задѣтъ и оскорбленъ этимъ письмомъ, но отвѣчалъ своему заносчивому противнику въ тонѣ преувеличеннаго смиренія. Между прочимъ онъ заявляетъ, что онъ приготовилъ себѣ могилу и рѣшилъ никуда не выходить изъ кельи до самой своей смерти [2]).

Но скоро Климентъ возвратился въ Кіевъ, повидимому еще при Юріи; ибо когда въ 1151 году Изяславъ послѣ побѣды надъ Юріемъ направился въ Кіевъ, то былъ тамъ встрѣченъ всѣмъ духовенствомъ съ митрополитомъ Климентомъ во главѣ.

---

[1]) Новг. 6558· „Прінде архіепископъ Нифонтъ исъ Кыева пущенъ Гюргемъ книземъ и ради быша людье Новѣгородѣ".

[2]) Посланіе Климента Ѳомѣ написано при жизни Изяслава, слѣд., между 27 іюля 1147 года и 13 ноября 1153 года. (Лаврент. 6662). Болѣе точно время посланія опредѣляется именно времепемъ изгнанія Клима изъ Кіева при Долгорукомъ. Только при такомъ предположеніи Климентъ могъ писать. „да скажю ти сущихъ славы хотящихъ, иже прилагаютъ домъ къ дому, и села къ селомъ, изгои же, и сябры, и бърти, и пожни, ляда же, и старины, о нихъ же о к а я н н ы й Климъ з ѣ л о с в о б о д е н ъ, нъ за домы и села, и борти, и пожни, сябръ же и изгоій, земля четыре лактя, идѣже гробъ копати... не бо ми рече м о ж н о н и о г о п у т и и м ѣ т и д о ц е р к в и, к р о м ѣ г р о б а" (Никольскій О литературныхъ трудахъ Климента Смолятича, стр. 104). Жалобы на бѣдность въ сравненіи съ богатствомъ Смоленской каѳедры были бы со стороны Кіевскаго митрополита совершенно неумѣстны; рѣшеніе не покидать своей келіи—то же самое. Климентъ могъ писать это, лишь лишившись каѳедры. Не совсѣмъ мирилось бы съ достоинствомъ митрополичьяго сана Климеота его чрезмѣрное смиреніе. своего дерзкаго противника-пресвитера онъ постоянно величаетъ „любимче", къ себѣ же подчасъ прилагаетъ такіе эпитеты, какъ о к а я н н ы й Климъ.

Ипат. 6689 „Поидоша къ Кіеву; и тако пойдоша противу имъ святители съ хресты, митрополитъ Климъ и игумени честные и попове“ и т. д.

На этотъ разъ Климентъ пробылъ на каѳедрѣ и послѣ смерти своего покровителя Изяслава до вторичнаго занятія Юріемъ Кіева въ 1153 году. Къ этому періоду и слѣдуетъ отнести посланіе патра Николая Музалона къ „сыну и сослужебнику нашего смиренія... доброму пастырю Христова стада словесныхъ овецъ, господину епископу Новаграда Нифонту“, какъ именовалъ его патріархъ. Патріархъ поддерживалъ энергію своего сторонника въ борьбѣ противъ Климента, но и тутъ ни словомъ не упоминалъ о греческомъ яко бы происхожденіи Нифонта.

„Слышахомъ, господине, о твоемъ праведномъ страданіи, иже Бога ради страждеши противу Клима митрополита, иже безъ нашего благословенія взялъ на ся Киевскую митрополію своимъ изволеніемъ... и много отъ него досажденія злаго и укоризны претерпѣлъ еси. И ты, страдалче, и еще терпѣ о правдѣ Бога ради и не пренемогай отъ злаго сего аспида Клима и отъ его злыхъ совѣтникъ, и будеши причтенъ отъ Бога, брате, къ прежнимъ святымъ... Миръ тебѣ, отче... страдальче Христовъ“. (Макарій Исторія III. прил. № 1 стр. 297). Очевидно, въ Греціи были очень озабочены русскою схизмою.

Патріаршія грамоты сдѣлали свое дѣло и были поняты весьма своеобразно. Ипатіевская лѣтопись (6664) говоритъ о нихъ, что „патріархъ присла къ нему (Нифонту) грамоты, блажа и причитая къ святымъ его, онъ же болѣ крѣпляшеться, послушивая грамотъ патріаршь“. Такое, какъ поняли русскіе, причтеніе Нифонта къ святымъ уже при жизни естественно увеличивало вліяніе Нифонта на современниковъ. Понятно, что когда въ 1153 году почитатель Нифонта Юрій занялъ Кіевъ, то онъ выгналъ Клима и послалъ за митрополитомъ въ Грецію.

Просьба его была тотчасъ же удовлетворена. При первомъ извѣстіи, что въ Кіевъ ѣдетъ изъ Греціи законный митрополитъ, Нифонтъ отправился въ Кіевъ, чтобы съ честію его встрѣтить. Въ Новгородѣ эта по-

ѣздка вызвала сильное неудовольствіе, о которомъ Новгородская лѣтопись (6664) говоритъ слѣдующее. „Нифонтъ шьлъ бяше Кыеву противу митрополита; иніи же мнози глаголаху, яко полупивъ Св. Софью пошьль Царюграду; и много глаголаху на нь, но собѣ на грѣхъ“ Лѣтописецъ возмущается этими клеветами, но причина неудовольствія понятна. Нифонтъ, по мнѣнію новгородцевъ, повезъ митрополиту слишкомъ большіе дары изъ софійской казны, какихъ хватило бы даже для патріарха, а не только для простого митрополита. За одиннадцать лѣтъ, протекшихъ съ 1145 года, когда удалился изъ Кіева Михаилъ, новгородцы отучились было платить дани митрополиту; добросовѣстный же Нифонтъ, вѣроятно, желалъ уплатить ихъ за все это время законному митрополиту. Этимъ мы легко можемъ объяснить такой, по мнѣнію новгородцевъ, грабежъ софійской казны.

Дары эти едва ли, однако, дошли по назначенію. Нифонтъ заболѣлъ въ Кіевѣ и, проболѣвъ 13 дней, умеръ 21 апрѣля 1156 года, не дождавшись пріѣзда митрополита [1]).

Нифонтъ былъ похороненъ въ Печерской лаврѣ, гдѣ онъ, вѣроятно, и проживалъ во время болѣзни. По этому поводу Ипат. 6664 л. сообщаетъ, что Нифонтъ „положенъ бысть у Печерьскомъ монастыри у Ѳедосьевѣ печерѣ, бѣ бо имѣя велику любовъ къ святѣй Богородици и къ отцю Ѳеодосью“. Принимая во вниманіе, какъ спеціальный смыслъ термина „любовь“ въ подобныхъ случаяхъ, а также то, что Нифонтъ былъ постриженникомъ Печерскаго монастыря, мы можемъ предполагать, что и дары, приготовленные Нифонтомъ для митрополита, поступили въ казну Печерскаго монастыря [2]).

---

[1]) Изъ противорѣчивыхъ датъ смерти Нифонта: 18 апр. (Лавр.), 15 апр. „порозныя недѣли въ субботу“ (Ипатіев.), 8 апрѣля „Свѣтлыя недѣли въ субботу“ (Патерикъ), апрѣля въ 21 день (Новгор.), слѣдуетъ признать правильною послѣднюю дату, въ виду того, что 21 апрѣля 1156 года, дѣйствительно, падало на субботу Пасхальной недѣли.

[2]) О значеніи термина „любовь“ въ приложеніи къ Печерскому монастырю сравн. Ипат. 6666. „Томъ же лѣтѣ преставися блаженая

Заслуживаетъ вниманія то искусство, съ какимъ воспользовалась Ипатіевская лѣтопись именемъ Нифонта для прославленія Печерскаго монастыря. Нифонтъ, поборникъ Русской земли, котораго самъ патріархъ уже при жизни причиталъ къ святымъ, удостоился незадолго до смерти такого видѣнія. Онъ увидѣлъ во снѣ св. Ѳеодосія „и шедъ поклонихся ему; и въставъ нача благословяти мя“, (епископа)“ и объятъ мя рукама своима, и начатъ цѣловати мя, и рече ми: добрѣ приде, брате сыну „(значитъ Нифонтъ проживалъ въ монастырѣ) Нифонте, отселѣ будеши съ нами неразлучно“. Въ свиткѣ, который держалъ въ рукахъ Ѳеодосій, Нифонтъ успѣлъ прочесть лишь начало: „Се азъ и дѣти мои, еже ми далъ есть Богъ“. Припомнимъ, что о фактѣ заточенія Нифонта въ Печерскомъ монастырѣ въ 1149 году лѣтописецъ умолчалъ [1]). Лаврен-

---

княгини Глѣбовая Всеславича, дочи Ярополча Изяславича... и положена бысть въ Печерьскомъ монастыри съ княземъ въ гробѣ, у св. Ѳедосья у головахъ.. Си бо блаженая княгини велику *имѣяше любовъ*, съ княземъ своимъ, къ святѣй Богородици и къ отцю Ѳедосью, ревнующи отцю своему Ярополку. Сій бо Ярополкъ вда всю жизнь свою, Небльскую волость и Дерьвьскую и Лучьскую, и около Кіева; Глѣбъ же вда въ животѣ своемъ, съ княгинею, 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по княжи животѣ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по своемъ животѣ вда княгини 5 селъ и съ челядью, и все да и до повоя“ ср Нов. I. 6673. „Ходи игуменъ Діонисій съ любовью въ Русь, и повелѣно бысть владыцѣ архіепископьство митрополитомъ“. Никон „Имѣнія много истощи (Нифонтъ) и раздаде ово патріарху Константиноградскому и прочимъ сущимъ тамо, ово митрополиту Кіевскому и инымъ многимъ“. Это, конечно, лишь догадка составителя лѣтописи, основанная на извѣстіи Новгородской лѣтописи.

[1]) Едва ли можно видѣть въ этомъ „Отцѣ Ѳеодосьѣ“ незадого передъ тѣмъ умершаго игумена Печерскаго монастыря Ѳеодосія II или, какъ называютъ его лѣтописи, игумена Ѳедоса (въ отличіе отъ Ѳеодосія святого) и находить въ этомъ доказательство греческаго происхожденія Нифонта. Во-первыхъ не доказано, что и самъ Ѳедосъ былъ грекъ; но если даже и предположить это, то откуда могъ бы явиться въ рукахъ этого сравнительно недолго пробывшаго на игуменствѣ Ѳедоса цѣлый свитокъ усопшихъ святыхъ грековъ изъ печерскихъ пострижениковъ? Грековъ не хватало въ Россіи даже на архіерейскія каѳедры, а не то что на населеніе монастыря. Да къ тому же споръ о постахъ въ праздники, о которомъ мы будемъ имѣть рѣчь впереди, исключаетъ всякую возможность предположить какое-либо подавляющее значеніе

тіевская 6664. по поводу смерти Нифонта ограничивается короткимъ замѣчаніемъ: „Преставися Нифонтъ епископъ Новгородьскый... И положиша и въ Печерьстѣмъ монастырѣ“.

Спустя немного времени послѣ смерти Нифонта, прибылъ въ Кіевъ и новый митрополитъ Константинъ въ томъ же 1156 году. Передъ самымъ своимъ отправленіемъ въ Россію онъ въ январѣ 1156 г. присутствовалъ на соборѣ въ Константинополѣ по поводу евхаристической жертвы. Ссылаясь на слова Василія Великаго „Ты еси приносяй и приносимый“, помѣщенныя въ чинѣ евхаристіи, Константинъ развивалъ мысль, что крестная жертва Спасителя принесена не какому-либо лицу Божества, но цѣлому Божеству, слѣдовательно, эта жертва принесена была нераздѣльной Троицѣ, и точно такимъ же образомъ и ежедневно приносится евхаристическая жертва Большинство членовъ собора вполнѣ согласилось съ разъясненіями Константина [1]).

Не слѣдуетъ забывать, что на соборѣ присутствовалъ такой знатокъ богословія и любитель богословскихъ споровъ, какимъ былъ императоръ Мануилъ. Слѣдовательно, на этотъ разъ греки послали въ Россію одного изъ лучшихъ представителей тогдашней богословской науки.

Очевидно, опасность для грековъ была велика, и Константинъ явился съ совершенно опредѣленною программою. Татищевъ пишетъ по поводу Константина, будто бы онъ избранъ былъ Юріемъ Долгорукимъ изъ черниговскихъ епископовъ и отправленъ въ Константинополь для поставленія въ санъ митрополита еще въ 1159 году. (Исторія III. 36, 91, 98, 47). Но такое предположеніе должно быть отвергнуто не только потому, что, какъ замѣчаетъ митропо-

---

грековъ для Печерскаго монастыря, который именно держался антигреческой практики. Наконецъ и слова лѣтописи, что Нифонтъ былъ погребенъ „у Ѳеодосьевѣ печерѣ, бѣ бо имѣ велику любовъ къ святѣй Богородицѣ и къ отцю Ѳеодосію“ ясно указываютъ на дѣйствительнаго Ѳеодосія видѣнія.

[1]) см Supplem hist Eccl. Graecae see. XI—XII Tubing 1832. Le Quien Oriens Christiana I 1264.

литъ Макарій (III пр. 20), „изъ древнихъ лѣтописей не видно, чтобы въ Черниговѣ былъ около этого времени епископъ Константинъ“, но и потому, что такого епископа и быть не могло. Пусть участвовавшій на соборѣ 1148 года Онуфрій умеръ, но кто же въ такомъ случаѣ поставилъ Константина епископомъ на его мѣсто? Митрополитъ Климъ? Но какъ же, въ такомъ случаѣ, примирить это съ поведеніемъ самого Константина, который запрещалъ въ священнослуженіи всѣхъ поповъ и діаконовъ, ставленниковъ Клима. И откуда взялся въ Руси такой знатокъ греческаго языка и такой во всѣхъ отношеніяхъ блестяще образованный человѣкъ, который и въ Константинополѣ, по словамъ самого же митр. Макарія, былъ (III. 278. пр. 306) душою собора. Наконецъ какимъ образомъ въ Константинополѣ могли сдѣлать митрополитомъ ставленика схизматическаго митрополита — подлежащаго низложенію, наравнѣ съ посвятившимъ его.

Извѣстіе это есть домыслъ самого Татищева, а вовсе не заимствовано имъ изъ какого-нибудь древняго источника или хотя бы даже изъ позднѣйшей, сравнительно, лѣтописи. Найдя въ лѣтописи, что Юрій посылалъ въ Константинополь за митрополитомъ, Татищевъ заключаетъ, что такой митрополитъ долженъ былъ быть ставленикомъ Юрія, все же остальное является результатомъ этого предвзятаго предположенія. Почему, спрашивается, Юрій не подумалъ о митрополитѣ въ первое свое занятіе Кіева? Онъ долженъ былъ бы сдѣлать это, разъ, какъ видно, онъ не признавалъ митрополитомъ Клима. Отсюда выводъ къ посольству въ Константинополь. Непонятно только, почему понадобилось выводить Константина изъ Чернигова? Можетъ быть потому, что вмѣстѣ съ Константиномъ пришелъ и новый епископъ для Чернигова, Антоній, изъ чего получалось, что Черниговская каѳедра была свободною. Какъ бы то ни было, но признать за показаніемъ Татищева историческую цѣнность нѣтъ никакихъ основаній.

Лаврентіевская лѣтопись повѣствуетъ объ этомъ по обыкновенію довольно кратко. „Приде митрополитъ изъ Царяграда Костянтинъ, и пріятъ его князь съ честью и людье вси“. Лѣтопись молчитъ объ участіи

во встрѣчѣ мѣстнаго духовенства и совершенно основательно: митрополитъ привезъ ему патріаршее отлученіе за схизму, наравнѣ со всѣми принимавшими Клима, какъ митрополита. Ипатіевская же лѣтопись съ торжествомъ описываетъ разгромъ партіи Клима. Новый митрополитъ былъ встрѣченъ Косьмою Полоцкимъ и Мануиломъ Смоленскимъ. Несторъ Ростовскій почему-то не пріѣхалъ къ этому времени, прочіе же епископы находились подъ отлученіемъ за общеніе съ Климомъ. Прежде чѣмъ отслужить обѣдню, митрополитъ и два его сторонника принялись за судъ. „Испровергше Климову службу“, (можно подумать, что они вновь освящали Софійскій соборъ, осквернепный схизматикомъ) они объявили лишенными сана всѣхъ ставлениковъ Клима и затѣмъ только совершили литургію и благословили великаго князя Юрія. Только впослѣдствіи санъ возвращенъ былъ діаконамъ, давшимъ рукописаніе на Клима; было ли оказано такое снисхожденіе и священникамъ, объ этомъ лѣтопись не упоминаетъ и тѣмъ заставляетъ предполагать, что—нѣтъ [1]).

Митрополитъ Макарій полагаетъ, что діаконы, вѣроятно, дали письменное обязательство, что они не будутъ повиноваться Клименту (Ист. III. 18). Мы полагали бы, что дѣло не ограничилось этимъ. Рукописаніе на Клима предполагаетъ скорѣе осужденіе его. Климентъ былъ низложенъ уже приговоромъ Константинопольскаго собора. Рукописаніе на Клима и должно было содержать признаніе этого суда и отлученія, наложеннаго на Клима, и притомъ, признаніе со стороны его ставлениковъ.

Ипатіевская лѣтопись позабываетъ при этомъ упомянуть еще объ одной жертвѣ этого суда: подвергся торжественной анаѳемѣ и ея любимецъ, покойный князь

---

[1]) Ипат. 6664. „Тогда же митрополитъ Костянтинъ приде изъ Царягорода, и прія и князь Дюрги съ честью, и Полотьскій епископъ, и Мануилъ Смоленьскій епископъ, иже бѣ бѣгалъ предъ Климомъ; и тако испровергъши Климову службу и ставленія, и створивше божественную службу, и благословиша князя Дюргя Володимирича; а потомъ и діякономъ ставленіе отда, иже бѣ Климъ ставилъ митрополитъ: писаша бо къ нему рукописаніе на Клима“.

Изяславъ Мстиславовичъ. Мы узнаемъ объ этомъ лишь изъ показаній его сына.

Вмѣстѣ съ тѣмъ новый митрополитъ старался назначать на епископскія каѳедры новыхъ епископовъ, преимущественно грековъ. Въ Суздаль на мѣсто лишеннаго каѳедры Нестора назначенъ Леонъ, несомнѣнно грекъ. Онуфрій Черниговскій тоже былъ замѣненъ грекомъ Антоніемъ, если только къ этому времени Онуфрій не успѣлъ уже умереть. По всей вѣроятности, грекомъ же былъ и Козьма Галицкій (гдѣ каѳедра учреждена вновь). Ему въ 1165 году поручено было сопровождать въ Константинополь бѣжавшаго въ Галичъ Андроника Комнена; порученіе, которое едва ли могло быть дано не греку. Въ Переяславль назначенъ Василій. Неизвѣстно, былъ ли онъ грекомъ, но изъ того, что лѣтопись называетъ его уменьшительнымъ, если не уничижительнымъ именемъ Василецъ, (Воскр. 6685) слѣдуетъ заключить, что и этотъ ставленикъ Константина не пользовался уваженіемъ среди своей паствы.

Всѣ эти назначенія происходили въ 1156—1157 годахъ и отнюдь не всегда на каѳедры, вакантныя за смертію епископовъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна судьба Нестора Суздальскаго. Онъ, какъ мы видѣли, не былъ сторонникомъ Клима, а напротивъ находился въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Нифонту Новгородскому. Тѣмъ не менѣе его зимою 1156 года вызвали въ Кіевъ и лишили каѳедры въ пользу грека Леона безъ суда и—по замѣчанію лѣтописи — совершенно несправедливо. Константинъ просто желалъ замѣстить по возможности всѣ каѳедры при вліятельныхъ князьяхъ греками и тѣмъ сдѣлать невозможнымъ повтореніе собора 1147 года. По судьбѣ Нестора Ростовскаго мы можемъ догадываться о судьбѣ дѣйствительныхъ сторонниковъ Клима. Неизвѣстно, что сдѣлалось съ Ѳеодоромъ Владимірскимъ, Ѳеодоромъ Бѣлгородскимъ, Даміаномъ Юрьевскимъ и Іоакимомъ Туровскимъ; но слѣдуетъ думать, что если они дожили до 1156 года, то были лишены Константиномъ каѳедръ.

Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе должно были произвести на русскихъ, въ особенности на

кіевлянъ, эти первые шаги новаго митрополита, грека. Всѣ были посажены на скамью подсудимыхъ, начиная съ мірянъ и кончая епископами и князьями; даже великій князь Юрій, хлопотавшій о назначеніи митрополита-грека и встрѣтившій его съ честію, не былъ при этомъ удостоенъ благословенія отъ митрополита; то же должно предполагать и относительно „людей“. Далѣе память популярнѣйшаго и любимѣйшаго въ Кіевѣ князя Изяслава Мстиславовича публично поругана, ставленники Клима отлучены. Не слѣдуетъ думать, чтобы и Климъ не пользовался популярностію; въ Кіевѣ была сильная партія въ лицѣ священниковъ, не давшихъ на него рукописанія новому митрополиту. Для кіевлянъ всѣ такіе акты нетерпимости со стороны митрополита—грека едва ли могли представляться справедливыми: они не были сознательными схизматиками, и самое поставленіе Клима не было такимъ актомъ нечестія, какимъ оно представлялось грекамъ.

Въ концѣ 1157 года Константину и пришлось бѣжать въ Черниговъ къ своему ставленику Антонію, спасаясь отъ мести занявшаго Кіевъ Мстислава Изяславовича, сына проклятаго имъ Изяслава. Съ Мстиславомъ вернулся въ Кіевъ и Климъ и занялъ митрополичью каѳедру, но вскорѣ принужденъ былъ оставить ее. Ипатіевская 6667. подробно излагаетъ—почему.

Мстиславъ Изяславовичъ занялъ Кіевъ 22 декабря 1157 года. Онъ рѣшилъ, по примѣру своего отца, держать Кіевъ отъ имени старшаго родича и послалъ звать на Кіевскій столъ своего дядю, извѣстнаго уже намъ Ростислава Смоленскаго. Но онъ ошибся въ расчетахъ: дядя не походилъ на слабовольнаго Вячеслава, отъ имени котораго правилъ Изяславъ. Ростиславъ оказался человѣкомъ съ большимъ характеромъ и, къ удивленію Мстислава, поставилъ непремѣннымъ условіемъ занятія Кіевскаго стола удаленіе изъ Кіева митрополита Климента. Онъ послалъ къ своему племяннику „Ивана Ручечника и Якуна отъ Смолянъ мужа и отъ Новгородечь“ съ заявленіемъ: „не хощу Клима у митрополіи видѣти, не взявъ благословенія отъ Св. Софьи и патріарха“.

Почему въ такомъ случаѣ въ періодъ перваго своего княженія Ростиславъ призналъ Климента и во всякомъ случаѣ ничего противъ него не предпринималъ? Этотъ фактъ далеко не такъ страненъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда Объясняется онъ прежде всего тѣмъ, что въ первое свое княженіе и самъ Ростиславъ былъ въ положеніи племянника, и кіевляне приняли его съ непремѣннымъ условіемъ быть почтительнымъ по отношенію къ дядѣ Вячеславу; Вячеслава же, собственно, и слѣдовало считать княземъ, поставившимъ Климента, такъ какъ и Изяславъ правилъ собственно отъ имени Вячеслава. Но этого мало: и Юрій Долгорукій, находившійся въ тѣхъ же условіяхъ въ первое занятіе Кіева, не находилъ удобнымъ хлопотать о назначеніи новаго митрополита. Это доказываетъ, что Климентъ пользовался среди кіевлянъ популярностію. Для Ростислава же это былъ кіевскій епископъ, постороннее лицо—не болѣе, которому онъ не давалъ въ обиду своего смоленскаго епископа Манунла, и котораго онъ не признавалъ за митрополита. Теперь дѣло перемѣнилось: Ростиславъ самъ дѣлался Кіевскимъ княземъ, а кромѣ Климента былъ и другой митрополитъ, Константинъ, и Ростиславу приходилось выбирать между двумя митрополитами. И совершенно понятно, что Ростиславъ, всегда отличавшійся своею лойяльностію и повиновеніемъ старшимъ, и теперь сталъ на сторону законнаго митрополита.

Но Мстиславъ былъ прямо взбѣшенъ этимъ заявленіемъ Ростислава, такъ какъ видѣлъ въ Константинѣ врага своего покойнаго отца, и переговоры приняли сразу очень острый характеръ. Мстиславъ рѣшительно заявилъ: „Не будетъ Константинъ въ митрополіи, зане клялъ ми отца“. Иванко вернулся къ Ростиславу, „возмя тяжки рѣчи“, безъ всякаго успѣха. Повидимому Ростиславъ счелъ на этотъ разъ ниже своего достоинства спорить лично съ своимъ горячимъ племянникомъ и послалъ къ нему „съ любовію“ своего старшаго сына Романа. Князья съѣхались въ Вышгородѣ и долго не могли прійти ни къ какому результату; Романъ не хотѣлъ Клима, Мстиславъ—Константина. Послѣ долгихъ споровъ князья согласились на

томъ, чтобы удалить и того, и другого, и пригласить новаго митрополита изъ Константинополя, на чемъ и поцѣловали крестъ. Такимъ образомъ, въ принципѣ одолѣлъ Романъ, утверждавшій, что „митрополитъ долженъ быть священъ патріархомъ и великимъ соборомъ Константинограда“. Иначе и не могло быть, такъ какъ его противникъ руководился не какими-нибудь юридическими соображеніями о правахъ великаго князя, а протестовалъ исключительно противъ Константина подъ вліяніемъ оскорбленнаго сыновняго чувства, и Романъ принужденъ былъ признать, что Константинъ дѣйствительно оскорбилъ Мстислава.

Какъ отнеслись бы къ этому соглашенію въ Константинополѣ? Константинъ, несомнѣнно, дѣйствовалъ согласно инструкціямъ патріарха, который едва ли бы согласился замѣнить его новымъ митрополитомъ, т. е. лишить его каѳедры безъ вины. Но всѣ затрудненія были устранены смертію Константина въ Черниговѣ въ 1159 г. Лавр. 6667. сообщая о его смерти, даетъ понять, что умирающій митрополитъ считалъ себя недостойнымъ христіанскаго погребенія, и что и его землякъ Антоній смотрѣлъ на дѣло такъ же. Константинъ заклялъ Антонія Черниговскаго, чтобы тотъ не погребалъ тѣла его, привязалъ къ ногамъ веревку, выволокъ изъ города и бросилъ на растерзаніе псамъ. Къ великому соблазну своей паствы, Антоній въ точности исполнилъ это завѣщаніе. Тѣло митрополита цѣлыя сутки пролежало за городомъ и только потомъ было погребено въ церкви Св. Спаса, по настоянію князя и народа.

Авторъ Степенной книги (Кипріанъ?) умудрился и изъ этого разсказа лѣтописи, украсивъ его по своему, сдѣлать чудо, заставившее кіевлянъ, изгнавшихъ законнаго греческаго митрополита, признать ихъ неправоту.

„И лежаше самоосужденное то тѣло три дни и три нощи, и не прикоснуся ему ничто же, но все цѣло и ничимъ же невреждено пребысть. Тогда во вся три оны нощи свѣтяхуся надъ нимъ три столпы огненны отъ земля до небеси. Князь же Свѣтославъ Олговичъ, видѣвъ вещь сице страшну бываему...

и суда Божія убояшеся, и посла въ Кіевъ къ Великому Князю Ростиславу Мстиславичу, возвѣщая ему подробну сіе дивное дѣло смиренномудрія. Онъ же тѣло Христова Святителя взяти повелѣ, и нести во градъ съ великою честію, и положиша его у церкви Св. Спаса... По вся же тогда три дни въ Кіевѣ и инуду солнце помрачися, и буря тако зѣло велика бысть, яко и земли трястися. Ростиславу же тогда стоящу у Вышгорода на полѣ. Буря же велія бяше, сокруши шатеръ его, въ немъ же бяше онъ. Блистаніи же и жженія молніи не можаху человѣцы терпѣти, на землю падаху, грому же толико вельми сильну сущу, яко единѣмъ шибеніемъ порази дву Презвитеровъ и единаго діакона и четырехъ отъ простыхъ людій. Сія же вся страшная знаменія бурная и громная и молніина и солнцу помраченія быша тогда въ Кіевѣ и индѣ. Въ Черниговѣ же во всѣхъ тѣхъ тріехъ днехъ солнцу свѣтло сіяющу. Егда же бысть погребено священное тѣло Митрополита Констянтина, и тогда бысть тишина повсюду". Степенная кн. I 310—311.

Преемникомъ Константина былъ Ѳеодоръ, прибывшій изъ Константинополя по приглашенію Ростислава въ августѣ 1161 г. и умершій въ 1162 или 1163 г.[1]).

Дальнѣйшія событія находятся уже въ тѣсной связи съ событіями во Владимірѣ, къ которымъ мы и обратимся.

---

[1]) Ипат. помѣщаетъ извѣстіе о смерти Ѳеодора подъ 6671 г., но въ то же время замѣчаетъ, что Ѳеодоръ пробылъ на каѳедрѣ 10 мѣсяцевъ. Остается выбирать между 1163 г. и маемъ—іюнемъ 1162 г. Кажется, слѣдуетъ принять послѣднюю дату. Ипатіев лѣтопись не точно распредѣляетъ событія по годамъ и потому точное указаніе ею продолжительности правленія Ѳеодора заслуживаетъ предпочтенія, точно такъ же, какъ и указаніе дня его прибытія. Сообщеніе о послѣднемъ сдѣлано было первопачально на поляхъ лѣтописи противъ длиннаго разсказа ея о походѣ Изяслава въ 6669 г., только впослѣдствіи внесено въ самый текстъ разсказа, прерывая его на срединѣ. Ипат. 6669 (П. С. Л. II 89)... „Слышавъ же Изяславъ, оже Ростиславъ иде на нь съ полкы своими, и побѣже Изяславъ, а Половци бѣжаша въ поле *Томъ же лѣтѣ приде митрополитъ Ѳедоръ изъ Царягорода, мѣсяца августа, бяшеть бо посылалъ по него князь Ростиславъ*. Изяславъ же съвокупився съ братьею своею у любовь, посла по Половци, и придоша ему Половци мнози" и т. д. То же мы вправѣ предположить и о замѣткѣ лѣтописи о смерти еп Ѳеодора; она легко могла попасть вмѣсто 6670 г. въ коротенькое изложеніе лѣтописью событій 6671 г.

III.

Въ 1156 году епископъ Ростовскій Несторъ былъ лишенъ каѳедры митрополитомъ Константиномъ. Лаврент. 6664. „На ту же зиму иде епископъ Нестеръ въ Русь и лишиша и епископіи“. Лѣтопись не передаетъ, что была за причина такого отношенія митрополита къ Нестору, и считаетъ Нестора пострадавшимъ невинно. Черезъ полтора или два года онъ былъ замѣненъ нѣкіимъ грекомъ Леономъ. Лаврент. 6666. „Томъ же лѣтѣ приде Леонъ на епископью Ростову“. Но и онъ недолго удержался тамъ: на слѣдующій же годъ „выгнаша Ростовци и Суждалци Леона епископа, зане умножилъ бяше церковь, грабяй попы“ или, какъ пишетъ Ипатіевская лѣтопись— „умножилъ бяше церкви, грабяй попы“.

Предпочитая вмѣстѣ съ Голубинскимъ послѣднее чтеніе, мы никакъ не можемъ согласиться съ его толкованіемъ этого текста, будто бы Леонъ „умножилъ количество приходовъ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность какъ можно болѣе ставить священниковъ, съ которыхъ онъ бралъ весьма высокую плату за поставленіе“. (Ист. Р. Ц. I. 385). На чей же, спросимъ мы, счетъ строились эти церкви? Если на счетъ Леона, то едва ли такой способъ обогащенія можетъ быть признанъ практичнымъ. Къ тому же мы не имѣемъ никакого права видѣть въ Леонѣ корыстолюбца: все, что мы о немъ знаемъ, заставляетъ признать въ немъ идейнаго фанатика. Онъ, какъ увидимъ, готовъ былъ лучше терпѣть годы изгнанія, чѣмъ поступиться своими убѣжденіями. И разбираемое нами мѣсто не даетъ основанія смотрѣть на Леона иначе. Буквальный смыслъ „умножилъ церкви, грабяй попы“ скорѣй можно выразить въ „обложилъ поповъ тяжкими поборами на постройку новыхъ церквей».

Это бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на дѣятельность его предшественника, Нестора. Несторъ былъ человѣкомъ нерадивымъ. Онъ не былъ на соборѣ 1147 года, гдѣ рѣшался такой важный вопросъ, какъ поставленіе новаго митрополита, и не явился во́-время къ новому митрополиту Константину. Но особенно его нерадивость сказалась въ постройкѣ церквей. Эта важнѣйшая отрасль дѣятельности русскаго епископа того времени была имъ совершенно заброшена. Извѣстно, что даже антиминсы для ростовскихъ церквей освящались въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и по повелѣнію Нестора, но въ Новгородѣ и новгородскимъ же епископомъ Нифонтомъ. Такая совершенно необычная практика, по нашему мнѣнію, можетъ имѣть только одно объясненіе: Несторъ не позаботился даже запастись мощами, необходимыми для антиминсовъ, и принужденъ былъ поручать освященіе антиминсовъ своему сосѣду. Припомнимъ, что тотъ же Нифонтъ освятилъ и главную церковь во Владимірѣ. Такимъ образомъ Леону, дѣйствительно, было много дѣла съ постройкою церквей. Если онъ и провинился, то не въ корыстолюбіи, а въ томъ же усердіи не по разуму, какимъ онъ отличался и впослѣдствіи въ знаменитомъ спорѣ о праздничномъ постѣ. Суздальцамъ, не желавшимъ умноженія церквей, пришлось съ благодарностію вспомнить о лѣнивомъ на этотъ счетъ Несторѣ и о томъ, что „Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю, Нестеру еп. Суждальскому живущю, перехвативъ Нестеровъ столъ“. (Лавр. 6672).

---

[1]) Обиженный Несторъ отошелъ въ исторію съ памятью одного изъ наилучшихъ епископовъ суздальскихъ. О Кириллѣ II лѣтопись говоритъ, что онъ ничѣмъ не отставалъ отъ прежнихъ епископовъ Ростовскихъ, Св. Леонтія, Исаіи и Нестора. Лавр. 6739. „Въведоша же священнаго епископа Кирила въ святую сборную церковь святыя Богородица, мѣсяца мая въ 18, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ... епископъ прежебывши Ростовѣ, Леонтья святаго и священаго епископа Исаія и Нестера, и всѣхъ яже почиша, пасше святую церковь, сего же произведе Богъ въ дни сія, яже не оста ничимъ же прежнихъ епископъ вслѣдуя нравомъ ихъ и ученію, не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа“.

Этотъ-то отзывъ и послужилъ причиною той путаницы, какую мы находимъ въ Никоновской лѣтописи. Лѣтописецъ, находя въ грамотѣ патріарха Луки Хрисоверга, что патріархъ ходатайствуетъ передъ Боголюбскимъ за какого-то не названнаго по имени епископа, несправедливо лишеннаго Суздальскаго стола, никакъ не могъ представить себѣ, что дѣло шло о Леонѣ, и рѣшилъ, (совершенно ошибочно) что патріархъ хлопочетъ за Нестора, у котораго Леонъ не по правдѣ перехватилъ столъ. И вотъ лѣтописецъ не только вставилъ отсутствовавшее имя Нестора въ заголовокъ патріаршей грамоты, надписавъ ее: „Посланіе великого патріарха Луки къ великому князю Андрѣю Ростовскому и Суздальскому Боголюбьскому... о Нестерѣ епископѣ Ростовьскомъ и Суждальскомъ“, (Никон. 6668) но и интерполировалъ имя Нестора и въ самый текстъ грамоты. Вмѣсто—„И не токмо грамотою благородія твоего сія извѣствовахомъ, но и отъ того самого епископа твоего многа благая о благородіи твоемъ свидѣтельствова“ — подлиннаго текста, мы находимъ—„И не точію любомудріе писаніа твоего извѣсти насъ, но и отъ самого того Нестера епископа твоего множщею слышахомъ о благородіи твоемъ многая благая свидѣтельства“. При такомъ пониманіи необходимо было во-первыхъ оправдать осужденнаго митрополитомъ Нестора и вернуть его на каѳедру, во-вторыхъ приписать ему мнѣнія епископа, котораго осуждаетъ патріархъ (т. е. Леона по мнѣнію лѣтописца). Все это мы и находимъ въ Никоновской лѣтописи. Она излагаетъ исторію Нестора такъ.

Въ 1156 году Несторъ явился къ Кіевскому митрополиту поклониться и благословиться, но былъ оклеветанъ своими домашними и запрещенъ (6664). Но въ слѣдующемъ 1157 году (6665) митр. Константинъ убѣдился въ правотѣ Нестора и приказалъ посадить клеветниковъ въ темницу (изъ исторіи Луки Жидяты). Несторъ вернулся въ Ростовъ и установилъ празднованіе 1 августа. („И сице благословеніемъ блаженнаго патріарха Луки Царяграда и преосвященнаго Константина митрополита Кіевскаго и всея Руси и Нестера епископа Ростовскаго уставиша праздновати честному и животворящему кресту мѣсяца Августа

1 дня"). Въ томъ же году Несторъ былъ изгнанъ изъ Ростовской области за то, что онъ не позволялъ ѣсть мяса въ господскіе праздники, если они приходились на среду или пятокъ, а также по средамъ и пятницамъ отъ Свѣтлой недѣли до Пятидесятницы... Такимъ образомъ выходило, что Несторъ лишенъ былъ епископіи безъ суда. Поэтому Леонъ, пришедшій на Ростовскій престолъ въ 1159 году (6667), оказывался самозванцемъ, пришедшимъ безъ вѣдома митрополита. Въ 1160 г. Леонъ яко бы и былъ изгнанъ Андреемъ Боголюбскимъ за то, что онъ захватилъ каѳедру не по правдѣ, „Нестору епископу живу сущу". Но почему-то Леонъ возвратился въ Ростовъ въ томъ же году и тотчасъ же былъ вновь изгнанъ, но уже не за захватъ чужого стола, а за мнѣнія о праздничномъ постѣ, тожественныя съ мнѣніями Нестора. Тѣмъ временемъ Несторъ успѣлъ побывать у патріарха въ Константинополѣ, былъ имъ оправданъ и въ томъ же 1160 году (6668) возвратился въ Суздаль не только съ грамотою патріарха Луки, предписавшаго Андрею возвратить ему каѳедру, но и въ сопровожденіи патріаршаго посла. Послѣдній просилъ князя, „да даси ему (Нестору) внити на свой ему столъ Ростовъ и Суждаль, да не заблуждаетъ въ чужихъ странахъ, да не имя Христово хулится; да не постигнетъ тя гнѣвъ Божій".

Весь этотъ разсказъ не имѣетъ ни малѣйшей поддержки въ первоисточникахъ; его хронологическія погрѣшности, натянутость и искусственность очевидны. Зная, чѣмъ вызваны были всѣ эти недочеты, обратившіе весь разсказъ Никоновской лѣтописи въ сплошное недоразумѣніе, мы можемъ оставить его и обратиться къ другимъ источникамъ.

Изъ нихъ мы видимъ, что Леонъ недолго пробылъ въ изгнаніи. Въ 1163 году, а по всей вѣроятности и ранѣе, онъ вновь уже былъ въ Суздалѣ на своемъ столѣ. Но онъ не пользовался расположеніемъ князя Андрея Боголюбскаго—и это скоро навлекло на Леона новое изгнаніе.

Мы имѣемъ въ Андреѣ Боголюбскомъ ученика еп. Нифонта Новгородскаго. Нифонтъ, какъ мы видѣ-

ли, и въ дѣлѣ Клима не былъ безусловно противъ митрополита изъ русскихъ: онъ только правильно истолковалъ законъ Юстиніана въ томъ смыслѣ, что кандидатъ великаго князя долженъ получить утвержденіе и посвященіе отъ патріарха константинопольскаго и въ Константинополѣ. Совѣты Нифонта не были приняты Изяславомъ Кіевскимъ; но иначе отнесся къ нимъ сынъ близкаго къ Нифонту Юрія, Андрей Боголюбскій. Андрей думалъ создать на сѣверѣ Россіи во Владимірѣ новую великокняжескую столицу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новую митрополію. Онъ подыскалъ уже и кандидата въ митрополиты владимірскіе, котораго и рѣшилъ отправить въ Константинополь на посвященіе, какъ то совѣтовалъ въ свое время Нифонтъ.

Этотъ кандидатъ, нѣкій Ѳеодоръ, прозванный современниками „бѣлый клобучекъ“, не былъ монахомъ: грамота Луки Хризоверга впослѣдствіи обвиняла его даже въ порицаніи монашества (къ чему мы еще вернемся). Судя по тому, что согласно приказу патріарха „того же убо Феодора отжени отъ себе и къ его епископу понуди его ити“ Ѳеодора потомъ отправили въ Кіевъ къ митрополиту, Это былъ изъ кіевскихъ клириковъ. Никоновская лѣтопись въ одномъ мѣстѣ называетъ Ѳеодора сестричичемъ Мануиловымъ, т. е. сыномъ сестры еп. Мануила Смоленскаго: но такое указаніе несомнѣнно интерполпровано въ текстъ грамоты Луки. Какая вѣроятность, чтобы племянникъ Мануила поступилъ въ клиръ, преданный врагу его дяди? Какъ увидимъ, Ѳеодоръ и по-гречески то едва ли зналъ[1]).

Что касается до прозвища „бѣлый клобучекъ“, то оно тоже очень характерно. Бѣлый клобукъ служилъ отличительнымъ признакомъ русскаго митрополита, какъ, вѣроятно, и другихъ митрополитовъ того

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ та же Никоновская лѣтопись называетъ Ѳеодора сестричичемъ близкаго къ Андрею кіевскаго боярина Петра Бориславича (6678) Такое предположеніе является само по себѣ болѣе вѣроятнымъ, но Никон. лѣтопись сама подрываетъ довѣріе къ себѣ, считая двухъ Ѳеодоровъ, а не одного, какъ было въ дѣйствительности О причинѣ такого курюзнаго недоразумѣнія намъ еще придется говорить впослѣдствіи.

времени; въ этомъ клобукѣ изображается русскій митрополитъ уже въ миніатюрахъ житія Бориса и Глѣба, и его носили и всѣ прочіе русскіе митрополиты до Кипріана, промѣнявшаго его на черный, монашескій. Монашество или немонашество митрополита было тутъ ни при чемъ. Припомнимъ, что богослужебнымъ одѣяніемъ русскаго митрополита, какъ ставрофора, служила бѣлая фелонь съ нѣсколькими нашитыми на нее черными крестами, которые собственно и являлись знакомъ митрополичьяго достоинства. Естественнымъ дополненіемъ такой фелони являлся и бѣлый головной уборъ, не только по соображеніямъ эстетическимъ, но и по тому, что при черномъ клобукѣ эти кресты недостаточно выдѣлялись бы. Прозвище „бѣлый клобучекъ“ по адресу Ѳеодора доказываетъ, что онъ присвоилъ себѣ и знаки митрополичьяго достоинства, хотя произошло это, вѣроятно, уже впослѣдствіи, а не въ разсматриваемую нами эпоху.

Вліянію этого-то Ѳеодора и приписываетъ патріархъ Лука вторичное изгнаніе изъ Ростова Леона. Лѣтописи (Лавр. 6672 и Ипат. 6670) подтверждаютъ участіе въ этомъ Ѳеодора. Дѣло происходило такъ. Въ день Рождества Христова 1163 года, приходившійся на середу, князь Андрей устроилъ скоромный, мясной столъ для бояръ. Приглашенный же къ столу еп. Леонъ заявилъ князю, что и въ праздники Рождества и Богоявленія, если они приходятся въ постный день, не бываетъ разрѣшенія на мясо. Великій князь сдѣлалъ свои распоряженія по хозяйству, по всей вѣроятности, не безъ вѣдома своего любимца, нареченнаго епископа Владимірскаго Ѳеодора, и тотъ выступилъ защитникомъ князя противъ Леона. Послѣ долгаго спора Ѳеодоръ переспорилъ.

(Лавр. 6672). „Въ то же лѣто вста ересь Леонтіаньская. Скажемъ вмалѣ: Леонъ епископъ не по правдѣ постависи Суждалю, Нестеру епископу Суждальскому живущю, перехвативъ Нестеровъ столъ; поча Суждали учити не ѣсти мясъ въ Господьскыя праздникы, въ среды и въ пятки, ни на Рожьство Господне, ни на Крещенье, и бысть тяжа про то велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андрѣемъ, предо всѣми людми, и

упрѣ его владыка Ѳеодоръ[1]). Онъ же иде на исправленіе Царюгороду".

Андрей думалъ было тогда же прогнать еретика, епископа Леона; но потомъ, „раскаявшись отъ грѣха того", водворилъ его въ Ростовѣ. Для Леона это было настоящею ссылкою. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Ростовѣ погорѣли всѣ церкви, въ томъ числѣ и соборная церковь Богородицы[2]). Тамъ не могло быть даже приличной каѳедральной церкви. Въ такомъ заточеніи Леона продержали около четырехъ мѣсяцевъ, т. е. приблизительно до Пасхи 1164 года (приходилась 12 апрѣля). На Пасху Андрей смиловался надъ Леономъ и пригласилъ его въ Суздаль. На этотъ разъ Андрей уже заблаговременно попросилъ у епископа разрѣшеніе на мясоядѣніе по средамъ и пятницамъ не только пасхальной недѣли, но и слѣдующихъ до Пятидесятницы включительно. Но Леонъ, очевидно, не убѣдился доводами Ѳеодора и отказалъ въ просьбѣ князю, разрѣшивъ мясоястіе лишь на пасхальной недѣлѣ. Тогда Андрей выгналъ его изъ Суздальской земли.

(Ипат. 6670) „Томъ же лѣтѣ выгна Андрей епископа Леона изъ Суждаля, и братью свою погна Мстиславa и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передніи. Се же створи, хотя самовластець быти всей Суждальской земли. Леона же епископа възвратіи опять, покаявъся отъ грѣха того, но въ Ростовъ, а въ

---

[1]) Макарій III. 208. полагаетъ, что эти выраженія слѣдуетъ относить къ митрополиту Ѳеодору тѣмъ болѣе, что „у кого же и долженъ былъ просить себѣ суда и защиты изгнанный изъ епархіи епископъ, какъ не у своего архипастыря". „И какъ бы потомъ Леонъ осмѣлился итти на судъ къ константинопольскому патріарху, не испросивъ себѣ прежде суда у своего митрополита". Но трудно признать эти соображенія основательными Изгнаніе Леона являлось послѣдствіемъ „упрѣнія" его, а отнюдь не причиною обращенія къ митрополичьему суду. Что же касается до митр. Ѳеодора, то въ 1164 году, въ маѣ, Леонъ и не могъ обратиться къ нему, такъ какъ къ этому времени Ѳеодоръ митрополитъ уже скончался.

[2]) Лавр 6668. „Того же лѣта погорѣ Ростовъ, и церкви всѣ, и сборная дивная и великая церкы святоѣ Богородицѣ; якое же не было ни будетъ".

Суждали не да ему сѣдѣти, и держа и четыре мѣсяци въ епископіи. И нача просити у него отъ Въскресенія Христова до Всихъ Святыхъ ѣсти мяса въ среду и въ пятокъ; епископъ же повелѣ ему одину недѣлю порозную ѣсти мяса въ среду и въ пятокъ, а прочею добрѣ хранити; онъ же про ту вину погна изъ своей земли; и приде Чернигову къ Святославу Олговичу".

Прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ скажемъ нѣсколько словъ въ оправданіе нашего изложенія лѣтописныхъ данныхъ. Сравненіе текста Лавр. 6672 и Ипат. 6670 не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что и та и другая содержатъ разсказъ—первая о началѣ, вторая о продолженіи однихъ и тѣхъ же событій, происходившихъ на пространствѣ четырехъ мѣсяцевъ. Но 6672 годъ заслуживаетъ предпочтенія передъ 6670 годомъ, такъ какъ только въ 6672 году могъ быть конкретный поводъ къ возникновенію спора о постѣ въ праздники въ томъ обстоятельствѣ, что 25 декабря приходилось въ среду. Что споръ былъ вызванъ именно конкретнымъ фактомъ, доказывается тѣмъ, что сначала онъ шелъ лишь о постѣ въ Рождество и Богоявленіе и только черезъ четыре мѣсяца возникъ вновь о постѣ послѣ—пасхальномъ. Чѣмъ объяснить такой перерывъ? Тѣмъ, что между Рождествомъ 1163 года (25 дек.) и Пасхою 1164 года (12 апр.) (рѣчь собственно шла лишь о средѣ Ѳоминой недѣли, т. е. 22 апрѣля) былъ промежутокъ приблизительно въ четыре мѣсяца. Съ наступленіемъ даннаго праздника возникалъ каждый разъ особый хозяйственный вопросъ: что готовить къ этому празднику— постное или скоромное,—что и давало поводъ къ богословскимъ препирательствамъ. Разъ заключенный въ Ростовѣ Леонъ черезъ четыре мѣсяца оказался въ Суздалѣ, гдѣ Андрей говоритъ съ нимъ о постѣ въ послѣпасхальныя недѣли, какъ о чемъ-то еще имѣющемъ наступить, то самое естественное предположеніе то, что Леонъ освобожденъ былъ къ великому празднику Пасхи, что Андрей рѣшилъ помириться съ нимъ для праздника и потому пригласилъ служить въ Суздалѣ въ Пасху 12 апрѣля. Далѣе, когда Андрей говорилъ о будущемъ постѣ, то никакого ни скандала ни спора съ Ѳеодоромъ не

произошло. Если на Рождествѣ 1163 года дѣло обстояло иначе, то конечно потому, что Леонъ увидѣлъ мясной столъ лишь тогда, когда съ другими гостями пришелъ въ княжескую столовую и принужденъ былъ сдѣлать свое заявленіе князю публично. Только при такой обстановкѣ и становится понятнымъ и гнѣвъ князя на своихъ братьевъ и Ростиславичей, который лѣтописецъ ставитъ въ связь съ гнѣвомъ на епископа: если они, явившись по приглашенію къ княжескому столу, публично и демонстративно отказались отъ княжеской хлѣба-соли, то Андрей имѣлъ право считать себя получившимъ тяжкое оскорбленіе со стороны своихъ дружинниковъ. Ипатіевская лѣтопись ставитъ изгнаніе ихъ въ прямую связь съ изгнаніемъ Леона и, слѣдовательно, съ споромъ о праздничномъ постѣ. Этими князьями были братья Андрея, Мстиславъ и Василько, и Ростиславичи, племянники Андрея отъ умершаго старшаго брата его, Ростислава Юрьевича, Мстиславъ и Ярополкъ. Весьма вѣроятно, что Андрей желалъ отдѣлаться отъ нихъ и по политическимъ причинамъ, и только искалъ для этого подходящаго повода. Такимъ поводомъ и явился споръ о праздничномъ постѣ, въ которомъ Мстиславъ и Василько должны были принять сторону грека Леона. Ихъ мать, вдова, была греческая княжна, естественная покровительница Леона. Она сохранила связи съ Греціею, куда и отправилась по изгнаніи ея сыновей Андреемъ. Тамъ изгнанники и нашли радушный пріемъ у Мануила [1]).

Разсматриваемый нами споръ являлся отголоскомъ происходившей въ это время и на востокѣ борьбы, между болѣе снисходительною практикою относительно

---

[1]) Ипат. 6670. „Идоста Гюргевича Царюгороду, Мьстиславъ и Василко, съ матерію, и Всеволода молодого пояша со собою, третьего брата; и дасть царь Василкови въ Дунаи городы, а Мьстиславу дасть волость Отъскалана“. Всеволодъ пробылъ тамъ недолго; въ 1169 году мы находимъ его въ ополченіи князей на Кіевъ.

„Андрей овладѣлъ волостью вопреки отцовскому распоряженію; младшіе Юрьевичи, которымъ отецъ завѣщалъ Суздальскую землю, жили тамъ; ихъ именемъ могли дѣйствовать недовольные, и вотъ Андрей гонитъ съ сѣвера своихъ младшихъ братьевъ, Мстислава, Василька и Всеволода, которые отправляются въ Грецію“. Солов. II. 499.

поста Студійскаго устава, представителемъ которой являлся Аѳонъ, и болѣе строгою, въ смыслѣ усиленія поста, практикою, на сторонѣ которой стояла вселенская патріархія. По уставу Ѳеодора Студита, заимствованному и Аѳанасіемъ Аѳонскимъ, полное разрѣшеніе отъ поста на весь день, *хотя бы и въ среду и пятокъ*, полагалось: 1) во всѣ двунадесятые праздники, 2) въ праздники апостоловъ, 3) дни Рождества и Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и 4) дни нѣкоторыхъ нарочитыхъ святыхъ. (Мансветовъ, Кипріанъ 162 [1]). Той же практики слѣдовали и другіе типики: св. Саввы, Евѳимія Великаго, правила Іоанна Постника, хотя въ перечнѣ праздниковъ, въ которые разрѣшался постъ, и наблюдалось нѣкоторое разнообразіе. (Макарій III, 106).

Но практика константинопольской патріархіи придерживалась скорѣе древне-христіанской практики безусловной неразрѣшимости поста въ среду и пятницу, практики, на сторонѣ которой стояли и такіе корифеи монашества, какъ Кассіанъ, Савва Освященный, Никонъ Черногорецъ и многіе другіе. (Мансветовъ, Кипріанъ 174).

Эти два направленія и вступили въ столкновеніе одно съ другимъ уже въ концѣ IX вѣка. Патріархъ Николай Мистикъ въ посланіи къ проту горы Аѳонской допускаетъ полное разрѣшеніе поста для монаховъ на сыръ и яйца въ среду и пятницу только ради четырехъ праздниковъ: Рождества Христова, Богоявленія, Срѣтенія и Преображенія. Въ богородичные же праздники, дни Усѣкновенія главы и Рождества Іоанна Предтечи и Петра и Павла допускается разрѣшеніе лишь на рыбу и вино; во всѣ же прочіе праздники, въ томъ числѣ и апостоловъ и нарочитыхъ святыхъ, разрѣшается только на вино и елей. (Migne S. Gr. CXI. 399). Правда, согласно правилу патр. Никифора, на масляной недѣлѣ въ противоположность яковитамъ, которые проводятъ ее на хлѣбѣ и водѣ, предписано разрѣшать на сыръ и рыбу даже въ среду и пятницу; но въ среду и пят-

---

[1]) Мансветовъ, Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности. М. 1882.

ницу пасхальной недѣли предписывалось воздержаніе отъ сыра и яицъ. (ib. 404).

Самъ патріархъ Николай считалъ свои указанія не только не строгими, но напротивъ въ высшей степени слабыми и снисходительными. „Не какъ постановляющіе правило или устанавливающіе законъ мы пишемъ, и не согласно строгости отцевъ я говорю, а пишу согласно нашей слабости“ [1]).

Иначе думали аѳонцы. Узнавъ изъ посланія патріарха, пересланнаго имъ съ ихъ же нарочнымъ, что поста нельзя разрѣшать ни на память нарочитаго святого или апостола, ни на рождественской недѣлѣ, ни передъ Богоявленіемъ, ни въ теченіе Пятидесятницы, монахи заподозрили подлинность посланія патріарха и стали защищать противоположную практику, основанную на Студійскомъ и собственно Аѳонскомъ уставѣ. (Мансветовъ, Кипріанъ 167).

Посланіе проту можетъ служить доказательствомъ, что вопросъ о постахъ въ духовно-монашеской области и въ Византіи въ разсматриваемую эпоху обсуждался съ большимъ интересомъ; но едва ли есть основаніе предполагать, чтобы аѳонцы и впредь поступились своею болѣе легкою практикою въ пользу болѣе строгой практики, проводившейся патріархомъ Николаемъ. Въ дальнѣйшемъ же мы будемъ наблюдать весьма серіозныя усиленія константинопольскою церковью требованій строгости поста, сравнительно съ предписаніями патріарха Николая.

Слѣдуетъ думать, что стороны остались при своемъ,

---

[1]) Николай Грамматикъ (1084—1111) подъ конецъ своей жизни сознавался, что посты и епитиміи (въ составъ которыхъ входили посты), совершенно не соблюдаются болѣе въ Византіи, и даже на Аѳонѣ, по поводу котораго и возникла эта переписка съ притчомъ.

„Теперь найдешь ли ты постящихся іереевъ или царей? Всѣ извиняются немощію—даже самп законники и церковные проповѣдники. Кто теперь постится? Развѣ гдѣ какой затворникъ или пустынникъ, да и то рѣдко. Какъ же налагать прещенія на легкомысленный и необразованный народъ, просто и когда случится, и притомъ, когда никто не соблюдаетъ ихъ.. Я не налагаю продолжительныхъ епитимій или прещеній, потому что никто не соблюдаетъ ихъ. (Порфиріи Исторія Аѳона III 250—2).

и оба эти направленія мирно уживались въ Византіи и впослѣдствіи. Въ частности аѳонцы, при ихъ взглядахъ на почитаніе Божіей Матери, никакъ не могли согласиться на низведеніе богородичныхъ праздниковъ во второй разрядъ. Да не на одномъ Аѳонѣ, а и въ самомъ Константинополѣ мы находимъ подчасъ даже въ монастыряхъ XI вѣка приравненіе нѣкоторыхъ богородичныхъ праздниковъ, въ особенности Успенія, къ важнѣйшимъ господскимъ праздникамъ. Въ нихъ день Успенія праздновался почти съ такою же торжественностію, какъ Пасха, и считался праздниковъ праздникомъ и торжествомъ изъ торжествъ. Такъ мы находимъ, напримѣръ, въ типикѣ знаменитаго Евергетидина монастыря въ Константинополѣ, основаннаго почти одновременно съ Печерскимъ монастыремъ, который постоянно посѣщался и русскими паломниками (см. Хожденіе Антонія 1200 года). Въ немъ особая 11-я глава посвящена вопросу о богородичныхъ праздникахъ и гласитъ: „Всѣ божественные и господскіе праздники Пресвятой Владычицы и Благодѣтельницы нашей Богородицы да празднуются у насъ *изряднѣе прочихъ*, разумѣю въ псалмопѣніяхъ и свѣтовозженіяхъ и въ самыхъ нашихъ *яствахъ*; праздникъ же святого Ея преставленія, его же и Успеніемъ именуемъ, свѣтло у насъ да празднуется, свѣтло и щедро, ибо это есть праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ“. (Дмитревскій. Типики I. 630).

И въ Россіи мягкую практику о постѣ проводила прежде всего колонія Аѳона, Кіево-Печерскій монастырь; болѣе суровой же практики придерживался не только Леонъ, но, какъ увидимъ, и другіе греки того времени, приходившіе изъ Греціи. Что и понятно, разъ такова была тенденція въ самой патріархіи. Въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ мы находимъ не только Студійскій уставъ съ его мягкими предписаніями о постѣ, но и такого строгаго постника, какимъ былъ святой Ѳеодосій, который тѣмъ не менѣе держался очень льготныхъ правилъ по отношенію къ другимъ, особенно—мірянамъ, въ вопросѣ о постѣ. На вопросъ Изяслава о постѣ по средамъ и пятницамъ онъ отвѣчалъ только совѣтомъ князю не ѣсть мяса по средамъ и пятницамъ и

даже снялъ съ него такой зарокъ, который онъ наложилъ на себя. Что же касается до разрѣшенія поста по праздникамъ, то Ѳеодосій даже прямо предписалъ князю Изяславу не держать поста [1]).

Такимъ образомъ разрѣшеніе поста въ среду и пятницу по великимъ праздникамъ не только допускается, но и рекомендуется. Мало того: разрѣшеніе поста въ великіе праздники разсматривалось даже какъ особенность православія сравнительно съ латинствомъ.

Такъ митрополитъ Никифоръ (1104—1120) въ числѣ важныхъ винъ латинянъ указываетъ на то, что они не разрѣшаютъ поста въ великіе господскіе праздники и требуютъ, чтобы постъ сохранялся и въ этомъ случаѣ. „А се инное зло: аще ключится въ субботу ли въ среду, ли въ пятокъ *Рожство Христово*, *ли Богоявленіе*, *ли Господскый праздникъ*, поста не разрѣшаютъ, но акы жалѣютъ жениху сущу съ тѣми". (Макарій II. 337). Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ въ мнѣніяхъ Леона русскіе готовы были увидѣть ересь.

Но въ то же время слѣдуетъ признаться, что грекъ—митрополитъ Никифоръ уже далеко не такъ льготенъ въ своихъ предписаніяхъ, какъ Ѳеодосій. Онъ не упоминаетъ уже о праздникахъ богородичныхъ и апостольскихъ, какъ основаніяхъ для разрѣшенія поста. Это указываетъ уже на переходную эпоху, когда требованія отъ поста становились строже. Что эта строгость вводилась въ Руси независимо отъ печерскихъ вліяній, и даже вопреки имъ, можно видѣть изъ правилъ печерскаго постриженника, Нифонта Новгородскаго. Онъ стоитъ еще на сторонѣ печерской практики, когда воспрещаетъ чернецамъ распространять разрѣшеніе

---

[1]) „Аще кто отрѣчеся всереду или въ пятницю мясъ не ясти, добро—вельми полезно не ясти Не я сего завѣщаю, но святии Апостоли.... Понеже еси мене въспрашаль, недостоіінаго· аще связанъ еси отцемъ духовнымъ, всреду и впятокъ мясъ не ясти, отъ того же разрѣшенье прими, іли самъ ся еси зареклъ, Богъ мене ради простить тя. Егдаже ся приключить Господскиі праздьникъ всереду іли впятокъ, *любо святыя Богородици*, или 12 Апостолъ. т о я ж ь м я с а". (Макарій II. 321 322).

поста на тѣ случаи, которые прямо не были разрѣшены уставомъ, слѣдовательно запрещаетъ распространительное толкованіе устава въ этомъ отношеніи [1]). Онъ идетъ, если угодно, даже далѣе Ѳеодосія въ снисходительности, говоря въ своемъ 95 отвѣтѣ: „Аще епетимья на чловѣцѣ, въ недѣлю и въ соуботоу и въ господьскыя праздникы, дати ему все“, т. е. допуская разрѣшеніе поста даже въ томъ случаѣ, когда постъ является наказаніемъ въ видѣ епитиміи. Но относительно не епитимійцевъ, какимъ былъ тотъ князь, которому писалъ Ѳеодосій, Нифонтъ держится уже болѣе строгихъ правилъ [2]).

Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что этотъ вопросъ занималъ русскихъ и служилъ предметомъ переписки между ними, и что вообще практика на этотъ счетъ была довольно мягкая. Студійскій уставъ вводилъ въ грѣхъ и впослѣдствіи, когда предписанія его были замѣнены другими, какъ увидимъ, болѣе строгими [3]).

Это различіе направленій необходимо постоянно имѣть въ виду при обсужденіи дальнѣйшихъ событій въ Суздалѣ и Кіевѣ.

---

[1]) „А черницамъ и черньцемъ ни масла ясти въ средоу, и въ пятокъ, аще и трепарь боудеть“ (т. е. имѣетъ празднованіе святому, которому поется на утрени тропарь „На Богъ Господь, вмѣсто обыкновеннаго Аллилуія)“. (Р И. Б V, I. 25)

[2]) 97 прав „Безъ епитемьи соущихъ прашахъ—Аже, рече, боудеть праздникъ господьскый въ среду или въ пятокъ или въ святыя Богородица, или святаго Іоана, (о другихъ апостолахъ уже не упоминается) аще ядятъ добро, аще ли не ядять, а л о у ч е“ (Макарій III. 106. полагаетъ, и совершенно правильно, на нашъ взглядъ, что здѣсь дѣло идетъ о разрѣшеніи на мясо)

[3]) Ѳеодосій Ростовскій въ половинѣ XV в. ссылался въ доказательство разрѣшенія поста наканунѣ Богоявленія на уставы. Іерусалимскій, Святой горы и С т у д і й с к і и, вѣроятно, воспользовался правилами послѣдняго, когда допустилъ разрѣшеніе въ этотъ день монахамъ на сыръ, молоко и рыбу, а мірянамъ на мясо. Въ своемъ исповѣданіи онъ, правда, отказался отъ этого мнѣнія, назвавъ его безчинствомъ, но не самъ, конечно, выдумалъ и пустилъ его въ ходъ, а былъ наведенъ на эти мысли Студійскимъ уставомъ, гдѣ въ навечеріе Рождества и Богоявленія, когда оно случится въ субботу или воскресенье, полагается праздничныи обѣдъ и рыбы. (Мансветовъ, ib. 186, прим. 2)

Изгнанный Леонъ отправился въ Черниговъ, гдѣ епископомъ былъ его землякъ, Антоній Черниговскій. Князь Святославъ Ольговичъ радушно принялъ изгнанника, обласкалъ его и отправилъ въ Кіевъ къ Ростиславу. Митрополита въ Кіевѣ въ это время не было, и Леонъ отправился искать правосудія въ Константинополь. Мы скоро находимъ его въ лагерѣ императора Мануила вмѣстѣ съ послами русскихъ князей.

Объ этомъ, чрезвычайно важномъ для насъ обстоятельствѣ, мы узнаемъ изъ случайной замѣтки (Лавр. 6672) по поводу Леона. „Онъ же (Леонъ) иде на исправленье Царюгороду, а тамо упрѣлъ и Андріянъ епископъ Болгарьскій передъ царемъ Мануиломъ; стоящю царю товары (лагеремъ) надъ рѣкою, Леону молвящю на царя, удариша слугы царевы Леона за шью, и хотѣша и въ рѣцѣ утопити, *сущимъ ту у царя всѣмъ сломъ, Кыевьскыи солъ, и Суждальскыи Илья, и Переяславьскыи, и Черниговскыи*“.

Дѣло происходило, очевидно, во время венгерскаго похода Мануила въ 1164 году. Какъ извѣстно, въ этомъ году нападеніе Стефана IV Венгерскаго, вопреки только что заключенному договору, на его племянника Стефана III, занимавшаго венгерскій престолъ, снова втянуло Мануила въ войну на Дунаѣ. Къ Стефану Венгерскому пришли на помощь не только германскіе наемники и чешскій король Владиславъ, но и полки тавроскиѳовъ, т. е. русскихъ. По всей вѣроятности, какъ и въ болѣе раннее время, къ венгерскому королю пришла дружина малороссовъ изъ Галиціи. По этому-то поводу и происходили, вѣроятно, какія-нибудь сношенія князей около-кіевскихъ съ императоромъ Мануиломъ, которому, конечно, было важно заручиться помощію русскихъ. Переговоры русскаго посольства, о которыхъ мы узнаемъ изъ лѣтописи, должны были, судя по присутствію въ лагерѣ императора епископа Адріана Болгарскаго, происходить гдѣ-то въ Болгаріи. Но, какъ извѣстно, въ этомъ году Мануилъ, перейдя Дунай, стоялъ сначала лагеремъ у Тителія, т. е. у сліянія Тиссы и Дуная; затѣмъ, перешедши черезъ верхній Дунай, онъ двинулся къ

городу Пагацію. Здѣсь послѣ переговоровъ съ Владиславомъ Чешскимъ Мануилъ добился возвращенія Белѣ его владѣній и, посовѣтовавъ Стефану IV отказаться отъ венгерскаго престола и возвратиться въ Сирміумъ, направился къ римскимъ предѣламъ. Во время этого-то обратнаго путешествія Мануила въ Константинополь, его и должно было встрѣтить посольство русскихъ князей. Если правильно наше предположеніе, что ранѣе мая—іюня этого года посольство и тронуться изъ Кіева не могло, то ранѣе какъ на возвратномъ пути въ Константинополь, т. е. гдѣ-нибудь въ Болгаріи, посольство не могло догнать царя; царь же возвращался черезъ Сирміумъ на Нишъ.

Во время этихъ переговоровъ южно-русскіе князья заключили съ Мануиломъ договоръ противъ Ярослава Галицкаго. По пути же они должны были переговорить и о митрополитѣ. Почти цѣлыхъ два года, прошедшихъ со времени смерти митрополита Ѳеодора, въ маѣ—іюнѣ 1162 года, Ростиславъ объ этомъ дѣлѣ не заботился. Только прибытіе въ Кіевъ посла Андрея Боголюбскаго, ѣхавшаго въ Константинополь съ кандидатомъ на Владимірскую митрополію, въ лицѣ Ѳеодора „бѣлаго клобучка“, заставило и Ростислава и его союзниковъ, Святослава Черниговскаго и Глѣба Переяславскаго, выставить и ихъ кандидата на Кіевскую митрополію [1]).

Мы видѣли, что Андрей Боголюбскій, происходившій изъ семьи очень близкой къ Нифонту Новгородскому, рѣшилъ исполнить тотъ совѣтъ, какой данъ былъ Нифонтомъ еще при избраніи Клима: т. е. согласно новелламъ Юстиніана представить своего кандидата константинопольскому патріарху; только этотъ примѣръ сѣвернаго князя и побудилъ южныхъ князей поступить такимъ же образомъ. Кандидатомъ Рости-

---

[1]) Святославъ Черниговскій находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ Ростиславомъ и, если, незадолго передъ тѣмъ, соединился противъ него съ Изяславомъ Давидовичемъ, то противъ своего желанія, уступая требованіямъ дружины Глѣбъ же Переяславскій всегда былъ вѣрнымъ союзникомъ Ростислава и даже выдержалъ осаду въ Переяславлѣ за отказъ перейти на сторону Изяслава Давидовича.

слава оказался тотъ самый Климъ, котораго онъ прежде ни за что не желалъ, и изъ-за котораго онъ, рискуя Кіевскимъ столомъ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ поссорился съ племянникомъ Мстиславомъ [1]).

Почему же произошла такая перемѣна во взглядахъ Ростислава? Объясненіемъ этого можетъ служить прежде всего вліяніе Кіево-Печерской лавры. Дѣло въ томъ, что споръ о праздничномъ постѣ являлся не мѣстнымъ только суздальскимъ, но и обще-русскимъ; въ немъ въ особенности была заинтересована Кіево-Печерская лавра. Главный престольный праздникъ этого монастыря, — Успеніе Богородицы 15 августа — былъ однимъ изъ тѣхъ двунадесятыхъ праздниковъ, о которыхъ шла рѣчь въ спорѣ между Ѳеодоромъ и Леономъ. Между монастырями Евергетиды и Кіево-Печерскимъ существуетъ въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) поразительное сходство. Такъ какъ ни о какомъ заимствованіи устава однимъ у другого говорить нельзя (оба монастыря основаны почти въ одинъ годъ), то это сходство слѣдуетъ объяснить аѳонскими традиціями. Если мы и впослѣдствіи находимъ, что Кіево-Печерскій монастырь упорно держался за практику разрѣшенія поста въ Успеньевъ

---

[1]) Въ участіи Святослава Черниговскаго въ хлопотахъ за Клима, можетъ быть, и заключается разгадка того поступка, какимъ отличился еп Антоній Черниговскій въ 1164 году (Ипат. 6672) По смерти Святослава онъ, поцѣловавъ крестъ семейству своего покойнаго князя, хотя его, какъ епископа, отъ крестнаго цѣлованія и освобождали, готчасъ же измѣнилъ своей клятвѣ въ пользу совершенно посторонняго князя, Святослава Новгородскаго. Лѣтопись объясняетъ такой поступокъ Антонія тѣмъ, что онъ былъ грекъ, личные мотивы однако едва ли достаточны для объясненія такого поступка. Антоній всегда былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ покойнымъ княземъ и его семействомъ, „князи свои любилъ“, и перемѣна на Святослава Новгородскаго не могла дать ему большихъ выгодъ Наиболѣе вѣроятнымъ мотивомъ была національная месть. Антоній давалъ пріютъ всѣмъ своимъ землякамъ, лишавшимся каѳедръ Онъ долженъ былъ ненавидѣть Клима, и какъ греческій патріотъ, и какъ другъ и ставленикъ митрополита Константина. Припомнимъ, что этотъ Константинъ умеръ изгнанникомъ и нищимъ, на рукахъ Антонія, лишенный каѳедры Климомъ. Хлопоты Святослава за этого Клима могли при такихъ условіяхъ вызвать гречина Антонія на месть его семейству.

день, то и это правило слѣдуетъ приписать традиціямъ основателей монастыря.

Между тѣмъ греки воспрещая разрѣшеніе поста даже въ день Рождества Христова, не дѣлали изъятія даже и для Кіево-Печерской лавры. Этимъ-то главнымъ образомъ и объясняется та страстность, съ какою относятся наши лѣтописи къ еретику Леону. Представительница интересовъ Печерскаго монастыря Ипатіевская лѣтопись, такъ рѣшительно ставшая противъ Клима на соборѣ 1147 года, совершенно мѣняетъ свой тонъ въ вопросѣ о праздничномъ постѣ, гдѣ она становится уже ярою противницею грековъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что и послѣ собора 1147 года Кіево-Печерскій монастырь долго еще былъ на сторонѣ грековъ противъ Клима [1]).

Но отношенія Кіево-Печерскаго монастыря къ грекамъ неминуемо должны были испортиться подъ вліяніемъ спора о праздничномъ постѣ. Въ 1162 году Успеніе пришлось въ среду, и мы съ увѣренностію можемъ сказать, что въ Печерскомъ монастырѣ постъ былъ разрѣшенъ въ силу монастырской традиціи. Традиція эта была такъ сильна, что даже послѣ того, какъ Кіевскій соборъ по дѣлу Леона Суздальскаго призналъ Леона правымъ, Поликарпъ арх. Печерскій въ среду въ Рождество Христово 1168 года все-таки разрѣшилъ постъ. Если въ 1162 г. это не привело къ такому рѣзкому конфликту съ греками, какой произошелъ потомъ въ 1168 году, то объясняется это, можетъ быть, тѣмъ, что въ августѣ 1162 года митропо-

---

[1]) Игуменъ этого монастыря Акиндинъ, если вѣрить печерскимъ традиціямъ, первый получилъ архимандричій санъ въ 1159 году, слѣдовательно, отъ изгнаннаго уже изъ Кіева митр. Константина. Это заставляетъ предполагать, что Акиндинъ оказалъ какія-то услуги изгнанному съ конца 1157 года митрополиту—греку, и мы можемъ догадываться, какія это были услуги Ростиславъ Смоленскій, чрезвычайно любившій Печерскій монастырь, возсталъ такъ рѣшительно противъ предложенія Мстислава Изяславича вернуть Клима на митрополію не только подъ вліяніемъ еп. Мануила, но и Акиндина, игумена Печерскаго. Самый споръ между Ростиславомъ и Мстиславомъ изложенъ въ Ипатіевской лѣтописи не подъ 6666 г. (1158), когда онъ происходилъ, а подъ 6667 г. (1159), когда Акиндину яко бы дана архимандрія.

личій престолъ въ Кіевѣ былъ, по всей вѣроятности, вакантнымъ. Практика кіевскаго монастыря не могла остаться незамѣченною. Мы не знаемъ, чѣмъ въ 1163 г. „упрѣлъ“ Леона Суздальскаго Ѳеодоръ „бѣлый клобучекъ“ въ ихъ спорѣ о постѣ въ Рождество, но вправѣ предполагать, что ссылка на кіево-печерскую традицію должна была играть тутъ не малую роль. Такимъ образомъ вопросъ о ереси Леона становился въ то же время и вопросомъ о православіи Кіево-Печерскаго монастыря [1]).

Мы вправѣ думать, что въ числѣ противниковъ грековъ въ данномъ вопросѣ былъ и Климъ. Онъ и раньше не считалъ безусловно обязательными греческіе церковные порядки и допускалъ отступленія отъ нихъ, какія современникамъ представлялись важными. Теперь ему и подавно не было основаній выступать защитникомъ такихъ греческихъ обычаевъ, какіе и у самихъ-то грековъ соблюдались далеко не вездѣ.

Такимъ образомъ споръ о праздничномъ постѣ естественно подготовлялъ почву для примиренія Клима съ метаніею его знаменитаго противника—Нифонта. Можно сказать съ полною увѣренностію, что Ростиславъ ни въ какомъ случаѣ не подумалъ бы хлопотать о возвращеніи Клима, если бы такого примиренія не состоялось. Но кто же подѣйствовалъ на Ростислава въ этомъ направленіи изъ числа печерскихъ иноковъ? Тутъ мы должны обратить вниманіе на будущаго арх. Печерскаго Поликарпа. Поликарпъ, наиболѣе горячій защитникъ печерскихъ традицій о постѣ, былъ въ то же время и наиболѣе близкимъ къ Ростиславу человѣкомъ. Хотя онъ сдѣлался печерскимъ настоятелемъ лишь въ 1165 году,

---

[1]) Обостреніе отношеній между Печерскимъ монастыремъ и греками отразилось въ особенности на Ипатіевской лѣтописи. Она начинаетъ прямо обливать грязью противниковъ печерской традиціи-грековъ Леона Суздальскаго и Антонія Черниговскаго, съ ихъ требованіями соблюдать посты и въ двунадесятые праздники. О первомъ она разсказываетъ, какъ его съ позоромъ выгнали изъ Ростова, второго же рисуетъ, какъ безсовѣстнаго клятвопреступника.

но близость эта установилась, вѣроятно, еще до игуменства Поликарпа. Ростиславъ имѣлъ благочестивое обыкновеніе приглашать по субботамъ и воскресеньямъ великаго поста къ своему столу печерскаго игумена съ двѣнадцатью монахами (игуменъ изображалъ Христа, а монахи апостоловъ?) и даже прислуживалъ имъ за столомъ. Ужъ въ это время, по всей вѣроятности, и возникли тѣ близкія отношенія между Ростиславомъ и Поликарпомъ, какія засвидѣтельствованы намъ Ипатіевскою лѣтописью. Поликарпъ имѣлъ на великаго князя прямо неотразимое вліяніе. У него Ростиславъ желалъ постричься въ монахи и даже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ему построили для этого келью въ Печерскомъ монастырѣ. Только убѣжденія окружающихъ, начиная съ духовника великаго князя, не оставлять княженія ради спокойствія и мира Руси и предсмертная болѣзнь вдали отъ Кіева помѣшали Ростиславу выполнить свое благочестивое намѣреніе, на что онъ горько жаловался передъ смертію. Вѣроятно, вліянію этого-то Поликарпа мы обязаны и перемѣной во взглядахъ Ростислава на Клима: теперь онъ самъ сталъ просить за него въ Константинополѣ. Хлопоты эти и совпадаютъ съ годомъ смерти Кіево-Печерскаго арх. Акиндина.

Второю причиною—должно признать вліяніе Мстислава Изяславича. Очень скоро послѣ занятія Кіева Ростиславомъ между ними произошла размолвка; но не болѣе какъ за годъ до разсматриваемыхъ нами событій дядя и племянникъ снова помирились, и Мстиславъ теперь былъ въ Кіевѣ. Мстиславъ Изяславичъ, какъ мы уже знаемъ, былъ защитникъ Клима, а, какъ видно изъ спора его съ дядею Ростиславомъ, послѣдній лично противъ Клима ничего не имѣлъ. Онъ требовалъ отъ Клима лишь того же, чего требовалъ отъ него Нифонтъ, т. е. чтобы Климъ благословился у Константинопольскаго патріарха. Если это требованіе и не было высказано, то оно логически вытекало изъ возраженія Ростислава. Если даже при жизни благословленнаго Константинопольскимъ патріархомъ митрополита Константина споръ между дядею и племянникомъ кончился въ ничью рѣшеніемъ не

принимать ни того ни другого митрополита, то теперь, когда митрополитъ Константинъ скончался, обстоятельства окончательно складывались въ пользу Клима.

Греки за это время довольно небрежно относились къ дѣлу замѣщенія русской каѳедры. Послѣ отъѣзда Михаила они долго не замѣщали ея. Замѣщеніе каѳедры при Долгорукомъ было неудачнымъ въ томъ отношеніи, что митрополитъ оказался большимъ фанатикомъ, возстановившимъ противъ себя населеніе своими безтактными дѣйствіями. И теперь послѣ смерти митрополита Ѳеодора, въ маѣ—іюнѣ 1162 г., прошло около двухъ лѣтъ, а въ Константинополѣ, какъ видно, и не собирались еще назначить новаго митрополита.

Все это, вмѣстѣ съ проектомъ Андрея объ учрежденіи митрополіи во Владимірѣ, и слѣдуетъ принимать во вниманіе для пониманія проекта Ростислава справить митрополію за Климомъ. Рѣшено было привести въ исполненіе проектъ, предложенный Нифонтомъ на соборѣ 1147 года, и заднимъ числомъ испросить для Клима патріаршее благословеніе. Но время для такихъ хлопотъ было въ высшей степени неудобное, да и самое предложеніе Нифонта было вовсе не такъ выгодно для грековъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Хлопоты и за Клима и за Ѳеодора заранѣе обречены были на неудачу.

Неудача хлопотъ за Климента, если даже оставить въ сторонѣ то обстоятельство, что въ 1164 году Климъ былъ уже въ глазахъ грековъ отлученнымъ схизматикомъ, какимъ онъ отнюдь не былъ еще въ 1147 году до поставленія въ митрополиты, и притомъ схизматикомъ очень упорнымъ, вытекала уже изъ несовмѣстимости проекта поставленія національнаго Кіевскаго митрополита съ политическими планами императора Мануила вообще и съ планами его относительно Венгріи и Россіи въ частности. Греки цѣнили въ эту эпоху византійскаго митрополита дороже, чѣмъ даже вспомогательныя войска, въ которыхъ они такъ нуждались.

Незадолго передъ разсматриваемыми событіями Антіохія вновь поступила подъ зависимость отъ Византіи. При этомъ владѣтель Антіохіи Ренальдъ „клят-

вами утвердилъ, какъ многое другое, чего хотѣлось царю, такъ и то, *чтобы въ Антіохію архіерей посылаемъ былъ по древнему обычаю изъ Византіи.*“ Но условія мира антіохійцамъ скоро показались тяжелыми. Они стали просить черезъ Балдуина, короля Іерусалимскаго, чтобы Мануилъ отказался отъ нѣкоторыхъ статей. Антіохійцы недовольны были договоромъ Ренальда относительно количества войска, которымъ обязывались помогать царю, потому что городъ ихъ не имѣлъ прежней силы, и относительно присылки архіерея изъ Византіи. „Тогда, размысливъ, который изъ двухъ предметовъ прошенія приноситъ римлянамъ больше чести, царь тутъ же дозволилъ антіохійцамъ вооружать для службы себѣ меньшую дружину (ибо и малая дружина, поставленная народомъ, есть достаточное свидѣтельство его служебной покорности), а архіерея не дозволилъ принимать ниоткуда болѣе, какъ изъ Византіи“. (Киннама кн. IV. 20).

Теперь Мануилъ занятъ былъ грандіознымъ планомъ мирнаго введенія Венгріи въ составъ Византійской имперіи. Въ этихъ видахъ по порученію Мануила посолъ его въ Венгріи, Георгій Палеологъ, заключилъ договоръ, по которому наслѣдникомъ Стефана III Венгерскаго объявлялся малолѣтній братъ его Бела. Ему же предназначалось и императорское достоинство по смерти Мануила, не имѣвшаго въ это время сыновей. Для этого Бела долженъ былъ явиться въ Константинополь, принять здѣсь православіе, обручиться съ дочерію Мануила Маріею и получить вполнѣ греческое воспитаніе. Проектъ въ эту пору не казался такимъ несбыточнымъ, какимъ онъ оказался впослѣдствіи. Георгій Палеологъ успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе и въ 1164 году явился въ Константинополь съ Белою. По мысли Мануила Венгрія слила бы при такихъ условіяхъ Россію, считавшуюся уже по византійской теоріи провинціею Византійской имперіи, дѣйствительно въ одно цѣлое съ Византіею, соединивъ ихъ непрерывною территоріею. Было бы въ высшей степени нерасчетливо, съ точки зрѣнія грековъ, допустить уничтоженіе греческой митрополіи въ Кіевѣ въ тотъ самый моментъ,

когда она могла бы оказать наибольшія политическія услуги Греціи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что Юстиніаново право, на которое въ данномъ случаѣ могъ опираться Боголюбскій, въ самой Греціи этой эпохи было уже совершенно забытымъ, и выборы митрополитовъ были уже сосредоточены въ рукахъ синода патріаршаго, что не возбуждало протестовъ даже со стороны лицъ, протестовавшихъ противъ многочисленныхъ злоупотребленій, практиковавшихся при этомъ.

Въ 1187 году митрополитъ Кизическій жаловался императору Исааку Ангелу, что при выборахъ архіереевъ допускаются грубыя неправильности. А именно къ предстоящимъ выборамъ не приглашаются всѣ присутствующіе въ городѣ архіереи, а выборы происходятъ вопреки канонамъ и безъ приглашенія нѣкоторыхъ епископовъ. Жалобщикъ указывалъ и на примѣры. Такъ при выборахъ митрополита Клавдіупольскаго и Маронейскаго не были приглашены его собратья и сослуживцы, не было спрошено мнѣніе ихъ, да никто и его не приглашалъ подать голосъ. И это въ то время, когда онъ не только былъ въ городѣ, но и постоянно участвовалъ и въ судебныхъ и въ другихъ засѣданіяхъ синода. При выборахъ на три другія каѳедры, Диррахіума, Милита и Христіануполя, онъ, узнавъ о предстоящихъ выборахъ, протестовалъ противъ такой практики, но его даже не удостоили отвѣта и все-таки произвели выборы въ его отсутствіи, и даже не извѣстивъ его о нихъ. Въ доказательство неправильности такой практики митрополитъ ссылался на 4 пр. I всел. соб. и 19 Ант. Вопросъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе синода при участіи патріарховъ Константинопольскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго. При этомъ нѣкоторые члены синода доказывали, что митрополитъ Кизическій былъ извѣщенъ о предстоящихъ выборахъ Клавдіупольскаго и Маронейскаго черезъ митрополита Иконійскаго устно, а при другихъ избраніяхъ его приглашали и письменно, черезъ патріаршаго нотарія. Былъ прочитанъ и самый текстъ извѣщенія, гдѣ значилось, что митрополитъ Кизическій долженъ или самъ явиться,

или прислать письменное мнѣніе, а что если онъ этого не сдѣлаетъ, то избраніе будетъ совершено и въ его отсутствіе. Приглашеніе было сдѣлано ему на дому, но онъ отказался отъ явки, сославшись на болѣзнь и предложивъ, чтобы его собратія, какъ прежнія каѳедры замѣщали безъ него, такъ поступили бы и при нынѣшнихъ выборахъ. Хотя посланные и долго упрашивали его, хоть сказать свое мнѣніе, но онъ не пожелалъ сдѣлать и этого.

Невзирая на письменное удостовѣреніе о вызовѣ, данное нотаріемъ, митрополитъ Кизическій утверждалъ, что не только онъ, но и другіе митрополиты не получали приглашенія, что и подтвердилъ съ своей стороны митрополитъ Кесарійскій; а Кизическій жаловался, что даже на это собраніе въ царскомъ дворцѣ, на которомъ разбиралась его жалоба, онъ никѣмъ не былъ приглашенъ, а также не были приглашены и Левкадскій и Карійскій митрополиты.

Царь съ согласія патріарховъ призналъ хиротоніи и выборы избранныхъ такимъ образомъ пяти епископовъ, о которыхъ говорилъ митрополитъ Кизическій, за ничтожные, не призналъ хиротоніи и посвященнаго уже епископа Маронейскаго и предписалъ согласно правиламъ Антіохійскаго собора произвести новые выборы. Впредь же предписано приглашать всѣхъ присутствующихъ въ городѣ архіереевъ, при чемъ всѣ они, если возможно, должны присутствовать при выборахъ или, по крайней мѣрѣ, выразить свое согласіе письменно.

Уже по этому одному насъ отнюдь не долженъ удивлять отказъ, полученный Ростиславомъ, хотя великій князь и очень энергично дѣйствовалъ въ пользу своего кандидата въ Константинополѣ. Не ограничиваясь тѣмъ посольствомъ, о которомъ мы уже говорили, Ростиславъ отправилъ въ Константинополь еще посольство въ лицѣ Гюряты Семковича съ порученіемъ поддержать кандидатуру Клима, о чемъ мы находимъ извѣстіе въ Ипатіевской лѣтописи подъ 6672 годомъ: „Приде митрополитъ Иванъ въ Русь, и не хотѣ его Ростиславъ пріяти, зане отрядилъ бяше Ростиславъ Гюряту Семковича къ цареви, хотя справити Клима

въ митрополью; и возвратися опять Гюрята изъ Олешья съ митрополитомъ и съ царевымъ посломъ."

Если бы это происходило въ 1164 году, то такое нетерпѣніе Ростислава являлось бы непонятнымъ. Посольство южно-русскихъ князей, хлопотавшее за Клима, отправилось не ранѣе мая мѣсяца (а по всей вѣроятности, и гораздо позже), а осенью, до закрытія навигаціи, уже прибылъ вновь назначенный митрополитъ. Все произошло до такой степени быстро, что Ростиславу не было ни времени, ни основаній отправлять вторичное посольство для ускоренія дѣла. Но, по всей вѣроятности, какъ отправленіе посольства, такъ и прибытіе митрополита Іоанна IV слѣдуетъ, согласно показаніямъ Іоанна Киннамы, отнести не къ 1164, а къ 1165 году, когда Киннама говоритъ о посольствѣ Мануила къ русскому князю Ростиславу. Такою датою объясняется и возможность посольства Ростиславомъ Гюряты и тѣ великіе подарки, какіе привезло византійское посольство русскому князю. Греки не пожелали или не успѣли назначить новаго митрополита русскаго до зимы. Прождавъ всю зиму, Ростиславъ съ началомъ весенней навигаціи и отправилъ въ Константинополь новаго посла. Но къ этому времени Мануилъ оказался въ необходимости разыскивать союзниковъ противъ венгровъ, такъ какъ его грандіозный планъ подчиненія Венгріи оказалось легче составить, чѣмъ осуществить на практикѣ.

Съ этою цѣлью въ 1165 г. Мануилъ отправилъ посольство и къ русскимъ князьямъ, о которомъ Киннама разсказываетъ слѣдующее.

„Царь сталъ всѣми способами приготовляться къ войнѣ съ ними (венграми) и рѣшился опять возвести на престолъ Стефана—дядю, хотя прежде и не хотѣлъ этого. Между тѣмъ Мануилъ, производившій свой родъ отъ Комниныхъ, отправился къ Тавроскиѳамъ напомнить ихъ правителю о клятвенныхъ условіяхъ, которыя онъ заключилъ съ царемъ, и укорить его за дружбу къ Галицкому князю Ярославу, который, нарушивъ договоръ съ римлянами и въ иныхъ статьяхъ, кромѣ того принялъ и удостоилъ дружбы Андроника, тогда какъ этотъ Андроникъ бѣжалъ изъ дворцовой темницы".

(Киннама кн. V. гл. 11). Русскіе были очень польщены такою честію со стороны императора (ὑπερφυῶς γὰρ ἡσθέντες, ὅτι δ' ἐς αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς ἐχρήσατο πρεσβευτῇ „Присла царь дары многи Ростиславу", поясняетъ наша лѣтопись), и Ростиславъ тотчасъ же согласился оказать императору военную помощь. Попросту, византійцы наняли русское вспомогательное войско. „По вышеозначенной причинѣ Мануилъ ходилъ и къ Примиславу, чтобы взять оттуда вспомогательное римлянамъ войско: былъ отъ него посолъ и къ Ростиславу, который управлялъ тогда Тавроскиѳіею, чтобы вести съ нимъ переговоры о союзной войнѣ—и достигъ своей цѣли. Чрезвычайно довольные тѣмъ, что царь отправилъ къ нимъ столь знаменитаго посла, они обѣщали дѣлать все, что будетъ угодно царю. Не упущенъ былъ изъ вниманія даже и Ярославъ, только царь вооружилъ его противъ Стефана другими средствами". А именно онъ написалъ ему письмо, гдѣ предупреждалъ его противъ брачнаго союза съ венгерскимъ королемъ, указывая на его клятвопреступничество и развратъ. „Выслушавъ эти слова съ какою-то невѣжественною простотою, Примиславъ тотчасъ былъ пойманъ ими, сталъ смотрѣть на зятя, какъ на врага, и согласился всячески помогать римлянамъ въ войнѣ съ ними. Есть въ Тавроскиѳіи городъ, по имени Кіама, который превосходитъ всѣ прочіе тамошніе города, почитается митрополіею того народа, получаетъ архіерея изъ Византіи и пользуется другими важными преимуществами. Такъ вотъ правитель и этой страны обѣщался воевать противъ Стефана, и условія подтвердилъ клятвою." (Киннама V. 12). Очевидно, что за годъ передъ тѣмъ не отправлялось къ Ростиславу никакого посольства, иначе Киннама упомянулъ бы объ этомъ. Да и въ нашихъ лѣтописяхъ не могло бы быть молчанія о томъ посольствѣ, о которомъ говоритъ Киннама. По всему видно, что и Киннама и лѣтопись говорятъ объ одномъ и томъ же посольствѣ.

Киннама умалчиваетъ еще объ одномъ порученіи, возложенномъ на пословъ, которое однако было очень важно въ глазахъ грековъ, это—вопросъ о назначеніи митрополита изъ Греціи.

Очевидно, въ 1164 году ловкій Мануилъ не отвѣтилъ Ростиславу и князьямъ прямымъ отказомъ на ихъ просьбу о митрополитѣ; да можетъ быть и нельзя было бы отвѣтить отказомъ рѣзко, чтобы не повредить союзу съ Ростиславомъ. Въ Ростиславѣ греки нуждались, и онъ былъ въ высшей степени въ выгодномъ положеніи. Все это давало ему надежду на удовлетвореніе его просьбы о митрополитѣ; но и тутъ его ожидала неудача, о которой повѣствуетъ наша лѣтопись, къ сожалѣнію въ этомъ мѣстѣ неполная. Царскій посолъ, представляя князю новаго митрополита, заявилъ: „Молвитъ ти царь: аще примеши съ любовію благословеніе отъ Св. Софіи“.... Дальнѣйшаго продолженія рѣчи посла не сохранилось. Во всякомъ случаѣ онъ убѣждалъ Ростислава принять митрополита Іоанна, присланнаго изъ Константинополя, и отказаться отъ Клима, и вполнѣ въ этомъ успѣлъ; князь Ростиславъ согласился принять митрополита Іоанна. Такъ мы и находимъ въ Ермолинской лѣт. 672: „Приде изъ Царяграда митрополитъ Іоанъ, и не хотя пріати его Ростиславъ; царь же присла ему дары многи, и пріатъ его Ростиславъ“.

О Климѣ прекращаются всякія извѣстія, и мы могли бы и окончить его исторію, если бы не сообщеніе Татищева (Ист. III. 141) о слѣдующемъ отвѣтѣ, яко бы данномъ Ростиславомъ царскому послу: „Я сего митрополита за честь и любовь царскую нынѣ пріиму; но впредь, ежели патріархъ безъ вѣдома и опредѣленія нашего, *противъ правилъ святыхъ Апостолъ* въ Русь митрополита поставитъ, не токмо не пріиму, но и законъ сдѣлаемъ вѣчный: избирать и поставлять епископамъ русскимъ съ повелѣнія великаго князя“. Татищеву съ этимъ извѣстіемъ повезло необычайно: даже солиднѣйшіе историки, полагая, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи экземпляръ лѣтописи съ полнымъ текстомъ въ этомъ мѣстѣ, готовы дать вѣру его сообщенію. Карамзинъ (II гл. 16 прим. 414) воспроизводитъ извѣстіе Татищева безъ какихъ бы то ни было оговорокъ. Соловьевъ идетъ даже дальше (III. 725. прим. 2): „Слова эти находятся только въ сводѣ лѣтописей Татищева, но что отвѣтъ великаго

князя находился и въ другихъ спискахъ, доказательствомъ служитъ его изглаженіе или пропускъ въ нихъ". Но въ лѣтописяхъ пропущена рѣчь царскаго посла; почему же долженъ былъ тамъ находиться и отвѣтъ Ростислава? Намѣреннаго же изглаженія рѣчи царскаго посла нѣтъ основанія предполагать:[1]) осталось ея начало, обрывающееся на полсловѣ. Макарій (Ш. 21. прим. 21) слѣдуетъ Карамзину и Соловьеву, прибавляя отъ себя лишь, что „естественность такого отвѣта вытекаетъ изъ самаго хода обстоятельствъ".

Правда, скептикъ Голубинскій относился къ этому извѣстію безусловно отрицательно, а Сергѣевичъ съ сомнѣніемъ, и мы полагали бы, что они совершенно правы. Нѣтъ никакой нужды предполагать, что Татищевъ пользовался какими-то неизвѣстными или не дошедшими до насъ лѣтописями; источникомъ его разсказа является разсказъ Никон. 6655 о поставленіи Клима Смолятича. „Того же лѣта князь великій... Изяславъ... совѣтова съ епископы своими Русскими..... и сице совѣтовавше, совѣщавшеся *по священному апостольскому правилу*, глаголющему: два или три епископи да поставляютъ единого епископа; и сице собравшеся шесть епископовъ, поставиша себѣ митрополита Кіеву... инока Клименьта, Смолнянина, выведше его изъ молчял-

---

[1]) Сергѣевичъ. Русскія юридич. древности т II 550. прим.. „Въ старыхъ лѣтописяхъ разсказъ о пріемѣ митрополита Ивана не дописанъ, и имѣется въ этомъ мѣстѣ пропускъ. Ипат. 1163. Митр Макарій полагаетъ, что слова Ростислава, приводимыя Татищевымъ, и находились въ этомъ пропускѣ. Въ этомъ можно сомнѣваться. Въ пропускѣ должны были находиться не только слова Ростислава, но еще слова царскихъ пословъ къ Ростиславу и начало разсказа о столкновеніи черниговскихъ князей, Святослава Всеволодовича и Олега Святославовича На все это въ Ипат. лѣт. оставленъ пропускъ менѣе 3-хъ строкъ (полагаемъ, что издатели обозначили пропускъ такимъ количествомъ строкъ, а не инымъ, не случайно, а желая указать на его величину)". Но издатели замѣчаютъ· „Здѣсь во всѣхъ спискахъ пропускъ съ пробѣломъ въ одномъ (Ермолаевскомъ)". Возможно, что издатели и руководились величиною этого пробѣла, который могъ соотвѣтствовать и нѣсколькимъ страницамъ первоначальнаго списка.

ныа кѣліи его". Татищевъ выдаетъ свой источникъ указаніемъ на правило св. апостолъ, т. е. на первое правило Апостольское. Такого прямого указанія на это правило онъ не могъ найти ни въ какой другой древней лѣтописи, такъ какъ источникомъ Никоновской лѣтописи послужили постановленія Виленскаго собора 1415 года, гдѣ правило Апостольское гласило: „Два или три епископа да поставляютъ митрополита". Никоновская лѣтопись исправила „митрополита" на „епископа" (какъ и должно быть), но въ то же время продолжаетъ смотрѣть на поставленіе Клима глазами Виленскаго собора.

Далѣе Татищевъ излагаетъ дѣло съ извращеніемъ смысла событій. Онъ, напр., заставляетъ Ростислава грозить послу изданіемъ какого-то новаго церковнаго закона (что по тому времени было совершенно невозможнымъ), не замѣчая того, что вопросъ былъ лишь о примѣненіи греческаго же закона, находившагося въ кормчей. Вслѣдъ за Никоновскою лѣтописію Татищевъ полагаетъ, что князь собиралъ соборъ, который уже избиралъ кандидата и посвящалъ его; тогда какъ въ дѣлѣ Климента соборъ игралъ чисто страдательную роль.

Наконецъ и угрозы Ростислава выставляютъ его въ нѣсколько странномъ видѣ. Въ 1166 г., когда умеръ митрополитъ Іоаннъ IV (Новг. 6674 г., 12 мая по указанію Татищева Ист. III. 146), Ростиславу представлялся прекрасный случай послать въ Константинополь своего кандидата и не принять иного, присланнаго изъ Константинополя: греки въ эту пору такъ же нуждались въ союзникахъ для борьбы съ венграми, какъ и полтора года тому назадъ. Татищевъ и утверждаетъ (Ист. III. 151), что митрополитъ Константинъ II, преемникъ Іоанна IV, былъ кандидатомъ Ростислава. „Ростиславъ прежде отъѣзда своего изъ Кіева, избравъ въ митрополиты (уже безъ собора епископовъ?), епископа(?) Константина, послалъ его въ Царьградъ; онъ же, принявъ благословеніе отъ патріарха, возвратился въ небытность Ростислава, когда онъ былъ въ Смоленскѣ"—и даже по смерти Рости-

слава, какъ утверждаетъ тотъ же Татищевъ черезъ нѣсколько страницъ (III. 157). Почему такъ думаетъ Татищевъ? Вѣроятно, потому, что по его мнѣнію Ростиславъ долженъ былъ исполнить свою угрозу и потому и исполнилъ; иначе онъ не сдержалъ бы слова столь торжественно даннаго въ 1165 году царскому послу. Полагаемъ такъ по тому, что въ описаніи собора 1168 года Татищевъ (III. 160—161) и самъ забываетъ о томъ, что Константинъ, по его словамъ, не былъ грекомъ. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что кандидатомъ Ростислава былъ бы или самъ Поликарпъ Печерскій, или иное лицо по его же, Поликарпа, указанію; между тѣмъ какъ Константинъ былъ врагъ Поликарпа и противникъ печерскихъ традицій. Да и самый годъ его поставленія говоритъ противъ предположенія о поставленіи его по рекомендаціи Ростислава. Константинъ былъ поставленъ въ 1167 году, т. е. во время отсутствія императора изъ столицы. Можно съ полною увѣренностію сказать, что одинъ патріархъ не рѣшился бы поставить русскаго митрополита противъ установившагося порядка, и притомъ съ такимъ существеннымъ нарушеніемъ принадлежавшихъ константинопольской каѳедрѣ правъ.

Лѣтописи, Лаврентіевская и Ипатіевская, съ такимъ интересомъ слѣдившія за судьбою Клима (особенно послѣдняя), хранятъ полное молчаніе о прибытіи митрополита Константина, что было бы въ высшей степени странно, если бы Ростиславу удалось то, что не удавалось Изяславу Мстиславовичу. Наконецъ въ высшей степени необыченъ для того времени епископъ, переведенный на другую каѳедру съ повышеніемъ въ митрополиты. Такой способъ перемѣщенія въ Россіи того времени былъ совершенно неизвѣстенъ, да мы не знаемъ и епископа того времени съ именемъ Константинъ. Все же, что мы знаемъ о дѣятельности Константина въ Россіи, рисуетъ его чистѣйшимъ грекомъ: онъ былъ очень близокъ къ Антонію Черниговскому, держался воззрѣній грековъ на праздничный постъ и на своемъ судѣ примѣнялъ греческое свѣтское уголовное право (о чемъ ниже).

Такимъ образомъ мы можемъ съ увѣренностію сказать, что и попытка Ростислава замѣстить митрополію такъ же не удалось, какъ и попытка Изяслава [1]).

По поводу Климента слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ предположеніи, высказанномъ А. Карташевымъ, (Христ. Чт. 1907 іюль 82—93. Былъ ли апостолъ Андрей на Руси?) о томъ, что въ связи съ дѣломъ Климента находится и возникновеніе знаменитой легенды относительно путешествія ап. Андрея на Русь и въ Кіевъ. По мнѣнію автора, русскіе познакомились съ византійскимъ прототипомъ этой легенды уже въ концѣ XI вѣка, и тогда же начинается построеніе церквей въ честь ап. Андрея на территоріи южной Руси. „Очевидно, пересадка идеи апостольской проповѣди на Руси съ византійской почвы на русскую уже состоялась. Нуженъ былъ только нѣкоторый промежутокъ времени и, пожалуй, ближайшій поводъ для облеченія идеи въ пластическія формы. Такой моментъ и можно усматривать въ половинѣ XII в. въ спорахъ о законности поставленія Климента Смолятича, когда Царьградъ и Новгородъ встали противъ Кіева, который долженъ былъ защищать свой авторитетъ и право на самовластное поставленіе митрополитовъ всѣми возможными средствами. Правда, во время споровъ на благословеніе ап. Андрея не ссылались. Но эта юридически слабая идея, хотя и утѣшительная для сторонниковъ побѣжденной въ концѣ концовъ русской партіи, могла кого-либо изъ нихъ заинтересовать, такъ сказать, заднимъ числомъ и побудить къ разработкѣ,— можетъ быть даже и самого, лишеннаго въ 1155 году каѳедры и долго еще послѣ того жившаго (?) Климента, „великаго книжника и философа“. Характерно, что въ сказаніи осмѣивается Новгородъ, и Цареградъ упорно замалчивается. Вопреки греческимъ источникамъ, приводящимъ ап. Андрея въ Византію, въ русской повѣсти онъ отправляется въ Римъ и оттуда, не-

---

[1]) Макарій II. 273. Лѣтопись не представляетъ ни одного случая перемѣщенія епископовъ; напротивъ весьма часто упоминаетъ о кончинѣ епископовъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, куда они первоначально были поставлены.

смотря на все попутье, не заходитъ въ Царьградъ, а возвращается прямо въ „Синопію“. Что и въ лѣтопись сказаніе попало около этого времени, а не значительно позднѣе, свидѣтельствуетъ фактъ распространенія его во всѣхъ лѣтописяхъ (кромѣ новгородской, по понятной причинѣ). А это значитъ, что оно сдѣлалось составною частію лѣтописнаго повѣствованія ранѣе того момента, когда лѣтопись кіевская, какъ общерусская, смѣнилась частными лѣтописями различныхъ концовъ русской земли, т. е. раньше $^1/_2$ XIII в. Это заставляетъ отклонить предположеніе Голубинскаго о составленіи русскаго сказанія только въ XIV в. Возникновеніе сказанія ранѣе XIV в. доказывается еще и тѣмъ, что оно въ отдѣльномъ видѣ уже читается въ русскихъ прологахъ XIV в. Таковы пергаменные прологи: Имп. Пуб. Б. № 59, собр. Погод.; Моск. Синод. библіотеки № 244, 248 и 247“ (тамъ же 92—93). Авторъ могъ бы прибавить, что и самый тонъ повѣсти чрезвычайно напоминаетъ тонъ разсужденій о главѣ Климента. Но когда бы эта повѣсть ни была составлена (предоставляемъ рѣшить этотъ вопросъ историкамъ и филологамъ), она не имѣла значенія для разбираемаго нами вопроса: ни при Климентѣ, ни впослѣдствіи, за все время зависимости Россіи отъ Константинополя, мы не находимъ ссылокъ на нее, какъ довода противъ этой зависимости.

IV.

Не удалась и одновременная попытка Андрея Боголюбскаго учредить митрополію съ русскимъ митрополитомъ во Владимірѣ.

Андреево посольство принято было въ Константинополѣ очень холодно. Грамоты его, хотя и прочтены на соборѣ, но оставлены безъ синодальнаго разсмотрѣнія и, слѣдовательно, безъ отвѣта со стороны патріарха. Причина такого отношенія отчасти могла крыться въ томъ, что императоръ могъ быть недоволенъ Андреемъ, выгнавшимъ отъ себя свою мачеху, византійскую княжну; но были для этого и формальныя причины. Грамоты Андрея касались: одна учрежденія во Владимірѣ митрополіи и назначенія на митрополичью каѳедру Ѳеодора, другая—обвиненій противъ Леона. Такъ какъ Ѳеодоръ являлся обвинителемъ еп. Леона въ ереси, то, очевидно, не могло быть и рѣчи о его поставленіи, пока онъ не доказалъ этого обвиненія на судѣ. Поэтому разсмотрѣніе первой грамоты Андрея являлось преждевременнымъ. Судъ же надъ Леономъ въ первоіі инстанціи принадлежалъ Кіевскому митрополиту и его собору.

Поэтому мы очень ошиблись бы, если бы придали, вслѣдъ за нашимъ лѣтописцемъ, серіозное значеніе спору еп. Леона съ еп. Адріаномъ Болгарскимъ въ присутствіи императора Мануила. Это былъ не судъ надъ Леономъ, а одинъ изъ модныхъ въ Византіи диспутовъ, представлявшихъ тамъ своего рода аристократическое занятіе. Не всѣ императоры любили такіе диспуты, и не всѣ диспуты кончались вполнѣ благополучно для диспутантовъ. Преемникъ Мануила I Андроникъ разъ погрозилъ бросить въ рѣку двухъ такихъ диспутантовъ—секретаря своего предшественника и еп. Новыхъ Патръ—за то, что они въ самой импе-

раторской палаткѣ вступили въ жаркій споръ о смыслѣ словъ Спасителя: „Отецъ Мой болій Мене есть“.

Это была угроза выкупать чрезмѣрно разгорячившихся богослововъ, но отнюдь не угроза ихъ утопить. Такъ же печально кончился диспутъ передъ Мануиломъ и для нашего Леона. Мануилъ очень любилъ богословскіе диспуты: онъ самъ въ качествѣ равноправнаго диспутанта принималъ живѣйшее участіе въ спорѣ о значеніи „Отецъ Мой болій Мене есть“, который, какъ мы видѣли, выводилъ его преемника изъ себя, въ разсматриваемое же время представлялъ послѣднюю византійскую новость въ этой области. (Іоаннъ Киннама, Исторія кн. VI. гл. 2)[1]). Узнавъ о суздальскомъ спорѣ, Мануилъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи устроить диспутъ Леона, но не съ Ѳеодоромъ (который долженъ былъ бы выступить обвинителемъ, если бы дѣло шло о формальномъ судѣ), а съ еп. Адріаномъ Болгарскимъ, потому, по всей вѣроятности, что Ѳеодоръ не владѣлъ въ достаточной мѣрѣ греческимъ языкомъ. Побѣдителемъ въ этомъ диспутѣ оказался Адріанъ. Леонъ же, позабывшій въ пылу спора о подобающемъ уваженіи къ особѣ присутствовавшаго императора, получилъ отъ царскихъ слугъ по шеѣ и (повидимому обычную въ подобныхъ случаяхъ) угрозу, что его бросятъ въ рѣку. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Разсказъ лѣтописи еще разъ доказываетъ, что вопросъ о постѣ въ праздники былъ въ это время не безспорнымъ и на востокѣ, и что самъ императоръ стоялъ за болѣе мягкую практику, чѣмъ та, какой требовалъ Леонъ. Не одинъ императоръ былъ такихъ

---

[1]) Nicetae Choniatae De Andronico Comneno II c. 5. Migne 139 S. Gr. (col. 589). Τοσοῦτον δ' ἀπεῖχε τὴν τότε καὶ νῦν περὶ δογμάτων θείων κρατοῦσαν κατάστασιν ἐπαινεῖν ἢ περὶ Θεοῦ τι λέγειν καὶ ἀκούειν ἀεὶ καινότερον ἤθελε, καὶ ταῦτα τῆς ἡμετέρας σοφίας οὐκ ἀκρῳ λιχανῷ γεγενμένος, ὥστε καὶ τῷ Νέων Πατρῶν Εὐθυμίῳ (μέγας δ'ἐν λογοις οὗτος ἦν ὁ ἀνὴρ) καὶ Κινάμῳ Ιωάννῃ οὐ μόνον ἐπέπληξεν ἐντὸς τῆς βασιλείου σκηνῆς κατὰ τὸ Λοπάδιον διαλεγομένοις περὶ τῆς „ὁ πατήρ μου μείζων μού ἐστι“ τοῦ θεανθρώπου φωνῆς, ἀλλὰ καὶ κατὰ Ῥυνδακοῦ ποταμοῦ ἀκοντίσειν χαλεπήνας ἐπείλησεν εἰ μὴ παύσαιντο ποιούμενοι περὶ Θεοῦ τὴν διάλεξιν.

взглядовъ, но и другіе образованные свѣтскіе греки. Пахимеръ (IV. 13) прямо насмѣхается надъ благочестіемъ, состоящимъ въ распредѣленіи постовъ по опредѣленнымъ днямъ, со строгимъ указаніемъ на то, что предписывалось вкушать въ этотъ день и что—запрещалось. Представители запада даже прямо удивлялись тѣмъ льготамъ, какія позволяли себѣ на этотъ счетъ греки. Они удивлялись тому, что греки въ нѣкоторыя изъ пятницъ ѣдятъ мясо и почти никогда не постятся до вечера.

Патріархъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказался судить Леона въ первой инстанціи, поручивъ разсмотрѣть весь этотъ споръ вновь назначенному кіевскому митрополиту. Такимъ образомъ противники возвратились обратно въ Россію. Въ Константинополѣ повидимому думали покончить съ неудобною просьбою Андрея объ учрежденіи митрополіи самымъ спокойнымъ образомъ, оставивъ все дѣло безъ движенія. Такая политика патріарха однако только затянула дѣло и русскія смуты по поводу поста въ праздники еще на нѣсколько лѣтъ, и въ концѣ концовъ патріарху пришлось заняться этимъ дѣломъ самому.

Первымъ дѣломъ новаго митрополита, Іоанна, было разобрать дѣло Леона и, конечно, тѣсно связанный съ этимъ вопросъ о постѣ въ праздники. Но относительно этого суда, происходившаго еще до отъѣзда императорскихъ пословъ (лѣтомъ 1165 года?), мы знаемъ лишь, что Леонъ былъ оправданъ, но спорный и въ Византіи вопросъ о праздникахъ, повидимому, не былъ разобранъ. Во всякомъ случаѣ печерцы остались въ убѣжденіи, что традиціи ихъ монастыря правильны.

Въ 1168 г. Рождество Христово пришлось въ среду, и Поликарпъ Печерскій, вѣрный традиціямъ своего монастыря, несмотря на рѣшеніе митр. Іоанна (уже умершаго) въ пользу Леона, конечно, разрѣшилъ на молоко и масло (скоромное). Новый митрополитъ Константинъ II, при участіи Антонія Черниговскаго, подвергъ за это популярнаго игумена запрещенію и тѣмъ вызвалъ цѣлую бурю противъ грековъ. Даже Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, обязанный

своимъ столомъ въ значительной мѣрѣ услугамъ, и притомъ не особенно-то чистымъ, еп. Антонія, тѣмъ не менѣе выгналъ его изъ Чернигова за то, что онъ принялъ сторону митрополита противъ Поликарпа. Сѣверный же лѣтописецъ и самое взятіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ считаетъ Божіимъ наказаніемъ за грѣхъ митрополита, за его ересь Леоніанскую. Лавр. 6676: „Се же (т. е. взятіе Кіева) сдѣяся за грѣхы ихъ, (кіевлянъ) паче же за митрополичю неправду: въ то бо время запретилъ бѣ Поликарпа игумена Печерьского, про Господьскыѣ праздникы, не веля ему ѣсти масла, ни молока, въ среды и въ пятки въ Господьскыѣ праздники; помогашеть же ему и Черниговьскый епископъ Антоній, и князю Черниговьскому многажды браняшеть ѣсти мясъ въ Господьскыѣ праздникы; князю же Святославу и не хотящю ему изверже и изъ епископьи; да внимаемъ мы собѣ ктожо насъ и не противимся Божью закону [1]).“

---

[1]) Соловьевъ III. 730, слѣдуя Татищеву III. 160, излагаетъ дѣло Поликарпа Печерскаго въ такомъ видѣ.—

„Незадолго до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, Печерскій игуменъ Поликарпъ съ братіею (?) положили ѣсть сыръ, масло и яйца во всѣ Господскіе праздники, если случатся въ среду и пятницу. На это соглашался Святославъ, князь Черниговскій, и другіе князья и епископы, но митрополитъ запрещалъ, и были по этому случаю большія распри.

Тогда великій князь Мстиславъ Изяславовичъ положилъ созвать соборъ всѣхъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ и *ученыхъ монаховъ*, и сошлось ихъ до полутораста. На соборѣ мнѣнія раздѣлились: одни держали сторону митрополита, между прочимъ два епископа, Антоній Черниговскій и Антоній Переяславскій, другіе Поликарпа; но большая часть, не желая досаждать ни митрополиту ни князьямъ (?), отговаривались, что не въ состояніи рѣшить этого вопроса, и что положить такъ или иначе зависитъ отъ митрополита и отъ игуменовъ въ ихъ монастыряхъ, нѣкоторые, наконецъ, думали, что надобно отослать дѣло на рѣшеніе патріарха. Андрей Боголюбскій писалъ къ Мстиславу, что надобно свергнуть митрополита, выбрать русскимъ епископамъ новаго, и потомъ разсмотрѣть дѣло на соборѣ, *представляя, что зависимость отъ патріарха Константинопольскаго тяжела и вредна для Руси.* Но князь Мстиславъ, зная уже нерасположеніе къ себѣ многихъ князей и боясь, съ другой стороны, раздражить и епископовъ, оставилъ дѣло безъ рѣшенія (?); но когда епископы несогласные разошлись, тогда митрополитъ съ двумя Анто-

Лѣтописецъ даже въ 1169 году вначалѣ все еще стоялъ совершенно на сторонѣ Ѳеодора и Поликарпа и искренно считалъ Леона еретикомъ. Понятно, что Андрей не возвращалъ ему каѳедры. Отказавшись отъ мысли образовать самостоятельную митрополію во Владимірѣ, онъ не оставлялъ мысли устроить тамъ епископію, сдѣлавъ Ѳеодора епископомъ Владимірскимъ. Князь полагалъ, что для этого не нужно согласія патріарха и можно обойтись согласіемъ одного митрополита.

Для такого мнѣнія поддержкою служила и русская практика. Митрополитъ Іоаннъ II (1080—1089) писалъ на вопросъ объ этомъ Іакова Черноризца, что епископъ, желающій раздѣлить свою епископію (епархію), въ виду многочисленности народа и множества городовъ, для лучшаго попеченія о паствѣ, можетъ это сдѣлать, но не иначе, какъ съ согласія митрополита и его собора [1]).

У всѣхъ на глазахъ былъ примѣръ Ростислава, отдѣлившаго Смоленскъ отъ Переяславля, тоже, повидимому, безъ испрошенія патріаршаго благословенія, равно какъ и устройство самостоятельной каѳедры въ Галичѣ. Андрей поэтому предлагалъ Ѳеодору пттп поставиться у митрополита, но Ѳеодоръ отказывался. („Князю велящу ему ити ставитъся къ митрополиту къ Кыеву, и не всхотѣ". Лавр. 6677). Отказъ не непо-

---

ніями, Черниговскимъ и Переяславскимъ, осудилъ Поликарпа на заточеніе (?), а князь Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій выгналъ изъ своего города епископа Антонія". Кромѣ прочихъ несообразностей, которыми кишитъ весь разсказъ, достаточно привести одно соображеніе, чтобы сдѣлать весь разсказъ неисторичнымъ: дѣло рѣшалось на соборѣ патріарха. Не одни греки были противъ Ѳеодора, но и Кириллъ Туровскій (см. житіе его)—„Ѳеодорца, за укоризну тако именуемаго, ересь обличи и Андрею Боголюбскому князю многа посланія написа отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній". (Макарій III. 172. прим. 241).

[1]) (Отв. 32· Иже участить (раздѣлитъ на части) епископью свою по земли тоіи, паче кдѣ многъ народъ и людие и гради, о нѣмже се тщаніе и попеченіе и намъ любезно мниться се быти; боязньно же; но обаче и первому столнику рускому изволиться, и сбору страны всея тоя невъзбранно да будетъ". (РИБ. VI. 19).

нятный: Ѳеодоръ очень хорошо сознавалъ, что митрополитъ, стоявшій на сторонѣ Леона, не посвятитъ его, а если и посвятитъ, то это будетъ стоить не дешево. Можетъ быть, по этимъ-то соображеніямъ Ѳеодоръ и принялся добывать необходимыя ему средства, не разбирая способа, о чемъ и свидѣтельствуетъ лѣтописецъ.—„Много пострадаша человѣци отъ него, въ держаньи его, и селъ изнебывши и оружья и конь, друзіи же и роботы добыша, заточенья же и грабленья; не токмо бо простьцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ерѣемъ безъмилостивъ сый мучитель, другымъ человѣкомъ головы порѣзывая и бороды [1]), (уже тогда борода цѣнилась наравнѣ съ головой?) инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзая, а иныя распиная по стѣнѣ и муча немилостивнѣ, хотя исхитити отъ всѣхъ имѣнье: имѣнья бо бѣ не сытъ акы адъ“.

Благодаря этому, прежній владыка Ѳеодоръ, защитникъ православія, „упрѣвшій“ еретика Леона, совершенно утратилъ въ глазахъ общества всякую популярность и обратился въ „злаго и пронырливаго и гордаго лестьца, лжаго владыку Ѳеодорца“. Чаша терпѣнія переполнилась, когда Ѳеодоръ затворилъ во всемъ Владимірѣ церкви и отобралъ церковные ключи, такъ что не было ни звона ни пѣнія по всему городу, даже и въ соборной церкви, гдѣ была чудотворная икона Богоматери. Лѣтопись приписываетъ это сумасшествію Ѳеодора („Богъ отъя у него умъ“), и весьма возможно, что такъ и было въ дѣйствительности.

Конецъ этому невозможному состоянію положила грамота патріарха Луки Андрею Боголюбскому, о которой намъ приходилось говорить уже не одинъ разъ.

Поводомъ къ изданію грамоты послужила просьба Леона, явившагося въ Константинополь и ознакомившаго патріарха съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Леонъ просилъ патріарха утвердить оправдательный приговоръ Кіевскаго собора и дать въ томъ удостовѣреніе.

---

[1]) Длинныя бороды являлись національнымъ отличіемъ Руси. Въ 1249 году, во время битвы при Санѣ, поляки кричали по адресу полковъ Даніила Галицкаго. „Погонимъ длинныя бороды“.

Леонъ попалъ въ Константинополь, какъ нельзя болѣе кстати: патріархъ въ это время получилъ отъ императора предложеніе пересмотрѣть вопросъ о постѣ въ Рождество по другому поводу.

Одинъ аристократъ далъ обѣтъ проводить въ постѣ всѣ среды въ честь Іоанна Крестителя и сомнѣвался, какъ быть ему *въ Рождество Христово, пришедшееся въ среду*. Онъ повѣдалъ о своихъ сомнѣніяхъ императору Мануилу, который и передалъ дѣло на разсмотрѣніе патріаршаго синода. Патріахъ Лука Хризовергъ хотя и одобрилъ самый обѣтъ, но *освободилъ вельможу отъ соблюденія поста въ день Рождества Христова въ виду величія праздника*. (Migne S. Gr. CXIX. 781).

По всей вѣроятности, это рѣшеніе синода состоялось косвенно подъ вліяніемъ императора, который, какъ мы видѣли изъ спора Леона и Адріана, былъ на сторонѣ болѣе льготной практики. Неосторожный вельможа, вѣроятно, потому и обратился къ Мануилу, что не надѣялся самъ получить разрѣшеніе отъ патріарха. Это синодальное рѣшеніе должно быть отнесено ко времени передъ Рождествомъ 1168 года, дѣйствительно пришедшимся въ среду.

Есть всѣ основанія думать, что Леонъ былъ въ это время въ Константинополѣ и, можетъ быть, даже присутствовалъ и при самомъ соборѣ. Ибо въ судѣ надъ Поликарпомъ Леонъ не участвовалъ, стало быть, не былъ въ Кіевѣ, и естественнѣе всего искать его въ Константинополѣ. Да и самое рѣшеніе патріаршаго синода должно было состояться до такой степени незадолго до суда надъ Поликарпомъ, что митр. Константинъ не успѣлъ еще узнать о такомъ рѣшеніи; иначе онъ, конечно, не рѣшился бы обвинить Поликарпа. Какъ бы то ни было, но Леонъ безпрекословно подчинился новому рѣшенію.

Получался крупный скандалъ: оказался правъ Поликарпъ и Андрей Боголюбскій, а не русскій митрополитъ и не русскіе епископы-греки. Приходилось какънибудь смягчить это впечатлѣніе и разсмотрѣть, наконецъ, грамоты Андрея Боголюбскаго, лежавшія безъ движенія въ патріархіи съ 1164 года. Ихъ было двѣ:

одна представляла просьбу о выдѣленіи Владиміра въ особую митрополію и о поставленіи Ѳеодора въ епископы Владимірскіе, другая содержала обвиненія противъ Леона. Относительно второй грамоты, невзирая на то, что Леонъ оказался далеко не вполнѣ правымъ, патріархъ сообщаетъ Андрею, что собственно ея не нужно было разсматривать и что разсмотрѣніе ея произошло лишь по просьбѣ Леона.

„Такъ какъ мы узнали и изъ грамотъ священнаго митрополита и епископовъ, и отъ самого посла державнаго и святого нашего царя, и отъ многихъ иныхъ, что такія обвиненія на епископа неоднократно заявлялись (молвена суть многажды) на вашемъ мѣстномъ соборѣ, и предъ великимъ княземъ всей Руси, пришедшимъ для того нѣкіимъ мужемъ твоего благородія (не Ѳеодоромъ?), оказались недостаточными для осужденія епископа (явилася не крѣпка, якоже бы епископу спакостити), и потому этотъ епископъ оправданъ своимъ соборомъ, то и мы считали неподобающимъ дѣломъ рѣшить дѣло иначе (отинудъ того порядити), ибо они разсмотрѣны тамъ, такъ какъ не велятъ намъ дѣлать этого и священныя правила, которыя предписываютъ каждому епископу судиться своимъ соборомъ. Но такъ какъ епископъ, надѣясь на свою правоту, усиленно просилъ насъ, чтобы мы разсмотрѣли дѣло вновь, то мы, согласно его къ намъ прошенію, прочли грамоту, присланную намъ на него твоимъ благородіемъ. А такъ какъ онъ на каждое обвиненіе противъ него далъ дѣйствительно основательный и правильный отвѣтъ, (во правду сплнѣ по правпломъ отвѣщалъ есть), то онъ оправданъ нами: мы приняли его въ сослуженіе, и онъ служилъ съ нами. И вотъ этотъ епископъ посланъ твоему благородію, какъ отъ самого Бога, нашимъ смиреніемъ и священнымъ великимъ соборомъ“. Патріархъ выражаетъ надежду, что князь не захочетъ противиться суду всѣхъ святителей и патріаршему, сложитъ съ сердца своего всѣ неудовольствія и не будетъ просить иного епископа; въ противномъ же случаѣ грозитъ отлученіемъ (Макарій III. прил. № 2. стр. 299). Такимъ образомъ патріархъ совершенно обошелъ вопросъ о мнѣніяхъ Леона.

Всѣ эти заявленія патріаршей грамоты дѣлаютъ несомнѣннымъ, что князь не апеллировалъ къ патріарху на оправдательный приговоръ Кіевскаго митрополита, и что грамота, о которой идетъ рѣчь, есть грамота, посланная Андреемъ еще въ 1164 году. Съ неменьшимъ правомъ мы можемъ утверждать то же и о первой грамотѣ князя относительно устройства Владимірской митрополіи. Во-первыхъ, какъ мы видѣли уже, Андрей и самъ отказался отъ первоначальной своей мысли основать во Владимірѣ митрополію и, слѣдовательно, не имѣлъ никакой нужды вновь просить о томъ же патріарха. Во-вторыхъ, патріархъ имѣлъ формальное основаніе не разсматривать этого прошенія до окончательнаго рѣшенія по дѣлу Леона.

„Грамота благородія твоего нашему смиренію“, пишетъ патріархъ, „принесена была твоимъ посломъ и прочтена была въ соборѣ“. (1164 г.). Соборъ похвалилъ усердіе Андрея къ постройкѣ церквей, узнавъ объ этомъ не только изъ его грамотъ, но и отъ самого его епископа (Леона), который „свидѣтельствовалъ много хорошаго о благородіи твоемъ предъ нашимъ смиреніемъ, и предъ божественнымъ соборомъ, и предъ державнымъ нашимъ святымъ царемъ“ [1]).

Хвалилъ соборъ Андрея и за устроеніе великаго города Владиміра со множествомъ церквей на славу Богу—„Той ти множицею благородію твоему воздасть“. Но что касается до отдѣленія Владиміра въ особую отъ Ростова епархію и возведенія его въ митрополію, то патріархъ находилъ это совершенно невозможнымъ.

Патріархъ писалъ: „Ставимъ по временамъ священныхъ митрополитовъ всея Руси, иже есть святыя и великія церкве, ставимъ и посылаемъ

---

[1]) Уже это одно доказываетъ, что соборныя засѣданія, гдѣ разсматривалась грамота, не могли имѣть мѣста ранѣе 1168 года. Мануилъ послѣ краткосрочнаго пребыванія въ Константинополѣ въ 1164 г. вновь отправился въ походъ противъ венгровъ и вернулся въ столицу только послѣ заключенія мира со Стефаномъ III, вызваннаго взятіемъ византійцами Зевгмина 18 іюля 1167 года. (Киннама. Истор. кн. V. гл. 6—16). Этотъ миръ относится къ 1168 году (Герцбергъ. Исторія Византіи 296)

тамо, но не можемъ того сотворити“ (т. е. выдѣлить Владиміръ въ особую митрополію). Это являлось бы нарушеніемъ священныхъ правилъ, повелѣвавшихъ сохранять права каждой митрополіи и епископіи въ цѣлости и неизмѣнности. „Каяждо митрополіа и епископья цѣло и не порушимо своя держати оправданіа“.

Патріархъ даетъ сразу отвѣты на вопросы не только о выдѣленіи Владиміра въ особую митрополію, но и о возможности поставленія митрополита изъ русскихъ въ порядкѣ, указанномъ новеллами Юстиніана. Оба отвѣта отрицательные. Съ точки зрѣнія патріархіи русскій митрополитъ не только долженъ быть поставляемъ съ разрѣшенія патріарха и его благословенія, но и не изъ русскихъ, а изъ клириковъ Константинопольской церкви. Все это патріархъ считаетъ совершенно безспорнымъ и не нуждающимся въ доказательствахъ. Вопросъ о правѣ патріарха ставить митрополита, дѣйствительно, можно было считать безповоротно рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ даже для сторонниковъ Клима: не сами ли они за утвержденіемъ его въ концѣ концовъ обратились въ Константинополь и тѣмъ признали права патріарха? Но столь же безспорной являлась въ глазахъ патріарха и необходимость назначать русскаго митрополита изъ грековъ, необходимость, обоснованіе которой мы видѣли уже изъ разсужденій Григоры.

Только если мы будемъ имѣть въ виду эту греческую точку зрѣнія, для насъ станетъ яснымъ значеніе Нифонта. Подчасъ, какъ мы видѣли, считаютъ Нифонта грекомъ, а его дѣйствія на соборѣ 1147 года признаютъ за верхъ грекофильства. Но мы видѣли уже, что предположеніе о греческомъ происхожденіи Нифонта ровно ни на чемъ не основано. Сомнительно и его грекофильство. Дѣйствія Изяслава на соборѣ 1147 года при поставленіи Климента нарушали не только интересы грековъ, но и коренныя правила о церковномъ управленіи, какъ они изложены были въ помѣщенныхъ въ кормчей новеллахъ Юстиніана. Нифонтъ требовалъ только соблюденія этихъ новеллъ, т. е. именно того, на что не могли согласиться греки ни по церковнымъ, ни по политическимъ мотивамъ. Настоящій грекофилъ

того времени, конечно, ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалъ бы такого предложенія, которое, съ точки зрѣнія грековъ, являлось чуть ли не бунтомъ противъ имперіи и во всякомъ случаѣ—покушеніемъ на ея единство.

Грекофильство Нифонта тѣмъ сомнительнѣе, что въ самомъ Новгородѣ, гдѣ онъ былъ епископомъ, онъ, повидимому, постарался тоже возстановить дѣйствіе Юстиніанова законодательства насчетъ избранія епископовъ, но съ такими характерными измѣненіями, которыя ставили избраніе новгородскаго владыки даже внѣ всякаго вліянія со стороны митрополита. Несоотвѣтствіе плановъ Нифонта видамъ грековъ и обнаружилось съ совершенною ясностію, когда попытались испросить патріаршее благословеніе русскому кандидату на митрополію, какъ того требовалъ Нифонтъ: и Ростиславъ съ Климомъ и Андрей Боголюбскій съ Ѳеодоромъ потерпѣли полную неудачу.

Въ выдѣленіи Владиміра въ особую митрополичью каѳедру (можетъ быть, съ подчиненіемъ ей и Суздаля), патріархъ отказываетъ Андрею, указывая на принципъ недѣлимости митрополій, тотъ принципъ, который выраженъ въ 12-мъ прав. Халкидонскаго собора [1]).

Оставался вопросъ о выдѣленіи Владиміра въ особую епископію, которымъ и интересовался Андрей. И это, по мнѣнію патріарха, невозможно, по тѣмъ же соображеніямъ о неумаляемости правъ существующихъ епископій. Такъ патріархъ и заявляетъ, хотя уже не столь рѣшительно, какъ въ вопросѣ о возможности дѣленія митрополіи. Онъ пишетъ, что Владиміръ находится на территоріи, гдѣ всегда былъ одинъ

---

[1]) Этимъ правиломъ налагалось отлученіе на всякаго, кто выдумалъ бы раздѣлить существующую уже митрополію на двѣ, при чемъ правило считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что даже „градъ, который по *царскимъ грамотамъ* почтенъ наименованіемъ митрополіи, единочестію да довольствуется, такъ какъ и епископъ его, управляющій его церковью съ сохраненіемъ собственныхъ правъ истинной митрополіи". Несомнѣнно, что Владиміръ не былъ такимъ городомъ, произведеннымъ въ достоинство гражданской митрополіи грамотою *императора*, а потому не могъ получить даже и титулярнаго митрополита.

князь и одинъ епископъ: „Этотъ городъ (Владиміръ) не иныя страны и не иныя области, ибо онъ не вновь пріобрѣтенъ тобою, и не нынѣ присоединенъ къ твоему княженію“ (не ново бо есть зашелъ къ любви и къ твоему княженію нынѣ бы приложенъ), „но той же самой земли и области, въ которой были твои прадѣды, и которою ты самъ нынѣ обладаешь, гдѣ издавна была одна епископія и одинъ епископъ во всей землѣ той.“

Но въ то же время патріархъ указываетъ и законный путь, какимъ бы Андрей могъ получить епископа во Владиміръ: епископъ Ростовскій можетъ, буде онъ того пожелаетъ, перенести каѳедру въ стольный Владиміръ, какъ городъ, находящійся въ его же епархіи.

„Аще ли твое благородіе, годующе хощеть жити въ созданнѣмъ градѣ, а хотѣти начнетъ и епископъ въ немъ съ тобою быти, да будетъ сій боголюбивый епископъ твой съ тобою; въ томъ бо нѣсть ему пакости, занеже есть таковый градъ подъ областію его.“

Такимъ епископомъ долженъ быть Леонъ, а не Ѳеодоръ. Патріархъ грозитъ Андрею отлученіемъ, если онъ не приметъ епископа Леона (начнеши гонити его) „по его оправленіи и священнымъ митрополитомъ всеа Руси, и его епископы, и нашимъ совершеннымъ утвержениемъ“ и не станетъ повиноваться его поученіямъ и наказаніямъ.

На этомъ мѣстѣ прерывается подлинный текстъ грамоты, какъ она напечатана у митр. Макарія (Ист. Р. Ц. III. прил. № 2. стр. 298—300.) Вторая ея половина дошла до насъ въ изложеніи Никоновской лѣтописи (6668).

Эта первая часть грамоты важна для насъ, какъ попытка примѣнить къ Россіи византійскіе принципы соотвѣтствія церковнаго дѣленія гражданскому. Мы видѣли уже, что этотъ принципъ, высказанный Халк. 17, былъ послѣдовательно проведенъ и Трулльскимъ въ пр. 38 не только по отношенію къ приходамъ, но и по отношенію къ епископіямъ и митрополіямъ. Но буквальное примѣненіе этихъ правилъ къ Россіи, очевидно, было невозможно. Въ ней не существовало ни митрополій, ни даже городовъ, въ смыслѣ поселковъ,

признанныхъ въ этомъ достоинствѣ императорскою (т. е. византійскою) властію, ни нормальнаго дѣленія на городскіе округа, о которомъ говоритъ Халк. 17. Патріархъ старается примѣнить ихъ по аналогіи, высказывая при этомъ слѣдующія положенія.

1) Епископіи въ принципѣ признаются недѣлимыми, и потому новыя могутъ быть учреждаемы лишь тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, а не на территоріи старыхъ, существовавшихъ уже епископій.

2) Образованіе новой епископіи на территоріи уже существующей допускается лишь въ томъ случаѣ, если территорія эта раздѣлилась на два княжества. Такимъ образомъ русскій удѣльный князь былъ приравненъ начальнику городского округа (т. е. византійскому исправнику). На территоріи одного и того же княжества не могло быть болѣе одной епископіи.

3) Въ случаѣ если на территоріи одного и того же княжества оказывалось нѣсколько поселковъ, которые фактически могли бы быть признаны за города, наиболѣе приличною для епископа резиденціею слѣдуетъ признать тотъ городъ, въ которомъ проживаетъ князь. Если бы князь перенесъ свою столицу въ новый городъ, то то же можетъ, буде пожелаетъ, сдѣлать и епископъ съ своею каѳедрою. Въ этомъ постановленіи наблюдается наибольшее отступленіе отъ старыхъ византійскихъ порядковъ. Въ Россіи въ сущности не могло быть городовъ въ византійскомъ смыслѣ этого слова, въ Византіи же не могло быть одного городского округа съ другими городами, въ техническомъ смыслѣ этого слова, въ его предѣлахъ.

Грамота патріарха Луки чрезвычайно важна не только для пониманія строя древне-русскоій церкви, но и для пониманія государственнаго права древней Руси. По принципамъ этой грамоты управлялась русская церковь и впослѣдствіи, за весь періодъ ея зависимости отъ Константинополя. Если бы обращали на нее большее вниманіе, какого она и вполнѣ заслуживаетъ, то не могло бы быть заявленій, что Андрей Боголюбскій только по недоразумѣнію обратился къ константинопольскому патріарху, и что онъ имѣлъ право и самъ учредить у себя митрополію на правахъ

государя. Въ дѣйствительности же Андрей вовсе не равнялъ себя съ византійскимъ императоромъ, приравненіе же его самого къ начальнику городского византійскаго округа не давало ему никакихъ правъ на участіе въ церковномъ управленіи. Не только митрополитъ, но и епископъ должны были оставаться совершенно независимыми отъ мѣстнаго князя.

Вторая часть грамоты патріарха Луки и важна для опредѣленія отношеній между русскимъ княземъ и византійскимъ архіереемъ для одной и той же территоріи. Къ сожалѣнію, она дошла до насъ не въ подлинномъ видѣ, а въ интерполированномъ изложеніи Никоновской лѣтописи. Нѣкоторыя интерполяціи совершенно ясны. Такова вставка съ описаніемъ образа Софіи, Премудрости Божіей [1]).

---

[1]) Отъ словъ „Видѣти убо есть, яко Софіа премудрость Божіа есть, неизглаголаннаго дѣвьства чистота есть“..... и кончая словами „будетъ разрѣшенъ на небеси“—вставка эта сдѣлана совершенно механически и прерываетъ совершенно ясное теченіе рѣчи. Если выбросить ее, то рѣчь получаетъ и правильное теченіе и логическую законченность. Заявляя о томъ, что „Ѳеодорецъ порицалъ иноческое житіе“, грамота говоритъ затѣмъ: „Воистинну убо сей совершенна смысла отпаде и разумъ погуби; не разумѣ бо, ни увѣде истиннаго о Господи любомудрія и спасеніа... Много убо наипаче почтено есть дѣвство“ и такъ далѣе.

Вставка эта представляетъ изъ себя отрывокъ изъ какой-то проповѣди, произнесенной передъ образомъ святой Софіи Премудрости Божіей, какъ это ясно изъ начальныхъ словъ. „Видѣти убо есть, яко Софіа премудрость Божіа есть,“ что предполагаетъ, что образъ Софіи находился передъ глазами слушателей. Далѣе и идетъ описаніе этого образа; но, что всего любопытнѣе, образа типа Новгородской Софіи, а не Кіевской. Она имѣетъ надъ главою Христа, Ей предстоятъ Богородица и Іоаннъ Предтеча (кстати упомянуто и объ Іоаннѣ Богословѣ) Она имѣетъ „лице дѣвиче огнено“, вѣнецъ на главѣ, скипетръ въ рукѣ, „крылѣ же огненіи орліи“, „въ шуйцѣ же имать свитокъ написанъ“, „одѣаніе же свѣта являетъ утверженна седмью столъповъ“. Все это черты, которыя мы находимъ на Новгородской Софіи. Но есть и отличія отъ послѣдней. Софія, описываемая въ этомъ отрывкѣ, имѣетъ и такія черты, которыхъ мы не находимъ въ Новгородской Софіи: „Иматъ же и тороки (броню), иже аггели имѣютъ“, „санъ же препоасаніе на чреслѣхъ-образъ старѣйшинства и святительства и началства являетъ“, „нозѣ же имѣетъ утверженна на камени“.

Остается предположить, что описывается какой-то другой образъ (не—современный Новгородскій), можетъ быть, древній образъ Софіи, находившійся въ Кіевскомъ храмѣ.

Если выбросить эту несомнѣнную вставку, то содержаніе второй части получится вполнѣ послѣдовательнымъ и логическимъ.

Вторая часть, судя по сохранившемуся содержанію, занята вопросами о неправовѣріи и погрѣшностяхъ Ѳеодора. Оказывается, что Ѳеодоръ училъ „супротивное епископу чрезъ повелѣнія святыхъ Апостолъ и Отецъ 1) ясти мясо въ среду и въ пятокъ, аще прилучиться праздникъ господскій или память котораго нарочитаго святаго, также и во всю святую пятьдесятницу въ среды и въ пятки, и „иная многая грубая и несмысленая творяще и учяще“; 2) „сице же и чистѣ живущихъ безженныхъ житіе, и Господа ради иночествующихъ, и любомудрію о Господи учящихся негодоваше и укоряше“.

Патріархъ предписывалъ Андрею Боголюбскому въ вопросѣ о постѣ совершенно повиноваться епископу Леону. „Вопрошай главу свою, еже есть епископа твоего, да аще что глаголетъ, сице твори, вѣруя, яко Господь Богъ глаголетъ усты епископа твоего“. „Покоряйся убо, возлюбленный о Господѣ духовный сыне, боголюбивому епископу твоему, яко аще прилучится Господьскій праздникъ Рождества Христова и Богоявленія въ среду или въ пятокъ разрѣшаетъ епископъ (замѣчательно желаніе во что бы то ни стало отстоять авторитетъ епископа въ глазахъ князя) мирскихъ ясти мяса и вся, иноцихъ же—млеко, и масло кравіе, и сыръ, и яица“. Само собою понятно, что и Поликарпъ Печерскій долженъ былъ получить разрѣшеніе отъ своего митрополита, что мы и видимъ.

Во всѣ прочіе праздники полнаго разрѣшенія поста не полагается, а допускается лишь смягченіе и ослабленіе. На Рождество Пречистыя Богородицы, и на Срѣтеніе, и на Успеніе, и на Преображеніе Христово разрѣшается лишь на деревянное масло, рыбу и вино для иноковъ и для мірянъ (разрѣшеніе вина и елея). На Благовѣщеніе разрѣшается только на масло, на овощи и на вино, но не на рыбу, въ великій же пятокъ—только на вино. Два предтечевыхъ праздника, апостоловъ Петра и Павла, Іоанна Богослова и другихъ нарочитыхъ святыхъ, аще повелитъ епископъ, „ясти

масло древяное, и овощіе, и рыбы, и вино, сице твори". На Воздвиженіе допускается масло деревянное и вино. Что касается до времени отъ Рождества Христова до Крещенія, недѣли о Мытарѣ и Фарисеѣ, недѣли сыропустной и недѣли Свѣтлой и вообще всѣхъ другихъ, въ которыя допускалось разрѣшеніе поста болѣе снисходительною практикою, „постъ иже до девятаго часа не соблюдаемъ; но аще и снѣдь сыра и масла кравіаго и мяса отметаемся... но масло древяное и другая, къ симъ и рыбы пріемлемъ... да аще праздники Господьскіи въ среду и въ пятокъ, или коего нарочитаго святаго и до самого пянтикостіа, вопропай главу свою. еже есть епископа твоего... *Ниже бо аггелъ съ небеси имѣетъ такову власть вязати и рѣшати, развъ единъ боголюбивый епископъ твой, егоже положилъ Господь Богъ главу всей земли твоей и тебъ*".

Этотъ перечень праздниковъ можно признать подлиннымъ.

Во-первыхъ списокъ этотъ повторяется въ Нпк. 6676. при разсказѣ о запрещеніи, наложенномъ на Поликарпа Печерскаго.

Никон. (1168) 6676. „Того же лѣта Констянтинъ митрополитъ Кіевскій и всеа Руси заточи Полпкарпа игумена Печерскаго манастыря про Господьскіа празники, не веля ему сыра, и масла, и яиць и млека ясти въ Господьскія праздники и въ великихъ нарочитыхъ святыхъ, егда прилучится въ среду или въ пятокъ, иже есть Рожество пречистыа Богородици, и Введенье, и Срѣтеніе, и Успеніе, и Преображеніе Господне, и святаго пророка и крестителя Господня Іоанна Рожество и Усѣкновеніе, и святыхъ апостолъ Петра и Павла, и св. ап. и евангелиста Іоанна Богослова... и другихъ великихъ нарочитыхъ святыхъ, и отъ свѣтлыа недѣли до пянтикостіа въ средѣхъ и пятцѣхъ сыра, и млека, и масла кравіаго отпаятися..." Помогаше же Констянтину митрополиту и Антоней епископъ Чрьниговскій и (Феодоръ) епископъ Переаславскій". Списокъ буквально взятъ изъ посланія патр. Луки: онъ пропускаетъ Рождество Христово, бывшее

истинною причиною опалы митрополита на Поликарпа [1]).

Во-вторыхъ признакомъ древности текста посланія является то, что дни Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и Воздвиженія Креста Господня настолько не считаются постными днями, что даже въ томъ случаѣ, если они придутся на постный день, въ Усѣкновеніе разрѣшается рыба, а въ Воздвиженіе масло и вино. Эту практику, въ XV в. митр. Фотій уже безусловно запрещаетъ. Позднѣйшій интерполяторъ и поддѣлыватель не сохранилъ бы этой странной для временъ патріарха Никона особенности.

Тѣмъ замѣчательнѣе то усердіе, съ какимъ старается патріархъ поддержать авторитетъ епископа Леона въ глазахъ князя, и то, какъ онъ умаляетъ

---

[1]) Не только порядокъ перечня праздниковъ одинъ и тотъ же, но заимствованы даже отдѣльныя выраженія грамоты, совершенно неумѣстныя въ описаніи митрополичьяго суда надъ Поликарпомъ Для лучшаго сравненія приведемъ здѣсь оба текста. и текстъ грамоты и текстъ лѣтописи 6676 года.

Грамота.	Лѣтопись.
Отъ свѣтлой же недѣли даже и до пятикостіи въ средѣхъ и въ пятцѣхъ постъ иже до девятаго часа не соблюдаемъ; но аще	И отъ свѣтлыа недѣли до пятикостіа въ средѣхъ и въ пятцѣхъ
и снѣдь сыра, и масла кравіаго и мяса отметаемся, стыденіемъ апостольскаго правила, но масло древяное и другая, къ симъ и рыбы пріемлемъ, зане въ сихъ днехъ аще и память Господьскаго распятія	сыра, и млека, и яицъ и масла кравіаго отшаятися, соблюдающе правило апостольское, масло же древяно и рыбы ямы, аще бо и распятью Господню
творяще, распятію пристоающая, тропари поемъ, но и воскресныа сими споемъ, якоже и во иныхъ днехъ умилителныа тропари примѣшаемъ.	тропари поемъ, но паче и въскресныя сими поемъ, и свѣтло и радостно празднуемъ Воскресеніе Христово.

Въ первомъ текстѣ мы имѣемъ лишь распространенный второй. И весьма большая вѣроятность, что именно въ послѣднемъ—то текстѣ и сохранилась часть посланія патріарха Луки въ первоначальномъ его видѣ. Ибо и самый характеръ интерполяцій тотъ же, что и интерполяцій первой извѣстной намъ въ подлинномъ видѣ части посланія Луки.

княжескую власть въ сравненіи съ епископскою, дѣлая князя лишь исполнителемъ предписаній епископа. Патріархъ не упоминаетъ даже о постановленіи патріаршаго синода, несогласномъ съ первоначальными мнѣніями Леона о постѣ, и разрѣшаетъ постъ на Рождество и Богоявленіе, яко бы только съ согласія Леона.

Тѣмъ строже относится грамота къ Ѳеодору, котораго она считаетъ за нравственнаго виновника изгнанія Леона изъ Ростова. Князю предписывается не только не слушаться своего любимца, но и изгнать его и понудить его вернуться къ его епископу, („а того убо Ѳеодора отжени отъ себе и къ его епископу понуди его ити"), какъ бѣглаго клирика („лишившася въ ней же церкви поставленъ") „да еще обратиться и покаеться, благодать Богу".

Но грамота занята прежде всего второю статьею и старается доказать, что дѣвство гораздо выше женитьбы и вообще семейной жизни. „Много убо наипаче почтено есть дѣвство... Брака убо выши есть и много честнѣйши дѣвство; елико убо аггели высше суть человѣковъ и елико небо отъ земли, толико убо не оженивыйся вышши есть женившагося: дѣвство бо есть ангельское житіе... Тѣмъ же поучаемъ и наказуемъ твое благородіе и благочестіе соблюдатися отъ ложныхъ пророкъ, пже прихоДятъ во одеждахъ овчихъ, и не вѣровати всякому духу".

Мы можемъ оставить въ сторонѣ приводимыя въ пользу этого доказательства, но самый тонъ всего изложенія именно таковъ.

Можетъ быть, вина Ѳеодора и заключалась именно въ томъ, что онъ не желалъ принять монашество, полагая, что честный бракъ нисколько не ниже безбрачія и неизмѣримо выше фальшиваго безбрачія. Можетъ быть, Ѳеодоръ укорялъ не столько монашество, сколько монаховъ, указывая на то, что они только на словахъ дѣвственники.

Судя же по чрезвычайно рѣзкому тону грамоты, можно думать, что Ѳеодоръ не считалъ нужнымъ не только постригаться послѣ избранія его въ епископы, но даже не считалъ нужнымъ прекратить сожительство съ женою.

Вопросъ этотъ былъ въ эту пору больнымъ и на востокѣ. Хотя трульскій соборъ и постановилъ (прав. 48), что „жена производимаго въ епископское достоинство, предварительно разлучася съ мужемъ своимъ по общему согласію (κατὰ κοινὴν συμφονίαν), *по рукоположенію его въ епископы*, да вступитъ въ монастырь далеко отъ обитанія сего епископа созданный, и да пользуется содержаніемъ отъ епископа“, но это былъ въ полномъ смыслѣ слова законъ несовершенный. Оставалось неизвѣстнымъ, что дѣлать, если мужъ посвященъ, а жена въ монастырь не уходитъ? Въ правилѣ не сказано, что бы она по удаленіи въ монастырь обязана была принять постриженіе, и стало быть она не была подчинена обязанности безысходнаго пребыванія въ монастырѣ и могла оставить его въ любую минуту.

Не мудрено, что сами патріархи не могли сладить съ архіерейшами. На практикѣ въ Византіи происходило слѣдующее, какъ офиціально было заявлено объ этомъ на синодѣ 1187 года:

„Нѣкоторые изъ избранныхъ и посвященныхъ въ митрополиты и архіепископы, имѣвшіе женъ до хиротоніи, сами ничего не имѣли противъ того, чтобы удостоиться благодати архіерейства; ихъ же сожительницы продолжаютъ облекаться, прежнимъ и даже болѣе пышнымъ образомъ, открыто (ἀνυποστόλως) продолжаютъ жить въ тѣхъ же жилищахъ, въ какихъ онѣ жили и прежде, и ни вступили въ женскій монастырь, ни посвятили себя Богу ни приняли монашескаго житія“. (Zachariae Novellae III. 515).

Только 4 сентября 1187 года вопросъ этотъ получилъ наконецъ разрѣшеніе, въ духѣ суровой монашенской дисциплины. По докладѣ объ этомъ въ синодѣ въ присутствіи трехъ патріарховъ (константинопольскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго) императоръ Исаакъ Ангелъ, узнавъ о томъ, что архіереи *„посвящаятся, не разведясь съ супругами, и даже продолжаютъ сожительствовать съ ними“*, предписалъ по предложенію патріарховъ предложить женамъ архіереевъ, согласно Трулльскому правилу, постричься въ монастыряхъ, находящихся далеко отъ мѣста житель-

ства ихъ супруговъ, и пребывать тамъ: а если бы жены не пожелали сдѣлать этого добровольно, то лишать мужей архіерейскаго трона и достоинства и на мѣсто ихъ посвящать новыхъ архіереевъ. Впредь же не иначе посвящать ихъ, если они предварительно разведутся по ихъ письменному общему согласію, выбору и желанію, а жена приметъ монашество". (Zachariae III. 515—516).

Уже самая обстановка. въ какой рѣшенъ былъ этотъ вопросъ, и необходимость вмѣшательства императора показываетъ, что самъ патріархъ не считалъ себя вправѣ не посвящать женатаго человѣка, избраннаго въ епископы, хотя бы жена его и не дала обязательства разойтись съ нимъ и постричься. Если Ѳеодоръ „бѣлый клобучекъ" былъ женатый священникъ (а по всей вѣроятности, дѣло такъ и было), то онъ въ сущности былъ правъ, утверждая, что ничего не препятствовало его посвященію, такъ какъ приведенный законъ Исаакія изданъ много лѣтъ спустя послѣ дѣла Ѳеодора. Можно ожидать, принимая во вниманіе упрямый и властный характеръ Ѳеодора, что онъ, навѣрное, такъ и сдѣлалъ.

Посланіе это разрѣшило наконецъ наболѣвшій вопросъ о Владимірской каѳедрѣ. Андрей примирился съ Леономъ. Соборъ въ Ростовѣ, построенный было Андреемъ въ 1164 г. и тотчасъ же почти упавшій, былъ оставленъ въ развалинахъ до 1213 года. Если собора не требовалось, то, очевидно, ростовскіе епископы переселились во Владиміръ. какъ то рекомендовалъ Лука Хризовергъ.

Посланіе его рѣшило и участь Ѳеодора: Андрей исполнилъ волю патріарха. 8 мая 1169 года (Лаврентіевская 6677) нареченный епископъ Владимірскій былъ отправленъ къ митрополиту, къ великой радости всего населенія. Но тамъ ему не удалось покаяться, какъ того желалъ патріархъ. Митрополитъ Константинъ осудилъ его на страшную казнь: Ѳеодору сначала отрѣзали языкъ, какъ злодѣю и еретику, потомъ отрубили правую руку и выкололи глаза за хулу на Богородицу. Изувѣченный такимъ образомъ Ѳеодоръ, конечно, не могъ принести покаянія до послѣдняго

издыханія, котораго онъ, вѣроятно, недолго и ждалъ. Этотъ приговоръ митрополичьяго суда имѣетъ нѣкоторую параллель въ приговорѣ надъ холопомъ новгородскаго епископа Луки Жидяты Дудикомъ, оклеветавшимъ своего епископа господина [1]). Его однако нельзя считать случаемъ нормальнымъ, примѣненіемъ византійскаго уголовнаго права на судѣ митрополита, такъ какъ по нормальному-то порядку именно смертная казнь и членовредительныя наказанія и не должны были примѣняться на судѣ церковномъ [2]). Противорѣчитъ онъ и инструкціямъ грамоты патр. Луки. Жестокость его можетъ быть объяснена не только личною местію грековъ ихъ врагу, но и местью кіевлянъ любимцу князя Андрея, виновника разгрома Кіева. Ея фактъ во всякомъ случаѣ доказываетъ, что Ѳеодоръ не былъ еще рукоположенъ во епископскій санъ, дѣлавшій его по преимуществу подсуднымъ патріарху, что, впрочемъ, ясно и изъ лѣтописныхъ извѣстій [3]).

Одна только Никоновская лѣтопись не только считаетъ его рукоположеннымъ во епископы, но и даетъ исторію его поставленія. Согласно ей дѣло происходило такъ.

Въ 1170 году калугеръ Ѳеодоръ „сестричичъ Петра Борпславича“ явился въ Константинополь, взявъ много имѣнія, тамъ ложно показалъ патріарху: „нынѣ нѣтъ въ Кіевѣ митрополита; вотъ я, поставь меня“. Патріархъ не согласился. Черезъ нѣкоторое время

---

[1]) Новг. 6563 „Въ томъ же лѣтѣ клевета бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новагорода и иде къ Кыеву; и осуди митрополитъ Ефремъ, и пребысть тамо три лѣта“. Новг. 6566. „Архіепископъ Лука прія свой столъ въ Новѣгородѣ, Дудици же холопу оскомины бѣша,урѣзаша ему носа и руцѣ отсѣкоша и сбѣже въ Нѣмци“.

[2]) М. Іоаннъ II писалъ между прочимъ Іакову черноризцу—„яро казнити на возбраненіе злу, *но не до смерти* убивати, ни обрѣзати сихъ тѣлесе, не бо принимаетъ сего церковное наказаніе и ученіе (Рус. И. Б. VI. 4).

[3]) Предполагать, что Ѳеодоръ „бѣлый клобучекъ“ былъ судимъ соборомъ (какъ полагаетъ это м. Макарій III. 221) нѣтъ основаній. (ср. Татищевъ III. 161. 168).

онъ вновь началъ просить патріарха: „Въ Руси нѣтъ митрополита, епископамъ тамъ не у кого ставиться; поставь меня въ Ростовъ епископомъ“. Патріархъ на этотъ разъ согласился и поставилъ. Въ объясненіе того, какъ могъ патріархъ оказаться такимъ простакомъ, лѣтописецъ, кромѣ великаго имѣнія, взятаго съ собою Ѳеодоромъ, даетъ еще такое описаніе Ѳеодора. „Бѣ же сей дрѣзновененъ зѣло и безстуденъ; не сраляше бо ся ни князя, ни боарина, и бѣ тѣломъ крѣпокъ зѣло, и языкъ имѣа чистъ, и рѣчь велерѣчиву, и мудрованіе кознено, и вси его боахуся и трепетаху, никто же бо можаше противу его стоати; нѣціи же глаголаху о немъ, яко отъ дѣмона есть, сей иніи же волхва его глаголаху“. Лѣтописецъ забываетъ о томъ, что безъ достаточнаго знанія греческаго языка всѣ эти качества имѣли мало значенія въ Константинополѣ. Получивъ такимъ страннымъ способомъ поставленіе въ Константинополѣ, Ѳеодоръ пришелъ въ Ростовъ и сѣлъ на столѣ. Великій князь Андрей Юрьевичъ посылалъ его къ митрополиту Константину за благословеніемъ. „Онъ же какъ поставленія не пожелалъ отъ митрополита, такъ не пожелалъ и благословенія ,говоря: „Не митрополитъ поставилъ меня, но патріархъ въ Царѣградѣ; разъ я поставленъ на епископство въ Ростовъ и города, принадлежащіе къ этой епископіи, вселенскимъ патріархомъ, такъ отъ кого мнѣ искать другого поставленія и благословенія?“ Далѣе идетъ пересказъ исторіи Ѳеодора по Лаврентіевской лѣтописи; но и все изложенное нами есть не что иное, какъ попытки объяснить выраженіе этой лѣтописи о Ѳеодорѣ „лживый владыка“.

Составитель Никоновской лѣтописи долженъ былъ объяснить [1]), гдѣ же и кѣмъ былъ поставленъ въ епископы этотъ Ѳеодоръ? Его источники ясно указывали, что это посвященіе Ѳеодора во епископы Ростовскіе

---

[1]) Не сообразивъ, что дѣло идетъ о нареченномъ только владыкѣ, (какъ совершенно правильно рѣшаетъ Воскр. 6678—„Того же лѣта изгнанъ бысть изъ Володимеря и отъ всей земли Ростовьской злый и пронырливый и гордый льстецъ, нареченный во епископью Ростовскую и Володимерьскую за коризну тако нареченъ Ѳеодорецъ).

произошло безъ вѣдома князя и совершено не кіевскимъ митрополитомъ. Оставался только константинопольскій патріархъ, которому хотя бы съ нѣкоторою вѣроятностію, можно было приписать такое поставленіе. И вотъ лѣтописецъ отправляетъ Ѳеодора въ Константинополь и заставляетъ его пріобрѣсти тамъ санъ епископа путемъ обмана и симоніи. Патріархъ поддается обману, несмотря на полную его очевидность; лѣтописецъ сознаетъ это и даетъ посильное объясненіе такому странному факту, выставляя Ѳеодора чуть не колдуномъ. Но онъ понимаетъ, что все его искусственно построенное объясненіе рухнуло бы, если бы этотъ Ѳеодоръ оказался (какъ это и было въ дѣйствительности) тѣмъ Ѳеодоромъ, противъ котораго направлено было посланіе Луки, и онъ старается убѣдить читателя, что это два совершенно разныхъ лица: Ѳеодоръ, противъ котораго направлено посланіе патріарха, оказывается у него сестричичемъ Мануила Смоленскаго, т. е. грекомъ, а Ѳеодоръ епископъ Ростовскій—русскимъ постриженникъ Печерскаго монастыря и сестричичемъ Петра Борисовича. Этимъ наивнымъ пріемомъ лѣтописецъ окончательно выдаетъ себя. Никоновская исторія Ѳеодора [1]) доказываетъ еще разъ, что авторъ ея очень внимательно вдумывался въ свои источники, но не считалъ нужнымъ ни стѣсняться текстомъ даже офиціальныхъ памятниковъ ни указывать, что въ его изложеніи основано на памятникахъ, а что является плодомъ его собственныхъ предположеній. Его исторія посвященія Ѳеодора является заключительнымъ звеномъ той цѣпи недоразумѣній, какія возникли изъ неправильнаго отожествленія епископа Ростовскаго, грамоты патріарха Луки, съ епископомъ Ростовскимъ Ѳеодоромъ.

---

[1]) Изложеніе Никоновской лѣтописи ввело въ заблужденіе не только митр. Макарія, но и Соловьева, который пишетъ (Исторія II. 727)

„При внимательномъ чтеніи этого мѣста лѣтописи (т. е. разсказа о казни Ѳеодора) можно подумать, что это офиціальный современный актъ, именно посланіе митрополита, извѣщающее о преступленіи и наказаніи *епископа* Ѳеодора, и занесенный въ лѣтопись ея составителемъ съ перемѣною нѣкоторыхъ немногихъ формъ; въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня сличеніе этого мѣста съ извѣстными по-

Такимъ образомъ и проектъ Нифонта потерпѣлъ фіаско: предложеніе кандидатовъ въ митрополиты со стороны русскихъ князей было признано греками въ принципѣ недопустимымъ. И если смотрѣть на дѣло безъ предубѣжденій, то придется согласиться съ проф. Голубинскимъ, что Русь того времени не созрѣла еще для національной митрополіи.

Во-первыхъ у нея не было еще достаточно подготовленныхъ кандидатовъ на митрополичій престолъ. Единственнымъ семинаріемъ епископовъ въ XII и XIII вѣкахъ служила Кіево-Печерская лавра, но нельзя не признать, что образовательныя средства этого монастыря не могли выдержать никакого сравненія съ образовательными средствами Константинополя, особенно въ такой блестящій въ научномъ и образовательномъ отношеніи вѣкъ, какимъ былъ вѣкъ Комненовъ. И Иларіонъ и Климентъ въ сравненіи съ ихъ современниками, образованными греками, являлись лишь начетчиками; да и Кіево-Печерскій монастырь могъ подготовлять пока лишь благочестивыхъ старцевъ, но едва ли образованныхъ въ греческомъ смыслѣ этого слова людей, которые могли бы конкурировать съ византійскими кандидатами.

Какъ Соловьевъ, такъ и митр. Макарій, слишкомъ строги къ оцѣнкѣ нашихъ митрополитовъ изъ грековъ.

сланіями митрополита и другихъ духовныхъ лицъ". Но едва митрополитъ грекъ написалъ бы слѣдующія слова· „Видя Богъ озлобленіе кроткихъ людей своихъ Ростовской земли, погибающихъ отъ звѣрояднаго Θеодорца, посѣтилъ, спасъ людей своихъ рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою *царскою* правдиваго благовѣрнаго князя Андрея. *Мы это писали для того*, чтобы впредь другіе не наскакивали на святительскій санъ, но пусть удостаиваются его только тѣ, кого Богъ позоветъ." Почему же тогда и не приписать этого извѣстія одному изъ такихъ духовныхъ лицъ или, можетъ быть, и составителю лѣтописи, который тоже былъ духовнымъ, а непремѣнно приписывать его митрополиту? Во всякомъ случаѣ названіе Андрея царемъ было бы нѣсколько страннымъ въ устахъ митрополита—грека. Мнѣніе основано на предположеніи, что Θеодоръ былъ епископомъ, поставленнымъ даже самимъ константинопольскимъ патріархомъ, т. е. на совершенно несостоятельномъ предположеніи. Вообще въ данномъ случаѣ и Соловьевъ слишкомъ положился на второстепенные источники и (даже на Татищева), не замѣчая противорѣчій въ нихъ.

„Изъ числа двадцати пяти митрополитовъ, присланныхъ намъ изъ Греціи въ первые четыре съ половиною вѣка“, пишетъ митр. Макарій, едва можемъ насчитать пять-шесть іерарховъ, которые отличались просвѣщеніемъ и благочестіемъ, всѣ же прочіе ничѣмъ не заявили себя и не оставили почти никакого слѣда въ нашей исторіи; одинъ даже (Іоаннъ III) былъ, по выраженію современнаго лѣтописца, „некниженъ и умомъ простъ и просторѣкъ“ (ПСЛ. I. 89 Макарій V 285).

Соловьевъ же видитъ въ греческомъ происхожденіи митрополитовъ даже препятствіе къ ихъ культурному вліянію на Россію. „Извѣстія о русскихъ митрополитахъ описываемаго времени очень скудны, что объясняется ихъ чужимъ греческимъ происхожденіемъ, много препятствовавшимъ обнаруженію ихъ дѣятельности; это чуждое происхожденіе, быть можетъ, было одной изъ причинъ, почему сначала митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ“. (ПСЛ. I. 89. Солов. III, 723). Какимъ же это образомъ принадлежность къ культурному и образованному народу могла помѣшать митрополитамъ культурно вліять на ихъ паству? Если видѣть въ отсутствіи извѣстій о митрополитахъ доказательство ихъ ничтожности, то почему же и о русскихъ митрополитахъ, изъ русскихъ, свѣдѣнія наши такъ же скудны? Объ Иларіонѣ извѣстны лишь двѣ строки изъ лѣтописи, которая, отмѣтивъ фактъ его поставленія, не интересуется его дальнѣйшею судьбою и даже не считаетъ нужнымъ сообщить о его смерти. А между тѣмъ это былъ человѣкъ дѣйствительно отличавшійся и даромъ слова, и образованіемъ. О Климентѣ, въ сущности, мы тоже не имѣемъ никакихъ извѣстій въ лѣтописяхъ, если не считать извѣстія о его поставленіи и объ изгнаніяхъ его греческими митрополитами. Поэтому, какія-либо заключенія на этомъ основаніи противъ грековъ были бы преждевременными.

Но допустимъ, что митрополиты изъ грековъ бывали по временамъ плохими, что легко объясняется нежеланіемъ культурнаго грека итти въ далекую и варварскую Россію. Припомнимъ, съ какими чувствами

шла за Владиміра византійская княжна Анна. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ ручательство, что русскіе князья дали бы въ общемъ болѣе достойныхъ кандидатовъ? Почему, напр., Ростиславъ, имѣя полную возможность выбирать, кого угодно, на открытую имъ епископскую каѳедру въ Смоленскѣ, выбралъ на нее все-таки не кого иного, какъ грека, архіерейскаго митрополичьяго пѣвчаго, скопца Мануила? Чѣмъ это объяснить? Недостаткомъ русскихъ кандидатовъ или тѣмъ невысокимъ уровнемъ требованій, какія предъявлялись князьями къ епископу? А между тѣмъ Ростиславъ былъ еще ревнитель просвѣщенія. Что же сказать о тѣхъ князьяхъ, которые ни о какомъ просвѣщеніи не ревновали? Чему бы мы ни приписывали такой выборъ Ростислава, во всякомъ случаѣ онъ являлся дурнымъ предсказаніемъ для персонала митрополитовъ, если бы замѣщеніе ихъ зависѣло въ это время отъ мѣстнаго великаго князя. Представимъ себѣ, что дѣло шло бы о замѣщеніи не Смоленской, а Кіевской каѳедры, въ ту эпоху, когда Ростиславъ былъ великимъ княземъ Кіевскимъ; можно сказать почти навѣрное, что онъ предложилъ бы въ кандидаты того же Мануила.

Если лѣтопись и замѣчаетъ, что одинъ митрополитъ былъ простъ умомъ и некниженъ, то это скорѣе доказываетъ, что онъ былъ въ этомъ отношеніи рѣдкимъ исключеніемъ, которое поразило современниковъ и потому занесено было въ лѣтопись. И этотъ-то единственный, удостоившійся такого нелестнаго отзыва митрополитъ, какъ разъ и былъ выбранъ, хотя и въ Константинополѣ, но благочестивою русскою княжною Янкою [1]), тогда какъ его предшественникъ грекъ Іоаннъ II „бысть святитель мудръ во писаніихъ и рѣчахъ, якоже не бысть прежде въ Руси; бяше же милостивъ ко убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко богату и убогу, смиренъ и кротокъ и молчаливъ, и утѣшая печалныхъ“ (Ипат. 6597). Спрашивается, какой отзывъ

---

[1]) Въ се лѣто иде Янъка въ Греки, дщи Всеволожа, приведе Янка митрополита Іоана скопьчину... бѣ же се мужь не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ (Лавр. 6597).

далъ бы тотъ же лѣтописецъ о голосистомъ Мануилѣ, если бы онъ сдѣлался митрополитомъ.

Нужно признать, безъ фальшиваго патріотизма, что Россія того времени была дѣйствительно варварскою страною, и къ сожалѣнію митр. Макарій (V 264) совершенно правъ, приходя къ выводу, что въ сущности татары мало повліяли на невысокій уровень просвѣщенія на Руси, такъ какъ и до татарскаго нашествія уровень былъ также невысокъ. Мы полагали бы, что дѣло тутъ не въ татарахъ, а въ туркахъ; они повліяли на страшное паденіе просвѣщенія въ самомъ источникѣ его для Руси, въ Византіи, и это не могло не отразиться и на Руси.

Тогдашніе русскіе смотрѣли на дѣло правильнѣе: они предпочитали по общему правилу греческое русскому, какъ болѣе совершенное. Если выигрышъ въ личныхъ качествахъ митрополитовъ въ случаѣ назначенія ихъ со стороны русскихъ былъ бы по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ, то проигрышъ въ независимости этихъ владыкъ отъ мѣстной власти былъ бы несомнѣннымъ. При тогдашнихъ междукняжескихъ распряхъ митрополитъ принужденъ былъ бы держать сторону того князя, которому онъ обязанъ былъ своимъ престоломъ. А это съ одной стороны умаляло бы его достоинство въ глазахъ всѣхъ князей, съ другой дѣлало бы его недостаточно независимымъ для того, чтобы быть посредникомъ и судьею среди спорящихъ князей При такихъ условіяхъ вполнѣ возможно было такое явленіе, какъ смѣна митрополитовъ въ связи со смѣною князей; исторія Клима является слишкомъ убѣдительнымъ примѣромъ этого.

Тѣмъ не менѣе вопросъ не уничтожился, а только временно заглохъ. Дѣло въ томъ, что хотя мысль Нифонта и потерпѣла неудачу въ вопросѣ о поставленіи митрополита, на что не послѣдовало согласія отъ патріарха, но она была осуществлена потомствомъ близкаго къ Нифонту Юрія Долгорукаго по отношенію къ простымъ епископамъ. Пока мы не будемъ говорить о Новгородѣ, гдѣ мысль Нифонта была осуществлена съ наибольшею полнотою; но и Суздальская земля оказалась подъ ея вліяніемъ. Леонъ былъ

послѣднимъ епископомъ Ростовскимъ, назначеннымъ единолично митрополитомъ. Съ его времени мѣстные епископы, нося титулъ Ростовскихъ, Володимерскихъ и Суздальскихъ, проживали во Владимірѣ и назначались волею мѣстныхъ князей. Уже братъ Андрея, Всеволодъ III, несмотря на свое полугреческое происхожденіе, былъ очень ревнивъ къ праву предложенія епископовъ и не допускалъ неугодныхъ ему епископовъ не только во Владиміръ, но—и въ Новгородъ и въ Переяславль: такъ Всеволодъ отказался принять поставленнаго митрополитомъ Николая Грека (П. С. Л. I. 255) послѣ смерти Леона въ 1183 году.

Лавр. 6693: „Князь Всеволодъ посла къ Кыеву къ Святославу къ Всеволодичю... прося епископа, хотя поставити Луку, смѣренаго, духомъ кроткого, игумена святаго Спаса на Берестовѣмъ; митрополитъ же Никифоръ не хотяше поставити его, зане бѣ на мьздѣ поставилъ Николу Грьчина. Князю Всеволоду не хотящю его, паче же Богови, нѣсть бо достойно наскакати на святительскый чинъ на мьздѣ, но его же Богъ позоветь и святая Богородиця, князь въсхочеть и людье: тако и сего игумена Луку Богу извольшу и святѣй Богородицѣ и князю Всеволоду, за его кротость и смѣренье. Митрополитъ же Никифоръ повелѣ Николѣ Грьчину отписатися землѣ Ростовьской, и постави сего Луку епископомъ Ростову и Володимерю и Суждалю и всей земли Ростовьской.“

Характерно, что поставленіе однимъ митрополитомъ представляется поставленіемъ на мздѣ, настоящимъ же способомъ поставленія является „его же князь въсхочеть и людье“, т. е. приблизительно въ порядкѣ, указанномъ новеллами Юстиніана, и такое поставленіе характеризовалось, какъ „его же Богъ позоветь и святая Богородица“, т. е. повторяется та же идея суда Божія, какая характерна и для новгородской формы избранія епископовъ.

Но на этотъ разъ Никифоръ твердо стоялъ за принципъ; принужденный удовлетворить волю великаго князя, онъ сдѣлалъ это лишь послѣ того, какъ Николай, яко бы добровольно, отказался отъ Ростовской

каѳедры и потомъ былъ переведенъ въ Полоцкъ, гдѣ князья оказались не такими строптивыми [1]).

Но когда по смерти епископа Луки въ 6697 году Всеволодъ послалъ въ Кіевъ къ тому же Никифору своего отца духовнаго Іоанна для поставленія въ епископы, (Лавр. 6698) то повидимому поставленіе было совершено на этотъ разъ безпрекословно.

Въ 6706 году (1198 г.) Всеволодъ посылаетъ Павла на епископство въ русскій Переяславль [2]).

По смерти Всеволода наступило раздѣленіе земли на два княженія: Владимірское съ Юріемъ Всеволодовичемъ и Ростовское съ Константиномъ Всеволодовичемъ Въ это время Суздаль былъ уже захудалымъ городомъ Это видно изъ того, что въ этомъ году, при раздѣлѣ городовъ между Константиномъ и Юріемъ, не было и рѣчи о Суздалѣ, а только о Ростовѣ и Владимірѣ. Москва же въ эту эпоху была уже лучше Юрьева и Волока. Изъ этихъ городовъ въ нее перебѣжалъ Владиміръ Всеволодовичъ и принужденъ былъ уѣхать въ Переяславль южный.

Это политическое раздѣленіе княженіи повело за собою, совершенно согласное и съ грамотою Луки, и церковное раздѣленіе.

Константинъ Всеволодовичъ, до того любившій Ростовъ, что не желалъ промѣнять его даже на Владиміръ, какъ того желалъ отецъ его, въ 1213 году

---

[1]) Ипат. 6691. „Въ то же лѣто преставися епископъ Полотьскій, именемъ Дюнисій. Мы же убо о семъ поглаголемъ. Преставшюся Леону Ростовьскому епископу и поставленъ бысть Никола Гречинъ епископомъ, Всеволодъ же Гюргевичь, князь Суждальскій, не прія его, но посла Кіеву ко Святославу ко Всеволодичю и къ митрополиту Никифору, рекъ: „не избраша сего людье землѣ нашеѣ, но же еси поставилъ, ино камо тобѣ годно, тамо же и держи; а мнѣ поставп Луку, смиреннаго духомъ и кроткого игумена святаго Спаса на Берестовѣмъ, митрополитъ же Микифоръ нѣ хотяше поставити его, но неволею великою Всеволода и Святославлею, постави Луку епископомъ въ Суждальскую землю, и посла Полотьску и (Николая) епискупить.“

[2]) Лавр. 6706. „Того же лѣта посла благовѣрный и христолюбивы князь Всеволодъ Гюргевичь Павла на епископьство въ Русьскый Переяславль“. ср.Воскр. 6706 Съ 6709 г. княземъ тамъ былъ племянникъ Всеволода Ярославъ Мстиславичъ.

заложилъ Ростовскій соборъ на мѣстѣ устроеннаго Андреемъ Боголюбскимъ, но тотчасъ же развалившагося собора, а въ 1214 году отправилъ въ Кіевъ выбраннаго имъ на Ростовскую каѳедру своего духовника, игумена Петровскаго ростовскаго монастыря Пахомія.

Очевидно, это-то и побудило великаго князя Юрія Всеволодовича назначить новаго епископа во Владиміръ, куда въ этомъ году поставленъ духовникъ его, игуменъ Рождественскаго во Владимірѣ монастыря Симонъ, съ титуломъ епископа Суздальскаго, Владимірскаго и Переяславльскаго [1]).

Можно сказать съ увѣренностію, что правило о поставленіи епископовъ, согласно кормчей и новеллѣ Юстиніана, было твердо усвоено потомствомъ Юрія Долгорукаго и примѣнялось ими не только во Владимірѣ и Новгородѣ, но и всюду, куда только простиралась ихъ власть.

Казалось бы, что начало XIII в. какъ разъ была эпоха, когда можно было бы возобновить и вопросъ о поставленіи митрополита по представленію князей. Греки въ это время были въ Никеѣ, изгнанные изъ Константинополя латинами. Сербы, воспользовавшись этимъ, получили не только автокефальнаго митрополита, но даже собственнаго патріарха, совершенно независимаго отъ византійскаго. Вѣроятно, греки въ эту пору были въ такомъ состояніи, что согласились бы и на просьбу русскихъ. Но этому мѣшало политическое положеніе Кіева. Кіевскій великій князь уже утрачивалъ значеніе распорядителя судебъ Руси, и все значеніе и центръ тяжести переходилъ въ сѣверную Русь Всеволода III и во Владиміръ, который становился, такимъ образомъ, новою столицею Руси. Въ Кіевѣ сидѣли посаженники другихъ князей, въ первую голову Всеволода, и, конечно, не имъ было пред-

---

[1]) Такимъ образомъ, строго говоря, нельзя сказать, чтобы Владимірская епархія выдѣлилась изъ Ростовской, а наоборотъ Ростовъ, получивъ своего постояннаго князя, въ то же время получилъ и постояннаго епископа, вмѣсто номинальнаго ростовскаго, который въ дѣйствительности жилъ во Владимірѣ. Съ 1215 года епископы Ростовскіе именовались уже ростовскими, Ярославскими и Углицкими.

лагать митрополита всея Руси. Но въ то же время Кіевъ еще и не настолько утратилъ свое значеніе, какъ церковный центръ, чтобы митрополитъ могъ его игнорировать, или перенести свой столъ въ другое мѣсто.

Припомнимъ, что даже при смерти Всеволода III Владиміръ не успѣлъ еще занять безусловно первое мѣсто даже на сѣверѣ, такъ что возможно было говорить о придачѣ Владиміра къ Ростову.

V.

Татарское нашествіе оказало весьма важное вліяніе и въ этомъ отношеніи: Кіевъ былъ разрушенъ и на этотъ разъ такъ, что никогда не могъ уже подняться до прежней высоты. Ему мѣшали въ этомъ случаѣ частію татары, отъ степей которыхъ Кіевъ былъ очень близокъ, частію дикіе литвины, которые все болѣе и болѣе обнаруживали вліяніе на западный и югозападный край. Черезъ сто лѣтъ послѣ татарскаго нашествія Григора говоритъ объ Кіевѣ и всей прилежащей мѣстности, какъ о скиѳской пустынѣ, благодаря постояннымъ набѣгамъ татаръ и литовцевъ. Митрополиту, по словамъ того же Григоры, приходилось искать новаго мѣста жительства. Тогда только значеніе Владиміра могло обнаружиться вполнѣ. Все это произошло уже въ XIV вѣкѣ. Но уже и тотчасъ послѣ нашествія татаръ Плано-Карпини нашелъ Кіевъ совершенно ничтожнымъ городкомъ, и, казалось бы, что онъ долженъ былъ подчиниться не разоренному въ то время Владиміру и сѣверной Руси, а сильному и близкому и къ Кіеву и къ Греціи Галичу. И дѣйствительно, на первое время галицкіе князья и начинаютъ оказывать вліяніе на Кіевъ въ дѣлѣ поставленія митрополитовъ.

Первымъ такимъ митрополитомъ былъ Кириллъ II, поставленный по рекомендаціи сильнаго Галицкаго князя Даніила и брата его Василька. Но едва ли въ немъ можно видѣть природнаго галичанина; судя по отношеніямъ его къ Святославу—Якову Болгарскому, онъ былъ скорѣе уроженецъ Болгаріи, который сумѣлъ войти въ милость Даніила, какъ впослѣдствіи другой болгаринъ, Кипріанъ Цамблакъ, достигъ митрополичьяго престола милостію мѣстнаго же князя

литовскаго, Ольгерда. Но кто бы ни былъ Кириллъ по своему происхожденію, близость его къ князю Даніилу возникла задолго до посвященія въ митрополиты русскіе.

Подъ 1241 годомъ (Ипат. 6749) лѣтопись упоминаетъ о печатникѣ, т. е. канцлерѣ великаго князя Даніила, Кириллѣ. Канцлерами обыкновенно бывали духовныя лица, нашъ же печатникъ и ведетъ себя, какъ подобаетъ духовному лицу. Подвергшись въ Бакотѣ нападенію со стороны Ростислава Михайловича и Болховскихъ князей, онъ сначала старается убѣдить ихъ краснорѣчивою рѣчью и только потомъ выводитъ противъ нихъ пѣхоту, т. е. даетъ имъ возможность уйти безъ кровопролитія. Находясь подъ Дядьковымъ съ тремя тысячами пѣхоты и тремя стами конницы, Кириллъ тоже не принимаетъ никакого непосредственнаго участія въ осадѣ города и военныхъ дѣйствіяхъ противъ него. Судя по тому, что онъ былъ посланъ въ Бакоту „исписати грабительство нечестивыхъ бояръ“, слѣдуетъ думать, что онъ не былъ родомъ изъ мѣстныхъ бояръ. Въ этомъ-то печатникѣ Кириллѣ естественнѣе всего и видѣть будущаго митрополита, ибо и на западѣ и у насъ бывали случаи возведенія канцлеровъ въ высшія духовныя степени. Предположенію этому мѣшаетъ лишь одно обстоятельство: Кириллъ, будучи митрополитомъ, не обнаруживалъ особенныхъ политическихъ дарованій, что являлось бы нѣсколько страннымъ для стараго печатника.

Подъ 1243 годомъ Ипатіевская лѣтопись говоритъ уже о Кириллѣ митрополитѣ (Ипат. 6751: Даніилъ... поима съ собою Кирила митрополита) но, по всей вѣроятности, мы имѣемъ въ немъ еще лишь будущаго или нареченнаго митрополита. Онъ былъ посвященъ лишь въ 1250 году, послѣ поѣздки Даніила Галицкаго къ Батыю. Такъ слѣдуетъ заключить не только изъ указаній прибавленія къ Ипатіевской лѣтописи 6758— „Въ сіе лѣто посвященъ бысть Кирилъ, митрополитъ Кіевскій, отъ патріарха Германа“ (смѣшеніе съ митрополитомъ Кирилломъ I), но и изъ весьма обстоятельнаго извѣстія Ипатіевской лѣтописи о поѣздкѣ

Кирилла на посвятку именно въ 1250 году. Лѣтописецъ сообщаетъ, что когда король Угорскій, Бела IV, испуганный тѣмъ, что Даніилъ былъ у Батыя и побѣдилъ Ростислава и его венгровъ, сталъ предлагать свою дочь въ жены сыну Даніилову Льву, то сначала Даніилъ и Василько отказывались вѣрить его словамъ, въ виду того, что и ранѣе король дѣлалъ то же предложеніе и нарушилъ свое слово. Тогда Бела обратился къ нареченному митрополиту Кириллу, проѣзжавшему въ Грецію на поставленіе, и послѣдній, потребовавъ отъ него клятвеннаго подтвержденія, что на этотъ разъ онъ не измѣнитъ своему слову, обѣщалъ ему устроить этотъ бракъ и дѣйствительно устроилъ въ томъ же году [1]).

Такимъ образомъ болѣе десяти лѣтъ Кіевъ оставался безъ митрополита. Чѣмъ объяснить такую продолжительную вакантность? Очевидно, греки не интересовались въ Никеѣ разгромленнымъ и разореннымъ Кіевомъ, который и черезъ пять лѣтъ послѣ разгрома представлялъ изъ себя жалкій городишко, находившійся въ управленіи даже не князя, а его боярина. Что же касается до Даніила, то онъ не былъ обладателемъ Кіева и до 1250 года старался вернуть себѣ его оружіемъ, для чего, между прочимъ, и велъ переговоры объ уніи. Только въ 1250 году онъ рѣшился отправиться къ хану и тогда только въ первый разъ прибылъ въ Кіевъ, „обдержащу Кыевъ Ярославу (читай:

---

[1]) Ипат. 6758. Въ то же лѣто присла король Угорьскый вицькаго, река „поіми дщерь ми за сына своего Лва“: б о я ш е б о с я е г о, я к о б ы л ъ бѣ в ъ Т а т а р ѣ х ъ, побѣдою побѣди Ростислава и Угры его. Помысливъ же си съ братомъ, глаголу его не уя вѣры· древле бо того измѣнилъ бѣ, обѣщавъ дати дщерь свою. Кирилъ бо митрополитъ идяше посланъ Даниломъ и Василкомъ на поставленіе митрополье Руской; бывшу же ему у короля, убѣди и король словесы многими, дары увѣщова, яко „проведу тя у Грькы съ великою честію, аще створить Данилъ со мною миръ“, онъ же рече· „клятвою клени ми ся, аще не премѣниши слова своего, азъ шедъ приведу и“; пришедъ же митрополитъ и рече ему· „хотѣніе твое у тебе есть, поіми дщерь его сыну си женѣ“. Василкови рекшу· „иди къ нему, яко крестьянъ есть.“ Оттуда же Данилъ пойде, поемъ сына своего Лва и митрополита, иде къ королеви во Изволинъ и поя дщерь его сыну си женѣ “.

Ярославичу) бояриномъ своимъ Ейковичемъ Дмитромъ". (Ипат. 6758).

Что происходившіе передъ тѣмъ переговоры объ уніи велись въ отсутствіе митрополита, т. е. въ періодъ вакантности митрополичьей каѳедры, ясно изъ сообщенія Плано-Карпини о ходѣ ихъ. Въ 1245 году посольство Иннокентія IV къ монгольскому хану, проходя черезъ Владиміръ, предложило князю Васильку и русскимъ епископамъ присоединиться къ латинской церкви; но они отвѣтили, что ничего не могутъ рѣшить безъ князя Даніила. Когда послы возвращались отъ хана, то Даніилъ, „собравъ епископовъ, игуменовъ, знатныхъ людей, съ общаго согласія объявили, что они намѣрены признать святого отца главою церкви". (Макарій V. 317). Полное молчаніе при всѣхъ этихъ извѣстіяхъ о митрополитѣ можетъ быть объяснено лишь вакантностію каѳедры.

Этимъ же, конечно, объясняются и тѣ интриги, какія вели нѣкоторые епископы, какъ, напримѣръ, галицкій и перемышльскій, противъ князя Даніила, интриги, едва ли мыслимыя при митрополитѣ, ставленникѣ Даніила, всюду сопровождавшемъ великаго князя.

Самые переговоры объ уніи должны были задержать дѣло поставленія кіевскаго митрополита, такъ какъ предполагалось, что въ случаѣ принятія уніи онъ будетъ поставленъ не константинопольскимъ патріархомъ, а папою римскимъ.. До перерыва переговоровъ въ 1248 году, естественно, не могло быть и рѣчи объ отсылкѣ Кирилла въ Грецію. Но и послѣ этого времени права Даніила на предложеніе кандидата въ митрополиты кіевскіе были сомнительны. Не знаемъ, думалъ ли Даніилъ получить, путемъ своей поѣздки, отъ Батыя и Кіевское княженіе, но во всякомъ случаѣ кіевскимъ княземъ и послѣ 1250 г. остался Александръ Невскій. Можно предположить одно изъ двухъ: или поставленіе Кирилла, по предложенію Даніила, было, такъ сказать, не въ примѣръ прочимъ и являлось лишь средствомъ отвлечь Даніила отъ предполагаемой уніи съ Римомъ, или и съ Кирилломъ произошло то же, что впослѣдствіи произошло съ однимъ изъ его преемниковъ, митр. Петромъ, который былъ поставленъ въ митрополиты

кіевскіе вопреки волѣ великаго князя Галицкаго, рекомендовавшаго его лишь въ митрополиты галицкіе. Мы полагали бы, что слѣдуетъ принять первое предположеніе. Галицкая митрополія учреждена была лишь въ началѣ XIV вѣка, угроза же принятія католицизма и впослѣдствіи заставляла грековъ итти на такія уступки, какихъ иначе они не сдѣлали бы. Поставленіе Кирилла и не послужило прецедентомъ на будущее время.

Тѣмъ замѣчательнѣе, что Кириллъ, не будучи сѣвяниномъ по происхожденію и всѣмъ обязанный князю Даніилу, не остается въ Малой Руси, а почти тотчасъ же по возвращеніи изъ Греціи отправляется на сѣверъ съ дочерью Даніила, невѣстою князя Андрея Ярославича, и остается тамъ.

По словамъ Никонов. 6758—„Того же лѣта пресвященный Кирилъ, митрополитъ Кіевскій и всеа Руси, иде изъ Кіева въ Черниговъ, таже пріиде въ Рязань, таже пріиде въ Суздалскую землю, и срѣтоша его князи и бояре съ великою честію“.

Очевидно, это не было какое-нибудь апостольское путешествіе, а простой проѣздъ во Владиміръ съ указанною выше цѣлью. На слѣдующій годъ Кириллъ, вмѣстѣ съ одноименнымъ епископомъ Кирилломъ, отправился въ Новгородъ, гдѣ проживалъ великій князь Александръ, и поставилъ новгородцамъ епископа Далмата. Александръ, конечно, не могъ удовлетвориться только княженіемъ Кіевскимъ [1]). Въ 1252 году онъ отправился въ Орду, Андрей Ярославовичъ былъ выгнанъ изъ Владиміра татарами, а Александръ признанъ великимъ княземъ Владимірскимъ „и посади его пресвященный Кирилъ митрополитъ на великомъ княженіи въ Володимерѣ, на столѣ отца его... съ пожалованіемъ царевымъ, и воздвиже церкви по плѣненіи Невруевѣ“. (Ник.) черезъ два года онъ сопровождалъ великаго князя Александра въ Новгородъ (6764. Новг. 1). Въ 1255 году онъ по-

---

[1]) Лавр 6757· „Тое же зимы пріѣха Олександръ и Андрѣй отъ Кановичь; и приказаша Олександрови Кыевъ и всю Русьскую землю, а Андрѣй сѣде въ Володимери на столѣ“.

гребалъ во Владимірѣ кн. Константина Углицкаго. Въ 1256 году Кириллъ опять сопровождалъ въ Новгородъ великаго князя Александра. Въ 1261 году съ его благословенія Александръ Невскій назначилъ помощникомъ епископу Ростовскому Кириллу архимандрита Игнатія. Въ 1262 году Кириллъ встрѣтилъ и отпѣлъ во Владимірѣ солнце земли Русскоії, Александра. Можно думать, что и всю свою жизнь Кириллъ провелъ около этого солнца во Владимірѣ, а иногда и сопровождалъ его въ его путешествіяхъ.

Кирилл поступалъ согласно грамотѣ патріарха Луки: не имѣя возможности поселиться въ разоренномъ Кіевѣ, онъ проживалъ при великомъ князѣ Кіевскомъ, какимъ былъ въ это время Александръ Невскій, и, можно сказать, всюду ѣздилъ за нимъ. Но была и болѣе серіозная причина бѣгства Кирилла изъ Галича и дружбы его съ Александромъ Невскимъ. Кириллъ нашелъ въ послѣднемъ, въ противоположность Даніилу, яраго противника католицизма и уніи. Кирилл собственно не былъ политикомъ. Устроенный имъ бракъ Льва Даниловича на дочери Белы Венгерскаго могъ только содѣйствовать тѣмъ уніональнымъ планамъ, къ какимъ и ранѣе склонялся неустоічивый въ этомъ отношеніи Даніилъ Галицкій. Послѣ этого брака переговоры объ уніи велись и въ отсутствіе Кирилла и закончились принятіемъ ея галичанами въ 1252 году.

Совершенно иное нашелъ Кириллъ въ Александрѣ Невскомъ. Онъ впервые встрѣтился съ нимъ въ 1251 году въ Новгородѣ, куда онъ пріѣхалъ на поставленіе Далмата. Въ это-то время и данъ былъ великимъ княземъ Александромъ Невскимъ знаменитый отвѣтъ на предложеніе принять католицизмъ, отвѣтъ, составленный, конечно, не безъ вѣдома митрополита. А именно, по словамъ Соф. I. 6759, великій князь Александръ, „сдумавъ съ мудреци своими“, отправилъ нанѣ хронографъ отъ Адама до Седьмого собора, заявивъ: „си вся съ вѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не пріимаемъ“. Ясно, что митрополиту, участвовавшему въ этомъ, былъ съ 1252 года закрытъ доступъ въ Галицію, гдѣ Даніилъ принялъ унію.

Да и личный характеръ Александра заставлялъ Кирилла предпочесть его Даніилу. Послѣдній былъ страшно властенъ по отношенію къ духовенству и, какъ можно видѣть изъ дѣла о введеніи уніи, держалъ его, что называется, въ черномъ тѣлѣ.

Когда папскіе послы возвращались отъ хана, то Даніилъ, „собравъ епископовъ, игуменовъ, знатныхъ людей, съ общаго согласія объявили, что они намѣрены признать святого отца главою церкви". Макарій (V. 317) пишетъ по этому поводу: „Весьма замѣчательно, что Даніилъ дѣйствовалъ здѣсь не отъ себя одного, а съ согласія и совѣта главнѣйшаго духовенства и бояръ. И потому если бы папа выполнилъ то, чего домогался отъ него нашъ князь, тогда настоящая попытка къ соединенію съ римскою церковью могла бы сопровождаться важными послѣдствіями". Мы лично очень въ этомъ сомнѣваемся. Изъ описанія всего этого мы можемъ заключить лишь одно, въ какомъ порабощеніи держалъ Даніилъ епископовъ. Епископы шли на унію, очевидно, противъ воли. Бросается въ глаза, что всѣ послѣдующіе переговоры ведутся исключительно отъ имени князя. Полную противоположность Даніилу и въ этомъ отношеніи представлялъ Александръ, котораго Кириллъ называлъ потомъ солнцемъ земли Русской. По словамъ лѣтописи, онъ „бѣ любя чинъ церковный—священники, митрополиты, епископы чтяше, яко самого Христа". Судя по этой характеристикѣ, представляющей буквальную выписку изъ посланія патріарха Луки великому князю Андрею, послѣднее нашло въ сѣверной Руси того времени благопріятную почву. Вѣроятно, будущій знаменитый внукъ Невскаго, Калита, удивлявшій своимъ почтеніемъ къ митрополиту даже грековъ, походилъ и въ этомъ отношеніи на своего дѣда и слѣдовалъ его политикѣ, которую оставили было неспособные сыновья Невскаго.

Повидимому Кириллъ не такъ скоро оставилъ насиженное мѣсто и послѣ смерти Александра и продолжалъ жить во Владимірѣ и при братѣ его Ярославѣ Ярославовичѣ. Такъ слѣдуетъ думать по тому, какъ скоро по просьбѣ Ярослава Ярославича пришли въ 1270 году грамоты Кирилла въ Новгородъ. Нельзя

не принимать во вниманіе, что въ 1263 году и въ слѣдующихъ годахъ въ Литвѣ происходили большія смуты, которыя не могли не отражаться на южной Руси и на Кіевѣ. Уже по этому одному Кіевъ не могъ быть особенно спокойнымъ мѣстопребываніемъ для митрополита. Надо думать поэтому, что переселеніе митр. Кирилла въ Кіевъ воспослѣдовало лишь послѣ смерти князя Ярослава Ярославича († 1271 г.). Съ этого времени Кириллъ, если и пріѣзжаетъ въ Суздальскую землю, то уже въ качествѣ гостя и не на долгое время.

Передъ 1273 годомъ онъ несомнѣнно былъ уже въ Кіевѣ, гдѣ и рѣшилъ водвориться. Ибо въ 1273 году онъ привезъ съ собою во Владиміръ Печерскаго арх. Серапіона, котораго и поставилъ, очевидно, безъ всякаго участія князя „епископомъ Володимерю, и Суздалю и Новугороду Нижнему“, какъ пишетъ лѣтопись. Это указываетъ на намѣреніе Кирилла поселиться въ Кіевѣ навсегда. И дѣйствительно избранный новгородцами въ томъ же 1276 году Климентъ ѣздилъ на посвященіе къ митрополиту уже въ Кіевъ, а не во Владиміръ. Повидимому Кириллъ тамъ и остался. По крайней мѣрѣ въ 1278 году его во Владимірѣ не было, какъ видно изъ исторіи отлученія Глѣба Ростовскаго Игнатіемъ. Въ 1280 году мы находимъ его опять во Владимірѣ, гдѣ онъ покрываетъ соборную церковь. Во время объѣзда онъ и умеръ въ Переяславлѣ 7 декабря 1280 г., „ту сущу князю великому Дмитрію Александровичю“. (Воскр. 6788). Для погребенія тѣло его было отвезено въ Кіевъ, что показываетъ, что Кіевъ въ это время былъ постояннымъ мѣстопребываніемъ митрополита.

Полную характеристику Кириллу дать не такъ легко. Отвѣтъ Невскаго папскимъ посламъ по его формѣ и содержанію не показываетъ въ Кириллѣ особенно просвѣщеннаго человѣка: повидимому, выражаясь по современному, это былъ скорѣе простой начетчикъ. Еще въ большей степени это ясно изъ вопросовъ Ѳеогноста, епископа Сарскаго, патріаршему синоду, данныхъ въ 1276 году 12 авг. не безъ вѣдома, если не по порученію и митрополита Кирилла. Изъ нихъ

ясно, что вопрошатели были очень слабыми знатоками каноновъ. Они сомнѣвались между прочимъ въ слѣдующемъ: можетъ ли (вопр. 15) епископъ, постригшійся въ схиму въ болѣзни и потомъ выздоровѣвшій, оставаться по прежнему епископомъ? Можно ли брату крестившаго жениться на теткѣ или двоюродной сестрѣ крещеннаго? (вопр. 39) Можетъ ли продолжать служеніе *священникъ, убившій на рати человѣка?* (вопр. 31). Какъ крестить несторіанъ и яковитовъ? (вопр. 22). Нужно ли переносить съ мѣста на мѣсто освященную трапезу? (вопр. 21). Всѣ эти вопросы частію слишкомъ элементарны, частію таковы, что отвѣты на нихъ легко могли бы быть найдены Кирилломъ въ Сербской кормчей, если бы онъ далъ себѣ трудъ хорошенько съ ней познакомиться. Очевидно, что Кирилла интересовала, какъ и другихъ русскихъ того времени, преимущественно обрядовая сторона православія.

Но дѣло характеристики Кирилла затрудняется вопросомъ объ отношеніи его, къ такъ называемой кидемоніальной теоріи. Кидемоніальная теорія находитъ свое полное выраженіе лишь въ грамотахъ патріарховъ второй половины XIV вѣка; но ясно, что она должна была пройти длинную исторію, пока получилась въ такомъ развитомъ видѣ. Теорія попеченія о всѣхъ (κηδεμονία πάντων) въ краткихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Патріархъ (подразумѣвается — константинопольскій) есть преемникъ апостола (не апостоловъ, а именно — апостола). Ему поэтому исключительно и принадлежитъ апостольское дѣло, т. е. проповѣдь евангелія во всей вселенной и всѣмъ христіанамъ, гдѣ бы они ни жили. Патріархъ обращается въ такого же универсальнаго епископа, какимъ былъ папа на западѣ. Но такъ какъ патріархъ фактически не можетъ поспѣвать самъ всюду и вездѣ, то онъ, въ виду этой фактической невозможности, и только ради ея, принужденъ передавать свои права другимъ лицамъ, дѣйствующимъ исключительно по делегаціи отъ него, а не по собственному праву. Ими являются прежде всего митрополиты. Патріаршая область дѣлится въ цѣляхъ апостольства на опредѣленныя территоріальныя области, митрополитанскія провинціи, во главѣ которыхъ стоятъ

митрополиты на правахъ патріаршихъ уполномоченныхъ, со всѣми его правами для данной мѣстности. А такъ какъ и митрополитъ не можетъ осуществлять свои апостольскія права всюду и вездѣ, даже и въ предѣлахъ митрополитанской провинціи, то послѣдняя, въ свою очередь, дѣлится тоже на территоріальные округа, во главѣ которыхъ стоятъ епископы на правахъ митрополичьихъ делегатовъ, но въ то же время со всѣми его правами.

Легко видѣть западное происхожденіе этой теоріи. Достаточно указать на то, что она говоритъ не объ апостолахъ, какъ равныхъ между собою, а объ одномъ изъ апостоловъ, очевидно, Петрѣ, а по восточнымъ представленіямъ. какъ выдающемся изъ всѣхъ и обладающемъ особыми правами всемірнаго учительства. Легко увидѣть, что это „попеченіе о всѣхъ“ представляетъ изъ себя сколокъ съ западной Solicitudo omnium, принадлежащей римскому папѣ, и что даже терминъ (κηδημονία πάντων) является не чѣмъ инымъ, какъ греческимъ переводомъ этого латинскаго термина.

Насъ не должна изумлять ни возможность подобнаго заимствованія ни самый фактъ его. Возможность заимствованія solicitudo omnium въ качествѣ теоретическаго построенія, въ отвлеченномъ видѣ объясняется тѣмъ, что политика константинопольскихъ патріарховъ относительно папъ двоилась: они, хотя и протестовали противъ притязаній папъ на всемірную власть, но въ то же время твердо держались принципа, что епископъ Новаго Рима долженъ пользоваться тѣми же правами, что и епископъ стараго Рима, каковы бы они ни были. Этимъ они ставились въ необходимость примѣнять на востокѣ тѣ же самыя права папы, которыя были предметомъ ихъ протеста, и самый протестъ при такихъ условіяхъ становился не столько протестомъ противъ самыхъ правъ, сколько именно противъ осуществленія ихъ на востокѣ папою. Правда, въ своихъ товарищахъ, восточныхъ патріархахъ, константинопольскій патріархъ не встрѣчалъ той готовности къ подчиненію, какая наблюдалась по отношенію къ папѣ со стороны западныхъ епископовъ. Но и восточные патріархи, если по временамъ и давали отпоръ

константинопольскому, то отпоръ этотъ опять-таки былъ на практикѣ направленъ не столько противъ этихъ правъ по существу, сколько противъ примѣненія ихъ константинопольскимъ патріархомъ за предѣлами своего патріархата; что же касается до внутреннихъ отношеній этого патріархата, то они въ нихъ не вмѣшивались.

Этимъ и объясняется та легкость, съ какою усвоено было на востокѣ подложное дареніе Константина Великаго папѣ Сильвестру. Знаменитый Вальсамонъ не только не сомнѣвается въ его подлинности, но и видитъ въ немъ основаніе правъ не только константинопольскаго патріарха, но и клириковъ и чиновъ патріархіи. Признаніе правильности и основательности Константинова даренія являлось уже и признаніемъ въ теоріи кидемоніальныхъ правъ патріарха надъ всѣмъ востокомъ, какъ папа былъ владыкою запада. Но наибольшее значеніе должна была получить эта теорія кидемоніи въ эпоху, когда папа, именно ссылаясь на свое право попеченія о всѣхъ, захватилъ и Константинополь. Послѣ этого притязать на такое попеченіе о всѣхъ въ предѣлахъ Константинопольскаго патріархата, по крайней мѣрѣ, являлось для патріарха Новаго Рима простымъ актомъ самозащиты.

Весь вопросъ въ томъ, была ли для этого права практическая почва на востокѣ? На этотъ вопросъ нужно отвѣтить и да и нѣтъ. Для большинства восточныхъ митрополитовъ эта теорія и осталась простою теоріею, такъ какъ они не имѣли подъ собою простыхъ епископовъ, которымъ бы они могли субделегировать ихъ права, даже если бы они этого желали. Она даже не могла особенно и возмущать ихъ, такъ какъ она совершенно уничтожала и возможность появленія самостоятельныхъ, въ прежнемъ смыслѣ слова, епископовъ въ предѣлахъ ихъ митрополій, и слѣдовательно, косвенно усиливала ихъ власть. Что же касается до невыгодныхъ для нихъ выводовъ изъ этой теоріи, то они фактически на нихъ не распространялись. Традиціи въ этомъ отношеніи оказывались сильнѣе теоріи. Къ тому же всѣ патріаршія права могли осуществляться патріархомъ лишь въ синодѣ, соста-

вленномъ изъ тѣхъ же митрополитовъ, которые такимъ образомъ имѣли полную возможность отклонить всякое нарушеніе ихъ традиціонныхъ правъ, если бы оно проистекало изъ одной только теоріи.

Въ иномъ положеніи находилась Россія. Нельзя не обратить вниманія на то, что тогда какъ западный оригиналъ попеченія о всѣхъ приводилъ къ упроченію независимости епископовъ отъ митрополитовъ, восточная копія приводила какъ разъ къ обратному результату—къ полному подчиненію епископовъ митрополиту. Уже поэтому одному русскій митрополитъ долженъ былъ настаивать на этой теоріи. У него было много дѣйствительныхъ епископовъ, подчиненіе которыхъ лучше всего обезпечивалось теоріею, признававшею въ нихъ простыхъ его делегатовъ, тѣмъ болѣе, что эти епископы, поставлявшіеся, какъ мы видѣли, князьями, сплошь и рядомъ находили въ своихъ благодѣтеляхъ большую поддержку противъ митрополита, чѣмъ бы слѣдовало. Въ то же самое время эта теорія, ставившая митрополита въ зависимость только отъ далекаго патріарха и императора, наилучше обезпечивала ему независимость отъ мѣстныхъ князей, которыхъ нельзя было подчасъ назвать инымъ именемъ, какъ варвары. Припомнимъ исторію Герасима Смоленскаго, поставленнаго въ митрополиты Свидригайломъ, и сожженнаго, немного времени спустя, имъ же, и мы тогда поймемъ, какъ важна была эта независимость митрополита. Проведеніе теоріи кидемоніи во всей строгости по отношенію къ Россіи входило и въ интересы византійской власти. Не слѣдуетъ забывать, что разгромъ Россіи татарами грозилъ уничтожить ту связь, какая существовала у нея съ Византіею, и единственнымъ представителемъ этой связи и проводникомъ идеи всемірной власти императора являлся именно митрополитъ изъ Византіи, и въ XIII вѣкѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Но не легко отвѣтить на вопросъ, былъ ли уже митр. Кириллъ такимъ кидемономъ. Теорія о русскомъ митрополитѣ, какъ объ общемъ попечителѣ надъ всею Русью, требовала логически постоянныхъ разъѣздовъ митрополита по всей Руси, въ цѣляхъ проповѣданія

евангелія. Никоновская лѣтопись и видитъ въ митр. Кириллѣ и его разъѣздахъ свидѣтельство именно о такой апостольской дѣятельности митр. Кирилла.

Никон. 6788. „Того же лѣта пресвященный Кирилъ, митрополитъ Кіевскій и всеа Руси, изыде изъ Кіева по обычаю своему, и прохожаше грады всеа Руси учяше, наказуаше, исправляше; прінде же и въ Суздалскую землю".

Но съ такимъ отзывомъ трудно согласиться безъ оговорокъ. Во-первыхъ самый этотъ отзывъ о хожденіи, по обычаю, по всей Русской землѣ несомнѣнно заимствованъ Никоновскимъ лѣтописцемъ изъ житія св. Петра и является, какъ увидимъ, шаблоннымъ по отношенію ко всѣмъ митрополитамъ. Во-вторыхъ, ясно изъ самаго перечня поѣздокъ митр. Кирилла, что онѣ были результатомъ простой необходимости искать пристанища и покровителя. Учительство при этомъ отнюдь не являлось главною цѣлью. Но есть, дѣйствительно, одна сторона въ дѣятельности Кирилла, которая можетъ получить объясненіе наилучшее изъ кидемоніальной теоріи: это — отношеніе его къ Владимірской каѳедрѣ.

Кириллъ проживалъ по преимуществу во Владимірѣ. Послѣ смерти Митрофана Владимірскаго, убитаго татарами въ 1237 г., каѳедра Владимірская оставалась вдовствующею. Повидимому, ею управлялъ ближайшій епископъ, Кириллъ Ростовскій, но и онъ не жилъ во Владимірѣ, а въ Ростовѣ, какъ это и полагалось по канонамъ[1]).

Съ пріѣздомъ на Суздальскую землю осенью 6758 года (Лавр., вѣроятно, мартовское лѣтосчисленіе), въ качествѣ мѣстнаго епископа дѣйствовалъ митрополитъ Кириллъ, но не потому, чтобы онъ былъ епископомъ владимірскимъ, а просто потому, что каѳедра Владимірская во время своего вдовства и подлежала управленію митрополита.

---

[1]) Такъ когда въ 1218 году былъ убитъ Михаило Ярославичъ литовцами, то Кириллъ Ростовскій взялъ тѣло его и „привезоша и въ Володимерь". Въ 1219 году, при смерти во Владимірѣ князя Владимира Константиновича, епископа Кирилла тамъ не было, и онъ похоронилъ покойнаго „въ Углечѣ полѣ".

Но въ 1273 году Кириллъ поставилъ во Владиміръ епископа Серапіона, по всей вѣроятности, безъ всякихъ сношеній съ мѣстнымъ княземъ [1]). Серапіонъ пробылъ на каѳедрѣ недолго и умеръ въ слѣдующемъ году, когда великій князь Василій Ярославичъ ходилъ въ Орду. Въ 1276 году поставленъ былъ новый епископъ Володимірскій, правда въ Кіевѣ, но изъ игуменовъ Константино-Еленинскаго монастыря, слѣдовательно, по указанію великаго князя [2]).

Владиміръ еще не успѣлъ сдѣлаться тою митрополичьею епархіею, какою онъ былъ впослѣдствіи. Тѣмъ замѣчательнѣе, что, явившись въ 1280 году во Владиміръ, Кириллъ митрополитъ распоряжался тамъ, какъ хозяинъ, несмотря на то, что епископъ Ѳеодоръ былъ въ живыхъ.

Въ этомъ слѣдуетъ видѣть одинъ изъ выводовъ кидемоніальной теоріи. Если власть поручается епископу митрополитомъ лишь потому, что митрополитъ самъ не можетъ присутствовать въ данномъ мѣстѣ, то совершенно ясно, что въ случаѣ пріѣзда митрополита власть и юрисдикція епископа тѣмъ самымъ пріостанавливается и переходитъ, или вѣрнѣе возвращается, къ митрополиту. Мы имѣемъ то явленіе, которое легло въ основу извѣстнаго мѣсячнаго суда митрополичьяго [3]).

---

[1]) Воскр. 6782. „Того же лѣта приде изъ Кіева митрополитъ Кирилъ, и приведе съ собою архимандрита Печерьскаго Серапіона, и постави его епископомъ Володимерю, и Суздалю и Новугороду Нижнему.“

[2]) Воскр. 6784 „Поставленъ бысть Ѳеодоръ, игуменъ святаго Костянтина и Елены, епископомъ Володимерю и Суздалю. Того же лѣта князь великій Василій пріиде изъ Татаръ Того же лѣта поставленъ бысть Новугороду архіепископъ Климентъ, и приде изъ Кіева въ въ свою епископью августа 2“.

[3]) Въ половинѣ XII вѣка этотъ институтъ былъ еще совершенно непзвѣстенъ греческому праву, хотя и примѣнялся въ странахъ обладанія крестоносцевъ на основаніи западнаго феодальнаго права.

Такъ Киннама, разсказывая о пребываніи въ Антіохіи Манупла Комнена, замѣчаетъ, что царь пробылъ тамъ восемь дней, и что „антіохійцы выражали ему такую преданность, что когда онъ былъ во дворцѣ Ренальда, всѣ тяжущіеся судились не у своихъ единоплеменниковъ, а у римлянъ.“ Изъ того, что Киннама удивляется такому явленію, видно, что это былъ вовсе не римскій и не византійскій обычай

Въ отношеніяхъ Кирилла къ Владиміру и можно видѣть первые слѣды примѣненія кидемоніальной теоріи. Можно далѣе указать и на то, что въ посланіи къ новгородцамъ 1270 г. митр. Кириллъ смотритъ на себя, какъ на общаго епископа для всей митрополіи. Но отнюдь нельзя признать, чтобы митрополитъ Кириллъ проводилъ эту теорію со всею послѣдовательностію или тою энергіею, которой характеризуется въ этомъ отношеніи дѣятельность митрополита Петра. Кидемоніальная теорія исключала возможность братскихъ отношеній между митрополитомъ и епископомъ; это могли быть лишь отношенія отца къ сыну. Кириллъ, въ этомъ отношеніи, находился на полдорогѣ: онъ обращается къ провинившемуся епископу Игнатію со словами—„брате и сыну“ [1]).

Митрополитъ Кириллъ не былъ политикомъ. и когда онъ и принужденъ былъ вмѣшиваться въ поли-

---

изъ того же, что въ Антіохіи въ это время дѣйствовало феодальное право и она была предоставлена Ренальду на правахъ ленника, можно напередъ сказать, что мы имѣемъ дѣло съ феодальнымъ правомъ. Такъ оно въ дѣйствительности и есть

По замѣчанію Кароля дю Фресне, къ этому мѣсту Киннамы мы узнаемъ, что „пока Мануилъ пребывалъ въ Антіохіи, право суда, принадлежавшее антіохійскому князю, прекращалось и переходило къ Мануилу, какъ къ лицу съ высшею властію“. Это дѣлалось по силѣ закона феодальныхъ европейскихъ обществъ.

Speculum Saxonicum L. 3 artic. 60 in quamcunque civitatem imperii rex devenerit, ibi telonia vacabunt sibi et monetae, quacum que etiam provinciam seu territorium intraverit, judicium illius sibi vacabit, et ei licebit judicare omnes causas, quae eorum judicio non fuerant inceptae aut finitae.

Посему, какъ скоро въ какой-нибудь городъ вступалъ феодальный правитель, тотчасъ же на главной городской башнѣ поднималось его знамя, а знамя его вассала было спускаемо - въ знакъ того, что reddibilia et juabilia теперь переходили къ первому. Такимъ образомъ по саксонскому зерцалу къ сюзерену переходилъ судъ лишь по тѣмъ дѣламъ, которыя еще не были начаты на судѣ вассала и, понятно, и тѣ, которыя еще не были имъ окончены, пересуживать суда не допускалось.

[1]) Воскр. 6788 „.. брате и сыну возлюбленне“ Помѣщеніе этихъ словъ въ позднѣйшей Воскресенской лѣтописи скорѣе доказываетъ ихъ подлинность. Никоновская лѣтопись замѣтила неудобство такого обращенія и замѣняетъ слова „брате и сыну“ словомъ „чадо“.

тику, то дѣлалъ это исключительно въ видахъ человѣколюбія и отнюдь не прибѣгалъ къ тому страшному оружію, какимъ было въ рукахъ митрополита Петра отлученіе и интердиктъ.

Въ 1270 году новгородцы, разссорившіеся съ Ярославомъ, гнали его изъ Новгорода, несмотря на всѣ обѣщанія съ его стороны и на предложенное имъ поручительство митрополита. Хотя это являлось прямымъ оскорбленіемъ по адресу Кирилла, онъ, по просьбѣ Ярослава, писалъ новгородцамъ только слѣдующее. „Мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русьской земли и *вамъ* послушати Бога и мене митрополита; и вы крови не проливайте; а князь Ярославъ всего лишается (отказывается), а язъ за то поручаюся; аже будете и крестъ цѣловали, а *язъ за то пріиму отпимію* и отвѣщаю предъ Богомъ». (Соф. I. 6778).

Митрополитъ стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія своихъ предшественниковъ и даже не грозитъ отлученіемъ. Но во всякомъ случаѣ Кириллъ уже не былъ и тѣмъ первымъ между равными, какимъ иногда готовы считать митрополита въ его отношеніяхъ къ епископамъ. Это обстоятельство отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ вида при обсужденіи знаменитаго собора во Владимірѣ для поставленія Серапіона Владимірскаго 6782 г. Такъ какъ 21 октября 1273 года скончался Далматъ Новгородскій, одинъ изъ участниковъ этого собора, то его слѣдуетъ отнести къ сентябрю 1273 г., дата, которая подтверждается и другими соображеніями.

Новг. I. 6782. „Преставися архіепископъ Далъматъ Новогородскый, мѣсяца октября въ 21, въ субботу 1 часъ нощи, а заутра въ недѣлю погребенъ бысть честно“.

Собору этому приписывается не только изданіе знаменитыхъ правилъ, но и принятіе Сербской кормчей книги. Все это, однако, требуетъ значительныхъ оговорокъ. Соборъ былъ созванъ не для этого, а для поставленія Серапіона Владимірскаго. И изданіе правилъ и принятіе кормчей являлось побочными дѣлами собора. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ же сами современники вовсе не придавали Владимірскому собору такого важнаго значенія, какое склонны придавать ему въ наше время. Правила приписываются, и совершенно

справедливо, не собору, а самому митрополиту Кириллу. Это ясно и изъ заголовка правилъ. „Правило Кюрила, митрополита роуськаго, съшьдъшихся епископъ: Далмата Нооугородьского, Игнатья Ростовьского, Феогноста Переяславьского, Симеона Полотьскаго, на поставление епископа Серапиона Володимирскаго".

Далѣе ни составъ членовъ собора, ни содержаніе правилъ не даетъ основанія приписывать собору какую-нибудь особую роль въ изданіи ихъ.

По составу своему Владимірскій соборъ не отличался ничѣмъ отъ другихъ такихъ же соборовъ для посвященія епископовъ. Въ немъ участвовали, кромѣ митр. Кирилла, еще совершенно зависимый отъ него Ѳеогностъ Переяславскій и Сарайскій, представлявшій изъ себя что-то въ родѣ викарія Кирилла, и Симеонъ Полоцкій. Изъ сѣверныхъ же епископовъ были лишь Игнатій Ростовскій да Далматъ Новгородскій. Послѣдній, какъ увидимъ, скорѣе случайно и во всякомъ случаѣ полуневольно. Кромѣ этихъ лицъ, конечно, какъ и на другихъ подобныхъ соборахъ на Руси, присутствовали и лица не епископскаго сана, но въ опредѣленіи собора они не упоминаются при перечнѣ его членовъ. О присутствіи ихъ можно лишь догадываться изъ словъ Кирилла: „Нынѣ же азъ помыслихъ съ святымь съборомь *и съ преподобными епископы* нѣкако о церковьныхъ вещехъ испытание извѣстьно творити", если только не видѣть и въ этихъ словахъ простого плеоназма и тавтологіи.

Мы знаемъ изъ другихъ примѣровъ, какъ мало значили въ дѣйствительности епископы при назначеніи новыхъ епископовъ, которое фактически находилось въ рукахъ митрополита, тогда какъ избраніе епископовъ епископами, какое мы находимъ въ уставахъ и чинахъ поставленія епископовъ, въ дѣйствительности, оставалось лишь въ видѣ ритуальнаго акта въ родѣ „аксіосъ" со стороны народа. Кириллъ уже и привезъ изъ Кіева архимандрита Серапіона для поставленія въ епископы Владимірскіе и Суздальскіе, и казалось бы, что собору слѣдовало сначала заняться этимъ дѣломъ, а затѣмъ уже, при участіи и новаго епископа, разобрать и остальныя. Произошло какъ

разъ наоборотъ. Вѣроятно, въ посвященіи Сераіона произошла какая-то заминка, и потому оно было отложено до предварительнаго выясненія нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, которые и послужили предметомъ разсмотрѣнія собора „Нынѣ же“, пишетъ Кириллъ, „азъ помыслихъ съ святымь съборомь и съ преподобными епископы нѣкако о церковьныхъ вещехъ испытанне извѣстьно творити“.

И дѣйствительно на первомъ мѣстѣ въ правилахъ Владимірскаго собора мы находимъ преюдиціальный для посвященія вопросъ о ставленическихъ пошлинахъ, благодаря которымъ, лѣтопись разсматриваетъ поставленіе безъ участія князя, какъ поставленіе на мздѣ и въ которыхъ очень многіе, и въ то время и впослѣдствіи, впдѣли чистую симонію. Всѣ остальныя правила являются лишь дополненіемъ къ нему, касаются второстепенныхъ, вопросовъ, сравнительно и притомъ вовсе не требовали ни соборнаго обсужденія ни какой-нибудь особой редакціи Кормчей[1]).

Вся суть постановленій Владимірскаго собора 1274 г. заключалась именно въ 1-мъ его правилѣ, гласящемъ о симоніи и ставленическихъ пошлинахъ. Оно направлено къ тому, чтобы доказать, что ставленическія пошлины не составляютъ симоніи:

„Приде бо въ слухи наша“, такъ начинается правило: „яко нѣцыи отъ братія нашея дьрзноуша продати священый санъ, и причитати я къ церквамъ, и

---

[1]) Прав 2-е воспрещаетъ смѣшивать миро съ масломъ и помазывать этою смѣсью все тѣло крещаемаго (ссылка на Лаод. 47 и огласительныя слова Кирилла Іерус.), равно какъ воспрещается совершать крещеніе черезъ обливаніе.

Прав. 3-е воспрещаетъ бои дреколіемъ на пирахъ 4-е воспрещаетъ новгородскій обычай, по которому діаконы вынимали агнецъ и проскурмисали ранѣе священниковъ (ссылка на 55 пр собора во Фругіи и 18 Ник.). 5-е воспрещаетъ новгородскій же повидимому обычай священниковъ упиваться отъ святыя недѣли вербныя до всѣхъ святыхъ. 6-е—освященіе кутьи мірянами (ссылка на Ник. 18 и толкованіе на 15-е Лаод.), 7-е осуждаетъ новгородскій же обычай водить невѣстъ по водѣ, 8-е—безобразія и развратъ въ пасхальную ночь. 9-е воспрещаетъ писать кресты на землѣ и на водѣ для освященія.

взимати отъ нихъ нѣкыя оурокы глаголемыя". Доказывая цѣлымъ рядомъ правилъ и текстовъ св. Писанія непродаемость благодати и изложивъ всѣ требованія, какимъ должны удовлетворять кандидаты на священство, правило заключается слѣдующимъ постановленіемъ. „Не взимати же у нихъ ничтоже, *развѣ якоже азъ уставихъ въ митрополіи,* да будетъ се во всѣхъ епископіяхъ: да возьмутъ клирошане ѕ гривенъ отъ поповьства и діаконьства отъ обоего. Аще ли кто по уставѣ нашемъ боле сего емля отъ діакона, ли отъ попа. или отъ игумена, или отъ проскурницѣ и отъ нищихъ, насилье дѣюще, или на жатву, или сѣнасѣчи, или провозъ дѣяти, или иная нѣкая сборное емлюще, или намѣстьники поставляюще на мьздѣ, или десятиньника, или егда божественыя соборы собирая, тогда нѣкако сбираніе сбираютъ отъ властель церковьныхъ, или скарѣднаго дѣля прибытка отлучаютъ нѣкыя отъ церкве, не Божія дѣля закона, но своего ради прибытка, или угодья нѣкоего дѣля, таковыя отлучаемъ". Мы тщетно искали бы источника этого опредѣленія въ Сербской кормчей. Это новелла Исаакія Комнена, въ ней не находящаяся.

Кѣмъ же былъ возбужденъ этотъ вопросъ, и кто это „нѣціи отъ братія нашея", о которыхъ идетъ рѣчь? Дать хотя бы только вѣроятное рѣшеніе этихъ вопросовъ можно лишь путемъ разсмотрѣнія правилъ въ ихъ совокупности.

Разсматривая ихъ, мы видимъ, что нѣкоторыя правила: 4-е, 5-е, 6-е и 7-е прямо говорятъ, что они направлены противъ новгородскихъ обычаевъ. Съ большою вѣроятностію можно предположить то же самое о правилѣ 8-мъ, находящемся въ связи съ правиломъ 7-мъ и пр. 2-мъ. Послѣднее особенно замѣчательно, какъ образчикъ того, къ какимъ недоразумѣніямъ могъ приводить текстъ Ярославовой кормчей. 48-й канонъ Лаодикійскаго собора въ ней гласилъ. „Яко подобаетъ просвѣщеныя по крещеніи мазати мастію небесною, и причастникомъ быти царствія Христова". И вотъ, не понявъ, что здѣсь идетъ рѣчь о таинствѣ миропомазанія, русскіе не довольствовались имъ, а кромѣ того составляли смѣси изъ мира и елея и мазали ею

новокрещеннаго съ головы до ногъ. Митр. Кириллъ воспрещаетъ такую практику, доказывая, на основаніи текста Сербской кормчей: „Подобаетъ просвѣщающимся святымъ крещеніемъ *въ* крещеніи *миромъ* мазатися, мастію небесною, и причастникомъ быти царьствія Христова", что здѣсь идетъ рѣчь именно о мипропомазаніи. Но именно новгородцы съ особымъ упорствомъ держались за текстъ Ярославовой кормчей, и слѣдовательно у нихъ же всего легче могло возникнуть и такое недоразумѣніе. Вторая часть правила, воспрещающая крещеніе черезъ обливаніе, еще прямѣе указываетъ на Новгородъ. Въ немъ одномъ изъ сѣверныхъ областей могла возникнуть такая практика, подъ вліяніемъ сосѣдства и постоянныхъ сношеній съ католиками. Наконецъ и правило 3-е, воспрещающее бои на пирахъ, несомнѣно касалось и Новгорода, гдѣ подобные бои тоже были весьма обычны и въ качествѣ пережитка сохранились до самаго послѣдняго времени.

Разъ всѣ правила, начиная со второго, направлены противъ новгородскихъ непорядковъ, то естественно предположить такое же происхожденіе и за первымъ правиломъ. Въ такомъ случаѣ оно вызвано жалобами новгородскаго приходскаго духовенства на злоупотребленія архіерейскою властію. И изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что органы архіерейскаго управленія въ Новгородѣ допускали злоупотребленія, до симоніи включительно, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Жалобы на это были постоянными и во Псковѣ и въ Новгородѣ и послѣ Владимірскаго собора.

На Владимірскомъ соборѣ 1273 года обнаруживаются первые признаки того движенія, которое впослѣдствіи получило названіе стригольническаго. Въ Новгородѣ была для него особенно благопріятная почва, хотя, какъ увидимъ, самый этотъ вопросъ и былъ общерусскимъ. Во-первыхъ въ Новгородѣ духовенство было объединено довольно сильнымъ корпоративнымъ строемъ и, уже по этому одному, было болѣе способно ко всякаго рода протестамъ; во-вторыхъ благопріятную почву для нихъ давали политическія условія Новгорода той эпохи.

Въ Новгородѣ въ это время особенно обостряются отношенія между „молодшими“ и лучшими людьми до такой степени, что бывали минуты, когда противники готовы были перебить другъ друга, а единичныя политическія убійства были не рѣдкимъ явленіемъ. Строго говоря, это не была борьба политическихъ партій, а просто фактъ, которымъ пользовались и князья и новгородскіе бояре, примыкая къ той или другой сторонѣ въ своихъ личныхъ интересахъ. Такъ было уже при Александрѣ и Ярославѣ; по смерти же Ярослава въ 1271 году обстоятельства оказались очень благопріятными для расширенія новгородскихъ вольностей. Завидный Новгородскій столъ сдѣлался предметомъ борьбы двухъ князей: Димитрія Александровича, на сторонѣ котораго стоялъ посадникъ Павша, и Василія Ярославича, на сторонѣ котораго находился посадникъ Мишиничъ. Уже Ярославъ цѣловалъ крестъ на всей волѣ новгородской, теперь же соперничавшіе князья не щадили обѣщаній, и вопросъ о томъ, кому быть княземъ, рѣшенъ былъ на вѣчѣ, на Ярославовомъ дворищѣ, въ присутствіи пословъ обѣихъ сторонъ: „Новгородци же съ посадникомъ Павшею яшася по Димитрія, и послаша по него“. Зная тотъ авторитетъ, какимъ пользовался въ Новгородѣ Далматъ архіепископъ и принимая во вниманіе его близость къ Павшѣ, мы можемъ сказать съ полною почти увѣренностію, что на сторонѣ Димитрія стоялъ не только Павша, но и Далматъ.

Димитрій однако оказался не въ силахъ защитить Новгородъ отъ мести Василія Ярославича. Послѣ того какъ тверяки разорили Торжокъ, Волокъ, Нѣжичи и Вологду, а главное, потому, что Василій не пропускалъ въ Новгородъ хлѣба, который оттого сильно поднялся въ цѣнѣ, „взмятошася люди въсхотѣша Василіа“. Бояре принуждены были уступить. Димитрій „соступися, Новгородскаго стола“ своею волею, и это послужило сигналомъ къ разгрому его партіи: Павша былъ лишенъ посадничества и бѣжалъ въ Кострому, а посадникомъ былъ выбранъ Михайло Мишиничъ. „И оттолѣ идоша къ Василію и поклонишася, и даша посадничьство Михайлѣ Мишиничю, и посла-

ша по Василіа, и цѣловаша на Тържку образъ господень, яко всѣмъ единакымъ быти съ посадникомъ Михаиломъ, сѣде Василій Ярославичь въ Новѣгородѣ на столѣ“ (Новг. I. 6781). Владыка Далматъ, сторонникъ Павши, былъ, надо думать, противъ князя Василія и Мишинича съ его „людіями“, послѣдніе же не особенно довѣряли прочности ихъ побѣды надъ боярами. И, дѣйствительно, невзирая на клятву въ Торжкѣ, Михаилъ Мишиничъ недолго удержался на посадничествѣ. „Того же лѣта отъяша посадничьство у Михаила, и даша опять Павшѣ, съ Костромы приведши“.

Естественно, что демократическая партія за этотъ краткій періодъ должна была попытаться уничтожить такую поддержку, какую находилъ Павша въ Далматѣ; Далматъ былъ обвиненъ передъ митр. Кирилломъ въ симоніи.

Димитрій Александровичъ пріѣхалъ въ Новгородъ на столъ 9 октября 1271 года (6780). Въ слѣдующемъ 1272—1273 году происходилъ неудачный походъ Димитрія на Торжокъ, кончившійся бунтомъ меньшихъ людей и признаніемъ Василія Ярославича, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣною Павши Мишиничемъ. Такимъ образомъ новое призваніе Павши, падающее на тотъ же годъ, должно быть отнесено къ времени до 1 сентября 1273 года. Надо думать, что митрополитъ Кириллъ, получивъ обвиненія противъ Далмата въ это время краткосрочнаго господства Мишинича и „молодшихъ“ людей, и вызвалъ послѣдняго во Владиміръ къ своему пріѣзду туда осенью 1273 года.

Только тѣмъ, что Далматъ долженъ былъ явиться на судъ митрополита въ качествѣ обвиняемаго, и возможно объяснить фактъ нахожденія его на Владимірскомъ соборѣ 1273 года. Онъ былъ уже и не такого возраста и не такого здоровья, чтобы пускаться въ дальній и неудобный путь изъ Новгорода въ Владиміръ, да и вообще новгородскіе владыки неохотно оставляли Новгородъ для поѣздокъ къ митрополиту. Престарѣлый Далматъ при нормальныхъ условіяхъ имѣлъ даже полное право не являться на митрополичій соборъ; но дѣло мѣнялось, разъ онъ вызывался по обвиненію, которое могло грозить ему лишеніемъ сана.

Для него эта поѣздка, можетъ быть, стоила жизни: онъ умеръ 21 октября 1273 года, почти тотчасъ же по возвращеніи изъ Владиміра. Передъ смертью Далмата Павша и бояре принесли обиженному старцу торжественное извиненіе въ формѣ предложенія ему назначить своего преемника по каѳедрѣ; но тѣмъ не менѣе и новгородское духовенство добилось на соборѣ 1273 года отъ архіепископа важныхъ уступокъ, какія мы и находимъ въ первомъ правилѣ митрополита Кирилла. Имъ уничтожены произвольные поборы со стороны архіепископа съ церковныхъ людей, подобно тому, какъ это сдѣлано было ранѣе по отношенію къ князю; опредѣлены точные размѣры ставленическихъ пошлинъ и тотъ цензъ, какому долженъ былъ удовлетворять ставленикъ, въ видахъ уничтоженія произвола органовъ архіепископской администраціи. Наконецъ духовенство косвенно добилось и признанія его корпоративнаго строя опредѣленіемъ, что ставленикъ долженъ имѣть за себя поручительство по меньшей мѣрѣ семи поповъ, кромѣ прочихъ свидѣтелей: „да кто свободенъ будетъ отъ всѣхъ спхъ впнъ порученіемъ отца духовнаго, понеже и *поручатся семь попъ инѣхъ* съ прочими добрами свидѣтелями, да поставятъ“.

Правило митрополита Кирилла, вызванное чисто новгородскими дѣлами и, строго говоря, основанное, если отбросить первое правило, цѣликомъ на Кормчей, и не могло никого интересовать, кромѣ новгородцевъ. Но и тамъ единственно оригинальное правило-первое-не удержалось даже до конца новгородской самостоятельности. Его сохранилось даже въ новгородскихъ кормчихъ XVI вѣка, но не въ силу самостоятельной новгородской „цензуры“, а просто потому, что оно было отмѣнено сначала митрополитомъ Фотіемъ, а затѣмъ Василіемъ Ивановичемъ [1]).

---

[1]) Фотій въ своемъ посланіи къ псковичамъ требуетъ отъ кандидата на священство уже не свидѣтельства непремѣнно семи поповъ, а просто свидѣтельства семи добрыхъ людей. Но то же потомъ наблюдаемъ и въ Новгородѣ. Такъ и въ требникѣ митр. Макарія 1504 года л 626 об. (Солов. № 1085) говорится только о семи свидѣтеляхъ при посвященіи въ попы, а вовсе не требуется, чтобы это были семь по-

При Василіи же Ивановичѣ совершенно запрещены были самыя ставленическія пошлины, [1]) которыя Фотій оставилъ въ томъ же размѣрѣ, какъ въ правилѣ Кирилла, лишь замѣнивъ устарѣлый счетъ на гривны новымъ счетомъ на рубли и алтыны [2]).

Но если таково было отношеніе собора къ изданію правила митрополита Кирилла, то еще съ большею осторожностію слѣдуетъ говорить о принятіи соборомъ Сербской кормчей.

Кормчая получена *была* отъ деспота Болгарскаго Іакова Святослава въ царствованіе царя Константина. Но точная дата ея полученія спорна: большинство указываетъ на 1262 годъ, (Розенкампфъ 57) но, кажется, слѣ-

---

повъ. И дѣйствительно послѣднее требованіе правила митрополита Кирилла было рискованное Оно обращало духовенство въ замкнутую касту, что было несогласно и съ закономъ Юстиніана. Весьма возможно, что оно вышло изъ употребленія еще задолго до Фотія.

[1]) Стоглавъ гл. 79 изд. Кожанчикова стр. 241.

[2]) Митрополитъ Кириллъ перевелъ слово „иперпира“ Исаакіева закона черезъ „гривна“. и, если считать здѣсь гривну сребра, то такой переводъ слѣдуетъ признать, приблизительно, правильнымъ. По изслѣдованію г. Трутовскаго (Извѣстія археологическаго съѣзда въ Новгородѣ, стр 149) „ногата“ равнялась приблизительно 32 долямъ серебра, что даетъ для гривны кунъ 640 долей, а считая гривну сребра въ 4 гривны кунъ, получаемъ для гривны сребра 2560 долей, т. е. соотвѣтствуетъ по содержанію серебра современнымъ 5 руб. 32 коп., что составляетъ даже нѣсколько менѣе византійской иперпиры въ 3 руб. 85 коп. золотомъ, или, что то же, 5 руб. 75 коп. серебромъ. Приблизительно такъ же опредѣляетъ и Фотій три златницы—въ полтора рубля съ алтыномъ. Стоглавъ стоялъ на сторонѣ ставленическихъ пошлинъ, невзирая на то, что на бумагѣ онѣ отмѣнены были уже при Василіи Ивановичѣ, и тѣмъ не менѣе и онъ не ссылается на правило митрополита Кирилла, а только на слѣдующіе источники о проторѣхъ на поставленіе діакона и попа, посланіе отъ патріарха Цареградскаго Филоѳея, послано на Русь съ Діонисіемъ еп. Суждальскимъ (гл. 77), о томъ же благочестиваго царя Юстиніана (гл. 78) и, наконецъ, о поставленіи и о проторѣхъ отъ посланія Фотія митрополита Кіевскаго и всея Руси во Псковъ (гл. 79).

Такое умолчаніе относительно правила митрополита Кирилла тѣмъ замѣчательнѣе, что Стоглавъ находился несомнѣнно подъ рѣшительнымъ вліяніемъ Софійской кормчей, откуда и заимствованы имъ многія изъ указаній на грамоты русскихъ іерарховъ Если бы это правило Кирилла не утратило своей силы и въ самомъ Новгородѣ, то о такомъ умолчаніи не могло бы быть и рѣчи.

дуетъ согласиться съ мнѣніемъ митрополита Макарія, который стоитъ за 1270 годъ. (Макарій. Исторія Рус. Церкви IV. 12. V. 2)[1]).

Дата эта въ кормчей Новгородской Софійской 1552 года и кормчей Солодчинскаго монастыря указана такъ:

Написанаж бысть сїа Зонара в лѣто ,ѕ҃ѱѳи ендї҃ во дни ѳговѣрнаго ц҃ра Константїна прѣдержащя столъ Болгарскій, велѣніемъ и по ц҃ѣнѣ великаго г҃дина Іакова Стослава (Святиславa) деспотѣ Болгаро҃ (Болъгарѣскаго).

Весь вопросъ въ томъ, считать ли „И“ за число индикта или относить его къ цифрѣ года, т. е. читать ли въ лѣто 6770—8 индикта или же въ лѣто 6778 индикта... Послѣднее чтеніе слѣдуетъ предпочесть уже потому, что 6770 годъ соотвѣтствовалъ не восьмому, а пятому индикту, и что слѣдовало бы ожидать „въ лѣто 6770 индикта 8“, ибо разъ цифра лѣтъ поставлена послѣ слова „въ лѣто“, то и „и“, цифру индикта, слѣдовало бы поставить послѣ слова „ендих“. Если же читать цифру года 6778, то и это будетъ совершенно соотвѣтствовать историческимъ даннымъ. Константинъ Азанъ Техъ занималъ Болгарскій престолъ съ 1258 по 1277 годъ, про Іакова же Святослава лишь въ 1265 году извѣстно, что онъ былъ уже деспотомъ Болгаріи, признаннымъ[2]) въ этомъ достоинствѣ византійскимъ императоромъ. Переписка кормчей начата была 10 ноября и окончена 7 января, что соотвѣтствуетъ 1270 году при сентябрьскомъ счисленіи и 1271 году при мартовскомъ счисленіи.

1271 годъ предпочтителенъ и по другимъ соображеніямъ. Если принимать 1263 или даже и 1262 г.,

---

[1]) Не имѣемъ возможности судить о Кормчей, вывезенной съ востока Михаловичемъ и хранящейся въ Загребѣ, написанной, по словамъ Срезневскаго, въ 1263 году. (Срезневскій, Обозрѣніе древне-русскихъ списковъ Кормчей книги стр. 59) но, судя по этой замѣткѣ, это экземпляръ подобно Кирилловскому, списанный съ того же сербскаго оригинала, какъ и Кирилловская, и потому безразличный для обсужденія вопроса о послѣдней

[2]) Розенкампфъ. Обозрѣніе Кормчей книги стр. 57.

то оказывается, что митр. Кириллъ почти цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ держалъ полученную имъ кормчую подъ спудомъ.

Такое поведеніе было бы въ высшей степени странно въ виду той цѣли, какую преслѣдовалъ Кириллъ II. О ней мы узнаемъ изъ отвѣтнаго письма деспота Іакова Святослава, при которомъ онъ препроводилъ написанную по его заказу Кормчую. „Пріявъ язъ писаніе святого ти владычьства, благодарихъ святуюти молитву, преосвященный архіепископе всея Русскія земля благодержавнаго рода моего... пишу тебѣ, возлюбленный Богомъ архіепископе Кирилле, протоѳроню, да се словомъ твоимъ *вселенная* Руская просвѣтитъ“ и продолжаетъ: „а писаніемъ сію Зонару да ся нигдѣ не препишетъ, понежъ *тако подобно есть сей Зонарь во всякомъ царствѣ единой бытии* на соборе, якожъ святіи отцы уставима и предаша намъ; того ради попросихъ отъ патріарха и припустихъ за спочившихъ родителей моихъ“ и т. д.

Такое поученіе со стороны мірянина Іакова своему духовному отцу, да еще архіепископу, о значеніи и обязательности пересылаемой имъ Кормчей книги было бы болѣе чѣмъ странно, если бы принадлежало дѣйствительно Іакову Святославу. Но, по всей вѣроятности, Драгославъ, писавшій по порученію Іакова Святослава, лишь неумѣло передаетъ содержаніе письма самого м. Кирилла, желавшаго получить отъ Святослава именно такую кормчую, какую можно было бы сдѣлать обязательною для всей Россіи.

Было бы непонятно, почему м. Кириллъ, получивъ желанную кормчую въ 1262 году, медлилъ ея обнародованіемъ до 1273 г., имѣя полную возможность обнародовать ее и раньше, напр. на соборѣ по поводу поставленія Ѳеогноста еп. Переяславскаго и Сарайскаго въ 6777 году, ничѣмъ отличавшемся отъ Владимірскаго собора 1273 г.

Но если и предположить, что кормчая получена въ 1270 году и что соборъ 1273 года былъ первый, которому она могла быть предложена, то и въ этомъ случаѣ нужно быть очень осторожнымъ при оцѣнкѣ

дѣятельности собора и значенія его въ этомъ отношеніи. Было время, когда слова Кирилла объ облакѣ мудрости греческаго языка, омрачавшемъ правила, понимались такъ, будто бы до 1273 года вовсе не было въ Россіи славянскихъ переводовъ кормчей книги. Предполагая, что соборъ одобрилъ первый славянскій переводъ кормчей, естественно придавали Владимірскому собору чрезвычайное значеніе. Но мы знаемъ, что всѣ эти предположенія неправильны. Переводы и кормчія были на Руси и ранѣе, да и самыя слова объ облакѣ мудрости греческаго языка собственно принадлежать не Кириллу, а запмствованы имъ буквально изъ предисловія Саввы Сербскаго къ его переводу кормчей, гдѣ они просто означаютъ, что переведена кормчая съ толкованіями. При такихъ условіяхъ, даже если и предполагать рецепцію этой кормчей со стороны Владимірскаго собора, то все-таки значеніе его окажется не въ примѣръ болѣе скромнымъ, чѣмъ при первомъ предположеніи.

Но большой еще вопросъ, можно ли говорить о рецепціи въ собственномъ смыслѣ слова со стороны нашего собора. Во-первыхъ право греко-римское было для русскихъ не чужое въ глазахъ церкви, а свое, какъ общее право ромеевъ. Во-вторыхъ никакой русскій сборникъ такого права не могъ быть признанъ за исчерпывающій, такъ какъ въ принципѣ всѣ законы греко-римскихъ императоровъ были обязательны для Россіи съ момента изданія ихъ въ Константинополѣ. Поэтому русскія кормчія могли только служить пособіемъ для ознакомленія съ греческимъ правомъ, но не исключать греческій подлинникъ. Кириллъ такъ и смотрѣлъ. Онъ нисколько не задумался примѣнить къ Россіи законъ Исаакія Комнена, не находившійся въ Сербской кормчей. Самое же указаніе на преимущество Сербской кормчей вызвано, по всей вѣроятности, вопросомъ о крещеніи, разобранномъ во 2-мъ правилѣ Владимірскаго собора, который въ Сербской кормчей дѣйствительно, какъ мы видѣли, изложенъ яснѣе, чѣмъ въ Русской.

И въ вопросѣ объ ознакомленіи съ содержаніемъ церковныхъ правилъ, роль собора должна была быть

скорѣе страдательная, чѣмъ дѣятельная, особенно съ точки зрѣнія кидемоніальной теоріи. Самъ соборъ митрополитанскій никогда и въ Греціи не бывалъ органомъ законодательнымъ; ознакомленіе же съ правилами входило въ обязанность учительства, слѣдовательно, съ точки зрѣнія кидемоніальной теоріи, должно было принадлежать исключительно митрополиту. И опять— таки м. Кириллъ смотрѣлъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнія. Онъ отнюдь не предлагалъ собору разсмотрѣніе вопроса о томъ, принимать или не принимать Сербскую кормчую, а просто указалъ на нее, какъ на лучшую, не для обсужденія, а къ свѣдѣнію и исполненію, выражаясь канцелярскимъ языкомъ. Кириллъ указываетъ на обязанность „святительскыя чести къ всѣмъ опаснѣ пріимшимъ чистительство съ всяцѣмъ храненіемъ опасно блюсти святыхъ правилъ“ и заявляетъ, что онъ видѣлъ и слышалъ о множествѣ безпорядковъ по различнымъ причинамъ, въ томъ числѣ и отъ неразумныхъ правилъ церковныхъ, и продолжаетъ выдержкою изъ Сербской кормчей: „Помрачены бо бѣахоу преже сего облакомь моудрости елиньскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша и благодатью Божіею ясно сіяють, невѣденія тьмоу отгоняще и все просвѣщающе свѣтъмь разоумнымъ и отъ грѣхъ избавляюще“. Тотчасъ же находимъ и предписаніе: „Тѣмь иже невѣдѣніемь прочее Богъ да съхранить насъ, а грѣхъ да простить, а о прочихъ святыхъ правилъ да просвѣтить ны Богъ и вразоумить ны, да никакоже престоупающе отечьскыя заповѣди, горе наслѣдоуемъ“.

Наконецъ, какъ увидимъ, соборъ не имѣлъ особаго значенія и въ дѣлѣ распространенія списковъ Сербской кормчей. Даже Новгородскій архіепископъ Далматъ не счелъ себя обязаннымъ пріобрѣсти этотъ списокъ, да и ближайшіе помощники Кирилла, какъ Ѳеогностъ Сарайскій, и въ 1276 году обнаружили въ своихъ вопросахъ патріаршему собору довольно слабое знакомство съ Сербскою кормчею, о чемъ намъ приходилось уже говорить выше. Уже и то обстоятельство, что Кириллъ усиленно рекомендовалъ свою кормчую и приводилъ доводы въ ея пользу, показываетъ, что русскіе дорожили Ярославовою кормчею и не желали ее мѣнять.

Митр. Кириллу II, первому изъ русскихъ митрополитовъ, пришлось имѣть дѣло съ татарскими ханами, и къ его эпохѣ и относится первый изъ дошедшихъ до насъ ярлыковъ, т. е. привилегій новыхъ господъ Руси, данныхъ ими православному духовенству. Это такъ называемый ярлыкъ Менгу-Темира [1]).

Ярлыкъ этотъ является однако древнѣйшимъ только по отношенію къ другимъ дошедшимъ до насъ ярлыкамъ. По формѣ своей онъ является приказомъ органамъ ханской администраціи не нарушать привилегій, принадлежащихъ православному духовенству.

„Вышняго Бога силою, вышняя Троица волею, Менгутемирево слово. Люцкимъ баскакомъ, и полочнымъ княземъ, и къ данщикомъ, и къ писцемъ, и къ мимоездящимъ, и къ сакольникомъ, и къ пардусникомъ".

Эти законы далѣе и приводятся въ хронологическомъ порядкѣ ихъ изданія. Таковы: 1) Общій коротенькій законъ объ иммунитетѣ духовенства Чингизъ ханасдѣланный Чингизомъ обязательнымъ и для его преемниковъ, и представлявшій своего рода конституціонный законъ Орды.

„Чингисъ царь, потомъ будетъ, дань или кормъ, ать не займуютъ ихъ, да правымъ сердцемъ Богу за насъ и за племя наше молитца и благословляютъ насъ".

2) *Законодательство предшественниковъ Менгу Темира,* представляющее разъясненіе этого закона Чингиза въ примѣненіи его къ мѣстнымъ русскимъ условіямъ, въ смыслѣ освобожденія духовенства и церковныхъ земель отъ податей и повинностей. „Тако молвя, и *послѣдніи цари* по тому же пути пожаловали поповъ и черньцевъ: дань ли, или иное что будетъ, тамга поплужьное, или подвода, или кормъ, кто ни будетъ, да не просятъ, ямъ, война, тамга не даютъ; или церковная земля, вода, огороди, мельници, зимовища, лѣтовища, да не займуютъ ихъ, а яже будутъ поимали, да воздадутъ назадъ".

---

[1]) Григорьевъ. О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ Ярлыкъ этотъ подобно, большинству другихъ ярлыковъ, сохранился въ двухъ редакціяхъ Мы приводимъ его по редакціи Львовской лѣтописи, какъ первоначальной.

3). Разъясненіе, (Менгу—Темира?), что запрещеніе ханскимъ чиновникамъ останавливаться на постой, касается не только домовъ духовенства, но и православныхъ церквей, что имъ воспрещается уничтожать церковныя книги или утварь, а также хулить христіанскую вѣру подъ страхомъ смертной казни.

„А что церковное мастери, сокольници, пардусници, что ни будеть, да ни заимуть ихъ, ни емлють, ни издеруть, ни погубять ихъ. А хто иметь вѣру ихъ хулити, той человѣкъ извенитца и умреть“ [1]).

4) Опредѣленіе состава иммунизированной поповской семьи. Иммунитетъ распространялся лишь на самихъ поповъ и ихъ неотдѣленныхъ членовъ семейства.

„Попове, единъ хлѣбъ ядуще, во единомъ домѣ живуще, у кого братъ ли, сынъ ли, и тѣмъ по тому же пути пожалованіе, аже будуть отъ нихъ не выступилися; будуть же выступилися, дань ли, или иное что, дати имъ“. Этимъ заключалась та грамота Менгу Тимпра, которую онъ самъ называетъ первою. Въ разсматриваемомъ же нами ярлыкѣ Менгу уже нѣсколько ограничиваетъ иммунитетъ духовенства а, именно.

5) Онъ воспрещаетъ искусственное увеличеніе поповской семьи путемъ пріймачества въ цѣляхъ распространенія иммунитета на пріймаковъ.

„А попове отъ насъ пожалованы по первой грамотѣ, Бога моляще и благословляющи насъ. А иже неправымъ сердцемъ о насъ молитпся Богу, тотъ грѣхъ на васъ будеть. Тако молвя, аже кто не попъ будеть,

---

[1]) Возможно, что это предписаніе было вызвано событіями 1262 г. въ Ростовской и Суздальской волости, гдѣ противъ татаръ поднялось возстаніе изъ—за того, что магометанинъ Кутлубій, если самъ и не ругался надъ христіанствомъ, то позволялъ это отступнику, магометанину Зосимѣ.

Лавр. 6770. „Томъ же лѣтѣ убиша Изосиму... конечное же отвержеся Христа и бысть бесурменинъ, вступивъ въ прелесть лжаго пророка Махмеда; бѣ бо тогда Титямъ пріѣхалъ отъ царя Татарьского, именемъ Кутлубій, золъ сый бесурменинъ, того поспѣхомъ оканный лишеникъ творяше хрестьяномъ велику досаду, кресту и святымъ церквамъ поругаяся“. Все это было вызвано масульманскимъ фанатизмомъ, котораго Менгу Темиръ, какъ не магометанинъ, не могъ одобрить.

и иные люди иметь пріимати, хотя Богови молитися, что въ томъ будемъ. Тако молвя, сему митрополиту грамоту дали есмя сію".

6) Наконецъ, слѣдуетъ послѣдняя часть ярлыка, по нашему мнѣнію наиболѣе важная для опредѣленія истиннаго его характера.

„Тако молвя, сему митрополиту грамоту дали есмя сію. Видяще и слышаще, отъ поповъ и отъ черньцевъ ни дани, ни иного чего не хотять, ни возьмуть баскацп, княжіи писцп; а возьмуть, и они по велей язве изменятца и умруть. И тако молвя, заячьего лѣта осеннего, перваго мѣсяца въ 4".

По словамъ Григорьева (стр. 93), заячье лѣто въ царствованіе Менгу-Темира падаетъ на 1267 и 1279 годы. Между ними и слѣдуетъ выбирать. Григорьевъ предпочитаетъ первую дату, полагая, что ярлыкъ данъ Менгу-Темиромъ, по всеи вѣроятности, по случаю восшествія его на престолъ въ 1266 или 1267 году. „Почему издатели Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ полагаютъ, что онъ изданъ между 1270 и 1276 годомъ,—мы не знаемъ". (Григорьевъ 85).

Мы полагали бы, что слѣдуетъ предпочесть 1279 г. Ярлыкъ находится въ ясной связи со вторымъ числомъ, которое происходило въ 1275 году и представляетъ по своему содержанію инструкцію хана тѣмъ баскакамъ нашимъ и княжимъ писцамъ, о которыхъ говорится въ немъ, и былъ вызванъ, какъ совершенно ясно изъ заключенія, злоупотребленіями этихъ писцовъ. Это не болѣе какъ справка о существующихъ на этотъ счетъ узаконеніяхъ, выданная по просьбѣ митрополита. Этимъ. можетъ быть, объясняется и самая безыменность ярлыка,

Наши историки полагаютъ, что мптр. Кириллъ даже не ходилъ за этимъ ярлыкомъ въ Орду самъ (до такой, слѣдовательно, степени права его были несомнѣнны), а поручилъ исхлопотаніе ярлыка одному изъ своихъ епископовъ, т. е. или Сарайскому епископу Ѳеогносту, какъ полагаетъ Григорьевъ (Ярлыки. 85), или же одному изъ ростовскихъ владыкъ, какъ полагаетъ Макарій. (Исторія IV. 12) „Кириллъ могъ получать ярлыки черезъ епископовъ ростовскихъ" сперва черезъ Кирилла, два раза бывшаго въ Ордѣ у

предшественника Менгу-Темирова Берке (1257—66), о чемъ говорится въ рукописномъ житіи Ордынскаго царевича Петра, и потомъ черезъ Игнатія, который также двукратно ходилъ въ Орду, въ послѣдній разъ въ 1290 году, по выраженію лѣтописца вообще "за причетъ церковный".

Изъ того содержанія ярлыка, о которомъ намъ приходилось говорить, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, предположить, что дѣйствительно Кириллъ не ѣздилъ за нимъ въ Орду. Онъ вовсе не такъ милостивъ по отношенію къ церкви, чтобы было вѣроятно предположеніе, что онъ данъ былъ митрополиту, пріѣхавшему въ Орду. Но съ другой стороны и предположеніе Макарія о ростовскихъ владыкахъ, какъ посредникахъ при этомъ исхлопотаніи ярлыка, кажется намъ едва ли пріемлемымъ. Что же касается до поѣздокъ епископовъ Ростовскихъ, Кирилла и Игнатія, то онѣ повидимому были вызваны чисто мѣстными причинами, да къ тому же и самыя отношенія ихъ къ митрополиту были вовсе не такъ близки, чтобы предполагать возможность какихъ-то особо отвѣтственныхъ порученій съ его стороны.

Епископъ Кириллъ, судя по содержанію ярлыка, какъ оно приведено въ житіи Ордынскаго царевича Петра, искалъ въ Ордѣ защиты отъ обидъ русскихъ мѣстныхъ князей.

Надо думать, что и поѣздки въ Орду Игнатія были вызваны тоже обидами со стороны мѣстныхъ князей. Вѣроятно, за захватъ церковнаго имущества, можетъ быть, вопреки ханскому ярлыку, Игнатій и лишилъ церковнаго погребенія князя Глѣба Васильковича Ростовскаго, приблизительно въ 1279 году [1]), черезъ 9 недѣль послѣ его смерти, приказавъ вырыть его изъ соборныя церкви, за что и подвергся отлученію со стороны митрополита. Такъ какъ все это происходило въ самый годъ путешествія еп. Игнатія

---

[1]) Троицкая лѣтопись П. С. Л. I. 227: „Ходи Игнатій епископъ второе въ Орду за причетъ церковный. Того же лѣта Кирилъ митрополитъ, по оклеветанью, разгнѣвася на епископа Игнатья, и разсмотривъ паки благослови его".

въ Орду, то трудно предположить порученіе ему со стороны митр. Кирилла [1]).

Съ 1261 года въ Сараѣ былъ свой особый епископъ [2]) или, вѣрнѣе, епископъ Переяславскій былъ перемѣщенъ въ Сарай. Онъ и былъ естественнымъ представителемъ митрополита при ханскомъ дворѣ. Да и не одного только митрополита, и не при одномъ ханскомъ дворѣ. Преемникъ еп. Митрофана въ Сараѣ съ 1270 года, еп. Ѳеогностъ, былъ въ превосходныхъ отношеніяхъ съ ханомъ, являлся постояннымъ делегатомъ митрополита въ сношеніяхъ съ Константино-

---

[1]) Вообще же у ростовскихъ владыкъ было въ обычаѣ жаловаться на своихъ князей хану.

Никон. 6801 (1294): „Идоша во Орду ко царю князи Русьстіи жаловатися на великого князя Дмитрея Александровичя Владимерскаго... князь Андрѣй Александровичь Городецкій, князь Дмитрей Борисовичь Ростовскій, да братъ его князь Констянтинъ Борисовичь Углечскій, да князь Михайло Глѣбовичь Городецкій, да.... князь Ѳеодоръ Ростиславичь Ярославскій и Смоленскій, да князь Иванъ Дмитреевичь Ростовскаго, да епископъ Тарасій Ростовскій". Троицкая 6801. „Поидоша вси князи въ орду, и владыка Тарасій" съ ними.

Въ результатѣ этихъ жалобъ былъ походъ на Владиміръ. „Рать же Татарская, со княземъ Андрѣемъ Городецкимъ и со княземъ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ пришедше, взяша Владимеръ, и церковь Володимерскую разграбиша, и чюдное дно мѣдяное выдраша, и сосуды священныя вся поимаша".

Разоривъ еще 11 городовъ, рать пошла на Тверь, затѣмъ на Новгородъ и вернулась, лишь взявъ большой „окупъ" съ новгородцевъ. Участіе владыки въ разграбленіи каѳедральной митрополичьей церкви князьями, во всякомъ случаѣ, замѣчательно.

Намъ еще не разъ придется встрѣчаться съ тѣмъ фактомъ, что русскіе князья были противниками привилегій, предоставляемыхъ православному духовенству татарами.

Житіе царевича Петра Ордынскаго (Прав. Соб. 1859 I. ч. стр. 363) „И прія престолъ святый владыка Игнатей въ лѣто 6750 мѣсяца сентября въ 19 день (т. е. въ 1251 году), при князѣ Борисѣ Васильковичѣ Ростовстемъ и нача церковь крыти оловомъ, а дно мостити мрамором, храмъ святыа Богородици ростовскыя, въ орду ходяще емля оброкы царскыа".

[2]) Лавр. 6770. „Того же лѣта постави митрополитъ епископа Митрофана Сараю".

полемъ, а въ 1279 году ѣздилъ туда въ третій разъ и въ качествѣ *представителя хана* Менгу Темира [1]).

Естественно было при этомъ хану и митрополиту предварительно разрѣшить и возникшія недоразумѣнія съ княжими писцами, и столь же естественно предположить, что эти недоразумѣнія рѣшены были при посредствѣ ихъ общаго агента, Ѳеогноста Сарайскаго.

Для исторіи отношеній между церковью и государствомъ въ Россіи нашъ ярлыкъ важенъ, какъ доказательство существовавшаго съ самаго начала невмѣшательства монголо-татарскихъ хановъ въ церковныя дѣла. Ярлыкъ этотъ, какъ и всѣ другіе подлинные ярлыки, относится къ разряду иммунитетныхъ, а не инвеститурныхъ ярлыковъ. И съ самаго начала, какъ и впослѣдствіи, татары не вмѣшивались въ дѣло назначенія митрополита и не присваивали себѣ права утвержденія назначеннаго въ Константинополѣ или гдѣ бы то ни было митрополита. Съ этой стороны русская церковь была свободною: ея глава, митрополитъ, получалъ юрисдикцію въ силу самаго факта поставленія, а не въ силу пожалованія со стороны хана.

---

[1]) Никон. 6787. Того же лѣта прииде Феогностъ, епископъ Сарайскый, в т р е т і и изъ Греческіа земли, изо Царяграда; *посылалъ убо его Кирилъ митрополитъ ... и царь Ординскій Менгу Темирь* къ патріарху и къ царю Михаилу Палеологу Греческому, отъ пресвященнаго Кирила митрополита грамоты и отъ царя Менгу Темиря грамоты, и поминки отъ обою".

VI.

По смерти Кирилла II (7 дек. 1280), новый митрополитъ, грекъ Максимъ, назначенъ былъ только въ 1283 году, уже при новомъ императорѣ, Андроникѣ II. Царствованіе этого государя оставило глубокіе слѣды въ исторіи восточной и, въ особенности, русской церкви.

Во-первыхъ, не позднѣе какъ къ его времени слѣдуетъ отнести окончательное усвоеніе константинопольскими патріархами правъ попеченія о всѣхъ—теоріи, какъ мы уже сказали, заимствованной съ запада. Отецъ Андроника, Михаилъ Палеологъ, добился такъ называемой Ліонской уніи 1274 года, въ силу которой папская кидемонія была признана и на востокѣ. Андроникъ началъ съ того, что допустилъ лишить своего отца христіанскаго погребенія за эту унію, и унія сама собою прекратилась.

Но это не значило, что идея необходимости органа попеченія о всѣхъ тоже исчезла. Совершенно напротивъ: согласно основному правилу, что на патріарха Новаго Рима должны быть переносимы на востокѣ всѣ тѣ права, которыя на западѣ принадлежатъ епископу стараго Рима, уничтоженіе на востокѣ попеченія о всѣхъ папы означало только переносъ его правъ надъ востокомъ на константинопольскаго патріарха, ибо самое существованіе этихъ правъ у папы на западѣ было внѣ сомнѣнія. Разрывъ съ папою послѣ Ліонской уніи только усиливалъ значеніе константинопольскаго патріарха, какъ единственнаго органа кидемоніи, и торжество кидемоніальной теоріи должно быть отнесено ко времени не позднѣе митр. Максима.

Относительно его наиболѣе подробныя свѣдѣнія даетъ, конечно, Никоновская лѣтопись. Она содержитъ слѣдующее. Подъ въ 6791 г. „Поставленъ бысть

на Кіевъ и на всю Русь Максимъ митрополитъ, Гречинъ, патріархомъ Цареградцкымъ... Того же лѣта пріиде изъ Грекъ, изо Царяграда, на Кіевъ и на всю Русскую землю пресвященный Максимъ митрополитъ, родомъ Гречинъ... Того же лѣта ходиша во Орду къ царю пресвященный Максимъ, митр. Кіевскій и всеа Русіи, того же лѣта и пріиде изо Орды на Русь". Подъ 6792 г. „Позвани быша епископи вси Русскіа въ Кіевъ къ Максиму, митрополиту Кіевскому и всеа Русіи". Подъ 6793. „Того же лѣта пресвященный Максимъ, митрополитъ... по обычаю своему хожаше по всей земли Русстей, учяше и наказуаше, *управляше*. Таже пріиде въ Новъгородъ, и срѣте его князь Дмитрей Александровичь съ великою честію. Потомъ же бывшу ему и во *Псковѣ, и тамо даша ему велію честь*".

Послѣднее сообщеніе въ литературномъ отношеніи заимствовано изъ житія митр. Петра, такъ же, какъ и извѣстіе о поѣздкахъ митр. Кирилла, о которомъ намъ приходилось говорить уже ранѣе: тѣ же стереотипныя фразы, доходящія до тожества. Лѣтописецъ самъ выдаетъ свой источникъ, не приводя этой фразы именно относительно митрополита Петра, въ характеристикѣ его дѣятельности, по тому, вѣроятно, соображенію, что эта характеристика въ тѣхъ же словахъ уже дана была въ житіи м. Петра, помѣщенномъ въ лѣтописи, и повторять ее было бы излишне.

Но по существу дѣла извѣстіе о Максимѣ подтверждается изъ другихъ источниковъ, за нѣкоторыми лишь изъятіями. Такъ, трудно согласиться, чтобы Максимъ проѣхалъ изъ Новгорода во Псковъ. Какъ Воскресенская, такъ и Софійская I. лѣтописи говорятъ о Максимѣ: „Пріиде въ Новгородъ митр. Максимъ Кіевскій и всея Руси владыка же, и Новгородцы сотвориша ему честь и славу". Новгор. I. 6793 просто говоритъ: „Приходи Максимъ митрополитъ въ Новъгородъ". Новгородскія лѣтописи не умолчали бы о такомъ необычайномъ поступкѣ Максима, какъ посѣщеніе имъ Пскова. Честь и слава, о которой здѣсь идетъ рѣчь, по всей вѣроятности, былъ мѣсячный судъ митрополита. И впослѣдствіи митрополиты. получивъ въ Новгородѣ доходы съ мѣсячнаго суда, отправлялись обратно, такъ

какъ имъ совершенно не нужно было ѣздить во Псковъ, находившійся въ той же епархіи.

За этою поправкою, сообщенія Никоновской лѣтописи могутъ быть признаны правильными. О Максимѣ дѣйствительно можно сказать, что онъ, по обычаю своему, объѣзжалъ всю Россію: онъ объѣхалъ ее не менѣе трехъ разъ за свое архипастырство. Пріѣхавъ въ Кіевъ въ 1283 году, онъ тотчасъ же поѣхалъ въ Орду и возвратился оттуда въ томъ же году. Слѣдуетъ думать, что онъ хлопоталъ о подтвержденіи привилегій духовенства, но ярлыка на имя Максима не сохранилось. Тотчасъ же почти по возвращеніи изъ Орды онъ, между 1 сент. и 1 ноября, собралъ къ себѣ въ Кіевъ русскихъ (т. е. южно-русскихъ) епископовъ. Это была обычная явка ихъ новому митрополиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ соборѣ было совершено поставленіе епископа Іосифа Рязанскаго. Въ слѣдующемъ году мы находимъ Максима въ Новгородѣ, а въ 1286 году онъ, по всей вѣроятности, былъ на Волыни, у Василька Владиміро-Волынскаго. Судимъ такъ по тому, что и въ слѣдующіе разы Максимъ не ограничивался посѣщеніемъ одной лишь сѣверной, или южной Руси, но объѣзжалъ и ту и другую. Изъ дальнѣйшаго извѣстно, что Максимъ въ 1288 и 1289 былъ въ Кіевѣ. Но въ 1295 году онъ прибылъ во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ смѣстилъ мѣстнаго епископа Іакова. По возвращеніи въ Кіевъ, въ 1299 году, онъ, „не терпя насилія отъ татаръ“, перенесъ каѳедру во Владиміръ, куда и переселился со всѣмъ своимъ клиросомъ, но не оставлялъ своимъ вниманіемъ и южной Руси. Побывавъ въ 1300 году въ Новгородѣ, онъ отправился въ Константинополь и на обратномъ пути обозрѣлъ Волынь. Затѣмъ онъ, повидимому, уже не выѣзжалъ изъ Владиміра, гдѣ и скончался въ 1305 году, и тамъ же и погребенъ.

Въ общемъ Максимъ, какъ видно изъ этого перечня его поѣздокъ, былъ необыкновенно подвижной митрополитъ. Но именно съ этими разъѣздами и соединялись какъ епископскій и митрополичій судъ, такъ и вызываемая имъ потребность въ одной общей для всей митрополіи Кормчей книгѣ.

Вотъ какія предписанія сохранились объ этомъ, хотя и въ памятникѣ начала XVI в., но восходящія, очевидно, къ гораздо болѣе древнему времени. „Епископъ, или митрополитъ, или патріархъ, иже о своей паствѣ не радитъ и не обходитъ выну своея анорія (очевидно, статья греческаго происхожденія), истязующе всякаго христіанина и наказуя и научая; изряднѣе же паче, яко же лѣпо есть, ему истязовати и поучати всякаго іерея, и діакона, и чтеца. Сего не творя, архіерей каковъ любо да извержется отъ архіерейства; недостоитъ бо таковому пасти стадо Божіе. Повелѣваемъ всякому суда епископова послушавши (?) о всемъ, да не церковь Божія обидится. Всякъ убо епископъ не имать власти запрещати никого же отъ святого причащенія, аще не явлено передъ всѣми повѣсть согрѣшенія его, и судити ему о всякомъ отъ церковнахъ правилъ предъ всѣми клирикы, разгнувъ божественныя кныгы святыхъ правилъ [1]).

Непосредственный митрополичій судъ и общая кормчая для всей территоріи митрополіи были, можно сказать, понятіями соотносительными. И мы дѣйствительно замѣчаемъ, что именно митрополитъ Максимъ прилагаетъ старанія ко введенію повсюду той Сербской кормчей, какая была получена при Кириллѣ, хранилась въ Кіевѣ и, по всей вѣроятности, сопровождала митрополита кіевскаго въ его разъѣздахъ по епархіи въ цѣляхъ непосредственнаго суда митрополичьяго. Результатъ дѣятельности митр. Максима, въ данномъ случаѣ, получался различный въ зависимости отъ того, были въ данной епархіи свои списки кормчей или нѣтъ. Тамъ, гдѣ такихъ кормчихъ совершенно не было, митрополитъ при первой возможности предписывалъ снять копію Сербской кіевской кормчей. Въ этихъ случаяхъ кормчая принималась безъ возраженій.

Такъ было съ Рязанскимъ епископомъ Іосифомъ, когда онъ пріѣхалъ въ 1284 году въ Кіевъ на по-

---

[1]) Рукопись Казанской Духовной Академіи Солов. библіотеки № (1085) 1194, л. 550 об.—551.

святку. Въ Рязани передъ этимъ давно не было епископа, да должно быть не было и кормчей, какъ говоритъ переписчикъ Кирилловской кормчей: „Церковь вдовьствующь, сирѣчь безъ епископа и безъ оучѣньіа святыхъ отець“. Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ Іосифомъ, который, „пріiавъ писаніе се (т. е. Сербскую кормчую) отъ великаго владычства прѣславнаго града Кіева, отъ него же отрасль мы быхомъ. Азъ же епископъ Іосифъ Рязаньскии, испросивъ отъ митрополіта протофронесію (т. е. экземпляръ кормчей, принадлежавшій митрополиту протофрону, или первопрестольнику?) преписахъ.“ [1]).

Кормчая была переписана въ Кіевѣ во время поѣздки Іосифа на посвятку, въ 50 дней, съ 1 ноября по 19 декабря 6792 г. [2]). Для ускоренія переписки книга была раздѣлена на пять частей, и переписка производилась въ пять рукъ. Это было сдѣлано, несомнѣнно, по настоянію митрополита. По замѣчанію писца „Сі же правила нікіи же, почитаіа, да не потаить отъ іепископъ и *митрополитъ*, зане повѣлѣно не таіті пісана святымі отці, ні отъ всѣхъ вѣдомымъ быти“.

Кормчая была изготовлена на средства княгини рязанской Анастасіи, судя по тому, что она благодаритъ переписчика, которымъ былъ повидимому рязанскій священникъ или монахъ „Благовѣрнаіа княгини рече, да ти дасть Богъ, отче, за трудъ съ небесныи покоі“. (Срезневскій, стр. 48).

Но не такъ просто обстояло дѣло тамъ, гдѣ были уже свои традиціонныя кормчія, какъ напр. въ Новгородѣ и на Волыни. Даже послѣ Владимірскаго собора 1273 года, Новгородскій архіепископъ Далматъ не считалъ нужнымъ пріобрѣсти для Новгородской каѳедры экземпляръ яко бы введенной на этомъ соборѣ Сербской кормчей, и самыя поста-

---

[1]) Срезневскій. Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ кормчей книги. СПБ 1897, стр. 49.

[2]) Такимъ образомъ соборъ этого года въ Кіевѣ происходилъ въ промежутокъ между 1 сентября и 1 ноября этого года, такъ какъ къ ноябрю Іосифъ былъ уже посвященъ въ епископы.

новленія Владимірскаго собора были вписаны въ принадлежащій Софійскому новгородскому собору экземпляръ Ярославовой кормчей вслѣдъ за правилами Нифонта. Максимъ долженъ былъ обнаружить отсутствіе въ Новгородѣ Сербской кормчей уже въ первый же пріѣздъ его въ Новгородъ въ связи съ митрополичьимъ судомъ; но новгородцы упорно стояли за свою традиціонную кормчую. При посредствѣ князя Димитрія Александровича дѣло было улажено тѣмъ, что митрополитъ согласился, чтобы они прибавили къ своей традиціонной кормчей лишь толкованія и прочій матеріалъ, заключавшійся въ кормчей Сербской. Такъ, вѣроятно, возникла Новгородская кормчая, времени архіепископа Климента и князя Димитрія Новгородскаго, надписанная.

Въ лѣто ϡϡ҃ѱ҃... написаны быша книгы сия повѣлѣнiемъ благовѣрнаго князя Новъгородьскаго Дмитрiя, а стажанiемъ боголюбиваго архiепа Новгородьскаго Климента и положены быша въ црⷦви стѣѣи Софiи...

Совершенно ясно, что въ датѣ ϡϡ҃ѱ҃ = 6700 недостаетъ послѣднихъ цифръ Кормчая должна быть отнесена къ 80 мъ годамъ XIII вв., а именно къ періоду съ 6792 по 6801 г. По указаннымъ соображеніямъ, мы предполагаемъ чтеніе „въ лѣто 6793“, т. е. 1285 годъ, годъ перваго пріѣзда митрополита Максима въ Новгородъ. Что кормчая написана была во время пребыванія митр. Максима въ Новгородѣ, ясно изъ того, что сводчикъ долженъ былъ имѣть передъ глазами и Софійскій экземпляръ Ярославовой Нифонтовой кормчей, которую, конечно, не посылали въ Кіевъ, и митрополичій экземпляръ Сербской кормчей, съ которымъ митрополитъ, конечно, не разставался. Онъ, вѣроятно, взялъ ее съ собою въ свой пріѣздъ въ Новгородъ, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ взялъ ее съ собою и митрополитъ Кириллъ, въ свой временный пріѣздъ во Владиміръ въ 1273-мъ году. Въ это время и воспользовались ею архіепископъ Климентъ и Димитрій Александровичъ. Исторія же Рязанской кормчей дѣлаетъ совершенно несомнѣннымъ, по нашему мнѣнію,

непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ митр. Максима. Зачѣмъ иначе потребовалось бы кн. Димитрію распоряжаться о перепискѣ и сводкѣ кормчей, что собственно его совершенно не касалось? Что Димитрій Александровичъ не былъ жертвователемъ этой кормчей, ясно изъ указанія, что она переписана на средства архіепископа Климента. И зачѣмъ бы, съ другой стороны, Клименту, изготовлявшему кормчую на свой счетъ, было дожидаться приказанія объ этомъ со стороны князя?

Если наши предположенія правильны, то пребываніе митр. Максима въ Новгородѣ должно было занять довольно продолжительное время. Рязанскій экземпляръ былъ изготовленъ лишь въ пятьдесятъ дней, Софійская же кормчая требовала гораздо болѣе сложной работы [1]).

Почти одновременно возникла и другая кормчая, Софійскаго же типа, на совершенно противоположномъ концѣ Руси, во Владимірѣ Волынскомъ. Сохранился списокъ (Румянцевскій № 3), списанный въ началѣ XIII вѣка съ древняго списка, 1286 года, какъ явствуетъ изъ слѣдующей подписи на 530 листѣ:

„Въ лѣто 6794 (1286) списанъ бысть Номоканонъ Боголюбивымъ княземъ Владиміромъ сыномъ Васильковымъ, внукомъ Романовымъ и благолюбивою княгинею его Олгою Романовною, а мы рекше конецъ Богу нашему слава во вѣки. Аминь. Пишущимъ же намъ сія книга, поѣха господь нашъ къ Ногаевы, а госпожа наша оста у Владимера, занѣ бяша немощію угонила лѣто зѣло; того ради немощно бы ей проводити его“.

„Въ семъ спискѣ нѣтъ начальныхъ листовъ и предисловія. Что же касается до правилъ соборныхъ и Святыхъ Отецъ, въ немъ помѣщенныхъ, то онъ со-

---

[1]) Кормчая эта и осталась дѣйствующей въ Новгородѣ. Только послѣ Стоглаваго собора, въ 1552 году, Софійскій соборъ обзавелся подлинной Сербской кормчей, дѣйствовавшей въ Россіи. Но и тутъ Софійская кормчая пережила себя въ видѣ нѣкоторыхъ постановленій Стоглава, создавшихся подъ ея вліяніемъ.

вершенно сходенъ съ прочими Кирилловскими", т. е. Софійскими [1]).

По всей вѣроятности, появленіе ея было обусловлено причинами аналогичными новгородскимъ. Обозрѣвъ въ 1285 году сѣверную Русь, Максимъ въ слѣдующемъ году долженъ былъ продолжать это обозрѣніе и прибыть на Волынь. Здѣсь, обнаруживъ отсутствіе Сербской кормчей во Владимірѣ Волынскомъ, онъ обратился къ мѣстнымъ князю и княгинѣ, которые и изготовили новый списокъ на свой счетъ, какъ это было и съ Рязанскою кормчею, но съ сохраненіемъ и текста традиціонной Ярославовой кормчей. Этимъ объясняется и сравнительная бѣдность русскихъ статей въ Волынской кормчей, сравнительно съ Софійскою; ихъ было только двѣ: уставъ Владиміра (и притомъ въ другой редакціи, чѣмъ въ Софійской кормчей) и правило митр. Іоанна II къ Іакову Черноризцу. (Опис. Рум. музея 309—312). Вѣроятно, только эти статьи и были въ Волынскомъ спискѣ Ярославовой кормчей въ видѣ послѣдующихъ дополненій.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія теоріи попечительства о всѣхъ, митр. Максимъ былъ очень дѣятельнымъ попечителемъ—кидемономъ; но во всякомъ случаѣ, онъ еще не вполнѣ провелъ эту теорію во всѣхъ ея послѣдствіяхъ и выводахъ. Это видно изъ отношенія его къ вопросу о выборѣ имъ резиденціи.

Подобно своему предшественнику, митр. Кириллу, сначала онъ только временно выѣзжалъ изъ Кіева и продолжалъ держаться его, какъ постоянной резиденціи. Кіевъ хотя уже утратилъ положеніе столицы всея Руси, но по его удаленности отъ центровъ тогдашней политической жизни представлялъ огромную выгоду, въ смыслѣ обезпеченія митрополиту независимости отъ подчиненія какому-нибудь изъ князей. Повидимому, Кіевъ съ восьмидесятыхъ годовъ XIII в. уже поправился было настолько, что и митр. Кириллъ

---

[1]) Розенкампфъ Обозрѣніе Кормчей книги, 1829 года, страницы 63—64. Не слѣдуетъ забывать, что Розенкампфъ Кирилловскими кормчими называетъ исключительно кормчія Софійской редакціи.

переселился въ него и митр. Максимъ могъ оставаться въ немъ сравнительно очень долгое время.

Обладаніе Кіевомъ и пребываніе въ немъ являлось единственнымъ средствомъ поддержать единство Русской митрополіи, которымъ такъ дорожили греки по политическимъ соображеніямъ, и которое являлось и по грамотѣ Луки Хризоверга основнымъ принципомъ ихъ политики относительно Россіи. Совершенно понятно, что гордые Галицкіе короли не перенесли бы удаленія митрополита изъ Кіева не въ Галичъ или Холмъ, а куда-то на сѣверъ, во Владиміръ Залѣсскій, и немедленно начали бы хлопоты объ отдѣленіи Галича въ особую митрополію.

Но въ 1299 году Кіевъ вновь былъ разоренъ татарами, и на этотъ разъ настолько, что митрополиту Максиму, невзирая на всѣ указанныя соображенія, приходилось рѣшать между сѣверомъ и Малою Русью. Каково въ это время было положеніе его, можно судить по тому, что новгородцы, избравъ послѣ смерти Климента, Ѳеоктиста, оставили его въ Новгородѣ, „дондеже увѣдають, кдѣ митрополитъ“. [1]). Только тогда митрополитъ переселился навсегда во Владиміръ со всѣмъ своимъ клиросомъ. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что съ той поры, „по свидѣтелству харатейныхъ древнихъ лѣтописцевъ, въ Кіевѣ токмо намѣстники бяху“. (Новг. I. и III. 6791 [2]).

Перенесеніе было лишь дѣломъ нужды и своего рода неволи, а не сознательной политики. Этотъ переѣздъ во Владиміръ юридически не былъ еще переносомъ каѳедры. Максимъ по прежнему оставался ми-

---

[1]) Соф. I. 6807. „Преставися архіепископъ Новогородскій Климентъ .. по преставленьи же его Новогородци възлюбиша мужа назнаменана Богомъ, именемъ Ѳеоктиста, и введоша его въ владычень дворъ, дондеже увѣдаютъ, гдѣ митрополитъ“.

[2]) Воскр. 6807. „М. Максимъ, не тръпая насилья Татарскаго, остави митрополью, иже въ Кіевѣ, и бѣже изъ него, тогда же и вьсь Кіевъ разбѣжася; а митрополитъ шедъ сѣде въ Володимери и со всѣмъ клиросомъ своимъ, мѣсяца априлія 18, а Семену епископу Володимерьскому дасть епископью Ростовскую.

трополитомъ Кіевскимъ и только проживалъ во Владимірѣ, который, какъ вакантный, и безъ того долженъ былъ находиться въ управленіи митрополита.

Тутъ митрополиту Максиму волей-неволей приходилось принять участіе въ сѣверно-русской политикѣ, отъ которой онъ былъ до того времени вдалекѣ: начиналась борьба за гегемонію въ сѣверной Руси между Тверью и Москвою, такъ сказать, борьба за свѣтскую кидемонію.

Согласно традиціи, митрополитъ долженъ былъ жить въ великокняжеской столицѣ, и Максимъ перенесъ свою резиденцію во Владиміръ. Но и Владиміръ не могъ на продолжительное время сохранить положеніе дѣйствительной столицы Россіи. Онъ, принадлежалъ собственно не русскому великому князю, а нехристю, татарскому хану. Ханъ только на время давалъ его тому изъ князей, котораго онъ признавалъ въ достоинствѣ великаго, великое же княженіе являлось актомъ ханской милости, чтобы не сказать ханскаго произвола. Уже этого одного достаточно было, чтобы въ короткое время уронить Владиміръ и сдѣлать изъ него номинальную только столицу Руси. Великому князю не было никакого интереса заботиться о Владимірѣ, который всякую минуту могъ достаться въ руки его противника. Предметомъ его заботъ должно было служить его наслѣдственное родовое княжество, отъ силы котораго фактически много зависѣло и полученіе великокняжескаго достоинства; на усиленіе этого-то родового города и должны были итти средства, получаемыя съ Владиміра. Безхозяйственность Владиміра лучше всего сказалась въ томъ, что въ теченіе тринадцати лѣтъ, 1337—1350 г., въ немъ вовсе не было епископа.

Спасти Владиміръ можно было только однимъ путемъ: закрѣпить его, хотя бы только фактически, за опредѣленною династіею. Въ отдѣльныхъ княжествахъ уже устанавливался новый порядокъ перехода отъ отца къ сыну; этотъ же порядокъ долженъ былъ установиться и въ великомъ княженіи.

И митрополитъ долженъ былъ бы поддерживать именно этотъ порядокъ, такъ какъ замѣщеніе велико-

княжескаго престола по усмотрѣнію хана, при которомъ сегодня нельзя было опредѣлить, кто будетъ великимъ княземъ завтра, очевидно, не создавало митрополиту достаточной опоры въ великомъ князѣ. Но Максимъ сталъ за сохраненіе стараго порядка, т. е. за Тверь противъ Москвы, когда, послѣ смерти Андрея Александровича Городецкаго въ 1303 году, возникъ вопросъ о замѣщеніи великокняжескаго престола.

Тутъ предъявили притязанія на него два кандидата: Михаилъ Ярославовичъ Тверской и Юрій Даниловичъ Московскій.

Едва ли можно утверждать (Соловьевъ III. 902), что въ моментъ смерти Андрея Александровича Юрій Московскій былъ такъ же силенъ, если только не сильнѣе Михаила Тверского. Легко убѣдиться въ противномъ. Когда въ Ордѣ великокняжескій Русскій престолъ былъ пущенъ съ аукціона, то онъ остался за Михаиломъ Тверскимъ. Если бы не помощь Москвѣ со стороны перешедшаго къ Юрію кіевскаго боярина Родіона Нестеровича съ его дворомъ въ 1700 человѣкъ, то тверяки, во время спора о Переяславскомъ наслѣдствѣ, захватили бы осажденнаго въ Переяславлѣ Ивана Даниловича такъ же, какъ они передъ этимъ захватили въ Костромѣ брата его, Бориса.

Очевидно, Тверь и безъ Владимірскаго княжества была богаче и сильнѣе Москвы.

Соф. I. 6827. „И бывшю ему (Юрію Московскому) въ ордѣ... діяволъ вложи въ сердце княземъ Татарьскымъ, свадиша братію, ркуще великому князю Юрію Даниловичу“· „оже ты даси выходъ болши князя Михаила Тферьского, мы тебѣ великое княженіе дадимъ“; „и тако превратиша сердце его, и нача искати великаго княженія... И бывши прѣ велицѣ межи ими, и бысть тягота велика въ Русьской земли за наша согрѣшенія“.

Но съ принципіальной стороны Тверь являлась представительницею старой системы перехода въ боковыя линіи, въ ущербъ нисходящимъ: племянникъ Александра Невскаго выступалъ противъ его внука, и Максимъ сталъ всецѣло на сторону стараго порядка.

По разсказу повѣсти объ убіеніи Михаила, Соф. I. 6827: „Княжащу ему... во Тфѣри, преставися великый князь Андрѣй, и благослови его на свой столъ на великое княженіе сего христолюбиваго князя Михаила, емуже *по старѣйшиньству дошелъ бяше степень княженія великого;* и поиде въ орду ко цареви... Въ то же время сыновець его князь Юрій великый Даниловичь поиде въ орду же; егда же ему бывшю въ Володимери, блаженный же и прнснопамятный митрополитъ Кіевскій и всея Руси Максимъ со многою молбою браняшеть итти въ орду, глаголя: „азъ пмаюся тебѣ съ великою княгинею Оксиніею, матерію великого князя Михаила, чего въсхочешь изъ отчины вашея [1]), то ти дасть". Онъ же обѣщася, рекъ: „хотя, отче, иду въ орду, но не хощу великого княженія".

Это вмѣшательство рисуетъ Максима, какъ, по меньшей мѣрѣ, неполитичнаго человѣка. Слова повѣсти заставляютъ предполагать, что онъ грозилъ Юрію отлученіемъ за ослушаніе (иначе Юрію не зачѣмъ было бы обманывать митрополита), а между тѣмъ Максимъ, строго говоря, не могъ давать тѣхъ ручательствъ, какія онъ давалъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ эту пору Тверь замышляла нападеніе на Переяславль и захватъ Костромы. Максимъ по прежнему держался фактически болѣе сильнаго князя, но созданіе новаго порядка оставилъ на долю своего преемника.

Съ удаленіемъ митрополита Максима на сѣверъ и начался распадъ русской митрополіи, въ связи съ закономъ Андроника II относительно замѣщенія епископскихъ каѳедръ и поставленія клириковъ вообще.

Объ этомъ законѣ въ греческихъ источникахъ имѣются только недостаточныя и отрывочныя данныя, по которымъ невозможно составить себѣ понятія ни объ истинномъ его значеніи ни о той радикальной реформѣ всего церковнаго строя, какая предполагалась этимъ закономъ. Наши русскіе источники въ этомъ отношеніи дополняютъ греческіе.

По разсказу Пахимера (Андроникъ кн. III, гл. 3) дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Сдѣлавъ въ

---

[1]) Юрій видѣлъ во Владимірѣ отчину.

1295 году своимъ соправителемъ сына Михаила. Андроникъ, по примѣру своего отца, потребовалъ отъ патріаршаго собора, чтобы тотъ напередъ подвергъ анаѳемѣ всѣхъ тѣхъ, кто вздумалъ бы не признавать новаго императора и злоумышлять на него. Къ удивленію императора, патріаршій соборъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ совершенно достаточными для бунтовщиковъ и тѣ кары, какія полагаются имъ по свѣтскому уголовному закону: „Несправедливо да и неприлично для друзей милосердія сверхъ того лишать преступника и части Христовой“. Отказъ патріарха не-непонятенъ, принимая во вниманіе, что и самъ Андроникъ, въ сущности, былъ не только сыномъ такого бунтовщика противъ императора, но и бунтовщикамъ. Въ моментъ вступленія его на престолъ законный императоръ, ослѣпленный Михаиломъ Палеологомъ Іоаннъ Ласкарисъ, былъ еще живъ и содержался въ какой-то крѣпости. При такихъ условіяхъ требованіе Андроника было дѣйствительно безцеремоннымъ, и онъ принужденъ былъ взять его обратно.

Тогда Андроникъ рѣшилъ наказать непокорныхъ лишеніемъ ихъ доходовъ. Онъ собралъ соборъ и объявилъ, что, по его мнѣнію, епископамъ неприлично брать деньги за посвященія въ священныя должности и что необходимо прекратить это зло; что онъ считаетъ за симонію и тѣ приношенія и подарки деньгами и натурой, которыя, по обычаю, дѣлались поставляемыми вновь архіереями, какъ самимъ участвующимъ въ рукоположеніи архіереямъ, такъ и сослужащимъ при этомъ клирикамъ. По мнѣнію императора, отсюда возникало подозрѣніе, что благодать священства покупается и продается. Императоръ „притворялся“, что ему очень стыдно, порицалъ допускаемое по неосмотрительности и грозилъ судомъ Божіимъ. Тогда, по замѣчанію Пахимера, нѣкоторые архіереи, частію затѣмъ, чтобы показать свое благочестіе, частію же считая прибыль дѣломъ второстепеннымъ, согласились съ мнѣніемъ царя. Всѣ же остальные (а такихъ было большинство) высказались противъ царскаго предложенія.

Но напрасно епископы указывали, что ставленическія пошлины вовсе не симонія, что онѣ узаконены законами императоровъ и освящены стародавнимъ обычаемъ (Юстиніанъ и Исаакъ и Алексѣй Комнены) и что распоряженіе императора, которое онъ предполагаетъ сдѣлать, *настолько подорветъ доходы епископовъ, что и наличные изъ нихъ будутъ терпѣть нужду, да и трудно будетъ найти желающихъ* на открывающіяся каѳедры. Не смущаясь тѣмъ пріемомъ, какой встрѣтило его предложеніе, императоръ черезъ нѣсколько дней послѣ того издалъ—такн новеллу, которою запрещалось взимать, что бы то ни было, за хиротонію, не исключая простой восковой свѣчи. Новелла была подписана и патріархомъ и всѣми архіереями, за исключеніемъ двухъ.

Разсказъ Пахимера требуетъ двухъ важныхъ поправокъ: во-первыхъ законъ нельзя признать дѣломъ минутнаго раздраженія императора на архіереевъ; во-вторыхъ ставленическія пошлины были лишь предлогомъ къ изданію этого закона, и не въ воспрещеніи ихъ заключалась суть реформы.

Несомнѣнно, что въ византійскомъ обществѣ ставленическія пошлины не пользовались расположеніемъ. Припомнимъ ихъ исторію. Ставленическія пошлины въ опредѣленномъ размѣрѣ введены были патріархомъ Алексѣемъ, въ размѣрѣ одного золотого за поставленіе въ причетники, трехъ золотыхъ за поставленіе въ діаконы и еще трехъ золотыхъ за поставленіе въ священники (всего, стало быть, семь золотыхъ). Синодальное опредѣленіе объясняетъ, что это не плата за посвященіе, а пропитаніе епископа, которое не противорѣчитъ евангелію: хотя проповѣдь и безплатна, но справедливо возмѣстить сопряженные съ нею расходы. (Migne P. Gr. t. 119 p. 864). Кромѣ того священники (но не діаконы и не причетники) обложены были особою податью (канонникъ) въ размѣрѣ одного золотого въ годъ (Zachariae J. G. R. III 322.)

Исаакій Комненъ (1057—1059), кромѣ этихъ поборовъ, ввелъ подъ названіемъ канонника еще особую плату съ приходовъ, различную, въ зависимости отъ

величины ихъ, и вносившуюся деньгами и натурою— (ib. 366).

Алексѣю Комнену въ 1086 году пришлось повторить новеллу своего дяди. Причина этого, какъ можно догадываться изъ синодальнаго опредѣленія патріарха Николая 10 (15) ноября 10-го индикта, заключалась въ непопулярности этихъ поборовъ. Полагали, что патріархъ Алексѣй потому именно и не вводилъ обложенія мірянъ, что считалъ его противнымъ священному писанію; духовенство же жаловалось на увеличеніе ставленическихъ пошлинъ. По всей вѣроятности, эти жалобы объясняются тѣмъ, что пошлины предписано было платить полноцѣнными золотыми монетами новаго чекана. Патріарху Николаю пришлось доказывать, что всѣ эти поборы отнюдь не противны священному писанію (Migne P. Gr. 119 p. 864).

Едва ли эти поборы стали болѣе симпатичны для населенія и въ эпоху Палеологовъ. Андроникъ придрался къ самому непопулярному доходу епископовъ. Уже во время движенія арсенитовъ, со стороны зилотовъ раздавались сильные голоса противъ подарковъ при посвященіи, которые они считали за симонію, какъ это ясно изъ того, что говоритъ Пахимеръ объ одномъ изъ предшественниковъ Аѳанасія, патр. Іосифѣ [1]).

Хотя нашъ законъ и былъ изданъ въ патріаршество Іоанна Созопольскаго, но тенденція возстановленія силы старыхъ каноновъ и апостольскихъ порядковъ, которою проникнута была новелла, была совершенно въ духѣ зилота Аѳанасія, предшествен-

---

[1]) Пахимеръ. Михаилъ Палеологъ V гл. 2. Число арсенитовъ возрастало до того, что не только знавшіе лично бывшаго патріарха становились на его сторону, но, увлекаясь другими, отдѣлялись отъ церкви и тѣ, которые не знали его. Особенно же смутила сердца многихъ разнесшаяся молва объ избраніи Іосифа, несмотря на то, что, получая отъ царя множество денегъ, онъ щедро раздавалъ подарки своимъ приверженцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего ни просилъ онъ, тотчасъ же получалъ, и при этомъ царь часто говаривалъ, придерживаясь за святительскую его мантію, что онъ не только отверзъ врата эдема для себя, но безъ всякаго препятствія введетъ въ него вмѣстѣ съ собою и царя, на что послѣдній надѣется.

ника и преемника Іоанна по патріаршему трону. Аѳанасій былъ суровый монахъ, ополчившійся на защиту евангельской нестяжательности. Во имя ея онъ не только монаховъ довелъ до того, что они стали разбѣгаться изъ Константинополя и искать убѣжища фреріевъ Перы (т. е. у латинскихъ монаховъ), но и клириковъ Константинополя лишалъ даже совершенно законныхъ доходовъ и довелъ до нищеты, на что, между прочимъ, и жалуется Пахимеръ при разсказѣ о новеллѣ Андроника. Принимая во вниманіе, что и въ періодъ своего удаленія съ каѳедры Аѳанасій, ненавидимый духовенствомъ, тѣмъ не менѣе пользовался уваженіемъ со стороны Андроника и самъ проникнутъ былъ чувствомъ мести къ лицамъ, содѣйствовавшимъ его удаленію, мы должны признать полную допустимость предположенія, что въ этомъ законѣ была доля авторства Аѳанасія. Во всякомъ случаѣ законъ пережилъ и Андроника и Аѳанасія, и преемники послѣдняго по Константинопольской каѳедрѣ давали въ ихъ исповѣданіяхъ клятву соблюдать его.

Такъ мы читаемъ въ исповѣданіяхъ вѣры патр. Антонія 1389 года и Каллиста II 1397 года, между прочимъ, слѣдующее: „Заявляю, что я ничего не далъ ради моего избранія на эту святую и Божію и великую церковь, никому ничего не обѣщалъ дать ради этого, и не дамъ, но принимаю и апостольскія и отеческія преданія объ этомъ, а *также обѣщаю безпрекословно въ точности соблюдать опредѣленія новеллы треблаженнаго и приснопамятнаго царя нашего киръ Андроника Палеолога,* утвержденныя и одобренныя святою церковію Божіею, согласно царскому указу, и неизмѣнно хранить ее“. (А. Р. II р. 114, 294).

Уже выраженія этой присяги въ концѣ ея не оставляютъ сомнѣній, что въ законѣ были и какія-то другія постановленія, кромѣ запрещенія симоніи. И дѣйствительно, судя по русскимъ источникамъ, можно думать, что Андроникъ задумалъ реформу замѣщенія митрополичьихъ каѳедръ въ интересахъ усиленія вліянія на это императора; запрещеніе же симоніи не было искреннимъ и, во всякомъ случаѣ, не было глав-

ною цѣлью закона, какъ это мы можемъ заключить изъ текста его, отчасти сохранившагося въ русскихъ источникахъ. А именно въ одной изъ рукописей Соловецкой библіотеки XVI вѣка, въ трактатѣ, озаглавленномъ „Власѳимія“ и содержащемъ статьи противъ симоніи [1]), мы находимъ славянскій переводъ какъ предисловія, такъ и первыхъ главъ новеллы 137 Юстиніана, но съ весьма своеобразными измѣненіями.

Предисловіе и начало первой главы сохранились подъ видомъ закона Юстиніана Ринотмета и VI-го собора („Благочестиваго царя Устіяна VI-го сбора о взаконеніи, таковыя поставляти подобаетъ епископы и клирики и въ епархіяхъ и въ коемо области“) въ главѣ 26-й. Вторая же глава новеллы приведена въ главахъ 25-й и 26-й въ видѣ 28-й главы Собранія Схоластика. Это лишаетъ насъ возможности признать измѣненія за случайныя.

Власѳимія, глава 26, листъ 638: „Благочестиваго царѧ Ѵстїана 6-го сбора о вѣзаконеньи таковыѧ поставлѧти подобаетъ епископы и клирикы и вѣ епархи-

---

[1]) Такъ наз. Требникъ митр. Макарія 1504 года, написанный для новгородскаго игумена Якима съ Лисичьи Горы. Онъ въ настоящее время хранится въ Казанской Духовной Академіи, въ составѣ Соловецкой библіотеки, подъ нумерами 1085, по инвентарю, и 1194 по хронологическому каталогу. Приношу глубочайшую благодарность Казанской Духовной Академіи выславшей мнѣ эту драгоцѣнную рукопись съ величайшею любезностію и предупредительностію.

На листѣ 604 об. мы читаемъ „Въ лѣто 7013 мца сентевріа 13 (1504 г.) на обновленіе храма воскресенія Христова Бога нашего и Святаго Священномученика Корнилія сотника и на предпраздненство честнаго и животворящаго креста написана бысть сія книга сирѣчь потребникъ во обители святыя Богородица Рождества на Лисьи горы при благородномъ великомъ князи Иванѣ Васильевичи Всея Руси и при митрополитѣ Симонѣ и при архіепископѣ великаго Нова града и Пскова Геннадіѣ благословеніемъ и повелѣніемъ господина игумена Якима, а писалъ многогрѣшный дьячишко Алексѣй“.

Алексѣй и потомъ продолжалъ разныя приписки до листа 628. На листѣ же 627 мы находимъ повидимому собственноручную приписку самого Якима другой рукою. „Власѳимія“ написана совершенно инымъ почеркомъ. На листѣ 626. „А сію книгу писалъ Алексѣй“.

Власѳимія идетъ съ листа 628 до листа 683. Листы же съ 684 по 712 заняты молитвами Кирилла Туровскаго

ихъ и въ коемо области. Въ градстѣмъ законѣ, его же область намъ по своемоу человѣколюбїю порoучи Христосъ Богъ нашь, извѣсты всѣмъ хранити на оутверженіе послоушаемыихъ чтимсѧ, колми паче болшее тщанїе должни есме творити о стражи свѧщенныихъ канонъ и божественыихъ законьныихъ правилъ за дoуша нашего спасенїѧ заповѣданыихъ. Хранѧщи ибо свѧщенныѧ каноны, Владыкы Бога помощи сподобляютсѧ всѧка власть цaрства и свѧтительства и сиѧ преступающе сами себе въ осoужение влагаютъ. Болшемоу осoуженью повинни сoуть цaрь и епископи, имѣже порoучено быстъ искати правилъ и хранити неподвижимы, нежели что отъ сихъ преступаемо неотместно оставлѧти. Божественымъ каномъ несохранѧемомъ различна запрещенья и отлoучениѧ прилѧхомъ на клирикы же и мнихы и нѣкыѧ епископы (*листъ 638 оборотъ*) ако не божественымъ каномъ живoущихъ. Божии oубо разoмѣвающе сoудъ, нѣкогѧ же преже извѣщеныихъ взыскание же исправление повелѣхомъ правилное произыти. Аще бо отъ простыихъ съгрѣшаемыихъ благоствореный цaрьскый и законъ не дaетъ безъ взыскаѧ отмещенья оставлѧти, тако въображенаѧ отъ апостолъ и отець за спасенїе всѣхъ правильное презрѣти творимъ и терпимъ многимъ же паче отъ того въ грѣхы впадающимъ, обрѧщимъ за не бывати отъ правовѣрныихъ цaрь и преподобныихъ чиститель сборoу на нехранящихъ заповѣданьѧ отъ свѧтыихъ апостолъ и богоносныихъ отець. Аще бы се схранено было, кыждо, боѧсѧ обличенѧ предъ съборомъ, тщалъ бы сѧ божественаѧ выкнoутиѧ слoужбы и цѣломoудрно жити, да не како въ проклатье божественыихъ канонъ впадетъ.

„Согласно узаконенію шестого собора благочестиваго царя Юстиніана такихъ подобаетъ поставлять въ епископы и въ клирики въ епархіяхъ и въ каждой области“.

„Если мы прилагаемъ попеченіе, чтобы гражданскіе законы, власть надъ которыми вручилъ намъ по своему человѣколюбію Христосъ Богъ нашъ, всѣми соблюдались на безопасность подданныхъ, на сколько же большее попеченіе должны мы прилагать къ соблюденію священныхъ каноновъ и божественныхъ (т. е. императорскихъ) законовъ, заповѣданныхъ для спасенія душъ нашихъ? Ибо, храня священные каноны, всякая власть, и царская и святительская, сподобляются помощи отъ Владыки Бога; нарушая же ихъ, сами себя подвергаютъ осужденію. Еще большему осужденію подлежитъ царь и епископы, которымъ поручено было искать правилъ и хранить ихъ непоколебимыми, если они оставятъ безнаказаннымъ какое бы то ни было нарушеніе ихъ. За несоблюденіе божественныхъ законовъ нами предписаны различныя запрещенія и отлученія противъ и клириковъ, и монаховъ, и нѣкоторыхъ епископовъ, живущихъ не по божественнымъ канонамъ.

(Nov 137 c. 1). Памятуя о Божіемъ судѣ, мы предписали произвести о каждомъ разслѣдованіе и исправленіе вышеозначенныхъ (непорядковъ) по правиламъ. Ибо если благодѣтельный царскій законъ не позволяетъ оставлять и простыхъ проступковъ безъ взысканія и отмщенія, то какъ же мы оставляемъ въ пренебреженіи правила, предписанныя апостолами и отцами на спасеніе всѣхъ, и терпимъ ихъ нарушеніе? Мы находимъ, что многіе впали въ грѣхи, въ особенности оттого, что не бываетъ собора *православныхъ царей* и преподобныхъ святителей на нехранящихъ заповѣданнаго святыми апостолами и богоносными отцами. Если бы это соблюдалось, то каждый, боясь обличенія передъ соборомъ, старался бы изучить Божію службу и жить цѣломудренно, да не подпадетъ подъ кару по божественнымъ канонамъ.

Власѳимія листъ 637, оборотъ. гл. 25. Ѵстїѧна царѧ благочестиваго закона градскаго отъ различныхъ главъ о поставленїи епископъ и презвитеръ есть грань ки (28)—Царь и причетници и прочїе людие града того, въ он҃ же хощетъ епископъ поставленъ быти, предлежащи сватомѵ Бо҃ѵлию въ трехъ чинѣхъ сѵдъ и избранїа да сътворитъ. Въ человѣцехъ старѣйши и епископомъ клѧтися емѵ божїимъ словомъ и каноньскимн правилы и свѧтыхъ апостолъ и богоносныхъ съборыхъ отецъ и написати хартїю, ѧко не вдатыѧ ради и мзды, ни завѣщанїѧ, ни о врѣменьѧ ни иноѧ коеѧ дѣла любве и благодати ради избраша тыхъ на епископетво;

(гл. 26 л. 638) глава к-ѧ той же грани.

Поставлѧемый епископъ писаньемъ да вдаетъ прежде свою вѣрѵ, рекшевѣрѵю въ единаго Бога, изглаголетъ молитвы и съ напсанїемъ да клеиетсѧ именемъ Божиимъ ничтоже ни дати ни шѣщати комѵ дати что либо за поставленье ни преже, ни кѵпно, ни потомъ, ни самомѵ взнмати ни просити сѵщаго подъ инмъ прнчта. Аще ли чресъ се наше завѣщанье или поставленъ бѵдетъ или поставитъ на мздѣ или епископъ, ли презвитеръ, или дьѧконъ, или инъ кто ѿ причитаемыхъ церковникы повелѣвлемъ его зъ вѣмн образы ѿ сватительства изгнати; ащели не покаѧтсѧ, повелѣвлемъ проклѧти предызложенномѵ Ѵставѵ ѿ прежепрѡѧвленыхъ сѵ҃тыхъ апостолъ и богоносныхъ съборныхъ отецъ҃.

Изъ различныхъ главъ гражданскаго закона благочестиваго царя Юстиніана о поставленіи епископовъ и пресвитеровъ грань 28-я (ср Nov 137 c. 2).

Глава 1-я. *Царь* и клирики и *прочіе жители* того города, въ который имѣетъ быть поставленъ епископъ, предъ святымъ евангеліемъ да совершитъ судъ и избраніе трехъ лицъ. *Ему* гражданскіе архонты и епископы должны дать клятву словомъ Божіимъ, и *каноническими правилами святыхъ апостолъ и богоносныхъ соборныхъ отецъ*, и написать грамоту, что они ихъ избрали на епископство не ради даянія и мзды, не ради посула или обѣщанія и не по какой-либо пріязни и расположенію.

Глава 2-я. Поставляемый же епископъ прежде всего, да представитъ на письмѣ свою вѣру, *т. е. Вѣрую во единаго Бога* и т. д., изглаголетъ молитвы и дастъ письменно клятву именемъ Божіимъ, что онъ *ничего не давалъ, и не обѣщался что-нибудь кому-нибудь дать, за поставленіе, ни прежде, ни совмѣстно съ поставленіемъ, ни потомъ, и самъ не будетъ взимать или просить отъ подвластнаго ему причта..* Если же кто, вопреки этому нашему предписанію или поставленъ будетъ, или *поставитъ* на мздѣ, епископъ ли, *пресвитеръ ли, діаконъ ли или иной кто изъ причта церковнаго, повелѣваемъ* его всемѣрно изгнать изъ *священства*, а *если они не покорятся, то подвергнуть отлученію, согласно вышеизложенному уставу вышеуказанныхъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ соборныхъ отецъ*".

Выше приведенныя нами присяги патріарховъ Антонія и Каллиста II не только представляютъ изъ себя буквальную почти выдержку изъ нашего текста, но и прямую ссылку на него, именно, какъ на законъ Андроника, тотъ самый, о которомъ говоритъ Пахимеръ (см. стр. 208).

По существу своему, этотъ законъ представляетъ лишь интерполированную новеллу 137-ю Юстиніана. И очевидно, что въ этихъ интерполяціяхъ и заключается вся суть Андроникова закона. Но они направлены вовсе не противъ симоніи, и тутъ-то и обнаруживается, что симонія была лишь предлогомъ, дѣй-

ствительная же цѣль ихъ была сосредоточить въ рукахъ императора все управленіе церковію.

Андроникъ отказался отъ уніи съ Римомъ, но зато совершенно поработилъ церковь царю; въ этихъ видахъ и была произведена та систематическая переработка закона Юстиніана объ избраніи епископовъ, какую мы находимъ въ нашемъ текстѣ. Царь и епископы являются церковными законодателями; имъ поручено искать правилъ и хранить ихъ неподвижными. Царь же при участіи собора является и высшимъ судіею въ церкви. Нарушеніе каноновъ происходитъ „за не бывати отъ правовѣрныхъ *царь* и преподобныхъ чиститель сбору на нехранящихъ заповѣданія". Этотъ соборъ, очевидно, является въ такомъ составѣ учрежденіемъ, о которомъ ничего еще не знаетъ Юстиніанъ. На *царѣ* и епископахъ лежитъ отвѣтственность и за то, что безнаказанно нарушаются церковныя заповѣди. Законъ, къ сожалѣнію, не сохранился въ нашемъ источникѣ полностію. Вслѣдъ за главами о поставленіи епископовъ должны были, какъ и въ Юстиніановой новеллѣ, слѣдовать еще правила о созывѣ этого собора изъ царя и епископовъ и о судѣ надъ епископами, въ чемъ должна была выразиться полнота императорской супрематіи надъ церковью. Компиляторъ правилъ противъ симоніи выбросилъ эти предписанія, какъ не относящіяся къ его темѣ. Но и главы о выборѣ епископовъ свидѣтельствуютъ о полнотѣ этой централизаціи власти въ рукахъ царя подъ видомъ, яко бы возстановленія Юстиніанова закона.

Тогда какъ Юстиніанъ предоставилъ выборы епископа клирикамъ и виднѣйшимъ жителямъ города вдовствующей каѳедры, Андроникъ отдаетъ эти выборы въ руки царя (конечно, византійскаго) клириковъ и прочихъ жителей города. *Ему* т. е. царю, даетъ коллегія избирателей клятву въ томъ, что какъ избраніе, такъ и кандидаты соотвѣтствуютъ каноническимъ требованіямъ. Кандидатъ тоже долженъ былъ дать, очевидно, царю, письменную клятву въ томъ, что онъ никому ничего не далъ и не дастъ за поставленіе (добавка Андроника, о которой и идетъ рѣчь въ присяжныхъ исповѣданіяхъ па-

тріарховъ), и самъ не будетъ взимать за поставленіе съ подвластнаго ему клира. Что касается до самого царя, то никакихъ клятвъ или удостовѣреній онъ не выдаетъ. Молчаніе о нихъ не было случайнымъ. Вся практика XIV вѣка не оставляетъ сомнѣній, что и Андроникъ и его преемники въ ихъ походѣ противъ симоніи, въ дѣйствительности, имѣли въ виду не столько уничтожить поборы при хиротоніи, сколько обратить ихъ въ пользу императорской казны. Знающему фактическую обстановку назначенія на епископскія должности въ Византіи ясно, что всѣ эти клятвы только вполнѣ отдавали клянущихся въ руки блюстителя каноновъ благочестиваго царя, отъ котораго, такимъ образомъ, вполнѣ теперь зависѣло назначить того или иного кандидата, и весь XIV в. представляетъ, какъ увидимъ, картину весьма безцеремонной эксплоатаціи Россіи при помощи этого закона.

Конечно, и въ эту эпоху назначеніе митрополитовъ императоромъ опредѣлялось не только фискальными, но и общеполитическими соображеніями. Но именно въ этомъ-то отношеніи Андроникъ Старшій являлся очень своеобразнымъ человѣкомъ. Онъ относился къ имперской идеѣ съ замѣчательнымъ безразличіемъ и, дѣйствительно, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ принималъ во вниманіе желанія мѣстныхъ жителей при назначеніи епископовъ и митрополитовъ.

Результаты такой политики сказались прежде всего въ щедрости его на повышеніе епископій въ митрополіи. И изъ единой Русской митрополіи въ его царствованіе выдѣляются сначала Галицкая, потомъ же и Литовская митрополія.

Галичъ выдѣлился въ особую митрополію вскорѣ послѣ переселенія митр. Максима во Владиміръ Залѣсскій, благодаря хлопотамъ объ этомъ Галицкихъ великихъ князей. Возможно, что желаніе помѣшать этому выдѣленію и вызвало поѣздку Максима въ Константинополь, невзирая на очень уже преклонный возрастъ его. Вѣроятно, въ связи съ необходимостію добыть нужныя для этого средства Максимъ передъ этимъ побывалъ и въ Новгородѣ для мѣсячнаго суда.. И онъ, повидимому, добился того, что Галичъ былъ

оставленъ за нимъ, ибо на возвратномъ пути изъ Константинополя онъ, въ 1301-мъ году, обозрѣвалъ Волынь. Но при новомъ князѣ Галицкомъ, Юріѣ Львовичѣ (съ 1301 г.) въ 1303-мъ году мы находимъ въ Галичѣ уже самостоятельнаго митрополита. Въ спискахъ митрополій, подчиненныхъ Константинопольскому престолу въ XIV в., мы читаемъ по этому поводу (Синт. V. 496. прим. 1) „Галичъ, епископія Россіи, возведена въ митрополію императоромъ кіръ Андроникомъ Палеологомъ при святѣйшемъ патріархѣ кіръ Аѳанасіи въ 6811 году“ (т. е. въ 1303). Другой документъ относитъ къ этой митрополіи епископіи Владиміръ, Перемышль, Луцкъ, Туровъ и Холмъ [1]).

Такъ какъ второе патріаршество Аѳанасія началось лишь съ 19-го января 1304 года, а его предшественникъ оставилъ престолъ 23-го авг. 1303 года, то, очевидно, что въ 1303 мъ году могло лишь состояться возведеніе Галича въ митрополію царскимъ указомъ, зарегистрированіе же его синодомъ и поставленіе перваго митрополита галицкаго должно отнести къ началу 1304 года. Въ связь съ этимъ слѣдуетъ поставить и пониженіе русской митрополіи съ шестидесятаго на семьдесятъ второе мѣсто по распоряженію Андроника Старшаго. [2])

Намъ извѣстенъ и перечень первыхъ митрополитовъ галицкихъ по грамотѣ польскаго короля Казимира 1370 года, въ которой, между прочимъ, онъ пишетъ константинопольскому патріарху: „Отъ вѣка вѣковъ Галичъ слылъ митрополіею и былъ престоломъ митрополитовъ. Первый митрополитъ вашего (патрі-

---

[1]) Zachariae Jus Gr. Rom. III p. 701 an. 1. (ср. Р. И. Б. VI, пр. 15[1]) In Cod. Paris 1356 fol 294 haec leguntur. Ἦσαν τῇ μεγάλῃ Ῥωσίᾳ ἐπισκοπαὶ ιθ' νῦν δὲ ἐναπελείφθησαν αὐτῇ ιβ' ὕστερον γὰρ τιμηθείσης τῆς μικρᾶς Ῥωσίας εἰς μητρόπολιν παρὰ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως κυροῦ Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου ἐπὶ τοῦ πατριάρχου κυροῦ Ἀθανασίου διά τε χρυσοβούλλων λόγων καὶ πατριαρχικῶν ἐπικυρομάτων προσετέθησαν καὶ αὐτῇ τῇ μητροπόλει Γαλίτζης αἱ τοιαῦται ἐπίσκοπαι ἡ Βλαντιμοίρη. ἡ Περεμίσλη ι ἡ Λουτζέσκα, ἡ Τουρόβη, ἡ Χόλμη.

Σύνταγμα V. p. 494 not. 1 Γάλιτζα ἐπισκοπὴ οὖσα τῆς Ρωσίας ἐτιμήθη εἰς μητρόπολιν παρὰ τοῦ βασιλέως κυροῦ Ἀνδρονίκου τοῦ Παλοιολόγου ἐπι τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου κυροῦ Ἀθανασίου ἐν ἔτει ϛωιά т. е. 1303 г.

[2]) ὁ Ῥωσιας καὶ αὐτὴ ξ' οὖσα εἰς οβ' κατὴχθη θρόνον (Συντ. V. 493).

аршаго) благословенія былъ Нифонтъ, второй митрополитъ Петръ, третій митрополитъ Гавріилъ, четвертый митрополитъ Θеодоръ".

Перечень митрополитовъ всегда могъ быть провѣренъ патріархомъ по актамъ патріархіи, и уже это одно лишало Казимира возможности допустить въ немъ неточности. Что же касается до „отъ вѣка вѣковъ", то это выраженіе, конечно, должно быть понимаемо относительно: первымъ митрополитомъ называется лишь предшественникъ Петра, Нифонтъ, что и вполнѣ совпадаетъ съ приведенными выше данными.

Возведеніе епископій въ митрополіи обыкновенно производилось въ періодъ вдовства той митрополичьей каѳедры, которой подчинена была повышаемая въ рангѣ епископія. Прочія епископіи обыкновенно оставались по прежнему подъ властію прежняго митрополита. Въ данномъ же случаѣ въ пользу новаго митрополита галицкаго были отняты отъ митрополита кіевскаго цѣлыхъ пять епископій еще при жизни занимавшаго эту каѳедру Максима. Все это можетъ быть объяснено лишь воздѣйствіями мѣстнаго князя Юрія Львовича на императора Андроника Палеолога. [1]).

---

[1]) Керница епископія Старыхъ Патръ при императорѣ Іоаннѣ Кантакузинѣ возведена была въ достоинство митрополіи δι᾽ ἄλλας μὲν αἰτίας, ὧν τινας ἄμεινον σιωπᾶν. Патріархъ Нилъ по жалобѣ митрополита Старыхъ Патръ вновь подчинилъ Керницу Старымъ Патрамъ на томъ главнымъ образомъ основаніи, что отдѣленіе Керницы произошло при жизни митрополита Старыхъ Патръ, а не въ періодъ вакантности митрополіи καὶ ἀδικίαν τὸ πρᾶγμα ἐκάλει (митрополитъ Старыхъ Патръ) οὐδὲ γὰρ χηρεύσης τῆς μητροπόλεως τοῦτο γέγονε, ἵνα ἐλθὼν οὗτος ὕστερον καταδέξατο τοῦτο, ἀλλὰ περιόντος αὐτοῦ ἐστερήθη ἡ κατ᾽αὐτὸν μητρόπολις τοῦ ὑδίου δικαίου, καὶ παρεκάλεσε διὰ ταῦτα ἀποκαταστῆναι τῇ κατ᾽αὐτὸν ἁγιωτάτῃ μητροπόλει τὴν Κέρνιτζαν ὡς καὶ πρότερον (A. Patr. II. 24 an. 1381).

VII.

По смерти митрополита Максима въ 6813 (= 1304/5) произошла довольно обычная въ подобныхъ случаяхъ заминка въ назначеніи новаго митрополита, а въ 1308 году мы находимъ новое примѣненіе новеллы Андроника II. Къ этому времени освободился и Галицкій столъ, и въ этомъ году въ Константинополѣ оказались два кандидата: Геронтій, игуменъ Владимірскій, на Кіевскую каѳедру и Петръ, игуменъ Ратьскій, на Галицкую каѳедру. Относительно Геронтія почти ничего неизвѣстно. Относительно Петра [1]) извѣстно болѣе. Онъ былъ родомъ изъ Волыни, сынъ православныхъ родителей. Отца его звали Ѳеодоромъ. Семи лѣтъ онъ началъ учиться грамотѣ, „вскорѣ навыче всей мудрости“ и 12-ти лѣтъ уже поступилъ въ монастыръ гдѣ и прошелъ всѣ степени послушанія, выучившись между прочимъ и иконному письму. Затѣмъ онъ основалъ собственную обитель на Ратѣ, гдѣ и игуменовалъ, пока воля князя Галицкаго, Юрія Львовича, не призвала его на Галицкую каѳедру.

Такимъ образомъ Петръ не получилъ блестящаго образованія и съ нашей точки зрѣнія былъ изъ простецовъ. Но этотъ недостатокъ съ избыткомъ возмѣщался природнымъ умомъ и необыкновенными способностями будущаго митрополита. Къ величайшему сожалѣнію, вопросъ о поставленіи Петра и вообще о замѣщеніи вакансіи митрополита въ это время довольно-таки запутанъ въ нашихъ источникахъ. Главнѣйшимъ изъ нихъ является такъ называемое Прохорово житіе митр. Петра, „Твореніе Прохора, епископа Ростовскаго“, скончавшагося въ 1327 году. Это житіе

---

[1]) Голубинскій. Исторія Русской Церкви т. II, ч. 1 стр. 98 сл.

напечатанное у Макарія, Исторія Русской Церкви т. IV прил. III., если и предположить, что оно принадлежитъ современнику и отчасти сподвижнику Петра, а не неизвѣстному составителю (Голубинскій II, 1 стр. 98) дошло до насъ уже съ нѣкоторыми перемѣнами. Такъ въ двухъ мѣстахъ о Прохорѣ говорится въ третьемъ лицѣ, и онъ называется преподобнымъ. Но и въ этомъ видѣ житіе просто, кратко, ясно, отличается отсутствіемъ риторическихъ украшеній и подчасъ наивною простотою.

Совершенно иного характера другое житіе митрополита Петра, принадлежащее митрополиту Кипріану и помѣщенное въ Степенной книгѣ, степень 10 гл. 4. („Житіе и подвизи и мало исповѣданіе чудесъ иже во святыхъ отца нашего Петра архіепископа Кіевскаго и всея Руси, списано Кипріаномъ смиреннымъ мнихомъ и митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси“).

Оно представляетъ изъ себя, выражаясь школьнымъ языкомъ, амплификацію житія Прохорова. Кипріанъ рабски слѣдуетъ своему источнику въ послѣдовательности разсказа и даже сохраняетъ, въ большинствѣ случаевъ, его выраженія. Но въ то же время Кипріанъ принужденъ былъ вносить прямо тенденціозныя измѣненія въ первоначальный разсказъ Прохора. Въ своемъ житіи Кипріанъ заявляетъ себя почитателемъ святого Петра Московскаго и старается доказать, что онъ истинный преемникъ этого святителя на престолѣ, и что Петръ явно ему покровительствуетъ. Но, какъ мы знаемъ, Кипріанъ всю свою жизнь протествовалъ противъ права князей предлагать кандидатовъ на каѳедру митрополитовъ. Само собою понятно, въ какое затрудненіе ставило Кипріана, какъ жизнеписателя Петра, то обстоятельство, что Петръ какъ разъ оказывался такимъ же ставленикомъ князя, какими были и другіе противники Кипріана. Послѣднему необходимо было во что бы то ни стало оправдать митр. Петра въ этомъ обвиненіи и потому, именно въ важномъ для насъ вопросѣ о поставленіи Петра, мы и находимъ наибольшую массу тенденціозныхъ передѣлокъ. Вотъ что онъ пишетъ:

„Геронтій-же нѣкто, игуменъ сый, дерзнувъ дерзостію, восхитити хотя санъ святительства... тако само-

властія недугомъ одержимъ бѣ, и своеумiемъ на таковую высоту дерзнувъ, нѣкако и благополучно себѣ время творяше, и никому же возбраняющу ему отъ таковаго безсловесія, подъемлетъ убо подвиги, пріемлетъ же и святительскую одежду и утварь, еще же и ту самую икону, юже бѣ своею рукою отецъ нашъ Петръ написалъ и Максиму (митрополиту) принесъ, подъемлетъ же и жезлъ пастырскій и сановники церковныя, и поиде къ Констянтину граду, *яко готово имѣя чаемое.* Сеже услышано бысть по всеи Руской земли даже и до Волыни, еже и мнози негодоваху. Князь же Волынскія земли совѣщаетъ совѣтъ не благъ, восхотѣ Галичскую Епископію въ Митрополію претворити, извѣтомъ творяся Геронтіева высокоумія, не хотя, и нападаетъ на Петра словесы, подгнѣщая его къ Царюграду". Тенденція бьетъ тутъ изъ каждой строки. Кипріанъ правъ только въ одномъ: Геронтія не желало духовенство и сѣверной Руси. Прохорово житіе совершенно согласно въ этомъ отношеніи съ Кипріановымъ. И Прохоръ пишетъ: „преставшися Максиму митрополиту и *дерзну* Геронтій игуменъ подъяти санъ святительскій, возмя ризницю и рипидію, и многіа иконы, и сановники, якоже подобаетъ святителю и, ону икону Святую Богородицу, юже написа угодникъ Божій Петръ, еще сый игуменъ".

Все остальное въ утвержденіяхъ Кипріана частію тенденціозно, частію прямо невѣрно. Невѣрно то, будто бы Геронтій самовольно дерзнулъ на столъ святительскій. Очевидно, по тому торжественному поѣзду и обстановкѣ (сановники церковные), что за Геронтіемъ скрывался какой-то князь и, конечно, князь великій, какимъ былъ въ это время Михаилъ Тверской. Митр. Макарій правильно замѣчаетъ, что Геронтій, отправляясь въ Константинополь, сдѣлалъ это „не безъ согласія свѣтскихъ властей города Владиміра и нѣкоторыхъ изъ духовенства: иначе трудно объяснить, какъ никто не возбранилъ ему распоряжаться митрополитскою ризницею утварью, и какъ рѣшились сопутствовать ему церковные сановники, т. е., вѣроятно, митрополичьи бояре" (Макарій Ист. Р. Ц. IV. 15) Этимъ же объясняется и выраженіе Кипріана, что

Геронтій „прiиде къ Константину граду, яко готово имѣя чаемое“, т. е. съ полнымъ убѣжденіемъ въ полученіи каѳедры. То, что Кипріанъ умалчиваетъ объ имени этого князя, это тоже понятно. Рѣчь шла о князѣ Михаилѣ Тверскомъ, святомъ и мученикѣ за христіанство; онъ оказывался виновнымъ въ нарушеніи правила, признаваемаго Кипріаномъ за непреложную истину.

Невѣрно, будто бы только дерзость Геронтія привела Волынскаго князя къ мысли выдѣлить Галичъ въ особую митрополію: митрополія образовалась, какъ мы видѣли, гораздо ранѣе [1]). Несомнѣнно поэтому, что и кандидатура Петра, на котораго князь яко бы нападалъ словесами, не находилась ни въ какой связи съ попыткой Геронтія: дѣло шло для Галицкаго князя о замѣщеніи не Кіевской, а Галицкой митрополіи, и если онъ задержался, то потому, вѣроятно, что Нифонтъ нѣсколько пережилъ митр. Максима и умеръ около 1307-го или 1308-го года.

Изъ Прохорова житія ясно, что Петръ прибылъ въ Константинополь ранѣе Геронтія, чего не могло бы быть, если бы было правильно изложеніе Кипріана. Не Левъ Галицкій дѣйствовалъ по примѣру Михаила Тверского, а наоборотъ Михаилъ по примѣру Льва. Прождавъ три года митрополита и слыша, что Левъ посылаетъ своего кандидата, Михаилъ рѣшилъ и самъ послать Геронтія

Въ своемъ усердіи обѣлить Петра Кипріанъ доходитъ до того, что рисуетъ его какимъ-то простячкомъ, который, отправляясь въ Константинополь, яко бы даже не зналъ, зачѣмъ онъ туда ѣдетъ. Сказавъ, что князь побуждалъ его пти въ Константинополь, Кипріанъ продолжаетъ:

„И сіе убо творяше на многи дни; овогда самъ князь собою глаголя Петрови, овогда же боляръ и совѣтниковъ своихъ посылая къ нему. Святый же прекло-

---

[1]) Проф. Павловъ „О началѣ Галицкой и Литовской митрополіи и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по византійскимъ документальнымъ источникамъ XIV вѣка“. Русское Обозрѣніе 1894 года май, стр. 214 сл. гдѣ и литература, Тихонравовъ. Галицкая митрополія.

няется, и нисходитъ къ словесемъ ихъ, и самъ убо къ путеви управляшеся. Князь же втай Петра написуетъ писанія сь моленіемъ къ Святому Патріарху и ко всему священному собору, прося моленія своего не погрѣшити, но того самаго Петра на святительскомъ престолѣ видѣти прошаше, и посла убо посылаетъ съ писаніемъсъ Петромъ".

Впослѣдствіи мы увидимъ, что вся эта тирада не имѣющая никакого историческаго значенія для поставленія митр. Петра, направлена противъ Митяя, кандидата великаго князя Димитрія Московскаго и противника Кипріана. Кипріанъ желаетъ показать, что Митяй велъ себя иначе, чѣмъ Петръ, считавшій просьбу князя за себя грѣховною. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Кипріанъ въ своемъ усердіи переусердствовалъ; читатель поставленъ въ полное недоумѣніе, чего же ради Петръ такъ долго отказывался отъ путешествія въ Константинополь, разъ онъ даже и не подозрѣвалъ о томъ, что его готовятъ въ митрополиты. Кипріанъ продолжаетъ въ томъ же духѣ и далѣе.

И по сказанію Прохора, путешествіе Геронтія и Петра сопровождалось цѣлымъ рядомъ чудесъ. Геронтій на кораблѣ слышалъ ночью въ сонномъ видѣніи отъ образа Богоматери, написаннаго Петромъ, что будетъ митрополитомъ тотъ, кто ее написалъ. Потомъ буря въ продолженіи многихъ дней носила Геронтія по морю. Въ это время Петръ спокойно прибылъ въ Константинополь. „И вниде, по обычаю, въ соборъ ко преподобному патріарху Аѳонасію, исполнися храмъ благоуханіа, и разумѣ духомъ преподобный патріархъ Аѳонасей, яко Богомъ посланъ есть пути святительскому, освяти его и бысть митрополитъ". Кипріанъ и тутъ вноситъ поправки. Какъ человѣкъ, бывавшій въ Константинополѣ, онъ пишетъ, что послѣ чуда въ храмѣ патріархъ „пріятъ его радостно и благословенію его сподоби... Потомъ же яко вину пришествія его увѣда, абіе созываетъ соборъ священнѣйшихъ митрополитъ и *избраніе по обычаю сотворяетъ и явися достоинъ*".

Итакъ, Петръ поставленъ въ концѣ концовъ соборомъ, и не по рекомендаціи князя, а по испытаніи и по особому указанію Божію. Послѣднее было необходимо для Кипріана, для того, чтобы объяснить допущенное при этомъ отступленіе отъ правила назначать въ митрополиты только константинопольскихъ уроженцевъ.

Прохорово „Житіе" продолжаетъ. „*По времени же* пріиде Геронтій, патріархъ же Аѳонасей, *испытавъ, не освяти* его, но весь санъ возмя и дасть Петру митрополиту и ону святую икону, идѣже бѣ написалъ". Кипріанъ не ограничивается этими простыми словами и возвращается по этому поводу къ своей любимой темѣ. „Патріархъ же довольна словеса извѣщавъ, еще же и отъ правилъ богоносныхъ отецъ нашихъ прирекъ, яко не достоитъ міряномъ избранія святительская творити, ниже кому смѣти самому на таковый санъ дерзати". Фраза эта совершенно невозможна въ устахъ патріарха Аѳанасія въ виду существованія закона Андроника, согласно которому и преемникъ Аѳанасія, Нифонтъ, какъ увидимъ, признавалъ за Михаиломъ Тверскимъ право представлять кандидата на митрополичью каѳедру. Въ уставъ Кипріана она направлена отнюдь не противъ Михаила Тверского, такъ какъ Геронтій представляется дѣйствующимъ самовластно, а противъ Юрія Галицкаго, допустившаго, яко бы незаконное, избраніе митрополита.

Вообще все изложеніе Кипріана падаетъ, разъ мы примемъ во вниманіе существованіе закона Андроника, въ силу котораго всѣ эти, яко бы незаконныя, дѣйствія, въ дѣйствительности, были законными. Дѣло, очевидно, происходило такъ. По смерти митрополита Галицкаго Нифонта, князь Галицкій Юрій Львовичъ, на основаніи новеллы Андроника, предложилъ своего кандидата въ Галицкіе митрополиты, въ лицѣ Петра, который и былъ посвященъ, согласно желанію князя, патр. Аѳанасіемъ въ концѣ іюня 1306 года [1]).

---

[1]) Никон. 6834. Того же лѣта представися пресвященный Петръ, митрополитъ Кіевьскій.. мѣсяца декабря нощи въ 3 часъ противъ

Уже послѣ этого пріѣхалъ и кандидатъ великаго князя Михаила Тверского, Геронтій, но по испытаніи со стороны патріарха не удостоился назначенія на Кіевскую каѳедру. Производство испытанія, а не простой отказъ, доказываетъ, что она продолжала быть вакантною и по назначеніи митр. Петра въ Галичъ. О причинахъ же неудачи Геронтія легко догадаться. Онъ, по новеллѣ Андроника, долженъ былъ прежде всего заручиться рекомендаціею императора, а наивный кн. Михаилъ принималъ заявленія Андроника о недопустимости при этомъ мзды за чистую монету и, какъ увидимъ, даже впослѣдствіи полагалъ, что поставленіе митрополита въ Константинополѣ дѣйствительно будетъ безплатнымъ.

Доказывая права Михаила на предложеніе кандидата, Геронтій долженъ былъ изобразить Кіевъ совершенно разореннымъ городомъ какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Въ виду этого патріарху, не утвердившему Геронтія, оставалось поручить управленіе этою разоренною каѳедрою единственному кандидату изъ русскихъ, къ тому же являвшемуся и ближайшимъ къ Кіеву митрополитомъ, т. е. новопоставленному митрополиту Галицкому Петру. И въ Греціи въ подобныхъ случаяхъ митрополитъ младшей каѳедры переименовывался въ митрополиты поручаемой ему въ управленіе старшей каѳедры, хотя и предполагалось, что онъ будетъ оставаться и жить въ своемъ прежнемъ мѣстопребываніи. И митрополитъ Галицкій Петръ былъ переименованъ въ митрополиты Кіевскіе и всея Руси. Это по единогласному показанію лѣтописей въ томъ числѣ Никоновской и Львовской, произошло уже въ 6816 г. т. е. 1307/8 году.

Но это отнюдь не значило, чтобы самостоятельность Галицкой каѳедры была уничтожена: въ подобныхъ случаяхъ въ принципѣ сохранялась отдѣльность обѣихъ каѳедръ. Нѣтъ основанія думать, чтобы и въ

21-го дня. Седѣ на митрополичьемъ столѣ и пасъ церковь Божію *лѣтъ 18 и мѣсяць 6.* Львовская 6834. Декабря 20 представися пресвященный Петръ митрополитъ.... пасъ церковь Божію лѣтъ 18 и мѣсяць 6.

данномъ случаѣ не соблюли этого принципа. Особенно неудобно было бы закрыть Галицкую каѳедру для патріарха Аѳанасія, который только что открылъ ее всего за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ. Сознаваться въ своихъ ошибкахъ и перемѣнять разъ сдѣланныя имъ распоряженія было вовсе не въ характерѣ этого властнаго и задорнаго патріарха. Галичане и считали Петра не митрополитомъ Кіевскимъ, а митрополитомъ Галицкимъ (о чемъ еще впереди).

Если такимъ образомъ, митрополитъ Петръ былъ родомъ малороссъ, всю свою предшествующую жизнь провелъ на Волыни и сдѣланъ былъ митрополитомъ прежде всего Галицкимъ, то тѣмъ знаменательнѣе то, что и онъ очень скоро и навсегда оставилъ Галичъ, такъ что на Галицкую каѳедру назначенъ былъ даже новый митрополитъ. Дѣйствительною же паствою Петра явилась восточная Россія. Прохоръ только констатируетъ этотъ фактъ, но не даетъ ему никакого объясненія: „И пришедъ въ свою митрополью, и нача учити заблужшаа крестьяны... протолкуя... Евангельскаа писаніа и апостольскаа... та ученья излагаа... и тѣмъ утвержая истинную вѣру во крестьянѣхъ, преходя Волыньскую землю и Кіевьскую, и Суздальскую землю, уча вездѣ вся". (Макарій IV 313—314). Но, очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ осуществленіемъ идеала митрополита, миссіонера-апостола, на которомъ была построена теорія попечительства о всѣхъ. И если такой митрополитъ принужденъ былъ оставить свою родину, то не по какимъ-либо личнымъ мотивамъ, а въ связи съ обязанностями, возлагавшимися на него его званіемъ. И дѣйствительно митрополиту-кидемону Волынь, и въ особенности Галичъ, не могли быть по сердцу.

Припомнимъ, что византійская система не знала во-первыхъ отдѣленія церкви отъ государства, а во-вторыхъ проводила полный параллелизмъ между рангами мѣстныхъ церковнаго и гражданскихъ начальниковъ. Но каноны не дѣлали послѣдняго вывода изъ этого параллелизма, съ точки зрѣнія котораго не только рангъ, но и права органовъ власти церковной и государственной, въ одномъ и томъ же городѣ, должны быть

параллельными; каноническія правила еще не оставили вполнѣ древнюю точку зрѣнія, по которой епископъ, какъ бы ни былъ высокъ его рангъ въ сферѣ церковнаго управленія, въ принципѣ все таки остается лишь первымъ между равными по отношенію къ другимъ соепископамъ. Но теперь, въ кидемоніальной теоріи, этотъ выводъ былъ сдѣланъ, и параллелизмъ между этими двумя сторонами жизни Византіи проведенъ вполнѣ. Кидемоніальная теорія обращала митрополитовъ и епископовъ въ такихъ же делегатовъ патріарха, какими были свѣтскіе чиновники по отношенію къ императору.

Въ Россіи, какъ провинціи Византіи, должны были быть тѣ же самые порядки съ тою только разницею, что тутъ не рангъ и права духовнаго дигнитарія опредѣлялись рангомъ свѣтскаго, а наоборотъ—рангъ и права князя опредѣляются рангомъ епископа его стольнаго города.

Въ глазахъ Киннама единственнымъ настоящимъ носителемъ юрисдикціи въ Россіи былъ Кіевскій архіерей изъ Византіи. „Въ Тавроскиѳіи“, пишетъ онъ, „есть нѣкій городъ по имени Кіама (Кіевъ) который превосходитъ всѣ другіе находящіеся тамъ города и является митрополіею этого народа. Ибо въ немъ имѣетъ пребываніе архіерей изъ Византіи и онъ (Кіевъ) изрядно обладаетъ и другими преимуществами дающими старѣйшинство“. О томъ что въ этомъ городѣ находится столъ великаго князя всея Руси Киннамъ не считаетъ нужнымъ даже упомянуть [1]).

Съ этой точки зрѣнія права великаго князя русскаго до монгольскаго періода являлись не-

---

[1]) Cinnami Hist. lib. V c. 12. Ἔστι δέ τις ἐν Ταυροσκυθικῇ πόλις ὄνομα Κίαμα ἡ πόλεων τε ὑπερκάθηται τῶν ἄλλων ὅσαι τῇδε ἴδρυνται καὶ ὅσα καὶ μητρόπολις τῷ ἔθνει τούτῳ τυγχάνει οὖσα. Ἀρχιερεύς τε γὰρ ἐκ Βυζαντίου παρ' αὐτὴν ἥκει καὶ τῶν ἄλλων ὅσα ἐς πρασβεῖον φέρουσι κατεξαίρετον αὐτῇ μέτεστιν Киннама затрудняется какой терминъ употребить ему по отношенію къ этимъ, Тавроскиескимъ князьмъ. По большей части онъ зоветъ ихъ ἄρχοντες· ἡγεμονεύοντες, но одинъ разъ онъ называетъ ихъ φιλάρχοι Въ глазахъ его они являлись не только правителями, сколько предводителями бродячихъ дружинъ.

достаточными. Великій князъ могъ быть первымъ между равными ему удѣльными князьями лишь до тѣхъ поръ, пока митрополитъ былъ только старшимъ братомъ между собратьями епископами; но разъ мы находимся въ періодѣ, когда митрополитъ сталъ уже отцомъ, а епископы его дѣтьми, то и великій князь стольнаго митрополичьяго города долженъ былъ занять аналогичное положеніе среди прежде равныхъ ему князей. Только на такого великаго князя и могъ опереться митрополитъ для защиты своихъ кидемоніальныхъ правъ. Митр. Петръ, въ спорѣ съ еп. Андреемъ Тверскимъ, могъ отлично убѣдиться, даже если бы онъ не понималъ этого ранѣе, что при существовавшемъ въ Россіи многовластіи не могло быть и рѣчи о безспорномъ признаніи митрополитанскихъ правъ и митрополичьей юрисдикціи во всемъ ея объемѣ, такъ какъ непокорный епископъ всегда могъ найти поддержку у своего духовнаго сына, независимаго князя. Лозунгомъ митрополита кидемона должно было сдѣлаться объединеніе Руси подъ властію не только единаго митрополита, но и подъ властію единаго государя: одно безъ другого было немыслимо.

Именно съ этой стороны Галичъ, съ его преобладаніемъ бояръ, слабостію королевской власти, несмотря на пышный титулъ ея носителя, неурядицами въ управленіи, въ результатѣ которыхъ была потеря Галицкой самостоятельности впослѣдствіи, былъ во всѣхъ отношеніяхъ неподходящимъ для осуществленія этихъ идей о князѣ-кидемонѣ. Приходилось обращаться къ восточной Руси. И казалось бы, что и тутъ Петръ долженъ былъ бы обратить свое благосклонное вниманіе именно на Тверского великаго князя, какъ сдѣлалъ это и митрополитъ Максимъ.

Въ эпоху вступленія митрополита Петра на Кіевскую каѳедру, Тверь несомнѣнно обладала гегемоніей въ восточной Руси. Михаилу Ярославичу Тверскому принадлежали, кромѣ наслѣдственнаго княжества Тверскаго, еще Владиміръ, на правахъ великаго князя всея Руси. Даже для такого близкаго къ митр. Петру человѣка, какъ почитатель и жизнеописатель его, Прохоръ Ростовскій, первенство Твери было до такой

степени безспорнымъ, что старшій хотя и, малолѣтній сынъ Михаила, Димитрій, представлялся ему несомнѣннымъ будущимъ великимъ княземъ, и его онъ такъ и именуетъ при описаніи Переяславскаго собора. „А князю велпкому въ Ордѣ бывшу, но пріѣхавши сыну его князю великому Димитрію и брату его Олександру“ Онъ упоминаетъ даже о второмъ сынѣ Михаила, Александрѣ, забывая въ то же время упомянуть о Переяславскомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ.

И однако между митр. Петромъ и Михаиломъ Тверскимъ сразу возникаетъ какая-то, трудно объяснимая на первый взглядъ, вражда, выражавшаяся въ постоянной борьбѣ между святымъ княземъ и святымъ митрополитомъ и окончившаяся уничтоженіемъ Тверской гегемоніи.

Прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о причинахъ этой вражды, посмотримъ на ея первыя проявленія. Дѣло началось съ какихъ-то недоразумѣній между Петромъ и Тверскимъ епископомъ Андреемъ, недоразумѣній, перешедшихъ въ непримиримую вражду еп. Андрея къ митр. Петру. Въ этотъ споръ былъ втянутъ и кн. Михаилъ, стоявшій совершенно на сторонѣ своего епископа и поддерживавшій его. Къ этому-то дѣлу мы и обратимся. Существуетъ догадка, будто бы вражда еп. Андрея къ митр. Петру была обусловлена оскорбленнымъ честолюбіемъ: яко бы и Андрей разсчитывалъ на митрополичій столъ. Но, не говоря уже о томъ, что переводы съ епископской каѳедры на митрополичью были въ то время совершенно необычными, мы видѣли уже, что кандидатомъ великаго князя Михаила былъ Геронтій; только вражду вел. кн. Михаила къ Петру можно бы въ извѣстной степени объяснять неудовольствіемъ на неудачу великокняжескаго кандидата. Обращаясь же къ „Житію“ Прохора, мы находимъ, правда, неясные намеки на то, что вражда еп. Андрея находилась въ связи съ миссіонерскими путешествіями митр. Петра, посланіе же Акиндина прямо указываетъ, какъ на причину ея, на непосредственную митрополичью юрисдикцію и связанное съ нею извлеченіе доходовъ.

Въ „Житіи“ Прохора, непосредственно вслѣдъ за извѣстіемъ о поѣздкахъ митрополита Петра по Россіи мы находимъ и извѣстіе о возникновеніи вражды къ нему епископа Андрея. „П о з а в и д ѣ дьаволъ, вложи въ сердце вражду Андрею, еп. Тферьскому, послати хулу на св. Петра митрополита Аѳонасею патріарху“. Зависть діавола можетъ относиться только къ проповѣдническимъ трудамъ митр. Петра; но, конечно, Андрей Тверской только въ томъ случаѣ могъ считать себя задѣтымъ ими, если это проповѣдничество нарушало его права, какъ епископа. По всей вѣроятности, столкновеніе вызвано было поѣздкою митр. Петра въ Тверь, во время которой онъ осуществилъ свой непосредственный митрополичій судъ, подобно тому, какъ сдѣлалъ это его предшественникъ митр. Максимъ въ Новгородѣ. Прохоръ, вообще избѣгавшій точнаго указанія на ближайшіе поводы къ обвиненіямъ противъ митр. Петра, (почему увидимъ), естественно долженъ былъ умолчать и о составѣ этого обвиненія и объ этой поѣздкѣ въ Тверь.

„Хула“ еп. Андрея имѣла послѣдствіемъ дознаніе надъ митрополитомъ Петромъ въ Переяславлѣ. „И посла патріархъ Аѳонасей единаго отъ клирикъ своихъ, мужа сановита, разсудна и разума мудра и тиха... бывши же *сбору* въ градѣ Переяславлѣ... пріѣхавши же клирику отъ Костянтинаграда“ и т. д.

Это событіе слѣдуетъ отнести не позже какъ къ 1311 году. Прохоръ, поставленный въ 1311 году (6819) въ епископы Ростовскіе, былъ еще игуменомъ. Въ соборѣ принималъ участіе посолъ патріарха Аѳанасія, умершаго въ 1311 году. Но не могъ соборъ происходить и ранѣе конца 1310 года. Митрополитъ Петръ, бывшій въ 1308 г. въ Кіевѣ въ слѣдующемъ 1309 г. былъ во Владимірѣ, а въ 1310 г. ѣздилъ въ Брянскъ, гдѣ тщетно старался примирить князей. Остается выборъ между 1309 годомъ и 1310—1311 годомъ. Но дату 1309 слѣдуетъ признать слишкомъ ранней, ибо изъ „Житія“ Петра (Ник. 6817 и 6818) слѣдуетъ, что жалоба на него была подана патріарху послѣ поѣздки въ Суздальскую землю, т. е. во Владиміръ. По всей вѣроятности, митр. Петръ побывалъ въ Твери при поѣздкѣ въ Брянскъ, а тогда-то и должно было

произойти у него то столкновеніе съ еп. Андреемъ, которое послужило поводомъ къ жалобамъ патріарху.

Митр. Петръ получилъ особую грамоту патріарха, содержаніе которой передано Прохоромъ въ такомъ видѣ: „Чадо Петре! Не азъ тя избрахъ, но Св. Духъ постави тя пастуха и учителя Христову стаду словесныхъ овець. Се пріидоша отъ вашего языка словеса тяжка на твою святыню. Подщився буди предъ *святымъ соборомъ* и дай отвѣтъ симъ словомъ".

Уже этого достаточно, чтобы признать, что Переяславскій соборъ не былъ соборомъ для суда надъ Петромъ: патріархъ, очевидно, вызываетъ Петра на судъ синода въ Константинополь, какъ это и слѣдовало. Митрополитъ могъ подлежать только суду патріаршаго, а не своего мѣстнаго собора; да и по своему составу Переяславскій соборъ не былъ достаточенъ даже для суда надъ простымъ епископомъ.

„Бывши же сбору въ градѣ Переяславлѣ и ту бывшю преподобному Семеону, епископу Ростовскому, и преподобному (?) игумену Прохору сущи; пріѣхавши же клирику отъ Костянтина града, и призвану сущи Андрею епископу, а князю великому Михаилу въ ордѣ бывши, но пріѣхавши сыну его, князю великому Дмитрею, и брату его Олександру, и ины князи мнози и множество преподобныхъ игуменъ и ерей".

Уже такой составъ собора на которомъ, кромѣ обвинителя и обвиняемаго, былъ только одинъ епископъ, лишало соборъ возможности поставить приговоръ. Нельзя думать, что на соборѣ были и другіе епископы, кромѣ перечисленныхъ „Житіемъ", и что списатель „Житія" потому только не упомянулъ о нихъ, что онъ не интересовался никѣмъ, кромѣ ростовцевъ Симеона и Прохора. И въ такомъ случаѣ онъ упомянулъ бы о присутствіи иныхъ епископовъ, не упоминая о ихъ именахъ, какъ онъ упомянулъ о присутствіи другихъ игуменовъ, кромѣ Прохора. Патріаршій апокрисіарій просто пріѣхалъ произвести дознаніе по обвиненіямъ противъ Петра, съ тѣмъ, чтобы дать патріаршему суду матеріалъ для окончательнаго рѣшенія по дѣлу.

Такой порядокъ былъ обычнымъ въ XIV вѣкѣ. Напримѣръ, онъ былъ примѣненъ въ 1361 году по

дѣлу митр. Романа. а еще позже— и по дѣлу митр. Алексѣя. Въ дѣлѣ митр. Романа сохранилась и инструкція патріаршимъ посламъ, съ которой намъ придется имѣть дѣло впослѣдствіи. „Они (читаемъ мы въ ней) должны отправиться на Русь, созвать тамошнихъ боголюбивѣйшихъ епископовъ (кому не воспрепятствуетъ прійти на зовъ дальность пути), а также и благороднѣйшихъ великихъ князей; равнымъ образомъ и митрополитъ долженъ явиться на это собраніе самъ лично, или послать вмѣсто себя своихъ людей. По окончаніи разслѣдованія, которое имѣетъ производить апокрисіарій безпристрастно... пусть составлена будетъ удостовѣренная запись (ἔγγγράφος κατασφαλισμένη μαρτυρία) о всѣхъ обвинительныхъ пунктахъ и о томъ что окажется по разсмотрѣнію—запись, скрѣпленная собственноручными подписями боголюбивѣйшихъ епископовъ, благороднѣйшихъ князей и другихъ достойныхъ вѣры лицъ, дабы, когда наши апокрисіаріи возвратятся назадъ и принесутъ эту запись къ высочайшему и святому моему самодержцу и къ нашей мѣрности и находящемуся при насъ... собору, составилось соборное рѣшеніе, согласное съ божественными и священными канонами“.

Разъ епископы не могли судить митрополита, то участіе ихъ въ предварительномъ дознаніи по существу дѣла не могло ничѣмъ отличаться отъ участія князей и достовѣрныхъ мірянъ. И дѣйствительно Переяславскій соборъ представлялъ изъ себя не столько соборъ, сколько княжескій съѣздъ. Патріаршій апокрисіарій, явившись къ князю Ивану въ Переяславль, вызвалъ туда обвинителей въ лицѣ еп. Андрея Тверского и тверскихъ князей и произвелъ дознаніе по предметамъ обвиненія въ присутствіи и мѣстнаго епископа Симеона.

Какъ же и о чемъ происходило дознаніе? Прохоръ ограничивается сообщеніемъ, что результатъ дознанія былъ не въ пользу еп. Андрея.—„И абіе посрамленъ бысть Андрей, епископъ Тверскій“. Но Кипріаново житіе содержитъ подробности любопытныя, поскольку имп рисуются порядки византійскаго слѣд-

ствія его времени, съ которыми Кипріанъ былъ знакомъ въ совершенствѣ[1]).

И въ описаніи Кипріана мы видимъ тотъ же порядокъ, что и въ инструкціи апокрисіаріямъ по дѣлу Романа. Тогда какъ въ Византіи дѣйствовалъ обвинительный процессъ, тутъ мы видимъ совершенно иное. Участіе обвинителя не требуется. Слѣдователи ведутъ дѣло сами и являются хозяевами дознанія, вовсе не обязанными указывать имя лица, подавшаго жалобу; послѣднее отвѣчаетъ только за клевету. И самая цѣль всего этого производства не столько покарать виновнаго, сколько прекратить соблазнъ. Однимъ словомъ, мы имѣемъ на лицо всѣ тѣ черты, которыми отличался на западѣ денунціаціонный процессъ. Но на востокѣ, какъ видно, онъ не являлся самостоятельнымъ процессомъ, а только стадіею нормальнаго обвинительнаго процесса.

Легко видѣть даже изъ изложенія Кипріана, что конецъ разсказа не вяжется съ началомъ: при всемъ своемъ расположеніи къ митр. Петру, онъ не могъ умолчать о томъ, что противъ послѣдняго раздавалось столько голосовъ и онъ самъ предлагалъ отказаться отъ престола. Очевидно, тотъ шумъ и смятеніе, которые старался утишить Петръ, были вызваны отнюдь не желаніемъ присутствующихъ знать, кто клеветникъ? Личность обвинителя, конечно, всѣмъ была

---

[1]) „И яко Патріархомъ посланный клирикъ пріиде на Русь, и соборъ собирается въ градѣ Переяславли... призвану бывшу Андрею, епископу Тверскому, иже бяше самодѣлатель всѣмъ тогдашнимъ молвамъ... посланный патріархомъ клирикъ писанія и словеса преподобному святителю Петру предъ всѣми являетъ, и велику мятежу бывшу о лживомъ и льстивомъ оклеветаніи на святого; толика бо молва бысть, яко вмалѣ не безмѣстно что бысть,—аще не бы самъ святитель Божій человѣкъ вопль уставилъ... Глаголаша бо ко всѣмъ „Братія и чада о Христѣ возлюбленная! не унше есмь азъ Іоны пророка, аще убо мене ради есть волненіе великое, иждените мене, и уляжетъ молва отъ васъ; по что убо мене ради движетеся толико?“ „Обаче о немъ всѣмъ спирающимся и изыскати хотящамъ, кто и откуду есть, иже таковая словеса лживая на отца нашего Святителя возведый, обаче злому дѣлатель не утаися и всѣмъ въ явленіе пріиде неправедное, еже на святого, Андреево оболганіе, и предъ всѣми посрамленъ и уничиженъ бысть“.

извѣстна. Посольство, въ которомъ несомнѣнно принимали участіе и Тверскіе князья, которое даже и не могло быть снаряжено безъ ихъ участія, не могло остаться тайнымъ въ Россіи. Ясно, что Тверскіе княжичи и на Переяславскомъ соборѣ держали сторону еп. Андрея и поддерживали обвиненія противъ митрополита Петра. Требованіе могло имѣть, лишь тотъ смыслъ, чтобы еп. Андрей выступилъ формальнымъ обвинителемъ; но онъ могъ это сдѣлать лишь на судѣ патріарха. Петръ же встрѣтилъ содѣйствіе въ мѣстномъ князѣ, и апокрисіаріи тоже, повидимому, не стояли на сторонѣ обвинителей Петра. Какъ бы то ни было, но доносъ Андрея не имѣлъ результатовъ. Митрополитъ Петръ отнесся къ своему противнику очень милостиво. „Св. Петръ митрополитъ ничтоже сотвори ему зла, но рече: миръ ти чада (не брате), не ты бо се сотвори, но діаволъ“ [1]). Здѣсь играло роль не столько миролюбіе Петра, сколько то обстоятельство, что обвиненія Андрея, какъ увидимъ, не были въ это время недобросовѣстными.

Переяславскій соборъ и его рѣшенія являются въ высшей степени важными для послѣдующей дѣятельности митр. Петра. Только съ этого времени онъ могъ безпрепятственно осуществлять права общаго для всей Руси епископа, признанныя за нимъ на этомъ соборѣ, и дѣйствительно осуществлялъ свое апостольское служеніе во всемъ объемѣ. Если прежде оно касалось главнымъ образомъ его собственной епархіи, и только случайно затронуло Тверь, то теперь оно распространяется на всю Русь. По замѣчанію Прохора: „Святый же святитель паче нача учити, не токмо по градомъ, но и вся си въ странахъ, и вся мѣста преходя; ни труда бо собѣ имѣя, ни болѣзни чюя на тѣлѣ своемъ ни лѣности имѣя, но пекійся стадѣ Христовѣ словес-

---

[1]) Совершенно иначе отнесся Петръ, напр., къ еп. Сарайскому Измаилу, котораго въ 6820 году лишилъ каѳедры и замѣнилъ Варсонофіемъ Мы не знаемъ, въ чемъ была вина Сарайскаго епископа; но можно думать, что и тутъ шло дѣло о митрополичьей юрисдикціи, которую могъ не признавать Сарайскій владыка, опираясь на ханскіе ярлыки.

ныхъ овецъ". Это точное разграниченіе двухъ періодовъ дѣятельности митр. Петра находимъ лишь въ первоначальномъ житіи.

Повидимому, Прохоръ правъ, приписывая разъѣзды Петра по Руси чисто идеальнымъ и, во всякомъ случаѣ, не чисто фискальнымъ соображеніямъ: митр. Петръ ни разу не заѣхалъ въ Новгородъ, любимое мѣсто поѣздокъ другихъ митрополитовъ, желавшихъ поправить ихъ финансы. Къ тому же посѣщеніе весей вовсе и не требовалось для производства непосредственнаго митрополичьяго суда, которое удобнѣе всего могло быть произведено имъ въ епископской резиденціи. Но тѣмъ не менѣе Петру опять пришлось вступить въ столкновеніе съ Тверью и по тому же самому поводу, какъ и въ первый разъ. Столкновеніе это слѣдуетъ отнести ко времени поѣздки митр. Петра въ Орду.

Въ 1313 году воцарился въ Ордѣ ханъ Узбекъ, принявшій магометанство. Это заставило князей отправиться въ Орду къ новому хану за подтвержденіемъ ихъ правъ. Изъ духовныхъ лицъ, насколько намъ извѣстно, поѣхалъ въ Орду только митрополитъ Петръ, отправившійся въ это путешествіе вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ. (Воскр. 6821). „Кн. вел. Михайло поиде въ Орду, такоже и Петръ митрополитъ поиде съ нимъ же вкупѣ къ новому царю Озбяку. Милостію Божіею Петръ митрополитъ отпущенъ бысть на Русь вборзѣ". Естественно, что митр. Петръ передъ поѣздкою въ Орду пріѣхалъ къ великому князю въ Тверь; во время этого пребыванія въ Твери осуществленіе митр. Петромъ непосредственной митрополичьей юрисдикціи и должно было вызвать новыя столкновенія его съ еп. Андреемъ и великимъ княземъ Михаиломъ, окончившіяся для еп. Андрея далеко не такъ благополучно, какъ въ первый разъ.

Смутное извѣстіе объ этомъ сохранилось въ Прохоровомъ Житіи св. Петра. Тамъ, непосредственно за сообщеніемъ о пастырской дѣятельности митр. Петра послѣ Переяславскаго собора, находимъ фразу:

„И се тако еретика препрѣ пріѣхавши на прю и прокля и“.

Митрополитъ Макарій замѣчаетъ по этому поводу (IV. 31). „Здѣсь, по всей вѣроятности, описка; иначе выраженіе „еретика препрѣ“ слѣдуетъ отнести къ епископу Андрею, котораго митр. Петръ простилъ на Переяславскомъ соборѣ“.

Въ позднѣйшихъ переработкахъ Житія митр. Петра мѣсто это читается различно.

Въ Степенной книгѣ I 418—419 „въ тоже время и Сеитъ еретикъ явися и чуждая Церкве Христовы и православныя вѣры мудрствуя, егоже Святый препрѣ и не покаряющася того проклятію предастъ, иже и погибе“. При такомъ чтеніи мы будемъ имѣть дѣло съ борьбою митр. Петра съ магометанскою пропагандою (Сеиты—магометанскія духовныя лица у татаръ. Карамзинъ VII пр. 263), если не слѣдовать мнѣнію Татищева, будто бы Сеитъ былъ новгородскій протопопъ, соумышленникъ епископа Андрея, отвергавшій существованіе рая на землѣ и проповѣдывавшій противъ монашества. Но въ такомъ случаѣ отлученію подлежалъ бы и самъ Андрей на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и его соумышленникъ, тогда какъ въ обвиненіяхъ на Петра рай и монашество не могли играть никакой роли. (Татищевъ IV. 93).

Но самъ Макарій (IV. 317) отдаетъ предпочтеніе чтенію Ник. III. 135. „Въ тоже время и се инъ еретикъ явись“ и т. д. мы полагали бы, что нѣтъ нужды ни предполагать здѣсь описку, ни отдавать предпочтеніе позднѣйшему и производному источнику передъ основнымъ. И дѣйствительно, и изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что черезъ нѣкоторое время послѣ Переяславскаго собора и примиренія съ Петромъ, Андрей снова подвергся запрещенію со стороны митрополита, ибо изъ письма Акиндина къ вел. кн. Михаилу, 1315 г. ясно, что въ это время предполагалось поставить новаго епископа для Твери, что предполагаетъ устраненіе Андрея. Это новое столкновеніе и испортило вновь отношенія между великимъ княземъ и митрополитомъ. Хотя они и отправились въ Орду вмѣстѣ, но Михаилъ вновь снаряжаетъ посоль-

ство въ Константинополь съ жалобами на Петра. Въ этомъ посольствѣ, если не во главѣ его, находился Акиндинъ, одинъ изъ монаховъ Тверского общаго Богородичнаго монастыря (Воскр. 6797), т. е. монастыря на Шешѣ, основателемъ и настоятелемъ котораго былъ еп. Андрей Тверской еще до возведенія на Тверскую каѳедру, куда онъ и удалился по отреченіи отъ нея въ 1315 году [1]).

По порученію еп. Андрея Акиндинъ отправился въ Константинополь къ патр. Нифонту I (1312—1315), стало быть уже послѣ Переяславскаго собора, былъ милостиво принятъ патріархомъ, присутствовалъ на засѣданіи патріаршаго синода, подъ предсѣдательствомъ Нифонта I и Аѳанасія Іерусалимскаго, изъ 36 епископовъ, получилъ отъ него отвѣты на предложенные имъ вопросы и привезъ отъ патріарха отвѣтное письмо на имя вел. кн. Михаила Ярославича. Вѣроятно, эта-то патріаршая грамота и была отправлена къ князю совмѣстно съ письмомъ Акиндина. Видно, что князя Михаила въ это время въ Твери не было. Все это вмѣстѣ съ датою низложенія патр. Нифонта I (1315) указываетъ на періодъ времени между 1313 и 1315 годами, когда князь Михаилъ Ярославичъ Тверской былъ въ Ордѣ [2]).

---

[1]) Относительно этихъ двухъ посланій см. статью проф. Павлова „Два посланія къ великому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому Константинопольскаго патріарха Нифонта I и русскаго инока Акиндина о поставленіи на мядѣ.“ въ Правосл. Собес. 1867 годъ II 236. сл. Помѣщены въ Р. И. Б. VI. 147 сл.

[2]) Существуетъ предположеніе, что какъ самое посольство Акиндина, такъ и переписка его съ Михаиломъ Тверскимъ предшествуетъ Переяславскому собору.

Прав. Собес. 1867 II 241. „Сравнивая это посланіе съ предыдущимъ (дѣло идетъ о посланіи Акиндина, которое сравнивается съ грамотою Нифонта), невольно предполагаемъ, что мнѣніе вел. кн. о св. Петрѣ измѣнилось на лучшее, почему, вѣроятно, и самый судъ надъ митрополитомъ производился въ Россіи, а не въ Константинополѣ, какъ требовалъ патріархъ Нифонтъ. Кажется, Акиндинъ писалъ свое посланіе незадолго до этого суда съ цѣлью побудить великаго князя явиться на соборѣ главнымъ обвинителемъ митрополита. Эта цѣль не была достигнута: великій князь не присутствовалъ на соборѣ онъ былъ тогда въ Ордѣ у хана (ссылка на Макарія т. IV стр. 310)

Изъ содержанія этихъ документовъ становятся ясны причины неудовольствія тверяковъ на Петра.

Что касается до Михаила Тверского, то онъ не скрываетъ своей досады на то, что, вопреки, новеллѣ Андроника, поставленъ не его кандидатъ, и требуетъ низложить Петра и поставить его кандидата. Кромѣ того, онъ проситъ у патріарха присылки *какого-то закона насчетъ симоніи*, что по связи рѣчи можетъ означать лишь законъ Андроника. Что же касается до другихъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ лицъ, то тоже ясно, что споръ между еп. Андреемъ и Акиндиномъ съ одной стороны и митрополитомъ Петромъ съ другой былъ отраженіемъ тѣхъ же споровъ, какіе существовали въ Греціи между строгими ревнителями и сторонниками болѣе снисходительной практики.

Акиндинъ стоялъ на сторонѣ строгаго соблюденія каноновъ. Онъ обвинялъ митр. Петра прежде всего въ нарушеніи брачныхъ запрещеній, въ томъ, что онъ не расторгалъ въ Твери браковъ заключенныхъ въ шестой, пятой и даже четвертой степеняхъ; во-вторыхъ же Акиндинъ обвинялъ его въ симоніи, подъ которою, согласно постановленію Андроника, понималъ всякое взиманіе при посвященіи, въ томъ числѣ и ставленическія пошлины [1]).

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о матеріальной правильности обвиненій, замѣтимъ, что всѣ они могли возникнуть только на почвѣ кидемоніи и связанной съ нею непосредственною митрополичьею юрис-

---

Такое предположеніе не согласно съ вышеприведенною датою собора въ 1311 году. патріархъ Аѳанасій отрекся отъ престола въ 1311 году, Нифонтъ же, по свидѣтельству Григоры, былъ возведенъ на престолъ патріаршій лишь два года спустя, т. е. если предположить, что Аѳанасій отрекся въ началѣ 1311 года, то Нифонтъ могъ быть поставленъ лишь въ концѣ 1312 года, не ранѣе. (Григора VII. 8). Неправильно далѣе то предположеніе, что на соборѣ 1311 года происходилъ судъ надъ митр. Петромъ. то было, какъ мы уже видѣли, лишь простое дознаніе.

[1]) „И тѣхъ (апостоловъ) *законными уставы* и азъ *понужденъ отъ нынѣшнихъ боящихся Бога* и вослѣдникъ заповѣдей Его возвѣстити тобѣ писаніемъ не яко ново что вѣводя, еже и ты, боголюбче, молчанія же ради осуженія бояся, видя ересь растущу и множающуюся

дикціею. Петръ ссылался на свои права и обязанности апостольскаго служенія. Акиндинъ обвинялъ Петра въ пышности и властвованіи и требовалъ отъ него смиренія и апостольской кротости [1]). Если митрополитъ Петръ расторгалъ или не расторгалъ въ Твери браки въ близкихъ степеняхъ, то онъ могъ это дѣлать только при осуществленіи имъ суда въ первой инстанціи. То же слѣдуетъ сказать и о взиманіи ставленическихъ пошлинъ, на которое жалуется Акиндинъ; оно предполагаетъ поставленіе митр. Петромъ ставленниковъ въ Твери.

Всѣ эти дѣйствія м. Петра, съ точки зрѣнія древняго каноническаго права, представляли собою несомнѣнное вторженіе въ чужую парикію, хотя бы и подчиненнаго епископа, являлись тяжкимъ преступленіемъ; за него то и долженъ былъ м. Петръ подлежать отвѣтственности въ первую голову. Но любопытно, что, именно, не во вторженіи обвиняютъ Петра тверяки, и не въ этомъ видитъ вину его патріархъ, а только—въ матеріальной неправильности рѣшеній митрополита при осуществленіи этой юрисдикціи. (Послѣдняя такимъ образомъ признается формально правильною).

Только въ случаѣ доказанности этихъ обвиненій патріархъ признаетъ митр. Петра достойнымъ низло-

---

бестуднѣ и непокровными усты износиму, наченшуся обычаемъ богоненавистнымъ отъ старѣйшихъ святитель нашихъ и до меньшихъ, непродаемую благодать (Духа) Святаго въ куплю въводити и взимати отъ поставленія митрополиту отъ епископа, и отъ попа, и отъ діакона, и отъ прочихъ причетникъ; также и епископу отъ сущаго подъ нимъ всего причта, отъ первыхъ и до послѣднихъ и отъ всякого священія, апостольскому и богоносныхъ отець сборному преданію поставленнаго на мѣздѣ и съ поставльшимъ его обою отъ сана измещуть.

[1]) Приведя начало новеллы 6-й о священствѣ и царствѣ, Акиндинъ продолжаетъ: „Тако да будетъ тщаніе и тобѣ, державный боголюбче, еже святитель чистота и къ Богу дерьзновеніе... Се бо удобреніе есть всецерковному исполненію, а не еже зватися именемъ точію святителю, и чистительскими ризами украшатися, и множествомъ предъстоящихъ кичитися, многонароднымъ въслѣдованіемъ чтити собѣ, и запрещати бес правды, мучительскы, а не святительскы, и злобою покрыватися отъ обличающихъ, не хотяще держати на собѣ главы своея—Христа“.

женія и, въ такомъ случаѣ, право рекомендаціи новаго митрополита признаетъ, согласно закону Андроника, за мѣстнымъ княземъ. „Поставимъ“, пишетъ Нифонтъ Михаилу; „кого восхощетъ боголюбство твое, мужа послушествованнаго добрами дѣлы отъ всѣхъ людей“.

Р. И. Б. VI 148—149: „Понеже митрополитъ много сътворилъ безъ закона, видили есмы и увѣдали отъ писаныхъ къ намъ грамотъ и отъ пословъ вашихъ. Велико есть то дѣло и велми гнѣвить Бога, еже отъ крови 6 степень прощаеть и благословляеть: еже 6 степень отъинудь отсѣчено и запрѣщено; не бывало то дѣло николиже промежи кристіанъ, *ни у тѣхъ, кто закона Божія не имѣеть*. Како же не будеть обвиненъ, иже 5-й и 4-й степень пращаеть и благословляеть? То есть велико дѣло, и многъ гнѣвъ отъ Бога въставлять на ны. Еще же паче горше того творить митрополитъ—мьзды емлеть отъ ставленія, яко и корчьмитъ есть, продаеть благодать Святаго Духа: то есть преизлѣше гнѣвъ отъ Бога; про то же не токмо измѣтаютъ святіи канони, но и отлучають и проклинають его“. Егда придеть митрополитъ. или исправиться, тотъ, или другого *поставимъ, кого въсхочеть боголюбьство твое*, мужа послушествована добрыми дѣлы *отъ всѣхъ людей*. Тогда съ митрополитомъ *пошлемъ уставленіе закона въсписано*, что просилъ еси въ славу Богу и душевную помочь христолюбивымъ людемъ“.

Съ точки зрѣнія матеріальнаго права обвиненія противъ митр. Петра были дѣйствительно тяжкими; но едва ли патріархъ могъ быть вполнѣ искрененъ въ своемъ негодованіи на митр. Петра съ точки зрѣнія даже греческой практики. И въ Греціи отлично умѣли совмѣщать теоретическую строгость запрещенія браковъ до седьмой степени съ „домостроительствомъ“ (икономіей) въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Преемникъ митр. Петра, грекъ Ѳеогностъ, въ 1350 году разрѣшилъ предполагавшійся бракъ между вел. кн. Ольгердомъ Литовскимъ, не бывшимъ въ это время даже христіаниномъ, и Юліаніею Тверскою,

т. е. въ пятой степени двухроднаго свойства [1]). Лѣтопись сохранила это извѣстіе потому, что дѣло шло о княжескомъ бракѣ, но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что такія же послабленія не допускались для простыхъ смертныхъ. Замѣтимъ, что Ѳеогностъ не былъ въ этомъ отношеніи особенно слабъ: онъ незадолго передъ этимъ не разрѣшилъ брака Симеона Гордаго и заставилъ его обратиться за разрѣшеніемъ въ Константинополь, гдѣ ему этотъ бракъ и былъ разрѣшенъ.

Если и въ Греціи принуждены были прибѣгать къ послабленіямъ, то въ Россіи эти запрещенія были подчасъ и невыполнимы при условіяхъ тогдашней русской жизни и приводили лишь къ вымогательствамъ со стороны духовенства, какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ митр. Петръ въ своемъ поученіи попамъ. Онъ пишетъ. „А епетиміи еже предали св. Отци намъ на спасеніе, подавати согрѣшающимъ на очищеніе грѣховъ ихъ, а вы ихъ не даете, а смотрите ко взятію, а они во грѣсѣхъ пребываютъ: троеженецъ и четвероженецъ, имѣющіе невѣнчаные жены, тѣмъ не запрещаете“. (Р. И. Б. VI. 161). Судя по контексту, дѣло идетъ даже не объ однихъ только мірянахъ, но и о вдовыхъ попахъ, къ которымъ Петръ тотчасъ же и переходитъ. При такихъ условіяхъ тѣ послабленія, какія допускались митр. Петромъ, не расторгавшимъ браки въ шестой, пятой и даже четвертой степени родства, а ограничивавшимся наложеніемъ епитимій, могли быть мудрою мѣрою пастырскаго снисхожденія.

Такъ же обстояло дѣло и съ обвиненіями въ симоніи. Съ точки зрѣнія закона Андроника Петръ не-

---

[1]) Воскр. 6858: „Олгердъ прислалъ къ великому князу Семену (Гордому) послы своя, прося за себя свести его, дщери княже Александровы Михайловича Тверьскаго княжны Уліяны; князь же великій доложа Ѳеогнаста митрополита, дасть ю за Олгерда“.

Родной дядя невѣсты Димитрій Михаиловичъ былъ женатъ на родной сестрѣ жениха Маріи Гедиминовнѣ.

Въ 1350 году Семенъ Ивановичъ выдалъ свою дочь отъ перваго брака за двоюроднаго брата своей третьей жены, Маріи Александровны Тверской, сына Василія Михайловича Кашинскаго.

сомнѣнно ее допускалъ, взимая ставленическія пошлины. Поэтому, на вопросъ Акиндина о ставленическихъ пошлинахъ, ни Нифонтъ, ни Аѳанасій Іерусалимскій, ни патріаршій соборъ не могли дать иного отвѣта, какъ тотъ, который приводится Акиндиномъ, т. е. что всякая пошлина есть симонія.

„Занеже самовидець есмь о тѣхъ вещехъ“ писалъ Акиндинъ „посланъ своимъ епископомъ къ вселенскому патріарху Констянтинаграда и ко всему пресвятому сбору, предсѣдящу патріарху Нифонту и Аѳанасію ерусалимьскому, и прочихъ митрополитъ 36, и всѣхъ судомъ и отвѣтомъ отвѣща ми патріархъ: аще и до половины перепера (иперпиры), или ино мало что—село крови нарече и корчьму; со Іюдою равни суть, и не имуть части съ Христомъ ни здѣ, ни въ будущемъ вѣцѣ“.

Но въ то же время обвиненія Акиндина производятъ впечатлѣніе рѣчей человѣка, далекаго отъ дѣйствительности. Даже побывавъ въ Константинополѣ, онъ не разгадалъ характера патріарха Нифонта, безграмотнаго человѣка, любителя роскоши и наживы, занимавшагося кражею и подмѣномъ драгоцѣнностей на иконахъ и вообще не брезговавшаго ничѣмъ ради прибыли, про котораго говорили, что онъ никого не поставлялъ въ архіереи иначе, какъ получивъ отъ него въ подарокъ хорошую лошадь. Вскорѣ этотъ патріархъ былъ низложенъ за свои дѣянія, а Акиндинъ, повидимому, искренно считалъ его столпомъ благочестія и нестяжательности.

Акиндинъ, какъ истый идеалистъ, говорилъ объ евангельской бѣдности мыслями, если не словами патр. Аѳанасія, не замѣчая того, что митрополитъ не только обложенъ былъ податьми въ пользу яко бы нестяжательнаго патріарха, но и принужденъ былъ запастись средствами, отправляясь къ Узбеку въ самую, можно сказать, опасную минуту для православія и христіанства на Руси. Не слѣдуетъ забывать, что Узбекъ распространялъ исламъ между татарами съ жаромъ неофита, что пропаганда велась и среди русскихъ, и что въ самой Россіи находились даже монахи, принимавшіе исламъ. Извѣстно, далѣе, что лицъ, не

уплачивавшихъ ханскихъ податей, обращали въ рабство и отводили въ Орду; и при всемъ томъ Акиндинъ наивно полагаетъ, что бѣдность церкви была бы лучшею защитою ея отъ поганыхъ.

„Слышахъ бо нѣкыя безочествомъ извѣстующа вины въ грѣсѣхъ, поганьскаго ради насилія се творяще — пресвятое и не продаемое продаютъ и *купять*... Како не стыдитеся се глаголюще? Поганый бо, ли тать, ли разбойникъ, гдѣ видить богатьство, то всяко тщаніе творить пограбити, ли покрасти, ли разбити; а идѣже нищата Христова смиренія, ту не надѣется ничтоже пріобрѣсти: то и не насилить и не томить. Апостоли ци богатьствомъ отъ конца и до конца вселеныя проповѣдію слова притекоша“? (Р. И. Б. VI. 154).

Не замѣтилъ Акиндинъ и того, что и въ посланіи Михаилу патріархъ играетъ явно двойную игру. Онъ обѣщаетъ низложить митрополита и поставить новаго по представленію князя; но въ то же время онъ не присылаетъ требуемаго Михаиломъ закона Андроника, а только обѣщается прислать его съ будущимъ митрополитомъ.

Что въ Россіи знали содержаніе этого закона, ясно изъ тѣхъ выраженій, какія мы находимъ въ посланіи Акиндина. Такъ, убѣждая князя не допускать поставленія новаго епископа въ Тверь, онъ пишетъ: „Царь еси, господине княже, въ своей земли“ (Р. И. Б. VI. 158), чѣмъ ясно указывается на начальныя слова закона Андроника: „Царь и причетницы и прочіе людіе ...судъ и избранія епископа да створить“. Акиндинъ ссылается на тѣ же уставы апостоловъ, на какіе ссылается и законъ Андроника. Но, очевидно, эти свѣдѣнія черпались не изъ подлиннаго закона Андроника, а изъ какого то сборника.

Мы уже знаемъ одинъ такой сборникъ (см. стр. 209). того времени: это — „Книга, нарицаемая Власѳимія, рекше хула на еретикы, главы различны отъ евангеліа и отъ канонъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ въ нихъ же обличенія Богомъ ненавистныхъ злочестныхъ, духопродажныхъ ересей“. Этому заголовку по содержанію соотвѣтствуютъ главы отъ первой по

сорокъ четвертую. Главы отъ 45 и до конца слѣдуетъ признать позднѣйшимъ добавленіемъ. Въ первоначальной части, главы отъ 1 по 37 являются каноническимъ трактатомъ, главы же отъ 39 по 44 представляютъ выборки изъ святыхъ отецъ, преимущественно, изъ Іоанна Златоустаго.

Въ части, которую можно назвать каноническою, сборникъ направленъ именно противъ симоніи, которая признается за тяжкую ересь. Святоотеческія же главы направлены собственно не противъ симоніи, а противъ ересей вообще. Онѣ содержатъ призывъ къ борьбѣ съ еретиками заблаговременно, убѣжденія быть терпѣливымъ въ этой борьбѣ и не падать духомъ отъ неудачъ, быть увѣреннымъ въ томъ, что воинствующая церковь неодолима, и такъ далѣе. Въ общемъ подборъ статей производитъ такое впечатлѣніе, что составитель плохо вѣрилъ въ успѣхъ предпринятой имъ борьбы противъ святокупства и заранѣе старался подбодрить себя.

Составитель обнаруживаетъ порядочное невѣжество въ исторіи да и въ каноникѣ. Онъ отожествляетъ Юстиніана II съ Юстиніаномъ Великимъ и плохо различаетъ между законодательствомъ послѣдняго и правилами VI вселенскаго собора [1]). Одна изъ главъ называется „Слово Іоанна Златоустаго о Фоцѣ царѣ нечестивомъ(??)“. Тамъ, гдѣ въ подлинныхъ канонахъ дѣйствуетъ Симонъ или Петръ, у нашего компилятора находимъ Петра и Ивана.

Самая работа нашего компилятора далеко не можетъ быть названа планомѣрною. Планъ заключается развѣ только въ томъ, что въ началѣ ея собраны главы изъ каноническаго или подобнаго каноническому матеріала о симоніи, затѣмъ же идутъ выборки изъ твореній отцовъ церкви. Но въ самомъ расположеніи матеріала, въ отдѣльныхъ частяхъ, незамѣтно никакого плана. Компиляторъ воспользовался главнымъ обра-

---

[1]) Трулльскія правила иногда цитируются подъ именемъ закона святого царя Юстиніана напр. гл. 13 (и 635 об.) Отъ правилъ святого царя Оустиніяна канонъ 21.

зомъ посланіемъ Тарасія Адріану, папѣ Римскому, но почему-то разбилъ это посланіе на нѣсколько главъ, а именно главы 35, 8, 34, 23, 30, 10. Но любопытно, что при этомъ не воспользовался помѣщеннымъ у Тарасія же толкованіемъ Василія на пророка Исаію. Зато другія правила приведены по нѣскольку разъ въ нѣсколькихъ главахъ [1]). Повторенія эти иногда объясняются тѣмъ, что сначала приводится правило въ сокращенномъ видѣ, а затѣмъ въ полномъ текстѣ [2]). Но въ другихъ случаяхъ и этого не наблюдается [3]).

Но, невзирая на всѣ эти недостатки, кажется слѣдуетъ признать Власеимію въ ея первоначальной основѣ произведеніемъ греческимъ, а не русскимъ. Въ этомъ убѣждаютъ:

1) Греческое заглавіе, оставленное переводчикомъ безъ измѣненій и только поясненное имъ для соотечественниковъ.

2) Отсутствіе на русскомъ языкѣ источниковъ, изъ которыхъ составлена Власеимія. Такъ на русскомъ языкѣ неизвѣстна та редакція 87-ми главъ, въ которой 28-я глава замѣнена закономъ Андроника.

3) Главное же, видно, что работа не составлена путемъ чтенія и выборокъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ славянскихъ источниковъ, а сразу переведена съ греческаго, при чемъ переводчикъ старался не столько дать подстрочный переводъ, сколько передать смыслъ оригинальнаго текста не гонясь за особенно буквальною точностію, при этомъ подчасъ впадаетъ въ оригинальныя

---

[1]) Напримѣръ, посланіе Геннадія въ главахъ 9, 11, 46, Трулльское 22 въ главахъ 10, 13. 24, Седьмого Вселенскаго 4 въ главахъ 14 и 59, Седьмого 5 въ гл. 14 и 36, Апостл. 27 въ главахъ 19 и 21, Василія Великаго 90 въ главахъ 23-й и 37-й.

[2]) Такъ въ 9-й главѣ приводится лишь очень коротенькая выдержка изъ Геннадія, въ одиннадцатой приводится посланіе Геннадія цѣликомъ, хотя и въ сокращенномъ текстѣ, и только въ 46-й главѣ мы находимъ полный текстъ посланія.

[3]) Въ главѣ 10 Трулльское 22-е приведено въ видѣ выдержки изъ посланія Тарасія, въ гл. 1-й также и въ 24 главѣ тоже. Канонъ 4-й седьмого вселен. приведенъ въ главѣ 14-й въ подлинномъ текстѣ, а въ главѣ 36-й въ очень далекой отъ подлинника передачѣ. Наконецъ Апостольское 27-е просто разбито на двѣ части въ главахъ 19-й и 27-й

ошибки. Такъ, передавая 19-е пр. VII Всел. собора, онъ не понялъ, что рѣчь идетъ о приданомъ, даваемомъ дѣтямъ, поступающимъ въ монастыри, и въ своей передачѣ сталъ говорить о монастыряхъ, отдаваемыхъ въ приданое. При пользованіи готовымъ славянскимъ текстомъ правила, такого недоразумѣнія не могло быть.

Въ Россіи, а именно въ Новгородѣ, Власеимія подверглась безсистемнымъ дополненіямъ, изъ которыхъ только пять, имѣютъ отношеніе къ коренному вопросу о симоніи, а именно: двѣ статьи (законъ Юстиніана и правило Кирилла II гл. 62 и 63) доказываютъ законность ставленическихъ пошлинъ, двѣ доказываютъ ихъ полную симоничность (посланіе патр. Нифонта Михаилу Тверскому и посланіе Акиндина къ нему же, гл. 64 и 65) и одна „Посланіе патр. Геннадія“ говоритъ о симоніи въ собственномъ смыслѣ слова. Всѣ же остальныя дополненія не имѣютъ никакого отношенія къ симоніи: это Халкидонское 3-е Двукратнаго соб. прав. 13-е и 15-е, двѣ главы объ обидящихъ церковь Божію и о церковныхъ судахъ (гл. 58 и 86), посланіе митрополита Нифонта противъ латины (67 гл.), статьи противъ лжеучителей (гл. 58) и противъ еретическихъ книгъ (60 и 61 главы).

Упоминаніе въ предпослѣдней главѣ о великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ даетъ дату наиболѣе ранней передѣлки сборника. Но онъ дошелъ до насъ уже въ другой передѣлкѣ. Второй редакторъ обратилъ вниманіе на главы о допущеніи ставленическихъ пошлинъ и гл. 62-ю снабдилъ примѣчаніемъ о неправильномъ приписаніи этого еретическаго закона благочестивому царю Юстиніану, правило же митр. Кирилла и совершенно выпустилъ, какъ проклятое.

Всѣ эти передѣлки доказываютъ, что Власеимiей въ Россіи интересовались какъ разъ въ эпоху Ивана Калиты, переводъ же ея слѣдуетъ отнести никакъ не позже разсматриваемаго нами времени.

Изъ этого сборника, вѣроятно, и черпалъ Акиндинъ и тверяки ихъ доводы противъ симоніи. По крайней мѣрѣ. мы не можемъ указать другого источника для знакомства съ закономъ Андроника.

Но если такъ, то еп. Андрей долженъ былъ ссылаться на этотъ законъ, какъ на законъ Юстиніана, яко бы находящійся въ 28-й главѣ свитка божественныхъ заповѣдей; митрополиту же Петру очень легко было опровергнуть эту ссылку простымъ указаніемъ на дѣйствительный текстъ извѣстнаго въ Россіи Собранія Схоластика. Это естественно должно было вызвать желаніе князя Михаила выяснить наконецъ истину, получивъ офиціальный текстъ Андроникова закона о поставленіи епископовъ. По словамъ патріарха: „Написала власть княженья твоего послати уставъ и законъ, и дати вамъ, благочестивымъ людемъ Христовымъ, да будеть имъ възвращеніе на всякое дѣло благое... Понеже митрополитъ много сътворилъ безъ закона... Мьзды емлеть отъ ставленія“.

Патріарху ровно ничто не мѣшало прислать этотъ законъ тотчасъ же, если бы онъ только пожелалъ это сдѣлать. Причина же нежеланія послать его *до* поставленія рекомендуемаго Михаиломъ митрополита могла быть только одна: опасеніе, какъ бы Михаилъ и теперь не повторилъ ту же ошибку, какую сдѣлалъ онъ и при рекомендаціи Геронтія, вообразивъ, что поставленіе митрополита и дѣйствительно не потребуетъ расходовъ со стороны кандидата.

По всей вѣроятности, посолъ князя оказался болѣе проницателенъ, чѣмъ Акиндинъ, и разъяснилъ своему государю истинный характеръ византійской нестяжательности, а это отбило у него охоту хлопотать о поставленіи новаго митрополита и вмѣшиваться въ церковныя дѣла.

Судъ надъ Петромъ не состоялся, а послѣдовало смѣщеніе Андрея и поставленіе новаго епископа въ Тверь. Напрасно Акиндинъ, прося не допустить, этого, писалъ князю: „Или речеши, господине, кривымъ извѣтомъ: „сами ся управять, како хотять, а язъ въ се не въступлюся“. Царь еси, господине княже, въ своей земли; ты истязанъ имаши быти на судищи Христовѣ, аже смолчиши митрополиту. А възметь, хотя и мало что отъ поставленія, то уже твой епископъ не епископъ, и пріобщающіися отъ него съ нимъ осудятся. А мы съ своей души снимаемъ на твою душю“.

Акиндинъ опять таки предлагаетъ Михаилу воспользоваться тѣми правами, какія принадлежали *царю по закону Андроника*. Убѣжденія эти остались безрезультатными. Михаилъ пересталъ поддерживать еп. Андрея, и послѣднему осталось только смириться.

Возвратимся теперь къ Переяславскому собору и постараемся выяснить его въ связи съ грамотою патріарха Нифонта. Такая связь несомнѣнно существуетъ: патріархъ по жалобамъ Акиндина не назначаетъ новое дознаніе, а прямо приглашаетъ выслать митрополита для суда; значитъ, весь матеріалъ для суда данъ былъ уже переяславскимъ дознаніемъ. Это даетъ полное основаніе думать, что и въ Переяславлѣ обвиненія противъ Петра были тѣ же, что и въ грамотѣ Нифонта. Но какъ же, въ такомъ случаѣ, митр. Петръ могъ оправдаться въ нихъ передъ апокрисіаріями такого патріарха, какимъ былъ Аѳанасій, который и самъ находилъ обвиненія противъ митр. Петра тяжкими?

Наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ является въ въ нашихъ глазахъ предположеніе, что еп. Андрей допустилъ ошибку во вчиненіи обвиненій. Какъ мы видѣли, противъ митр. Петра могли быть вчинены обвиненія: во-первыхъ во вторженіи въ чужой предѣлъ, во-вторыхъ въ нарушеніи при этомъ предписаній матеріальнаго права. Если еп. Андрей стоялъ на точкѣ зрѣнія древняго каноническаго права, то онъ долженъ былъ предъявить и то и другое, и въ первую голову обвиненіе во вторженіи въ чужой предѣлъ. Но, какъ мы видѣли, такая непосредственная юрисдикція митрополита была вполнѣ законною съ точки зрѣнія кидемоніальной теоріи, и митр. Петру очень легко было доказать это. Это же лишало еп. Андрея возможности поддерживать обвиненіе и по пункту о симоніи, въ силу основного правила каноническаго процесса, что если обвинитель не докажетъ своего обвиненія, хотя бы только по одному пункту, то обвиненія отъ него не принимаются и по всѣмъ остальнымъ. Еп. Андрей долженъ былъ примириться съ митр. Петромъ. Но, конечно, примиреніе могло быть при такихъ условіяхъ только наружнымъ. И Андрей да и другіе епископы ждали лишь повода, чтобы возбудить противъ Петра

тѣ же обвиненія, на этотъ разъ уже исключительно въ нарушеніи матеріальнаго права, а не въ осуществленіи юрисдикціи въ тверской епархіи, право на что было признано за нимъ на Переяславскомъ соборѣ. Такой поводъ и представился вновь при новомъ пріѣздѣ митр. Петра въ Тверь, и партія противниковъ Петра и воспользовалась имъ.

Обвиненіе было подано отъ имени не только князя Михаила, но и епископовъ. „Благословеніе мое", писалъ Нифонтъ Михаилу, „да будетъ съ тобою, архіерѣйскаго собора съ отцы твоими съ епископы ревнители закону Божію" (ср. Павловъ, Православный Собесѣдн. 1867 г. II 239). Въ числѣ ихъ слѣдуетъ предположить арх. новгородскаго. Въ Новгородѣ въ эту пору княземъ былъ Михаилъ Тверской, владыкою же — Давидъ, хиротонисанный митр. Петромъ, въ началѣ Тверского спора (5 іюня 1309 г.). Новгородцы всегда бывали недовольны какъ расходами на посвятку своего архіепископа, такъ и пріѣздами митрополитовъ въ Новгородъ для мѣсячнаго суда. Митр. Петръ въ своихъ поѣздкахъ по Россіи ни разу не рѣшился побывать въ Новгородѣ, а новгородцы очень интересовались споромъ между нимъ и тверяками: посланія Акиндина и патр. Нифонта къ Михаилу находятся именно въ новгородской передѣлкѣ Власеміи [1]). Какъ разъ въ 1312 году весною, арх. Давидъ Новгородскій былъ въ Твери и удачно помирилъ кн. Михаила съ новгородцами [2]). По всей вѣроятности въ эту пору и была отправлена та жалоба на митр. Петра, о которой мы говоримъ, отъ имени кн. Михаила и его отцовъ—епископовъ Андрея и Давида. Какъ мы видѣли, жалобы кончились ничѣмъ для митр. Петра и пораженіемъ для его противниковъ.

---

[1]) Это еще доводъ въ пользу того, что и въ Твери руководились Власеміей.

[2]) Новг. I 6820 Заратися князь Михаило къ Новугороду, и намѣстникы своя выведе, не пустя обилья въ Новъгородъ, а Торжекъ зая и Бѣжичи и всю волость. И иде владыка Давыдъ во Тферь, веснѣ, въ роспутье и доконча миръ".

Въ годъ смѣщенія патріарха Нифонта, и Андрей епископъ Тверской оставилъ (1316/6823) епархію и былъ замѣненъ ставленикомъ Петра, Варсонофіемъ. Мы имѣемъ основанія думать, что удаленіе на покой еп. Андрея не было вполнѣ добровольнымъ. Хотя онъ пробылъ на каѳедрѣ 26 лѣтъ и былъ, вѣроятно, уже преклоннаго возраста, но ничто не указываетъ на его дряхлость или неспособность къ управленію епархіею. Онъ прожилъ на покоѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ (до 1322 г.), т. е. умеръ почти въ одно время съ митрополитомъ Петромъ [1]). Все это время онъ пользовался большимъ уваженіемъ среди всѣхъ князей. Только благодаря ему, а не еп. Варсанофію, въ 1323 году состоялось временное примиреніе между двумя непримиримыми врагами, князьями Юріемъ Даниловичемъ и его будущимъ убійцею, Димитріемъ Михайловичемъ Тверскимъ.

По всей вѣроятности, еп. Андрею, извѣрившемуся и въ помощи со стороны князя и въ помощи со стороны патріарха надоѣло состоять подъ временнымъ запрещеніемъ митрополичьимъ, которому не предвидѣлось конца, и онъ предпочелъ купить разрѣшеніе путемъ отреченія отъ каѳедры. И въ послѣдующее время епископовъ старались не низлагать; обыкновенно удовлетворялись вынужденнымъ ихъ отреченіемъ. Для разсматриваемой же эпохи, когда для суда надъ епископомъ требовалось не менѣе двѣнадцати епископовъ, кромѣ митрополита, судъ надъ епископомъ въ Россіи былъ бы и невозможнымъ.

Вскорѣ сошелъ со сцены и Михаилъ Тверской. Въ 1319 году онъ былъ казненъ въ Ордѣ, по проискамъ Юрія Московскаго, брата поддерживаемаго митр. Петромъ Ивана Калиты. На ханскомъ судѣ Михаилу была поставлена въ вину измѣна хану, выразившаяся, между прочимъ, въ сношеніяхъ съ папою. По Никоновской лѣтописи татары говорили Михаилу: (6827 г.): „И дани царевы ималъ еси себѣ, а царю еси не давалъ,

---

[1]) Никон. 6831 „Преставися, Андрѣй, преже бывши епископь Тверскій, въ своемъ манастырѣ на Шеши у святыа Богородици“.

и въ Нѣмцы съ казною бѣжати хотѣлъ еси, и казну въ Римъ къ папѣ отпустилъ еси", и Михаилъ ничего не возражалъ противъ послѣднихъ двухъ обвиненій. Но отпускъ казны въ Римъ могъ служить доказательствомъ измѣны татарскому хану только въ одномъ случаѣ: если Михаилъ думалъ, по примѣру Даніила Галицкаго, получить отъ папы королевскую корону и такимъ образомъ добиться самостоятельности.

Поставленіемъ еп. Варсонофія дѣло Твери было проиграно. Тогдашняя Россія объединялась собственно властію единаго митрополита; съ точки же зрѣнія митрополита Петра, Тверь, оказавшаяся неподходящимъ городомъ для митрополичьей резиденціи, не могла сдѣлаться и столицею объединенной Руси.

Тверскіе князья допустили огромную политическую ошибку, выдѣливъ Тверь изъ Владиміро-Суздальской епархіи въ особую епархію, съ особымъ епископомъ, ибо въ силу основного канонического принципа не епископъ, а митрополитъ долженъ былъ жить въ стольномъ городѣ всея Руси.

Петръ и по отреченіи еп. Андрея не могъ поступить съ Тверью такъ, какъ поступилъ въ свое время Максимъ съ Владиміромъ, оставивъ его за собою и переведя епископа на другую каѳедру. Владиміръ въ эпоху Максима былъ уже общепризнанною второю столицею Руси и слѣдовательно представлялся естественною резиденціею митрополита. Отнюдь нельзя было сказать того же о Твери. Митр. Максимъ, перенося каѳедру во Владиміръ, поступалъ такъ въ крайности, какой не было у Петра. Безъ этой же крайности уничтожить канонически правильную самостоятельность Тверской каѳедры было бы недопустимымъ. Не слѣдуетъ забывать, что тверскіе князья всегда принимали самое живое участіе въ замѣщеніи каѳедры своего города, предлагая митрополиту кандидатовъ: по всей вѣроятности, и поставленіе Варсонофія, хотя бы на него лично князь и не указалъ, произошло не противъ воли князя Тверского. Во всякомъ случаѣ, онъ желалъ имѣть у себя особаго епископа. Наконецъ, и по своему географическому положенію, почти пограничному и во всякомъ

случаѣ болѣе открытому для нападеній враговъ, Тверь могла представляться городомъ мало подходящимъ для упокоенія митрополита, сравнительно съ очень спокойнымъ (относительно) Владиміромъ.

Если такимъ образомъ и Владиміръ былъ подходящей столицей Руси съ точки зрѣнія митр. Петра, то для него возникала необходимость создать новую ея столицу, которая была бы прежде всего каѳедральнымъ городомъ митрополита, а затѣмъ, и въ силу этого, и столицею всея Руси.

Грамота патр. Луки Хризоверга, написанная какъ разъ для той территоріи, о которой шла рѣчь, содержитъ въ себѣ совершенно опредѣленныя правила на тотъ случай, если бы князь покинулъ городъ, служащій резиденціею епископа, и переселился въ другой, находящійся на территоріи той же епархіи. Въ такомъ случаѣ епископу предоставлялось или остаться въ прежней своей резиденціи, или перенести ее въ новую княжескую резиденцію.

Въ разсматриваемую нами эпоху на территоріи Владиміро-Суздальской епархіи существовало нѣсколько князей. И среди этихъ князьковъ относительно сильными являлись князья московскіе, Даниловичи. На нихъ-то и остановился м. Петръ. Ихъ было два брата: Юрій, старшій, княжившій въ Москвѣ, и Иванъ, младшій, княжившій въ Переяславлѣ, но постоянно помогавшій бездѣтному Юрію и разсчитывавшій на Москву послѣ смерти Юрія. Сила этихъ князей, какъ мы уже сказали, была лишь относительная. И Житіе св. Петра, говоря о причинахъ переноса митрополіи въ Москву, не упоминаетъ ни о богатствѣ Москвы, ни объ ея политическомъ значеніи, а находитъ въ ней только одно достоинство: „городъ славенъ кротостію“, т. е. спокойный городъ. Достоинство это, разъ оно является единственнымъ, слѣдуетъ признать очень двусмысленнымъ: это обыкновенное достоинство захолустья, не имѣющаго никакихъ достоинствъ. „Житіе“, повидимому, какъ нельзя болѣе право въ томъ, что воздерживается отъ похвалъ богатству и силѣ Москвы. Уже то обстоятельство, что она была предоставлена въ удѣлъ самому младшему изъ сыновей Невскаго, говоритъ за то, что въ это

время она не была ни богата, ни сильна, въ сравненіи съ удѣлами другихъ его сыновей. Не могло перемѣниться дѣло и при сынѣ Даніила, Юріи. Совершенно непонятно, откуда бы за короткое время могли взяться богатства у этого городка, стоявшаго въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, территорія котораго вовсе не отличалась ни естественными богатствами, ни плодородіемъ, и въ которомъ совершенно отсутствовала промышленность. Послѣднею Москва и впослѣдствіи не отличалась, а при Юріи—тѣмъ болѣе. Эти апріорныя соображенія легко подтвердить и общеизвѣстными историческими фактами. Богатство древнихъ городовъ въ Россіи выражалось прежде всего въ храмостроительствѣ. Всякій городъ, при первой возможности, старался обзавестись хоть однимъ каменнымъ храмомъ, который и составлялъ предметъ гордости горожанъ. Въ Москвѣ же первая каменная церковь была выстроена уже послѣ смерти Юрія и не на средства горожанъ: это былъ Успенскій соборъ, устроенный митрополитомъ Петромъ. Кипріанъ говоритъ, что Петръ переселился въ Москву, тогда еще малолюдную, въ сравненіи съ временемъ Димитрія. А между тѣмъ Кипріанъ писалъ о Москвѣ послѣ Тохтамышева нашествія.

Не давало Москвѣ преимуществъ передъ Тверью и ея географическое положеніе. Впослѣдствіи Москва господствовала надъ новгородцами средствомъ, съ успѣхомъ испытаннымъ уже Андреемъ Боголюбскимъ послѣ пораженія подъ Новгородомъ его рати, отрѣзая подвозъ хлѣба въ Новгородъ по Волгѣ. Но въ разсматриваемую нами эпоху и Тверь прекрасно могла бы повторить опытъ Андрея Боголюбскаго, владѣя Владиміромъ. Между этими двумя городами сама Москва была, какъ въ тискахъ, не говоря уже о томъ, что со стороны Твери у новгородцевъ было такое уязвимое мѣсто, какъ Торжокъ.

Князь такого города, какъ Москва того времени, не могъ быть ни богатъ, ни могущественъ. Главный источникъ богатства будущихъ московскихъ великихъ князей—сборъ ханской дани—находился въ это время въ рукахъ Тверского князя, который пользовался этимъ источникомъ такъ же безцеремонно, какъ и московскіе

князья впослѣдствіи. Въ его же рукахъ находились и доходы съ великаго княжества Владимірскаго. Слабость Юрія лучше всего ясна изъ того факта, что, даже сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ и получивъ противъ Твери татарское вспомогательное войско, онъ все-таки на голову былъ разбитъ кн. Михаиломъ Тверскимъ. Каковы же были его силы до полученія великаго княженія и безъ татарской помощи?

Еще въ большей степени слѣдуетъ сказать это о Переяславлѣ, находившемся въ рукахъ младшаго брата Юрія, Ивана Даниловича. Но именно характеръ-то послѣдняго и привлекъ къ нему симпатіи Петра, создавшія могущество Москвы. Отношенія къ старшему Даниловичу, Юрію Московскому, у митр. Петра были вовсе не изъ особенно близкихъ. Это и весьма понятно. Характеръ вѣроломнаго и жестокаго Юрія, полудикаго князя, удивлявшаго своею некультурностію даже татаръ и доходившаго до такой низости, какъ издѣвательство надъ тѣломъ убитаго по его настоянію въ Ордѣ князя Михаила Тверского, не могъ, конечно, привлечь къ себѣ симпатій такого человѣка, какимъ былъ Петръ. За время княженія Юрія, митр. Петръ не дѣлалъ никакихъ попытокъ утвердить свою резиденцію въ Москвѣ, первымъ шагомъ къ чему и должно было быть построеніе приличнаго митрополи каменнаго каѳедральнаго собора. Иныя отношенія были къ Ивану. Неизвѣстно, когда родился Иванъ Даниловичъ, но въ эпоху перваго знакомства его съ митрополитомъ Петромъ ему едва ли было болѣе двадцати пяти лѣтъ [1]). Петръ пріобрѣлъ на молодого Калиту рѣшительное вліяніе, а умный и очень образованный по тому времени Иванъ отлично оцѣнилъ тѣ выгоды, которыя давались ему дружбою митрополита.

---

[1]) Даніилъ, его отецъ, родился въ 1261 году, Юрій, старшій братъ, женился въ 1297 году, т. е. приблизительно 17-ти лѣтъ, какъ женились потомъ и другіе князья изъ рода Калиты и, слѣдовательно, родился не позже 1280 года. Иванъ же Даниловичъ былъ четвертымъ сыномъ Даніила и, слѣдовательно, едва ли могъ родиться ранѣе 1284 г., а вѣроятнѣе, что позже, судя по тому, что первый изъ извѣстныхъ намъ сыновей его, Симеонъ, родился около 1324 году.

Житіе митр. Петра даетъ характеристику Ивана Даниловича, какъ князя „бочтива[1]) милостива до святыихъ церкви и до нищихъ, самого горазда святымъ книгамъ, послушателя святыхъ ученій". Но кромѣ своихъ высокихъ личныхъ качествъ и готовности слушаться наставленій митрополита, будущій Калита ровно ничѣмъ не отличался: онъ былъ лишь подручнымъ княземъ своего старшаго брата Юрія. Нужно, впрочемъ, оговориться: уже и то, что Юрій далъ Переяславль Ивану, говоритъ въ пользу послѣдняго. Юрій при жизни отца сидѣлъ въ Переяславлѣ, и переяславцы не желали отпускать его въ Москву; уѣхавъ отъ нихъ онъ послалъ имъ своего любимаго брата Ивана, тогда какъ болѣе старшіе братья были имъ обойдены. И новый князь сумѣлъ показать свои способности, нанеся пораженіе тверичамъ. вздумавшимъ было напасть на Переяславль въ расчетѣ на молодость князя. Калита, какъ, видно, управлялъ и Москвою еще при жизни Юрія, когда послѣдній находился то въ Ордѣ. то въ Новгородѣ: иначе онъ не имѣлъ бы времени сблизиться съ митрополитомъ Петромъ (Соловьевъ III 916).

Но тѣмъ не менѣе полная ничтожность Переяславля, находившагося совершенно въ лѣсной глуши, дѣлала его неподходящимъ для постоянной резиденціи митрополита, который не могъ обратиться въ пустынника. Это понималъ и самъ митр. Петръ, несмотря на всѣ свои симпатіи къ Калитѣ, намѣтившій въ качествѣ будущей митрополіи Москву. Съ переносомъ митрополичьей резиденціи тѣсно связанъ былъ и другой планъ: сдѣлать изъ московскихъ князей великихъ князей всея Руси. Планъ этотъ не можетъ не быть названъ очень смѣлымъ: тѣмъ не менѣе планъ этотъ былъ составленъ Петромъ уже въ первомъ своемъ пріѣздѣ въ Сѣверо-восточную Россію.

---

[1]) „Бочтивъ" Макарій предлагаетъ чтеніе „богочтивъ". Не правильнѣе ли будетъ читать „почтивъ" ср. „учтивъ", т. е. почтителенъ къ митрополиту? Такая характеристика вполнѣ подходитъ къ Калитѣ.

Существованіе такого плана обнаруживается, начиная съ 1311 года. Состоявшійся въ этомъ году соборъ для слѣдствія надъ митр. Петромъ происходилъ, какъ извѣстно, не во Владимірѣ, какъ бы слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе, присутствіе патріаршаго апокрисіарія и множество почетныхъ гостей, а въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Такой выборъ мѣста показываетъ, что митр. Петръ не чувствовалъ себя въ безопасности въ своемъ каѳедральномъ городѣ, находившемся въ рукахъ князей тверскихъ, и предпочелъ удалиться въ городъ, принадлежащій его постоянному союзнику Калитѣ, гдѣ послѣдній, при всей своей относительной ничтожности, могъ оказать митрополиту существенную защиту въ качествѣ хозяина. О ничтожествѣ Калиты въ это время можно судить по тому, что Житіе митр. Петра, называя въ числѣ присутствовавшихъ князей тверскихъ княжичей Димитрія и Александра, ни словомъ не упоминаетъ о Калитѣ и ничѣмъ не выдѣляетъ его изъ прочихъ „князи мнози“, хотя, дѣло шло о князѣ-хозяинѣ.

Переяславскій соборъ былъ самымъ опаснымъ для Петра моментомъ, и услуга, оказанная Калитою, не могла быть забыта, когда хлопоты Тверскихъ князей о низложеніи митр. Петра потерпѣли на этомъ соборѣ фіаско. Торжество Петра было началомъ торжества самой Москвы и Даниловичей. Тотчасъ послѣ собора митр. Петръ помѣшалъ невыгодному для нихъ походу союзныхъ съ Тверью князей на Нижній-Новгородъ (Воскр. 6810). Когда ихъ ополченіе проходило мимо Владиміра, то въ отвѣтъ на просьбу князей о благословеніи митр. Петръ отвѣтилъ отлученіемъ и согласился снять его лишь тогда, когда князья отказались отъ продолженія похода и распустили ополченіе. Тутъ въ первый разъ мы находимъ примѣненіе по политическимъ мотивамъ такого страшнаго духовнаго оружія, какимъ было отлученіе. Ранѣе, какъ мы видѣли, оно никогда не примѣнялось; практиковалось лишь, и то—рѣдко, разрѣшеніе отъ неправильной, по мнѣнію митрополита, присяги. Прямое отлученіе было примѣнено въ первый разъ Петромъ и притомъ не-

сомнѣнно въ интересахъ будущей Москвы[1]). Какъ увидимъ и впослѣдствіи, отлученіе въ разныхъ видахъ и разрѣшеніе отъ данной присяги нашло въ рукахъ митрополитовъ широкое примѣненіе въ политикѣ и всегда неизмѣнно практиковалось исключительно въ интересахъ московской централизаціи. Событіе 1312 года явилось началомъ такой практики.

Но только со смертію Юрія, когда Москва переходитъ къ брату его Ивану, м. Петръ рѣшается приступить къ переносу своей резиденціи въ Москву и къ построенію тамъ каѳедральнаго собора. „Обрѣте“ пишетъ Прохоръ „градъ честенъ кротостью, въ немъ же князь бочтивъ именемъ Ивана, сына Данилова, внука Александрова. Обитавъ во градѣ томъ, и рече бочтивому князю: „о, сыну! многое твое благочестіе, послушай мене днесь“. Благочестивому князю обѣщавшися, и рече святый митрополитъ: „да зижется церковь камена во градѣ твоемъ святаа Богородица“. Благовѣрный князь поклонися и рече: „твоею молитвою, святый отче, да будетъ“.

Если даже этотъ разговоръ и не принадлежитъ всецѣло перу Прохора, то во всякомъ случаѣ построеніе каѳедральнаго храма и сопряженное съ этимъ перенесеніе митрополіи въ Москву, дѣйствительно, являлось результатомъ соглашенія между Калитою и м. Петромъ.

Переносъ каѳедры въ Москву состоялся тотчасъ же, при первомъ извѣстіи о смерти Юрія. Тамъ въ 6833 году (1325) м. Петръ посвятилъ Новгородскаго архіепископа Моисея, еще до прибытія изъ Орды тѣла Юрія. Подъ тѣмъ же годомъ Никоновская лѣтопись помѣщаетъ и извѣстіе о закладкѣ Успенскаго собора[2]).

---

[1]) Нов. IV. 6819. Князь Дмитрей Михаиловичь Тферьскій събра вои многы, и пріиде ратью въ Нижній Новгородъ на князя Юрья и не благослови его митр. (Петръ) столомъ въ Володимерь, и стоявъ 3 недѣли и възвратися въсвояси.

[2]) Ник. 6833. „Того же лѣта заложи (м. Петръ) на Москвѣ на площади у своего двора церковь пьрвую камену Успеніе святыа Богородици соборная, при князѣ Иванѣ Даниловичѣ, и заложи себѣ гробъ своими руками въ стѣнѣ близь жертвеника“.

Такимъ образомъ, митрополитъ ожидалъ только перехода Москвы въ руки Ивана, чтобы привести въ исполненіе заранѣе составленный планъ переселенія въ Москву, въ знакъ чего и устраивался Успенскій соборъ. Та быстрота, съ какою приступилъ м. Петръ къ этой постройкѣ, была весьма нелишнею для старца, чувствовавшаго приближеніе смерти. Умирающій Петръ, призвавъ вельможу Протасія, „вда ему влагалище на устрой церкви (т. е. Успенскаго собора) и на поминаніе своеа памяти, и прочаа домы церковныя призва". Въ числѣ имуществъ Успенскаго собора, подаренныхъ м. Петромъ, мы находимъ даже городъ Алексинъ (см. напр. Никон. 6856). Онъ умеръ, не докончивъ Успенскаго собора, гдѣ и былъ погребенъ въ приготовленномъ себѣ гробѣ. На погребеніи были еп. Луцкій и вел. кн. Иванъ Даниловичъ.

М. Петръ не ошибся въ своемъ ученикѣ, Иванѣ Калитѣ. Онъ и при жизни митр. Петра отличался особою почтительностію къ нему и послѣ смерти засвидѣтельствовалъ ему свою преданность, настоявъ на почти немедленной его канонизаціи. Канонизація эта совершилась въ очень простой формѣ. Когда отъ гроба почившаго святителя стали совершаться чудеса, то „благовѣрный князь Иванъ, написавъ та чудеса и посла въ градъ Володимерь (Владиміръ продолжалъ считаться настоящею каѳедрою, а не Москва) къ святому сбору, и, вземъ свитокъ, преподобный епископъ Прохоръ взиде на онболъ и нача чести". Участіе Прохора, скончавшагося 7 сентября 1327 г. и успѣвшаго составить канонъ митрополиту Петру, вѣроятно, на основаніи сообщенныхъ Иваномъ Даниловичемъ чудесъ, отсутствіе упоминанія объ Успенской церкви въ Москвѣ, освященной тѣмъ же Прохоромъ 4 августа 1327 года, которая представляла бы естественное мѣсто прославленія митр. Петра — указываютъ на время до поѣздки Ивана Даниловича въ Орду лѣтомъ 1327 года, откуда онъ возвратился зимою, уже послѣ смерти епископа Прохора, великимъ княземъ Владимірскимъ. Калита спѣшилъ съ канонизаціею Петра, не только какъ благодарный ученикъ, но и какъ

въ высшей степени дальновидный политикъ: она была вмѣстѣ и канонизаціею московскаго единодержавія и первенства и съ этой стороны дѣлала для Москвы болѣе, чѣмъ какіе бы то ни было ханскіе ярлыки. Митрополитамъ, преемникамъ Петра, не оставалось ничего болѣе, какъ слѣдовать въ этомъ отношеніи завѣтамъ ихъ святого предшественника. И мы видимъ, что духовенство, въ лицѣ Прохора и Владимірскаго клира, уже перешло на сторону Москвы противъ Твери. Хотя Владиміръ и числился еще за Тверскимъ княземъ, но въ каѳедральной его церкви былъ уже канонизованъ человѣкъ, котораго тверскіе князья имѣли основаніе считать ихъ лютымъ врагомъ.

Сказаніе о смиреніи и терпѣніи митр. Петра приводитъ по поводу построенія Успенскаго собора слѣдующее „пророчество“ его Калитѣ:

„Аще мене, сыну, послушаеши, и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнеши, и мене упокоиши въ своемъ градѣ, и самъ прославишися паче всѣхъ князеи, и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители пожывутъ въ немъ, и прославится Богъ въ немъ, еще же и мои кости въ немъ положены будутъ“.

Упоминаніе митр. Петромъ о своихъ мощахъ (слово, которое онъ скромно замѣняетъ словомъ „кости“) не оставляетъ, какъ намъ кажется, никакого сомнѣнія, что это пророчество составлено впослѣдствіи. Но слѣдуетъ признать, что большая часть выраженныхъ въ немъ мыслей въ устахъ митр. Петра являлась бы не пророчествомъ, а простымъ выраженіемъ той несомнѣнной для него истины, что княземъ и государемъ долженъ быть князь митрополичьей резиденціи, и что мысли эти митр. Петръ могъ бы признать своими.

Вопросъ объ отношеніяхъ митр. Петра къ ордынскимъ ханамъ не можетъ быть разрѣшенъ въ подробностяхъ на основаніи имѣющихся у насъ матеріаловъ. Поѣздка къ Узбеку въ 1315 г., по всѣмъ даннымъ, увѣнчалась успѣхомъ: привилегіи духовенства остались нетронутыми и, вѣроятно, были подтверждены

соотвѣтствующимъ ярлыкомъ Узбека. Но этотъ ярлыкъ до насъ не дошелъ, а сохранившійся представляетъ даже не интерполяцію подлиннаго ярлыка, а сплошной подлогъ. Какъ увидимъ, эта безграмотная во всѣхъ отношеніяхъ передѣлка ярлыка Менгу-Темира, была сдѣлана лишь въ началѣ XVI вѣка.

VIII.

Время правленія митр. Петра падало на царствованіе Андроника Старшаго, совершенно пренебрегавшаго не только интересами имперіи, но и самою идеею ея. Онъ спокойно смотрѣлъ, какъ за долгое его царствованіе турки постепенно отнимали отъ Византіи восточныя области, и какъ анархія все болѣе и болѣе водворялась въ западныхъ областяхъ. Благодаря этому, конечно, онъ позабылъ и о томъ, что митрополитами должны быть архіереи изъ Византіи. Мы видимъ, что при немъ Кіевская каѳедра распадается сначала на двѣ каѳедры—Кіевскую и Галицкую—потомъ же къ этимъ двумъ присоединяется и третья, въ видѣ Литовской. Всѣ эти каѳедры замѣщаются мѣстными кандидатами. Попытка патріарха Аѳанасія въ извѣстной степени поддержать единство каѳедры назначеніемъ Петра, митрополита Галицкаго, и на Кіевскую каѳедру не увѣнчалась успѣхомъ. Какъ ясно изъ грамоты Казимира, галичане считали Петра митрополитомъ Галицкимъ, а не Кіевскимъ. Когда же онъ переселился во Владиміръ, то на мѣсто его былъ назначенъ новый Галицкій митрополитъ, Гавріилъ. Что это произошло при жизни митр. Петра, ясно уже изъ того, что преемникъ Гавріила, Ѳеодоръ, былъ при Петрѣ еще игуменомъ и поставленъ въ епископы Галицкіе митр. Ѳеогностомъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію. И поставленіе Гавріила вѣроятнѣе отнести ко княженію Юрія Львовича (ранѣе 1315 г.), а не его слабаго преемника.

Въ то же время отъ Кіева отдѣляется Литовская митрополія. Примѣчаніе Синтагмы, относитъ образованіе Литовской митрополіи ко времени имп. Андроника II (1282—1328) и Іоанна Глики (1316—1320), но, къ сожалѣнію, неправильно указываетъ годъ. „Литовская

митрополія, энорія Великой Руси, сдѣлана была митрополіею вышеуказаннымъ императоромъ (т. е. Андроникомъ) и патріархомъ Іоанномъ Гликою въ 6800 году“ [1]). Во всякомъ случаѣ Литовская митрополія образовалась не позднѣе 1317 года, съ котораго начинаются упоминанія о митрополитахъ литовскихъ въ числѣ участвовавшихъ въ патріаршемъ синодѣ, продолжающіяся до 1329 года, когда въ числѣ ихъ названъ митр. Литовскій Θеофилъ. Уже по тому одному, что мы не находимъ этого Θеофила въ спискѣ митрополитовъ галицкихъ у Казимира, мы должны признать эту митрополію за совершенно особую отъ галицкой, на что, впрочемъ, есть много и другихъ данныхъ.

Какія же были причины образованія этой митрополіи? На этотъ счетъ возможны только догадки, въ виду скудости данныхъ. Впервые упоминается митрополитъ литовцевъ въ актахъ синода въ 1317 году. По всей вѣроятности, онъ былъ въ это время въ Константинополѣ по поводу своего поставленія, что совершенно соотвѣтствуетъ и показанію Синтагмы, что онъ былъ поставленъ Гликою при Андроникѣ. Проф. Павловъ предполагаетъ, что на образованіе Литовской митрополіи повліяла воля Гедимина Литовскаго, и такое предположеніе вполнѣ вѣроятно. Несомнѣнно, что безъ воли этого князя Литовскій митрополитъ поставленъ быть не могъ.

Такимъ образомъ, Россія мирно пошла по пути того естественнаго развитія, какое впослѣдствіи оказалось неизбѣжнымъ: митрополія раздѣлилась на три части, соотвѣтственно тремъ государствамъ, образовавшимся въ ея границахъ. Но по смерти Петра единство митро-

---

[1]) Συντ. Καν V. стр 194 пр. 2.

Ἡ Λιτβῶν ἐνορία τῆς Μεγάλης Ῥωσίας μητρόπολις γέγονε παρὰ τοῦ εἰρημένου βασιλέως πατριαρχοῦντος κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Γλυκέος ἐν ἔτει, ,ςω'.

Пр. Павловъ (Р И. Б VI пр. 16 пр. I) полагаетъ, что дѣло идетъ лишь о возстановленіи Галицкой митрополіи, а не объ образованіи одной литовской, и предлагаетъ читать, вмѣсто Іоаннъ Глика—Іоаннъ Калека (1333—1347), но все это замѣчаніе является плодомъ простого недоразумѣнія. АР. I. № 32 (стр 72) τῷ Καυκάσου, τῷ Λιτβάδων (1317) на послѣднемъ среди митрополитовъ мѣстѣ. 1329 г. τοῦ Λιτβῶν καὶ ὑπερτίμου Θεοφίλου (АР I. 147)

поліи было вновь возстановлено въ лицѣ назначеннаго изъ Византіи грека Ѳеогноста. Причинъ на это было немало.

Хлопотамъ за митрополита изъ русскихъ мѣшало положеніе Россіи. Что касается до восточной Россіи, то Иванъ Калита не сдѣлалъ никакихъ попытокъ получить своего митрополита изъ Константинополя и притомъ не только въ моментъ смерти митрополита Петра, когда онъ былъ занятъ болѣе близкимъ дѣломъ—борьбою съ Тверью изъ-за великаго княженія, но и тогда, когда онъ сдѣлался великимъ княземъ. Пока же онъ не сдѣлался имъ, онъ и не могъ предлагать кандидата, даже и по закону Андроника. Но, и сдѣлавшись великимъ княземъ, Иванъ предпочелъ переманить къ себѣ новаго митрополита и, какъ увидимъ, успѣлъ въ этомъ.

Что касается до Галича, то тамъ такая попытка получить особаго митрополита несомнѣнно была сдѣлана, какъ это видно изъ сообщенія Прохора о послѣднихъ часахъ митрополита Петра. Оказывается, что въ это время въ Москвѣ былъ епископъ Луцкій, т. е. епископъ Галицкой митрополіи, который и принималъ участіе въ погребеніи митр. Петра. Но отнюдь нельзя съ несомнѣнностію заключить отсюда, что „епископъ Луцкій Ѳеодосій прибылъ, безъ сомнѣнія, по дѣламъ епархіальнымъ“, и видѣть въ этомъ доказательство, что и „Галицкая епископія находилась еще въ подчиненіи Кіевской митрополіи“. (Макарій, Ист. Рус. церкви, IV, 21). „Житіе“ Прохорово заставляетъ предполагать, что Луцкій епископъ пріѣхалъ въ Москву именно по дѣлу о замѣщеніи Галицкой митрополіи, которая должна была сдѣлаться вакантною около этого времени, и что вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и кандидатъ на эту митрополію въ лицѣ архимандрита Ѳеодора. Это сообщеніе Прохора, по весьма понятнымъ причинамъ, выброшенное Кипріаномъ изъ житія Петра, гласитъ: „Вечеру же бывшю и нача святый вечернюю молитву, и еще сущи молитвѣ во устѣхъ его, и рече преподобному архимандриту Феодору, *егоже во-*

именова на митрополію: „миръ ти, чадо, азъ почити хощу“. И абіе предаетъ духъ“.

Впослѣдствіи на Галицкой каѳедрѣ мы дѣйствительно видимъ сначала епископа, а потомъ и митрополита Ѳеодора. Въ немъ. принимая во вниманіе права галицкихъ князей на представленіе кандидатовъ на Галицкую каѳедру, мы и должны предполагать гостя митр. Петра. Согласіе митрополита Петра на отдѣленіе Галича отнюдь не удивительно. Какимъ образомъ Петръ могъ отрицать необходимость для Галича особаго митрополита, разъ и самъ онъ былъ поставленъ въ такіе галицкіе митрополиты прежде, чѣмъ сдѣлаться митрополитомъ кіевскимъ? Вѣроятно и Гавріилъ Галицкій былъ поставленъ не безъ согласія митр. Петра.

Но едва ли и хлопоты за Ѳеодора въ Константинополѣ были достаточно серьёзными въ виду того положенія, въ какое попало въ это время въ Галичѣ православіе. Въ 1325 году галичане призвали на свой столъ Болеслава Тройденовича, племянника Андрея и Льва Даниловичей, родившагося и воспитаннаго въ католицизмѣ, поставивъ ему непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ принялъ православіе. Болеславъ согласился и вступилъ на Галицкое княженіе подъ православнымъ именемъ Юрія II, но его обращеніе, конечно, было только притворнымъ. Утвердившись въ Галичѣ, онъ уже въ 1327 г. выразилъ желаніе вновь перейти въ католицизмъ [1]), и дѣйствительно не только

---

1) Theiner Mon. Pol. I. 299 № 383 ср. Řežabek Iuži II въ Casopis musea česceho 1883 стр. 131 прим. 24.

Въ этомъ году папа писалъ о немъ королю польскому (Raynald Annales. Eccles. T. XV an 1327 № 49). Cum itaque sicut exultatione praegrandi nuper audivimus nobilis vir *Boleslaus Dux Russiae* pronepos tuus, qui ex ritus imitatione Graecorum ab universalis S. Romane matris Ecclesiae unione dividitur, spiritum, Domino inspirante, conceperit ad unitatem ipsius Ecclesiae redeundi. ср. Карамзинъ IV прр 329.

Предположеніемъ о тожествѣ Юрія II съ Болеславомъ Тройденовичемъ легче всего разъясняется и путаница именъ въ извѣстіи архидіакона Гнѣзненскаго (Карамзинъ IV прим. 329). Post (coronationem Casimiri an 1333) non multo tempore mortuo magnifico Principe *Casimiro* dicto *Georgio* totius Russiae Duce Troidem Dux Masoviae, qui avunculo suo in ducatu Russiae succerserat...

самъ перешелъ, но и сталъ усиленно пропагандировать его среди своихъ подданныхъ. Пропаганда эта сопровождалась страшными смутами, 25-го же марта 1340 г. Юрій былъ отравленъ боярами съ нѣкоторыми изъ его сторонниковъ, и въ Галичѣ началась полнѣйшая анархія, закончившаяся присоединеніемъ его къ Польшѣ [1]).

Можно ли предположить, чтобы такой князь, какъ Юрій II, сталъ серьёзно хлопотать о Галицкомъ православномъ митрополитѣ? Едва ли совершенно неполитичному Юрію-Болеславу были по плечу тѣ тонкія политическія соображенія, какія заставили впослѣдствіи Казимира Польскаго хлопотать о возстановленіи Галицкой митрополіи.

За Θеодора могъ хлопотать лишь глава православной партіи на Волыни Любартъ-Димитрій Волынскій, и надо думать, что онъ и былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ поставленія Θеодора. На это указываетъ и участіе въ этомъ дѣлѣ ближайшаго къ Владиміру (тогда вакантному) епископа Луцкаго, котораго мы и находимъ въ моментъ смерти митр. Петра въ Москвѣ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Θеодоромъ. Но Владимірскій князь былъ вовсе не изъ такихъ, съ которымъ особенно считались въ Константинополѣ, да и не имѣлъ для этого ценза, предписаннаго закономъ Андроника, не будучи княземъ Галицкимъ.

Главное же то, что политика Андроника вызвала реакцію и въ самой Византіи. Имперская партія, тре-

---

[1]) Vitoduranus y Bielowski Mon. Pol. II 629 Boleslao filio Troiden ducis Masoviae, quem Rutheni unanimiter sibi in ducem et dominum susceperunt, per toxicum interempto, qui legem et fidem ipsorum immutare nitebat

Franciscus Scriptores rerum Bohemicarum II Pragae 1784 S. 191 Qui quidem dux zelo ductus fidei orthodoxae, accersiri jussit fidei Katholicae sacerdotes et de diversis terris viros in Theologia eruditos, volens germen verae fidei seminare et extirpare scismaticum errorem Ruthenorum, qui dolentes relinquere sectam eorum, Ducem veneno necantes multos Christianos ferro et modis variis extinxerunt Confer Reifenkugel. Die Grundung der romisch-katholischen Bistümer in den Territorien Halicz und Wladimir въ Archiv f. Oesterreiche Geschichte p. 423 n. 3.

бовавшая возстановленія былого величія имперіи, сейчасъ же, и во что бы то ни стало, обвиняла Андроника во всѣхъ обидныхъ для византійской гордости неудачахъ, не замѣчая того, что трудно было говорить о возстановленіи имперіи, когда жалкіе остатки ея поддерживались лишь наемными отрядами чужеземцевъ. На сторонѣ этой партіи находился и патр. Исаія. Она какъ извѣстно, добилась сверженія стараго императора и возведенія на престолъ Андроника Младшаго. Послѣдствія показали, что и онъ не былъ въ состояніи возстановить величіе имперіи въ свѣтской области и на полѣ брани; оставалось поддержать имперскую идею въ церковной сферѣ. Въ эту-то сторону и направляются потомъ всѣ усилія византійцевъ. Дѣло шло главнымъ образомъ о Россіи, которая къ этому времени значительно поправилась и вскорѣ сдѣлалась почти единственнымъ источникомъ средствъ для поддержанія Византійской имперіи. Имперіализмъ же въ церковной области, по отношенію къ Россіи, выражался главнымъ образомъ въ двухъ принципахъ: архіерей изъ Византіи и нераздѣльность территоріи Русской митрополіи при такомъ предположеніи.

Что это недопущеніе національной іерархіи являлось дѣломъ системы ясно изъ того, что говоритъ по поводу русскихъ Григора (кн. 36, гл. 6) почему назначеніе митрополита русскаго необходимо производить въ Константинополѣ и изъ тамошнихъ грековъ [1]). Въ виду этого-то, по заявленію Григоры, въ 1328 г. митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси и былъ назна-

---

[1]) Gregoras Hist Byz. l. 36 c. 6. Τοῦτο τοίνυν τὸ ἔθνος ἀφ' οὗ τῇ εὐσεβεῖ προσέῤῥυε θρησκείᾳ καὶ τὸ τῶν χριστιανῶν θεῖον ἐδέξατο βάπτισμα ὑφ' ἑνὶ τυποῦσθαι τέτακται ἀρχιερεῖ κατὰ τὸ ἀνάλογον τῶν ἑκάστοις ἑκασταχῇ προσηκόντων εἰς ἐπισκοπὰς διαφόρους καὶ μείζους καὶ ἥττους διηνεμένῳ τὴν τοῦ πάντος ἔθνους ἐκκλησιαστικὴν διοίκησιν καὶ εἶναι τὸν πρῶτον τοῦτον ἀρχιερεὰ τῷ τῆς Κ-εως ὑπείκοντα θρόνῳ καὶ ὑπὸ τούτου τὰ νόμιμα δέχεσθαι τῆς ἀρχῆς πνευματικῆς εἶναι δ' αὐτὸν καὶ νῦν μὲν ἐκ τῶν τ ῇ δ ε φύντων ὁμοῦ καὶ τραφέντων ἀμοιβαδὸν τὴν ἐκεῖ προεδρίαν ἀεὶ διαδεχομένων μετὰ τὸν προτέρου θάνατον παραλλάξ, ὡς ἂν τὸ τοῖν δυοῖν γενοῖν συναφὲς οὕτωσὶ βεβαιούμενον καὶ κυρούμενον βεβαιοτέρον ἐς τὸ ἀκήρατόν τε καὶ ἀκραιφνὲς καὶ τῆς πίστεως συμποίαν ἔχειν φυλάττειν ἀεὶ καὶ μονιμωτέραν τὴν οὐσίαν καὶ δύναμιν. (См. стр. 39).

ченъ Θеогностъ. Грамота Кантакузина Димитрію-Любарту 1347 г. и настольная митр. Алексію 1354 г., гдѣ повторяются не только тѣ же мысли, но и тѣ же выраженія, дѣлаютъ яснымъ, что Григора излагаетъ оффиціальные взгляды византійскаго правительства.

Въ ту эпоху, когда состоялось назначеніе Θеогноста на постъ митрополита всея Руси, греческая церковь была очень небогата способными людьми. По крайней мѣрѣ, о патр. Исаіи и его клирѣ (1323—1334) Никифоръ Григора даетъ весьма нелестный отзывъ. Исаія, по его словамъ, былъ очень некраснорѣчивъ, большинство же его епископовъ были люди совершенно невѣжественные[1]). Дѣло дошло до того, что для диспута съ папскими легатами въ 1333 году, патріархъ Исаія принужденъ былъ обратиться за помощію къ тому же Григорѣ, тогда еще мірянину.

Хотя къ словамъ Григоры надо относиться съ нѣкоторою осторожностію, особенно принимая во вниманіе, что Григора былъ въ высшей степени субъективенъ въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ, а къ тому же имѣлъ основанія быть недовольнымъ Исаіею, но и доли правды въ его словахъ достаточно, чтобы признать состояніе византійской церкви начала XIV вѣка весьма незавиднымъ. Но насколько Григора принижаетъ Исаію и его епископовъ, настолько же онъ превозноситъ достоинства Θеогноста. Опять-таки Григора хвалитъ своего союзника въ борьбѣ противъ Паламы и потому тоже пристрастенъ[2]); но среди того клира въ Константинополѣ, какимъ его описываетъ Григора, Θеогностъ, во всякомъ случаѣ, былъ личностію далеко незаурядною. Очевидно, русская церковь этой поры являлась очень завидною каѳедрою, на которую находились охотники и очень сравнительно хорошіе кандидаты.

---

1) Ὁ δ' οὔτε τὴν γλῶσσαν ἔχων ἠκονημένην ἐκ τῆς τῶν λόγων ἀσκήσεως καὶ ἅμα τοῦ πλείστους τῶν περὶ αὐτὸν ἐπισκόπων ἀμαθίᾳ συζῶντας πλείστῃ κατανοῶν. Migne P. Gr. 149 704.

2) За много лѣтъ до разсматриваемаго времени былъ посланъ туда изъ нашихъ назареевъ епископъ Θеогностъ, человѣкъ разумный и благочестивый ἦν πρὸ ἐτῶν ἤδη συχνῶν ἐκ τῶν καθ ἡμᾶς Ναζαραίων ἐκεῖσε πεμφθεὶς ἐπίσκοπος συνετὸς ἀνὴρ καὶ θεοφιλὴς θεόγνωστος τοὔνομα. (Gregora L. 36. c. 7).

Есть мнѣніе, будто бы митрополитъ, противникъ Паламы, былъ, конечно, не Θеогностъ и не Алексѣй, причисленные къ лику святыхъ, а всего вѣроятнѣе— митрополитъ Романъ. (Прав. Собес. 1867. I. 192 сл.) Такое стремленіе обѣлить Θеогноста въ ереси, по меньшей мѣрѣ, странно. Въ ту пору быть противникомъ Паламы отнюдь еще не значило быть неправославнымъ. Въ эту эпоху шелъ еще споръ о православіи самого Паламы, и сами патріархи константинопольскіе сомнѣвались еще въ этомъ пунктѣ. Припомнимъ, что самъ патріархъ Іоаннъ Калека, современникъ Θеогноста, былъ сначала паламитомъ, но въ 1345 году сталъ на сторону Акиндина. То же, что Θеогностъ былъ противникъ Паламы, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Григора говоритъ о немъ, какъ объ одномъ изъ нашихъ назареевъ (т. е. антипаламитовъ), и свидѣтельствуетъ, что даже въ Россіи Θеогностъ занимался полемикою противъ Паламы и не признавалъ соборовъ въ пользу послѣдняго. Припомнимъ, что преемникъ Іоанна Калеки, Исидоръ лишалъ антипаламитовъ ихъ каеедръ и замѣнялъ ихъ паламитами и только такимъ путемъ доставилъ послѣднему окончательное торжество.

Характеръ правленія митр. Θеогноста, поставленнаго въ 1328 г., какъ и слѣдовало ожидать, былъ такой же властный по отношенію къ епископамъ, какъ и его предшественниковъ.

По отношенію къ поставленію епископовъ Θеогностъ на дѣлѣ пользовался большими правами, чѣмъ тѣ, которыя могли бы быть предоставлены ему по чину поставленія епископовъ. Чинъ этотъ соблюдался и при немъ, насколько возможно судить по сохранившимся до насъ записямъ о поставленіи епископовъ при Θеогностѣ (Regel. Acta electionis episcoporum Russiae temporibus Theognostae въ Analecta byzantino-rossica, p. 52—56). Всюду мы находимъ, что митрополиту предлагалось три кандидата, изъ которыхъ онъ назначалъ одного. Но есть среди нихъ одна запись, которая свидѣтельствуетъ, что едва ли право предложенія кандидатовъ, по чину принадлежавшее епископамъ, было въ эту эпоху правомъ дѣйствительнымъ. Мы имѣемъ

въ виду поставленіе епископа Новгородскаго Василія. Мы знаемъ, что въ разсматриваемую эпоху, на каѳедру въ Великомъ Новгородѣ предлагались особою комиссіею три кандидата, имена которыхъ и клались на престолъ Св. Софіи; затѣмъ два изъ нихъ снимались, а тотъ, чей жребій остался, и признавался Новгородскимъ владыкою. Онъ всегда и посвящался въ архіепископы митрополитомъ. Такъ долженъ былъ получить поставленіе и Василій Новгородскій. Къ величайшему сожалѣнію, въ новгородскихъ источникахъ не сохранилось именъ его конкурентовъ. Въ записи же о поставленіи Василія мы читаемъ (Regel Analecta 56, № 12):

„Мѣсяца августа 25 дня, индикта 14, лѣта 6839. Избраніе богоспасаемаго града Великаго Новгорода. Въ присутствіи епископовъ (такихъ-то), при согласіи и прочихъ епископовъ были избраны три достойныя лица по чину каноническому: іеромонахъ Арсеній, Василій іеромонахъ и Лаврентій архимандритъ. И предпочтенъ и выбранъ іеромонахъ Василій; былъ рукоположенъ во архіепископа Василій".

Василій былъ несомнѣнно новгородскій кандидатъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно архимандрита Лаврентія, подъ которымъ слѣдуетъ видѣть архимандрита новгородскаго Юрьева монастыря Лаврентія, современника Василія. Слѣдуетъ предполагать, что и въ неизвѣстномъ намъ іеромонахѣ Арсеніи мы имѣемъ третьяго новгородскаго же кандидата. Тогда въ общемъ запись воспроизводитъ списокъ тѣхъ лицъ, жребіи которыхъ были положены на престолъ Св. Софіи въ Новгородѣ. Очень сомнительно, чтобы южнорусскіе епископы, участвовавшіе въ поставленіи Василія—Владимірскій, Галицкій, Холмскій, Луцкій и Смоленскій—предложили бы этихъ кандидатовъ, о которыхъ они, вѣроятно, ничего и не знали. Списокъ, по всей вѣроятности, сообщенъ былъ имъ митрополитомъ.

Мы видѣли, что и поставленіе епископа Галицкаго, Ѳеодора, было предрѣшено еще задолго до назначенія Ѳеогноста. Едва ли было болѣе свободно отъ вліянія сильнаго Владимірскаго князя и поставленіе

епископа Владимірскаго Аѳанасія. Власть митрополита въ назначеніи епископовъ такимъ образомъ ограничивалась не правомъ предложенія кандидатовъ со стороны епископовъ, а правомъ предложенія ихъ со стороны мѣстныхъ свѣтскихъ властей.

При митрополитѣ Ѳеогностѣ мы находимъ описаніе случая суда митрополита надъ епископами чрезъ митрополичьяго апокрисіарія. Споръ шелъ между владыками Сарайскимъ и Рязанскимъ о Червленомъ Ярѣ и былъ разрѣшенъ митрополитомъ слѣдующимъ образомъ. [1])

„Послалъ былъ язъ къ вамъ игумена своего, да разсмотритъ по правдѣ, чій передѣлъ будетъ; и по тогоже игумена послушьству, далъ есмь былъ грамоту владыцѣ сарайскому Аѳанасью“. Судъ, по собственному признанію митрополита, оказался несправедливымъ. Такъ какъ владыка Рязанскій потомъ успѣлъ доказать принадлежность Червленаго Яра Рязанской епархіи, между прочимъ грамотами митрополита Петра и Максима, то „и далъ есмь“ пишетъ Ѳеогностъ, „владыцѣ рязаньскому Кюрилу грамоту правую, какъ то и братья моя дали митрополиты“ [2]). Ни о какомъ участіи въ этомъ судѣ епископовъ въ грамотѣ не упоминается. Но изъ грамоты митр. Алексѣя, изданной впослѣдствіи по тому же поводу, мы узнаемъ, что всѣ эти грамоты принадлежали собору на Костромѣ и, слѣдовательно, были соборными. „Грамоты брата моего Максима митрополита, и Петра, и Ѳеогноста, что сборомъ створили на Костромѣ, и владыка Софоній далъ грамоты изъ устъ своихъ, что ему отъ тѣхъ мѣстъ, по тѣмъ грамотамъ не лзѣ вступа-

---

[1]) Р. И. Б. VI. № 18, ст. 164 сл.

[2]) Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ судъ о землѣ, который велся въ томъ же порядкѣ, какъ и другіе процессы этого рода. Судилъ игуменъ, вершилъ митрополитъ. Доказательства принимались преимущественно письменныя, по крайней мѣрѣ, судъ игумена опороченъ именно путемъ представленія такихъ письменныхъ доказательствъ Дознаніе на мѣстѣ черезъ довѣренное лицо, именно игумена, является лишь замѣною отсутствующихъ или неизвѣстныхъ митрополиту грамотъ: если бы Рязанскій владыка представилъ ихъ сразу, то вѣроятно сразу же митрополитъ и присудилъ бы ему спорную область.

тися". (Р. И. В. VI 172). Въ 1351 году (Воскр.): „Θеогностъ митрополитъ благослови Данила епископомъ на Суждаль, отлученъ бо бѣ нѣкія ради вины, и тогда пріятъ древній свой санъ". Лѣтопись не считаетъ нужнымъ упомянуть о какомъ-нибудь участіи собора въ низложеніи или въ возстановленіи Даніила потому, вѣроятно, что такого участія и не было, а все было дѣломъ единоличнаго распоряженія митрополита. Это доказываетъ только одно, что соборъ имѣлъ такъ же мало значенія и въ данномъ случаѣ, какъ при избраніи епископовъ.

Но такое право слишкомъ уже противорѣчило бы правиламъ, существовавшимъ на этотъ счетъ въ Византіи. Тамъ требовалось участіе по крайней мѣрѣ двѣнадцати епископовъ, участіе обвинителей и такъ далѣе для того, чтобы низложеніе епископа было дѣйствительнымъ. По всей вѣроятности, въ случаѣ съ Даніиломъ, да и въ другихъ случаяхъ единоличнаго суда митрополита надъ епископомъ, мы имѣемъ не низложеніе въ смыслѣ лишенія сана, а такъ называемую аргію, т. е. временное запрещеніе до-формальнаго суда, назначавшееся епископу, заподозрѣнному въ совершеніи какого-нибудь проступка. Епископъ могъ требовать суда патріарха; но для большинства епископовъ путешествіе въ Константинополь изъ Россіи фактически было невозможно или очень затруднительно. Они, особенно если чувствовали себя дѣйствительно виновными въ совершеніи того проступка, за который они подверглись аргіи, предпочитали не возбуждать дѣла, которое могло кончиться для нихъ еще болѣе тяжкими послѣдствіями. Отсюда и получалась фактически такая сильная власть надъ ними митрополита, о какой въ самой Греціи не могло быть и рѣчи; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло болѣе съ фактомъ, чѣмъ съ правомъ.

Въ рукахъ этого-то Θеогноста грека и была вновь объединена вся Русь, но далеко не безъ сопротивленія. Относительно Литвы можно сказать, что отдѣльное существованіе митрополіи нѣкоторое время продолжалось еще и при Θеогностѣ. Въ апрѣлѣ 1329 года

Θеофилъ въ званіи митрополита Литовскаго участвовалъ въ засѣданіи патріаршаго синода. Это послѣднее упоминаніе о Литовскомъ митрополитѣ. Вѣроятнѣе всего, судя по позднѣйшей практикѣ грековъ, въ Литву по смерти Θеофила просто не было поставлено новаго митрополита, и она подчинена была Θеогносту.

Литовская каѳедра не была уничтожена, а просто не замѣщена какъ это и указывается въ припискѣ къ Андроникової росписи каѳедръ. „Эта митрополія разъ учрежденная при покойномъ императорѣ Андроникѣ Старшемъ по причинѣ его щедрости въ этомъ отношеніи, потомъ совершенно не замѣщалась, какъ потому что въ Литвѣ слишкомъ мало христіанъ, такъ и потому, что это народъ сосѣдній съ Русью и съ удобствами можетъ быть управляемъ русскимъ митрополитомъ [1])".

О подчиненіи Галича у насъ существуютъ несомнѣнныя данныя. Первымъ дѣломъ Θеогноста по прибытіи его въ Россію было поставить въ маѣ 1328 г. двухъ епископовъ: того Θеодора, котораго галичане мѣтили въ митрополиты, и Аѳанасія Волынскаго. Но что всего замѣчательнѣе, и самъ Θеогностъ поселился въ Волыни же, въ томъ же Владимірѣ. Уже при жизни Θеофила Литовскаго и Галичъ и Волынь были отъ него независимы. Такимъ образомъ самостоятельные галицкіе митрополиты всѣ были назначены при Юріѣ Львовичѣ

Греки хотя и возстановили теперь единство митрополіи, но обратили вниманіе и на жалобы галичанъ, что митрополитъ проживаетъ гдѣ-то далеко отъ нихъ. Θеогностъ послѣ первой же поѣздки въ Орду направился не въ Москву, а на Волынь, и утвердился во Владимірѣ-Волынскомъ. Онъ созвалъ соборъ южно-

---

[1]) *Helzer* Beiträge zur russischen Kirchengeschichte въ Zeitschrift fur Kirchengeschichte Bd. XIII p. 261. τόν δέ Λιτβῶν, ὡς ἅπαξ γεγονότα τῇ τοῦ βασιλέως ἐκείνου Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου τοῦ Γέροντος περι τὰ τοιαῦτα φελοτιμίᾳ, εἶτα καθόλου σχολάσαι ἅμα διά τό βραχεῖς εἶναι πᾶνυ τοὺς ἐν Λιτβοῖς χριστιανίζοντας ἅμα δὲ ὡς και τοῦ τοιουτου ἔθνους τῇ Ῥωσιᾳ παρακειμένου και ὑπὸ τοῦ Ῥωσίας εὐκόλως ἔχοντι (ἔχοντος?) διεξάγεσθαι

Сравни *Павловъ* О началѣ Галицкой и литовской митрополій стр. 244.

русскихъ епископовъ, ставилъ на тамошнія каеедры и вообще старался упорядочить тамошнія дѣла. Только послѣ этого онъ отправился въ Москву и Новгородъ, гдѣ и пробылъ нѣкоторое время; затѣмъ же вновь поѣхалъ во Владиміръ на Волынь.

Уже при этомъ Ѳеогностъ легко могъ бы убѣдиться, что единство митрополіи являлось искусственнымъ и поддерживалось только личностію митрополита. Въ самомъ дѣлѣ, если мы просмотримъ списокъ епископовъ, участвовавшихъ въ поставленіяхъ епископовъ, происходившихъ во Владимірѣ-Волынскомъ, то легко увидимъ, что участвовали только южно-русскіе епископы. То же самое и на сѣверѣ, въ восточной Руси, въ подобныхъ случаяхъ участвуютъ только восточно-русскіе епископы, если не считать какого-нибудь случайнаго спутника Ѳеогноста изъ южно-русскихъ. Очевидно, соединить епископовъ той и другой половины Руси въ одномъ и томъ же соборѣ было крайне трудно, а это уже показывало на желательность раздѣленія митрополіи. Раздѣленіе это и послѣдовало послѣ 1335 года.

„Образованіе“ самостоятельной Галицкой митрополіи во время митрополита Ѳеогноста относится грамотою Іоанна Кантакузина 1347 г. ко времени смутъ т. е. ко времени послѣ 1341 г. и выставляется, какъ сплошной произволъ.

„Въ недавнее время смутъ“, пишетъ Кантакузинъ, „благопріятное для всякихъ безпорядковъ, правящіе дѣлами государства и недостойно предстоятельствовавшій въ церкви (т. е. Іоаннъ Калека), не помышляя ни о чемъ другомъ, какъ только объ исполненіи своихъ прихотей, благодаря которымъ они привели въ безпорядокъ дѣла общественныя и церковныя, почти всюду внесли разстройство и смуту и причинили всяческій вредъ и зло христіанскимъ душамъ,— ввели и ту новизну, что отторгли отъ митрополіи Кіевской епископіи Малой Руси и подчинили ихъ Галицкому архіерею, возведя его изъ епископовъ въ митрополиты“.

Но императоръ далеко не вполнѣ точенъ въ изложеніи событій: онъ умалчиваетъ о томъ, что грамота

объ отдѣленіи Галицкой митрополіи отъ Кіевской существовала гораздо ранѣе этого времени, что галицкій архіерей находится въ числѣ членовъ патріаршаго синода и уже при Андроникѣ III, и что Андроникъ и Іоаннъ Калека, если и дѣйствовали не въ пользу Кіевской митрополіи, то во всякомъ случаѣ не самостоятельно, а подъ напоромъ галичанъ, которые все время хлопотали объ отдѣльномъ митрополитѣ.

Если правильно наше предположеніе о томъ, что уже при Петрѣ возстановилась было отдѣльность Галицкой митрополичьей каѳедры, и что именно будущаго митрополита, Ѳеодора Галицкаго, благословилъ митр. Петръ передъ смертію на эту каѳедру, то дальнѣйшая исторія нашего вопроса пріобрѣтаетъ гораздо большую ясность, чѣмъ безъ такого предположенія. Если митрополитъ Ѳеогностъ принужденъ былъ посвятить этого Ѳеодора, хотя бы и не въ митрополиты, а въ епископы Галицкіе, то значитъ за Ѳеодора были какіе-то сильные покровители. Ѳеогностъ совершилъ это поставленіе, можно сказать, первымъ дѣломъ послѣ его пріѣзда въ Малую Россію: Ѳеодоръ былъ поставленъ въ епископы Галицкіе въ маѣ 1328 г. во Владимірѣ Волынскомъ[1]). Имя этого Ѳеодора неоднократно встрѣчается и потомъ въ числѣ епископовъ, сослужившихъ съ митрополитомъ при поставленіяхъ другихъ епископовъ. Но, повидимому, Ѳеогностъ не довѣрялъ ему и не оставлялъ его безъ себя въ Малой Руси. Такъ въ 1329 году онъ сопровождалъ митрополита Ѳеогноста въ его путешествіи на сѣверъ Руси. И въ октябрѣ этого года онъ вмѣстѣ съ епископомъ Григоріемъ Рязанскимъ участвовалъ въ посвященіи Антонія Ростовскаго.

Недовѣріе Ѳеогноста къ Ѳеодору было вполнѣ основательнымъ. Въ 1331 году мы находимъ епископа Галицкаго въ Константинополѣ въ числѣ митрополитовъ, членовъ патріаршаго синода[2]). Хотя имя его не названо, но имъ могъ быть только Ѳеодоръ.

---

[1]) Regel. Analecta 54.

[2]) Ар. № 72 6839—1331 годъ τοῦ Γαλίτζης καὶ ὑπερτίμου.

Нѣтъ основаній предполагать, что въ это-то время и состоялось признаніе Ѳеодора за митрополита Галицкаго и образованіе Галицкой митрополіи[1]). По возвращеніи изъ Константинополя онъ попрежнему именовался епископомъ и сопровождалъ Ѳеогноста, какъ подчиненный ему архіерей. Такъ онъ принималъ участіе въ поставленіи епископа Василія Новгородскаго 25 августа 1331 года, Трифона Луцкаго—6 декабря 1331 года и, наконецъ, — Павла Черниговскаго въ апрѣлѣ 1332 года. Даже и въ Галичѣ не считали Ѳеодора митрополитомъ и въ извѣстной грамотѣ Юрія II магистру Тевтонскаго ордена 1334 года онъ названъ епископомъ. Послѣднее упоминаніе о немъ, какъ объ епископѣ, находится въ записи о поставленіи Іоанна Брянскаго 19 сентября 1335 года, при чемъ Ѳеодоръ участвовалъ въ качествѣ суффрагана Ѳеогноста.

Такимъ образомъ, наименованіе Ѳеодора митрополитомъ въ актахъ патріаршаго синода 1331 года можетъ быть, по нашему мнѣнію, объяснено только однимъ предположеніемъ: что въ спискахъ патріархіи Галичъ и въ 1331 году продолжалъ числиться митрополіею, подчиненною патріархіи, и потому Галицкій архіерей Ѳеодоръ и былъ признанъ за митрополита *ошибочно* (намѣренно или ненамѣренно) и приглашенъ въ синодъ. Существовали патріаршія грамоты Галицкимъ митрополитамъ — Нифонту и, если правильны наши прежнія соображенія, то и митр. Петру и Гавріилу; но не существовало акта уничтоженія этой митрополіи. Это послѣ всего сказаннаго совершенно ясно изъ выраженій грамоты Іоанна Кантакузина объ

---

[1]) Мы не находимъ возможнымъ предположить, что Ѳеодоръ въ бытность свою въ Константинополѣ въ 1331 году дѣйствительно успѣлъ добиться возстановленія Галицкой митрополіи, но уже въ августѣ того же года принужденъ былъ вновь подчиниться митр Ѳеогносту. Если бы это было такъ, то покровитель Ѳеодора Любаръ, не потерпѣлъ бы присутствія Ѳеогноста на Волыни, а между тѣмъ Ѳеогностъ провелъ тамъ все это время болѣе двухъ лѣтъ (съ марта—апрѣля 1330 г. до апрѣля—мая 1332 г. Голубинскій II 1 стр. 153). Да и для Ѳедора новое закрытіе неминуемо имѣло бы послѣдствіемъ привлеченіе его къ суду патріаршему, чего мы отнюдь не находимъ.

уничтоженіи Галицкой митрополіи. „И въ прежнія времена, когда тоже была замышляема такая новость, (самостоятельность Галицкой митрополіи) она падала и разрушалась въ самомъ началѣ (ἅμα τῷ γεγονέναι) — потому именно, что тамошніе христіане не терпятъ отмѣны и нарушенія своего обычая". Въ словахъ императора слѣдуетъ видѣть признаніе, что такія попытки бывали неоднократно и до попытки Ѳеодора, не встрѣчали отпора со стороны царя и патріарха, падали сами собой, а не въ силу хризовулла императора, который всегда былъ необходимъ для уничтоженія самостоятельности разъ возникшей митрополіи.

Все это приводитъ къ предположенію, что и Ѳеогностъ просто былъ назначенъ на соединенныя каѳедры Великой и Малой Руси, безъ уничтоженія самостоятельности послѣдней. Но если Галичъ продолжалъ стоять въ спискахъ митрополій, подчиненныхъ Константинопольскому престолу, то самый фактъ поставленія туда Ѳеогностомъ епископа, какъ бы мы этотъ фактъ ни объясняли, являлся весьма серьѣзнымъ нарушеніемъ правъ патріархіи. Бывали случаи, когда одному и тому же митрополиту поручалось управленіе двумя епархіями-митрополіями, но необходимымъ предположеніемъ для этого служили два обстоятельства: во-первыхъ, что митрополитъ съ удобствомъ можетъ самъ управлять обѣими митрополіями, и во-вторыхъ, что на одну изъ нихъ, по обстоятельствамъ времени, невозможно назначить самостоятельнаго епископа или митрополита. При отсутствіи одного или обоихъ изъ этихъ условій утрачивался самый смыслъ такого соединенія митрополій, и епископъ Галича долженъ былъ сдѣлаться самостоятельнымъ митрополитомъ какъ и прп митр. Петрѣ.

Это и произошло, хотя и противъ желанія большинства духовенства и населенія. Когда Ѳеодоръ сдѣлался митрополитомъ, то епископы не желали подчиняться ему. Это и вполнѣ понятно: нѣкоторые изъ нихъ были старше его, другіе же были рукоположены Ѳеогностомъ, какъ и самъ Ѳеодоръ. Патріархъ принужденъ былъ наложить на неповинующихся Ѳеодору

епископовъ и другихъ лицъ запрещеніе (δεσμόν).[1]) По словамъ же патріарха Исидора, назначеніе Θеодора произвело такой переворотъ и замѣшательство, что едва не возбудило въ Галиціи и Малой Руси междуусобной войны. (Р. И. Б. VI. прил., стр. 36).

Если и видѣть въ этихъ словахъ извѣстную долю риторики и преувеличенія, то все же они доказываютъ, что Θеодоръ не могъ бы добиться признанія своихъ митрополитанскихъ правъ безъ поддержки очень вліятельныхъ покровителей. Но кто же были эти покровители? Естественнѣе всего, казалось бы, искать такого покровителя въ лицѣ галицкаго князя, но личность и характеръ Юрія II, о которыхъ намъ уже приходилось говорить, дѣлаютъ такое предположеніе трудно допустимымъ. Есть, напротивъ, основаніе думать, что Θеодоръ въ это время добровольно или невольно оставилъ Галичъ и нашелъ убѣжище у Любарта Волынскаго. Въ этомъ Любартѣ, городъ котораго при митрополитѣ Θеогностѣ сдѣлался митрополичьимъ, и должно видѣть то лицо, которое главнымъ образомъ и должно было хлопотать за Θеодора, какъ, по всей вѣроятности, онъ хлопоталъ за него и въ 1328 году. Новый митрополитъ, подобно предшественнику своему Θеогносту, и поселился тоже во Владимірѣ Волынскомъ у Любарта; заключаемъ такъ изъ того, что впослѣдствіи грамота по дѣлу митрополита Θеодора была адресована патріархомъ именно Любарту Волынскому, и ему, а никому другому, патріархъ поручалъ побудить Θеодора явиться на судъ въ Константинополь.

Время возстановленія самостоятельной Галицкой митрополіи слѣдуетъ отнести къ эпохѣ между 1335 и 1339 годомъ. Еще 19 сентября Θеодоръ, 1335 г. въ качествѣ епископа Галицкаго, сослужилъ съ Θеогностомъ въ качествѣ подчиненнаго послѣднему при поставленіи епископа Брянскаго. Въ іюлѣ же 1339 года была по просьбѣ Θеогноста совершена патріархомъ канониза-

---

[1]) Τόν ἐκφωνηθέντα τῷ τότε ἐκκλησιαστικόν κατά τῶν μή πειθομένων τῷ Γαλίτζης ἐπισκόπων και τῶν ἄλλων. Дѣло идетъ о патріаршемъ отлученіи, такъ какъ митрополитъ не могъ отлучать епископа

ція митр. Петра, что заставляетъ предполагать, что къ этому времени Θеогностъ переселился уже въ Москву и принялся хлопотать за лицо, особенно близкое къ Ивану Даниловичу, не безъ ясно выраженнаго желанія этого послѣдняго. Въ грамотѣ патріарха по этому поводу (A. Patr. I, p. 191, Р. И. Б. VI прил. № 2 1339 г. въ іюлѣ) Θеогностъ уже не именуется митрополитомъ *всея* Руси, а просто μητροπολίτα Ῥωσίας, что является опять-таки подтвержденіемъ факта существованія въ эту пору особой Галицкой митрополіи.

Епископъ Галицкій записанъ въ числѣ членовъ синода (каковыми бывали лишь митрополиты да архіепископы) между митрополитомъ Меθимны и архіепископомъ Коса въ одномъ изъ актовъ патріархіи, объ отлученіи митрополита Филиппъ, относящимся ко времени Іоанна Калеки. Τοῦ Μηθύμνης, τοῦ Γαλίτζης, τοῦ Κῶ καὶ τοῦ Μηδείας... (А. Р. І. Г. 75, р. 171). Но, къ сожалѣнію, этотъ актъ безъ даты. Проф. Павловъ однако правильно опредѣлилъ эту дату или концомъ 1337 года или началомъ 1338 года, который и слѣдуетъ признать наиболѣе позднею датою поставленія[1]) τοῦ Γαλίτζης, т. е. *митрополита* Галицкаго; согласно списку Казимировой грамоты это былъ тотъ же Θеодоръ.

Мы не можемъ предположить, что Галичъ при Андроникѣ III сдѣланъ былъ только архіепископіею, а въ митрополію возведенъ уже послѣ смерти его. Въ пользу такого предположенія можно указать лишь выраженіе грамоты Кантакузина 1347 года, что галицкая митрополія учреждена во время смутъ, т. е.

---

[1]) Павловъ Русское Обозр. май 1894, стр. 225, прим. 1. „Такъ какъ актъ несомнѣнно принадлежитъ къ актамъ Іоанна Калеки (1334—1347) и занимаетъ въ сборникѣ ихъ второе мѣсто, а на первомъ мѣстѣ стоитъ актъ съ опредѣленною датою „въ іюлѣ 1337 года“, то можно съ полною достовѣрностію заключить, что онъ относится или къ этому году, или къ 1338 му, которымъ помѣченъ слѣдующій датированный актъ того же патріарха (№ 78)“. Прибавимъ, что и № 77, судя по подписавшимся архіереямъ, тѣмъ же что и въ № 78, слѣдуетъ отнести къ той же датѣ что и послѣдній, т. е февралю 1338 г. Въ іюнѣ же 1339 г низложенному митрополиту Филиппъ назначено уже пособіе изъ средствъ Филиппопольской церкви (ib. № 87).

отъ 1341 по 1347 годъ. Но въ интересахъ грековъ и Кантакузина было умолчать при этомъ объ Андроникѣ Младшемъ, какъ они умолчали и объ Андроникѣ Старшемъ. Время же послѣ 1341 года было эпохою разгрома православія въ Галиціи и на Волыни, когда было не до повышенія архіепископа (?) Галицкаго въ рангъ митрополита. Да и грамота Кантакузина утверждаетъ, что Галицкій архіерей возведенъ былъ въ митрополиты изъ епископовъ, а не изъ архіепископовъ. Наконецъ, если бы Галицкій архіерей былъ только архіепископомъ, то въ качествѣ младшаго, онъ стоялъ бы послѣднимъ въ ихъ ряду; мѣсто же передъ другими архіепископами могло принадлежать ему лишь, какъ младшему среди митрополитовъ. Такимъ образомъ Галицкая митрополія была возстановлена уже при Андроникѣ III, правительство же Анны („во время смутъ"), можетъ быть. лишь подтвердило грамоту Андроника, что было необходимо въ виду нежеланія многихъ православныхъ подчиняться новому порядку. На то же указываютъ и тѣ невозможныя отношенія, какія существовали между патріархіею и Θеогностомъ въ 1341 году (о чемъ ниже).

Θеогностъ засталъ еще въ Москвѣ князя Ивана Даниловича и приходилъ въ изумленіе отъ его благочестія и уваженія къ митрополиту. Съ его, конечно, словъ его единомышленникъ, Григора, разсказываетъ слѣдующее, какъ о перенесеніи резиденціи изъ Кіева въ Москву, такъ и о московскомъ князѣ. Каѳедральный храмъ митрополита всея Руси находился издавна въ Кіевѣ, но въ недавнее время онъ былъ разрушенъ и по пословицѣ сталъ скиѳской пустыней, такъ что онъ оказался непригоднымъ для резиденціи епископа-каѳоликоса Россіи (Τοῦ τῆν καθολικῆς ἐπισκόπου Ῥωσίας). Ближайшими же къ Кіеву сосѣдями была Литва, народъ очень многочисленный и весьма воинственный. Онъ-то и заставилъ подумать объ отысканіи новой резиденціи. И вотъ Θеогностъ рѣшился навсегда поселиться во Владимірѣ (на Клязьмѣ), въ виду благочестія тамошняго князя и тѣхъ почестей, какія онъ оказывалъ митрополиту. „Онъ смотрѣлъ на епископа не какъ на земного человѣка, но какъ

на какого-то ангела, только что слетѣвшаго съ неба[1]). Ибо всегда, когда видѣлъ его приносящимъ Богу Св. Дары, онъ, вставъ на колѣни, лобызалъ собственными устами его слѣды и осыпалъ его дорогими подарками и почестями. И другіе его подданные, видя это, подражали ему и старались превзойти въ этомъ одинъ другого. А чье благочестіе не было явнымъ и Богу, и всѣмъ и каждому изъ сотоварищей, тотъ признавался ниже всѣхъ". (Григора, кн. 36. гл. 6).

Изъ этого описанія видно, какъ мало обращали еще вниманія на Россію въ Константинополѣ. Даже фактъ переноса каѳедры изъ Кіева во Владиміръ не былъ тамъ замѣченъ своевременно; Григора не можетъ сказать, первый ли сдѣлалъ это Ѳеогностъ, или—нѣтъ. Но намъ дороги эти свѣдѣнія о князѣ, почерпнутыя, по всей вѣроятности, отъ самого Ѳеогноста. Послѣдній былъ въ Константинополѣ въ 1333 году и въ это время и могъ похвастать своимъ положеніемъ передъ своимъ единомышленникомъ въ спорѣ съ Паламою, Никифоромъ Григорою. Если такъ, то эти указанія относятся, главнымъ образомъ, къ Ивану Калитѣ.

Ѳеогностъ упускалъ изъ виду одно: благочестіе Калиты было не безъ значительной примѣси и политическихъ соображеній. По смерти брата Юрія, Ивану Даниловичу не удалось сразу получить великое княженіе: оно перешло къ брату казненнаго въ Ордѣ Димитрія Михайловича Александру Михайловичу Тверскому. Уже это одно показываетъ, какъ слаба была еще Москва. Ивану Даниловичу осталось лишь ждать, но ждать пришлось недолго, благодаря увлекающемуся характеру Александра Михайловича. Въ 1327 году баскакъ Шевкалъ, явившись въ Тверь для сбора дани, своими жестокостями, а главное пропагандою магометанства, (если давать нѣкоторую вѣру несомнѣнно тенденціозному разсказу лѣтописи) вызвалъ возмущеніе тверичей, въ которомъ принялъ участіе и Александръ

---

[1]) οὐ γὰρ ὡς ἄνθρωπον ἐκ γῆς τόν ἐπίσκοπον ἑώρα, ἀλλ' ὡς ἀγγελλόν τινα τῶν οὐρανίων ἄρτι καταπτάντα ἀγτύγων (Gregora Hist L. 36 c 6).

Михайловичъ. Всѣ находившіеся въ городѣ татары, равно какъ и ренегаты русскіе, были безпощадно перебиты въ праздникъ Успенія, 15 августа.

Этотъ необдуманный поступокъ рѣшилъ участь Твери. Великое княженіе было предоставлено Ивану Даниловичу Московскому, а Александру Михайловичу пришлось спасаться отъ ханскаго гнѣва бѣгствомъ въ Новгородъ. Когда новгородцы его не приняли, онъ поѣхалъ далѣе во Псковъ, и псковичи признали его своимъ княземъ (Новг. 6835). Тѣмъ временемъ Тверское княженіе было совершенно разорено татарами, а на слѣдующій годъ Иванъ Даниловичъ потребовалъ отъ новгородцевъ, чтобы они или выдали князя Александра, или принудили его итти на судъ въ Орду (Новг. 6836). Новгородцы, понимавшіе, чѣмъ можетъ грозить имъ ослушаніе, пытались убѣдить князя Александра исполнить ханскую волю; но посольство ихъ, съ архіепископомъ Моисеемъ во главѣ, потерпѣло неудачу. Тогда на Псковъ двинулось огромное русско-татарское ополченіе подъ предводительствомъ Ивана Калиты. 26 августа 1329 года Иванъ прибылъ въ Новгородъ, а вслѣдъ за нимъ туда же прибылъ и митрополитъ Ѳеогностъ[1]). Во Псковъ отправилось новое посольство отъ Новгорода и великаго князя опять съ Моисеемъ во главѣ; но и это посольство тоже не имѣло успѣха. Тогда великій князь убѣдилъ митрополита наложить отлученіе на Псковъ, и мѣра эта подѣйствовала: псковичи смирились, а Александръ уѣхалъ въ Литву (Соф. I. 6838, Воскр. 6837, Псков. 6835).

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ первый случай мѣстнаго интердикта, наложеннаго на цѣлую область по политическимъ мотивамъ. Съ юридическою конструкціею такого интердикта мы познакомимся впослѣдствіи, теперь же обратимъ вниманіе на то, что актъ наложенія отлученія на Псковъ являлся актомъ непосредственной митрополичьей юрисдикціи на осно-

---

[1]) Новгор. I. 6837. „Приде въ Новъгородъ на столъ князь великый Иванъ Даниловичь... Того же лѣта приходи въ Новъгородъ митрополитъ, Грьчинъ родомъ, именемъ Ѳеогностъ“

ваніи его кидемоніальныхъ правъ. Митрополитъ пріѣхалъ лично въ Новгородъ, въ силу чего должна была пріостановиться архіепископская юрисдикція въ этомъ городѣ и перейти на митрополита. Наложеніе отлученія совершенно правильно, приписывается лѣтописью, исключительно митрополиту. Лѣтописецъ не говоритъ, чтобы митрополитъ явился въ Новгородъ спеціально для наложенія отлученія на Псковъ; оно явилось случайнымъ актомъ митрополичьей юрисдикціи и притомъ — совершоннымъ не по собственной инициативѣ, а по волѣ великаго князя. Есть поэтому полное основаніе думать, что въ бытность свою въ Новгородѣ Ѳеогностъ и вообще судилъ вмѣсто арх. Новгородскаго, т. е. совершалъ такъ называемый мѣсячный судъ, изъ-за котораго впослѣдствіи у новгородцевъ были нескончаемые споры съ митрополитомъ.

Съ отъѣздомъ князя Александра отлученіе было снято со Пскова, вѣроятно, послѣ особаго торжественнаго посольства отъ псковичей. Псковская II, 6838, замѣчаетъ по этому поводу: „Митрополитъ Ѳеогнастъ и владыка Моисій благословиша посадника Сологу и весь Псковъ“. Солога, вѣроятно, и явился въ Новгородъ съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ князя Александра. Юридическое значеніе имѣло, конечно, лишь благословеніе Ѳеогноста, которымъ прекращалось наложенное на Псковъ отлученіе. Но отлученіе осталось на самомъ Александрѣ Михайловичѣ. Только черезъ шесть лѣтъ онъ послалъ въ 6841 году своихъ бояръ къ Ѳеогносту. „И пріимъ отъ Феогнаста митрополита и отъ всѣхъ святителей Русскихъ благословеніе и молитвы, и начя наряжатися во Орду“. (Никон. 6844). Такимъ образомъ, отлученіе было снято съ него подъ условіемъ явки къ хану. Какъ извѣстно, въ Ордѣ Александръ Михайловичъ былъ казненъ, подобно своему отцу и брату. Участіе митрополита и его вліяніе окончательно рѣшило споръ между Тверью и Москвою въ пользу послѣдней.

Великій князь Иванъ Даниловичъ оказывалъ митрополиту Ѳеогносту не одни только внѣшніе знаки вниманія, но и призналъ за нимъ юрисдикцію въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ прежде она не принадлежала

церкви. Это становится яснымъ изъ сравненія перечня церковныхъ судовъ, составленнаго современникомъ Ивана Даниловича, съ подобнымъ же перечнемъ въ извѣстномъ посланіи епископа Владимірскаго 1293—1299 гг. Въ послѣднемъ мы читаемъ: „По правиломъ суды церковныя во всѣхъ крестьяньскыхъ людехъ: игумены и игуменьи, попы и дьяконы, черньци и черници, роспустъ, смилное, оумыкание, пошибание, заставанье, промежю мужемъ и женою, чьто будетъ рѣчь о животѣ, вѣдовьство, зелье, оурѣканье... зубоѣжа, иже отца и матерь бьеть сынъ или дчи, братья или дѣти тяжються о задници, церковная татба“.

Въ перечнѣ современника Ивана Даниловича не только содержатся почти всѣ эти суды, но и многіе другіе [1]). (Требникъ митрополита Макарія, л. 680, оборотъ). „Сиі рядъ и судъ церковный уставили первіи князи своимъ тіюномъ приказали суда церковнаго не обидити, ни судити безъ владычня тіюна. А се суть церковная орудья: попъ, дьяконъ, чернецъ, черница, паломникъ, сторонникъ, слѣпець, хромець, застатие, блізь поіманіе, сваткы, роспусти, потвори, чародѣяние, вълхво (листъ 681) ваніе, зелия, вѣди, зубоѣжа, уроци, ли два друга імета ся бити, одинаго жена иметъ друго за лоно и вразить и; или кого, застануть съ четвероножною, или сынъ отца бьетъ или дщи матерь, или сноха свекровь, или кто молится у воды или подъ рощеніемъ, или кто крестъ посѣчетъ; а съ княземъ на полы: пошибаніе или дѣвка дѣтя повержетъ. А своимъ тіюномъ приказываемъ суда церковнаго не обидити десятину ис суда давати; а кто покривитъ судити ему собою, а предъ Богомъ тому же отвѣщати, а мы *князи* съ своей души сложили есмы. Дай Богъ и на многа лѣта великому князю Ивану Даниловичу всея Руси“.

Документы являются договоромъ не съ однимъ Калитою но и съ другими князьями. Послѣднія

---

[1]) Содержащіеся только въ послѣднемъ документѣ отмѣчены разрядкою.

слова не только указываютъ на то, что во время написанія этого списка Иванъ Даниловичъ былъ еще живъ „на многія лѣта“, но и могутъ быть объяснены исключительно, какъ выраженіе благодарности ему за то, конечно, что онъ соблюдалъ предписанія прежнихъ князей о судѣ церковномъ. Понятно, что онъ побужденъ былъ къ этому митрополитомъ. Судя по тому, что перечень сохранился въ новгородской редакціи Власьевиіи, онъ и былъ написанъ въ Новгородѣ. И въ такомъ случаѣ естественнѣе всего отнести время его написанія къ пріѣзду Ѳеогноста въ Новгородъ, когда именно долженъ былъ возникнуть вопросъ о предѣлахъ церковной и, въ частности, митрополичьей юрисдикціи. Заключительныя слова являются выраженіемъ благодарности Ивану Даниловичу за признаніе за церковью спорныхъ прежде привилегій. Калита ничего не щадилъ, чтобы заручиться митрополичьимъ благоволеніемъ.

Дѣло значительно измѣнилось, когда образовалась особая Галицкая митрополія; тутъ пришлось уступать и Ѳеогносту, для котораго Владиміръ на Клязьмѣ являлся теперь единственнымъ убѣжищемъ. Уже Калита настоялъ передъ Ѳеогностомъ о признаніи митрополита Петра святымъ. Ѳеогностъ, конечно по желанію великаго князя, обратился къ патріарху съ грамотою о томъ, что отъ гроба митрополита Петра совершаются великія чудеса и исцѣляются всякія болѣзни, и просилъ наставленія, что ему дѣлать? Митрополитъ желалъ снять съ себя отвѣтственность за эту канонизацію. Но патріархъ грамотою (въ іюлѣ 1339 года АР. I. 191) поручилъ ему произвести канонизацію на собственный рискъ, „получивъ твердое и несомнѣнное удостовѣреніе“ о святости Петра. Очевидно, греки соглашались на это съ большою неохотою: но Калита добился признанія канонизаціи сторонника Москвы и въ Константинополѣ.

Еще болѣе важнымъ предсмертнымъ дѣломъ Калиты было назначеніе митрополичьимъ намѣстникомъ во Владиміръ своего крестника, старца Алексѣя Плещеева, будущаго московскаго митрополита. Житіе этого замѣчательнаго человѣка сообщаетъ съ рѣдкою для житій

святыхъ обстоятельностію о его родителяхъ и дѣтскихъ годахъ [1]).

Онъ былъ родомъ „отъ славныхъ и нарочитныхъ боляръ Черниговскихъ". Родители его, Ѳеодоръ и Марія, переселились „со всѣмъ домомъ своимъ" въ Москву, гдѣ у нихъ и родился сынъ, будущій митрополитъ, названный во святомъ крещеніи Симеономъ, по другимъ же даннымъ — Елевѳеріемъ. Такая практика двойныхъ именъ была не рѣдкостію въ аристократическихъ семьяхъ того времени. Такъ, напр., современникъ митрополита Алексѣя, тесть великаго князя Димитрія Ивановича Московскаго - Димитрій Константиновичъ Нижегородскій по смерти оказался вовсе не Димитріемъ, а Ѳомою [2]).

Годъ рожденія Симеона - Елевѳерія въ точности неизвѣстенъ, такъ какъ наши источники содержатъ на этотъ счетъ нѣсколько противорѣчивыхъ данныхъ. Житіе сначала говоритъ, что рожденіе его произошло „великое княженіе обдержашу князю Михаилу Ярославичу Тверскому при митрополитѣ Максимѣ до убіенія Акинфова" чѣмъ дается 1304—6812 годъ. Но затѣмъ по поводу смерти митр. Алексѣя 12 февраля 1377 г. упоминается, что онъ умеръ 85 лѣтъ и слѣд. родился въ 1292 году. Наконецъ говорится, что онъ былъ старше кн. Симеона Ивановича на 17 лѣтъ и, слѣдовательно, долженъ былъ родиться въ 1298 г. (1315—17).

---

[1]) Наиболѣе древнимъ житіемъ его слѣдуетъ признать Питиримово „Житіе", помѣщенное въ Воскресенской лѣтописи подъ 6885 годомъ, Питиримъ умеръ въ 1445 году, но „Житіе" написано ранѣе 1439 года, такъ какъ не упоминаетъ еще о происшедшемъ въ этомъ году открытіи мощей. Далѣе слѣдуетъ „Житіе", составленное Пахоміемъ Лотоѳетомъ около 1460 и помѣщенное въ Степенной книгѣ I,444, которое, по собственному его замѣчанію, составлено на основаніи Питиримова. Житіе, помѣщенное въ Никоновской лѣтописи, представляетъ передѣлку Пахомиева, какъ это легко видѣть при сравненіи. Такимъ образомъ основнымъ является „Житіе" Питиримово.

[2]) Воскр. 6891 „Преставися князь Димитрей Костянтиновичь Суздалскій, нареченый въ святомъ крещеніи Ѳома, а въ мнишескомъ чину нареченъ бысть Ѳеодоръ". Настоящее крестное имя бывало извѣстно очень немногимъ, а отъ постороннихъ тщательно скрывалось для того, чтобы имъ нельзя было воспользоваться съ цѣлію, напр, испортить носителя этого имени.

Въ Никоновской же лѣтописи упоминается, что въ годъ поставленія въ митрополиты (1353) Алексѣю было 60 лѣтъ и, слѣдовательно, годъ рожденія его—1294[1]).

Изъ этихъ четырехъ датъ: 1292, 1294, 1298, 1304, кажется, слѣдуетъ выбрать 1298 годъ, какъ наиболѣе вѣроятный годъ рожденія митрополита Алексѣя. 85 лѣтъ жизни Алексѣя слагаются изъ 20 лѣтъ до чернечества, 40 лѣтъ монашества и 24 лѣтъ епископства, т. е. въ данномъ случаѣ дается точный счетъ лишь годамъ святительства, прочіе же приводятся лишь въ круглыхъ цифрахъ, которыя слѣдуетъ читать: около 85, около 20, около 40 лѣтъ. (Никон: „20 лѣтъ или мало болѣе“). Но съ такимъ приблизительнымъ счетомъ можетъ быть согласованъ отнюдь не 1304 годъ, а только 1298-й. Послѣдняя дата предпочтительна уже и потому, что разница въ лѣтахъ между великимъ княземъ и кандидатомъ въ митрополиты должна была быть на Москвѣ общеизвѣстною, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана за плодъ домысла самого лѣтописца или составителя житія: иначе онъ постарался бы уничтожить противорѣчіе ея съ прочими хронологическими данными его же житія. Наконецъ и указаніе на то, что воспріемникомъ новорожденнаго былъ княжичъ Иванъ Даниловичъ, будущій Калита, тоже говоритъ въ пользу 1298 года. Въ 1292 году Иванъ Даниловичъ, родившійся не ранѣе 1284 года, былъ еще слишкомъ юнъ для того, чтобы быть крестнымъ отцемъ. Противъ даты 1298 годъ говоритъ указаніе житія на то, что Симеонъ родился въ великое княженіе Михаила Ярославича: но это указаніе не является въ нашихъ глазахъ особенно важнымъ. Списатель житія, по всей вѣроятности, былъ знакомъ со св Михаиломъ Тверскимъ болѣе по источникамъ агіографическаго характера, чѣмъ по лѣтописямъ, и могъ представлять себѣ, что Михаилъ получилъ великое княженіе ранѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

---

[1]) Никон 6886 (П. С. Л. XI 35) „Филоѳеемъ поставленъ бысть въ митрополиты, тогда сыи 60 лѣтъ, а въ митрополитехъ пребысть 24 лѣта, и бысть всѣхъ лѣтъ житіа его 85“.

Семья родителей новорожденнаго находилась въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Московскому великокняжескому дому. Такъ мы вправѣ заключить не только потому, что воспріемникомъ новорожденнаго былъ княжичъ Иванъ Даніловичъ, но и по той карьерѣ, какую составилъ себѣ племянникъ Алексѣя (сынъ брата) Даніилъ Ѳеофановичъ, занимавшій при Васпліи Димитріевичѣ высокій дипломатическій постъ въ Москвѣ и много посодѣйствовавшій ея будущему величію [1]).

Карьера служилаго человѣка, очевидно, предстояла и боярскому сыну Симеону Ѳеодоровичу; но у юноши были другія наклонности. Онъ „еще въ младенствѣ сый изъучися грамотѣ, изъ млада Бога възлюби, и оставль родителя своа и все имѣніе, и шедь въ единъ отъ монастырей постризается, сый 20 лѣтъ, и Алексій преименованіе въ мнишескомъ чину пріемлеть, и добрѣ подвижеся на добродѣтьль и все иноческое житіе исправи. Пребысть же въ чернечествѣ до 40 лѣтъ“. Какъ мы уже видѣли эти цифры слѣдуетъ понимать приблизительно. Никоновская лѣтопись говоритъ „20 или мало болѣе“, прибавка, объясняемая необходимостію подогнать дату житія къ 85 годамъ всей жизни Алексѣя. Болѣе важна, казалось бы, прибавка, что Симеонъ ушелъ въ монастырь „женитву возненавидѣвъ“. Такъ какъ члены московской аристократіи женились въ возрастѣ около 17 лѣтъ, то время пострпженія Симеона слѣдовало бы опредѣлить 1315 годомъ. Но весьма возможно, что эта фраза представляетъ просто одну изъ шаблонныхъ фразъ житій, на которую составитель

---

[1]) Воскр. 6900 Тое же зимы преставися, февраля 13, Данило Феофановичь... въ мнишескомъ чину Давыдъ, иже бѣ истинныи боаринъ великаго князя и правый доброхотъ, служаше бо государю безо льсти во ордѣ и на Руси *паче всѣхъ*, и голову свою складаше по чюжимъ странамъ, по незнаемымъ и по невѣдомымъ мѣстомъ, многы труды понесъ и истомы претерпѣ; егда же бѣжа изъ орды князь Василій, и тако угоди своему господеви, и тако тогда великій князь, любве ради иже къ нему, на погребении его сжалився по немь, прослезися и плака на многъ часъ; положенъ бысть въ монастыри у Михаилова Чюда, близъ гроба дяди его Алексіа митрополита. Ср. Соф. II. 6901 г.

могъ быть наведенъ именемъ новаго монаха—Алексѣй (человѣкъ Божій?). Во всякомъ случаѣ время постриженія Алексѣя совпадаетъ съ эпохою наибольшаго вліянія митрополита Петра на благочестиваго крестнаго Симеона и на все московское общество; трудно предположить, чтобы его не испыталъ на себѣ и молодой Симеонъ. Если Симеонъ при постриженіи и получилъ имя въ честь Алексѣя Человѣка Божія, то изъ этого нельзя еще дѣлать выводовъ о какихъ-нибудь обстоятельствахъ личной жизни постриженника: въ эту эпоху монашескія имена давались не по желанію постригающагося и не по усмотрѣнію настоятеля; давалось просто имя святого дня.

Алексѣй постригся въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ и, слѣдовательно, сохранилъ свои связи съ московскимъ дворомъ и московскимъ обществомъ. Это было для него тѣмъ легче, что тогдашніе московскіе монастыри были далеки отъ соблюденія монастырскихъ строгостей. Онъ пробылъ въ монашествѣ около 20 лѣтъ, пока не былъ назначенъ на должность митрополичьяго намѣстника. Никоновская лѣтопись говоритъ съ полною опредѣленностію, что Алексѣй пробылъ намѣстникомъ Ѳеогноста 12 лѣтъ и 3 мѣсяца. Ѳеогностъ сдѣлалъ его архимандритомъ Рождественскаго монастыря и своимъ намѣстникомъ во Владиміръ, „иже спомогати ему и разсужати церковныя люди въправду по священнымъ правиломъ; и бысть въ дворѣ у митрополита Феогнаста преподобный старець Алексѣй лѣтъ 12 и 3 мѣсяцы“. Такъ какъ счетъ ведется до поставленія Алексѣя въ епископы Владимірскіе, послѣднее же произошло 6 декабря 1352 года, то поставленіе въ намѣстники слѣдуетъ отнести *къ началу сентября 1340 г.* Во всякомъ случаѣ это событіе относится ко времени Ивана Калиты [1]).

---

[1]) Никоновская лѣтопись, вѣрная своей тенденціи умалять и затушевывать факты вліянія свѣтской власти на церковное управленіе, старается представить дѣло такъ, будто бы и въ дѣлѣ назначенія намѣстника Алексѣя Ѳеогностъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно.

Намѣстничество, какъ совершенно правильно полагаетъ Воскресенская лѣтопись (житіе), должно было служить Алексѣю переходною ступенью къ митрополіи: Ѳеогностъ, какъ выражается житіе, возвелъ Алексѣя въ намѣстники, „хотя его по себѣ наслѣдникомъ быти Русскія митрополіи". Необходима лишь одна поправка къ этому извѣстію: это было не столько желаніемъ Ѳеогноста, сколько требованіемъ великаго князя.

Уже традиціонно Владимірскіе намѣстники ставились не иначе, какъ по волѣ мѣстнаго князя, и это служило ступенью къ возведенію въ будущемъ на епископство. Посланіе Симона къ Поликарпу не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. „Таковъ ли ты, пишетъ онъ Поликарпу, какимъ слѣдуетъ быть епископу? Если бы ты былъ достоинъ этого сана, то я не отпустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ на обѣ епископіи, Владиміръ и Суздаль, какъ и хотѣлъ князь Георгій, но я не согласился видя твое малодушіе". Очевидно, что и Георгій, какъ и сестра его Верхуслава (Анастасія) желали провести потомъ Поликарпа въ епископы Суздальскіе. Такая практика перевода изъ намѣстниковъ въ епископы вовсе не представляла

„Таже потомъ пресвященный Феогнастъ митрополитъ всеа Руси взя къ себѣ во дворъ изъ манастыря святаго Богоявленіа преподобнаго старца Алексѣя и учини его у себя намѣстникомъ". Чтобы устранить предположенія о вліяніи великаго князя на митрополита въ этомъ дѣлѣ, лѣтописецъ старается объяснить, какъ митрополитъ Ѳеогностъ познакомился съ Алексѣемъ „И тако старець Стефанъ со Алексѣемъ духовнымъ житіемъ оба купно во единьствѣ живяста, и не точію же се, но и во церкви на крилосѣ, оба по ряду стояще, пояху въ мнозѣ любви о Господи и смиреніи. Такоже и Геронтей нѣкто, нарочитъ и честенъ и славенъ старець духовнымъ житіемъ въ томъ же манастыри св. Богоявленіа живяше, и съ Стефаномъ и со Алексѣемъ во мнозѣй духовнѣй любви о Господи и смиреніи пребываше. Любяше же ихъ и Феогнастъ митрополитъ всея Руси, и часто къ себѣ призываше, и упокоиваше, и прохлажаше, и почиташе ихъ добрѣ". Если Ѳеогностъ такъ къ нимъ относился, то важную роль тутъ играло именно то, что это были очень вліятельные у князя люди, съ которыми нужно было ладить Наконецъ и извѣстіе Никоновской лѣтописи все—таки не объясняетъ почему же изъ этихъ трехъ лицъ Ѳеогностъ выбралъ именно Алексѣя.

что-либо особенное, практиковавшееся только во Владимірѣ: такъ же, повидимому было и въ Твери [1]).

Андроникова законъ открывалъ великому князю всея Руси возможность замѣстить, по своему усмотрѣнію, и митрополичью каѳедру, хотя бы и цѣною крупныхъ матеріальныхъ пожертвованій. И нельзя не обратить вниманіе на то, что первый митрополитъ изъ москвичей былъ намѣченъ Иваномъ Калитою и приходился ему крестнымъ сыномъ. Но выполнить планы Калиты пришлось уже его сыновьямъ.

---

[1]) Послание Симона по списку Каландовича XVI в. (Памят. Рос Слов. XII в 249–257) „Аще еси что отъ того исправилъ, какому подобаетъ быти епископу? Но аще бы ты былъ достоинъ таковаго сана не быхъ тя пустилъ отъ себе, но своима рукама намѣстнѣка тя себѣ поставилъ быхъ во обѣ епископьи Владимерю и Суздалю, яко же князь Георгіи хотѣлъ, но азъ ему възбранилъ".

IX.

При Симеонѣ Ивановичѣ митрополитъ и великій князь повидимому продолжали быть политическими союзниками. Прежде всего—по отношенію къ Новгороду. Съ новгородцами у Ѳеогноста возникли серьёзныя недоразумѣнія еще раньше. Въ 6842 (1334) году къ нему во Владиміръ на Клязьму пріѣзжалъ владыка Новгородскій Василій со многими дары. „Василей, арьхіепископъ, владыка Новгородцкій, поиде къ Ѳеогнасту, митрополиту Кіевскому и всея Руси въ Володимерь, со многими дары и съ честію.“ (Никон. 6842) Вѣроятно, это было продолженіе расходовъ на посвятку; дары, какіе захватилъ съ собою Василій изъ Новгорода, митрополиту показались недостаточными, и владыки условились пополнить недостающее потомъ. Понятно неудовольствіе новгородца на такія, безусловно недопустимыя по закону Андроника, требованія митрополита.

Другимъ поводомъ къ неудовольствію былъ митрополичій судъ. Митрополитъ вернулся въ Москву къ розмирью новгородцевъ съ великимъ княземъ Симеономъ Ивановичемъ. Оно было вызвано нежеланіемъ новгородцевъ платить татарскую дань въ увеличенномъ размѣрѣ, какъ того требовалъ Симеонъ. Онъ спрашивалъ новгородцевъ: „А еще дайте ми запросъ царевъ, чего у мене царь запрошалъ — и они ркоша: того у насъ не бывало отъ начала міру; а ты цѣловалъ крестъ къ Новугороду, по старои пошлинѣ“. (Новг. I. 6847.) Получивъ такой отвѣтъ, Симеонъ Ивановичъ двинулся ратью на Торжокъ. „И Ѳеогнастъ митрополитъ тогда съ нимъ же поиде“. (Никон. 6848). Очевидно, что въ случаѣ неповиновенія великому князю и новгородцамъ, какъ прежде псковичамъ, грозило митрополичье отлученіе.

На этотъ разъ, впрочемъ, митрополитъ сыгралъ роль посредника. Новгородцы одумались и послали къ Ѳеогносту владыку Василія, „біюще челомъ“, а кромѣ того— посольство къ великому князю. Дѣло уладилось на томъ, что великому князю дали боръ по всѣмъ волостямъ новгородскимъ да 1000 рублей на Новоторжцахъ. Посредничество митрополита тоже обошлось не дешево. На зиму онъ пріѣхалъ въ Новгородъ со многими людьми и, по замѣчанію лѣтописи, „тяжко бысть владыцѣ и манастыремъ кормомъ и дары.“ (Соф. 6849).

Въ слѣдующемъ году (6850) Ѳеогностъ ѣздилъ въ Орду, гдѣ ему пришлось сдѣлать значительные расходы по поводу возобновленія ярлыка. Слѣдуетъ думать, что, средствами на это, онъ, подобно другимъ митрополитамъ, запасся въ Новгородѣ. Это-то вырожденіе института непосредственнаго митрополичьяго суда и было, надо думать, главною причиною неудовольствія новгородцевъ Ѳеогноста. Когда прежде митрополиты являлись дѣйствительно для суда, то такого неудовольствія не замѣчалось. Но въ послѣдній свой пріѣздъ Ѳеогностъ поставилъ дѣло слишкомъ уже на фискальную почву. Къ тому же требованіе митрополичьяго суда шло параллельно требованію ненавистнаго новгородцамъ чернаго бора, и оба эти побора вынуждались, какъ увидимъ, одними и тѣми же средствами. Противъ мѣсячнаго суда протесты шли обыкновенно не со стороны Новгородскаго владыки, а со стороны самихъ новгородцевъ. Это заставляетъ думать, что самъ митрополичій судъ былъ почему-то невыгоденъ тяжущимся, и самое естественное предположеніе, въ такомъ случаѣ, будетъ то, что пошлины митрополичьи были выше взимавшихся на владычнемъ судѣ. Можетъ быть, то же слѣдовало сказать и о ставленическихъ пошлинахъ. Что касается до владыкъ новгородскихъ, то они лавировали между желаніями вѣча и требованіями митрополита, отъ котораго они вполнѣ зависѣли: они умилостивляли митрополитовъ подарками и добивались того, что митрополитъ самъ въ Новгородъ не пріѣзжалъ. Такъ поступилъ Василій Новгородскій почти тотчасъ послѣ разсматриваемыхъ нами событій: въ

1346 году онъ ѣздилъ въ Москву къ князю и митрополиту звать великаго князя въ Новгородъ, и мы видимъ, что на этотъ разъ великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ безъ митрополита (Новг. 6854). Ѳеогноста, котораго, очевидно новгородцы не звали къ себѣ, Василій умилостивилъ дарами. Думаемъ такъ потому, что митрополитъ далъ ему крестчатыя ризы. Такое отличіе доставившее впослѣдствіи много хлопотъ митрополитамъ, получено Новгородскимъ владыкою не даромъ [1]).

Съ именемъ этого же архіепископа Василія легенда связываетъ пріобрѣтеніе Новгородскими владыками бѣлаго клобука. Позволимъ себѣ остановиться на ней подробнѣе въ виду той чрезвычайной важности, какую пріобрѣлъ этотъ вопросъ впослѣдствіи.

Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ Димитрія Толмача, яко бы написанная имъ при новгородскомъ архіепископѣ Геннадіи, является повѣстію несомнѣнно подложною и притомъ—составленною гораздо позднѣе Геннадія. Слѣдуетъ прибавить, что она написана отнюдь не въ Новгородѣ и не въ видахъ возвышенія Новгородскаго владыки. Источниками повѣсти, кромѣ Вѣна Константинова, какъ главнаго источника, является еще посланіе старца Филоѳея вел. кн. Василію Ивановичу, чѣмъ и опредѣляется наиболѣе ранняя эпоха возможности ея составленія. Но въ дѣйствительности она написана едва ли ранѣе начала XVII вѣка. Еще въ 1564 году она не была извѣстна ни царю Ивану Грозному, ни арх. Новгородскому Питириму, ни прочимъ членамъ собора, ни митрополиту Макарію, составившему не только Степенную книгу, но и спеціальную справку о бѣломъ клобукѣ, которою и воспользовался царь на соборѣ этого года.

Митр. Макарій оказывался лично заинтересованнымъ въ этомъ вопросѣ, ибо, какъ архіепископъ Нов-

---

[1]) Въ Никоновской лѣтописи сохранилось слѣдующее описаніе этихъ ризъ, по поводу пожалованія ихъ Діонисію Суздальскому „священныя ризы съ четырма кресты и стихарь даде ему (патріархъ) съ источники, сіа бо великого сана, еже со кресты ѳелонь и со источники стихарь, митрополскаго (Никон. 6890)

городскій, онъ носилъ бѣлый клобукъ, но долженъ былъ лишиться этого рѣдкаго отличія, сдѣлавшись митрополитомъ Московскимъ. И тѣмъ не менѣе онъ не знаетъ не только о повѣсти Димитрія Толмача, но—даже о томъ, будто бы какой-то бѣлый клобукъ былъ присланъ Василію Новгородскому. О послѣднемъ Степенная книга (степень 11, гл. 8) содержитъ лишь слѣдующее: „Во дни христолюбиваго великаго князя Ивана Ивановича державствующу брату его великому князю Симеону Ивановичу, при митрополитѣ Θеогностѣ, тогда бысть въ Великомъ Новѣградѣ архіепископъ Василій, мужъ подвиженъ и прилежаніе имѣя неуклонно, еже бы всюду исправить слово Божіе истинное“. Повѣсть же Димитрія Толмача, отзываясь о Василіи, какъ о лицѣ „постничествомъ и всѣми добродѣтельми украшенномъ“, повидимому, знаетъ объ этомъ отзывѣ Степенной книги (Костомаровъ. Памятники I. 237.), а соборная грамота 1564 г. прямо заявляетъ „а писанія тому нѣтъ, котораго для случая архіепископы новгородскіе бѣлые клобуки носятъ“. Костомаровъ совершенно правъ (тамъ же I. 302), заключая отсюда, что въ эту эпоху „Повѣсть“ была еще неизвѣстна.

Она оставалась непзвѣстною и въ моментъ учрежденія московскаго патріаршества. Какъ текстъ грамоты патр Іереміи объ учрежденіи патріаршества, такъ и текстъ посланія о томъ же царя Θеодора Ивановича къ Іереміи 1595 года, составлены, не по тексту Повѣсти о бѣломъ клобукѣ,—казалось бы болѣе подходящему къ случаю, а по подлинному тексту посланія старца Филоѳея. И въ то же время текстъ рѣчи Сильвестра въ Повѣсти гораздо ближе къ этимъ двумъ новымъ текстамъ, чѣмъ къ посланію Филоѳея; не рѣчь Сильвестра является ихъ первоначальнымъ источникомъ, а наоборотъ. Папа Сильвестръ Повѣсти заявляетъ: „Яко же бо отъ Рима благодать и слава, и честь отъята бысть, такоже и отъ царствующаго града благодать Св. Духа отъимется, въ пленение агарянского, и вся святая предана будетъ отъ Бога велицей рустей земли во времена своя, и царя руского возвеличитъ Господь на многиями языки, и патріар-

шеский чинъ отъ царствующаго сего града гакожде данъ будетъ рустей земли во времена своя, и страна наречется свѣтлая Росия" (тамъ же I. 296). Въ этихъ словахъ весь смыслъ памятника: повѣсть Димитрія Толмача направлена противъ грековъ, не желавшихъ признавать даже третьяго мѣста въ ряду патріарховъ за патріархомъ третьяго Рима, Москвы, и имѣетъ цѣлью возвеличить именно ее. Повѣсть доказываетъ, что патріаршество учреждено въ ней царемъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ было учреждено патріаршество въ древнемъ Римѣ царемъ Константиномъ Великимъ.

Уже Иванъ IV подражалъ Константину, предоставляя митрополиту Московскому тотъ бѣлый клобукъ, въ которомъ онъ видѣлъ лоръ, бѣлую повязку, яко бы пожалованную царемъ Константиномъ папѣ Сильвестру, какъ знакъ его патріаршаго достоинства. На соборѣ 1564 года онъ нашелъ нужнымъ подчеркнуть, что митрополиту Московскому дается бѣлый или черный клобукъ „какъ государь укажетъ". Но образцомъ этого бѣлаго клобука былъ клобукъ Новгородскаго владыки, и потому нужно было объяснить, какъ же попалъ этотъ клобукъ въ Новгородъ? Повѣсть это и дѣлаетъ. Она самыми до наивности невозможными путями переправляетъ подлинный клобукъ Сильвестра изъ Рима въ Новгородъ; но это еще не значитъ, что и повѣсть составлена была въ Новгородѣ. Что повѣсть сочинена была не тамъ, показываетъ прежде всего ошибка въ имени того архіепископа, который получилъ крестчатыя ризы отъ патріарха и царя Кантакузина; по новгородскимъ лѣтописямъ (и правильно), это — былъ Моисей, а не Василій, какъ ошибочно стоитъ въ Повѣсти. Въ Новгородѣ ознакомились съ повѣстію уже послѣ ея составленія, въ готовомъ видѣ, и отнеслись къ ней критически. Мы имѣемъ въ виду извѣстное мѣсто о бѣломъ клобукѣ въ Новгородской III-й лѣтописи подъ 6843 г. „При семъ архіепископѣ Василій принесенъ бысть бѣлый клобукъ, отъ царя Константина и папы Силвестра, въ Великій Новградъ, иже и донынѣ Новгородскіе митрополиты (значитъ смѣнилось уже нѣсколько такихъ митрополитовъ) на главахъ своихъ тѣмъ подобіемъ

носять". Изъ Повѣсти о бѣломъ клобукѣ вытекало, что въ Новгородѣ хранится самый оригиналъ клобука Сильвестра, но новгородцу до такой степени ясна была неправда такого утвержденія, что онъ замѣнилъ оригинальный клобукъ его подобіемъ.

Принимая во вниманіе, какое мѣсто Повѣсть удѣляетъ русскому царю, можно было бы подумать, что она вышла изъ царской канцеляріи. Но это было бы ошибкою: Повѣсть въ то же время старается доказать, что бѣлый клобукъ выше даже царскаго вѣнца.

„Въ древняя бо лѣта", говоритъ Сильвестръ „изволеніемъ земнаго царя—Констянътина, царскій данъ бысть вѣнецъ рускому царю" (то же, что у Григоры, ср. стр. 37) „бѣлый же сей клобукъ изволеніемъ небеснаго царя Христа нынѣ данъ будетъ архіепископу великаго Новаграда и кольми сіи честнѣе оного, понеже архангельского чина есть, царскій вѣнець есть и духовнаго суть". (Костомаровъ I. 296). Такія горделивыя мысли въ XVII вѣкѣ были приличны развѣ только патріарху, но никакъ уже не митрополиту Новгородскому.

Но если Повѣсть и составлена въ Москвѣ и въ ея интересахъ, то составитель воспользовался при этомъ какимъ-то новгородскимъ преданіемъ. На существованіе его и ранѣе намекаетъ уже и постановленіе собора 1564 года, говорящее только, что „писанія тому нѣтъ", почему новгородскіе владыки носятъ бѣлый клобукъ. Эта традиція, дѣйствительно, существовала и возводила пріобрѣтеніе бѣлаго клобука ко времени арх. Василія. Ее, если не дѣлать изъ бѣлаго клобука чего-то особеннаго, слѣдуетъ признать правильною. Бѣлый клобукъ являлся лишь дополненіемъ къ крестчатымъ ризамъ, т. е. полиставрію, пожалованному арх. Василію митр. Ѳеогностомъ. Въ такомъ же полиставріи (т. е. бѣлой фелони съ нашитыми на нее крестами изъ черной матеріи) и бѣломъ клобукѣ изображается и преемникъ Василія, арх. Моисей Новгородскій, на фрескѣ Волотовской церкви близъ Новгорода. Вся суть полиставрія и была въ этихъ крестахъ. Впослѣдствіи, желая запретить ношеніе полиставрія преемнику Моисея, арх. Алексѣю, патріархъ приказалъ

ему лишь споръ съ фелони эти черные кресты. Безъ нихъ же новгородскіе архіепископы продолжали носить и бѣлую фелонь, и бѣлый клобукъ, что впослѣдствіи и вызывало недоумѣнія, на какомъ основаніи они это дѣлаютъ?

Не всегда однако бывало единодушіе у князя съ митрополитомъ: тамъ, гдѣ интересы ихъ расходились, Симеонъ Ивановичъ вовсе не оказывалъ Ѳеогносту такого почтенія и послушанія, какими отличался Калита. Такъ, въ 1342 году, со стороны русскихъ князей, конечно, не безъ участія и Симеона Ивановича, послѣдовала попытка ограничить податныя привилегіи духовенства.

Споръ относительно привилегій духовенства возникъ по поводу смерти Узбека. Въ 1342 году въ Ордѣ воцарился Чанибекъ, достигшій престола путемъ отцеубійства и братоубійства. Особымъ ярлыкомъ онъ предоставилъ русское духовенство въ путь ханшѣ своей Тайдулѣ [1]). Иммунитетъ духовенства понимался татарами довольно своеобразно. Духовенство было освобождено отъ данеи, но это не освобождало его отъ подарковъ въ пользу ханши и ордынскихъ князей; эти дары подразумѣвались сами собою и лежали, очевидно, на митрополитѣ. О величинѣ ихъ можно судить уже по тому, что они составляли важную статью дохода ханши. Но на сей разъ дѣло шло о чемъ-то гораздо большемъ. Ѳеогностъ отправился въ Орду въ 6850 г. (Никон.) и вернулся въ 6850 г. зимою въ великое говѣніе на средокрестной недѣлѣ (Воскр. 6850 [2]). Когда Ѳеогностъ являлся въ Орду

---

[1]) Возможно, что поступая такъ, онъ дѣйствовалъ уже по традиціи. Извѣстно, что и Узбекъ, подобно многимъ изъ своихъ предшественниковъ, былъ въ родствѣ съ византійскимъ дворомъ: онъ былъ женатъ на дочери (побочной?) императора Андроника младшаго (Ибнъ Батута стр. 83). Такимъ образомъ жена хана являлась естественною покровительницею и правительницею своихъ единовѣрцевъ и ей естественнѣе всего было отдать ихъ въ путь.

[2]) Никоновская лѣтопись сообщаетъ, будто бы въ 1342 г. не только митрополитъ, но и епископы получили въ Ордѣ ярлыки на свои причты. Никон. 6850 Того же лѣта митрополитъ Феогнастъ... по-

за полученіемъ новаго ярлыка отъ новаго хана, то возобновленіе его встрѣтило затрудненіе: отъ него потребовали полѣтней дани, и Ѳеогносту стоило большихъ трудовъ отстоять церковныя привилегіи.[1]). Дѣло однако кончилось ничѣмъ: митрополитъ отдѣлался лишь заключеніемъ („держа и въ тѣснотѣ“ Никон 6850) да тратою 600 рублей на подарки приближеннымъ хана. Такой исходъ дѣла и особенно, сравнительно, незначительная сумма, какою ограничились татары, доказываютъ, что сами татары были мало заинтересованы въ полѣтней дани съ митрополита. И дѣйствительно Никон. 6850 г. прямо указываетъ, что ея требовали сами русскіе, заявившіе хану, что митрополитъ „много безчислено имать дохода... и достоитъ ему тебѣ давати во Орду на всякъ годъ полѣтныа дани“.

Причина такого поступка русскихъ вполнѣ понятна. Вслѣдствіе освобожденія духовенства отъ податей и въ виду представленія ему льготъ сталъ происходить массовый закладъ за церковь. Это, въ свою очередь, дало возможность торговать саномъ, съ которымъ сопряжены были эти льготы[2]). Митрополитъ могъ зачислять въ клиръ кого ему угодно изъ свободныхъ, и всѣ зачтенные такимъ образомъ получали полное освобожденіе отъ татарской дани. Но общее количество татарской дани, лежавшей

иде во Орду за причетъ церковный къ новому царю Чянибьку... имаше бо и митрополитъ и епископы ерлыки *на своя причты церковныа* отъ царей Ординскихъ“. Но такое сообщеніе заимствовано лѣтописцемъ изъ предисловія къ позднѣйшему интерполированному сборнику ярлыковъ, (составитель котораго задался цѣлью обратить первоначальные иммунитетные ярлыки въ ярлыки инвеститурные), и не находитъ подтвержденія въ другихъ историческихъ данныхъ (о чемъ — впослѣдствіи).

[1]) Воскр. 6850. Ѳеогностъ много же и пострада въ ордѣ, о б а д и ш а бо его ко царю, и емше его мучиша, а ркуще „давай дань полѣтнюю“.

[2]) Уже Акиндинъ писалъ „Слышахъ бо нѣкыя безочествомъ извѣстующа вины въ грѣсѣхъ, поганьскаго ради насилія се творяще— пресвятое и не продаемое продають и купять“. Покупали, очевидно, и лица, желавшія поступить въ клиръ ради поганскаго насилія т. е. чтобы избавиться отъ насилія татаръ (Р. И. Б. VI. 151).

на населеніи, черезъ это не уменьшалось и, слѣдовательно, дани за этихъ заложившихся падали на остальное населеніе. Князья, страдавшіе отъ такого порядка вещей, и какъ отвѣтственные сборщики татарской дани, и какъ лица, судебные доходы которыхъ должны были уменьшаться черезъ этотъ закладъ, естественно должны были протестовать и требовать обложенія митрополичьихъ людей наравнѣ съ княжескими.[1]) Мы должны припомнить, что уже въ уставахъ князей мы имѣемъ перечисленіе церковныхъ людей, именно, въ цѣляхъ опредѣлить ихъ подсудность и сопряженные съ нею доходы, и что усилившееся Московское княжество въ лицѣ Василія Димитріевича первымъ дѣломъ постаралось нѣсколько ограничить возможность такого заклада за митрополита, заключивъ объ этомъ особый договоръ съ Кипріаномъ. Значитъ, для русскихъ это былъ вопросъ очень серьёзный, для татаръ же эти вопросы были совершенно безразличны: не все ли имъ было равно, съ кого собиралась дань, лишь бы общая сумма ея была правильною. Поэтому они довольно легко поддались вліянію Ѳеогностовыхъ подарковъ. Главною же причиною, конечно, слѣдуетъ признать уваженіе татаръ къ священной для нихъ памяти Чингизхана и его законамъ: они и на этотъ разъ не рѣшились ихъ нарушить.

Потерпѣвъ неудачу въ попыткахъ ограничить церковный иммунитетъ, Семенъ Ивановичъ черезъ нѣсколько лѣтъ успѣлъ однако значительно расширить права княжеской юрисдикціи на счетъ митрополичьей путемъ особаго ярлыка. Ярлыкъ этотъ дошелъ до насъ въ Львовской лѣтописи подъ именемъ ярлыка Тайдулы Ивану митрополиту, имя, которое въ позднѣй-

[1]) Новг. I. 6851 Того же лѣта митрополитъ Ѳегнастъ Гречинъ ходи въ орду къ царю къ поганому къ Женебеку и обадиша его Калантай (читай: калантаи т. е. по замѣчанію Голубинскаго Ист. Р. Ц. II, 1 стр. 156 прим. 2 сборщики податей; отъ „каланъ“ подать) къ цареви, ограбиша его, а самого яша и мучаша а ркучи: дай дань полѣтнюю. Онъ ся въ то не да, и положи посула шесть сотъ рублевъ, и выйде на Русь здравъ“.

шей передѣлкѣ ярлыковъ было передѣлано въ Іону митрополита[1]).

Ярлыкъ раздѣляется на двѣ части. Первая говоритъ объ иммунитетѣ духовенства, установленномъ законами Чингизхана; но весь интересъ сосредоточивается во второй части, говорящей объ юрисдикціи князя Семена надъ духовенствомъ. Къ князю Семену и князьямъ ярлыкъ обращается во второмъ лицѣ: „а вы, Рускіе князи, Семеномъ поченъ, предъ самѣми... слово придѣть“, тогда какъ о митрополитѣ говорится въ третьемъ лицѣ. Это ярлыкъ именно великому князю, а не митрополиту. Кромѣ общаго признанія традиціонныхъ, установившихся уже правъ князей по отношенію къ духовенству: „а вы, Рускіе князи, Семеномъ поченъ, всѣми митрополиты, какъ напредъ сего кои дѣла дѣлали, а нынѣча тако же дѣлають“, имъ предоставлена еще въ городахъ, во—первыхъ, гражданская юрисдикція надъ духовенствомъ въ случаѣ обращенія къ князю духовнаго лица: „да что въ городѣхъ какіе пошлины, или какіе дѣла, или како исканье будеть имъ, а тебѣ скажють, и ты слово ихъ выслушавъ, да по истинне дѣло ихъ управи“ во вторыхъ, уголовная юрисдикція, которой духовенство подчиняется наравнѣ со всѣмъ прочимъ населеніемъ подъ условіемъ справедливаго суда: „или отъ кого паки предъ самѣми на попы и на иныхъ людей слово придѣть, и ты бы имъ силы не чинилъ

---

[1]) Вотъ текстъ этого ярлыка (Львовская л. 6850).

„А се вторый ярлыкъ дала Тайдула царица Ивану (?) митрополиту. Тайдолино слово къ Татаромъ всѣмъ. Иванъ митрополитъ за насъ молебникъ молитца, о первыхъ добрыхъ временехъ и доселе тако же молебникъ,—не надобе мзда, никая пошлина, ни емлють у нихъ ничего, занеже о насъ молитву творить. А что есмя молвили, то бы есте вси вѣдалися. Да что въ городѣхъ какіе пошлины, или какіе дѣла, или како исканье будеть имъ, а тебѣ скажють, и ты слово ихъ выслушавъ, да по истинне дѣло ихъ управи. Или отъ кого паки предъ самѣми на попы и на иныхъ людей слово придѣть, и ты бы имъ силы не чинилъ никакіе, упокойны бъ были, а о насъ бы молитву творили. А вы, Рускіе князи, *Семеномъ поченъ*, всѣми митрополиты, какъ напредъ сего кои дѣла дѣлали, а нынѣча тако же дѣлають. Молвя сн, сеищенемъ грамоту дали есми. Свиного лѣта, осмаго мѣсяца, въ пятый ветха. На Желтой Трости орда кочевала. Написано“.

никакіе, упокоины бъ были, а о насъ бы молитву творили".

Упоминаніе въ ярлыкѣ о Симеонѣ Ивановичѣ и Тайдулѣ, въ связи съ датою ярлыка „свиное лѣто," указываютъ на 1347 годъ, когда Симеонъ Ивановичъ, по лѣтописямъ, дѣйствительно ѣздилъ въ Орду. Но кто же въ такомъ случаѣ, кроется подъ именемъ никогда не существовавшаго Ивана митрополита? Основанное на интерполированномъ текстѣ предположеніе что здѣсь идетъ рѣчь не о митрополитѣ, а о какомъ-нибудь простомъ епископѣ Иванѣ и, всего вѣроятнѣе, о поставленномъ въ 1346 году епископѣ Іоаннѣ Ростовскомъ, не можетъ быть примирено съ подлиннымъ текстомъ ярлыка, не составляющимъ никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ именно о митрополитѣ. Мы полагали бы, что первоначально стояло „Инъ митрополитъ", т. е. иной митрополитъ. Потомъ же этотъ „инъ" было принято за сокращеніе собственнаго имени митрополита и прочтено „Иванъ", и это же имя внесено и въ текстъ ярлыка. Изъ безыменнаго ярлыка получился ярлыкъ небывалому митрополиту Ивану.

Такъ какъ ярлыкъ стоитъ непосредственно за ярлыкомъ Михаилу, то „инъ митрополитъ", очевидно, означаетъ „не Михаилъ", а принимая во вниманіе дату ярлыка, „инъ" будетъ Ѳеогностъ. Въ силу этого ярлыка Симеонъ Ивановичъ и князья, оставляя за духовенствомъ въ неприкосновенности его иммунитетъ, получили очень широкія права по суду надъ духовенствомъ.

Въ этомъ же году происходятъ какія-то сношенія и переговоры московскаго правительства съ константинопольскимъ. Никоновская лѣтопись сообщаетъ слѣдующее (6855) „Ѳеогностъ митрополитъ... посовѣтова нѣчто духовнѣ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царьградъ къ патріарху *о благословеніи*". Поводомъ къ этому посольству были собственно семейныя дѣла Симеона Ивановича. Въ 6854 году Семенъ Ивановичъ овдовѣлъ и въ томъ же году вступилъ въ новый бракъ съ княжною Евпраксіею, дочерью Ѳеодора Святославовича Волоцкаго. Но скоро

между супругами произошли какія-то недоразумѣнія, и Семенъ Ивановичъ тотчасъ же отправилъ молодую жену къ ея отцу [1]). Не довольствуясь этимъ, Семенъ Ивановичъ вступилъ въ бракъ съ Маріею Александровною Тверскою, „утаився митрополита." Митрополитъ Ѳеогностъ не рѣшился признать этотъ бракъ законнымъ и подвергъ князя запрещенію. Дѣло перешло на разсмотрѣніе патріарха [2]). Но кромѣ этого вопроса, рѣшены были и другіе вопросы, уже не столь интимнаго характера.

Ясно, что отношенія между Симеономъ и Ѳеогностомъ въ это время не могли быть особенно сердечными; но скоро великій князь опять становится союзникомъ митрополита. Приближался моментъ рѣшительной борьбы между Москвою и Литвою, и въ этой борьбѣ вліяніе единаго митрополита на православное населеніе Литовскаго княжества могло бы сыграть огромную роль, если бы на этомъ постѣ оказался сторонникъ Москвы, совершенно ей преданный. Въ противномъ же случаѣ для москвичей было бы гораздо болѣе выгоднымъ поддерживать раздѣленіе митрополій, которое гарантировало Москву отъ вліянія Литовскаго митрополита. Поэтому хлопоты относительно возстановленія единства митрополіи могли имѣть для московскаго правительства значеніе лишь постольку, поскольку въ то же время за нимъ обезпечивалось право назначенія митрополита на будущее время. Это и должно было служить главною задачею дипломатическихъ переговоровъ въ Константинополѣ.

Мы видѣли, что кандидатъ на каѳедру былъ намѣченъ уже Калитою въ лицѣ его крестника намѣстника Владимірскаго Алексѣя. Послѣдній пользовался рѣшительнымъ вліяніемъ на церковныя дѣла и

---

[1]) Супрасльская 6854. „Приставися княгина Семеновая Настасья во черницахъ... Того же лѣта оженися князь велики Семень оу Федора Святославичь Евпракьсию, того же лѣта князь велики Семень отосла княгиню свою на Волокъ къ отцю ея Феодороу (П. С. Л. XVII 32).

[2]) Супрасл. 6856 (П С Л. XVII 32) Оженися Семень Ивановичь оу великыя княгини Настасьи Олександровы Маріею оутаяся митрополита, онь же не благослови его и послаше въ Царьгородъ благословенія просити".

въ княженіе своего крестоваго брата Симеона. Воскресенская лѣтопись (житіе) замѣчаетъ, что Алексѣй „добродѣтельнаго ради житія его славимъ бысть всѣми и любимъ многими зѣло: паче и самъ князь великій Симеонъ Ивановичъ и митрополитъ Ѳеогнастъ зѣло возлюбиша его". Вліянію Алексѣя слѣдуетъ приписать и то, что братъ Сергія Радонежскаго, старецъ Стефанъ, сдѣланъ былъ не только игуменомъ Богоявленскаго монастыря, но и духовникомъ великаго князя. Близость же Стефана къ Алексѣю прямо подчеркивается лѣтописью.

Объ Алексѣѣ и должны были итти переговоры. Хотя великому князю уже и ранѣе принадлежало право представленія митрополита, согласно закону Андроника, но права Семена Ивановича, въ данномъ случаѣ, могли быть оспариваемы на томъ основаніи, что онъ не былъ княземъ Кіева. Удовлетвореніе хлопотъ его о возстановленіи единства митрополіи имѣло поэтому, значеніе, какъ признаніе его правъ великаго князя всея Руси, невзирая на этотъ недочетъ.

Но если политика и указывала въ данномъ случаѣ умѣстность хлопотъ о возстановленіи единства митрополіи, то ранѣе 1347 года было неудобно говорить объ этомъ открыто. До 1347 года патріаршій престолъ занимался личнымъ врагомъ Ѳеогноста, Іоанномъ Калекою. Ѳеогностъ, какъ намъ уже приходилось объ этомъ упоминать, былъ ярымъ антипаламитомъ. По свидѣтельству Никифора Григоры, (тоже яраго антипаламита) онъ, получивъ томъ паламитовъ, бросилъ его на землю, какъ богохульственную книгу, написалъ на него опроверженіе и послалъ свое сочиненіе какъ патріарху, такъ и епископамъ, называя ихъ безбожниками, безстыдными презрителями и гонителями отеческихъ догматовъ и изрекая на нихъ анаѳему (Nicephori Gregorae Hist, Byzant. L. 26c22 Migne P. Gr. 149 col 97).

По всѣмъ даннымъ, разсказъ этотъ не можетъ относится къ собору 1351 года; тогда и Ѳеогностъ былъ настолько старъ и боленъ, что ему врядъ ли было до полемическихъ трактатовъ, да притомъ же мы имѣемъ данныя полагать, что въ ту пору отноше-

нія его къ патріархіи были уже превосходными. По всей вѣроятности Григора разсказываетъ о соборѣ 1341 года при Іоаннѣ Калекѣ. Весьма сомнительно, чтобы этотъ патріархъ, только что отдѣлившій Галицкую митрополію въ самостоятельную, согласился опять отдать ее оскорбившему его Ѳеогносту. Но 8 января 1347 г. Калека былъ лишенъ престола, а 17-го мая 1347 года на мѣсто его былъ возведенъ Исидоръ. Одновременно съ тѣмъ у власти сталъ и непримиримый врагъ прежняго патріарха, Іоаннъ Кантакузинъ, вѣнчавшійся императорскимъ вѣнцомъ.

Въ то же время потерпѣлъ неудачу и другой врагъ Ѳеогноста, Любартъ Гедиминовичъ Волынскій. Любартъ владѣлъ Владиміромъ Волынскимъ, Кременцомъ и Бельзомъ, и въ немъ слѣдуетъ видѣть главнаго покровителя Ѳеодора Галицкаго и защитника идеи Галицкой митрополіи. Споръ между нимъ и Ѳеогностомъ изъ-за Галицкой митрополіи въ миніатюрѣ напоминаетъ споръ между Литвой и Москвой о Кіевской митрополіи. Но около разсматриваемаго времени Любартъ былъ измѣннически захваченъ въ плѣнъ Казимиромъ и успѣлъ освободиться изъ него лишь при помощи Кейстута. Противники около 1347 года заключили перемиріе, но война страшно ослабила Любарта и онъ сталъ искать сближенія съ московскимъ княземъ Симеономъ Ивановичемъ. Въ 1349 г., послѣ новой неудачи съ Казимиромъ, сближеніе это закончилось родственнымъ союзомъ съ московскимъ домомъ: Любартъ вступилъ во второй бракъ съ племянницею Симеона Московскаго, дочерью его сестры, бывшей замужемъ за Константиномъ Ростовскимъ. Но начало этому сближенію было положено, вѣроятно, тѣмъ, что Любартъ отступился отъ Ѳеодора Галицкаго и согласился на объединеніе митрополіи подъ властію Ѳеогноста.

Семеонъ Ивановичъ тотчасъ же использовалъ измѣнившіяся обстоятельства и просилъ вмѣстѣ съ другими князьями, чтобы царскимъ хризовулломъ тѣ (т. е. Малороссійскія) епископіи, находящіяся въ мѣстности, называемой Волынью—Галицкая, Владимірская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская—подчинены были святѣйшей митрополіи Кіевской, какъ

было и прежде. Если такъ, то съ этимъ вопросомъ соединены были и хлопоты за будущаго митрополита Кіевскаго. Только при этомъ условіи становятся понятными и присутствіе пословъ отъ всѣхъ князей и тѣ большіе расходы, какіе сопряжены были съ этимъ посольствомъ. Но обо всемъ этомъ рѣчь будетъ еще впереди. Теперь же мы обратимъ вниманіе на исходъ просьбы относительно Галиціи, просьбы, которая составляла первую ступень къ осуществленію намѣченнаго въ Москвѣ плана.

Здѣсь домогательства Ѳеогноста и Симеона Ивановича имѣли полнѣйшій успѣхъ: Іоаннъ Кантакузинъ издалъ требуемый ими хрисовуллъ. Въ немъ, какъ мы уже видѣли, онъ предписываетъ навсегда уничтожить дѣленіе Руси на двѣ митрополіи. Императоръ опредѣляетъ, „чтобы святѣйшія епископіи, находящіяся въ Малой Руси... снова подчинены были святѣйшей митрополіи Кіевской, и чтобы первосвятительски управляющій сею митрополіей совершалъ въ нихъ все то, что божественные и священные каноны повелѣваютъ совершать митрополитамъ въ подчиненныхъ имъ епископіяхъ, и что совершали въ нихъ прежде бывшіе митрополиты и сей самой поименованный преосвященный митрополитъ Кіевскій... Итакъ, по силѣ настоящаго хрисовулла моего царскаго величества, упомянутыя святѣйшія епископіи Малой Руси и впредь пусть будутъ подчинены святѣйшей митрополіи Кіевской и первосвятительски управляющему ею, въ настоящее время, преосвященному митрополиту, пречестному и экзарху всея Руси, киръ Ѳеогносту... а послѣ него имѣющимъ быть тамъ первосвятителямъ. Таковой порядокъ пусть сохраняется тамъ навсегда“.

Но, кромѣ этого хрисовулла, императоръ написалъ еще три грамоты по этому поводу: м. Ѳеогносту, великому князю Симеону Ивановичу и Любарту—Димитрію Волынскому.

Грамота Ѳеогносту составлена въ необыкновенно милостивыхъ выраженіяхъ. Извѣщая о возстановленіи единства митрополіи согласно прошенію Ѳеогноста и объ изданіи на этотъ счетъ хрисовулла, императоръ заявляетъ, что и другая просьба Ѳеогноста о судѣ

надъ Ѳеодоромъ Галицкимъ, оставленная прежде безъ движенія, теперь получаетъ ходъ. „Для сего мое царское величество объявляетъ твоему святительству, чтобы ты, если тебѣ удобно и ничто не препятствуетъ... прибылъ сюда, дабы, прежде всего, видѣть мое царское величество, имѣющее въ своемъ вниманіи это дѣло, и дабы, потомъ, самое изслѣдованіе обвиненій противъ галицкаго митрополита происходило въ присутствіи твоего святительства, и такимъ образомъ состоялось бы о немъ рѣшеніе, какое окажется канонически должнымъ и приличнымъ". Конечно, ясно было напередъ, что должно было оказаться канонически приличнымъ.

Посланіе не ограничивается такими любезностями, а заключается еще такимъ обращеніемъ: „Мое царское величество хорошо знаетъ, какую любовь и духовное расположеніе имѣетъ къ намъ твое святительство, и какъ ты молишься о насъ завсегда; поэтому, когда ты, при удобномъ случаѣ, пишешь и возвѣщаешь моему царскому величеству, о чемъ хочешь, съ тѣмъ же духовнымъ расположеніемъ и увѣренностію, то дѣлаешь дѣло, доставляющее великое удовольствіе и благоугожденіе моему царскому величеству, такъ какъ и мы имѣемъ тоже самое благоволеніе и благорасположеніе къ твоему святительству, какое и прежде, даже еще большее". Императоръ чуть что не прямо говоритъ Ѳеогносту, чтобы онъ просилъ, о чемъ хочетъ, и все будетъ исполнено.

Грамота къ „любезному сроднику моего царскаго величества", какъ величалъ Кантакузинъ великаго князя Симеона Ивановича, которому онъ посылалъ крестъ съ животворящимъ древомъ и частицами мощей Ѳеодора Стратилата, Прокопія, Кирика и Іоанна Калокимита, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ извѣстныхъ уже намъ сообщеній о событіяхъ въ Константинополѣ и объ уничтоженіи отдѣльности Галицкой митрополіи (на этотъ разъ уже по просьбѣ великаго князя!); зато любопытна слѣдующей тирадой: „Да, царство Ромеевъ и святѣйшая Великая Церковь Божія, какъ ты и писалъ, есть источникъ всякаго благочестія и училище законодательства и освященія".

Очевидно, что и Симеонъ Ивановичъ обратился къ императору съ тою же традиціонною формулою, съ какою впослѣдствіи обращался и Василій Васильевичъ къ Константину Палеологу: „въспріялъ еси свой великый царьскый скипетръ, свое отчество, въ утвержение всему православному христіянъству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли, всему нашему благочестью, въ великую помощь". Формула же эта заключала признаніе византійской супрематіи и въ свѣтской области.

Князь Владиміро-Волынскій Димитрій—Любартъ получилъ гораздо менѣе любезное письмо, чѣмъ Симеонъ Ивановичъ, съ извѣщеніемъ о томъ, что епархіи Малой Руси подчинены вновь м. Ѳеогносту, и о томъ, что митрополитъ Галицкій долженъ явиться въ Константинополь для оправданія во взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Кантакузинъ писалъ Любарту:

„Обо всемъ этомъ извѣщаетъ тебя мое царское величество на тотъ конецъ, дабы ты содѣйствовалъ удаленію того галицкаго архіерея и побудилъ его прибыть сюда; а преосвященнаго митрополита кіевскаго, пречестнаго и экзарха всея Руси, примите отнынѣ, какъ настоящаго и законнаго митрополита... И если вы по своему христіанству и благочестію предъ Богомъ являетесь благопослушными и покорными церкви Божіей и, вслѣдствіе того, приняли прежнія церковныя грамоты, которыми галицкій епископъ возведенъ въ митрополиты: то и теперь, когда та же святая Божія церковь и мое царское величество опредѣляетъ, чтобы дѣло опять пришло въ прежнее состояніе, примите это (опредѣленіе) съ удовольствіемъ, какъ благопотребное и клонящееся къ вашей душевной пользѣ".

Легко прочитать между строкъ грамоты, что именно въ Волыни-то Ѳеодоръ и былъ принятъ въ качествѣ митрополита Галицкаго безпрекословно и, слѣдовательно, поставленъ согласно съ желаніемъ Любарта. Но святая Божія церковь, на которую ссылался Кантакузинъ, играла въ этомъ дѣлѣ послѣднюю роль. Грамота патріаршаго синода, состоявшаяся уже послѣ императорскаго хризовулла, не касается существа вопроса и вообще выражается довольно-таки

уклончиво. Императоръ „узнавъ о семъ дѣлѣ отъ насъ самихъ и отъ состоящаго при насъ собора, а также изъ того, о чемъ писали и просили въ посланныхъ оттуда грамотахъ... каковыя грамоты и прочтены на соборѣ, намъ во услышаніе, благоволилъ издать досточтимый хрисовуллъ". Значитъ, это было сдѣлано безъ состоявшагося прежде соборнаго опредѣленія, а просто по собственному усмотрѣнію императора, передъ которымъ собору приходилось только преклониться, что грамота и выясняетъ. „Сообразно съ симъ, какъ надлежало, и мѣрность наша общимъ судомъ собравшихся при насъ преосвященныхъ архіереевъ постановила" о возстановленіи единства митрополіи. „Съ тѣмъ вмѣстѣ мы отмѣняемъ недавно состоявшееся, во время смутъ, при бывшемъ предъ нами патріархѣ, соборное дѣяніе о галицкой (митрополіи), разрѣшая и снимая соборнѣ, произнесенное тогда противъ епископовъ и другихъ лицъ, не повинующихся галицкому митрополиту, церковное запрещеніе, какъ неправильно учиненное. Это состояніе... пусть непзмѣнно соблюдается и нашими преемниками, святѣйшими патріархами".

Въ то же время „преосвященный митрополитъ галицкій, и пречестный, возлюбленный по Господу братъ и сослужитель нашей мѣрности", былъ призванъ патріархомъ на судъ въ Константинополь. Мы не знаемъ, чѣмъ кончился этотъ судъ для Галицкаго митрополита; но онъ не могъ кончиться хорошо для него, такъ какъ собственно хрисовуллъ императора уже предрѣшалъ дѣло. Если Галицкій митрополитъ не умеръ, то онъ былъ низложенъ или какъ-нибудь иначе удаленъ изъ Малой Руси.

Теперь и былъ самый удобный моментъ для хлопотъ за Алексѣя. Митрополитъ Ѳеогностъ нуждался въ помощи со стороны московскаго правительства для полученія обратно Малой Руси и потому естественно долженъ былъ бы, со своей стороны, оказать услугу этому правительству, присоединившись къ хлопотамъ его за Алексѣя, чего онъ, какъ грекъ, при другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, и не сдѣлалъ бы. Византійское же правительство находилось въ такомъ

положеніи, что для него трудно было бы не согласиться на предложенія русскихъ, которые обращались къ нему не съ однѣми только просьбами.

Послѣ междуусобной войны между императрицею Анною и Іоанномъ VI Кантакузинымъ, византійское правительство находилось въ страшныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ. И вотъ русское правительство пришло ему на помощь. Благовиднымъ предлогомъ для этого послужила необходимость ремонта храма Св. Софіи. За годъ передъ тѣмъ, 19 мая 1346 года, отъ землетрясенія обрушилась часть алтаря этого знаменитаго зданія [1]). Ссылаясь на недостатокъ средствъ, византійское правительство предложило русскому сдѣлать пожертвованіе на возстановленіе этой святыни. Предложеніе было принято. Въ 1350 году (Герцбергъ. Исторія Византіи, 468) вел. кн. Симеонъ Ивановичъ отправилъ императору большую сумму денегъ на ремонтъ Св. Софіи съ обѣщаніемъ прислать еще, если потребуется (Gregora L 28 c 19). Главную заслугу въ этомъ дѣлѣ Григора приписываетъ Ѳеогносту, и этимъ, конечно, и объясняется то милостивое письмо, которое посылалъ паламитъ императоръ антипаламиту-митрополиту. „Ѳеогностъ живучи въ Владимірѣ проповѣдовалъ добродѣтели благочестивой жизни, украшалъ благочестіе, украшалъ и этотъ великій городъ (К-ль) въ которомъ онъ родился и выросъ, и который послалъ его туда. Такою его добродѣтелію всѣ мѣстные жители того народа и мужчины и женщины, и молодые и старые, побуждались къ прекрасному усердію, а больше всего ихъ князья. Они послали въ Византію большую сумму денегъ на возстановленіе разрушенной части св. Софіи.“ (Gregora L 36 c 7).

Такая сумма, конечно, была собрана не сразу. Повидимому митр. Ѳеогностъ началъ собирать ее еще до посольства въ Константинополь и привлекъ къ

---

[1]) Muller Byzant. Analecten въ Silgungsberihte d. k. Akad. d. Wissenschaft Bd. IX. 1854 p. 391. Ἐν ἔτει ϛωνδ.. τῇ ιϑ' τοῦ Μαΐου μηνός . (19 Мая 1346 г.) ἔπεσε τὸ ἐῶον μέρος τοῦ ναοῦ τῆς Ἁγίας Σοφίας ητοι ἡ μία ἀψὶς κὸ τοὶ τρίτον τῆς τρούλης καὶ ἐπέκεινα καὶ συνέτριψε τόν τε περικαλῆ ἄμβωνα καὶ τὸ τέμπλον τοῦ ἱεροῦ βήματος καὶ πάσας τὰς ἁγίας εἰκόνας.

этому сбору и другихъ епископовъ. Такъ мы думаемъ въ виду отношеній Θеогноста къ новгородскому владыкѣ: въ самый годъ землетрясенія (1346), владыка Василій Новгородскій, ѣздившій въ Москву, получилъ крестчатыя ризы.

Но для насъ важно главнымъ образомъ то, что и Григора ставитъ кандидатуру Алексѣя въ тѣсную связь съ этимъ пожертвованіемъ, хотя и излагаетъ дѣло съ обыкновенными своими пріемами. По его словамъ, деньги были приняты безъ подобающей благодарности и употреблены не согласно ихъ назначенію: императоръ отдалъ ихъ своему зятю Орхану, оставивъ Св. Софію въ прежнемъ положеніи. И это будто-бы вызвало такое негодованіе со стороны русскихъ, что вмѣсто прежняго обожествленія константинопольскаго трона они почувствовали величайшую ненависть къ нему. Поэтому яко-бы они и выставили кандидатуру Алексѣя [1]).

Изъ всего этого разсказа Григоры правильнымъ можно признать лишь одно сообщеніе, что пожертвованіе Симеона Ивановича находилось въ какой-то связи съ кандидатурой Алексѣя. Весь же остальной разсказъ вызванъ не столько дѣйствительными событіями, сколько слѣпою ненавистью Григоры къ императору-паламиту. Разсказъ относится ко времени не ранѣе 1350 года, а въ эту эпоху кандидатура Алексѣя должна была быть уже совершившимся фактомъ. Что императоръ молчитъ въ своихъ грамотахъ о какой бы то ни было кандидатурѣ на случай смерти Θеогноста, это совершенно понятно. Та же недобросовѣстность императора въ употребленіи пожертвованія, о которой говоритъ Григора, была даже на руку русскимъ, такъ какъ императору становилось тѣмъ труднѣе отказать щедрому жертвователю въ его просьбѣ о митрополитѣ.

Передавъ правленіе Алексѣю, Θеогностъ въ 1347 году сдѣлалъ попытку снова побывать на Волыни.

---

[1]) N. Gregora. — Hist. Byz. L 36 c. 7. ὅσῳ γὰρ πρὶν ἰσοθέους τιμὰς τοῖς τῆς Κ-εως θρόνοις παρεῖχον τοσούτῳ χαλεπώτατην ἐξ ἀντιπάλου τὸν νέμεσιν ἀντεδίδουν (Migne P. Gr. 149 col 457).

Хотя эта попытка не удалась, но судя по тому, что и возвратившись въ Москву, Ѳеогностъ оказывалъ всяческое содѣйствіе и Любарту и Ольгерду и помогалъ установленію родственныхъ связей ихъ съ Московскимъ государемъ, слѣдуетъ думать, что на этотъ разъ установились прекрасныя отношенія съ Любартомъ. На Волыни Ѳеогностъ пробылъ недолго, и въ 1350 году принужденъ былъ окончательно переселиться въ Москву.

Въ 1349 году борьба съ поляками изъ за Волыни возобновилась, шла далеко неудачно для Любарта, сопровождалась преслѣдованіемъ православныхъ со стороны Казимира и обращеніемъ ихъ церквей въ костелы. Казимиръ выходилъ при этомъ изъ той фикціи, которой курія и поляки держались и впослѣдствіи: будто бы эти церкви, а особенно епископіи, первоначально были католическими и только потомъ захвачены схизматиками. Дѣло, яко-бы, шло не объ отобраніи, а только о возстановленіи въ прежнее состояніе[1]). Особенно любопытно приложеніе этой фикціи къ Перемышлю.

Грамота папы Иннокентія VI 1352 г. говоритъ о какомъ-то загадочномъ епископѣ Иванѣ Перемышльскомъ[2]). Хотя въ ней рѣчь идетъ какъ будто бы о замѣщеніи католической епископіи, но едва ли католикъ-епископъ, даже изъ русскихъ, продолжалъ

---

[1]) Gregorii XI 13 febr. 1375 anni Debitum pastoralis officii Halicensis, Primisliens is, Laudimiriensis et Chelmensis ecclesie cathedrales erant et ante acquisitionem huiusmodi per schismaticos et hereticos antistites detinebantur ...declaramus easdem Halicensem, Primisliensem, Laudimiriensem et Chelmensem ecclesias fuisse et esse cathedrales... decernentes antistites schismaticos, si qui forsitan sint in iis, tamquam reprobos et indignos esse, ab illis penitus amovendos Theiner Mon Poloniae I p. 714.

[2]) Theiner Monumenta Poloniae I p. 543 N 720.

Dilecto filio Nicolao Rutheno Electo Premisliensi. Clemens papa VI predecessor noster cupiens ecclesiae Premisliensi ad dictam Romanam ecclesiam nullo medio pertinenti cujus tunc regimini b o n e m e m o r i a e Y v a n u s Premisliensis episcopus presidebat, cum eam vacare contigeret... Postmodum vero prefata ecclesia per obitum eiusdem Yvani episcopi, qui in partibus illis debitum nature persolvit pastoris solatio destituta idem predecessor vacatione hujusmodi fidedignis relationibus. itellecta.. Cp. Reifenkugel 429 — 430.

бы официально пользоваться своимъ схизматическимъ именемъ Иванъ, вмѣсто Iohannes. Онъ поставленъ неизвѣстно кѣмъ, во всякомъ случаѣ, не куріею и не Казимиромъ. Такъ какъ Ивана нѣтъ въ числѣ ставленниковъ Ѳеогноста, за первый періодъ пребыванія его на Волыни, то, по всей вѣроятности, мы имѣемъ дѣло на преемникомъ Марка Перемышльскаго, поставленнымъ митрополитомъ Ѳеодоромъ. Для ставленика Ѳеогноста послѣ 1347 г. онъ оказался бы слишкомъ уже нежизнеспособнымъ: къ 1352 году извѣстіе о его смерти достигло Авиньона. Что дѣло объясняется просто вышеуказанною фикціею, подтвержденіемъ этого служитъ и статутъ перваго дѣйствительнаго Перемышльскаго католическаго епископа Эриха Винсона, 11 янв. 1390, прямо отожествляющій католическую Перемышльскую епископію съ православной [1]).

Съ этой поры вопросъ не только о Галицкой митрополичьей каѳедрѣ, но и о православныхъ епископахъ въ Малой Руси, на Волыни, прекратился на цѣлыхъ 16 лѣтъ, такъ какъ вслѣдъ за Ѳеогностомъ въ Московскую Русь повидимому переселились, и остававшіеся еще на Волыни православные епископы. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно съ достовѣрностію утверждать относительно Аѳанасія Волынскаго [2]).

---

[1]) „Advenientes... ad... ecclesiam Bremislıensem ex eo quia cum ipsa nullus unquam ante nos personaliter catholicus.. pontifex habitavit. Et quamvis ecclesiam ipsam jam dudum.. a multis jam retro temporibus fuisse et esse cathedralem... plene constat, nos tamen eandem cum multis suis possesionibus a schismaticis reperimus occupatam“ Pawlowski Praemisha sacra p 60 nota 4 Reifenkugel 413.

[2]) Послѣдній въ 1353 году былъ въ Москвѣ, гдѣ и участвовалъ въ погребеніи Ѳеогноста. Воскр. 6861: „Бывша же на провожении его епископи Алексѣй Володимерскій, Аѳонасей Волынскій и Коломенскій Аѳанасей же“. Аѳанасій Волынскій, бывшій при митр. Ѳеогностѣ чѣмъ-то въ родѣ викарія, и при митр. Алексѣѣ продолжалъ занимать, приблизительно, такое же мѣсто. Онъ проживалъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, и ему поручилъ митр. Алексѣй управленіе митрополіею, отправляясь въ Царьградъ въ 1354 году) Соф II 6900 (Житіе Сергія) П. С. Р. Л. VI. 121 „И моляше его (Сергія) ити ко святителю Аѳонасію еп. Волыньскому, иже бѣ въ Переяславлѣ, „Алексѣй митрополитъ того поставилъ во свое мѣсто, а самъ во Царѣградѣ“, чтобы имъ далъ игумена, Аѳонасей же принуди послушаніемъ и постави его (Сергія) игуменомъ“.

Въ Переяславлѣ Аѳанасій и скончался въ 1362 году.

Ко времени вторичнаго переселенія Ѳеогноста во Владиміръ на Клязьмѣ слѣдуетъ отнести, судя по датѣ, и содержанію, Тайдулинъ ярлыкъ Ѳеогносту. Онъ изданъ въ заячье лѣто [1]), что указываетъ на 1351 годъ. Правда, относительно даты ярлыка существуетъ споръ [2]), такъ какъ Львовская лѣтопись поставила этотъ ярлыкъ въ связь съ путешествіемъ Ѳеогноста въ Орду въ 1342 году и подъ этимъ годомъ. Но едва ли составитель лѣтописи зналъ татарскій календарь; онъ поставилъ ярлыкъ подъ 1342 годомъ, вѣроятно, потому, что о путешествіи Ѳеогноста въ Орду въ 1351 году наши лѣтописи не говорили. Не довѣрять же датамъ подлинныхъ ярлыковъ нѣтъ основаній [3]). Содержаніе же ярлыка Тайдулы Ѳеогносту отличается отъ ярлыка „Ивану“ выданнаго въ 1342 году. Тайдулинъ ярлыкъ Ѳеогносту „по Ченебѣкову слову, Тайдулино слово“ въ началѣ подтверждаетъ всѣ прежнія привилегіи духовенства, въ концѣ же содержитъ и слѣдующія новыя опредѣленія.

„А земль его, (Ѳеогноста) ни водъ, ни огородовъ, ни мельницъ никто не занмаетъ ихъ, ни силы, ни истомы не творятъ имъ никакіе, ни отъимаютъ у нихъ ничего, какъ есмя молвили. А кто паки безпутна силу учинить какову, или пошлину замыслить, и умъреть, и поблюдетца. И ты, Ѳеогностъ митрополитъ, возмол-

---

[1]) По этому поводу Григорьевъ (90—91) пишетъ слѣдующее: „Издатели собранія Государственныхъ грамотъ опредѣлили время дачи онаго около 1333 года, что несправедливо по тому одному, что онъ данъ въ правленіе Джанибека, а Джанибекъ вступилъ на престолъ не ранѣе 1341 года. Гаммеръ полагаетъ его даннымъ въ 1342 году; заячій годъ, когда онъ писанъ, не совпадаетъ, ни съ 1342, ни съ 1333 годомъ, а съ 1339 годомъ и потомъ съ 1351. Шмидтъ, а за нимъ и Гаммеръ, выпутываются изъ этого затрудненія очень просто: вмѣсто „заячьяго“ ставятъ въ ярлыкѣ „лошадинаго“, т. е. 1342, говоря, что такъ должно быть по настоящему“.

[2]) Заячья лѣта, арама мѣсяца, въ 8 нова. Въ Сарае орда кочевала.

[3]) Если устранить дату несомнѣнно подложнаго ярлыка митр Петру, мы знаемъ лишь одну ошибку въ ярлыкѣ Тайдулы Алексѣю гдѣ дату „Ентягоду“ или „Сита году“ просто не удалось разобрать, и потому нельзя сказать, правильна она была въ подлинникѣ или неправильна.

вишь, что такъ есми пожалованъ. А которіе тебѣ непричастни огороди, виногради, воды, земли, и самъ нечто не такъ учинишь, то самъ ведаешь. А за насъ молитву къ Богу воздаваи. Тако молвя, на утвержениѣ нишеную грамоту дале есмя".

Изъ содержанія ярлыка ясно, что на этотъ разъ Ѳеогностъ хлопоталъ не столько объ иммунитетѣ духовенства, сколько о неприкосновенности имуществъ Владимірской соборноі церкви, ея недвижимости и митрополичьихъ людей. Онъ жаловался на захватъ ихъ кѣмъ-то, а захватчики возражали, что напротивъ, самъ митрополитъ завладѣвалъ имуществами неправильно, и они только возвращаютъ ихъ обратно. Татары хотя и признали прежнюю неприкосновенность митрополичьихъ имуществъ, „какъ въ Володимери Богу молятца за Занебѣка", но въ то же время предписали митрополиту воздерживаться отъ захватовъ и, въ концѣ концовъ, оставили споръ нерѣшеннымъ. „А которіе тебѣ не причастни огороди, виногради, воды, земли, и самъ нечто не такъ учинишь, то самъ ведаешь".

Все это заставляетъ думать, что захватчиками были „князья Семеномъ поченъ". Намѣстникъ Ѳеогностовъ Алексѣй не могъ противодѣйствовать имъ уже потому, что отъ нихъ зависѣло доставить ему митрополію, а можетъ быть и смѣнить его съ намѣстничества. Ярлыкъ этотъ въ то же время объясняетъ, откуда могли возникнуть обвиненія Алексѣя въ подкупѣ имъ князей и епископовъ, какія мы находимъ у Григоры.

Послѣ возвращенія въ Москву, по свидѣтельству лѣтописей, Ѳеогностъ разболѣлся и передалъ все управленіе своему намѣстнику Алексѣю. Судя по хлопотамъ его въ Ордѣ о ярлыкѣ, едва ли онъ сдѣлалъ это вполнѣ добровольно.

Прежде чѣмъ совершенно разстаться съ Ѳеогностомъ, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ объ его титулѣ патріаршаго экзарха. Титулъ экзарха всея Руси находимъ въ приложеніи къ Ѳеогносту въ грамотахъ по поводу уничтоженія самостоятельности

Галицкой митрополіи[1]), и изъ того факта, что онъ отсутствуетъ до этого времени, слѣдуетъ, что этотъ титулъ былъ наградою митр. Ѳеогносту за его чрезвычайные труды по сбору въ пользу константинопольской церкви[2]).

По смерти Ѳеогноста этотъ титулъ исчезъ. Патр. Филоѳей въ посланіяхъ къ его преемнику, митр. Алексѣю, не называетъ послѣдняго патріаршимъ экзархомъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда желаетъ оказать ему наибольшіе знаки вниманія, а просто именуетъ его: митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Да и самъ митр. Алексѣй, даже подписываясь полнымъ титуломъ, не пишется экзархомъ, а только митрополитомъ всея Руси. Судя же по тому, что, напримѣръ, Грузинскій митрополитъ даже предпочиталъ пользоваться титуломъ экзарха, а не митрополичьимъ, можно думать, что и митрополитъ Алексѣй не упустилъ бы упомянуть о своемъ экзаршествѣ, если бы его имѣлъ. Изъ доку-

---

[1]) Вопросъ этотъ довольно сложный и для полнаго и всесторонняго освѣщенія его слѣдовало бы изслѣдовать исторію этого титула въ Византіи вообще Богатый матеріалъ для этого даютъ акты патріархіи. Но это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей темы и должно составить предметъ особаго изслѣдованія. Въ настоящее время мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями, относящимися къ Ѳеогносту и его преемникамъ

[2]) Грамота Іоанна Кантакузина къ Ѳеогносту 1347 года: Ἱερότατε μητροπολίτα Κυγέβου ὑπέρτιμε καὶ ἔξαρχος πάσης Ῥωσίας Въ грамотѣ Любарту: δοῦναι λόγον εἰς τὸν θεώτατον μητροπολίτην Κυγέβου ὑπέρτιμον καὶ ἔξαρχον πάσης Ῥωσιας Грамота патріаршаго синода митр. Ѳеогносту: ἱ μ. ὁ καὶ ἔξαρχος πάσης Ῥωσίας Въ грамотѣ патріарха отъ 1339 года Ѳеогностъ не называется еще ни митрополитомъ в с е я Руси. ни экзархомъ, а просто „преосвященный митрополитъ Русскій, пречестный“. Точно также и Галицкій митрополитъ въ Грамотѣ 1347 года именуется, очевидно, по прежнему, „преосвящ. митрополитъ галицкій и пречестный“.

Поэтому можно и не придавать особаго значенія словамъ грамоты Димитрію Любарту, изъ которыхъ какъ будто бы слѣдуетъ, что Ѳеогностъ былъ уже экзархомъ и до отдѣленія Галича.

„Недавно приходившій сюда галицкій архіерей, несмотря на предъявляемыя противъ него обвиненія, по которымъ онъ долженствовалъ дать отвѣтъ предъ священнѣйшимъ митрополитомъ Кіевскимъ, пречестнымъ и экзархомъ всея Руси“ Императоръ легко могъ перенести титулъ и на то время, когда Ѳеогностъ имъ еще не облачался.

мента, принадлежащаго патр. Нилу, современнику митр. Пимена и Киприана мы почерпаемъ прямое указаніе, что митрополія всея Руси не была соединена съ экзаршествомъ.

Въ извѣстномъ расписаніи каѳедръ патр. Нила 1386 года всѣ митрополиты раздѣляются на двѣ категоріи: 1) экзархи и 2) не экзархи. Расписаніе и опредѣляетъ, „какіе изъ нихъ называются экзархами и пертимами и какіе только пертимами". (τίνες αὐτῶν (μιτροπολιτῶν) λέγονται ἔξαρχοι καί ὑπέρτιμοι. τίνες δὲ ὑπέρτιμοι μόνον Συντ V' 498). Въ списокъ экзарховъ входятъ 40 митрополитовъ. Имена этихъ экзархій постоянно встрѣчаются, какъ мы уже сказали, въ актахъ того времени и предшествующаго. Списокъ этотъ заключается новымъ указаніемъ: „До сихъ поръ имѣющіе экзархіи. Всѣ же остальные митрополиты пишутся только всечестными, а не экзархами; ихъ и найдешь далѣе". (Μέχρι τούτων οἱ ἔχοντες τὰς ἐξαρχίας. Οἱ δὲ λοιποὶ πάντες μητροπολῖται ὑπέρτιμοι μόνον γράφονται. καὶ οὐκ ἔξαρχοι. Συντ. V'. 500). Въ числѣ этихъ второстепенныхъ митрополитовъ находимъ и митрополита Русскаго, о которомъ Нилъ считаетъ нужнымъ сказать, что онъ пишется митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси (Συντ. V'. 503). Эта Россійская митрополія, какъ прямо указывается въ каталогѣ Андроника, съ шестидесятаго мѣста была понижена на семьдесятъ второе и только затѣмъ повышена на семидесятое. (Συντ. V'. 493). Очевидно, что по своему мѣсту Россія и ранѣе не могла быть въ числѣ экзархій.

Значеніе этого титула не слѣдуетъ преувеличивать. И въ Греціи того времени титулъ постояннаго патріаршаго экзарха надъ цѣлою областію не давалъ какихъ-нибудь исключительныхъ правъ надъ епископами, не принадлежавшихъ простому митрополиту безъ этого титула, а лишь предоставлялъ ему епископскія права на церковныя учрежденія, данной области находившіяся въ непосредственномъ вѣдѣніи патріарха. Таковы были ставропигіи и разоренныя митрополіи и вообще митрополіи въ періодъ ихъ вдовства. Такъ какъ въ данномъ случаѣ и самъ патріархъ по отношенію къ этимъ учрежденіямъ обладалъ только епископскими правами, то, очевидно,

и своему экзарху онъ не могъ передать большихъ правъ. Но очень часто и въ Греціи по тѣмъ или инымъ причинамъ, эти экзархи цѣлыхъ областей были лишь носителями почетнаго титула, въ дѣйствительности не обладавшими никакою особою юрисдикціею. И у Θеогноста этотъ титулъ могъ имѣть только такое чисто почетное значеніе, такъ какъ на Руси того времени едва ли были ставропигіальныя учрежденія, а если они и были, то ихъ было чрезвычайно мало. Въ восточной Руси первый такой изъятый монастырь былъ Симановскій, но это изъятіе относится къ несравненно болѣе позднему времени. Нельзя предполагать и того, будто бы экзархія стоитъ въ какой-нибудь связи съ предоставленіемъ Θеогносту Галича. Преемнику Θеогноста, Алексѣю, Галичъ, подчиняется, не какъ экзарху патріаршаго престола, а какъ простому митрополиту. Во всякомъ случаѣ этотъ титулъ прилагался только къ митрополиту Θеогносту и можно сказать съ полною увѣренностію, что за весь разбираемый нами періодъ онъ не принадлежалъ никакому другому русскому митрополиту.

Иная была судьба другой привилегіи митрополита всея Руси—права на грамоту за свинцовою печатью (моливдовуллъ). Императоръ запечатывалъ сургучемъ только письма (питтакіи) къ женѣ, матери и сыну; къ прочимъ важнымъ особамъ, какъ то: деспотамъ, патріархамъ и другимъ болѣе почетнымъ архонтамъ, питтакіи императора посылались за свинцовою печатью.[1]) Изъ патріарховъ, только Римскій да Константинопольскій, но не провинціальные, посылали грамоты за свинцовою печатью, прочіе же всѣ не имѣли этого права и прикладывали восковыя печати. „Папа“ писалъ въ 1386 г, патр. Нилъ „посылаетъ грамоты за свинцовыми печатями, прочіе же патріархи, не знаю почему, вовсе не выдаютъ грамотъ за свинцовыми печатями, (μολιβδόβουλλα οὐδ' ὅλως ποιοῦσι), а только—за боль-

---

[1]) De officien Ἡ δὲ σφραγὶς... διὰ κηροῦ οὐδαμοῦ γίνεται ἀλλαχοῦ παρὰ τοῦ βασιλέως εἰ μὴ πρὸς τὴν δέσποιναν τὴν μητέρα αὐτοῦ, καὶ τὴν δέσποιναν τὴν γυναῖκα αὐτοῦ, καὶ τὸν βασιλέα τὸν υἱὸν αὐτοῦ. Πρὸς δὲ δεσπότας, πατριάρχας καὶ τοὺς λοιποὺς ἄρχοντας τῶν ἐντιμοτέρων διὰ μολιβδίνης βούλης (Migne 157, 53).

шими восковыми печатями“ (βούλλας δὲ μεγάλας μετὰ κηροῦ) (Συντ. V. 512) И отъ Константинопольскаго патріарха питтакіи за свинцовою печатью получали только опредѣленныя, наиболѣе почетныя лица. „Свинцовыя печати прикладываются къ питтакіямъ царю и царицѣ, деспотамъ, севастократорамъ, кесарямъ, и всѣмъ князьямъ (ῥῆγες), патріархамъ и архіепископамъ каѳоликосамъ (καθολικοὺς ἀρχιεπισκόπους). Всѣмъ прочимъ митрополитамъ и архонтамъ печати восковыя; къ одному только Русскому митрополиту посылаютъ грамоты за свинцовою печатью“ [1]). Говоря такъ, патріархъ, какъ видно изъ контекста, не приравниваетъ его къ автокефаламъ. Русскій митрополитъ могъ бы имѣть право на моливдовуллъ въ качествѣ архіепископа-каѳоликоса, (Григора τοῦ τῆς καθολικῆς ἐπισκόπου Ῥωσίας Hist. 36 с. 6, т. е. архіепископа стоящаго во главѣ церкви цѣлой націи[2]). Спеціальное же упоминаніе объ этомъ правѣ потребовалось именно потому, что такое отличіе, какъ свинцовая печать, не соотвѣтствовало тому низкому мѣсту, какое занимала Россія въ ряду митрополій и Нилъ не желалъ признать ея митрополита за каѳоликоса. Намъ неизвѣстно когда получено это отличіе; во всякомъ случаѣ—не позднѣе Ѳеогноста. Потомъ во время споровъ о каѳедрѣ русскимъ митрополитамъ было не до пріобрѣтенія привилегій.

---

[1]) Συντ V. 509. Μολιβδόβουλλα δὲ κεῖται εἰς τὰ βασιλικὰ πιττάκια καὶ δεσποινικὰ, καὶ τὰ πρὸς δεσπότας, καὶ σεβαστοκράτορας, καὶ καίσαρας, ὁποῖοί εἰσι, καὶ πρὸς ῥῆγας πάντας. καὶ πρὸς πατριάρχας, καὶ τοὺς καθολικοὺς ἀρχιεπισκόπους· εἰς δὲ τοὺς ἄλλους πάντας μητροπολίτας καὶ ἄρχοντας κηρόβουλλα. εἰς μόνον δὲ τὸν Ῥωσίας πέμπουσι μολιβδόβουλλα.

[2]) Какимъ напр. былъ архіепископъ Грузіи или Иверіи ἀρχιεπίσκοπος καθολικὸς πάσης Ἰβηρίας Συντ. V. 498.

X

Какъ мы уже видѣли, еще до смерти митр. Ѳеогноста, доживавшаго свои вѣкъ въ Москвѣ, каѳедра всея Руси обезпечена была его намѣстнику, Алексѣю. Но всѣ хлопоты московскаго правительства чуть было не окончились неудачею, благодаря частію протестамъ противъ Алексѣя со стороны Ольгерда и новгородцевъ, частію преждевременной смерти великаго князя Семена Ивановича, а также перемѣнамъ въ церковной политикѣ Іоанна Кантакузина, происшедшимъ въ это время.

Почти тотчасъ же послѣ изгнанія митрополита Ѳеогноста изъ Владиміра Волынскаго въ Константинополь явился нѣкій Ѳеодоритъ съ просьбою поставить его въ митрополиты Кіевскіе. По словамъ позднѣйшей патріаршей грамоты, Ѳеодоритъ не получилъ прямого отказа; ему только указали, что м. Ѳеогностъ живъ, предложили подождать его смерти, а тогда обѣщали подумать. Но Ѳеодоритъ не желалъ ждать, отправился въ Тырновъ, получилъ отъ тамошняго патріарха посвященіе въ митрополиты Кіевскіе и въ 1351 году дѣйствительно занялъ Кіевъ, очевидно, не безъ сильныхъ мѣстныхъ покровителей. Намъ придется еще къ этому вернуться, и тогда мы увидимъ, что наиболѣе вѣроятнаго покровителя Ѳеодорита слѣдуетъ искать въ Ольгердѣ Литовскомъ. Поэтому это обѣщаніе „подумать" должно было встревожить московское правительство, и 6-го декабря 1351 года митрополитъ Ѳеогностъ „поставилъ своего намѣстника Алексѣя владыкою въ Володимерѣ, а по своемъ животѣ благослови его на митрополію". (Нов. IV. 6860).

Ѳеогностъ не сдѣлалъ бы ни того, ни другого, если бы уже ранѣе не имѣлъ согласія патріарха на поставленія Алексѣя въ митрополиты Кіевскіе. Поставленіемъ Алексѣя во Владиміръ, уже успѣвшій сдѣлаться дѣйствительною каѳедрою русскихъ митропо-

литовъ, вмѣсто номинальной каѳедры Кіева, Ѳеогностъ не только лишалъ Ѳеодорита главныхъ доходовъ кіевскаго митрополита и возможности захватить Владимиръ впослѣдствіи, но и дѣлалъ для византійскаго правительства невозможнымъ поставить иного митрополита всея Руси, кромѣ рекомендованнаго Москвою Алексѣя. Это окончательное рѣшеніе московскаго правительства закрѣпить каѳедру за Алексѣемъ Плещевымъ было принято не безъ участія и согласія Константина Васильевича Суздальскаго и невзирая на протесты новгородцевъ.

Въ Новгородской IV, подъ 6860 годомъ, вслѣдъ за сообщеніями о смерти Симеона Ивановича, о посольствѣ новгородцевъ въ Царьградъ и въ Орду и о хлопотахъ ихъ въ Ордѣ за Константина Суздальскаго, т. е. все о событіяхъ 6861 года, мы находимъ: „Въ недѣлю бысть снемъ на Москвѣ князю Семіону и князю Костянтину Васильевичю про причетъ церковный“. Если мы примемъ во вниманіе послѣдующія событія, то для насъ станетъ понятенъ и этотъ „снемъ“: Константинъ Суздальскій желалъ на случай замѣщенія митрополіи Алексѣемъ обезпечить свои церковные интересы и, какъ увидимъ, успѣлъ въ этомъ. Дѣло шло главнымъ образомъ о подчиненіи Суздальскому епископу городовъ Константина—Нижняго и Городца— принадлежавшихъ въ церковномъ отношеніи къ Владимірской епархіи. Города эти и были потомъ предоставлены Суздальскому епископу митр. Алексѣемъ. То исключительное вниманіе, какое оказываетъ этому „снему“ только Новгородская лѣтопись, заставляетъ предположить, что и новгородцы старались черезъ популярнаго у нихъ Константина Васильевича добиться обезпеченія ихъ церковной автономіи, но безуспѣшно.

Въ церковной жизни новгородцевъ наблюдалась масса особенностей, но всѣ онѣ сводились къ одному: обезпечить полную автономію Новгорода и съ этой стороны. Такова была прежде всего новгородская система избранія владыки, возникшая въ Новгородѣ во второй половинѣ XII вѣка и окончательно утвердившаяся съ начала сороковыхъ годовъ XIII вѣка. Система эта представляла собою весьма оригинальное

соединеніе системы Юстиніановыхъ новеллъ о замѣщеніи епископской каѳедры (выборъ трехъ кандидатовъ особою избирательною коммиссіею. но, что особенно важно,—не вѣчемъ) и системы монастырскихъ типиковъ Византіи XII в. (выборъ игумена, а въ Новгородѣ—епископа по жребію изъ трехъ кандидатовъ). Сходство новгородской системы съ послѣдними слишкомъ детально для того, чтобы быть случайнымъ. Она къ тому же носитъ явные слѣды системы не исторически создавшейся. а введенной въ Новгородѣ сразу, и, слѣдовательно, являющейся результатомъ работы одного человѣка. Но кто же былъ въ Новгородѣ первой половины XII вѣка такимъ лицомъ, которое соединяло въ себѣ знаніе законодательства Юстиніана и детальное знаніе монастырскихъ типиковъ XII в. съ ихъ системою избранія игумена, представлявшею и въ Византіи того времени послѣднюю новость,[1]) съ обладаніемъ достаточнымъ авторитетомъ, чтобы провести свою реформу безъ протестовъ и потрясеній. Мы полагали бы, что такимъ лицомъ былъ извѣстный уже намъ по дѣлу Климента Нифонтъ, арх. Новгородскій. Съ его именемъ и должна быть поставлена въ связь знаменитая Новгородская система.

Въ силу событій своей жизни, тѣсно связанной съ дѣломъ Клима, Нифонтъ неминуемо долженъ былъ высказать свое отношеніе къ Юстиніанову законодательству о замѣщеніи каѳедръ. Мы видѣли, что, уже и при замѣщеніи митрополичьей каѳедры онъ допускалъ примѣненіе новеллъ Юстиніана въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ, навѣрное, не могъ бы допустить грекъ. Въ словахъ и дѣйствіяхъ Нифонта на соборѣ 1149 г. выражается вовсе не грекофильство, а лишь желаніе видѣть правильное примѣненіе новеллы о выборахъ епископовъ. Его продолжительный споръ съ Климомъ долженъ былъ обратить на этотъ вопросъ вниманіе новгородцевъ, и понятно, какую благопріятную почву представляло новгородское устройство для примѣненія Юстиніановыхъ новеллъ. Если мы примемъ

---

[1]) См. Дмитріевскій Τυπικά I типики Пантократора, Маманта и Иліувомъ XII в. и сравни съ типикомъ Евергетиды XI в.

во вниманіе, что въ Новгородѣ всѣ важнѣйшіе органы управленія замѣщались по возможности путемъ выбора, то, казалось бы, слѣдовало ожидать, что Юстиніаново законодательство будетъ примѣнено полностію. Случилось совершенно обратное: свобода выбора, предоставленная Юстиніаномъ, при первыхъ же выборахъ потерпѣла существеное ограниченіе: епископъ назначенъ былъ судомъ Божіимъ, вѣче же устранено отъ окончательнаго рѣшенія. Для того, чтобы такая система, шедшая въ разрѣзъ со всѣми привычками новгородцевъ, могла имѣть успѣхъ, необходимо было, чтобы она являлась дѣломъ лица одареннаго необычайнымъ авторитетомъ въ Новгородѣ, а такимъ, въ данную эпоху, могъ быть только Нифонтъ. И тѣ свѣдѣнія, какія даетъ намъ лѣтопись относительно первыхъ четырехъ епископовъ по смерти Нифонта, тоже заставляютъ думать, что система была его созданіемъ. Нифонтъ, какъ извѣстно, умеръ въ Кіевѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1156 года, незадолго до прибытія новаго митрополита, Константина. За этотъ короткій промежутокъ времени въ Новгородѣ произошло слѣдующее:

„Събрася всь градъ, людьи, изволиша собѣ епископъ поставити мужь Богомъ (т. е. по жребію) избранъ Аркадія; и шьдъше всь народъ, пояша и изъ манастыря отъ святыя Богородиця, и князь Мьстиславъ Гюргевиць, и всь клиросъ св. Софіѣ, и вси попове городьстіи, игумени и черньци, и въведоша и поручивъше епископью въ дворѣ св. Софіѣ, дондеже придеть митрополитъ въ Русь; и тъгда поидоша ставиться". (вар. „поидеши ставитъся") (Нов. I. 6664).

Итакъ, такая важная перемѣна въ строѣ новгородскаго церковнаго управленія произошла безъ всякихъ потрясеній и, такъ сказать, сразу. Новгородцы у которыхъ впослѣдствіи вопросъ о замѣщеніи владычнаго стола вызывалъ продолжительные споры о кандидатахъ, тутъ съ перваго же раза обнаружили удивительное единодушіе. Пусть лѣтописецъ не сохранилъ намъ памяти о спорахъ относительно Аркадія, какъ онъ не сохранилъ намъ именъ конкурентовъ его; но уже самая быстрота проведенія реформы, и при-

томъ такой оригинальной, заставляетъ думать, что она была предрѣшена, и кандидатъ былъ намѣченъ при самомъ Нифонтѣ слѣдовательно, не иначе, какъ съ его согласія или по его указанію. Иначе нельзя себѣ представить дѣла, зная авторитетъ и вліяніе Нифонта въ Новгородѣ. И впослѣдствіи новгородцы обращались къ своимъ наиболѣе уважаемымъ владыкамъ съ просьбою указать преемника; тѣмъ естественнѣе было сдѣлать это относительно совершенно новаго дѣла и такого лица, какъ Нифонтъ котораго самъ Константинопольскій паріархъ называлъ въ грамотѣ „святче Божіи“.

Да и всѣ, принимавшіе участіе въ поставленіи Аркадія, были людьми близкими къ Нифонту; а прежде всего князь Мстиславъ Юрьевичъ и отецъ его, Юрій Долгорукій. Первый былъ въ полномъ смыслѣ слова ставленникъ Нифонта, и во всякомъ случаѣ очень близкій къ Нифонту человѣкъ. Въ 1155 году „послаша владыку Нифонта съ передьними мужи къ Гюргеви по сынъ, и въведоша Мьстислава, сына Гюргева, генваря въ 30“. (Новг. I. 6662). Въ Новгородѣ Мстиславъ не пользовался популярностію, и на слѣдующій же годъ по смерти Нифонта онъ былъ изгнанъ новгородцами, несмотря на поддержку Торговой стороны (т. е. лучшихъ новгородцевъ). Можно сказать съ увѣренностію, что Мстиславъ не принялъ бы участія въ проведеніи реформы избранія епископа безъ воли на то Нифонта. Во всякомъ случаѣ, Аркадій не былъ ставленникомъ Мстислава: онъ оставался нареченнымъ владыкою и послѣ изгнанія Мстислава, и отправился на посвятку лишь лѣтомъ слѣдующаго 1158 года. Нельзя не обратить вниманіе и на то, что въ моментъ смерти Нифонта великимъ княземъ Кіевскимъ былъ Юрій Долгорукій, тоже очень близкій къ нему, и опять—таки можно сказать съ увѣренностію, что извѣстіе о смерти Нифонта было получено Мстиславомъ отъ Юрія, и что Мстиславъ не принялъ бы участія въ реформѣ способа назначенія епископа, если бы не было на то согласія Юрія. Юрій же, въ данномъ случаѣ, могъ дѣйствовать лишь по просьбѣ и по порученію Нифонта, такъ какъ новгородскія дѣла были

для него въ сущности чужими. Аркадій оставался непосвященнымъ въ теченіе довольно долгаго времени; вѣроятно велись такіе же переговоры съ митрополитомъ, какіе мы находимъ и впослѣдствіи по поводу каждаго новаго епископа. Митрополитомъ же въ это время былъ Константинъ, старавшійся замѣщать важнѣйшія каѳедры греками. Если у него, хотя и не особенно скоро, новгородцы добились успѣха, то можетъ быть, этимъ они были обязаны и не одному ихъ богатству, а и имени Нифонта.

Но въ какой же формѣ должна была выразиться воля Нифонта на этотъ счетъ? По византійскимъ типикамъ XII вѣка тѣ три кандидата, между которыми рѣшалъ жребій, назначались своего рода завѣщательнымъ, посмертнымъ распоряженіемъ игумена. Такъ долженъ былъ поступить, на первый по крайней мѣрѣ разъ, и Нифонтъ, и есть основаніе думать, что такъ оно и было. При избраніи Аркадія новгородцы несомнѣнно имѣли не одного, а нѣсколькихъ и, по всей вѣроятности, трехъ кандидатовъ, между которыми жребій и рѣшилъ въ пользу богоизбраннаго Аркадія. Но кто же были два остальныхъ кандидата? По всей вѣроятности, два брата, Илія и Гавріилъ. Думаемъ такъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Аркадій умеръ 19 сент. 1162 года (Новг. 6671). Преемникомъ его въ 1165 году находимъ Илію, о которомъ лѣтопись уже не говоритъ, какъ о богоизбранномъ, а просто замѣчаетъ: „Поставленъ бысть Илія архіепископъ Новъгородьскый отъ митрополита Іоанна“ (Новг. 6673). Этотъ популярнѣйшій въ Новгородѣ владыка правилъ однако не одинъ, а совмѣстно со своимъ братомъ Гавріиломъ [1]) простымъ священникомъ. По смерти

---

[1]) Новг 6678 Въ то же лѣто архепископъ боголюбивый Илія съ братомъ Гавриломъ създаста манастырь, церковь святыя Богородиця Благовѣщеніе“. Новг. 6687: Заложи архіепископъ Ілія съ братомъ церковь камяну святыя Богородиця Благовѣщеніе“. Новг. 6688: „Томъ же лѣтѣ заложи церковь камяну, въ манастыри на воротѣхъ, боголюбивыи архепископъ Новъгородьскыи Илія съ братомъ Гавриломъ у св. Благовѣщенія“. Новг. 6692. „Заложи архепископъ Илія, съ братомъ, цьрковь святого Іоана, камяну, на търговищи“. Въ глазахъ

Иліи, 7 сент. 1186 года, мѣсто его и занимаетъ этотъ Гавріилъ, при чемъ лѣтопись опять не упомнаетъ о томъ, чтобы онъ былъ избранъ по жребію, и не называетъ его богоизбраннымъ. „Новгородьци же съ княземъ Мьстиславомъ и съ игумены и съ попы съдумавъше, изволиша собѣ поставити братъ его Ильинъ Гаврила". (Новг. 6694). Только по смерти Гавріила мы находимъ примѣненіе жребія подъ 6701 годомъ. „И посемъ пакы Новогородци, съ княземъ Ярославомъ, и съ игумены, и съ Софьяны, и съ попы, гадаша промежу себе, сіи хотяху поставити Митрофана, а иніи Мартуріа, а друзіи Гричина: и бысть распря въ нихъ, и положиша на святѣй трапезѣ тріе жребія, и послаша съ вѣча слѣпца, да коего намъ Богъ дасть, и выняся божіею благодатію Мартуріа".

Это извѣстіе только ярче подчеркиваетъ единодушіе новгородцевъ при выборахъ первыхъ трехъ епископовъ. Его легче всего объяснить тѣмъ, что первые три кандидата указаны были Нифонтомъ, какъ это и предписывалось монастырскими уставами. Мы знаемъ, что Илія былъ очень близокъ къ Нифонту: ему по всей вѣроятности, принадлежатъ тѣ вопрошанія, на которыя сохранились отвѣты Нифонта. Новгородцы болѣе, чѣмъ свято, выполнили волю Нифонта: они не рѣшались назначать другихъ кандидатовъ, пока указанные имъ были еще налицо. И вотъ при первыхъ выборахъ жребій рѣшилъ въ пользу Аркадія. По смерти его остались два другихъ кандидата, братья Илья и Гавріилъ. Между ними очередь рѣшена была не жребіемъ, а по всей вѣроятности, естественнымъ старшинствомъ: старшій братъ, Илія, сдѣлался епископомъ, а второй братъ, Гавріилъ, оставался его помощникомъ, въ качествѣ будущаго епископа.

лѣтописца строеніе церквей всегда являлось одною изъ самыхъ важныхъ статей дѣятельности архіепископа, послѣднее же извѣстіе въ этомъ отношеніи прямо замѣчательно. Церковь Іоанна на Опокахъ, въ закладкѣ которой участвуетъ Гавріилъ, была построена на средства богатаго новгородскаго купечества слѣдовательно, нельзя думать, что Гавріилъ принималъ участіе только въ качествѣ казначея или эконома Иліи.

Но если система эта и была дѣломъ Нифонта, то много помогли своимъ вліяніемъ проведенію ея и Юрьевичи, въ лицѣ Мстислава и Всеволода. Такъ нужно догадываться уже относительно Гавріила, о поставленіи котораго читаемъ: „послаша съ мольбою къ митрополиту къ Никифору; и прислаша по нь (Гавріила) митрополитъ и вся княжья Русьская, и пояша и съ любъвью“ (Новг. I. 6694). То обстоятельство, что именно черезъ посредство южно-русскихъ князей Всеволодъ III добился угоднаго ему епископа во Владиміръ, заставляетъ предполагаетъ, что и тутъ дѣло не обошлось безъ ходатайства со стороны князей. Митрофанъ въ 1201 году былъ посланъ къ митрополиту ставиться „съ Новгородьскыми мужи и съ Всеволожими“ (Новг. 6709).

Такимъ образомъ, мы полагали бы, что наиболѣе вѣроятный генезисъ новгородской системы замѣщенія епископскаго стола будетъ слѣдующій. Нифонтъ при жизни высказался въ пользу системы замѣщенія, подобной той, которая существовала въ монастыряхъ его времени на востокѣ, и назначилъ, по собственному усмотрѣнію или по просьбѣ новгородцевъ, въ видѣ своей послѣдней воли трехъ первыхъ кандидатовъ. Затѣмъ система стала функціонировать уже съ устраненіемъ посмертнаго распоряженія епископа, какъ оно полагалось и по каноническому и по Юстиніанову праву. Если такъ, то совершенно понятны и цѣли, которыя преслѣдовалъ при этомъ Нифонтъ. Онъ стремился во-первыхъ къ освобожденію отъ симоніи, а во-вторыхъ къ обезпеченію епископу независимости какъ отъ митрополита, такъ и отъ избирателей; независимости и свободы, какъ она понималась на востокѣ по отношенію къ монастырямъ. И новгородцы могли убѣдиться на опытѣ, что дѣйствительно система Нифонта была наилучшею для того времени.

Второй избранный епископъ, Илія Новгородскій уже при самомъ вступленіи на каѳедру заявлялъ, какъ объ особенности новгородской каѳедры, что не имѣетъ нужды слать въ иную землю новгородскую Софійскую казну, тогда какъ самого Нифонта обвиняли, что онъ бѣжалъ въ Царьградъ, ограбивъ Святую Софію.

Система эта была невыгодна прежде всего для новгородскаго боярства, которое въ случаѣ примѣненія системы Юстиніана въ ея чистомъ видѣ, несомнѣнно получило бы исключительное вліяніе на дѣло замѣщенія епископскаго стола, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обратило бы епископа въ послушнаго имъ органа управленія. Нужно замѣтить, что высшіе классы и попытались было, когда вліяніе Юрьевичей въ Новгородѣ на нѣкоторое время ослабло, забрать въ свои руки дѣло назначенія епископа.

Но главное, что имѣла въ виду новгородская система, было устраненіе вліянія митрополита на замѣщеніе владычняго стола. Пусть вѣче выбирало бы трехъ кандидатовъ: дѣло рѣшалось бы окончательно митрополитомъ, и Богу вѣдать, подъ какими вліяніями онъ производилъ бы свой выборъ. Намъ приходилось уже встрѣчаться съ заявленіемъ современниковъ XII в. о томъ, что замѣщеніе каѳедръ митрополитомъ есть поставленіе на мздѣ, которую въ Новгородѣ и предполагалось устранить судомъ Божіимъ. Но нельзя было обойтись безъ посвященія отъ митрополита и, слѣдовательно, безъ даровъ ему по этому поводу. Самое большее, чего могли добиться новгородцы сводилось къ компромиссу, о которомъ мы знаемъ по поставленію Василія Новгородскаго митр. Ѳеогностомъ: три кандидата новгородцевъ выставлялись, какъ яко бы кандидаты митрополитанскаго собора, а митрополитъ яко бы останавливалъ свой выборъ на избранномъ уже по жребію.

Для новгородцевъ возможно было устранить вліяніе митрополита лишь путемъ подчиненія Новгорода непосредственно патріарху, т. е. сдѣлать новгородскаго владыку изъ титулярныхъ архіепископовъ архіепископомъ дѣйствительнымъ.

Новгородскій владыка давно уже отличался отъ своихъ коллегъ, русскихъ епископовъ, титуломъ архіепископа, долгое время принадлежавшемъ ему одному сверхъ титуловъ владыка δεσπότης и господинъ κῦρ. Исторія этого титула однако довольно темна. Онъ полученъ новгородскими владыками не сразу. Первымъ несомнѣнно пользовавшимся имъ былъ Нифонтъ; но во-

просъ о томъ, какъ пріобрѣлъ его онъ, и не было ли ранѣе его другихъ владыкъ, носившихъ тотъ же титулъ, остается открытымъ. Есть мнѣніе, будто бы Нифонтъ получилъ этотъ титулъ архіепископа въ награду за его заслуги передъ патріархомъ въ борьбѣ съ Климомъ Смолятичемъ и будто бы въ связи съ этимъ титуломъ находилось изъятіе его изъ-подъ власти митрополита и подчиненіе его непосредственной власти патріарха. Мнѣніе это однако совершенно не подтверждается историческими данными.

Во-первыхъ Нифонтъ именовалъ себя архіепископомъ еще ранѣе заточенія его въ Кіевѣ. Объ этомъ мы имѣемъ документальное данное отъ 1 сентября 1148 года; именно, сохранился въ Никольскомъ Дворищенскомъ соборѣ въ Новгородѣ антиминсъ съ такою надписію: „Жертвьникъ стого, мчка Георгна сщенъ отъ Нифонта архїепнскупа Новгородьского повелѣнїемъ епнскупа Ростовскаго Нестора при благочестивѣмъ кнази Георгии снѵ Мономаховѵ мца сентября въ а въ лт. ҂ѯхѕ индикта въ ѕї т. е. 1 сент. 6657 года 12 индикта, или 1 сент. 1148 года[1]). Нашъ антиминсъ съ несомнѣн-

---

[1]) (Срезневскій. Древніе памятники письма и языка въ Изв. 110 т. д. Акад. Наукъ т. X. столб. 96. Его же Антиминсъ 1149 года С. П. Б. 1862). Къ величайшему сожалѣнію, этотъ безцѣнный памятникъ старины, взятый для лучшаго храненія изъ Никольскаго собора въ новгородскую Софійскую ризницу, въ настоящее время уже похищенъ оттуда.

Антиминсъ этотъ далъ поводъ къ составленію самыхъ фантастическихъ предположеній: *(Бѣляевъ Разсказы изъ Русской исторіи т. II. 115—116).* Полагаютъ, что Нифонтъ, отрицая правильность поставленія митрополита Климента, составилъ по соглашенію съ Несторомъ Ростовскимъ такой планъ: Несторъ долженъ былъ искать въ Константинополѣ особой митрополіи для Ростова, а Нифонтъ за участіе въ этомъ дѣлѣ и признаніе въ Несторѣ будущаго митрополита уже заранѣе награждался званіемъ архіепископа. При этомъ упускается изъ виду, что „повелѣніе“ со стороны простого епископа архіепископу ни въ какомъ случаѣ не могло быть знакомъ подчиненности. Нифонта Нестору. этимъ терминомъ обозначается просто порученіе освятить антиминсъ, необходимое въ виду того, что онъ предназначался для епархіи Нестора, а освящался Нифонтомъ. Никитскій (Очеркъ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ СПБ. 1879 стр. 30) полагаетъ, что повелѣніе освятить антиминсъ могло быть

ностію доказываетъ, что уже въ сентябрѣ 1148 года, т. е. еще ранѣе полученія отъ патріарха похвальной грамоты за защиту православія, Нифонъ считалъ себя въ правѣ именоваться архіепископомъ.

Въ тоже самое время въ грамотѣ патріарха онъ именуется не архіепископомъ, а просто епископомъ. „О святѣмъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смиренія радоватися о Господѣ, доброму пастырю Христова стада словесныхъ овецъ, господину епископу Великаго Новаграда Нифонту. Слышахомъ, господине, о твоемъ праведномъ страданіи, иже Бога ради страждеши противу Клима митрополита, иже безъ нашего благословенія взялъ на ся Киевскую митрополію своимъ изволеніемъ, и ты ему, честный отче, запрещаеши о таковѣй велицѣй дерзости святительскія и не хощеши, отче, съ нимъ служити, ни въ божественнѣй службѣ помнаеши его; и много отъ него досажденія злаго и укоризны претерпѣлъ еси, святче Божій“ и т. д. [1]). Едва ли есть основаніе сомнѣваться въ подлинности этой грамоты. Въ Ипат. 6664 г. вкратцѣ указано и ея содержаніе. Главнымъ же доказательствомъ подлинности и служитъ самый титулъ Нифонта „епископъ“: позднѣйшій новгородскій фальсификаторъ непремѣнно поступилъ бы такъ, какъ поступаетъ поздѣйшій новгородскій лѣтописецъ, т. е. замѣнилъ бы титулъ „епископъ“ титуломъ „архіепископъ“.

Такъ какъ страданія, о которыхъ идетъ рѣчь въ грамотѣ, происходили въ 1149 году, то ее слѣдуетъ отнести къ эпохѣ патріарха Николая IV Музалона (отъ конца 1147 года, по начало 1151 года). Если бы

дано новгородскому владыкѣ ростовскимъ просто, какъ „Жервователю антиминса“. Но пожертвованіе антиминса (т. е. небольшого куска полотна) тоже нуждается въ объясненіи. Намъ кажется, что исторія этого антиминса проще всего объясняется тѣмъ, что у Нестора оказался недостатокъ мощей, необходимыхъ для освященія антиминса, и онъ принужденъ былъ обратиться къ своему болѣе запаслливому коллегѣ, такъ какъ отъ Клима изъ Кіева онъ получить ихъ не могъ бы.

[1]) Грамота сохранилась въ Варлаамовомъ житіи Нифонта, напеч. въ Памятникахъ старинной русской литературы IV стр. 5. и перепечатана митр. Макаріемъ въ приложеніяхъ (прил. № 1) къ III тому Исторіи Русской церкви.

титулъ архіепископа служилъ наградою Нифонту за борьбу съ Климомъ, то наименованіе его просто епископомъ въ этой грамотѣ было бы совершенно необъяснимымъ. Но можетъ быть была еще другая болѣе древняя грамота, не дошедшая до насъ, которою и былъ предоставленъ Нифонту этотъ титулъ? Но тогда его и слѣдовало бы именовать этимъ титуломъ, да и новгородскій лѣтописецъ не упустилъ бы упомянуть о такой милости патріарха какъ онъ сохранилъ подъ 6673 годомъ извѣстіе о томъ, что „владыцѣ (Илію) повелѣно бысть архіепископство митрополитомъ".

Уже это доказываетъ, что титулъ архіепископа у Нифонта былъ отличіемъ лично ему принадлежавшимъ, которое поэтому и не перешло на его преемника Аркадія; это былъ чисто почетный титулъ, не заключавшій въ себѣ указанія на изъятіе изъ подъ власти мѣстнаго митрополита или непосредственное подчиненіе патріарху. Такъ же слѣдуетъ заключить и изъ поведенія Нифонта. Вызванный на судъ къ Климу, онъ правда не признавалъ его за законнаго митрополита, но и не ссылался на свою яко бы непосредственную подсудность патріарху, хотя такая ссылка была бы для него не только выгодною, но и обязательною. Грамота патріарха тоже не упоминаетъ о томъ, чтобы Климъ усугубилъ свою вину судомъ надъ лицомъ, подсуднымъ исключительно патріарху. Когда на смѣну Климу изъ Константинополя назначенъ былъ новый законный митрополитъ Константинъ, Нифонтъ, по первому извѣстію, поспѣшилъ засвидѣтельствовать ему свое подчиненіе и лично явился съ этою цѣлью въ Кіевъ, гдѣ и умеръ.

Такимъ образомъ, есть основаніе думать, что титулъ архіепископа не былъ пожалованъ Нифонту патріархомъ, а по всей вѣроятности, пріобрѣтенъ имъ такъ же, какъ и его преемникомъ, Ильею, отъ митрополита. Какъ мы увидимъ митрополитъ имѣлъ право предоставить въ видѣ особаго, чисто почетнаго, отличія даже ношеніе полиставрія, что цѣнилось гораздо выше архіепископскаго титула; почему бы онъ не могъ предоставить въ качествѣ чисто почетнаго же отличія въ предѣлахъ митрополитанской области

и титулъ архіепископа? Мы и видимъ, что Иліи-Іоанну повелѣно было архіепископство митрополитомъ безъ всякаго участія патріарха. Нифонту этотъ титулъ могъ быть пожалованъ митрополитомъ Михаиломъ, съ которымъ онъ находился въ очень хорошихъ отношеніяхъ. По его приглашенію Михаилъ даже гостилъ въ Новгородѣ, съ 9 января 1134 по 19 февраля 1135. (Новг. лѣт. 6642). Было естественно отблагодарить гостепріимнаго хозяина какимъ-нибудь почетнымъ отличіемъ, а такимъ и могло быть титло архіепископа. Что же касается до патріарха, то для него и нужды не было давать Нифонту архіепископскій титулъ съ цѣлію изъять его изъ-подъ власти Клима. Митрополія, занятая незакономѣрнымъ митрополитомъ, считалась вакантною, а въ періодъ вакантности митрополіи всѣ подчиненные ей епископы и безъ того подлежали непосредственной юрисдикціи патріарха. Это именно и желалъ выразить Нифонтъ, говоря Клименту: „Митрополитомъ тебя не зову, а поминаю патріарха“. Изъятіе Нифонта изъ-подъ власти митрополита могло лишь умалять права будущаго законнаго митрополита, а не Клима. Совершенно непонятно, какъ могъ бы говорить патріархъ въ посланіи Андрею Боголюбскому о непзмѣнности и о неумалимости митрополичьихъ правъ, если бы у Андрея, въ лицѣ Нифонта, было блестящее опроверженіе этой теоріи?

Преемникъ Нифонта Аркадій и вовсе не носилъ этого титула, а именовался просто епископомъ. Только при Иліи Новгородской каѳедрѣ удалось упрочить за собоіі архіепископскій титулъ путемъ особаго соглашенія съ митрополитомъ Іоанномъ. Лѣтопись содержитъ на этотъ счетъ слѣдующее. Послѣ возвращенія Иліи съ посвященія въ Кіевѣ, въ томъ же 1165 году: „ходи игуменъ Діонисій съ любовью въ Русь, и повелѣно бысть владыцѣ архіепископьство митрополитомъ“. Зная, что означало „любовь“ и „любить“ на языкѣ того времени въ подобныхъ случаяхъ, мы можемъ сказать съ полною увѣренностію, что почетное титло архіепископа стоило Софійской казнѣ недешево. По всей вѣроятности, въ бытность въ Кіевѣ Илія условился о размѣрахъ этой „любви“ съ митрополитомъ, и по

возвращеніи будущаго архіепископа въ Новгородъ объ стороны добросовѣстно выполнили условіе. Новгородцы въ подобныхъ случаяхъ не скупились, но титулъ архіепископа все-таки былъ лишь чисто почетнымъ.

Теперь при Ѳеогностѣ новогородскій владыка Василій вдобавокъ къ архіепископскому титулу получилъ еще отъ митрополита и архіепископскій полиставрій, и это послужило для новгородцевъ поводомъ добиваться еще большаго.

По смерти арх. Василія 3 іюля 1352 года, новгородцы обратились вновь къ старому своему архіепископу Моисею. Этотъ призывъ Моисея на престолъ Св. Софіи былъ результатомъ не только его популярности, но вполнѣ продуманнаго плана освобожденія отъ митрополичьей юрисдикціи. На этой почвѣ и произошло столкновеніе съ Ѳеогностомъ.

Уже изъ того, что въ слѣдующемъ году новгородцы отправили въ Константинополь пословъ съ просьбою „о благословеніи и исправленіи непотребныхъ вещей, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита“ слѣдуетъ заключить, что передъ этимъ и новгородцы и самъ владыка Моисей подверглись неблагословенію со стороны митрополита Ѳеогноста, что подтверждается и другими данными. Вопреки Никоновской лѣтописи, старающейся скрыть фактъ размолвки, (и весьма серьёзной) между Моисеемъ и митрополитомъ Ѳеогностомъ, и говорящей, что будто бы: „Послаша Новогородци на Москву къ пресвященному Ѳеогнасту митрополиту съ моленіемъ, дабы благословилъ стараго ихъ епископа Моусеа на владычество въ Новъгородъ; онъ же благословилъ имъ стараго ихъ архіепископа владыку Моусѣя въ Новградъ“, Новгородская лѣтопись прямо утверждаетъ, что Моисей „на архіепископію... благословенъ бысть Алексѣемъ митрополитомъ всея Руси (Приб. Новг. II. 6861). А между тѣмъ, казалось бы, что Моисей имѣлъ время испросить благословеніе и у Ѳеогноста, такъ какъ отъ возведенія Моисея до смерти Ѳеогноста прошло около семи мѣсяцевъ.

Получается одно изъ двухъ: или Моисей обратился къ Ѳеогносту за благословеніемъ, но получилъ

прямой отказъ, или онъ даже и совершенно не обращался за благословеніемъ къ митрополиту. Вполнѣ возможно и послѣднее. Судя по словамъ лѣтописи, новгородцы склонны были смотрѣть на призывъ Моисея, какъ на возвращеніе *на свой ему* столъ (Новг. III. и I. Соф. I. Воскр. 6860), который онъ оставилъ самъ на время (какъ говоритъ Воскресенская лѣт), и на который они возвели его опять. Новгородцамъ могло представляться, что для Моисея не нужно новаго благословенія, какъ не нужно и новаго посвященія. Новгородцамъ почти впервые приходилось возводить на владычень столъ лицо, имѣвшее уже епископскій санъ. Они даже не избирали его вновь въ тѣхъ формахъ, какъ это полагалось въ Новгородѣ, а просто предложили столъ Моисею и полагали, что разъ онъ не отказывается отъ с в о е г о стола, то болѣе ничего и не надо. Возводя на каѳедру Св. Софіи стараго архіепископа, т. е. лицо, по ихъ мнѣнію, не нуждавшееся въ митрополичьемъ благословеніи, новгородцы не давали митр. Ѳеогносту случая осуществить свою юрисдикцію надъ новгородскимъ архіепископомъ, что неизбѣжно произошло бы при посвященіи новаго архіепископа. А по смерти, тогда уже стараго и больного Ѳеогноста новгородцы могли питать надежду устроить свои дѣла въ Константинополѣ.

Но если даже и предположить, что Моисей все таки отправилъ свое посольство за благословеніемъ Ѳеогноста, то не слѣдуетъ забывать, что въ это время обыкновенно и предъявлялись новгородцамъ требованія со стороны митрополита по части юрисдикціи, и благословеніе давалось лишь при обѣщаніи ихъ соблюдать митрополичьи права. [1]).

Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ между митрополитомъ и Моисеемъ Новгородскимъ произошла размолвка: какъ видно изъ грамотъ патріаршихъ по этому поводу, Ѳеогностъ посягнулъ на драгоцѣнныя для новгородцевъ крестчатыя ризы ихъ архіепископа.

---

[1]) Грамота м. Фотія Тверскому еп Илии 1129 — 1131. Р. И. Б. VI. 122—123.

Тогда еще до смерти Ѳеогноста въ Константинополь отправилось посольство отъ Моисея съ цѣлію помѣшать поставленію Алексѣя въ митрополиты, а если удастся, то и добиться возможно большей независимости новгородскаго архіепископа отъ митрополита. Но въ то же время и Сименъ Ивановичъ съ князьями отправилъ посольство въ Константинополь съ просьбою поставить митрополитомъ Алексѣя.

Никон. 6860. „Потомъ посовѣтовавъ съ сыномъ своимъ, съ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ Даниловича, и съ его братьею со княземъ Иваномъ Ивановичемъ и со княземъ Андрѣемъ Ивановичемъ, и зъ бояры и съ велможами, и послаша послы своя въ Царьградъ: отъ великого князя послы Дементей Давыдовичь да Юрьи Воробьевъ, а отъ митрополита послы Артемей Коробьинъ да Михайло Щербатый Гречинъ, и сіа глаголющимъ имъ: да не поставитъ имъ инаго митрополита на Русь кромѣ сего преподобнаго старца Алексѣя, иже былъ намѣстникъ, и много добродѣтеленъ и честенъ старецъ, пресвященнаго Ѳеогнаста, митрополита Кіевскаго и всеа Русіи“.

Хотя отвѣтъ пришелъ лишь по смерти Симеона Ивановича, но уже и до полученія его въ Москвѣ смотрѣли на дѣло Алексѣя, какъ на совершенно рѣшонное. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Симеонъ Ивановичъ предписывалъ братьямъ: „Слушайте *отца нашего владыки Алексѣя* и бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли“. Очевидно, Алексѣй былъ совѣтникомъ Семена Ивановича и не по однимъ только церковнымъ дѣламъ. Едва ли бы Семенъ Ивановичъ выразился столь рѣшительно о владычествѣ Алексѣя, если бы уже не имѣлъ на этотъ счетъ совершенно опредѣленныхъ обязательствъ отъ византійскаго правительства.

Не мудрено поэтому, что въ Москвѣ смотрѣли на поѣзкду Алексѣя въ Константинополь, какъ на поѣздку, въ буквальномъ смыслѣ слова, на посвятку. Какъ только посольство уже послѣ смерти и митрополита Ѳеогноста (14 Марта 1353) и Семена Ивановича (скончался 26 апрѣля 1353 года) возвратилось съ благопріятнымъ отвѣтомъ и *приглашеніемъ Алексѣя на посвятку,* то Иванъ Ивановичъ, еще не успѣвъ

получить великаго княженія отъ хана, тотчасъ же отправилъ Алексѣя въ Константинополь.

Никон. 6861: „И принесоша изо Царяграда отъ патріарха и отъ царя (грамоты), и повелѣно бысть Алексѣю, владыцѣ Володимирьскому пти въ Царьградъ къ патріарху *ставитися* отъ него на митрополью". (ср Супр. 6861).

Въ житіи м. Алексѣя (Воскр. лѣт. П. С. Л. VIII. 27) „Пріидоша же тогда и посли они, иже преже посланіи въ Царьгородъ великымъ княземъ Семеномъ и митрополитомъ Феогностомъ, и принесоша владыцѣ Алексѣю грамоты царевы и патріарши, веляше пти ему въ Царьгородъ ставитися на митрополію... а самъ князь въ орду отходитъ къ царю, якоже есть обычай, взяти великое княженіе по братѣ своемъ".

Но оказалось, что въ Константинополѣ, куда въ іюлѣ или августѣ 1353 г. прибылъ Алексѣй, его продержали почти цѣлый годъ до посвятки. На это было много причинъ, начиная съ личности Алексѣя. Если даже оставить въ сторонѣ явно пристрастный и несправедливый отзывъ Григоры, то и изъ другихъ источниковъ ясно, что Алексѣй не произвелъ въ Константинополѣ благопріятнаго впечатлѣнія. Да и трудно было произвести такое впечатлѣніе на византійцевъ монаху, всю жизнь прожившему въ такомъ захолустьѣ, какъ Москва того времени. Но не это, конечно, была главною причиною задержки.

Поставленіе митрополита въ Византіи вообще требовало довольно продолжительной процедуры, Алексѣй же попалъ въ Константинополь въ самое неблагопріятное время. Шла гражданская война между императорами Кантакузинымъ и Палеологомъ, и одновременно былъ поставленъ вопросъ о правахъ императора въ сферѣ церковнаго управленія. До осени, если не до зимы, и императоръ и патріархъ отсутствовали изъ Константинополя, занятые—одинъ войной, другой—попытками примирить противниковъ. Послѣ пораженія Палеолога Каллистъ, совершенно разссорившійся съ Кантакузинымъ, отказался короновать Матѳея, бѣжалъ изъ патріархіи въ свой монастырь Маманта и на приглашенія вернуться отвѣчалъ ана-

ѳемами и обвиненіями Кантакузина въ хищеніи церковнаго имущества и узурпацію правъ церкви.

По приказанію Кантакузина Каллистъ, обвиненный въ ереси, былъ низложенъ и замѣненъ Филоѳеемъ. Бывшій патріархъ спасся бѣгствомъ сначала къ Генуезцамъ, въ Галату, а затѣмъ перебрался къ Іоанну Палеологу на Тенедосъ. Все это происходило зимою 1353—1354 года. Поставленіе же Филоѳея слѣдуетъ отнести къ началу Марта 1354 г.[1]).

Такимъ образомъ, почти все время то императоръ, то патріархъ отсутствовали изъ Константинополя, и грекамъ вообще было не до русской митрополіи. Кантакузинъ былъ и безъ того крайне непопуляренъ своею дружбою съ турками, которыми онъ пользовался противъ своего зятя. законнаго императора, и своимъ скандальнымъ сватовствомъ съ султаномъ Орханомъ, за котораго онъ выдалъ свою дочь Ѳеодору. Скандалъ же съ Каллистомъ окончательно уронилъ его во мнѣніи общества. Каллистъ какъ разъ въ ту эпоху, когда въ Константинополѣ находился Алексѣй и послы московскаго великаго князя, бросилъ въ лицо Кантакузину

---

[1]) Предполагаемъ такъ по слѣдующимъ даннымъ. Низложеніе Каллиста произошло еще до конца зимы (Григора XXVIII. 21) Впослѣдствіи Каллистъ пробывъ на Тенедосѣ цѣлый годъ (Григора XXIX 21), вернулся черезъ два мѣсяца послѣ возвращенія въ Константинополь Палеолога т е., послѣ декабря 1354 года ib. XXIX. 16. XXVIII 25. Филоѳей же короновалъ Матвѣя весною, во время цвѣтенія травъ. Все это указываетъ на мартъ Этимъ предположеніемъ объясняются и тѣ особенности, какія находимъ мы за этотъ періодъ въ актахъ патріархіи Послѣдніе акты, собственноручно подписанные патріархомъ Каллистомъ, относятся къ январю 1354 года, (А. Р. I. №№ 143, 144), а послѣдній синодальный актъ его — къ декабрю 1353 г. (А. Р. I. № 142). Затѣмъ первый актъ, вновь помѣченный честною патріаршею рукою, помѣченъ мартомъ 7 индикта. (А. Р. I. № 150). Онъ говоритъ уже объ *одномъ* императорѣ, очевидно Кантакузинѣ, предоставившемъ монастырь просителю, и слѣдовательно, долженъ быть отнесенъ ко времени патріарха Филоѳея.

Между этими двумя документами находимъ нѣсколько документовъ помѣченныхъ февралемъ и мартомъ, (А. Р. I. №№ 146 -149), но безъ обычнаго указанія, что помѣтка сдѣлана честною патріаршею рукою Такъ какъ эти помѣты дѣлались всегда патріархомъ, то остается предположить, что Филоѳей въ это время, хотя и получилъ уже императорское утвержденіе, но не былъ еще интронизированъ въ храмѣ Св. Софіи.

обвиненіе, что тотъ употребилъ на приданное зятю своему, султану[1]) десятки тысячъ, пожертвованные Симеономъ Ивановичемъ на ремонтъ Св. Софіи. Возможно, что при этомъ Каллистъ демонстративно отказывался посвящать Алексѣя, пока Кантакузинъ не возвратитъ Софіи тѣхъ денегъ, ради которыхъ въ Константинополѣ и согласились на поставленіе московскаго кандидата.

Но были и болѣе принципіальныя основанія для отказа. Въ обѣщаніи императора каѳедры Алексѣю и приглашеніи ему пріѣхать на посвятку Каллистъ, равно какъ и вся церковная партія, видѣли недозволенное вмѣшательство въ дѣла церкви со стороны императора и узурпацію церковныхъ правъ. Въ спорѣ съ императоромъ Каллистъ указалъ и на то, что путемъ произвола и насилія Кантакузинъ присвоилъ себѣ не только администрацію имперіи, но и принадлежащею патріарху пастырскую власть въ церкви. „Онъ похищаетъ и присвояетъ вмѣстѣ съ принадлежащей ему (властію) и мое управленіе душами и создаетъ одну жестокую тиранію и надъ душами и надъ тѣлами“[2]), говорилъ патріархъ. Каллистъ былъ до такой степени правъ въ своихъ обвиненіяхъ, что Кантакузинъ въ своемъ разсказѣ объ этихъ событіяхъ не посмѣлъ даже упомянуть о рѣчи Каллиста. И вотъ Кантакузинъ рѣшился во-первыхъ, спѣшно починить Св. Софію, во-вторыхъ возвратить (конечно не искренно) церкви ту свободу, на утрату которой жаловался Каллистъ Онъ обложилъ гражданъ Константинополя особымъ подоходнымъ налогомъ (Григора XXVIII. 21) и въ три мѣсяца дѣйствительно отремонтировалъ Св. Софію настолько, что его преемнику немного осталось сдѣлать въ этомъ отношеніи[3]).

Далѣе Кантакузинъ счелъ нужнымъ публично отказаться отъ своей прежней политики относительно церкви и притомъ въ такой формѣ, что трудно было

---

[1]) Nicephi. Gregora XXVIII, 19.

[2]) Gregora XXIII. 18. Οὕτω δὲ μετὰ τῆς ἑαυτοῦ καὶ τὴν ἐμὴν ἁρπάζων καὶ ὑποτάττων διοίκησιν τῶν ψυχῶν, καὶ μίαν ποιῶν ὠμότητος τυραννίδα ψυχῶν ὅμου καὶ σωμάτων ἀπώλειαν.

[3]) Cantacuseni Hist, IV c. 4.

бы повѣрить разсказу объ этомъ, если бы онъ не принадлежалъ самому Кантакузину. По его словамъ, когда послѣ бѣгства Каллиста архіереи сами обратились къ императору съ вопросомъ, кого бы онъ желалъ имѣть патріархомъ, онъ отказался указать его имъ и произнесъ при этомъ слѣдующую рѣчь.

„Относительно избранія архіереевъ я и ранѣе самъ зналъ законы учениковъ Христовыхъ, первоучителей церкви и слѣдующихъ по стопамъ ихъ божественныхъ отцевъ; полагаю, что никого нѣтъ и среди васъ, кто не зналъ бы ихъ въ точности. Епископамъ, собравшимся для этого, подобаетъ призвавъ свыше благодать Святого Духа и предварительно умоливъ Бога многими моленіями и прошеніями, дабы Онъ открылъ имъ предстоятеля церкви, потомъ избирать открытаго имъ. А избравъ трехъ, наиболѣе подходящихъ, затѣмъ предложить царю выбрать одного изъ нихъ; и кого онъ выберетъ, тотъ и дѣлается предстоятелемъ церкви. Но, какъ обыкновенно бываетъ и съ другими грѣхами, мы, хотя и знаемъ, что грѣшимъ, но руководясь дурнымъ обычаемъ или увлекаясь страстью, добровольно стремимся ко злу и порабощаемся дурными страстями, такъ случалося съ нами и при избраніи архіереевъ. Ибо мы очень хорошо знали, что послѣ того, какъ вы уже избрали кандидатовъ и предложили намъ на выборъ, кому изъ нихъ мы пожелаемъ вручить власть надъ церковью, намъ не подобаетъ явно насмѣхаться и издѣваться надъ Богомъ, т. е. приказывать вамъ призывать благодать свыше и избирать того, кого мы уже ранѣе, не на словахъ, но и на дѣлѣ избрали для васъ; и однако мы неправедно и безумно дерзали на это. Такъ часто случалось не только съ нами, но и съ другими ранѣе насъ царствовавшими надъ Римлянами, если не со всѣми, то съ большинствомъ. Но о предшественникахъ я не скажу ничего дурного изъ подобающаго имъ уваженія: что же касается меня самого, то свидѣтельствомъ всѣхъ я могъ бы быть вполнѣ уличенъ въ моихъ неправдахъ и дурныхъ дѣлахъ предъ Богомъ. Послѣ того, какъ я самъ такимъ образомъ исповѣдывался и признался въ злыхъ

дѣяніяхъ, полагаю, что мнѣ не остается ничего иного, какъ молить Бога (простить) прежнее, впредь же приложить всяческое попеченіе и заботу, что-бы не впасть въ то же зло, если не желаю неисцѣльно болѣть и добровольно быть слѣпымъ къ добру, свѣтящему свѣтлѣе солнца. А посему (заключаетъ императоръ) въ виду предстоящаго вамъ нынѣ избранія патріарха я возвращаю вамъ древнюю свободу, вѣрнѣе же, -не вамъ, а Богу; и да потщится Онъ открыть вамъ достойнаго предстоятеля церкви. Потомъ же изберу и я одного изъ трехъ кандидатовъ, какъ это въ обычаѣ". (Cantacuseni Hist. IV. 37).

Но архіерей, будто бы, и тутъ не рѣшались произвести предписанные свободные выборы, и только послѣ повторныхъ предложеній о томъ патріаршій синодъ избралъ, наконецъ, трехъ кандидатовъ: Филоѳея Ираклійскаго, Макарія Филадельфійскаго и Николая Кавасиллу. Утвержденіе дано было Филоѳею.

Къ словамъ императора слѣдуетъ, отнестись, конечно, съ большою критикою. Очевидно, онъ недоволенъ тою уступкою, какую пришлось ему сдѣлать, и старается представить все дѣло въ возможно комичномъ видѣ. Но ясно, что онъ вынужденъ былъ на эту уступку общественнымъ мнѣніемъ, которое только одно въ силахъ было заставить императора рѣшиться на такое публичное самоуниженіе, какимъ являлась вся его рѣчь. Существовало сильнѣйшее теченіе противъ политики императора, унаслѣдованной имъ отъ предшественниковъ, которое захватывало широчайшіе круги, и, какъ увидимъ, захватило даже и Новгородъ.

Положеніе Кантакузина плохо соотвѣтствовало тому пышному титулу, на который онъ все еще претендовалъ. Между прочимъ онъ именовалъ себя и императоромъ Русскихъ, какъ это видно изъ полнаго титула Іоанна Кантакузена, сохранившагося въ грамотѣ египетскаго султана [1]). Императоръ именуется

---

[1]) Μακρογμερεύσοι ὁ θεὸς.. πάντοτε τὰς ἡμέρας τῆς βασιλείας τοῦ μεγάλου, τοῦ εὐεργετικοῦ, τοῦ φρονίμου, τοῦ λέοντος, τοῦ ἀνδρείου, τοῦ ἐν πολέμοις

въ немъ основаніемъ вѣры и ученія (догмата) христіанъ, непоколебимымъ столпомъ всѣхъ крещеныхъ, защитникомъ догматовъ Христа, мечемъ Македоновъ, царемъ Еллиновъ, царемъ Болгаръ, Асаніевъ, Влаховъ, *Русскихъ* и Алановъ, честью ученія Иверцевъ и Сирійцевъ, наслѣдникомъ царства земли, владыкою морей, великихъ рѣкъ и острововъ." Особенно любопытно, что всѣ эти титулы и въ первую голову—церковные даются византійскому государю масульманскимъ султаномъ. Если хорошенько разсмотрѣть титулъ, то трудно видѣть въ немъ одинъ только перечень странъ съ православнымъ населеніемъ; среди этого населенія проводится различіе. Такъ относительно Иверовъ и Сирійцевъ, изъ которыхъ первые не признавали надъ собою власти византійскаго императора, а вторые были подчинены мусульманамъ, императоръ не называется царемъ или владыкою, а только честью ихъ (христіанскаго) ученія т. е. указывается на исключительно церковный титулъ императора. Тоже самое и относительно Сербовъ (Тривалловъ), которые имѣли и своего царя и своего патріарха: о нихъ титулъ совершенно не упоминаетъ. Если относительно Русскихъ дѣло обстояло иначе, то потому, что Русскіе пока серьёзно и не отрицали своего подданства имперіи. Но для сохраненія свѣтской супрематіи надъ православными вообще и Русскими въ частности и на будущее время императору было безусловно необходимо поддерживать свою церковную супрематію, а съ этимъ то и не желала считаться церковная партія.

Эта партія была не только противъ вмѣ-

ὁρμητικοῦ, εἰς ὃν οὐ δύναταί τις σταθῆναι ἔμπροσθεν αὐτοῦ, τοῦ σοφωτάτου εἰς τὸ δογμα αὐτοῦ, τοῦ δικαιοτάτου εἰς τὸν τόπον καὶ τὴν χῶραν αὐτοῦ, τοῦ θεμελίου τῆς πίστεως καὶ τοῦ δόγματος τῶν χριστιανῶν, τοῦ κίονος τοῦ ἀσείτου ἁπάντων τῶν βεβαπτισμένων, τοῦ βοηθοῦ τῶν δογμάτων τοῦ Χριστοῦ, τῆς σπαθῆς τῶν Μακεδόνων, τοῦ Σαμφὼν, τοῦ βασιλέως τῶν Ἑλλήνων, τοῦ βασιλέως τῶν Βουλγάρων, τῶν Ἀσανίων, τῶν Βλάχων, τῶν Ρωσσῶν καὶ τῶν Αλανῶν, τῆς τιμῆς τοῦ δόγματος τῶν Ἰβήρων καὶ τῶν Σύρων, τοῦ κληρονόμου τῆς βασιλείας τῆς γῆς, τοῦ αὐθεντοῦ τῶν θαλασσῶν, καὶ τῶν ποτάμων τῶν μεγάλων καὶ τῶν νήσων Ἀγγέλου Κομνηνοῦ Παλαιολόγου τοῦ Καντακουζηνοῦ (Cantacusen Hist IV. 11)

шательства императора въ дѣло поставленія патріарха, но и противъ вмѣшательства его въ дѣло поставленія и другихъ епископовъ. Отказъ императора отъ указанія или номинаціи патріарха логически приводилъ къ признанію свободныхъ выборовъ вообще, иными словами,— къ устраненію закона Андроника. Кантакузинъ въ своей рѣчи и говоритъ объ избраніи архіереевъ вообще, а не только патріарха. Предполагалось возстановить свободные выборы въ томъ видѣ, какъ мы находимъ ихъ въ разныхъ церковныхъ чинахъ поставленія епископовъ. Впредь такъ называемое свидѣтельство, т. е. участіе въ выборѣ кандидатовъ, принималось только отъ духовенства, а отнюдь не отъ мірянъ, кто бы они ни были. Выборъ же изъ трехъ кандидатовъ предоставлялся, разъ дѣло шло о митрополитѣ, патріарху, который былъ ограниченъ исключительно кандидатами, предложенными синодомъ. Свобода выборовъ понималась, какъ торжество клерикализма

Но легче было высказать эти пожеланія, чѣмъ провести ихъ въ жизнь. Первый случай такихъ, яко бы свободныхъ, выборовъ — выборы Филовея — былъ обставленъ очень торжественно. Кантакузинъ постарался собрать всѣхъ архіереевъ, какихъ только могъ, и въ выборахъ участвовало ихъ цѣлыхъ тридцать (A. P. I. 451) т. е. такое число, болѣе котораго въ подобныхъ случаяхъ мы и не встрѣчаемъ за весь этотъ періодъ. Во всякомъ случаѣ, выборы дали очень подходящаго для Византіи патріарха. Въ лицѣ Филовея взошелъ на патріаршій престолъ протъ горы Аѳонской, т. е. того учрежденія, которое въ дѣйствительности только и поддерживало единство православной восточной церкви, разстроенное политикою Каллиста. Можно сказать, что почти всѣ славянскія церкви (исключеніе составляла лишь Москва) были въ моментъ избранія Филовея въ схизмѣ съ Константинополемъ. Къ схизмѣ болгаръ присоединилась схизма сербовъ и Руси. Въ 1347 году Стефанъ Душанъ на соборѣ въ Скоплѣ, подъ предсѣдательствомъ Охридскаго патріарха и при участіи патріарха Тырновскаго провозгласилъ патріархомъ сербскаго архіепископа Іоанникія

и самъ вѣнчался отъ него царскимъ вѣнцомъ. Затѣмъ всѣ греческіе архіереи были изгнаны съ ихъ каѳедръ, и замѣнены природными славянами. Въ числѣ изгнанныхъ, вѣроятно, былъ и самъ будущій патріархъ Константинопольскій Каллистъ, который и наложилъ потомъ въ 1350 г. на Сербію и ея царя и патріарха отлученіе, тяготѣвшее надъ нею до 1378 года. Почти около того же времени и Кіевъ получилъ схизматическаго митрополита Ѳеодорита отъ схизматика Тырновскаго патріарха. Но всѣ эти славяне, хотя и состояли въ офиціальномъ разрывѣ съ Константинополемъ и его патріархомъ, были въ живомъ общеніи съ Аѳономъ, представлявшимъ въ то время настоящій центръ восточнаго единства. Будучи на Аѳонѣ, Филоѳей прекрасно изучилъ славянскій вопросъ, а сдѣлавшись патріархомъ впослѣдствіи съ успѣхомъ снова объединилъ всѣхъ славанъ съ Константинополемъ.

Но возстановленіе свободныхъ выборовъ произошло при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Свобода эта оказалась направленною и противъ законнаго императора, и противъ законнаго патріарха и притомъ съ самаго начала она была мнимою. Трудно поэтому было сохранить ее на будущее время, когда въ 1355 году вернулись и законный императоръ Іоаннъ Палеологъ и патріархъ Каллистъ, а свободно избранный патр. Филоѳей принужденъ былъ оставить каѳедру, какъ узурпаторъ.

Не такъ-то легко оказалось и въ самой Греціи заставить управомоченныхъ по закону Андроника и Юстиніана избирателей отказаться отъ ихъ правъ; невзирая на упорную борьбу противъ закона Андроника патріархія далеко не вышла изъ нея побѣдительницею. Требованія церковной партіи примѣняли тамъ, гдѣ было возможно, т. е. гдѣ избиратели были послабѣе, а въ другихъ случаяхъ довольствовались обходомъ, при помощи котораго соблюдался и законъ Андроника, и фикція его отмѣны и свободныхъ выборовъ патріархомъ. Подчасъ даже сама патріархія указывала такой обходъ недогадливымъ избирателямъ. Приведемъ нѣсколько казусовъ такой борьбы за инвеституру въ концѣ XIV в. и началѣ XV в.

Въ 1400 году къ патріарху обратились Анхіальцы съ просьбою о поставленіи имъ въ архіереи излюбленнаго ими кандидата. Рекомендуя его съ самой лучшей стороны, анхіальскіе клирики просили патріарха, утвердить избраннаго ими іеромонаха Исидора, чтобы онъ могъ прибыть въ Константинополь и получить посвященіе. Патріархъ отвѣтилъ, что даже и при томъ предположеніи, что Исидоръ является лицомъ дѣйствительно достойнымъ въ той мѣрѣ, какъ они о томъ пишутъ, приглашеніе съ его стороны на посвященіе было бы и безсмысленнымъ и антиканоническимъ. „Такое приглашеніе было бы противно строю Христовой церкви и божественнымъ и священнымъ канонамъ. Не такъ происходятъ хиротоніи архіереевъ, чтобы патріархъ приглашалъ и поставлялъ ихъ: тогда они не избирались бы Святымъ Духомъ, а назначались бы властію патріарха". Каноническое избраніе происходитъ такъ. „Патріархъ говоритъ архіереямъ, что такая-то церковь вдовствуетъ, и что потому слѣдуетъ поставить туда епископа. „И такъ соберитесь въ засѣданіе и подайте объ этомъ голоса". Кандидата же не называетъ имъ ни одного. Они же, отойдя въ то мѣсто, гдѣ обычно происходятъ избранія, сотворивъ славословіе Богу и призвавъ благодать Всесвятого Духа избираютъ три лица и письменно представляютъ ихъ патріарху; онъ же изъ трехъ лицъ избираетъ одного, кого пожелаетъ, и рукополагаетъ. Такъ происходитъ избраніе, и это согласно канонамъ, а поставленный такимъ образомъ будетъ каноническимъ архіереемъ". Патріархъ не можетъ предложить кандидата, даже архіереямъ—избирателямъ, чтобы не казалось, что избраніе произошло по его желанію. „Тѣмъ паче мы не можемъ посылать приглашенія, чтобы онъ пришелъ и получилъ хиротонію. А потому совершенно невозможно, чтобы мы написали съ указаніемъ на опредѣленное лицо; напр. чтобы папа киръ Исидоръ прибылъ для посвященія. Но, если вы считаете его достойнымъ, подходящимъ для такого служенія, одобряете его и хлопочете о немъ, тогда напишите все это божественному и священному синоду и нашей мѣрности, и пусть всѣ клирики подпишутъ это свидѣтельство и просьбу о немъ, а онъ придетъ и

доставитъ эту грамоту, чтобы мы могли познакомиться съ нимъ и произвести дознаніе о немъ. Если онъ будетъ признанъ достойнымъ со стороны божественнаго и святого собора и будетъ въ числѣ предложенныхъ кандидатовъ, какъ подходящій, согласно вашему свидѣтельству, тогда я удовлетворю вашей просьбѣ и посвящу его." (A. Patr. II. 346).

Этотъ отвѣтъ слѣдуетъ признать еще очень милостивымъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой незадолго передъ тѣмъ получили Θессалоникійцы на подобную же просьбу. Во время обложенія Константинополя Баязетомъ стала вакантною Θессалоникская каѳедра, и тогда сначала клирики и архонты, затѣмъ же и мѣстные митрополиты обратились къ патріарху, прося поставить митрополитомъ Θессалоникскимъ патріаршаго экзарха Наѳанаила. Патріархъ не только не исполнилъ ихъ ходатайства, но и прислалъ черезъ своего протонотарія строжайшій выговоръ Наѳанаилу. „Какъ ты", писалъ ему патріархъ, „человѣкъ разумный, воспитанный, свѣдущій въ церковныхъ дѣлахъ, канонахъ и законахъ, могъ задумать о себѣ такое дѣло? Присылаютъ къ намъ торопящія насъ грамоты, а также предложенія отъ тамошнихъ свѣтскихъ властей посвятить тебя въ митрополиты ѳессалоникскіе. Самъ ли ты побудилъ послать ихъ или же, зная о томъ, что другіе это дѣлаютъ, не воспрепятствовалъ этому это и намъ не къ части, и тебѣ не въ пользу" (A. P. II. № 512, 1397 г. 20 марта).

Вскорѣ за этимъ былъ отлученъ патріархомъ митрополитъ Трапезундскій за то, что, получивъ въ виду обложенія Константинополя порученіе отъ патріарха поставить митрополита Аланіи, онъ поставилъ его неканонически за деньги „и того, кого назначили и пожелали свѣтскіе начальники". (ὃν οἱ κοσμικοὶ ἄρχοντες προώρισαν καὶ ἐβούλοντο A. P. II 482 ап. 1399/1400). Но это не помѣшало въ 1410 году императору трапезундскому обратиться къ патріарху съ предложеніемъ поставить нѣкоего Іосифа въ митрополиты Трапезундскіе. Любопытны тѣ указанія, какія даетъ по этому поводу патріархъ своему возлюбленному сыну. По словамъ патріарха синодъ прочелъ эту гра-

моту не разъ, но дважды и трижды, и рѣшилъ возвратить ее обратно. Правда, синодъ изъ любви къ царю, и изъ уваженія къ добродѣтелямъ кандидата, готовъ исполнить просьбу трапезундцевъ, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы царь написалъ новую грамоту, гдѣ онъ просто рекомендовалъ бы Іосифа, какъ достойнаго человѣка, и свидѣтельствовалъ о его добродѣтеляхъ, но отнюдь не упоминалъ бы о томъ, что онъ рекомендуетъ его на каѳедру именно Трапезунда. „Пусть," писалъ патріархъ про Іосифа „онъ придетъ сюда, чтобы относительно его, согласно канонамъ, было сдѣлано то, чего вы считаете его достойнымъ. Только пусть твое царское величество пошлетъ божественному святому и великому собору письменное ручательство и удостовѣреніе. Да отнюдь не пишите и не говорите ничего относительно лица кандидата, такъ какъ и это противно строгимъ каноническимъ правиламъ. (πλέον ποτὲ ἵνα μηδὲ περὶ πρωσόπου εἴπετε ἢ γράψατε τὸ τυχὸν πλέον ποτὲ. ἐπεὶ καὶ τοῦτο παρὰ τὴν κανονικὴν ἀκρίβειάν ἐστιν). Пусть онъ явиться непремѣнно послѣ открытія, (синодальныхъ засѣданій?) т. е. послѣ марта, такъ какъ ему данъ срокъ въ четыре мѣсяца. Если онъ къ этому времени не явится, то синодъ поступитъ съ церковью вашею, о которой идетъ рѣчь, согласно требованіямъ каноновъ". (А. Р. П. 512 ап. 1410).

Это посланіе особенно любопытно, какъ доказательство, какія усилія прилагали въ Константинополѣ, чтобы спасти хотя бы видимость свободныхъ выборовъ уже послѣ того, какъ опытомъ убѣдились, что приходится мириться съ ихъ дѣйствительною несвободою. Что же сказать про то время, когда церковная партія въ Константинополѣ не успѣла еще пріобрѣсти такого горькаго опыта и считала себя побѣдительницею?

XI.

Первымъ случаемъ примѣнить теорію свободныхъ выборовъ къ замѣщенію митрополичьяго престола и была вакантность русской митрополіи, — и мы поймемъ, какими глазами посмотрѣли въ Константинополѣ на Алексѣя, пріѣхавшаго „ставиться“ въ митрополиты. Филоѳей потребовалъ отъ него представленія свидѣтельствъ не отъ мірянъ только, а отъ русскихъ епископовъ (свидѣтельство которыхъ только и должно было имѣть значеніе въ глазахъ церковной партіи). Этимъ Филоѳей прежде всего выигрывалъ время, что было весьма небезразлично въ виду смерти Симеона Ивановича и неизвѣстности, кто будетъ великимъ княземъ всея Руси. Формальнымъ же основаніемъ для такихъ справокъ могло послужить уже и то обстоятельство, что свидѣтельство одного изъ русскихъ епископовъ, а именно Моисея Новгородскаго, было вовсе не въ пользу кандидатуры Алексѣя.

Новгородцы въ эту пору вели въ Ордѣ интригу противъ Московскаго князя Ивана и, въ пользу Константина Суздальскаго, въ Константинополѣ же интриговали противъ Алексѣя: арх. Моисей прислалъ сюда грамоту, наполненную возраженіями противъ кандидатуры Алексѣя. Посольство къ хану имѣло задачею воспрепятствовать назначенію великимъ княземъ Инана Ивановича и поддержать кандидатуру Константина Васильевича Суздальскаго [1]). Посольство Моисея въ

---

[1]) Любопытно, что даже теперь, будучи въ высшей степени недовольными митрополитомъ, новгородцы не пытались исхлопотать особый ярлыкъ для своего архіепископа, чтобы освободиться отъ митрополичьихъ насилій. По нашему мнѣнію, это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что выдача подобныхъ ярлыковъ простымъ епископамъ въ это время была необычною.

Константинополь имѣло тѣсную связь съ ордынскимъ посольствомъ: кромѣ вопроса объ урегулированіи отношеній новгородской архіепископіи къ митрополіи, оно имѣло въ виду помѣшать назначенію на митрополію Алексѣя[1]).О доводахъ арх. Моисея противъ этой кандидатуры можно съ большою вѣроятностію судить, сравнивая содержаніе настольной митр. Алексѣя съ отвѣтною грамотою Моисею. Мы видимъ, что патріархъ не только умалчиваетъ о *завѣщаніи* митр. Ѳеогноста, но и объясняетъ его, просто какъ рекомендацію со стороны Ѳеогноста, сдѣланную имъ при жизни. Упоминается даже, что эта рекомендація была подтверждена не только ромеями, нерѣдко приходящими изъ Россіи, но и „со стороны самихъ русскихъ, которые въ разныя времена приходили сюда“ (въ Константинополь). Значитъ, и самая рекомендація эта была несущественною[2]).Еще больше знаменательно то, что, говоря о рекомендаціяхъ Алексѣю и повторяя въ грамотѣ Моисею почти дословно настольную грамоту Алексѣя, патріархъ, совершенно умалчиваетъ о той рекомендаціи, которую въ настольной грамотѣ признаетъ за главнѣйшую—о рекомендаціи великаго князя. (РИБ. VI. прил. 44—46). „Теперь же и благороднѣйшій великій князь киръ Іоаннъ... писалъ объ немъ

[1]) Новг. IV 6861. „Владыка Моисѣй посла послы своя въ Царьградъ, Саву, къ царю Ивану Кантакузину и къ патріарху Филоѳею, прося отъ *нихъ* (sic!) благословенія и исправленія о неподобныхъ вещехъ, приходящихъ отъ митрополита съ насильемъ“. Ник. 6861. Того же лѣта архіепископъ Новогородцкій владыка Моисей посла послы своя въ Царьградъ... *съ дары и со многою честію,* прося благословенія и исправленія отъ обидѣнія, *приходящихъ отъ* митрополита съ насиліемъ многимъ“.

[2]) Точно такъ же, какъ и въ патріаршей грамотѣ Димитрію Донскому въ 1370 году. Никифоръ Григора умалчиваетъ даже о какомъ бы то ни было участіи Ѳеогноста въ этомъ дѣлѣ; но такое умолчаніе служитъ лишь однимъ изъ примѣровъ партійной недобросовѣстности этого писателя. Считая назначеніе Алексѣя беззаконіемъ и не щадя ругательствъ за то по адресу императора, онъ долженъ былъ умолчать о томъ, что въ этомъ беззаконіи участвовалъ его единомышленникъ, котораго онъ восхваляетъ, какъ образцоваго по благочестію епископа (καὶ ἦν ἐπεικῆ βίον ἄγων ἐκεῖ τοιοῦτον οἷον εἰκὸς ἐπισκόπῳ θεοφιλεῖ διάγειν, тамъ же кн. 36, гл. 7 и 8).

къ высочайшему и святому моему самодержцу и къ святой Великой Церкви Божіей: то мы, хотя это и совершенно необычно и не вполнѣ безопасно для церкви, согласились на это". Патріархъ старается доказать Моисею, что митр. Алексѣй поставленъ не по волѣ великаго князя, а по рекомендаціи епископовъ, какъ того требуютъ каноны. Сказавъ, что Алексѣй поставленъ по тщательному изслѣдованію и по единогласному свидѣтельству не только покойного митр. Ѳеогноста, но и Ромеевъ и русскихъ, патріархъ продолжаетъ: „Вотъ и теперь, когда преосвященный митрополитъ... киръ Алексій... отходитъ съ Богомъ въ ту назначенную ему святѣйшую митрополію, мы получили, чрезъ боголюбивѣйшаго епископа сарайскаго рекомендательныя грамоты о немъ прочихъ боголюбивѣйшихъ епископовъ".

Такое спѣшное собираніе рекомендацій епископовъ и поставленіе кандидата до полученія ихъ отзывовъ можетъ быть объяснено лишь однимъ способомъ: какъ желаніе хотя бы по формѣ лишь соблюсти требованія каноническаго избранія.

По всей вѣроятности, въ этихъ то обстоятельствахъ, т. е. въ назначеніи митр. Алексѣя по завѣщанію со стороны митрополита предшественника, волею великаго князя и безъ каноническаго избранія, и видѣлъ Моисей дефекты кандидатуры Алексѣя. Если такъ, то онъ стоялъ совершенно на точкѣ зрѣнія той партіи, которая вырвала свободное избраніе епископовъ у императора. Какъ увидимъ, сотрудникъ и поклонникъ Филоѳея митр. Кипріанъ впослѣдствіи оспаривалъ законность назначенія Михаила, преемника митр. Алексѣя именно на томъ основаніи, что въ нарушеніе Ап. 76. Карѳ. 32. Ант. 23. и Ап. 30. архимандритъ Михаилъ былъ назначенъ по завѣщанію предшественника и волею великаго князя. Въ Моисеѣ патріархъ имѣлъ, очевидно, единомышленника, и ему оставалось, соглашаясь съ возраженіями Моисея по существу, стараться лишь придать фактамъ, приведеннымъ Моисеемъ, иное освѣщеніе[1]).

[1]) Патріархъ поступалъ такъ же, какъ впослѣдствіи поступала Никоновская лѣтопись, разсказывая о томъ же событіи (6886) „Таже потомъ Феогностъ митрополитъ постави его епископомъ въ Воло-

Понятно, что новгородское посольство встрѣтило въ высшей степени милостивый пріемъ въ Константинополѣ, тогда какъ на Алексѣя долгое время смотрѣли съ пренебреженіемъ. Новгородцы вернулись въ Новгородъ не только съ крестчатыми ризами, но, повидимому, и съ увѣренностію, что дѣло Алексѣя проиграно. Но по счастію для Алексѣя и патріархъ въ данномъ случаѣ находился въ очень затруднительномъ положеніи. Русскій великій князь, обратившійся съ рекомендаціею Алексѣя, былъ, можно сказать, единственнымъ изъ владѣтелей, находившихся еще въ общеніи съ вселенскимъ престоломъ. Весь вопросъ заключался, въ данномъ случаѣ, въ томъ, будетъ ли Иванъ Ивановичъ Московскій великимъ княземъ всея Руси; ибо отказъ ему могъ бы окончиться тѣмъ, что и онъ обратился бы по примѣру западно-руссовъ въ Тырновъ. Ближайшею задачею византійскаго правительства и являлось недопущеніе такого отпаденія.

Патріархъ лишь тянулъ дѣло, выжидая, какой оборотъ примутъ событія въ Ордѣ, и кто будетъ новымъ великимъ княземъ московскимъ. Но тамъ, несмотря на пропски новгородцевъ, великое княженіе утверждено было за Иваномъ Ивановичемъ Московскимъ. Въ самый день Благовѣщенія онъ былъ посаженъ на великомъ княженіи во Владимірѣ и вскорѣ отправилъ къ императору новое посланіе съ требованіемъ поставить Алексѣя Владимірскаго митрополитомъ всея Руси. Въ силу указанныхъ выше соображеній патріарху приходилось уступить: Алексѣй былъ поставленъ

димеръ хотя его по себѣ на столѣ митрополичстѣмъ быти, любляше бо его зѣло добродѣтели его ради... По преставленіи же Феогностовѣ общимъ съвѣтомъ и избраніемъ с в я т и т е л ь с к и м ъ и великого киязя И в а н а, с ы н а И в а н о в а... и бояръ и велможъ и всѣхъ людій, *паче же Божиимь изволеніемь* и избраніемь понужень бысть ити къ патріарху въ Царьградъ". И житіе Никоновой лѣтописи игнорируетъ все, сдѣланное Семеномъ Ивановичемъ для кандидатуры Алексѣю, и ставитъ дѣло такъ, будто бы митрополитъ Ѳеогностъ не завѣщалъ каѳедры Алексѣю, а только желалъ видѣть Алексѣя митрополитомъ, и будто бы Алексѣй былъ избранъ соборомъ епископовъ и только потомъ—великимъ княземъ.

въ митрополиты, хотя епископскія свидѣтельства въ его пользу не были еще получены. Оставалось лишь принять мѣры, чтобы такая уступка не могла быть истолкована, какъ прецедентъ на будущее время. Филоѳей, можно сказать, блестяще выполнилъ эту задачу.

Митр. Алексѣй 30-го іюня 1354 года получилъ настольную грамоту, являющуюся въ полномъ смыслѣ слова образцомъ греческаго дипломатическаго искусства того времени. Въ ней патріархъ прежде всего ухитрился подъ весьма вѣжливыми, казалось бы, фразами свести на нѣтъ то право представленія кандидата, какое имѣли мѣстные жители по закону Андроника. Патріархъ заявляетъ, что ему, и никому другому, принадлежитъ преимущественное право попеченія о церквахъ отдаленныхъ, отличающихся многочисленностію народа и ч р е з м ѣ р н о с т і ю (ὑπεροχῇ) княжеской власти, къ каковымъ относится прежде всего Россія. Очевидно, притязанія на рекомендацію кандидата въ митрополиты являются *чрезмѣрными*, и патріархъ дѣлаетъ видъ, что онъ ихъ не признаетъ. Онъ совершенно игнорируетъ приглашеніе, посланное Кантакузинымъ Алексѣю на основаніи рекомендаціи Семена Ивановича; что же касается до посланія Ивана Ивановича, то и его онъ изображаетъ какъ что-то въ сущности второстепенное и малозначущее. „И мы, послѣ надлежащаго, самаго тщательнаго испытанія въ продолженіе почти цѣлаго года, вполнѣ удостовѣрились (въ достоинствахъ Алексѣя) и нашли, что онъ во всемъ оправдываетъ свидѣтельства о немъ какъ бывшихъ тамъ Ромеевъ и общей доброй и похвальной славы его имени, такъ и самихъ Русскихъ изъ разныхъ мѣстъ и въ разное время сюда приходившихъ съ добрыми о немъ отзывами. Теперь же (т. е. уже послѣ якобы окончанія дѣла) и благороднѣйшій киръ Іоаннъ, по Господу возлюбленный и нарочитый сынъ нашей мѣрности, писалъ о немъ къ высочайшему и святому моему самодержцу и Великой церкви Божіей“.

Въ дальнѣйшемъ, изъ желанія отбить у русскихъ охоту представлять своихъ кандидатовъ въ будущемъ, Филоѳей впадаетъ въ явное противорѣчіе. Казалось бы, что митрополитъ Алексѣй, поставленный послѣ

такого тщательнаго изслѣдованія, долженъ былъ быть во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ кандидатомъ. Но, по мнѣнію Филовея, въ Россіи и вообще не могло быть достойныхъ кандидатовъ на митрополію, такъ какъ единственное достоинство Алексѣя—его благочестіе, далеко не достаточно для правителя Патріархъ болѣе, чѣмъ ясно, намекаетъ на то, что великій князь своимъ вмѣшательствомъ воспрепятствовалъ ему замѣстить митрополичій престолъ дѣйствительно достойнымъ кандидатомъ, какимъ могъ бы быть лишь грекъ. „Наша мѣрность *и теперь* прилагала многое попеченіе о томъ, чтобы найти и избирать изъ числа клириковъ... Константинополя мужа, славнаго добродѣтелію, отличающагося сплою слова, свѣдущаго въ канонахъ и искуснаго въ благочестивыхъ законахъ, и, поставивъ его въ архіереи, послать туда (въ Россію)... Но поелику... епископъ владимірскій киръ Алексій, тамошній уроженецъ и тамъ воспитанный, заслуживающій уваженія по своему благоговѣйнству и добродѣтели“ и т. д.

Патріархъ чуть не прямо говоритъ, что Алексѣй, какъ русскій уроженецъ, не отличался ни сплою слова, ни свѣдѣніями въ канонахъ и законахъ. Предписывая, чтобы на будущее время назначался не русскій уроженецъ, а членъ константинопольскаго клира, „который могъ бы управлять митрополіею, не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи“, патріархъ ясно запрещаетъ не знающему мѣры своей власти русскому князю на будущее время предлагать мѣстныхъ кандидатовъ въ митрополиты. Поставленіе Алексѣя не могло имѣть значенія прецедента, какъ противозаконное по существу; вотъ та мысль, которая ясна въ каждой строкѣ настольной грамоты Алексѣю.

По существу дѣла патріархъ былъ правъ. Для русскаго того времени Алексѣй былъ достаточно образованъ. Между прочимъ, онъ зналъ и по—гречески, что, однако не составляло особой рѣдкости[1]). Но,

[1]) Сохранилась не только собственноручная подпись Алексѣя по гречески, но и собственный переводъ его Новаго Завѣта на славянскій языкъ. Есть извѣстіе и въ житіи Сергія, что Сергій отправился

съ точки зрѣнія грековъ, такое образованіе должно было представляться весьма недостаточнымъ. Какъ бы то ни было, какъ грамота Моисею, такъ и настольная Алексѣю вполнѣ ясно говорили въ пользу свободнаго замѣщенія митрополичьихъ каѳедръ патріархомъ, какъ единственно каноническаго способа, и исключали возможность замѣщенія ея по усмотрѣнію великаго князя или —вообще русскимъ. „Отнюдь не дозволяемъ на будущее время никому изъ тамошнихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ“, что естественно на будущее время исключало и самую мысль о рекомендаціи кандидата.

Осенью 1354 года митрополитъ Алексѣй выѣхалъ изъ Константинополя на Русь въ сопровожденіи патріаршаго экзарха, Георгія Пердики[1]). Вопросъ о миссіи Пердики до сихъ поръ является нѣсколько спорнымъ. Не былъ ли онъ своего рода надзирателемъ за управленіемъ митрополита Алексѣя? Для такого предположенія нѣтъ достаточныхъ основаній въ источникахъ. Если въ настольной грамотѣ патріархъ подчеркиваетъ, что только для Алексѣя дѣлается изъятіе изъ правила назначить на русскую каѳедру не Константинопольскаго клирика, который могъ бы управлять церковью, „довольствуясь самъ собой и не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи“, то при этомъ имѣлось въ виду не назначеніе такого помощника или надзирателя, а другая цѣль, о которой мы уже говорили. Если подобный постоянный надзоръ и былъ установленъ за митр. Алексѣемъ, то во всякомъ случаѣ не въ лицѣ Пердики. Георгій Пердика былъ довѣреннымъ лицомъ, на котораго патріархъ и императоръ и до и послѣ миссіи его въ Москву возлагали различныя, правда, подчасъ очень серьёзныя, но всегда кратко-

---

къ нему для прочтенія полученной имъ грамоты отъ патріарха. Да знаніе этого языка было и необходимо для митрополичьяго намѣстника принимая по вниманіе, что при Ѳеогностѣ не только все дѣлопроизводство митрополіи совершалось по-гречески, но и богослуженіе въ каѳедральномъ храмѣ совершалось на этомъ же языкѣ.

[1]) Воскрес. 6862: „Того же лѣта поставленъ бысть митрополитомъ въ Царигородѣ владыка Алексѣй на всю Рускую землю, и на ту осень выиде изо Царягорода“.

временныя порученія, по исполненіи которыхъ онъ долженъ былъ немедленно возвращаться въ Константинополь. Такъ въ декабрѣ 1348 года онъ, будучи старшимъ секретаремъ патріарха (ὁ ἐπὶ τοῦ σεκρέτου τῆς καθ' ἡμᾶς ἁγιωτάτης μεγάλης ἐκκλησίας), посланъ былъ къ митрополиту Визійскому съ порученіемъ присутствовать при совершеніи имъ литургіи, а въ случаѣ, если митрополитъ откажется ее отслужить, описать церковное имущество, отдать его на храненіе, а митрополита доставить на судъ въ Константинополь. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, чѣмъ вызвано было такое распоряженіе (А. Р. № 128). Въ 1354 году скевофилаксъ Георгій Пердика былъ въ числѣ двухъ замѣчательнѣйшихъ изъ византійскаго клира лицъ, которыя были посланы съ двумя архіереями пригласить патріарха Каллиста вернуться на оставленный имъ престолъ. Пердика же передавалъ синоду отвѣтъ патріарха Каллиста (Кантакузинъ IV. с. 37). Въ 1355 г. мы находимъ его въ Кіевѣ и Новгородѣ тоже въ чинѣ скевофилакса царскаго клира, а въ 1360 году онъ уже былъ въ числѣ экзакатакиловъ, въ чинѣ великаго сакеллія и дикеофилакса. (αἱ οἱ τιμιώτατοι ἐξακατάκηλοι ἐκκληπαστικοί... ὁ σακελλίου καὶ δικεοφύλαξ κῦρ Γεώργιος διάκονος ὁ Περδίκης А. Р I. 394). Въ томъ же чинѣ въ 1361 г. онъ былъ отправленъ для слѣдствія по дѣлу митрополитовъ Романа и Алексѣя.

Какъ экзакатакилъ, онъ обязанъ былъ постоянно жить въ Константинополѣ, и мы сомнѣваемся, чтобы онъ заслужилъ это положеніе путемъ продолжительной службы въ Россіи. И въ 1354 году Пердика получилъ такое же временное и совершенно опредѣленное порученіе, по выполненіи котораго онъ долженъ былъ возвратиться въ Константинополь Порученіе это въ грамотѣ Моисею излагается въ такихъ словахъ: „А такъ какъ отъ нашей мѣрности назначенъ боголюбивѣйшій канстрисій (какое большое повышеніе получилъ Пердика, сдѣлавшись великимъ сакелліемъ) святѣйшей нашей Великой Божіей Церкви и скевофилаксъ священнаго царскаго клира, возлюбленнѣйшій по духу сынъ нашей мѣрности, киръ Георгій Пердика, экзархомъ и уполномоченнымъ нашей мѣрности, съ тѣмъ,—чтобы онъ по

церковнымъ законоположеніямъ совершить посвященіе (на каѳедру[1]) преосвященнаго архіерея Кіевскаго и всея Руси, киръ Алексія, и наша мѣрность посылаетъ его какъ бы судьею" (ὄντινα καὶ ὡς κριτὴν στέργοντ᾽ πέμπει ἡ μετριότης ἡμῶν). Такимъ образомъ, на Пердику было возложено посадить митр. Алексѣя на каѳедру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увидимъ, уладить недоразумѣнія его съ арх. новгородскимъ.

Актъ посажденія долженъ былъ быть совершонъ въ Кіевѣ. Присутствіе при этомъ патріаршаго посла было обычнымъ и впослѣдствіи. теперь же могло вызываться, кромѣ того, предполагаемымъ нахожденіемъ въ Кіевѣ Ѳеодорита. Кто же такой былъ Ѳеодоритъ и чѣмъ объяснить его необыкновенную смѣлость? Мы видѣли уже, что Ѳеодоритъ, будучи простымъ монахомъ, отправился въ Константинополь еще при жизни Ѳеогноста и сталъ хлопотать о назначеніи въ митрополиты Кіевскіе и всея Руси; потерпѣвъ тамъ неудачу, онъ отправился въ Тырновъ и получилъ отъ тамошняго патріарха посвященіе въ митрополиты Кіевскіе и всея Руси. Наконецъ онъ явился въ Кіевъ и, казалось, прочно завладѣлъ имъ, невзирая на патріаршее отлученіе. Что онъ не былъ грекомъ, доказываетъ его обращеніе къ Тырновскому патріарху. То обстоятельство, что въ Константинополѣ не отвѣтили сразу отказомъ, а дали уклон-

---

[1]) Эти-то совершенно ясныя слова и послужили, какъ это ни странно, благодаря неудачному переводу, основаніемъ для м. Макарія признать за Пердикою миссію постояннаго надзора за дѣятельностію Алексѣя. „Согласившись возвести на престолъ митрополи русской св. Алексѣя только въ видѣ исключенія... патріархъ однако жъ далъ ему помощника изъ числа Грековъ... діакона киръ Георгія Пердику, посвятивъ его въ экзарха съ тѣмъ, чтобы онъ, по данному ему праву и церковнымъ законамъ, содержалъ намѣстничество святѣйшаго архіерея кіевскаго и всея Россіи Алексія". Въ греческомъ текстѣ словамъ, напечатаннымъ въ разрядку, соотвѣтствуютъ ποιήσῃ τὴν ἐγκαθίδρυσιν, имѣющія совершенно иной, указанный выше смыслъ. И самъ Макарій принужденъ сознаться, что „впрочемъ, Георгій оставался въ Россіи недолго или непостоянно· въ 1361 году мы снова увидимъ его при патріархѣ". (Макарій IV 37). Какъ же, въ такомъ случаѣ. онъ могъ выполнить свою миссію—быть намѣстникомъ митрополита Алексѣя?

чивый отвѣтъ, не лишавшій его надежды въ будущемъ, заставляетъ предполагать, что за него былъ какой-то сильный ходатай, котораго въ Константинополѣ не считали удобнымъ назвать по имени. Это же доказываетъ, что ходатаемъ за него былъ человѣкъ неправославный, свидѣтельство котораго о кандидатахъ на священство, по каноническому праву, не могло приниматься во вниманіе. Припомнимъ, что въ актахъ относительно митр. Романа ни словомъ не упоминается объ огнепоклонникѣ Ольгердѣ, хотя, внѣ всякаго сомнѣнія, Романъ былъ поставленъ по требованію его. Наконецъ захватъ Ѳеодоритомъ Кіева, при указанныхъ нами условіяхъ, могъ быть совершонъ лишь при наличности сильной внѣшней поддержки. Но кто же оказывалъ Ѳеодориту такую поддержку? Отнюдь не мѣстное православное населеніе и не мѣстные православные князья. Мѣстное православное населеніе тотчасъ же приняло новаго митрополита отъ патріарха константинопольскаго. Если бы Ѳеодорита поддерживалъ какой нибудь православный князь, то, несомнѣнно, и онъ подвергся бы отлученію со стороны константинопольскаго патріарха, вмѣстѣ съ Ѳеодоритомъ. Между тѣмъ въ грамотѣ о Ѳеодоритѣ патріарха Филоѳея къ Моисею Новгородскому нѣтъ даже намековъ на какихъ нибудь сообщниковъ или пособниковъ Ѳеодорита. Это означаетъ не то, что ихъ не было (ихъ не могло не быть) но то, что они не подлежали церковному суду и отлученію, т. е. что они не были православными. Припомнимъ, наконецъ, что въ эпоху поставленія Ѳеодорита главнѣйшій изъ православныхъ князей, Любартъ Волынскій, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ѳеогностомъ.

Все это указываетъ, что покровителемъ Ѳеодорита былъ не кто иной, какъ великій князь Литовскій-Ольгердъ. Только въ интересахъ его и его союзниковъ и было поддерживать Ѳеодорита. Онъ рѣшилъ предупредить Москву и заранѣе запастись особымъ митрополитомъ для государства Литовскаго въ лицѣ Ѳеодорита. Какъ мы видѣли онъ, потерпѣвъ неудачу въ Константинополѣ, обратился къ патріарху Тырновскому и получилъ отъ него поставленіе въ митрополиты

Кіевскіе. Весьма возможно, что Ѳеодоритъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ добросовѣстно, то есть, считалъ себя правильно поставленнымъ митрополитомъ кіевскимъ. Русскіе, особенно литовскіе, и ранѣе этого времени и потомъ плохо различали между сакраментальною и юридическою стороною поставленія и склонны были считать всякое, дѣйствительное только въ сакраментальномъ смыслѣ посвященіе, за посвященіе тѣмъ самымъ и законное. При такомъ взглядѣ требованіе получитъ посвященіе отъ патріарха представлялось требованіемъ получить посвященіе отъ лица обладающаго патріаршимъ саномъ, а не непремѣнно отъ патріарха Константинопольскаго. Такъ смотрѣлъ, повидимому, не одинъ Ѳеодоритъ, но и посвятившій его патріархъ Тырновскій. Нѣтъ ничего страннаго, что и Ольгердъ считалъ Ѳеодорита вполнѣ законнымъ митрополитомъ, и доставилъ ему обладаніе Кіевомъ.

Повидимому, и въ Константинополѣ полагали, что за Ѳеодоритомъ скрывается Ольгердъ, и потому приняли всѣ мѣры къ тому, что-бы дискредитировать въ глазахъ православныхъ не только Ѳеодорита, но и самого Ольгерда. Противъ Ѳеодорита разосланы были отлучительныя грамоты; Ольгердъ объявленъ былъ гонителемъ православія. Только такую цѣль и могла преслѣдовать спѣшная канонизація литовскихъ мучениковъ, казненныхъ Ольгердомъ. Правда, инпціатива, въ данномъ случаѣ, принадлежала не Константинополю, а по всей вѣроятности, Алексѣю; для него прежде всего было важно доказать враждебность Ольгерда православію, и имъ, по всей вѣроятности, и данъ былъ матеріалъ для канонизаціи. Но въ Константинополѣ ухватились за него обѣими руками: если бы тамъ поразсмотрѣли дѣло внимательнѣе, то увидѣли бы, что литвины были казнены Ольгердомъ не столько за исповѣданіе православія, сколько за измѣну литовскимъ національнымъ обычаямъ [1]).

---

[1]) Наши лѣтописи содержатъ нѣкоторыя сообщенія объ этихъ мученикахъ. Прибавленіе къ Ипат лѣт. 6836 относитъ время ихъ мученичества къ этому году, но выражается объ этомъ не вполнѣ опредѣленно „Въ то время, (не того же года) за Олгерда князя въ Литвѣ,

Къ какой эпохѣ—1328 г. или, что вѣроятнѣе, 1347 г. —ни отнести ихъ смерть, во всякомъ случаѣ не самъ Ольгердъ былъ здѣсь главнымъ виновникомъ. Когда Кумецъ—Іоаннъ сознался въ своемъ православіи князю наединѣ, находясь съ нимъ въ банѣ, (необычайная обстановка исповѣданія, вѣроятно, обусловлена тѣмъ, что Кумца выдалъ шейный крестъ, котораго онъ не желалъ снять ни въ какомъ случаѣ) то Ольгердъ не обратилъ никакого вниманія на это и не обнаружилъ никакого гнѣва, хотя ранѣе Кумецъ и подвергался гнѣву князя и заключенію за то, что, какъ христіанинъ, онъ не хотѣлъ ни стричь волосъ по литовски, ни ѣсть за великокняжескимъ скоромнымъ столомъ въ постный день. Только когда онъ исповѣдалъ свое христіанство публично, послѣдовали мученія и смерть. И христіанство Круглеца выдали волосы и борода, какъ у русскихъ. Очевидно, дѣло идетъ о какой-то литовской семьѣ, которая не только приняла православіе, но и совершенно обрусѣла, или, по крайней мѣрѣ, считала для себя обязательными даже такія безразличныя вещи, какъ фасонъ стрижки волосъ и тому подобное, дѣлать по-русски Виновниками ихъ смерти, собственно, былъ не Ольгердъ, а окружавшіе его литвины, видѣвшіе въ этомъ измѣну литовской національности.

пострадали три мученицы. Евстафій, Антоній и Іоаннъ". Съ большею обстоятельностію, говоритъ Воскрес. лѣт, относящая ихъ смерть къ 6855 году.

Воскр. 6855. „Того же лѣта убіенъ бысть отъ Олгирда Круглецъ, нареченный во святомъ крещеніи, Еустаѳій, за правовѣрную вѣру христіанскую; и положенъ бысть у св Николы въ Вилнѣ со сродники своими во гробѣ, великими мученики Антоніемъ и Иваномъ, иже пострадаша за правовѣрную же вѣру христіянскую".

Хронологическое указаніе Воскресенской лѣтописи подтверждается показаніями житія этихъ святыхъ, по которому Нежила—Антоній пострадалъ 14 апрѣля, Кумецъ-Іоаннъ—23 апрѣля и Круглецъ-Евстафій—14 декабря въ пятницу. Такъ какъ 14 декабря приходилось въ пятницу въ 1347 году, то, согласно Воскресенской лѣтописи, дни смерти другихъ двухъ мучениковъ всего вѣроятнѣе отнести къ 14 и 23 апрѣля того же года.

Но напрасно опасались въ Константинополѣ Ѳеодорита: къ лѣту 1354 года онъ уже сошелъ со сцены, и Ольгердъ рѣшилъ исправить свою ошибку, послѣдовавъ примѣру своего сосѣда, великаго князя Московскаго и представивъ своего кандидата въ митрополиты литовскіе въ лицѣ Романа.

По словамъ Никифора Григоры, Романъ былъ не только близкимъ къ Ольгерду человѣкомъ, но даже родственникомъ его жены, дочери сосѣдняго князя[1]). Въ эту пору Ольгердъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на княжнѣ Юліаніи Александровнѣ Тверской. По семейнымъ традиціямъ, она всю жизнь была ярымъ врагомъ Москвы и слѣдовательно, митрополита Алексѣя; то же можно думать и о другихъ тверскихъ князьяхъ, ея родственникахъ. Юліанія имѣла сильное вліяніе и на своего супруга. Тѣ тѣсныя отношенія между Ольгердомъ и Романомъ, о какихъ говоритъ Григора, заставляютъ предполагать, что Романъ былъ родственникомъ именно Юліаніи и, слѣдовательно, видѣть въ немъ тверского княжича или боярина. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и впослѣдствіи Романъ пользовался въ Твери популярностію, особенно среди высшаго класса населенія.

При поддержкѣ Ольгерда чернецъ Романъ лѣтомъ 1354 года попытался захватить Кіевъ, но не былъ принятъ кіевлянами[2]). Романъ могъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ, лишь какъ нареченный великимъ княземъ литовскій митрополитъ. Надо думать, что онъ заѣхалъ въ Кіевъ по пути на посвятку въ Константинополь и потомъ продолжалъ свой путь.

То же слѣдуетъ и изъ настольной грамоты Алек-

---

[1]) Ἔστεργε γάρ αὐτῷ καὶ προσέκειτο λίαν τοῦτο μὲν καὶ ὡς ἐκ γυναικὸς συγγενεῖ τοῦ κηδεστοῦ ῥηγός, ὃς ὁμοροῦντα μὲν τετύχηκεν ἔχων αὐτόν. (Gregoras Hist. XXXV c. 8)

[2]) Супрасл. 6862 Того же лѣта „выде изо орды князь Иванъ Ивановичь и сяде на великомъ княженіи во Володимери марѣта 25. Того же лѣта Олексѣи владыка на митрополію поиде. Того же лѣта приде и со Литвы Романъ чернецъ на митрополію и выпде оне приняша его Кияне *той же зимы и осени* выпде изъ Царягорада Олексѣи митрополитъ на Русь

сѣю 30-го іюня 1354 года. Въ ней еще ни слова нѣтъ о литовской митрополіи и ея границахъ, чего ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть, если бы Романъ уже былъ назначенъ митрополитомъ литовскимъ съ подчиненіемъ ему Турова и Полоцка. Оба эти города, несомнѣнно, не входили въ составъ литовской митрополіи Ѳеофила, а Туровъ еще и послѣ 1347 года входилъ въ число епископій, подчиненныхъ митрополиту всея Руси.

Алексѣй не могъ бы не понимать, какого сильнаго и опаснаго противника посылала ему судьба въ лицѣ Романа, опиравшагося на великаго князя Литовскаго Ольгерда, и однако онъ опасался не Романа, а только Ѳеодорита. Однимъ изъ мотивовъ необходимости перенесенія митрополичьей каѳедры во Владиміръ было выставлено имъ то, что Ѳеодоритъ разбойнически и насильственно владѣетъ Кіевомъ и находится въ немъ „несмотря на то, что еще ранѣе патріархъ послалъ въ Россію грамоты съ предписаніемъ не принимать того Ѳеодорита, какъ низложеннаго божественными канонами и божественнымъ и святымъ соборомъ". Митр. Алексѣй исхлопоталъ еще отправленіе грамоты такого же содержанія Моисею, арх. Новгородскому. Не подозрѣвалъ митр. Алексѣй и о существованіи литовской митрополіи. Будучи въ Константинополѣ, онъ исхлопоталъ канонизацію тремъ литвинамъ, казненнымъ за исповѣданіе вѣры православной. Эти мученики пострадали въ Вильно, и мощи ихъ покоплись въ Виленскомъ храмѣ Св. Николая. Если бы въ это время существовалъ особый митрополитъ литовскій, то хлопоты Алексѣя были бы совершенно неумѣстны: хлопотать о канонизаціи мѣстныхъ святыхъ было дѣломъ мѣстнаго митрополита. Очевидно, что въ это время и въ глазахъ митр. Алексѣя и въ глазахъ патріарха Литва входила въ составъ митрополіи Кіевской и всея Руси.

Обыкновенно полагаютъ на основаніи Григоры и Никоновской лѣтописи, что уже въ это путешествіе Романъ и Алексѣй встрѣтились въ Константинополѣ. Но Григора, какъ увидимъ, неточно различаетъ собы-

тія перваго и второго пріѣзда Алексѣя въ Константинополь. Никоновская же лѣтопись ошибается въ годѣ [1]).

По свидѣтельству же другихъ источниковъ получается, что Алексѣй въ 1354 году уѣхалъ изъ Константинополя до прибытія туда Романа и направился не въ Москву, а именно на Русь. Такъ представляетъ дѣло грамота 1361 г. о предѣлахъ Кіевской и Литовской митрополіи. Тамъ мы читаемъ: „Спустя немного времени послѣ того, какъ онъ (Алексѣй) былъ возведенъ и поставленъ въ совершеннаго митрополита кіевскаго и всея Руси и съ честію посланъ отсюда, приходитъ.. киръ Романъ. (РИБ. VI. прил. стр. 72) [2]). Алексѣй (какъ подчеркивалъ патріархъ въ 1370 году) былъ посвященъ въ митрополита всея Руси. „Святыня твоя хорошо знаетъ, что когда тебя хиротонисали, то хиротонисали въ митрополита Кіевскаго и всея Руси, не одной какой-нибудь части, но всея Руси.“ Поэтому поставленіе Романа слѣдуетъ отнести ко времени не ранѣе осени 1354 года, когда Алексѣй уже отбылъ изъ Константинополя въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ Алексѣй былъ принятъ православными, перезимовалъ, а послѣ Пасхи, приходившейся въ 1355 г. на 5 апрѣля, отправился на обозрѣніе епархій Малой Руси. Полагаемъ такъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

---

[1]) Никон. 6862: „Того же лѣта мятежь въ святительствѣ сотворися, чего не бывало преже сего въ Руси въ Царѣградѣ отъ патріарха поставлени быша два митрополита на всю Русскую землю: Алексѣй да Романъ, и бысть межи ихъ нелюбіе веліе... Того же лѣта пріиде пресвященный и блаженный Алексѣй митрополитъ изо Царяграда на Москву, такоже и Романъ митрополитъ поиде изо Царяграда на Русь“.

Изъ послѣдней фразы ясно, что это извѣстіе должно быть отнесено не къ первой поѣздкѣ митрополита Алексѣя въ Константинополь въ 1354 году, а ко второму его путешествію въ 1356 году. Только тогда, какъ увидимъ, были поставлены два митрополита на всю Русь, и только тогда они разъѣхались изъ Константинополя — одинъ въ Москву а другой на Русь—въ Кіевъ.

[2]) τοῦτον οὖν τὸν τρόπον τοῦτον ἀναχθέντος καὶ ἀποκαταστάντος εἰς τέλειον μητροπολίτην Κυέβου καὶ πάσης Ῥωσίας καὶ ἐκπεμφθέντος καλῶς, καταλαμβάνει μετὰ μικρὸν καὶ ὁ κῦρ Ῥωμανός (Р. И. Б. VI стр 71).

Митрополиту Алексѣю, пріѣхавшему въ Кіевъ осенью 1354 года, необходимо было утвердиться на своемъ престолѣ и привести въ порядокъ дѣла своей митрополіи. Обозрѣвать же епархію позднею осенью или зимою тоже не представляло удобствъ. Но кромѣ этихъ общихъ соображеній, мы имѣемъ извѣстіе, заставляющее предполагать, что 14 апрѣля 1355 г. митр. Алексѣй былъ именно въ Кіевѣ. Мы читаемъ подъ 6863/1355 (Прпб. къ Ипат. лѣт. ПСЛ. II. 350). „Сей (митрополитъ Алексѣй) за благословеніемъ патріарха, устави святити день святыхъ мучениковъ Литовскихъ, апрѣля 14". Естественнѣе всего предположить, что такое установленіе торжественнаго празднованія дня памяти мучениковъ произошло въ храмѣ Св. Софіи именно въ день памяти мучениковъ, и что слѣдовательно, митр. Алексѣй въ это время былъ еще въ Кіевѣ.

Канонизація Литовцевъ была гяжкою обидою Ольгерду, такъ какъ эти литвины были казнены по его приказанію и, такимъ образомъ, въ глазахъ его многочисленныхъ православныхъ подданныхъ онъ выставлялся не только врагомъ, но и гонителемъ православія. Обида должна была почувствоваться Ольгердомъ тѣмъ тяжелѣе, что онъ могъ по совѣсти сказать, что никогда не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Но Ольгердъ молчалъ, пока въ Константинополѣ не поставили митр. Романа. Къ лѣту 1355 года Романъ добился этого. Чему приписать его успѣхъ—объ этомъ трудно говорить съ увѣренностію.

Въ Константинополѣ въ эту пору произошелъ новый переворотъ на престолѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Іоаннъ Палеологъ, путемъ смѣлаго нападенія, завладѣлъ Константинополемъ и свергъ Іоанна Кантакузина. Патріархъ Филоѳей бѣжалъ, а черезъ два мѣсяца въ Константинополь вернулся (стало быть, къ началу марта 1355 г.) и патріархъ Каллистъ. Онъ готовъ былъ лишить сана всѣхъ ставленниковъ своего „прелюбодѣя"—предшественника по каѳедрѣ, и только несогласіе императора удержало его отъ этого. Въ числѣ ихъ былъ и митр. Алексѣй.

Если поэтому еще въ апрѣлѣ 1355 года до Кіева не дошло вѣсти о поставленіи Романа, и митр. Алексѣй всѣми безспорно признавался за единаго митрополита всея Руси. то едва ли Романъ получилъ поставленіе отъ Филоѳея; въ немъ слѣдуетъ видѣть ставленика Каллиста уже по его возвращеніи. Примѣненіе Андроникова закона, естественно. не встрѣтило возраженій со стороны Каллиста, и на этотъ разъ Романъ поставленъ былъ очень скоро и, повидимому. безъ собиранія свѣдѣній о немъ отъ епископовъ, которыхъ въ Литвѣ и не было. Да и неудобно было отказать Роману и Ольгерду. Если вѣрить Григорѣ, то Романъ произвелъ въ Константинополѣ прекрасное. не въ примѣръ Алексѣю, впечатлѣніе своими манерами и воспитаніемъ. Особенно же произвело впечатлѣніе на Григору обѣщаніе Романа обратить въ православіе могущественнѣйшаго изъ русскихъ князей— Ольгерда. (Gregora Hist. XXXVI c 8). Но на основаніи официальныхъ грамотъ патріархіи можно думать. что на нее повліяли не столько эти обѣщанія. сколько угрозы Ольгерда по адресу православныхъ, въ случаѣ невыполненія его требованій. [1])

Въ позднѣйшей грамотѣ п. Филоѳея [2]) мы читаемъ. что соборъ поставилъ Романа, „опасаясь, чтобы случилось что-нибудь неожиданное, могущее подвергнуть тотъ многолюдный народъ душевной опасности и совершенно отторгнути его отъ священнаго тѣла церкви“ [3]). „Такъ какъ владѣтельный князь Литовской земли, дурно расположенный къ преосвя-

---

[1]) Какъ Ольгердъ, такъ и Кейстутъ прибѣгали къ обѣщаніямъ креститься, когда это было выгодно для нихъ, но не исполняли этихъ обѣщаній. Такъ они поступили съ Орденомъ и западнымъ императоромъ Algarpus et Kynstodus.. ipsis etiam fecerunt impetrare ab imperatore Karolo.. quatenus pacem ordini et eorum partibus precipeiet. ipsi vellent baptizari. Tunc legavit imperator archiepiscopum de Praga Arnestum et ducem illum... de Sweydnicz, qui dum ad eos venissent et eos alloquebantur ex parte baptismi et fidei christianae, tunc subriserunt.. et ex hoc ludum fecerunt. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia T VI r. 997).

[2]) А. Р. І. 526—527, Р. И. Б VI прил 15.

[3]) Р. И. Б. VI прил. 94.

щенному митрополиту Кіевскому и всея Руси, кпръ Алексѣю, готовъ былъ потерпѣть и сдѣлать все, только бы не имѣть его митрополитомъ и не видѣть свою власть и страну въ духовномъ ему подчиненіи, и хотѣлъ, чтобы она была самостоятельна и возведена въ митрополію, управляемую своимъ собственнымъ митрополитомъ, о чемъ просилъ священный и великій соборъ: то этотъ (соборъ), опасаясь, чтобы не случилось что нибудь неожиданное, могущее подвергнуть тотъ многолюдный народъ душевной опасности и совершенно оторгнуть его отъ священнаго тѣла церкви, поставилъ посланнаго оттуда и признаннаго достоійнымъ въ митрополита той страны, согласно съ желаніемъ ея народа, съ мѣстными нуждами и видами упомянутаго князя." Очевидно, синодъ опасался или обращенія Ольгердомъ православныхъ въ католицизмъ, или поставленія Романа отъ Тырновскаго патріарха. Вѣроятно и то и другое. Угроза католицизмомъ неоднократно употреблялась и потомъ и почти всегда сопровождалась хорошими результатами для прибѣгавшихъ къ ней; что же касается до Тырновскаго патріарха, то уже предшественникъ Романа, Ѳеодоритъ, былъ живымъ примѣромъ, что такое поставленіе возможно.

Патріархіи пришлось два раза подъ рядъ согласиться на примѣненіе закона Андроника; но при всемъ томъ слѣдуетъ признать, что побѣда была на ея сторонѣ. Поставленіемъ Алексѣя успѣли удержать за Константинополемъ Москву и заставить Ольгерда снова обратиться къ патріархіи. Поставленіемъ же Романа была уничтожена схизма Западной Руси, существовавшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Удалось оторвать русскихъ отъ того славянскаго союза, какой образовывался противъ грековъ и патріархіи.

Въ то же самое время патріархія сумѣла прилично обставить и самое поставленіе Романа. Грамота 1361 года говоритъ объ этомъ такъ: „По кончинѣ митрополита Ѳеогноста приходилъ сюда Алексѣй и поставленъ въ настоящаго митрополита Кіевскаго и всея Руси. Спустя немного времени приходитъ Романъ и тоже рукополагается въ митрополита Литовскаго". Дѣло представляется такимъ, точно рѣчь шла

не о выдѣленіи Литовской митрополіи изъ митрополіи всея Руси, а о назначеніи двухъ митрополитовъ на двѣ совершенно самостоятельныя вакантныя каѳедры.

Съ формальной точки зрѣнія дѣло и обстояло именно такъ. Митрополія Литовская была отдѣлена отъ митрополіи всея Руси еще при митрополитѣ Петрѣ и существовала, по крайней мѣрѣ, до 1329 года. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы она была потомъ уничтожена: о ней просто позабыли и не замѣщали ея, можетъ быть и за отсутствіемъ желающихъ. Объ этой-то забытой митрополіи и вспомнили въ Константинополѣ, когда туда явился Романъ, и воспользовались ею, чтобы удовлетворить требованіямъ Ольгерда, сохраняя съ формальной, по крайней мѣрѣ, стороны неприкосновенными пріобрѣтенныя права митрополита Кіевскаго и всея Руси Алексѣя.

Но въ дѣйствительности дѣйствія Константинопольскаго правительства были далеко не безобидны для Алексѣя. Уже и теперь Романъ получилъ гораздо больше, чѣмъ могъ имѣть его предшественникъ, современникъ Петра, Ѳеофилъ. Литовская митрополія Романа, кромѣ Новогородка, заключала еще Туровъ, который грамотою 1347 года причислялся къ городамъ Малой Россіи, и Полоцкъ, который въ эпоху митр. Петра входилъ въ составъ Великой Руси. Романъ принялъ назначенные ему города, но, какъ оказалось, былъ недоволенъ отведеннымъ ему предѣломъ. Очевидно, онъ просилъ о гораздо большемъ. По словамъ патріаршей грамоты, „Романъ, возвратясь въ данную ему епархію, изъявляетъ притязанія на большее, причиняетъ черезъ это разныя безпокойства преосвященному митрополиту Кіевскому и всея Руси киръ Алексѣю и нарушаетъ принадлежащія ему права. Отсюда возникаютъ между ними столкновенія (καὶ σκανδάλων ματαξὺ αὐτῶν μεσολαβησόντων), вслѣдствіе которыхъ онъ опять приходитъ сюда, требуя, чего хотѣлъ, и домогаясь получить то, изъ-за чего и произошло между ними столкновеніе“ (ζητῶν ἅπερ ἐβούλετο καὶ ἐπείρατο κατέχειν δ’ἃ συνέβη καὶ τὸ μεταξὺ αὐτῶν σκάνδαλον).

Въ чемъ заключались эти соблазны и недоразумѣнія между митрополитами, грамота 1361 года не говоритъ по дипломатическимъ соображеніямъ. Грамота же 1380 года, писанная уже по смерти Ольгерда, содержитъ на этотъ счетъ весьма любопытныя подробности: „(Ольгердъ) взымавъ его (м. Алексѣя) обманомъ, когда онъ обозрѣвалъ Малую Русь и подчиненныхъ его власти тамошнихъ христіанъ, заключилъ его подъ стражу, отнялъ у него многоцѣнную утварь, полонилъ его спутниковъ, можетъ быть, и убилъ бы его, если бы онъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ не ушелъ тайно и такимъ образомъ не избѣжалъ опасности. Ольгердъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы рукоположенъ былъ (въ митрополиты) Романъ, о которомъ успленно ходатайствуетъ здѣсь подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы его народъ не желаетъ имѣть кира Алексія" (РИБ. VI. 168). Несомнѣнно, обѣ грамоты говорятъ объ одномъ и томъ же событіи; послѣ своего второго путешествія въ Константинополь м. Алексѣй не бывалъ болѣе въ Малой Россіи. Указаніе на 1355 годъ, какъ на время этой поѣздки Алексѣя въ Малую Русь, находится и въ грамотѣ Филоѳея 1374 года, приглашающей Алексѣя посѣтить тѣ мѣста, въ которыхъ онъ не бывалъ девятнадцать лѣтъ. Арестъ м. Алексѣя уже потому нельзя относить къ 1358 году, что Малая Русь, о которой идетъ здѣсь рѣчь, въ 1358 году, несомнѣнно, принадлежала уже Роману и потому никакому обзору со стороны Алексѣя подвергаться не могла, да, какъ говоритъ грамота, и не подвергалась.

Изъ сопоставленія показаній этихъ двухъ грамотъ и выясняется причина недоразумѣній между Алексѣемъ и Романомъ. Ольгердъ требовалъ поставленія Романа митрополитомъ для Литвы. Въ Константинополѣ старались придать этому термину наиболѣе тѣсный смыслъ (этнографическій), назначивъ Романа митрополитомъ литовцевъ (не Литвы). Но какъ Ольгердъ, такъ и самъ Романъ, понимали терминъ Литва въ болѣе широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ литовцами все населеніе подчиненныхъ Литвѣ земель. Желая поскорѣе получить поставленіе, Романъ въ первую поѣздку въ Констан-

тинополь не особенно спорилъ о границахъ своей митрополіи. Но когда онъ прибылъ въ Литву въ санѣ митрополита, то положеніе дѣлъ измѣнилось: на литовской радѣ, подъ давленіемъ Ольгерда, онъ былъ признанъ митрополитомъ всего княжества Литовскаго съ Кіевомъ включительно. Митрополитъ Алексѣй арестованъ, какъ впослѣдствіи арестованъ былъ Діонисій, за то, что онъ сдѣлался митрополитомъ кіевскимъ противъ воли мѣстной власти, у него была отобрана утварь церковная для того, чтобы передать ее законному митрополиту, а въ Константинополь отправленъ былъ Романъ съ заявленіемъ Ольгерда, что „подчиненный ему народъ (стало быть не одни только литвины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) не желаетъ имѣть митрополитомъ Алексѣя". (μὴ καταδέχεσθαι ἐν τῷ ὑπ' αὐτὸν ἔθνει τὸν κῦρ 'Αλέξιον ἔχειν μητροπολίτην). Это заявленіе уже заключало въ себѣ требованіе признать Романа за митрополита Кіевскаго. Ольгердъ смотрѣлъ на Романа, какъ на преемника Θеодорита.

Пока митр. Алексѣй такъ неудачно обозрѣвалъ Малую Русь Пердика отправился въ Новгородъ съ весьма деликатнымъ порученіемъ: ему нужно было передать очень важную грамоту патріарха арх. Моисею и привести послѣдняго въ покорность новому митрополиту.

Мы видѣли уже, что новгородцы отправили посольство въ Константинополь похлопотать объ огражденіи тѣхъ привилегій, какія они связывали съ крестчатыми ризами своего архіепископа. И казалось бы, что въ Константинополѣ имъ очень повезло. Не позже августа 1355 года (а по всей вѣроятности, и гораздо раньше) посольство вернулось въ Новгородъ къ владыкѣ Моисею и „привезоша ему ризы крестьчатыи, грамоту съ великимъ пожалованіемъ отъ царя и патріарха и златою печатью". Императорскій хризовуллъ, полученный новгородцами, говоритъ очень многое. Его не требовалось бы для пожалованія крестчатыхъ ризъ, которыя, равно какъ и возведеніе въ титулярную архіепископію, какъ видно это и изъ дѣла Діонисія Суздальскаго, давались исключительно грамотою патріарха. Еще менѣе содержаніемъ хризовулла могли

служить тѣ указанія на мелкіе вопросы церковной практики, о которыхъ говоритъ по этому поводу Никоновская лѣтопись.[1]). Такія разъясненія дѣйствующаго закона давались митрополитомъ и самое большее—патріархомъ. Никоновская лѣтопись несомнѣнно старается представить дѣло менѣе серьёзнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Ибо въ формѣ императорскаго хризовулла епископамъ давалось только возведеніе ихъ въ *самостоятельные* архіепископы.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если новгородцы получили такую милость. Въ періоды вдовства каѳедръ такія прошенія исполнялись императоромъ довольно легко, такъ какъ подобные хризовуллы не считались окончательными. Для полной своей дѣйствительности хризовуллъ долженъ былъ быть облеченъ и въ форму синодальнаго постановленія. Если патріархъ считалъ такое повышеніе каѳедры неосновательнымъ, то могъ представить императору объ отмѣнѣ хризовулла, который, въ случаѣ, если бы императоръ согласился съ доводами патріарха, считался за никогда невзданный. Но и принятый синодомъ хризовуллъ могъ быть обжалованъ со стороны новаго митрополита по замѣщеніи той каѳедры, интересы которой были нарушены даннымъ хризовулломъ и синодальнымъ дѣяніемъ.

Новгородцы, получивъ просимое въ Константинополѣ, съ торжествомъ вернулись назадъ; но новому митр. Алексѣю не трудно было доказать неосновательность и неумѣстность претензій новгородцевъ. По всей вѣроятности, Алексѣй указалъ, что самостоятельность новгородскаго архіепископа приведетъ къ торжеству литовской партіи и подчиненію его Ѳеодориту. Въ Константинополѣ рѣшили отмѣнить хризовуллъ.

---

[1]) Никон. 6863. Того же лѣта пріиде посолъ владыки Новогородцкаго изо Царяграда отъ пресвященнаго Ѳилоѳѣя патріарха и отъ сына его Греческаго царя Ивана Катокузина, и принесе грамоты съ златыми печатми о проторехъ на поставленіяхъ, и о церковныхъ пошлинахъ святительскыхъ, и иныа различныа указаніа; принесе же и ризы крестьчяты владыцѣ Моисѣю Новогородцкому и благословеніе всему Новугороду.

Нужно было уничтожить дѣйствіе его и въ Новгородѣ, для чего и были изготовлены двѣ грамоты на имя Моисея Новгородскаго, изданныя одновременно въ іюлѣ мѣсяцѣ 1354 года, слѣдовательно, тотчасъ же за изданіемъ настольной грамоты митрополиту Алексѣю.

Содержаніе первой изъ нихъ сводится къ изложенію исторіи лжемитрополита Θеодорита, цѣль же ея вся выражается въ заключительной фразѣ: „Смотри, не принимай того Θеодорита, чтобы тебѣ не подпасть подъ осужденіе, въ какомъ находится Θеодоритъ“. (Р. И. Б. VI. № 11). Но наибольшій интересъ представляетъ вторая грамота объ обязанности арх. Моисея во всемъ повиноваться митр. Алексѣю. Грамоты предполагалось просто отправить въ Новгородъ. Но митрополитъ Алексѣй настоялъ на томъ, чтобы онѣ были пересланы черезъ патріаршаго экзарха Пердику. Онъ опасался, что новгородцы, обладавшіе грамотами иного содержанія, не признаютъ эту грамоту за подлинную. И вотъ послѣ того, какъ грамота 2 іюля была уже совершенно изготовлена и выпущена, на ней была сдѣлана слѣдующая приписка, стоящая послѣ заключительныхъ словъ, передъ самою подписью патріарха:

„А такъ какъ отъ нашей мѣрности назначенъ киръ Георгій Пердика, экзархомъ и уполномоченнымъ нашей мѣрности... и наша мѣрность и посылаетъ его какъ бы судьею: то объявляемъ о семъ твоему боголюбію—на тотъ конецъ, дабы ты принялъ его съ подобающею честію и любовію; ибо честь, ему оказываемая, восходитъ и относится къ нашей мѣрности, и все, что ты сдѣлаешь въ этомъ отношеніи, послужитъ къ величайшему удовольствію нашей мѣрности“.

Патріархъ въ грамотѣ посланной съ Пердикою, упоминаетъ лишь объ одной изъ предшествовавшихъ грамотъ по этому дѣлу, а именно о грамотѣ своей на крестчатыя ризы Моисею. Грамота постоянно повторяетъ, что крестчатыя ризы даны Моисею, лишь какъ почетное отличіе, и отнюдь не должны служить ни знакомъ его независимости отъ митрополита всея Руси, ни къ измѣненію традиціонныхъ отношеній между нимп.

„Поелику киръ Ѳеогность, по духовной любви и расположенію, какое онъ имѣлъ къ бывшему епископу (новгородскому), дозволилъ оному носить на фелонп *четыре* креста, а по твоему желанію и прошенію мы сдѣлали для тебя то же самое: то ты долженъ быть благодаренъ за это и не находить въ томъ никакого повода къ надмѣнію, но воздавать твоему преосвященному митрополиту должную покорность; а если онъ будетъ усматривать съ твоей стороны должное уваженіе, доброе и прямое благорасположеніе къ себѣ, то и самъ станетъ оказывать отеческое и любвеобильное вниманіе къ твоему боголюбію."

Патріархъ старается представить дѣло такъ, что новая грамота является лишь повтореніемъ и толкованіемъ прежней:

„Тебѣ извѣстно, что и прежняя грамота нашей мѣрности вызвана особеннымъ къ тебѣ расположеніемъ и дана съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты нисколько этимъ не надмевался и не находилъ тутъ никакого повода къ тому, чтобы дѣлать что-либо къ оскорбленію своего митрополита, но, пользуясь неотъемлемо такимъ отличіемъ, оказывалъ митрополиту должное повиновеніе и покорность, какъ повелѣваютъ божественные и священные каноны и какъ поступали прежніе епископы по отношенію къ прежнимъ своимъ митрополитамъ".

Но есть полное основаніе думать, что въ дѣйствительности дѣло обстояло далеко не такъ. Патріархъ, несомнѣнно, умалчиваетъ о императорскомъ хризовуллѣ, о которомъ мы знаемъ изъ новгородскихъ источниковъ. Повидимому онъ умалчиваетъ и о выданной, на основаніи этого хризовулла, синодальной грамотѣ. Патріархъ не только воспрещаетъ Моисею пользоваться правами, принадлежащими только митрополитамъ и самостоятельнымъ архіепископамъ, но и освобождаетъ его отъ обязанностей, возлагавшихся на нихъ въ силу подчиненія ихъ непосредственно патріарху. Онъ пишетъ:

„Въ случаѣ, когда представится настоятельная нужда писать и доносить о чемъ-либо нашей мѣрности, (ты) предварительно доводилъ (бы) о томъ

до свѣдѣнія своего митрополита, и только съ его вѣдома и согласія писалъ и доносилъ намъ по тому дѣлу".

Для пониманія этого мѣста слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что простые епископы и титулярные только архіепископы не обладали правомъ писать патріарху. Оно принадлежало лишь митрополиту и архіепископу, непосредственно подчиненному патріарху [1]). И обязанность доносить патріарху тоже лежала только на непосредственныхъ подчиненныхъ патріарха и вытекала изъ обязанности являться по первому его требованію на соборъ въ Константинополь или, если невозможно сдѣлать это лично, присылать съ довѣренными лицами особыя грамоты съ донесеніями о положеніи дѣлъ [2]). Обязанность эта считавшаяся очень тяжелой, возлагалась на нихъ не императорскими хризовуллами, а настольною патріаршею грамотою. Обыкновенные епископы и титулярные архіепископы, какими были прежде новгородскіе владыки, и ранѣе были обязаны не къ явкѣ или донесенію патріарху, а къ тому, о чемъ пишетъ теперь патріархъ Моисею.

„Во всякомъ... дѣлѣ, позоветъ ли тебя митрополитъ къ себѣ, или въ иномъ случаѣ, ты долженъ состоять подъ его властію и вѣдѣніемъ... безпрекословно и покорно подчиняйся суду и разслѣдованію митрополита. Если ты не будешь оказывать своему митрополиту должнаго повиновенія... то знай, что онъ уполномоченъ отъ нашей мѣрности совершать относительно тебя, по своему усмотрѣнію, все, на что даютъ

---

1) Какъ это видно изъ правилъ объ офиціальной перепискѣ патр. Нила. Содержа всевозможныя шаблоны для посланій, въ томъ числѣ и посланій митрополитовъ къ патріарху и патріарха къ епископамъ, они не содержатъ формъ для писемъ епископовъ къ патріарху. Возможность ихъ, очевидно, не предполагается.

2) „Обязанъ избрать и послать сюда изъ своихъ клириковъ, кого найдетъ пригоднымъ, съ собственною, вполнѣ удостовѣренною грамотою, донося въ ней о всѣхъ настоятельно нужныхъ вопросахъ, которые такимъ образомъ могли бы, по благодати Божіей, получить здѣсь (въ Константинополѣ) надлежащее и правильное рѣшеніе". (Р. И. Б. VI. 50).

ему право каноны, и наша мѣрность будетъ вполнѣ признавать всѣ таковыя дѣйствія митрополита".

Если бы Моисей передъ этимъ не получилъ грамоты на самостоятельное архіепископство, то было бы непонятно, зачѣмъ понадобилось патріарху лишать его такихъ правъ, какихъ онъ и безъ того не имѣлъ? Всѣ эти отмѣны и наставленія имѣли смыслъ въ томъ только случаѣ, если независимость Новгородской каѳедры была передъ этимъ признана не только императоромъ, но и патріархомъ, и только протесты Алексѣя послѣ его поставленія привели къ кассаціи этого признанія. По весьма понятнымъ политическимъ соображеніямъ патріархъ придалъ этой отмѣнѣ императорскаго хрисовулла и синодальной грамоты видъ яко бы толкованія своей прежней грамоты; но существо дѣла отъ этого не мѣнялось.

Сводя вкратцѣ все сказанное нами о спорѣ Моисея съ митрополитомъ, мы получаемъ слѣдующее: когда послѣ вторичнаго призыва Моисея на каѳедру митрополитъ Ѳеогностъ потребовалъ, чтобы онъ явился къ нему за благословеніемъ, то въ Новгородѣ это было принято за актъ насилія со стороны митрополита. Еще при жизни Ѳеогноста новгородцы отправили посольство въ Константинополь. Тамъ они добивались независимости отъ митрополита, ссылаясь на полученныя ихъ владыкою крестчатыя ризы, какъ на доказательство въ пользу того, что митрополитъ Ѳеогностъ не имѣетъ ничего противъ признанія такой самостоятельности. Въ особенности они жаловались на митрополичій судъ и органъ этого суда, намѣстника Алексѣя. Пользуясь довольно продолжительною вакантностію митрополичьей каѳедры, они добились было признанія ихъ претензій. Но когда былъ назначенъ м. Алексѣй, то онъ легко доказалъ, что претензіи новгородцевъ неосновательны, и патріархъ, оставивъ за новгородскимъ архіепископомъ крестчатыя ризы, отмѣнилъ привилегіи самостоятельнаго архіепископа. Форма, въ какой это было сдѣлано, объясняетъ и необходимость присутствія въ Новгородѣ Пердики. Послѣдній долженъ былъ объяснить Моисею, что если въ своей грамотѣ

патріархъ умалчиваетъ объ императорскомъ хрисовуллѣ и синодальной грамотѣ, то дѣлаетъ это только изъ расположенія къ Моисею. Что Моисей неправильнымъ изложеніемъ дѣла ввелъ въ заблужденіе царя и патріарха и потому, строго говоря, заслуживаетъ за это взысканія. Что если патріархъ даже не упоминаетъ о его винѣ, то въ этомъ онъ долженъ видѣть особую милость и расположеніе къ себѣ, и потому поблагодарить патріарха, какъ слѣдуетъ.

Этою-то двойною частію фискальною, частію политическою миссіею и былъ занятъ Пердика въ Новгородѣ, когда Алексѣй былъ захваченъ въ Литвѣ. Политическая миссія была выполнена Пердикою вполнѣ удачно. Арх. Моисей призналъ митрополита Алексѣя и благословился у него, а новгородцамъ не оставалось ничего болѣе, какъ помириться съ великимъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, въ розмирьѣ съ которымъ они были съ самаго пріобрѣтенія имъ великаго княженія. Такъ какъ это розміріе продолжалось полтора года, то считая отъ 25 марта 1355 года, мы получимъ, что этотъ полутора-годовой срокъ падаетъ на сентябрь, когда слѣдовательно и новгородцы прекратили свое розмирье, и Моисей Новгородскій получилъ благословеніе отъ митр. Алексѣя; вѣроятно, это произошло въ одно и то же время. Въ такомъ случаѣ мы должны признать, что къ этому времени Алексѣй успѣлъ уже убѣжать изъ литовскаго плѣна и еще не тронулся въ Константинополь, а былъ въ Москвѣ.

Тутъ же, вѣроятно, онъ встрѣтился и съ Пердикою; хотя документальныя данныя на этотъ счетъ и отсутствуютъ, но мы полагаемъ такъ потому, что Пердика, въ сущности возвратившій Москвѣ непокорный Новгородъ, едва ли оставался тамъ въ то время, когда Моисей Новгородскій отправился въ Москву. Въ Москвѣ „дорогой“ новгородскій гость Пердика несомнѣнно имѣлъ большее право на „любовь“, чѣмъ въ Новгородѣ. Конечно, онъ оказался бы плохимъ скевофилаксомъ царскаго клира (т. е. однимъ изъ органовъ финансовой византійской администраціи), если бы не использовалъ такія выгодныя для него условія въ интересахъ византійской казны.

Послѣ этой поѣздки въ Москву Пердикѣ нечего было дѣлать больше въ Россіи, и онъ, надо думать, возвратился въ Константинополь. Судя по тому, какъ онъ быстро пошелъ въ гору по службѣ при патріаршемъ дворѣ, послѣ поѣздки въ Россію, слѣдуетъ думать, что въ Константинополѣ были очень довольны ея результатами. По всей вѣроятности, Пердика оставилъ Россію вмѣстѣ съ митр. Алексѣемъ, который осенью 1356 года былъ вызванъ на судъ въ Константинополъ. Здѣсь въ первый разъ встрѣтились митрополиты враги.

XII.

Судъ по дѣлу мм. Романа и Алексѣя, происходившій при Іоаннѣ Палеологѣ и патр. Каллистѣ I, извѣстенъ намъ по двумъ источникамъ: по синодальной грамотѣ о немъ и по разсказу Григоры; но именно Григора, который, какъ увидимъ, намѣренно запутываетъ изложеніе, и служитъ источникомъ наибольшихъ недоразумѣній. По синодальной грамотѣ 1361 года Романъ нарушаетъ права м. Алексѣя; изъ этого возникаютъ между ними недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ Романъ снова появляется въ Константинополѣ, „требуя, чего хотѣлъ, и домогаясь получить то, изъза чего произошло между ними столкновеніе“. По тону грамоты видно, что Романъ хотѣлъ гораздо больше того, что потомъ получилъ. По жалобѣ Романа послѣдовалъ вызовъ митр. Алексѣя. „Позванъ былъ и митрополитъ Кіевскій и всея Руси, киръ Алексій“ (какъ мы видѣли, Алексѣй въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ еще въ Москвѣ) „по прибытіи коего въ Константинополь собрались всѣ тогда находившіеся преосвященные архіереи, и составился священный соборъ, подъ предсѣдательствомъ высочайшаго и святаго... самодержца“ [1]). На этомъ синодѣ было рѣшено, „что преосвященнный митрополитъ Алексій есть и остается, какъ былъ рукоположенъ сначала, кіевскимъ и всей Руси, по искони установившемуся обычаю; о преосвященномъ же... Романѣ, какъ рукоположенномъ въ Литву, высочайшій и святой мой

---

[1]) Тотъ соборъ, о которомъ говоритъ законъ Андроника.

самодержецъ, по снисхожденію и ради спокойствія и мира тамошней земли, опредѣлилъ, чтобы онъ, вмѣстѣ съ двумя литовскими епископіями Полоцкою и Туровскою, съ присоединеніемъ Новгородка, митрополичьей каѳедры, имѣлъ еще епископію Малой Руси". Синодъ принялъ и утвердилъ это рѣшеніе. Итакъ, Алексѣй явился на соборъ обвиняемымъ и Романъ оспаривалъ у соперника не только власть надъ Малою Русью, но и надъ Кіевомъ, и даже самый титулъ митрополита всея Руси.

Въ виду краткости и отчасти неясности показаній грамоты, мы не можемъ обойтись безъ разбора разсказа о томъ же Григоры, излагающаго дѣло совершенно въ иномъ духѣ и съ любопытными подробностями. По словамъ Григоры (Hist. Byzant. 36 c. 8) тотчасъ же послѣ смерти митр. Ѳеогноста, оба наиболѣе могущественные изъ государей, территоріи которыхъ входили въ составъ Русской митрополіи, т. е.—Литовскій и Московскій, одновременно выступили въ Константинополѣ со своими кандидатами на каѳедру митрополита всея Руси. По описанію Григоры кандидатъ Ольгерда, его свойственникъ Романъ, былъ 55 лѣтъ отъ роду, человѣкъ въ высшей степени представительный и достойный; кандидатъ же Москвы, Алексѣй, былъ человѣкъ совершенно негодный, низкій, хитрый и лишенный образованія (ἀνὴρ μοχθηρὸς καὶ πανοῦργος, καὶ ἔμπλεκτος, πάσης τε ἀλλότριος εὐλαβοῦς καταστάσεως), противъ котораго самими русскими были поданы обвиненія въ преступленіяхъ, грозившихъ ему изверженіемъ. (καὶ ἅμα πολλοῖς ἐγκλήμασι καθαιρέσεως ἔνοχος ὤν, ὡς τὰ τῶν ἐγχωρίων).

Григора самъ въ значительной мѣрѣ подрываетъ довѣріе къ такой характеристикѣ замалчивая тотъ фактъ, что восхваляемый имъ митр. Ѳеогностъ тоже рекомендовалъ этого, якобы негоднаго, кандидата. Отзывъ Григоры объясняется тѣмъ, что по его мнѣнію митр. Алексѣй помѣшалъ Ольгерду принять крещеніе. По словамъ Григоры Ольгердъ очень любилъ Романа, съ охотою слушалъ его наставленія въ христіанской вѣрѣ и вообще былъ близокъ къ христіанству. Отправляя Романа въ Константинополь по смерти Ѳеогноста,

Ольгердъ якобы обѣщалъ принять православіе, если его кандидатъ будетъ сдѣланъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Романъ прибылъ въ Константинополь ранѣе Алексѣя и сначала имѣлъ полнѣйшій успѣхъ у византійскаго правительства. Но тотчасъ же послѣ его поставленія (εὐθὺς γὰρ χειροτονηθέντος ἐνταῦθα τοῦ Ῥωμανοῦ) прибылъ въ Константинополь Алексѣй, и тогда дѣла приняли другой оборотъ. *Алексѣй, по словамъ Григоры, купившій себѣ санъ* у нѣкоторыхъ русскихъ епископовъ, *былъ поставленъ въ митрополиты въ самый день прибытія его въ Константинополь.* Между двумя митрополитами разгорѣлась борьба. Византійское правительство сначала думало подѣлить Русскую митрополію между Алексѣемъ и Романомъ. Романъ остался доволенъ дѣлежомъ и уже готовился къ отъѣзду въ свою область; но Алексѣй продолжалъ интриговать противъ него и, задаривъ императора и патріарха Филоѳея, добился возстановленія единства Русской митрополіи и устраненія Романа. Вскорѣ въ Константинополѣ произошелъ дворцовый переворотъ: Кантакузинъ былъ свергнутъ съ престола своимъ соправителемъ Іоанномъ V Палеологомъ, и на мѣсто патр. Филоѳея вновь возведенъ низложенный Кантакузинымъ Каллистъ. Это ободрило Романа, и онъ опять явился въ Константинополь въ надеждѣ, что ему будетъ оказано правосудіе. Но опять повторилась прежняя исторія: уже были изготовлены грамоты въ пользу Романа, какъ въ Константинополь явился Алексѣй и закупилъ всѣхъ и каждаго, начиная съ жаднаго патріарха. Тогда будто бы и Ольгердъ и многіе изъ его подданныхъ оставили свои намѣренія креститься. „Лучше поклоняться солнцу..... символу Творца всѣхъ, чѣмъ демону корыстолюбія, которымъ какъ слышу, одержимы всѣ нынѣшніе патріархи,“— заявилъ Литовскій князь и сдѣлался врагомъ Византіи.

Даже оставивъ въ сторонѣ явно пристрастную характеристику дѣйствующихъ лицъ, мы должны признать изложеніе Григоры, по меньшей мѣрѣ, спутаннымъ. Чѣмъ объяснить, прежде всего, тѣ несомнѣнныя историческія погрѣшности, какія существуютъ въ немъ? Онъ указываетъ, что и въ первый свой пріѣздъ въ

Константинополь Романъ прибылъ туда ранѣе Алексѣя, тогда какъ въ дѣйствительности Романъ настолько запоздалъ, что даже не засталъ въ Константинополѣ Алексѣя, отправившагося уже въ Кіевъ. Григора не находитъ никакого матеріала для описанія событій второго путешествія Романа, когда онъ дѣйствительно встрѣтился съ Алексѣемъ, и когда между ними и должна была произойти настоящая борьба, какъ и читаемъ въ грамотѣ патріарха. Она же удостовѣряетъ, что во второй свой пріѣздъ митр. Романъ получилъ гораздо больше, чѣмъ въ первый; Григора же ограничивается заявленіемъ, что ни въ тотъ, ни въ другой пріѣздъ Роману не было оказано справедливости. Всѣ эти недочеты въ изложеніи Григоры могутъ быть объяснены лишь однимъ предположеніемъ: онъ смѣшиваетъ факты второго и перваго пріѣзда Романа и, подъ видомъ описанія перваго пріѣзда, даетъ весьма тенденціозное описаніе второго его пріѣзда въ Константинополь. Такое смѣшеніе фактовъ вовсе не случайное, а входило въ планы Григоры. Это мѣсто можетъ служитъ превосходнымъ образцомъ его пріемовъ изложенія. Григора отнюдь не забываетъ фактовъ и, строго говоря, не выдумываетъ ихъ: онъ только выбираетъ изъ нихъ тѣ, какіе кажутся ему подходящими для доказательства заранѣе поставленной имъ тезы и придаетъ имъ такое освѣщеніе, какое требовалось этою тезою. Григора не дѣлаетъ выводовъ изъ фактовъ; онъ, наоборотъ, фактами лишь иллюстрируетъ свое предвзятое положеніе. Такою тезою въ данномъ случаѣ служитъ для Григоры положеніе: византійское правительство упустило единственный случай обратить въ православіе Ольгерда, который условіемъ для этого ставилъ назначеніе Романа митрополитомъ всей западной половины Руси, съ Кіевомъ включительно [1]).

---

[1]) Какъ это указаніе Григоры, такъ и молчаніе м. Алексѣя объ отступничествѣ Ольгерда рѣшаютъ вопросъ о времени крещенія Ольгерда въ пользу показанія „Родословія великихъ князей литовскихъ“, что Ольгердъ принялъ крещеніе по православному обряду лишь передъ смертію, по настоянію жены своей Ульяны и ея духовника, архим. Печерскаго Давида.

Григора недоумѣваетъ, какъ императоръ и патріархъ могли не согласиться на такое выгодное условіе? Но для того, чтобы такое недоумѣніе раздѣлялось и непредубѣжденнымъ читателемъ, мало было сдѣлать изъ Романа святого, а изъ Алексѣя—дикаря: нужно было еще обмѣнять ихъ ролями и изъ Романа обидчика сдѣлать Романа яко бы обиженнаго Алексѣемъ. Если бы оказалось, что Романъ добивался тѣхъ правъ на Кіевскую митрополію, какія пріобрѣтены уже были митрополитомъ Алексѣемъ, то вся риторика Григоры пропала бы даромъ. Было бы совершенно ясно, почему не могли въ Константинополѣ согласиться на домогательства Романа, хотя бы онъ и предлагалъ въ высшей степени выгодныя условія Ольгерда. Для цѣлей Григоры необходимо было представить дѣло такъ, что Романъ уже въ первый свой пріѣздъ опередилъ Алексѣя и пріобрѣлъ совершенно законнымъ образомъ тѣ права, какія потомъ яко бы были отняты у него въ пользу Алексѣя.

Относя событія, описанныя Григорою, ко второму, а не къ первому путешествію митр. Алексѣя въ Константинополь, получимъ въ существенныхъ чертахъ слѣдующее. Романъ, пріѣхавшій во второй разъ ранѣе Алексѣя, сталъ добиваться и получилъ отъ императора митрополію всея Руси. Была даже изготовлена грамота на этотъ счетъ; но когда явился въ Константинополь Алексѣй и опротестовалъ ее, то правительство рѣшило подѣлить митрополіи, и митрополитъ Алексѣй добился возстановленія своихъ правъ митрополита всея Руси, Романъ же и Ольгердъ остались этимъ очень недовольны. Самое важное въ этомъ извѣстіи это то, что Романъ не только добивался, но и получилъ было грамоту на митрополію всея Руси. Этимъ только и можно объяснить выраженіе второй грамоты по прежнему возстановляющей права Алексѣя, что онъ „есть и остается, какъ былъ рукоположенъ сначала, кіевскимъ и всей Руси, по искони установившемуся обычаю,“ что само-собою предполагаетъ, что передъ этимъ права его были умалены.

Тѣмъ же объясняется извѣстіе лѣтописи, что былъ такой моментъ, когда на Руси появились два митрополита,

одновременно осуществлявшіе ихъ юрисдикцію въ предѣлахъ Великой Руси. Намъ уже приходилось имѣть дѣло съ такимъ извѣстіемъ, которое лѣтопись неправильно относитъ ко времени первой поѣздки Алексѣя; это сообщеніе Никоновской лѣт. 6862: „Того же лѣта мятежь въ святительствѣ сотворися, чего не бывало преже сего въ Руси: въ Царѣградѣ отъ патріарха поставлени быша два митрополита на всю Русскую землю Алексѣй да Романъ, и бысть межи ихъ нелюбіе веліе. И тогда отъ обоихъ ихъ изо Царяграда пріидоша послы во Тверь къ Ѳеодору, владыцѣ Тверьскому, и бысть священническому чину тяжесть веліа вездѣ". Итакъ, въ бытность митрополита Алексѣя въ Константинополѣ и митр. Романъ тоже именовался митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси и въ качествѣ такового требовалъ митрополичьей дани съ Ѳеодора, епископа Тверского. Ѳедоръ же принужденъ былъ признать права Романа дѣйствительными; онъ не отказался принять пословъ его, какъ нѣсколько лѣтъ спустя онъ отказался принять самого Романа. Въ Тверп не могли понять, кто же настоящій митрополитъ, и потому принуждены были уплатить митрополичьи дани и тому и другому. Лѣтописное извѣстіе, кромѣ того, заставляетъ думать, что такіе же пробы происходили и въ другихъ мѣстахъ и что, слѣдовательно, разобраться въ митрополичьихъ правахъ не могли не въ одной только Твери.

Роману пришлось потратить и много времени и, конечно, много средствъ, пока онъ достигъ этого результата. Мы имѣемъ за время его пребыванія въ Константинополѣ двѣ подписи его: одну отъ 17 августа 1355 года, (А. Р. І. р. 433) другую отъ іюля 1356 года (А. Р. І. р. 362), и оба раза онъ именуется митрополитомъ Литовскимъ просто. Слѣдовательно, онъ пріобрѣлъ титулъ митрополита Кіевскаго и всея Руси не ранѣе осени 1356 года, проведя въ Константинополѣ не менѣе года. Не ранѣе осени же 1356 года пріѣхалъ въ Константинополь и митр. Алексѣй. Правда, наши лѣтописи (Воскресенская, Львовская, Никоновская) относятъ поѣздку Алексѣя въ Константинополь

къ 6864 году, т. е. къ 1355/1356 году, и говорятъ, что будто бы зимою этого года онъ уже и возвратился: но такое указаніе непріемлемо по многимъ соображеніямъ. По лѣтописямъ въ ту же зиму митр. Алексѣй поставилъ двухъ епископовъ: Ѳеофилакта въ Смоленскъ и Іоанна въ Сарай; въ сентябрѣ же 1355 года онъ еще находился, какъ мы видѣли, въ Москвѣ. Для поѣздки въ Константинополь и возвращенія оттуда, при такихъ предположеніяхъ, у Алексѣя оставалось какихъ-нибудь три—четыре мѣсяца, срокъ слишкомъ недостаточный, принимая во вниманіе почтенный возрастъ Алексѣя и трудности зимняго путешествія въ Константинополь черезъ Орду (путь черезъ Южную Русь былъ для него закрытъ). Было бы слишкомъ неблагоразумно явиться въ Константинополь и, заставъ тамъ Романа, уѣхать оттуда, не дождавшись отъѣзда своего противника. Какъ мы видѣли Романъ еще и въ іюлѣ 1356 года былъ въ Константинополѣ. Грамота же патріаршая заставляетъ предполагать, что Романъ уѣхалъ раньше отъѣзда Алексѣя. Разъ м. Алексѣй былъ вызванъ на судъ въ 1355 году, а на явку въ Константинополь полагался годичный срокъ, то ранѣе осени 1356 г. ему не нужно было и являться. Митр. Алексѣй ѣхалъ черезъ Орду, куда въ 1356 г. онъ былъ вызванъ къ больной ханшѣ Тайдулѣ. Онъ получилъ отъ нея ярлыкъ такого содержанія: „Сесь митрополитъ Олексѣй коли къ Царюграду поидетъ, и кто гдѣ ни будетъ, чтобъ его не переимали, ни силы бы ему не чинили никакіе; или гдѣ ему лучитца простояти, чтобы его нихто не ималъ, ни людей бы его не пріималъ нихто, ни коней бы у него не имали, ни иного нечего“. Очевидно, это была подорожная на проѣздъ митр. Алексѣя въ Константинополь, гдѣ въ послѣдній разъ въ жизни онъ побывалъ въ разсматриваемую нами поѣздку.

Когда явился Алексѣй, то въ Константинополѣ устроили между нимъ и Романомъ своего рода аукціонъ; а чтобы сдѣлать его болѣе прибыльнымъ, императоръ (который въ подобныхъ случаяхъ, по новеллѣ Андроника, въ сущности имѣлъ рѣшающее значеніе) выдалъ Роману хризовуллъ на митрополію всея Руси.

Этимъ и объясняются тѣ поборы въ Россіи, какіе производили оба митрополита вездѣ одновременно. Но патріарху предоставлено было право по полученіи императорскаго хрисовулла, сдѣлать императору представленіе о неудобствахъ исполненія его и отложить выдачу синодальной грамоты до пересмотра дѣла. Протесты Алексѣя должны были сдѣлать такое представленіе неизбѣжнымъ. Этимъ и объясняется синодальное разсмотрѣніе спора при участіи императора, которое, конечно, было необходимо, разъ дѣло шло объ уничтоженіи или измѣненіи императорскаго хрисовулла.

На этомъ аукціонѣ проигралъ Романъ, и поступилъ такъ же, какъ впослѣдствіи Кипріанъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ. „Романъ не только не захотѣлъ, отходя отсюда, взять грамоту нашей мѣрности въ удостовѣреніе и подтвержденіе того, что было опредѣлено, и не показалъ должнаго повиновенія нашей мѣрности, но тайно ушелъ въ свою область". (Р. Н. Б. VI. пр. 78). Грамота м. Пимену даетъ возможность опредѣлить, что означаетъ „не показалъ должнаго повиновенія нашей мѣрности": Романъ, призванный грамотою на судъ съ Алексѣемъ, не только не явился на засѣданіе синода, но и тайкомъ уѣхалъ къ себѣ домой. Поступая такимъ образомъ, онъ дѣлалъ приговоръ относительно себя заочнымъ и такимъ путемъ оставлялъ за собою возможность всегда потребовать пересмотра его и признанія правъ, предоставленныхъ ему императорскимъ хрисовулломъ.

Въ параллель съ исторіею Алексѣя и Романа можно поставить одновременную исторію съ поставленіемъ двухъ митрополитовъ на одну и ту же каѳедру, а именно Аланскую и Сотируполя. (Какъ особенность этой каѳедры слѣдуетъ указать, что каѳедральный храмъ этой митрополіи находился въ Трапезундѣ.) Противъ Симеона митрополита Аланскаго и Сотирупольскаго было предъявлено обвиненіе въ симоніи нѣкіимъ Аланскимъ (Трапезундскимъ?) монахомъ Каллистомъ, который, какъ потомъ оказалось, самъ добивался получить каѳедру своего противника. При Филоѳеѣ митр. Симеонъ и явился на судъ въ Констан-

тинополь. Такъ какъ онъ обѣщалъ представить достовѣрныхъ свидѣтелей своей невиновности, то произнесеніе приговора было отложено на нѣкоторое время до прибытія ихъ. Тѣмъ временемъ вернулся на вселенскій престолъ Каллистъ, и соперники принялись торговаться съ нимъ изъ-за каѳедры. Сначала одолѣлъ Симеонъ, пообѣщавшій Каллисту крупную взятку; онъ былъ освобожденъ отъ суда и съ миромъ отправленъ въ свою епархію. Но когда онъ не исполнилъ своихъ обѣщаній, то патріархъ принялъ сторону Каллиста, явившагося къ нему „съ полными руками“, заочно низложилъ Симеона подъ предлогомъ уклоненія его отъ суда и поставилъ на его мѣсто Каллиста (*φυγοδικίας τε ἐκεῖνον ἀπόντα καταδικάζει καὶ τὸν Κάλλιστον εἰς τὸν τοῦ Συμεὼν τόπον ἐκπέμπει χειροτονήσας*). Тогда Симеонъ явился въ Константинополь и подалъ жалобу императору и синоду. Императоръ написалъ патріарху рѣзкое письмо, въ которомъ, прямо обвиняя его въ симоніи, указывалъ, что лишеніе каѳедры безъ суда и въ отсутствіе обвиняемаго есть величайшая несправедливость, а еще большимъ беззаконіемъ является поставленіе на его мѣсто обвинителя. Онъ требовалъ, чтобы патріархъ уладилъ это дѣло и грозилъ даже низложеніемъ въ противномъ случаѣ [1]). Угроза такъ и осталась угрозою. Патр. Каллистъ подѣлилъ между противниками прежде соединенную митрополію, назначивъ Каллиста митрополитомъ Аланіи отдѣльно, а за Симеономъ оставивъ Сотируполь. По жалобѣ Симеона синодъ, подъ предсѣдательствомъ императора, только измѣнилъ дѣлежку, предоставивъ Симеону, какъ митрополиту соединенной Аланіи и Сотируполя всѣ имущества ея въ Трапезундѣ и его окрестностяхъ вмѣстѣ съ храмомъ, равно какъ и власть надъ Аланіею, Кавказомъ и Ахохіею, за Каллистомъ же оставилъ все остальное. Только по смерти послѣдняго уже при патріархѣ Филоѳеѣ, Симеонъ получилъ и эти остатки. (АР. I № 22).

Такое окончаніе вовсе не удивительно, ибо незадолго передъ этимъ въ 1364 году, синодъ принужденъ былъ признать законность двухъ патрі-

---

[1]) Gregoras Historia XXXVII 3.

арховъ константинопольскихъ одновременно. Какъ извѣстно, Каллистъ въ 1354 году былъ низложенъ, какъ еретикъ, и на его мѣсто былъ поставленъ Филоѳей. Но когда Кантакузинъ лишился престола, то и Филоѳею пришлось бѣжать изъ Константинополя, какъ похитителю престола, и онъ былъ низложенъ на этомъ основаніи. Но Каллистъ умеръ въ 1363 году, и тотъ же императоръ, при которомъ Филоѳей былъ низложенъ, теперь призвалъ его на вселенскій престолъ. И вотъ синоду приходилось признавать правильными оба распоряженія императора. Способъ, какимъ синодъ достигъ этого, представляетъ изъ себя образецъ византійскаго крючкотворства. Синодъ благоразумно обходитъ полнѣйшимъ молчаніемъ вопросъ о законности поставленія Филоѳея при жизни Каллиста и признаетъ приговоръ о низложеніи Филоѳея недѣйствительнымъ по изумительно формальнымъ основаніямъ. Низложеніе Филоѳея признано недѣйствительнымъ, такъ какъ въ немъ участвовало менѣе двѣнадцати членовъ синода, оно состоялось въ отсутствіе обвиняемаго, по принужденію и насилію, при чемъ Филоѳею не было даже предъявлено никакого обвиненія. Но и Каллистъ признается законнымъ и принадлежащимъ къ лику архіереевъ патріархомъ, а что случилось съ нимъ за это время, то не можетъ служить препятствіемъ къ этому, такъ какъ то же случалось и съ древними святыми нашими отцами, какъ напримѣръ, съ Кирилломъ Александрійскимъ и Іоаннъ Златоустомъ (дѣло, очевидно, идетъ о низложеніи Каллиста соборомъ. АР. I. 451). Оказывалось, что возможно существованіе на одной и той же каѳедрѣ двухъ совершенно законныхъ патріарховъ одновременно, очевидно, по той же причинѣ, по которой возможно было существованіе въ одно и то же время двухъ законныхъ императоровъ, даже находившихся въ войнѣ другъ съ другомъ.

При такихъ условіяхъ, исторія Романа и Алексѣя не представляетъ ничего особеннаго. То же самое въ сущности повторилось, какъ увидимъ, и нѣсколько лѣтъ спустя, во время вдовства каѳедры послѣ митрополита Алексѣя, когда греки поставили даже не двухъ,

а трехъ митрополитовъ всея Руси одновременно. Въ расчеты грековъ входило поступать такимъ образомъ, т. е. ссорить митрополитовъ изъ русскихъ, заставлять ихъ вести безконечныя тяжбы въ Константинополѣ и обогащать при этомъ тощую императорскую казну. Что такъ происходило и теперь, ясно изъ того, что Романъ очень долго и, вѣроятно, до самаго пріѣзда Алексѣя ничего не могъ получить.

На первый взглядъ трудно понять непримиримость противниковъ. Хотя Ольгердъ для Романа и добивался титула митрополита всея Руси, но здѣсь, въ сущности, шло дѣло лишь о земляхъ, входившихъ въ сферу литовскаго вліянія. И впослѣдствіи Ольгердъ не рѣшался, какъ увидимъ, просить большаго даже въ то время, когда въ сферу его вліянія попалъ Нижній Новгородъ. Главными городами, о которыхъ шла рѣчь, были, конечно прежде всего Кіевъ, а затѣмъ уже Черниговъ и Брянскъ. Потеря, или вѣрнѣе говоря, непріобрѣтеніе этихъ городовъ Романомъ въ весьма незначительной степени возмѣщалась пріобрѣтеніемъ городовъ Малой Россіи, совершенно разгромленной Казимиромъ.

Но и Алексѣй и Москва не могли пожертвовать Кіевомъ, хотя, по собственнымъ признаніямъ Алексѣя Кіевъ ничего, кромѣ убытка, ему не давалъ. Дѣло шло не о титулѣ только, но и о весьма серьёзномъ для Москвы и Алексѣя вопросѣ относительно Новгорода. Новгородцы традиціонно ставили своихъ владыкъ у Кіевскаго митрополита, какъ мы видѣли, очень не любили именно митр. Алексѣя и только что передъ этимъ, чуть было, совершенно не освободились отъ его власти; возникала даже опасность, что они подчинятся Ѳеодориту. Но Ѳеодоритъ былъ схизматикъ, непризнаваемый патріархомъ; что же было бы, если бы на мѣстѣ этого схизматика былъ литовскій митрополитъ кіевскій, поставленный съ благословенія константинопольскаго патріарха? Отвѣтомъ на это служатъ событія пятнадцатаго вѣка. Новгородцы поставили одного изъ своихъ владыкъ у такого митр. Герасима и готовы были поставить другого у Григорія Булгара, не-

взирая на то, что это былъ ставленикъ латинца, митр. Исидора.

Но естественный процессъ раздѣленія Руси на два государства хотя и задерживался политическими соображеніями, но продолжался и при митрополитѣ Алексѣѣ. Задержка же его сопровождалась весьма невыгодными послѣдствіями для православія въ Западной Россіи. По словамъ нашихъ лѣтописей, Алексѣй вернулся въ Москву зимою того же 1356—1357 года и на нѣкоторое время, но не надолго оставался въ ней. Въ іюнѣ того года имъ былъ полученъ ярлыкъ отъ новаго хана Бердебека, помѣченный „Тетигуя лѣта, десятого мѣсяца въ семьсотное осьмое, сылгата мѣсяца, въ десятый нова“, что по расчетамъ Григорьева соотвѣтствуетъ, приблизительно, іюню мѣсяцу 1357 года [1]). Послѣ 6-го января 1358 года онъ отправился въ Кіевъ и повидимому на продолжительное время [2]). Такое рѣшеніе было принято Алексѣемъ едва ли самостоятельно. И впослѣдствіи и Ольгердъ и западноруссы ставили Алексѣю въ вину то, что онъ пренебрегаетъ Кіевомъ, и требовали, чтобы онъ жилъ въ немъ. По всей вѣроятности, и теперь патріаршій синодъ, предоставляя Кіевъ Алексѣю, обязалъ его не пренебрегать своею первою каѳедрою. Впослѣдствіи Алексѣй считалъ нужнымъ оправдываться въ этомъ обвиненіи, хотя казалось бы, что грамота о перенесеніи каѳедры во Владиміръ освобождала его отъ обязанности жить въ разрушенномъ Кіевѣ. Надо думать, Романъ доказывалъ, что Кіевъ вовсе не

---

[1]) Какъ указаніе лѣтописей на возвращеніе Алексѣя въ Москву до этого времени, такъ и молчаніе ихъ о спеціальной поѣздкѣ его въ Орду въ этомъ году, заставляетъ предположить, что ярлыкъ былъ полученъ черезъ особое посольство, а не лично Алексѣемъ на возвратномъ пути его изъ Константинополя черезъ Орду. Ярлыкъ этотъ ничѣмъ особеннымъ отъ ярлыковъ предшественнику Алексѣя не отличается и является по содержанію традиціоннымъ; но у митр. Алексѣя при возвращеніи его черезъ Орду въ Москву едва ли могли быть тѣ средства во что обходилось возобновленіе ярлыка.

[2]) Воскр. (Никон.) 6866. „Тое же зимы, по Крещеніи, пресвященный Алексѣй митрополитъ иде въ Кіевъ“.

до такой степени разрушенъ и непригоденъ для жилья, какъ то утверждаетъ Алексѣй, и въ Константинополѣ приняли это во вниманіе. Алексѣй, съ своей стороны, исполнилъ требованіе Ольгерда, и казалось бы, что миръ съ этой поры долженъ водвориться между ними: но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Алексѣй вновь принужденъ былъ бѣжать изъ Кіева въ Москву.

И на этотъ разъ вина была на сторонѣ Ольгерда. Въ томъ же 1358 году 13 ноября скончался великій князь Московскій Иванъ Ивановичъ, сдѣлавъ въ своемъ завѣщаніи митр. Алексѣя опекуномъ малолѣтняго сына своего Димитрія (будущаго Донского) и регентомъ Московскаго государства. Какъ заявляли потомъ въ Константинополѣ московскіе послы, Иванъ Ивановичъ „передъ своею смертію не только оставилъ на попеченіе тому митрополиту (Алексѣю) своего сына... великаго князя всея Руси Димитрія, но и поручилъ управленіе и охрану всего княжества, не довѣряя никому другому въ виду множества враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ“. Но митрополитъ Алексѣй оставался вѣренъ приказу патріарха и продолжалъ жить въ Кіевѣ и, такимъ образомъ, не принималъ регентства, пока не заставили его обстоятельства; что произошло почти черезъ два года. Иванъ Ивановичъ оказался правъ, не довѣряя боярамъ: они не сумѣли отстоять права малолѣтняго Димитрія въ Ордѣ, и 22-го іюня 1360 года ханскій посолъ посадилъ на великокняжескомъ престолѣ во Владимірѣ Димитрія Константиновича Суздальскаго[1]).

Эта-то неудача Москвы, покровительницы митр. Алексѣя, и послужила, вѣроятно, поводомъ для Ольгерда изгнать Алексѣя изъ Кіева и предоставить его Роману. По указаніямъ Никоновской лѣтописи возвращеніе Алексѣя во Владиміръ произошло въ 1360 г. и притомъ не позже 12 іюля, когда былъ поставленъ во Владимірѣ архіепископъ Новгородскій Алексѣй

---

[1]) Воскр. 6868: „Хыдырь сѣде на царство, и дасть княженіе великое князю Дмитрею Костянтиновичю Суздалскому, и приде въ Володимерь іюня 22 и сѣдь на великомъ княженіи, а не по отчинѣ и не по дѣдинѣ“.

(Новг. III. 6868). Только съ этого времени Ольгердъ становится въ непримиримое положеніе къ митр. Алексѣю, а послѣдній съ жаромъ предается своимъ обязанностямъ регента Московскаго государства.

По той же грамотѣ патр. Нила 1380 года, „когда митрополитъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы сохранить дитя (Димитрія Московскаго) и удержать за нимъ страну и власть, одни предпочитали оставаться въ покоѣ и соблюдать миръ, а литовскій князь—огнепоклонникъ... не хотѣлъ оставаться въ покоѣ, но задышалъ огнемъ на митрополита, стараясь наносить ему самыя тяжкія оскорбленія". По приказанію Ольгерда м. Романъ захватилъ Кіевъ и Брянскъ. „(Романъ), придя въ Кіевъ, не по праву, совершалъ здѣсь литургіи и рукоположенія и дерзостно называлъ себя единственнымъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, что вызвало смуту и замѣшательство въ области преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Руси и побудило литовскаго государя возстать противъ христіанъ и причинить имъ не мало бѣдъ и кровопролитія... и присвоилъ себѣ еще лишнюю русскую епископію Брянскую" (Грам. 1361 года). Брянскомъ Ольгердъ овладѣлъ вскорѣ послѣ 1356 г.[1]). Этимъ же легко объясняется и нападеніе Ольгерда на городъ Алексинъ, которое патріархъ, со словъ Алексѣя, приписываетъ подстрекательству того же Романа. Романъ побудилъ Литовскаго государя возстать противъ такъ называемаго города Алексина и разорить тамошнихъ христіанъ[2]). Разъ этотъ городъ принадлежалъ Кіевской каѳедрѣ, то естественно, что Романъ, считавшій себя митрополитомъ Кіевскимъ, старался завладѣть имъ; сопротивленіе же жителей этого городка, вызвавшее вмѣшательство Ольгерда, служитъ прекраснымъ образцомъ того, какъ русскіе смотрѣли на Романа. Подобное

---

[1]) Такимъ образомъ, водвореніе Романа вызвало въ русскихъ областяхъ Литвы даже смуту.

[2]) Это былъ городъ, пріобрѣтенный Петромъ митрополитомъ неизвѣстно когда и какимъ способомъ.

Никон. 6856. „Того же лѣта князь Темирь Ординскій приходи ратью ко граду Алексину святаго чюдотворца Петра, митрополита Кіевъскаго и всея Русіи".

явленіе вовсе не такъ невозможно, какъ это можетъ представляться на первый взглядъ. Очень многое въ этомъ дѣлѣ объясняется просто существованіемъ Андроникової новеллы. Она предоставляла право предложенія кандидата на митрополію князю и жителямъ каѳедральнаго города, а для Кіева такимъ княземъ являлся именно Ольгердъ, дѣйствовавшій отъ имени православнаго населенія. Ольгердъ и находилъ, что поставляя митрополита Кіевскаго по рекомендаціи великаго князя Московскаго, патріархъ дѣйствовалъ неправильно и требовалъ, на этомъ основаніи, признанія недѣйствительности самаго поставленія Алексѣя и предоставленія Кіева Роману.

Захватъ Кіева и Брянска Романомъ привелъ къ фактическому раздѣленію митрополій по границамъ враждующихъ государствъ, раздѣленію, которое съ современной церковной точки зрѣнія являлось бы наиболѣе естественнымъ. Романъ появился около этого времени и въ Твери, тоже входившей въ сферу литовскаго вліянія, благодаря второму браку Ольгерда на Юліаніи Тверской, но, повидимому, явился не въ цѣляхъ захвата, а ради умиротворенія враждовавшихъ князей. Дѣло шло о счетахъ старшей линіи князей Александровичей съ ихъ дядями, начавшихся уже съ 1346 года. Москва все время поддерживала дядю, Василія Кашинскаго, въ его претензіяхъ на Тверь и породнилась съ нимъ: дочь Семена Ивановича Московскаго въ 1350 году была выдана замужъ за сына Василія Кашинскаго. Въ 1338 г. епископу Тверскому Ѳеодору удалось было помирить племянника съ дядею, но скоро это доканчаніе со Всеволодомъ Александровичемъ опять нарушено было Василіемъ Кашинскимъ. Естественно, что епископъ долженъ былъ вступиться за обиженнаго Всеволода Александровича, но этимъ не помогъ Всеволоду, а только испортилъ свои отношенія къ Василію. Невзирая на неправоту послѣдняго, его поддерживалъ и митр. Алексѣй, подъ условіемъ политическаго союза съ Москвою. Въ 1357 году князь Василій Михайловичъ „посла къ великому князю по митрополичю слову, и сотвори миръ и любовь велію съ великимъ княземъ Иваномъ Ива-

новичемъ". Послѣ этого онъ отправился вмѣстѣ съ Всеволодомъ и епископомъ Ѳеодоромъ во Владимиръ „и много быша межи ихъ глаголаша, но конечный миръ не сотворися".

Тогда Ѳеодоръ, уже передъ поѣздкою митр. Алексѣя въ Кіевъ въ 1358 году, сталъ проситься у него на покой; но Алексѣй на это не согласился[1]).

Въ слѣдующемъ же году распря дяди съ племянникомъ дошла до того, что Всеволодъ бѣжалъ въ Литву. Этимъ и воспользовался митр. Романъ и съ успѣхомъ взялъ на себя роль примирителя, которою пренебрегъ митрополитъ Алексѣй. Какъ тверской княжичъ, Романъ успѣлъ, наконецъ, примирить дядю съ племянникомъ. „Князь Василій Михайловичь, дядя ихъ, треть ихъ отчины отступился; и раздѣлишася волостьми".

Ни разсказъ лѣтописи ни другія извѣстія не даютъ основанія видѣть въ пріѣздѣ Романа въ Тверь попытку захватить этотъ городъ. Даже Никоновская, безусловно нерасположенныя къ Роману, лѣтопись обвиняетъ его лишь въ томъ, что онъ явился въ въ Тверь „напрасьствомъ и безстудствомъ, не обослався ни по любви съ Алексѣемъ митрополитомъ". Ниоткуда не видно, чтобы Романъ претендовалъ на церковную юрисдикцію, и еще менѣе, чтобы Романъ осуществлялъ ее въ Твери. Не обвиняетъ его въ покушеніи захватить Тверь и грамота патріарха 1361 г., писанная со словъ митрополита Алексѣя. Видимо, Романъ явился только, какъ третейскій судья, и притомъ не самъ, а по приглашенію своихъ земляковъ. По всей вѣроятности, первымъ обратился къ нему Всеволодъ, какъ онъ раньше обращался къ м. Алексѣю; онъ пріѣхалъ въ Тверь съ Романомъ въ одно время,

---

[1]) Никон. 6866: „Алексѣй митрополитъ поѣха въ Кіевъ, и проводиша его владыки и Ѳеодоръ, владыка Тверскій; и нестроеніа ради князей Тверскихъ не восхотѣ Ѳеодоръ владыка владычества во Твери. Преосвященный же Алексѣй митрополитъ поучи его, и наказа съ великою любовію терпѣти съ пожданіемъ, да Господь Богъ сотворитъ якоже хощетъ по своей ему волѣ. И тако съ великою любовію съ *Коломны* отпусти его во Тверь ко святому Спасу".

и затѣмъ съ особою честію проводилъ его въ Литву. Но и бояре, утомленные продолжительнымъ междуусобіемъ тоже были довольны вмѣшательствомъ Романа. Романъ, исполнивъ свою примирительную миссію, тотчасъ возвратился обратно. Все, въ чемъ можно обвинять его по имѣющимся у насъ даннымъ, это въ неделикатности по отношенію къ Алексѣю: явиться въ Тверь безъ вѣдома мѣстнаго митрополита противорѣчило элементарнымъ правиламъ каноническаго права. Но при тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали между двумя митрополитами—врагами, трудно было ожидать соблюденія предписаній каноновъ. Въ всякомъ случаѣ Романъ пробылъ въ Твери недолго „потребное пріемля отъ князей... и отъ другихъ нѣкихъ, и паки возвратися въ Литву... Князь же Всеволодъ Александровичъ Холмъской многу сотвори честь и дары даде Роману митрополиту, и паки повелѣ его проводити въ Литву съ честію“.

Пострадалъ отъ пріѣзда Романа только еп. Ѳеодоръ Такъ какъ Романъ явился въ Тверь безъ вѣдома митрополита Алексѣя, то Ѳеодоръ не только не оказалъ пріѣзжему никакой чести, но даже и не повидался съ нимъ[1]). Это означало, что Ѳеодоръ долженъ былъ разссориться и со Всеволодомъ, и потому дальнѣйшее его пребываніе въ Твери епископомъ сдѣлалось невозможнымъ: онъ отказался отъ каѳедры и удалился въ Отрочъ монастырь[2]).

Если бы тверяки думали подчиниться Роману, то это былъ бы самый подходящій для нихъ моментъ для того, чтобы отправить своего кандидата къ Роману, а Роману — для того, чтобы, посвятивъ его, распространить такимъ образомъ власть свою и на Тверь. Но въ дѣйствительности мы не видимъ ничего подобнаго. Въ слѣдующемъ году, очевидно, по приглашенію князя, пріѣхалъ въ Тверь митр. Алексѣй и тамъ по-

---

[1]) Никон. 6868. „Не видѣся съ нимъ Ѳеодоръ, еп. Тверскій, ни чести ему коея даде“.

[2]) Никон. 6868: „Того же лѣта Ѳеодоръ, еп. Тверскій, оставя епископью свою, и вниде въ Отрочь манастырь“.

ставилъ въ епископы Тверскіе мѣстнаго кандидата, игумена Спасскаго монастыря въ Твери, Василія[1]).

Естественнымъ послѣдствіемъ такого поведенія Романа являлись жалобы на него въ Константинополь со стороны Алексѣя и судъ между митрополитами. На этотъ разъ ни тотъ ни другой не явились лично, а только послали своихъ представителей. Дѣло было совершенно яснымъ и не возбуждало никакихъ пререканій. Послы Романа и не отрицали, что все, сказанное Алексѣемъ, правда, но не находили ничего особеннаго въ поступкахъ Романа, полагая, что онъ поступаетъ съ согласія князя и, слѣдовательно, правомѣрно. Послы Романа даже пришли ранѣе Алексѣевыхъ и, очевидно, старались добиться въ Константинополѣ того же, чего прежде добивался и самъ Романъ, т. е. признанія правомѣрности его захватовъ. „Послы преосвященнаго митрополита литовскаго, впередъ сюда пришедшіе, разглашали, какъ бы похваляясь: „видно преосвященный митрополитъ киръ Романъ силенъ и можетъ овладѣть всею областію русской митрополіи, если онъ, придя въ Кіевъ, литургисалъ здѣсь, захватилъ многія епископіи и возстановилъ литовскаго государя противъ кира Алексія; имѣя такую силу у литовскаго государя, онъ можетъ смѣло дѣлать все". Такое заявленіе было бы уже слишкомъ наивнымъ и безцеремоннымъ, если не предположить, что у Романа былъ еще съ 1356 года хризовуллъ императора на митрополію Кіевскую, и что тогда Кіевъ былъ оставленъ за митрополитомъ Алексѣемъ подъ условіемъ жить въ немъ, каковое условіе якобы и было имъ нарушено. Теперь послы просили о регистраціи хризовулла синодомъ, заявляя, что, кромѣ Романа, великій князь Литовскій не признаетъ митрополитомъ никого другого. Но въ то же время въ Кіевѣ была и партія митрополита Алексѣя, не желавшая

---

[1]) Никон 6869: „Того же лѣта пресвященный Алексѣй, митрополитъ Кіевскыи и всея Руси, поиде во Тверь, и постави Василиа игумена Спаскаго въ епископы во Тверь" (Такимъ образомъ и при Алексѣѣ тверскіе князья сохранили свое право назначенія тверскихъ владыкъ).

признавать Романа, и вотъ происходили убійства, войны, смуты и замѣшательства на Руси. Такъ какъ убѣжденія не дѣйствовали на Романа, то синодъ рѣшилъ отправить для разбора спора на мѣстѣ знакомаго уже намъ Георгія Пердику, на этотъ разъ уже сакелларія и дикеофилакса, снабдивъ его тою инструкціею, о которой намъ уже приходилось говорить при разборѣ суда надъ митрополитомъ Петромъ. Это произошло въ іюлѣ 1361 года.

Въ 1362 году умеръ митрополитъ Литовскій Романъ, не дождавшись конца суда надъ собою. Но если Романъ и не подвергся, можетъ быть, формальному суду и во всякому случаѣ умеръ ранѣе произнесенія приговора, то докладъ слѣдственной комиссіи былъ не въ его пользу. По всей вѣроятности, на основаніи данныхъ этого доклада, патріархъ Филоѳей характеризуетъ м. Романа, какъ честолюбца, не разбиравшаго средствъ. „Поддавшись гибельному стремленію къ пріобрѣтенію большаго, онъ пытался восхитить себѣ то, въ чемъ не имѣлъ части, и присвоить права, нимало ему не принадлежащія, и такимъ образомъ причинилъ много безпорядковъ, волненій и другихъ золъ народу“. Уже это одно показываетъ, что жалобы Алексѣя были признаны правильными, а вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ новымъ доказательствомъ, что кіевляне были противъ Романа, и что если онъ и могъ тамъ держаться, то только силою Ольгерда. Сопротивленіе русскаго населенія было, повидимому, настолько сильно, что по смерти Романа Ольгердъ нѣкоторое время не повторялъ попытки получить особаго митрополита.

„И вотъ, какъ только того литовскаго митрополита не стало въ живыхъ, церковь Божія снова озабочивается этимъ народомъ и принимаетъ мѣры къ возстановленію его мирнаго состоянія: уже бывшій передъ нами (Филоѳеемъ) патріархъ, купно съ высочайшимъ и святымъ моимъ самодержцемъ, соборными грамотами и досточтимыми приказами, попрежнему возвратили землю литовскую митрополиту кіевскому и всея Руси и постановили, чтобы она опять подчинена была Кіеву, составляя его епископію и удѣлъ духовнаго владычества... должно оставаться на всъ

послѣдующія времена, чтобы литовская земля ни подъ какимъ видомъ не отлагалась и не отдѣлялась отъ власти и духовнаго управленія митрополита кіевскаго: ибо это, бывъ разъ допущено, произвело много замѣшательствъ и безпорядковъ, хотя, повидимому, было допущено по требованію многихъ настоятельныхъ нуждъ".

По словамъ Филовея, такъ было постановлено „соборнымъ дѣяніемъ бывшаго предъ нами патріарха и досточтимыми приказами высочайшаго и святого моего самодержца", т. е. постановлено соборнымъ дѣяніемъ Каллиста и императора Іоанна Палеолога.

Раздѣленіе митрополіи на части по политическимъ причинамъ не предоставляло изъ себя чего либо необычнаго и въ самой Греціи; но оно и тамъ разсматривалось, какъ временная мѣра, вызванная нуждою, и уничтожалось при первой возможности [1]).

Слѣдуетъ признать, что управленіе Романа не было плодотворно для православной церкви: онъ не считалъ нужнымъ даже ставить епископовъ въ три подчиненныя ему епархіи и управлялъ, такимъ образомъ, ими одинъ [2]). Но и новое соединеніе каѳедръ осталось только на бумагѣ во первыхъ потому, что Ольгердъ не признавалъ Алексѣя, во-вторыхъ же потому, что и самъ Алексѣй мало интересовался Литвою. Кипріанъ писалъ въ 1378 году:

---

[1]) Такъ было съ митрополіею Коринѳскою. Когда въ началѣ XIII вѣка территорія Коринѳской митрополіи попала въ руки латинянъ, то тамъ учреждены были, вмѣсто греческихъ, латинскіе епископы. Но въ 1263 году часть этой провинціи въ томъ числѣ Монемвасія, возвратилась въ руки грековъ, и тогда Монемвасія была возведена въ достоинство митрополіи съ подчиненіемъ ей двухъ городовъ—Мана и Земена—принадлежавшихъ Коринѳу. Въ концѣ же XIV вѣка (1396 г.) возвратился въ руки грековъ и Коринѳъ. Въ слѣдующемъ же 1397 году синодальнымъ дѣяніемъ при Антоніи за Монемвасіею сохранено было только достоинство титулярной митрополіи, всѣ же города, прежде подчиненные ей, возвращены Коринѳу. Только по предложенію митрополита Коринѳскаго они временно оставлены во владѣніи митр. Монемвасійскаго Акакія, пока онъ будетъ занимать Монемвасійскую каѳедру. (см. Muller Byzantinische Analekten въ Sitzungber. K. Akad der Wissensch. B. IX 1853 г. 394—399).

[2]) По крайней мѣрѣ грамота Каллиста, говоря о присоединеніи Литовской митрополіи къ Кіевской, говоритъ лишь объ одной епи-

„Брату нашему Олексѣеви митрополиту не волно было слати ни въ волыньскую землю, ни въ литовьскую владыку которого, или звати, или дозрѣти которое дѣло церковное, или поучити, или посварити на кого, или казнити виноватаго, или владыку, или архимандрита, или игумена, или князя поучити, или боярина; святительскымъ недозираніемъ которыйждо владыка, не блюдяся, по своеи воли ходилъ, какъ хотѣлъ, а попове и черньци—какъ животина бес пастуха". (Р.И.Б. VI 183).

Дѣло рисуется Кипріаномъ скорѣе оптимистически, что и объясняется тѣмъ, что посланіе адресовано къ Святому Сергію Радонежскому, другу и почитателю м. Алексѣя. Истина же проскальзываетъ въ заявленіи, что попы и чернецы ходили, какъ животина безъ пастуха, что предполагаетъ не только отсутствіе митрополита, но и отсутствіе тѣхъ епископовъ, о которыхъ говоритъ Кипріанъ.

Насколько намъ извѣстно изъ лѣтописей и изъ житія Алексѣева, гдѣ приводится точный и полный списокъ всѣхъ поставленныхъ имъ епископовъ, онъ поставилъ только пять такихъ епископовъ, которые могли имѣть отношеніе къ Литвѣ, и притомъ только на двѣ каѳедры: Брянско-Черниговскую и Смоленскую [1]).

скопіи (очевидно, Новогрудкѣ) и совершенно не подозрѣваетъ о существованіи другихъ епископіи, подчиненныхъ Роману. Такое забвеніе едва ли бы могло имѣть мѣсто, если бы на этихъ каѳедрахъ были епископы Наконецъ изъ грамоты патр Нила 1380 года мы узнаемъ, что эти епископіи, подчиненныя Роману, получили епископовъ лишь при возстановленіи власти Алексѣя. Нилъ заявляетъ, что когда Романъ умеръ, то „и противъ воли (Ольгерда) власть надъ всею русскою церковью переходитъ къ киръ Алексѣю, народъ наслаждается миромъ и по всѣмъ церквамъ поставляются епископы". Показаніе грамоты о поставленіи епископовъ Алексѣемъ по всѣмъ этимъ городамъ во всякомъ случаѣ доказываетъ, что ранѣе Алексѣя ихъ тоже не было

[1]) Въ Смоленскѣ мы находимъ за это время Ѳеофилакта, поставленнаго въ 1356 году, Парѳенія, хиротонисаннаго около 1365 года, и Даніила, хиротонисаннаго около 1375 года. Въ 1382 году онъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и остался. Въ Черниговѣ же находимъ Наѳанаила, послѣ 1356 года, и Григорія поставленнаго подъ конецъ правленія Алексѣя Строевъ 509 относитъ поставленіе Григорія къ 1377 г. но съ такой датировкою согласиться едва ли возможно. Въ 1376 году

Митр. Алексѣй обращалъ нѣкоторое вниманіе только на Кіевъ. „Митрополитъ взялъ митрополію (Кіевскую) въ надлежащее попеченіе, управляя ею и ежегодно давая на ея нужды весьма щедрыя вспомоществованія, но не находилъ нужнымъ оставить многолюдную страну и великую церковь и отойти къ малому остатку кіевской паствы потому, что одинъ изъ сосѣднихъ епископовъ, когда было нужно, исполнялъ въ Кіевѣ потребныя священнодѣйствія". Такъ писалъ въ 1380 году патр. Нилъ со словъ москвичей. Въ сущности оказывается, что митрополитъ Алексѣй полагалъ всѣ свои обязанности въ совершеніи по временамъ богослуженія въ кіевскомъ соборѣ и считалъ ихъ исполненными, если это богослуженіе совершалось за него какимъ-нибудь другимъ епископомъ.

Благодаря этой враждѣ между Ольгердомъ и митр. Алексѣемъ, послѣдній все болѣе и болѣе запутывался въ узко-московскую политику, что только ухудшало эти отношенія, если только ихъ можно было ухудшить. Это съ особою силою проявилось въ отношеніяхъ митр. Алексѣя къ Твери.

Въ моръ 1365 года въ Твери умерло много князей и княгинь, въ томъ числѣ—вдова князя Александра Михаиловича Настасья и ея старшій сынъ, извѣстный уже намъ Всеволодъ Александровичъ. Во главѣ линіи Александровичей становится энергичный и способный Михаилъ Александровичъ. Этому-то князю, еще при жизни Всеволода Александровича, отказалъ по завѣщанію весь свой удѣлъ его двоюродный братъ, Семенъ

въ Кіевъ прибылъ уже Кипріанъ и, слѣдовательно, Григорій поставленъ былъ Алексѣемъ ранѣе этого года.

Михаилъ Святой—1318 г

Александръ 1301—1339 г. Константинъ 1306—1346 Василій

Михаилъ Симеонъ 1365 Іеремія Михаилъ, женатый на дочери Симеона Гордаго. Такимъ образомъ Симеонъ завѣщалъ свою отчизну двоюродному брату Михаилу помимо родного брата Іеремии и дяди Василія, сынъ котораго, Михаилъ Васильевичъ, былъ женатъ на родной теткѣ великаго князя московскаго, Димитрія Ивановича и приходился, слѣдовательно, дядей послѣднему.

Константиновичъ, умершій въ то же время, *приказавъ ему и свою жену*. Уже это одно показываетъ, какимъ уваженіемъ пользовался среди своей родни Михаилъ Александровичъ. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ, какъ свой наслѣдственный удѣлъ, такъ и удѣлъ, своего двоюроднаго брата, Михаилъ Александровичъ скоро сдѣлался и великимъ княземъ Тверскимъ. Но въ слѣдующемъ году (6874) его дядя, Василій Михайловичъ Кашинскій, и Еремѣй Константиновичъ стали требовать у него наслѣдственной доли въ имуществѣ Семена. Они обратились на судъ митрополита, но тотъ отказался разбирать дѣло лично, а поручилъ его еп. Тверскому Василію[1]).

Еп. Василій высказался въ пользу кн. Михаила Александровича. Въ Москвѣ остались очень недовольны такимъ рѣшеніемъ, усилившимъ князя Тверского, явно тянувшаго къ Ордѣ и Ольгерду, своему зятю. Въ 1367 году, опасаясь Москвы, Михаилъ Александровичъ уѣхалъ въ Литву, а въ его отсутствіе кн. Василій Михайловичъ и его сынъ Михаилъ обратились къ митрополиту съ жалобою на владыку Василія, „что ихъ судилъ о удѣлѣ княже Семеновѣ не по правдѣ“. Мы видимъ, что это не былъ судъ апелляціонный: жаловались не на рѣшеніе судьи, а на самого судью. Василій Тверской оказался подсудимымъ. Онъ черезъ митрополичьихъ приставовъ былъ поставленъ въ Москву на митрополичій судъ, который и призналъ его рѣшеніе неправильнымъ. Такой приговоръ едва ли можно считать справедливымъ: Василій, разъ онъ руководился номоканономъ, и не могъ поставить иного рѣшенія[2]). Трудно было отрицать за

---

1) Никон. 6874 „Того же лѣта по митрополичю благословенію и повелѣнію судилъ ихъ владыка Василей и оправилъ князя Михаила Александровича“. Почему митрополитъ не взялъ на себя этого дѣла? Потому вѣроятно, что онъ считалъ это вторженіемъ въ юрисдикцію еп. Василія.

2) Никон. 6875: „Князь Василей Михайловичь и сынъ его, князь Михаило... приставомъ митрополичимъ позвали на Москву на судъ предъ митрополита владыку Василя, что ихъ судилъ о удѣлѣ княже Семеновѣ не по правдѣ, и тако на Москвѣ про тотъ судъ владыцѣ

княземъ Семеномъ право отказать свое имущество, кому угодно, разъ смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія римскаго права. Но завѣщаніе это могло быть дѣйствительно неправильнымъ съ точки зрѣнія обычнаго русскаго права, о которомъ и вспомнили въ Москвѣ. Тогда Василій Кашинскій со своими союзниками, въ сопровожденіи московской рати, прибыли въ Тверь „и многимъ людемъ сътворища досады безчестіемъ и муками, и разграбленіемъ имѣнія, и продажею безъ помилованія; и къ городу ратью ходиша". Хотя Тверь и не была взята союзниками, но тверскія волости были разграблены и опустошены.

Этимъ началась междуусобица. 27 октября 1367 г. явился князь Михаилъ Александровичъ съ литовскою помощію и направился къ Кашину; только посредничество еп. Василія Тверского заставило противниковъ помириться. Но хотя Михаилъ Александровичъ и показалъ, въ данномъ случаѣ, большую умѣренность и даже—великодушіе, примиреніе было только кажущимся. Очень скоро Еремѣй отъѣхалъ къ Димитрію Ивановичу въ Москву, и тамъ былъ составленъ предательскій планъ захватить кн. Михаила Александровича. Великій князь Димитрій Ивановичъ и митр. Алексѣй назвали „любовію" на Москву князя Михаила. Тотъ, имѣя за собой поруку митрополита, явился въ Москву, вполнѣ увѣренный въ своей безопасности; но ошибся въ этомъ. Въ Москвѣ „составиша съ нимъ рѣчи, таже потомъ бысть имъ судъ на третей на міру въ правдѣ, да его изымали". Вмѣстѣ съ нимъ были захвачены и тверскіе бояре; ихъ разсадили поодиночкѣ по разнымъ дворамъ и держали въ большой тѣснотѣ, равно какъ и князя Михаила.

Вѣроломство ничего не принесло ни великому князю ни митрополиту, кромѣ непримиримой вражды Михаила. Въ Москву въ эту пору случайно пріѣхали ханскіе послы. Изъ страха передъ ханомъ пришлось отпустить Михаила. При этомъ съ него все—таки

Василію сътворися проторъ великъ, а во Твери житейскимъ людемъ нужно бысть про удѣлъ княже Семеновъ".

взяли крестное цѣлованіе, по которому онъ отказался отъ части удѣла Семена и отъ Городка на Вопи. Городокъ этотъ, построенный самимъ Михаилом, представлялъ пунктъ, обезпечивавшій ему возможность сношенія съ Литвой; туда-то и былъ посаженъ Московскимъ намѣстникомъ Еремѣй. Интриги его, вѣроятно, сыграли немалую роль въ этой грязной исторіи.

Съ этой поры Михаилъ дѣлается непримиримымъ врагомъ Москвы и въ особенности митр. Алексѣя, котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ нанесеннаго ему оскорбленія. „Гнѣвашеся наипаче на митрополита, глаголя: „Колику любовь и вѣру имѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему, и онъ толико мя посрами и поруга“.

Начинается непрерывная борьба опиравшейся на Ольгерда Твери съ Москвой [1]). Между противниками тотчасъ началась война, и сначала очень неудачная для Москвы. Ольгердъ дважды доходилъ до нея и только въ 1370 году 6 декабря онъ нашелъ необходимымъ заключить вѣчный миръ съ Московскимъ великимъ княземъ.

Захватъ Тверского князя явился и для самого митр. Алексѣя началомъ неудачъ, преслѣдовавшихъ его потомъ до конца его жизни. Онѣ являлись естественнымъ результатомъ того безспорно слишкомъ уже откровеннаго обращенія духовной силы на службу московской политикѣ, какое замѣчается въ дѣятельности Алексѣя этого времени. Онъ наложилъ отлученіе не только на Тверского князя, но и на всѣхъ союзниковъ Ольгерда подъ тѣмъ предлогомъ, что они нарушаютъ клятвы и помогаютъ язычникамъ противъ христіанъ; въ то же время онъ разрѣшалъ отъ присяги, данной Ольгерду, перебѣжчиковъ на сторону Москвы. Такая практика продолжалась все время, но наибольшей силы достигла въ 1370 г., въ самый разгаръ

[1]) Воскр. 6876. „Онъ же съжалися о томъ велми и положивъ измѣну, и имѣаше ненависть къ великому князю Дмитрію, паче же и на митрополита жаловашеся“.

борьбы, когда обѣ стороны обратились со взаимными жалобами къ патріарху.

Въ это время Ольгердъ послалъ къ патріарху своего человѣка Ѳеодора съ какимъ-то требованіями. Ѳеодоръ, вернувшись, принесъ не только отрицательный отвѣтъ на нихъ, но и сообщеніе о жалобахъ митрополита. Ольгердъ отвѣчалъ патріарху особымъ письмомъ, которое и является главнымъ источникомъ для рѣшенія интересующаго насъ вопроса. Судя по этому письму, не Алексѣй первымъ послалъ посольство, а именно Ольгердъ, который пишетъ: „Прислалъ ты (патріархъ) ко мнѣ (Ольгерду) грамату съ человѣкомъ моимъ Ѳеодоромъ, что митрополитъ жалуется тебѣ, говоря такъ: „Царь Ольгердъ напалъ на насъ". Жалоба на нападеніе могла являться лишь отвѣтною. Можно предполагать, и съ весьма большою вѣроятностію, что въ своемъ новомъ письмѣ Ольгердъ повторилъ свои прежнія требованія, т. е. требованія относительно назначенія особаго митрополита для Литвы, о чемъ Ольгердъ хлопоталъ и до и послѣ разсматриваемой эпохи. Тѣмъ болѣе, что въ то же время въ Константинополѣ былъ и посолъ отъ Казимира Польскаго, требовавшій поставленія особаго митрополита для Малой Руси.

Въ отвѣтъ на эти требованія, какъ и всегда сопровождавшіяся обвиненіями противъ митрополита Алексѣя, послѣдній отправилъ своего посла Аввакума, а великій князь,—Даніила, которые дѣйствовали очень успѣшно противъ Ольгерда. Это посольство возвратилось въ Москву съ цѣлымъ рядомъ грамотъ, которыя всѣ были помѣчены іюнемъ 1370 года.

Димитрію Ивановичу Московскому патріархъ писалъ, что онъ получилъ грамоту, посланную съ человѣкомъ его Даніиломъ, и хвалилъ великаго князя за послушаніе митрополиту. „Митрополитъ, мною поставленный, носитъ (на себѣ) образъ Божій и находится у васъ вмѣсто меня, такъ что всякъ, повинующійся и желающій оказывать ему любовь, честь и послушаніе, повинуется Богу и нашей мѣрности, и честь, ему воздаваемая, переходитъ ко мнѣ, а чрезъ меня—прямо къ самому Богу. И кого митрополитъ благословитъ и возлюбитъ за что либо хорошее,—за

благочестіе или за послушаніе, -того и я имѣю благословеннымъ, и Богъ также; напротивъ, на кого онъ прогнѣвается и наложитъ запрещеніе, и я также... Ибо настоящій митрополитъ—великій человѣкъ; онъ поставленъ отъ Бога отцомъ (твоимъ) и, какъ слышала наша мѣрность, весьма любитъ тебя". Далѣе патріархъ извѣщаетъ, что согласно желанію изданы имъ грамоты увѣщательныя и отлучительныя князьямъ. „Сдѣлано такъ, какъ ты желалъ: я тебя весьма похвалилъ и показалъ къ тебѣ любовь и благорасположеніе; напротивъ, сильно опечалился и разгнѣвался на (другихъ) князей, какъ ты узнаешь изъ моихъ грамотъ".

Митрополита Алексѣя патріархъ хвалилъ за присылку письменныхъ донесеній: „Пиши, доноси и спрашивай о всемъ, въ чемъ имѣешь нужду, о церковныхъ потребностяхъ, о дѣлахъ государственныхъ, о всемъ о чемъ хочешь: и ты сначала получишь наставленіе по своимъ недоумѣніямъ и вопросамъ, потомъ узнаешь о всѣхъ здѣшнихъ дѣлахъ—церковныхъ, государственныхъ и царскихъ". Патріархъ рекомендуетъ письменныя сообщенія о всемъ этомъ; если бы при митроп. Алексѣѣ былъ какой-нибудь органъ патріархіи, обязанный руководить имъ, то конечно, въ данномъ случаѣ, патріархъ не могъ не упомянуть объ этомъ. „Ты еще писалъ и доносилъ мнѣ о князьяхъ, нарушившихъ свои клятвы и мирныя условія: объ этомъ дѣлѣ отправлены къ нимъ грамоты нашей мѣрности, состоявшіяся по желанію и просьбѣ сына моего, великаго князя, которыя и ты увидишь. Кромѣ того отправлена грамота и къ новгородскому архіепископу по извѣстному тебѣ дѣлу и о прочемъ, о чемъ ты узнаешь изъ ея содержанія".

Всѣхъ князей русскихъ патріархъ убѣждаетъ повиноваться митрополиту, какъ самому патріарху. Здѣсь мы имѣемъ такое полное выраженіе кидемоніальной теоріи, какъ нигдѣ.

„Такъ какъ Богъ поставилъ нашу мѣрность предстоятелемъ всѣхъ, по всей вселенной находящихся христіанъ, попечителемъ и блюстителемъ ихъ душъ: то всѣ зависятъ отъ меня, какъ общаго отца и учителя. И если—бы мнѣ можно было самому лично обхо-

дить всѣ находящіеся на землѣ города и веси и проповѣдывать въ нихъ слово Божіе, то я неупустительно дѣлалъ бы это, какъ свое дѣло. Но поелику одному немощному и слабому человѣку невозможно обходить всю вселенную, то мѣрность наша избираетъ лучшихъ и отличающихся добродѣтелію лицъ, поставляетъ и рукополагаетъ ихъ пастырями, учителями и архіереями и посылаетъ въ разныя части вселенной: одного—туда, въ вашу великую и многолюдную страну, другого—въ другую часть земли, повсюду—особаго, такъ что каждый въ той странѣ и мѣстности, которая дана ему въ жребіи, представляетъ лицо, каѳедру и всѣ права нашей мѣрности... Вы обязаны оказывать ему (митрополиту) великую честь и благопокорность, какую должны были бы воздавать и мнѣ самому, если бы я присутствовалъ тамъ; ибо онъ находится тамъ вмѣсто меня, имѣя наши права". Если бы это были права экзарха, патріархъ не могъ бы не указать на это

Князьямъ русскимъ, которые всѣ „согласились и заключили договоръ съ великимъ княземъ всея Руси кирѣ Димитріемъ, обязавшись страшными клятвами и цѣлованіемъ... креста въ томъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ итти войной противъ чуждыхъ нашей вѣрѣ, враговъ креста... покланяющихся огню", но потомъ „соединились съ нечестивымъ Ольгердомъ, который, выступивъ противъ великаго князя, погубилъ и разорилъ многихъ христіанъ", объявлено отлученіе, „такъ какъ они дѣйствовали противъ христіанскаго общежитія". Наказаніе обѣщено снять лишь въ томъ случаѣ, если они раскаются, и это раскаяніе удостовѣрено будетъ митрополитомъ.

Особаго отлученія удостоился Смоленскій князь Святославъ, какъ заключившій договоръ съ великимъ княземъ и нарушившій его; но относительно Михаила Тверского ничего подобнаго не сказано и, можетъ быть, на этотъ разъ онъ и не былъ отлученъ. Но такъ ли это? Основаніемъ для отлученія было не только нарушеніе крестнаго цѣлованія, но и дѣйствія

противъ христіанъ заодно съ огнепоклонникомъ Ольгердомъ [1]).

Для насъ всѣ эти грамоты [2]) важны преимущественно какъ доказательство, что дѣяніе Каллиста о присоединеніи Литовской митрополіи къ Кіевской, очевидно, дѣйствовало и не требовало никакихъ подтвержденій. Патріархія смотритъ на митр. Алексѣя, какъ на правомѣрнаго митрополита надъ Литвою. Такъ же смотритъ на него и крайне недовольный имъ Ольгердъ. Но патріаршая грамота не произвела такого примирительнаго эффекта, на который расчитывалъ патріархъ.

Ольгердъ отвѣтилъ грамотою же съ обвиненіями противъ Москвы и митрополита Алексѣя въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и въ обидахъ родственникамъ и союзникамъ Ольгерда. Эта очень рѣзкая грамота заканчивалась требованіемъ: „Дай намъ другого митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ“. (А. Р. І. № CCCXX).

Грамоту Ольгерда, сохранившуюся безъ даты, слѣдуетъ отнести ко времени между іюнемъ и декабремъ 1370 года. Она должна была быть написана вскорѣ послѣ недошедшаго до насъ посланія патріарха Ольгерду по дѣлу митр. Алексѣя, которое, вѣроятно, было написано одновременно съ посланіемъ къ Димитрію Ивановичу. Въ декабрѣ же 1370 года былъ заключенъ вѣчный миръ съ Москвою, исключавшій возможность предъявляемыхъ Ольгердомъ требованій. Послѣднія представляютъ скорѣе результатъ личнаго раздраженія, чѣмъ серьёзнаго отношенія къ дѣлу. Тонъ грамоты чрезвычайно грубъ. Ольгердъ называетъ себя на „мы“, патріарха же на „ты“ и именуетъ себя царемъ. „Отъ царя Ольгерда патріарху поклонъ. Послалъ ты ко мнѣ грамоту“ [3]).

---

[1]) Итакъ, даже и въ эту пору въ Константинополѣ ничего не было извѣстно о яко бы православіи Ольгерда.

[2]) Напечатаны въ Acta Patr. T. I. №№ CCLXIV, CCLXV, CCLXVI, CCLXVIII, CCLXIX; у проф. Павлова съ русскимъ переводомъ въ Р. И. Б. VI. прил. № 16, 17, 18, 20 и 21.

[3]) Грубость обращенія къ патріарху особенно бросается въ глаза по сравненію съ современной же грамотою къ патріарху короля Казимира Польскаго по поводу Галицкой митрополіи. Она начинается

Наконецъ и самый перечень земель и княжествъ, долженствующихъ, по мысли Ольгерда, войти въ составъ новой Литовской митрополіи, поражаетъ своею необдуманностію. Верхомъ нелѣпости является, напр., включеніе въ эту митрополію такого города, какъ Нижній. Онъ не только отдѣлялся отъ Кіева сплошною территоріею, относящеюся къ области Владимірскаго митрополита, но и никогда до этого времени не имѣлъ и своего самостоятельнаго епископа, управляясь или митрополитомъ, въ личную епархію котораго онъ входилъ, или епископомъ Суздальскимъ на правахъ митрополичьяго экзарха. Въ то же время почему-то забыты Новгородъ и Псковъ; забыто о томъ, что въ силу традиціи Новгородъ долженъ былъ бы принадлежать къ Кіевской митрополіи, а не митрополиту Владимірскому, какимъ былъ бы, согласно проекту Ольгерда, Алексѣй. Въ сущности Ольгердъ опредѣляетъ не территорію митрополіи, а такъ сказать, сферу вліянія Литвы, какъ онъ себѣ ее представлялъ; онъ просто желалъ защитить своихъ союзниковъ отъ возможныхъ воздѣйствій со стороны Алексѣя. Но онъ плохо и тутъ считался съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, напр., выдавая Бориса Константиновича за великаго князя Нижегородскаго, тогда какъ онъ давнымъ давно отказался отъ Нижняго Новгорода въ пользу своего старшаго брата, при жизни котораго для него не было никакой надежды пріобрѣсти это княженіе вновь. Раздраженный тонъ Ольгерда объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что въ грамотѣ патріарха содержался не только совѣтъ помириться съ митрополитомъ Алексѣемъ, но и отказъ въ просимомъ Ольгердомъ митрополитѣ.

Счастливѣе Ольгерда оказались галичане, успѣвшіе уже къ маю мѣсяцу 1371 года добиться особаго митрополита для Галиціи. Дѣло, судя по грамотѣ патріарха, происходило такъ. Въ разсматриваемое нами

словами: „Первопрестольному всесвятѣйшему константинопольскому патріарху вселенскаго собора поклонъ и великое челобитье отъ сына твоего Казимира, короля земли Ляшской и Малой Руси, отъ князей русскихъ, вѣрующихъ въ христіанскую вѣру, и отъ бояръ русскихъ великое челобитье.. Первый митрополитъ вашего благословенія.. И нынѣ, святой патріархъ вселенскихъ соборовъ“..

время въ Константинополѣ появился нѣкій епископъ Антоній съ грамотою польскаго короля Казимира и другихъ князей. Въ ней Казимиръ жаловался на то, что земля (Галицкая) гибнетъ безъ вѣры и закона и потому требовалъ отъ патріарха поставленія Антонія въ митрополиты Галицкіе по прежде бывшимъ примѣрамъ; въ случаѣ же отказа грозилъ обратить всѣхъ русскихъ своихъ подданныхъ въ католицизмъ. Патріархъ яко бы испугался этихъ угрозъ[1]) и потому поставилъ Антонія въ митрополиты Галицкіе.

Но въ дѣйствительности дѣло обстояло не такъ просто. Намъ неизвѣстно время прибытія Антонія въ Константинополь; но грамота Казимира была написана до 28 ноября 1370 года (день смерти Казимира Великаго), а Антоній долго пробылъ въ Константинополѣ, пока о немъ собирались справки. Если положить на это годовой срокъ, какъ было съ м. Алексѣемъ, то мы едва ли ошибемся, предположивъ, что въ бытность Аввакума въ Константинополѣ, въ іюнѣ 1470 года, тамъ былъ и Антоній, и слѣдовательно, московское посольство было посвящено въ хлопоты его о галицкой митрополіи. Конечно между противниками должна была возникнуть борьба, памятникомъ которой осталась грамота, или вѣрнѣе проектъ подтвержденія грамоты Каллиста I о присоединеніи Литовской митрополіи къ Кіевской, т. е. о присоединеніи не только Литвы, но и Малой Руси и Галича, коими владѣлъ Романъ. (А. Р. І. № CCLXX).

Изложивъ въ ней причины и исторію выдѣленія Галича изъ Кіевской митрополіи при Каллистѣ I и

---

[1]) Даже про Литву въ 1409 году орденцы писали, что есть опасность, что по смерти Ягелло она можетъ сдѣлаться православною.

Item ponderandum est, quid de hac assumptione regis nunc Poloniae in temporibus futuris contigere poterit circa regnum Poloniae, cum iste nunc rex nullum heredem habeat de suis fratribus, qui christiani forent, dumtaxat unum demendo, et si idem non magis Rutenus sit, quam christianus, hoc est Deo notum; et si rex nunc Poloniae moriretur, tunc partes illae omnes ad infideles declinarent, ad quod etiam flexibiles sunt illi Ruteni, cum ipsi a sacra ecclesia Romana sint divisi et sperandum non foret an unquam ipsi ad christianitatem converterentur.

послѣдующаго возстановленія единства русской митрополіи при немъ же. Филоѳей заявляетъ: „Распоряженія эти, явленныя потомъ нашей мѣрности и оказавшіяся благими, получили и отъ насъ полное подтвержденіе. Посему, издавая настоящую сигилліодную грамоту, мѣрность наша повелѣваетъ, чтобы литовская страна, *со всѣмъ что было подчинено ей, во время ея самостоятельности*, принадлежала къ кіевской митрополіи, наравнѣ съ прочими епископіями, знала бы Кіевъ, какъ свою митрополію, отсюда получала своего епископа и попрежнему входила въ митрополичій кіевскій округъ. Словомъ: какъ постановлено соборнымъ дѣяніемъ бывшаго предъ нами патріарха и досточтимыми приказами высочайшаго и святаго моего самодержца, такъ должно оставаться на всѣ послѣдующія времена... Пусть упомянутый преосвященный митрополитъ займетъ ее, какъ свою епископію, и съ полною увѣренностію въ своемъ правѣ, совершаетъ въ ней все, что онъ могъ бы дѣлать въ другихъ подчиненныхъ ему епископіяхъ. Тоже пусть будетъ и при всѣхъ послѣдующихъ за нимъ русскихъ митрополитахъ. На сей конецъ и издана настоящая сигилліодная грамота нашей мѣрности".

Грамота эта своими необычными особенностями сразу возбуждаетъ сомнѣнія. Во-первыхъ въ ней не указывается ни повода, ни лица, по просьбѣ котораго она издана, во-вторыхъ она, въ сущности, безъ даты и безъ патріаршей подписи. Грамота датирована „мѣсяца... текущаго индикта, лѣта шесть тысячь восемьсотъ семьдесятъ...", при чемъ для единицъ года оставлено пустое мѣсто, чтобы заполнить потомъ;мы можемъ выбирать отъ 6873 до 6879, т. е. отъ 1364 до 1371 года. Но она поставлена вмѣстѣ съ другими грамотами этого года, полученными Алексѣемъ при помощи Аввакума, и представляетъ съ ними какъ бы одно цѣлое. И выдачу ея слѣдуетъ поставить въ связь съ хлопотами Аввакума о сохраненіи Литовской митрополіи за Алексѣемъ. Но тогда окажется, что, получивъ всѣ прочія грамоты, Аввакумъ добился только проекта грамоты о подтвержденіи дѣянія Каллиста о нераздѣльности русской митрополіи.

Проектъ этотъ былъ на всякій случай, внесенъ въ акты до подписанія грамоты патріархомъ; но въ іюнѣ мѣсяцѣ 1370 г. чиновники патріархіи не знали даже того, будетъ ли этотъ проектъ утвержденъ въ теченіе текущаго года, т. е. до перваго сентября 6879 года, и потому, написавъ цифру десятковъ года, поставили пустое мѣсто для единицъ. Патріархъ и дѣйствительно не подписывалъ грамоты. Задержка была, очевидно, не за вопросомъ о Литвѣ въ собственномъ смыслѣ слова: здѣсь, какъ мы видѣли, патріархъ пошелъ вполнѣ навстрѣчу московскому правительству. Торгъ шелъ о Галичѣ, о которомъ хлопоталъ страшный Казимиръ. Въ результатѣ, изданіе грамоты такъ и не состоялось. Запись о ней въ актахъ патріархіи была перечеркнута со слѣдующей замѣткою. „Это перечеркнутое дѣяніе состоялось по волѣ и божественному приказанію всесвятѣйшаго владыки нашего вселенскаго патріарха. Оно было вписано и внесено наряду съ другими соборными актами—до подписанія подлинника честною и божественною рукою (патріарха); но какъ онъ призналъ это дѣяніе отмѣненнымъ и недѣйствительнымъ, то и нужно было перечеркнуть настоящій текстъ, потому что и самый подлинникъ рѣшено было оставить безъ исполненія“.

Подъ рѣшеніемъ, о которомъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ, очевидно, понимать опредѣленіе патріаршаго синода въ маѣ 1371 года о поставленіи кандидата польскаго короля Казимира, еп. Антонія, въ митрополиты Галицкіе, съ подчиненіемъ ему епископій—Холмской, Туровской, Перемышльской и Владимірской, которыя ему предоставлялись взять въ свое вѣдѣніе, „пока не прекратятся тамъ происходящія теперь брани и не настанетъ миръ и конецъ соблазнамъ“. При этомъ, не отмѣняя грамоты Каллиста I формально, синодъ просто замалчивалъ объ ея существованіи, говоря лишь о долголѣтнемъ вдовствѣ Галицкой митрополіи и о необходимости замѣстить ее. Съ точки зрѣнія грековъ Казимиръ доказалъ, что Галицкая митрополія исконн была самостоятельною, и значитъ грамота Каллиста, исходившая изъ того предположенія, что Галичъ въ составѣ Литовской митрополіи всегда былъ

эпоріею Россіи, должна была утрачивать значеніе по отношенію къ нему. Совершенно ту же точку зрѣнія раздѣляетъ и надпись, при которой перечеркнута грамота, предполагавшаяся Филоѳеемъ къ изданію съ подтвержденіемъ нераздѣльности Русской митрополіи. На сей разъ грамота была оставлена въ актахъ патріархіи, такъ сказать, для справки и представляетъ въ этомъ видѣ своего рода уникумъ.

Тѣмъ замѣчательнѣе дата возстановленія Галицкой митрополіи: маій 1371 года, т. е. черезъ полгода по смерти Казимира. Очевидно, на окончательное рѣшеніе патріарха повліялъ не страхъ передъ великимъ королемъ, какъ утверждалъ потомъ патріархъ, а что-то другое: возстановленіе произошло въ тотъ весьма непродолжительный періодъ, когда на престолѣ Русскаго великаго княженія оказался Михаилъ Тверской, шуринъ и союзникъ Ольгерда и заклятый врагъ митрополита Алексѣя. Михаилъ, хотя для вида и помирился съ Димитріемъ Ивановичемъ при заключеніи послѣднимъ мира съ Ольгердомъ, но уже въ 1371 году весною отправился въ Орду, откуда и возвратился съ ярлыкомъ на велпкое княженіе Владимірское и всея Руси. Въ этотъ періодъ вражда между митрополитомъ Алексѣемъ и Михаиломъ Тверскимъ обострилась, какъ никогда. Алексѣй, не признавая его за законнаго великаго князя, отлучилъ его отъ церкви, за нарушеніе крестнаго цѣлованія Димитрію. Одновременно подвергся запрещенію и епископъ Тверской Василій. Оба они обратились въ Константинополь съ жалобами на Алексѣя. Михаилъ требовалъ суда надъ митрополитомъ, низложенія его и поставленія новаго. Новый великій князь уже не предлагалъ своего кандидата въ митрополиты (что было запрещено настольною грамотою Алексѣю), и патріарху представлялась, такимъ образомъ, возможность поставить новаго русскаго митрополита по своему усмотрѣнію. Посолъ великаго князя, архимандритъ Ѳеодосій, пришелъ съ такими пріятными для патріарха вѣстями въ самый разгаръ рѣшительной борьбы Москвы съ Тверью [1]).

---

[1]) Неизвѣстно, чѣмъ было вызвано запрещеніе наложенное на Василія. Можно только догадываться, что причиною его была размолвка

Совпаденіе выдѣленія Галича въ особую митрополію съ этими событіями, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо случайнымъ. Теперь Филоѳей, истинныя чувства котораго къ Алексѣю ясны изъ настольной грамоты послѣднему, началъ медленно, и съ чрезвычайною осторожностію, дѣйствовать противъ него. Патріархъ отправилъ въ Россію своего близкаго человѣка, Іоанна Докіана, котораго онъ ре-

---

Василія съ союзникомъ Москвы, Михаиломъ Васильевичемъ Кашинскимъ.

Между ними произошли недоразумѣнія изъ-за церковныхъ имуществъ. Зимою 1368 года Михаилъ Кашинскій приказалъ перенести Кашинскій монастырь Богородицы внутрь города Кашина и „мѣсто то святое разкопати, и въ гробехъ мертвыхъ кости разрушили издавна положѣныхъ иноковъ". Мѣсто это, по всей вѣроятности, потребовалось князю для какихъ-нибудь построекъ, онъ поступалъ такъ же, какъ впослѣдствіи поступалъ въ подобныхъ случаяхъ Иванъ III въ Москвѣ. Владыка Василій за это наложилъ на Кашинскаго князя запрещеніе, на которое тотъ сначала не обратилъ вниманія. Но по тои ли причинѣ, что раскопка кладбища производилась безъ соблюденія достаточныхъ предосторожностей, или независимо отъ этого, князь и княгиня оба заболѣли продожительною, тяжкою болѣзнью и притомъ—никому неизвѣстною. Отъ этой болѣзни княгиня умерла 29 апр. 1368 года. Это было признано наказаніемъ за уничтоженіе монастыря и „князь Михайло Василіевичь устрашися и ужасеся того ради, и прощенія проси у владыки Василіа и у всего священнаго събора". Отлученіе было снято, но подъ условіемъ „не до конца то мѣсто разорити".

На первое время князь послушался владыки и поставилъ на мѣстѣ прежней монастырской церкви малую церковь Пресвятыя Богородицы. Но, оправившись отъ страха передъ гнѣвомъ Божіимъ, онъ приказалъ сломать и эту церковку. Подъ слѣдующимъ же годомъ мы находимъ извѣстіе, что „Михайло Василіевичь Тверскій.. ѣздилъ къ митрополиту Алексѣю на своего Василіа владыку Тверьскаго жаловатися" (Никон. 6877/1369), а вслѣдъ за этимъ мы узнаемъ изъ грамоты патр Филоѳея 1371 года, что еп. Василій незадолго передъ этимъ былъ подвергнутъ митрополитомъ запрещенію.

Приходитъ на мысль, что это отлученіе и жалоба князя находятся въ причинной связи одно съ другимъ. По всей вѣроятности, разореніе монастыря, вопреки данному обѣщанію, навлекло на князя Михаила Кашинскаго новое запрещеніе со стороны епископа Василія, на что тотъ и пожаловался въ Москву. Тамъ же, какъ и въ дѣлѣ о Семеновомъ наслѣдствѣ, приняли сторону союзника и еп. Василій, былъ подвергнутъ запрещенію. Конечно, если мы правильно догадываемся о причинахъ, то его нельзя признать справедливымъ.

комендовалъ, какъ „мужа разумнаго, добраго, искуснаго и образованнаго — по всему нашего". Докіанъ былъ снабженъ какою-то секретною инструкціею, о которой рѣчь будетъ впереди. Офиціальнымъ же порученіемъ, даннымъ ему, было отвезти три грамоты: одну великому князю Михаилу Тверскому и двѣ грамоты митр. Алексѣю, одну помѣченную августомъ, другую—сентябремъ того же года.

Въ грамотѣ Михаилу Тверскому, отъ сентября 1371 г. патріархъ, правда, не называетъ его великимъ княземъ всея Руси, а только великимъ княземъ Тверскимъ. Но посылка Іоанна Докіана выставляется, какъ личная любезность по отношенію къ князю Михаилу: „По этой просьбѣ, (т. е. по просьбѣ князя Михаила) я послалъ къ преосвященному митрополиту Кіевскому и всея Руси близкаго своего человѣка Іоанна — того самаго, который несетъ къ твоему благородію настоящую грамоту". Должно было польстить самолюбію князя Тверского и то обстоятельство, что на имя его противника, Димитрія Московскаго, Докіанъ совсѣмъ не везъ никакой грамоты. Но въ Москвѣ дѣло нужно было выставить въ совершенно иномъ видѣ. На имя князя Московскаго грамоты патріархъ не посылалъ: это избавляло его отъ необходимости рѣшать вопросъ о титулѣ и о томъ, кто великій князь всея Руси. Въ двухъ же грамотахъ на имя митрополита Алексѣя, миссіи Докіана приданъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ въ грамотѣ Михаилу Тверскому.

Патріархъ воспользовался для этого происшедшимъ передъ тѣмъ отдѣленіемъ Галицкой митрополіи и письмомъ Ольгерда. И вотъ, въ первой грамотѣ отъ августа 1371 года, сообщая объ этихъ событіяхъ, патріархъ пишетъ о Докіанѣ: „Посему я послалъ къ твоему святительству близкаго своего человѣка Іоанна... и пишу къ тебѣ, что нужно было бы тебѣ самому прійти сюда по всѣмъ этимъ дѣламъ". Во-второй же грамотѣ, отъ сентября 1371 года, представляющей приказъ Алексѣю явиться на судъ въ Константинополь, по жалобамъ Михаила Тверского, патріархъ пишетъ: „Мѣрность наша послала къ тебѣ близкаго своего человѣка Іоанна Докіана. Когда грамота моя

была уже написана (имѣется въ виду первая грамота) и тотъ изготовился и отправлялся туда (ἡτοιμάσθη καὶ οὗτος καὶ ἔρχετο αὐτόθι), пришелъ отъ тверского князя Михаила... архимандритъ Θеодосій и т. д.".

Изъ сопоставленія этихъ двухъ показаній о миссіи Докіана митр. Алексѣй долженъ былъ заключить, что патріархъ намѣренъ былъ послать ему чрезвычайно милостивое приглашеніе пріѣхать въ Константинополь для обсужденія дѣлъ Руси, чтобы рѣшить ихъ въ интересахъ Алексѣя. Приглашеніе это дѣлалось *въ высшей степени* почетной формѣ, путемъ личной посылки одного изъ приближенныхъ къ патріарху лицъ. Патріархъ простиралъ свое вниманіе до того, что ради престарѣлаго возраста Алексѣя, въ виду того, что Алексѣю могло быть неудобнымъ явиться въ Константинополь лично, предоставилъ ему замѣнить себя какимъ-нибудь изъ митрополичьихъ бояръ. Если же въ руки Докіана и попала такая непріятная грамота, какъ вызовъ на судъ, то это оказывалось случайностію, происшедшею помимо желанія патріарха. Докіанъ получилъ порученіе отвезти и эту грамоту, такъ сказать, по пути.

Но подъ этими льстивыми формами скрывалось весьма непріятное для митр. Алексѣя содержаніе. Патріархъ предписываетъ митр. Алексѣю немедленно посѣтить Литву, и даже переѣхать туда на жительство.

„Слышу отъ приходящихъ оттуда о твоемъ святительствѣ нѣчто такое, что меня огорчаетъ", писалъ патріархъ, „именно я услышалъ, что ты заботишься не о всѣхъ христіанахъ, обитающихъ въ разныхъ частяхъ Руси, но утвердился на одномъ мѣстѣ, всѣ же прочія мѣста оставляешь безъ пастырскаго руководства, безъ ученія и духовнаго надзора. Вотъ что огорчило нашу мѣрность и священный соборъ: это нехорошо и не согласно съ предписаніями священныхъ каноновъ. Ибо какъ нашу мѣрность поставилъ Богъ пастыремъ и учителемъ всей вселенной: такъ и твое святительство рукоположилъ я въ отца и учителя всего того народа Божія, дабы ты всѣхъ училъ, о всѣхъ равно заботился, ко всѣмъ имѣлъ отческую любовь и расположеніе. И если возникнетъ между ними вражда,

тебѣ, какъ общему отцу и учителю, нужно примирять ихъ другъ съ другомъ".

Въ послѣдней фразѣ нельзя не видѣть указанія, что Алексѣй слишкомъ одностороненъ въ своихъ привязанностяхъ къ Димитрію въ ущербъ Ольгерду. Дѣло становилось для Алексѣя очень серьезнымъ: по мнѣнію патріарха и синода онъ поступилъ „нехорошо и противно канонамъ", а за такіе поступки, противные канонамъ, очевидно, полагалось лишеніе каѳедры.

„Нужно было бы тебѣ самому прійти сюда по всѣмъ этимъ дѣламъ. Но какъ это неудобно для тебя, то послали своего добраго человѣка, отъ котораго мы могли бы въ точности узнать о всѣхъ дѣлахъ, разсмотрѣть и увидѣть, какъ намъ нужно поступить, чтобы не сдѣлать чего-либо къ твоему огорченію". Ясно просвѣчиваетъ угроза отдѣлить и Литву, какъ отдѣлили уже Галичъ.

Такимъ образомъ патріархъ не смотритъ на грамоту Каллиста, какъ на отмѣненную, что касается до Литовской, собственно, митрополіи. Формально онъ и былъ правъ, разъ оказалось, что Галицкая митрополія не имѣетъ ничего общаго съ Литовскою, въ собственномъ смыслѣ слова. Но по существу дѣла патріархъ, конечно, игралъ двойную игру. Онъ ставилъ митрополиту Алексѣю трудно выполнимое требованіе посѣтить Литву и угрожалъ лишеніемъ и Литвы вслѣдъ за Галичемъ, если онъ не исполнитъ этого требованія. Что это не было пустой угрозой, оказалось впослѣдствіи; на сей же разъ пришлось оставить Алексѣя на время въ покоѣ.

Великое княженіе Михаила Тверского оказалось эфемернымъ. Во Владимірѣ не приняли ни Михаила ни сопровождавшаго его ханскаго посла Сарыхожу, которому Димитрій Московскій заявилъ: „Къ ярлыку не ѣду, а въ землю на княженіе Володимерское не пущу; а тебѣ, послу, путь чистъ". Сарыхожа не обидѣлся, а напротивъ сдѣлался другомъ и союзникомъ закупившаго и задарившаго его Димитрія. Димитрій вслѣдъ за этимъ, въ серединѣ іюля, отправился въ Орду, напутствуемый благословеніями и молитвами митрополита Алексѣя, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ вернулся

великимъ княземъ Владимірскимъ и всея Руси. Положеніе же Михаила Тверского оказалось въ полномъ смыслѣ слова отчаяннымъ.

Въ хлопотахъ о великомъ княженіи Михаилъ Александровичъ не принялъ въ расчетъ, во что долженъ былъ обойтись ему ярлыкъ. Онъ принужденъ былъ войти въ долги въ Ордѣ и оставить тамъ заложникомъ сына своего, Ивана Михайловича. По всей вѣроятности, кн. Михаилъ Александровичъ, входя въ такіе долги, разсчитывалъ покрыть ихъ изъ средствъ великаго княженія Владимірскаго. Но, какъ мы видѣли, великое княженіе, въ концѣ концовъ, досталось Димитрію, который, вернувшись въ 1371 году изъ Орды великимъ княземъ, привезъ съ собою въ Москву и княжича Тверского Ивана Михайловича, выкупленнаго имъ у заимодавцевъ его отца. Михаилъ Тверской задолжалъ всего какихъ-нибудь триста рублей [1]). По всей вѣроятности, Димитрій выкупилъ княжича на средства митрополита Алексѣя, и потому то онъ и былъ посаженъ на митрополичьемъ дворѣ до выкупа. Можетъ быть, что Димитрій даже самъ и не

---

[1]) Львов. 6879· „Осени тоя приде князь велики изъ орды, укрепивъ подъ собою великое княженіе. приведе съ собою, выкупивъ у Татаръ, княжя Михаилова сына Іоана, а да на немъ 300 рублевъ; приведъ его на Москву, посади на митрополиче дворѣ, донележе выкупиша его“. Ничтожность суммы до такой степени поразила Воскресенскаго лѣтописца, что онъ рѣшилъ, что ҂т означаетъ не триста, а тьма (10000), и даже передѣлалъ 300 рублей въ 30000 рублей.

Воскр. 6879: „дасть на немъ 30 тысящь рублевъ сребра, е ж е е с т ь т м а“. Никоновская лѣтопись поправила на 10000 рублей „Пріидоша же съ нимъ послы отъ царя и Татарове многи и выведоша съ собою изъ Орды князя Ивана Михаиловича Тверскаго, окупивше его въ долгу во Ордѣ, даша на немъ десять тысящь рублевъ, еже есть тма рублевъ и приведоша его съ собою на Москву; и взя его Алексѣй митрополитъ, и седѣлъ у Алексѣя митрополита на дворѣ; и тако пребысть не мало время, дондележе выкупиша его“. (Никон. 6880). Повидимому, въ данномъ случаѣ Никон. лѣтопись слѣдуетъ Воскресенской и подъ слѣдующимъ годомъ разсказываетъ о томъ же событіи опять Никон 6681. „Того же лѣта князь велики Дмитреи Ивановичь Московьскій посла во Орду киличѣевъ своихъ съ многими дары и взя князя Ивана княжь Михаилова сына Александровичя Тверскаго, и приведоша его на Москву, и дръжаше его въ нужѣ велицѣ“.

выкупалъ княжича, а только пообѣщалъ татарамъ, что въ Москвѣ найдется охотникъ выкупить его; тѣ привели княжича въ Москву и, дѣйствительно, нашли такого охотника въ лицѣ Алексѣя. Одновременно съ этимъ московская рать ходила на Бѣжецкій Верхъ, убила тамъ намѣстника князя Михаила Тверского и разграбила Тверскія волости. 14-го декабря 1371 года состоялся походъ Димитрія на Рязань, окончившійся полнѣйшимъ разгромомъ рязанцевъ.

Докіана при такомъ оборотѣ дѣлъ, когда онъ явился въ Москву, не пустили въ Тверь и потребовали показать грамоту къ Тверскому князю. Тутъ противорѣчія въ опредѣленіи задачъ и миссіи Докіана обнаружились. Москвичи, конечно, поняли и то, что двѣ грамоты на имя Алексѣя, яко бы написанныя въ разное время, представляютъ тоже не болѣе, какъ политическій пріемъ. Отъ патріарха потребовали болѣе точныхъ объясненій на этотъ счетъ, до полученія же ихъ задержали Докіана въ Москвѣ или, можетъ быть, во Владимірѣ.

Съ грамотами патріарху отправился нашъ знакомый Аввакумъ. Вѣроятно съ нимъ же послалъ и Докіанъ свои разъясненія, которыя должны были ознакомить патріарха съ положеніемъ дѣлъ въ Восточной Руси. Патріархъ понялъ и на время примирился. Отвѣтныя грамоты таковы, что можно подумать, что онѣ писаны подъ диктовку москвичей.

Грамоты эти—одна на имя князя Михаила Тверского, другая—на имя митр. Алексѣя [1]). Обѣ онѣ на-

---

[1]) Грамоты эти безъ даты и безъ имени патріарха помѣщены въ Актахъ Патріархіи I. p. 320–322, между актами, 1361—1362 годовъ, и потому отнесены Миклошичемъ ко времени патріарха Каллиста. Профессоръ Павловъ, на основаніи содержанія ихъ, совершенно правильно отнесъ ихъ къ разсматриваемой нами эпохѣ (РИБ. VI пр. 156). Но нельзя согласиться съ датою 1371 годъ, которую нашъ почтенный ученый поставилъ надъ этими двумя грамотами. Докіанъ выѣхалъ изъ Константинополя не ранѣе конца сентября 1371 года и, слѣдовательно, могъ попасть въ Москву лишь зимою Аввакумъ же выѣхалъ изъ Москвы, вѣроятно, не ранѣе весны 1372 года, съ открытіемъ навигаціи. Зимнія путешествія были необычны да и неудобны, спѣшить же особенно не было нужды, такъ какъ до назначеннаго патріархомъ

чинаются съ изложенія исторіи посольства Іоанна Докіана, при чемъ противорѣчіе, существовавшее въ этомъ пунктѣ въ прежнихъ грамотахъ, уничтожено. Докіанъ оказывается посланнымъ къ митрополиту, а не къ князю Михаилу. Мы вправѣ отсюда заключить, что въ грамотѣ митр. Алексѣя содержались вопросы на этотъ счетъ. Изъ того же, что патріархъ оправдывался въ томъ, что онъ назначилъ судъ надъ митр. Алексѣемъ по жалобѣ кн. Михаила („Какъ могъ я не дать суда“? писалъ патріархъ), мы вправѣ сдѣлать заключеніе, что въ Москвѣ были высказаны возраженія и по этому пункту. Очевидно, въ угоду москвичамъ патріархъ предписывалъ обоимъ противникамъ, и митр. Алексѣю, и кн. Михаилу, прекратить ихъ соблазнительную ссору миромъ. „Отвѣчаю и наказываю тебѣ“, писалъ патріархъ Алексѣю: „не вижу я ничего хорошаго въ томъ, что ты имѣешь соблазнительные раздоры съ княземъ Михаиломъ, изъ-за которыхъ вамъ нужно ѣхать на судъ; но какъ отецъ и учитель, постарайся примириться съ нимъ и, если онъ въ чемъ-либо погрѣшилъ, прости и пріими его, какъ своего сына, и имѣй съ нимъ миръ, какъ и съ прочими князьями. А онъ, какъ я пишу къ нему, долженъ принести раскаяніе и просить прощенія. Вотъ что мнѣ кажется добрымъ и полезнымъ: пусть такъ и будетъ, безъ всякаго прекословія. Если же вы не хотите этого, а ищете суда, то я не препятствую суду, но смотрите, чтобы онъ не показался для васъ тяжкимъ“.

Еще обстоятельнѣе написана была грамота Михаилу Тверскому, отправленная съ тѣмъ же Аввакумомъ, которому предписано отдать ее въ руки патріаршему посланцу, очевидно, тому же Іоанну Докіану, остававшемуся въ Россіи. (Онъ, стало быть, все время проживалъ у митрополита и еще не ѣздилъ въ Тверь). Ему предписано дать толмача, съ которымъ бы онъ

срока для явки на судъ, сентября 1372 года, было еще довольно времени. По всей вѣроятности, Аввакумъ и былъ отправленъ съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ могъ заблаговременно возвратиться назадъ. Такимъ образомъ грамоты слѣдуетъ отнести къ 1372 г.

отправился къ князю и „показалъ ему, какъ первую, такъ и настоящую мою грамоту (стало быть, первая грамота все еще не была показана кн. Михаилу), которую теперь пишу о мирѣ, и передалъ мои слова о томъ, чтобы онъ склонился къ покаянію и примиренію". Въ этой новой грамотѣ, порученіе данное Докіану, изложено совершенно такъ, какъ и въ грамотахъ, адресованныхъ въ Москву. Что касается до суда, какого добивался кн. Михаилъ, то грамота содержитъ полнѣйшій отказъ въ этой просьбѣ. „Тогда написалъ я и къ твоему благородію, изъясняя тебѣ тоже самое, что и митрополиту, а именно—пусть будетъ судъ, судитесь. Но теперь я признаю за лучшее написать тебѣ другое: неприлично и не служитъ на пользу твоей душѣ, ни къ чести твоего рода имѣть тяжбы и ссоры съ своимъ митрополитомъ... Кто изъ князей когда-либо судился съ митрополитомъ?... Оставь же и ты ссоры и судъ, приди и примирись съ отцомъ твоимъ, митрополитомъ, проси у него прощенія, принеси ему раскаяніе, чтобы онъ принялъ тебя и возлюбилъ какъ своего сына. Онъ тебѣ отецъ и если, какъ отецъ, сдѣлалъ что-либо противъ тебя, тебѣ слѣдовало перенести это, или, еще лучше, прійти къ нему и испросить у него благословенія и прощенія, а не искать суда на него: такъ тебѣ слѣдовало тогда поступить. Но если ты не сдѣлалъ этого тогда, то сдѣлай теперь: попроси у него благословенія и прощенія и, если въ чемъ согрѣшилъ—исправься".

Мало того—въ Москвѣ добились подтвержденія со стороны патріарха отлученія, наложеннаго на тверяковъ м. Алексѣемъ. „И если вы примиритесь, какъ я пишу вамъ, то ты и митрополитъ пошлите ко мнѣ своихъ людей, чтобы и я узналъ о томъ: тогда и я возлюблю тебя, благословлю, прощу (συγχωρήσω) и буду имѣть своимъ истиннымъ сыномъ". Мотивомъ наложенія такого запрещенія послужило нарушеніе крестнаго цѣлованія со стороны кн. Михаила, какъ это ясно изъ пространнаго убѣжденія соблюдать крестное цѣлованіе, чѣмъ и заканчивается разсматриваемая нами грамота.

Единственно на что не согласился патріархъ, это—сдѣлать уступку по вопросамъ, которыхъ касалась секретная инструкція Докіану. На этотъ счетъ, онъ ограничился сухимъ отвѣтомъ. „О прочемъ наша мѣрность пространнѣе написала тебѣ съ своимъ человѣкомъ Іоанномъ и ты узнаешь объ этомъ въ точности". Мы не знаемъ содержанія этихъ инструкцій, но можемъ о немъ догадываться. Дѣло шло не о какихъ-нибудь недоумѣнныхъ вопросахъ церковнаго управленія; если бы митр. Алексѣй спрашивалъ патріарха о нихъ, то, навѣрное, получилъ бы полное разъясненіе и разрѣшеніе ихъ въ самой отвѣтной грамотѣ патріарха. Если же послѣдній ограничился предписаніемъ поступать такъ, какъ скажетъ Докіанъ, то, значитъ, дѣло было неудобно оглашать. Изъ такихъ же вопросовъ, крайне интимнаго свойства, первое мѣсто всегда занималъ вопросъ о пособіи патріархіи со стороны русской митрополіи[1]). Всякій патріаршій посолъ,

---

[1]) Намъ уже приходилось говорить, что Константинопольская патріархія существовала лишь при помощи поддержки со стороны подчиненныхъ ей митрополи, въ формѣ ли предоставленія ей доходовъ со вдовствующихъ митрополій, или въ формѣ взносовъ со стороны митрополитовъ. Въ теоріи эти взносы были добровольными по ихъ размѣру, но практика расходилась съ теоріею Въ 1324 году въ сентябрѣ патріаршій синодъ разъ навсегда опредѣлилъ размѣры этой ежегодной подати со стороны митрополитовъ. Такса, въ зависимости отъ богатства отдѣльныхъ митрополій, колебалась отъ 200 иперпиръ, для наиболѣе богатыхъ, до 15 иперпиръ, для наиболѣе бѣдныхъ (АР I V 60). Русской митрополіи въ этомъ спискѣ мы не находимъ; но это отнюдь не значитъ, что она освобождена была отъ такихъ взносовъ въ пользу патріархіи. Совершенно напротивъ: тогда какъ греческіе митрополиты путемъ этого синодальнаго акта оградили себя отъ прежнихъ произвольныхъ запросовъ со стороны патріархіи, относительно Россіи осталась прежняя практика.

Въ разсматриваемую нами эпоху Россія и являлась главнымъ рессурсомъ, къ которому обращались за помощію не только Константинопольская, но и другія восточныя церкви.

Такъ въ 1371 году „приде изъ Ерусалима митрополитъ, именемъ Германъ, на Русскую землю милостыни ради искупленіа долговъ отъ Сращинъ" (Никон. 6879). Въ 1376 году „Приде нѣкій митрополитъ, именемъ Марко. изъ Синайскіа горы на Русскую землю милостыни ради. Того же лѣта приде изъ Ерусалима нѣкій архимандритъ, име-

кромѣ своей показной миссіи, имѣлъ еще и миссію финансовую. Каждая услуга патріарха оплачивалась и весьма недешево; нѣтъ основанія полагать, что Докіанъ составлялъ исключеніе. Въ Москвѣ прекрасно понимали, въ какой финансовой зависимости находится отъ нея патріархъ, и поставили удовлетвореніе патріаршаго запроса отъ удовлетворенія со стороны патріарха всѣхъ требованій Москвы. Патріархъ все это исполнилъ и въ политичной формѣ напомнилъ москвичамъ, чтобы и они не забывали условій[1]).

Иначе звучитъ патріаршій отвѣтъ относительно Литвы. Очевидно, м. Алексѣй оправдывался противъ обвиненій Ольгерда тѣми же соображеніями, какія мы находимъ по этому поводу въ грамотѣ патріарха Нила 1380 года, составленной со словъ московскихъ пословъ. Тамъ о митр. Алексѣѣ заявляется, что народъ въ Литвѣ управлялся многими епископами и потому, слѣдовательно, въ личномъ присутствіи митрополита Алексѣя нужды не было. Это едва ли было такъ. Во всякомъ случаѣ, до множества епископовъ въ Литвѣ далеко. Въ грамотѣ Ольгерда патріарху говорится лишь объ одномъ епископѣ, неизвѣстномъ по имени и по каѳедрѣ, который поручился за нагубника Васплія и котораго этотъ нагубникъ выдалъ, бѣжавъ въ Москву. По всей вѣроятности, это былъ Смоленскій епископъ, который и былъ единственнымъ на всю Литву.

Далѣе Алексѣй оправдывается тѣмъ, что онъ не только поддерживалъ Кіевскую каѳедру изъ своихъ средствъ, но и поручалъ одному изъ подчиненныхъ ему епископовъ совершать въ Кіевскомъ соборѣ всѣ

немъ Нифонтъ, изъ манастыря святаго архангела Михаила, иже во Іерусалимѣ, на Русскую землю милостыни ради, да тою милостынею на патріаршество сталъ иже во Іерусалимѣ (Никон. 6884). Тонъ, какимъ говоритъ лѣтописецъ объ этихъ прошакахъ, въ числѣ которыхъ, конечно, было не мало и проходимцевъ, показываетъ, что на Руси подчасъ не особенно довольны были такими гостями.

[1]) Іоаннъ Докіанъ, подобно Пердикѣ, скоро возвратился въ Константинополь. По крайней мѣрѣ, всѣ извѣстія о Докіанѣ исчезаютъ. Въ 1374 году въ Россію прибылъ уже другой патріаршій посолъ-Кипріанъ, будущій митрополитъ

необходимыя богослуженія. Такимъ епископомъ, вѣроятно, и былъ Черниговскій, какъ наиболѣе близкій къ Кіеву. Указывалось и на немногочисленность православнаго населенія въ Кіевѣ. Это оправданіе, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что Алексѣй понималъ свои архипастырскія обязанности къ Кіеву слишкомъ уже элементарно: онъ полагалъ, что всѣ онѣ исчерпываются совершеніемъ необходимыхъ архіерейскихъ богослуженій, хотя бы черезъ другого епископа.

Наиболѣе же важнымъ возраженіемъ являлось во-первыхъ вѣроломство Ольгерда, обнаруженное имъ захватомъ м. Алексѣя въ плѣнъ при первомъ посѣщеніи имъ Малой Руси, и опасеніе повторенія чего-нибудь подобнаго и въ настоящее время, и хитрость и лукавство Ольгерда въ предложеніи посѣтить Кіевъ. Ольгердъ, по словамъ грамоты Нила, не желалъ удовольствоваться простымъ посѣщеніемъ Кіева, но требовалъ отъ Алексѣя, чтобы тотъ совсѣмъ переселился въ Кіевъ, что, конечно, для Алексѣя было и невозможно и неудобно.

Можно признать справедливость послѣдняго возраженія, но во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствовало еще разъ о той непримиримой ненависти, какая существовала между Ольгердомъ и Алексѣемъ, той ненависти, которая дѣлала положеніе православія въ Литвѣ весьма труднымъ и во всякомъ случаѣ жалкимъ. И это при тѣхъ условіяхъ, что, еще много времени спустя послѣ этой эпохи, сами католики отмѣчали наклонность литовцевъ именно къ православію, а не къ католицизму.

Объясненія Алексѣя и были признаны патріархомъ за неосновательныя и незаслуживающія уваженія. „Твое святительство хорошо знаетъ“, писалъ ему патріархъ: „что когда мы рукополагали тебя, то рукополагали въ митрополита Кіевскаго и всея Руси; теперь же я слышу, что ты не бываешь ни въ Кіевѣ, ни въ Литвѣ, но въ одной только странѣ, всѣ же прочія оставилъ безъ пастырскаго руководства, безъ отеческаго надзора и наставленія. Это—тяжкое упущеніе и противно преданію священныхъ каноновъ. Тебѣ слѣдуетъ обозрѣвать всю русскую землю и имѣть

отеческую любовь и расположеніе ко всѣмъ князьямъ, любить ихъ равно и показывать одинаковое расположеніе, благосклонность и любовь, а не такъ, чтобы однихъ любить, какъ своихъ сыновъ, (очевидный намекъ на Димитрія Донского), а другихъ не любить, но всѣхъ равно имѣть своими сынами, всѣхъ равно любить. Тогда и они будутъ воздавать тебѣ полною и великою доброжелательностію, любовью и покорностію; а сверхъ того ты получишь еще помощь отъ Бога". Однимъ словомъ, патріархъ отказывался на будущее время помогать Алексѣю.

Въ особенности же патріархъ настаивалъ, чтобы Алексѣй побывалъ въ Литвѣ у Ольгерда и зная тѣ возраженія, какія представлялъ митрополитъ Алексѣй, предупреждалъ его, что онъ уже позаботился о томъ, чтобы ему былъ оказанъ подобающій пріемъ со стороны Ольгерда. „Знай также, что я написалъ и къ великому князю литовскому, чтобы онъ, по старому обычаю, любилъ и почиталъ тебя, какъ и другіе русскіе князья (патріархъ прямо-таки причисляетъ Ольгерда къ русскимъ князьямъ), и, когда ты отправишься въ его землю, показывалъ бы тебѣ великую честь, внимательность и любовь, такъ чтобы ты могъ безбѣдно путешествовать по землѣ его. И ты съ своей стороны старайся, сколько можно, имѣть къ нему такую же любовь и расположеніе, какъ и къ прочимъ князьямъ, потому, что подъ его властію находится христоименный народъ Господень, нуждающійся въ твоемъ надзорѣ и наставленіи, и тебѣ крайне нужно имѣть съ нимъ любовь, дабы видѣть и поучать, какъ его, такъ и народъ Божій". (Опять Ольгердъ выдѣляется изъ народа Божія, хотя, повидимому, считается патріархомъ близкимъ къ принятію христіанства).

Впослѣдствіи обнаружилось, что патріархъ былъ далеко неискрененъ и въ этихъ требованіяхъ.

XIII.

Митрополитъ Алексѣй рѣшилъ наконецъ исполнить патріаршіи требованія, какъ относительно Твери такъ и относительно Литвы. Въ 1373 году состоялось примиреніе между князьями Дмитріемъ Московскимъ и Михаиломъ Тверскимъ.

Никон. 6881: „Божіею милостію сътворися миръ и любовь великому князю Михаилу Александровичу Тверскому съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Московьскимъ, и сына его князя Ивана князь велики Дмитрей Ивановичь съ любовію отпустилъ съ Москвы во Тверь, а князь велики Михайло Александровичь Тверскій съ княженіа великаго намѣстники своя свелъ".

Одновременно съ этимъ, надо думать, произошло и примиреніе съ митр. Алексѣемъ: кн. Михаилъ внесъ за сына выкупъ, а митрополитъ снялъ съ него отлученіе. Такая сдѣлка вовсе не шокировала ни Воскресенскаго лѣтописца, ни современниковъ. Составитель Никоновой лѣтописи, повидимому, чувствовалъ нѣкоторую неловкость за своихъ слишкомъ практичныхъ героевъ. Стараніями нѣсколько обѣлить ихъ и объясняются, по всей вѣроятности, противорѣчія въ его разсказѣ объ этомъ событіи. По разсказу подъ 6880 годомъ оказывается, что Ивана Михайловича привели въ Москву татары, а не Димитрій. „И взя его Алексѣй митрополитъ, и седѣлъ у Алексѣя митрополита на дворѣ; и тако пребысть не мало время, дондеже выкупиша его". Подъ слѣдующимъ же годомъ повѣствуется, что Димитрій Ивановичъ выкупилъ Ивана въ Ордѣ и привелъ въ Москву. Тамъ онъ сначала держалъ его „въ нужѣ велицѣ", а въ томъ же году съ любовію отпустилъ его въ Тверь. Получалось, что митр. Алексѣй оказалъ Ивану Михай-

ловичу простое гостепріимство, а Димитрій отпустилъ его въ Тверь безъ выкупа.

Одновременно же, согласно требованіямъ патріарха, митр. Алексѣй рѣшился переѣхать на продолжительное пребываніе въ Кіевъ. Передъ своимъ же отъѣздомъ изъ Владиміра онъ поступилъ такъ же, какъ въ свое время Ѳеогностъ при подобныхъ же обстоятельствахъ, назначивъ своего намѣстника во Владиміръ. Тогда такимъ намѣстникомъ, по указанію Ивана Калиты, назначенъ былъ самъ же Алексѣй. Теперь назначеніе такого намѣстника произошло на съѣздѣ князей въ Переяславлѣ.

26 ноября 1373 года въ Переяславлѣ у великаго князя Димитрія Ивановича родился сынъ Георгій. Крещеніе его обставлено было необычайною торжественностію и собрало въ Переяславль не только дѣда и бабку новорожденнаго и его дядей, но и множество отовсюду съѣхавшихся другихъ князей и бояръ, не говоря уже о простыхъ слугахъ [1]).

Конечно такой большой съѣздъ не могъ происходить непосредственно послѣ рожденія. Во-первыхъ обычай требовалъ, чтобы крестины происходили на сороковой день послѣ рожденія. Во-вторыхъ рождественскій постъ не былъ удобнымъ временемъ для такого обширнаго съѣзда. Да необходимо было и время, какъ для хозяйственныхъ распоряженій, чтобы принять такую массу гостей, такъ и для того, чтобы оповѣстить и пригласить ихъ. Поэтому съѣздъ слѣдуетъ пріурочить ко времени никакъ не ранѣе Рождества 1373 года, а можетъ быть, даже и къ болѣе позднему.

Крестины младшаго сына великаго князя были только предлогомъ для такого съѣзда всей Ростовско-

---

[1]) Львов. 6882. „Тое же осени, мѣсяца ноября 26, родися великому князю сынъ Юрьи Дмитрею Ивановичю во граде Переславле Залѣскомъ, и крести его преподобный игуменъ Сергій; а ту бяше князь Дмитрей Костентиновичь Суздальскій, тесть его, своею братіею, и со княгинею, и з дѣтьми, и з бояры, и слугами, и бяше съѣздъ великъ во граде Переславле: о т в с е л е съѣхашася князи и бояри; и бысть радость велика, радовахуся о роженомъ отрочати".

Суздальской земли. Онъ можетъ быть объясненъ только какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ изъ тѣхъ, какія рѣшались среди пировъ на подобныхъ съѣздахъ. Въ свое время на „снемѣ“ Симеона Ивановича, дяди вел. князя Димитрія, и Константина Васильевича Суздальскаго, отца тестя Димитрія, былъ рѣшенъ вопросъ о Суздальской каѳедрѣ и о преемникѣ митр. Ѳеогноста. Теперь мы наблюдаемъ нѣчто совершенно похожее. Навѣрное можно сказать, что и въ Переяславлѣ рѣшался вопросъ о возстановленіи Нижегородской или Суздальской епархіи, упраздненной было по поводу борьбы между Константиномъ Нижегородскимъ и Борисомъ Городецкимъ.

Въ виду того значенія, какое получилъ вопросъ объ этой каѳедрѣ для митрополитовъ этого времени, мы должны подробнѣе остановиться на ея исторіи. Названіе Суздальской каѳедры начинаетъ встрѣчаться лишь съ начала XIV вѣка, и о ней извѣстно очень немного. А именно, что въ 1314 году умеръ еп. Іоаннъ, въ 1347 году поставленъ епископъ Нафанаилъ. Были ли другіе епископы въ промежуткѣ между этими двумя, намъ неизвѣстно; возможно, что и не были. Прочное основаніе Суздальской каѳедры слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда Суздальско-Нижегородское княжество находилось въ рукахъ энергичнаго Константина Васильевича и его сына, Димитрія Константиновича. Самое замѣщеніе въ 1347 году Суздальской каѳедры Нафанаиломъ находилось, повидимому въ какихъ-то отношеніяхъ къ посольству этого года въ Константинополь: оба эти извѣстія и поставлены рядомъ. Если наше предположеніе о томъ, что уже въ это время происходили переговоры о замѣщеніи митрополичьей каѳедры, правильно, то такое совпаденіе весьма понятно. Для замѣщенія каѳедры мѣстнымъ кандидатомъ необходимо было представленіе не одного только князя Московскаго, но и другихъ князей, въ особенности же князей Суздальскихъ, территорія которыхъ находилась на территоріи митрополичьей Владимірской епархіи. Суздаль еще пытался конкурировать съ Москвою, а Суздальскій престолъ занимало лицо, про которое лѣтопись замѣчаетъ, что это былъ князь

„честно боронившій отчину свою отъ сильнѣе себя князей". Естественно, что этотъ князь постарался обезпечить и Суздальскую каѳедру. Во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы митрополитъ добровольно поступился въ пользу суздальскихъ владыкъ правами на Нижній и Городецъ. Власть суздальскаго владыки на эти города возникла, по всей вѣроятности, при Нафанаилѣ, окончательно же утвердилась при его преемникѣ, еп. Даніилѣ.

Уже въ 1351 году мы читаемъ про Даніила: „Того же лѣта Ѳеогностъ митрополитъ благословилъ служити Данила епископа въ Суздалѣ, понеже отлученъ былъ и пріятъ древній свой санъ". Надо думать, что освобожденіе это произошло по просьбѣ князя Константина. Онъ въ это время закончилъ въ Нижнемъ постройку новаго собора, долженствовавшаго быть каѳедральнымъ храмомъ епископовъ суздальско-нижегородскихъ[1]). Права эти были окончательно закрѣплены за Суздалемъ, по всей вѣроятности, тотчасъ же по смерти Ѳеогноста на томъ „снемѣ" Константина Васильевича съ Семіономъ Московскимъ, о которомъ намъ уже приходилось говорить.

Если объединеніе Суздальско-Нижегородской области подъ однимъ епископомъ, дѣйствительно, было поставлено условіемъ согласія Константина на поставленіе митрополитомъ московскаго кандидата Алексѣя, то вполнѣ понятно, что и въ 1354 году, Москва должна была *пойти на уступки въ этомъ отношеніи.*

Уступки эти были необходимы даже съ точки зрѣнія грамоты Луки, да къ тому же вызывались и перемѣною въ отношеніяхъ городовъ Суздаля и Нижняго: перевѣсъ переходилъ, очевидно, на сторону Нижняго, который, согласно принципу, высказанному въ грамотѣ, долженъ былъ сдѣлаться и резиденціею мѣстнаго епископа. Самъ Константинъ Васильевичъ погребенъ былъ въ созданномъ имъ соборѣ Спаса въ чернецахъ и въ схимѣ, что заставляетъ думать, что

---

[1]) Троицкая 6860: „Поставленъ бысть Спасъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ княземъ Костянтиномъ Васильевичемъ".

онъ и жилъ передъ смертію въ Нижнемъ; да и самое строительство тамъ показываетъ, что онъ считалъ своею резиденціею именно Нижній. При его сынѣ, Андреѣ Константиновичѣ, перевѣсъ Нижняго уже совершенно очевиденъ; этотъ князь, выхлопотавъ по смерти отца ярлыкъ на все Суздальско—Нижегородское княженіе, въ дѣйствительности, оставилъ за собою Нижній, старый же Суздаль уступилъ своему младшему брату, Димитрію Константиновичу.

По всему Нижній долженъ былъ быть мѣстопребываніемъ епископа; но это возможно было лишь путемъ отказа митрополита отъ правъ Владимірской каѳедры на Нижній. Митрополитъ и отказался, но не совсѣмъ. Впослѣдствіи, когда возникъ споръ относительно правъ на Нижній, митрополитъ утверждалъ, что эти права уступлены были еп. Алексѣю Суздальскому, не какъ самостоятельному епископу, а какъ экзарху митрополита. Такое объясненіе имѣетъ за себя большое вѣроятіе: мы имѣемъ здѣсь компромиссъ между требованіями суздальскихъ князей и правами митрополита на Нижній и Городецъ. Необходима лишь одна поправка: эти права не могли быть пріобрѣтены епископомъ Алексѣемъ Суздальскимъ вновь.

Еп. Алексѣй Суздальскій посвященъ послѣ смерти своего предшественника Даніила въ 1362 или 1363 году, т. е. время наиболѣе лютой вражды между Москвою и Суздалемъ. Въ 1362 году Димитрію Ивановичу, не безъ сильнаго покровительства со стороны м. Алексѣя, удалось, наконецъ, утвердиться на столѣ великокняжескомъ; Димитрію же Константиновичу Суздальскому пришлось удалиться сначала въ Переяславль, а потомъ и въ свой наслѣдственный Суздаль. Попытка завладѣть Владимірскимъ княженіемъ, въ слѣдующемъ 1363 году, кончилась для Суздальскаго князя еще болѣе печально: онъ принужденъ былъ бѣжать не только изъ Владиміра, но и изъ Суздаля, такъ какъ вся Суздальская земля была совершенно опустошена москвичами, и Димитрію Константиновичу, невзирая на миръ съ Димитріемъ Московскимъ, временно пришлось воспользоваться гостепріимствомъ своего старшаго брата въ

Нижнемъ Новгородѣ. Совершенно понятно, что при такихъ отношеніяхъ между Димитріемъ Константиновичемъ и митрополитомъ, руководившимъ политикою Москвы, о пріобрѣтеніи какихъ бы то ни было новыхъ правъ для владыки Суздальскаго не могло быть и рѣчи. Да и для чего бы Димитрій Суздальскій сталъ хлопотать о предоставленіи Нижняго Алексѣю, т. е. о томъ, чтобы Алексѣй въ Суздалѣ не жилъ, тогда какъ въ Нижнемъ былъ не Димитрій, а Андрей?

Но, можетъ быть, Алексѣй получилъ Суздаль по просьбѣ Андрея Нижегородскаго? Но почему же, въ такомъ случаѣ, еп. Алексѣй держался ближе къ Димитрію, чѣмъ къ Андрею [1])?

Судя по всѣму, Суздальская каѳедра замѣщалась Владимірскими митрополитами лишь въ крайней необходимости, съ неохотою, и они спѣшили уничтожить ее, какъ только представлялась къ тому возможность.

При Алексѣѣ поводомъ къ уничтоженію, правда временному, Суздальской каѳедры послужили усобицы среди Суздальскихъ князей. Въ 1365 году умеръ старшій изъ Константиновичей, великій князь Нижегородскій Андрей. Тогда Димитрій Константиновичъ Суздальскій, еще ранѣе возвратившійся въ Суздаль, какъ видно, нѣсколько оправившійся отъ московскаго погрома въ 1363 году, какъ старѣйшій изъ Константиновичей явился въ Нижній съ матерію своею Еленою и епископомъ Алексѣемъ, намѣреваясь занять его. Но его младшій братъ, Борисъ, не уступалъ ему великаго княженія Нижегородскаго и пріобрѣлъ на него

[1]) Послѣ разгрома Суздаля московскою ратью въ 1363 году еп. Алексѣй почти тотчасъ послѣ посвященія оказался въ Нижнемъ, вслѣдъ за Димитріемъ, и уѣхалъ потомъ въ Суздаль, вслѣдъ за нимъ же. *Это едва ли имѣло бы мѣсто, если бы Алексѣй обязанъ былъ Нижнимъ Андрею.* Если Алексѣй и впослѣдствіи бывалъ въ Нижнемъ, то, по всей вѣроятности, онъ поступилъ такъ по примѣру прежнихъ лѣтъ и своего предшественника. Еп. Алексѣй, напримѣръ, былъ въ Нижнемъ въ 1363 году Никон. 6871. „Того же лѣта въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ явися знаменіе, по обѣдѣ убо въ церкви владыка Алексѣй Суздальскій благослови крестомъ великаго князя Андрѣа Констянтиновича Суждалскаго и Новагорода Нижняго и Городецкаго, и въ той часъ изъ креста поиде миро, и удивишася людіе“.

ханскій ярлыкъ. Такое поведеніе Бориса, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что Дмитрій Константиновичъ все еще продолжалъ считать себя великимъ княземъ Владимірскимъ, хотя и не предпринималъ ничего противъ своего счастливаго соперника, Дмитрія Московскаго. По крайней мѣрѣ, Константинъ отправилъ въ это время своего сына Василія въ Орду, и тотъ вернулся какъ разъ въ это время съ посломъ Урусмандой и ярлыкомъ на великое княженіе Владимірское своему отцу.

Поведеніе Бориса образумило наконецъ Дмитрія, который понялъ, что невозможно въ одно и то же время бороться и противъ своего брата Бориса, опиравшагося отчасти на своего тестя, Ольгерда Литовскаго, и противъ такого сильнаго противника, какъ Димитрій Московскій, и рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, обезпечить за собою Нижній. Въ этихъ видахъ онъ уступилъ великое княженіе Владимірское Дмитрію Московскому и, взамѣнъ того, получилъ отъ него рать на Бориса Нижегородскаго. Димитрій Московскій сначала послалъ Борису предложеніе подѣлиться съ нимъ вотчиною; но Борисъ не согласился.

Еп. Алексѣй, оставшійся въ Нижнемъ и не умѣвшій или не хотѣвшій устроить примиренія князей такъ, какъ желательно было и Москвѣ и Димитрію Суздальскому, утратилъ покровительство послѣдняго. Этимъ поспѣшили воспользоваться въ Москвѣ. Еп. Алексѣй лишенъ былъ Нижняго Новгорода и Городца; но остался по прежнему еп. Суздальскимъ. Это уже служитъ указаніемъ, что Нижнимъ и Городцемъ Алексѣй владѣлъ на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ Суздалемъ, и что тѣ два города въ составъ его епархіи, собственно, не входили и, слѣдовательно, онъ владѣлъ ими дѣйствительно на правахъ митрополичьяго экзарха[1]).

---

[1]) Никон. 6873 „Того же лѣта Алексѣй митрополитъ отня епископію Новогородцкую и Городецкую отъ владыки Суздальскаго Алексѣа“. Нѣкоторое сомнѣніе вызываетъ лишь выраженіе Никоновской лѣтописи „отня епископію Новогородцкую и Городецкую отъ владыки Суздальскаго Алексѣа“. Но намъ уже приходилось видѣть, что ни о какой самостоятельной Нижегородской и Городецкой епископіи, которая бы находилась во временномъ управленіи еп. Алексѣя, не можетъ быть рѣчи

Теперь въ Нижній явился другой митрополичій экзархъ, Сергій Радонежскій, и по приказу московскаго правительства затворилъ тамъ всѣ церкви послѣ безуспѣшнаго приглашенія Бориса на судъ въ Москву [1]). Въ то же время противъ Бориса тронулась московская рать. До битвы дѣло однако не дошло: въ Бережкѣ кн. Борисъ встрѣтилъ своего старшаго брата съ покорностію и съ просьбою о мирѣ и, удовлетворившись даннымъ отъ Димитрія Городцемъ, возвратилъ брату Суздаль и Нижній. Почти въ то же время скончался и Суздальскій епископъ Алексѣй, и его каѳедра оставлена была незамѣщенною. Такимъ образомъ Суздальско-Нижегородское княженіе было вновь подчинено непосредственной власти митрополита.

Въ Нижнемъ были этимъ недовольны. Конечно не безъ согласія Бориса Городецкаго Ольгердъ потребовалъ, какъ мы видѣли уже, отъ патріарха Константинопольскаго назначенія особаго митрополита, между прочимъ, для Нижняго. Самъ Алексѣй счелъ нужнымъ считаться съ этимъ неудовольствіемъ противъ себя и, въ приходъ Ольгерда на Москву зимою 1370 года, какъ извѣстно, отправился въ Нижній Новгородъ. Едва ли есть основаніе видѣть въ этомъ бѣгство Алексѣя отъ страшнаго врага: приходъ Ольгерда былъ, повидимому, совершенною неожиданностію для москвичей, да и московскія стѣны оказались дѣйствительно надежнымъ оплотомъ противъ него. Въ путешествіи Алексѣя въ Нижній въ это время слѣдуетъ видѣть обыкновенный объѣздъ епархіи.

---

[1]) Воскр 6873. „Князь великій Дмитрей Ивановичь посла въ Новгородъ Нижній къ князю Борису... игумена Сергіа, зовучи его на Москву къ себѣ, да смѣритъ его съ братомъ его съ княземъ Дмитріемъ; онъ же не поѣде, игуменъ же Сергій затвори церкви въ Новѣгородѣ". Отказъ Бориса понятенъ, если мы припомнимъ судьбу Михаила Тверского, имѣвшаго неосторожность принять такое приглашеніе.

Никон. 6873 „Сергій игуменъ по митрополичю слову Алексѣеву и великого князя Дмитреа Ивановича церкви вся затвори". Было бы ошибочно думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣйствительно особую митрополитанскую юрисдикцію Нижній входилъ въ епархію митрополита, и онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ не какъ митрополитъ, а какъ епархіальный епископъ.

Если Суздальско-Нижегородская каѳедра была возстановлена почти тотчасъ же послѣ Переяславскаго съѣзда и на нее былъ назначенъ ставленикъ Нижегородскаго князя Димитрія Константиновича, то это слѣдуетъ объяснить какими-нибудь услугами со стороны этого князя московскому правительству на Переяславскомъ съѣздѣ. По всей вѣроятности, это находится въ связи съ назначеніемъ въ намѣстники Митяя. Намѣстничество являлось ступенью къ митрополіи. И мы вправѣ видѣть въ новомъ намѣстникѣ, печатникѣ великаго князя Димитріи—Митяѣ, именно кандидата на митрополію уже и въ это время. Вѣроятнѣе всего, что и теперь Суздальско-Нижегородская каѳедра была возстановлена подъ тѣмъ же условіемъ, на какомъ она была и учреждена въ 1347 г., т. е., подъ условіемъ согласія Суздальскаго князя на поставленіе въ митрополиты московскаго кандидата.

Съ Митяемъ мы знакомы, главнымъ образомъ, по даннымъ, сообщаемымъ его противниками. Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній, кромѣ переписки Кипріана съ Сергіемъ, лѣтописныхъ извѣстій и грамотъ патріарха по этому поводу, служитъ „Повѣсть о Митяѣ“. Въ первоначальномъ видѣ мы находимъ ее цѣликомъ въ Ермолинской лѣтописи подъ 6885 годомъ; съ сравнительно небольшими, но очень характерными интерполяціями находимъ подъ тѣмъ же годомъ въ Воскресенской лѣтописи. Авторомъ первоначальной Повѣсти является одинъ изъ спутниковъ Митяя въ Константинополь на посвятку, очень уважающій м. Алексѣя и уже считающій его святымъ, и въ то же время являющійся противникомъ Митяя. Тѣмъ не менѣе разсказъ очень ровный, обстоятельный, и тонъ отнюдь не рѣзкій... Иного характера повѣсть интерполированная. Интерполяціи явно обнаруживаютъ страстность и тенденціозность автора. Сравненіе съ принадлежащими митр. Кипріану письмами къ Сергію и житіемъ митрополита Петра доказываетъ, что и эта интерполированная повѣсть принадлежитъ Кипріану же. Предшествующая изложенію повѣсти вставка „Митяй сдѣя же незнаемо нѣкако“..., кончающаяся словами „взыскати же и распытывати о семъ, кто есть намѣст-

никъ сей Митяй, и откуду бѣ, и что ради дрѣзновеніе таково и власть имяше" хотя и представляетъ повтореніе отчасти тѣхъ же сообщеній, какія находимъ и въ повѣсти, но связана съ нею чисто искусственно и въ значительной степени является воспроизведеніемъ мыслей, изложенныхъ въ извѣстномъ посланіи Кипріана къ Сергію Радонежскому, и притомъ воспроизведеніемъ ихъ въ той же неестественной для историка послѣдовательности: позднѣйшее поставлено ранѣе предыдущаго. Въ Кипріановомъ житіи Св. Петра мы находимъ фразу: „и сіе убо творяше на многи дни, овогда самъ князь собою глаголя, овогда же боляръ и совѣтниковъ своихъ посылая къ нему", цѣликомъ заимствованную изъ первоначальной повѣсти о Митяѣ. Самое интерполированное житіе митр. Петра, въ сущности, какъ мы уже видѣли, направлено противъ Митяя же и Димитрія Донскаго. Та же самая тенденція замѣчается и въ интерполяціяхъ повѣсти о Митяѣ. Интерполяторъ стремится доказать, что русскій великій князь не имѣетъ права вмѣшиваться въ замѣщеніе митрополичьяго престола, и что Митяя никто не хотѣлъ, кромѣ великаго князя.

Мы должны расположить наши источники въ слѣдующемъ порядкѣ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить письма Кипріана къ Сергію. Какъ частныя письма, они не требовали соблюденія особой „политики", и факты, сообщаемые въ нихъ, заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ было бы трудно и безполезно сообщать въ частной перепискѣ искаженные факты такому свѣдущему лицу, какъ Сергій. Далѣе идетъ первоначальная повѣсть о Митяѣ, тоже заслуживающая полнѣйшаго довѣрія по своей прагматичности и обстоятельности. Вставки въ нее Кипріана, представляютъ изъ себя свидѣтельство современника, принимавшаго живое участіе въ описываемыхъ событіяхъ, но притомъ лично заинтересованнаго въ опредѣленномъ ихъ освѣщеніи. То же слѣдуетъ сказать о патріаршихъ грамотахъ по поводу этого спора. Наконецъ, кое-что даетъ намъ житіе Сергія.

На основаніи всѣхъ этихъ источниковъ о Митяѣ можно сказать слѣдующее. Еще задолго до разсма-

триваемаго времени у Димитрія Ивановича былъ духовникомъ нѣкій попъ, по имени тоже Димитрій Ивановичъ, сынъ Тешиловскаго попа Ивана, на рѣкѣ Юзѣ, родомъ коломнятинъ „Саномъ же бѣ попъ, единъ отъ сущихъ тамо Коломенскихъ поповъ". Лѣтопись, невзирая на вражду къ этому Митяю, рисуетъ его человѣкомъ хотя и гордымъ, но представительнымъ и достойнымъ. Митяй былъ „възрастомъ высокъ, тѣломъ немалъ, плечистъ, рожаистъ, браду имѣя плоску и велику и съвръшену, словесы речистъ, гласъ имѣя красенъ, грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ, чести гораздъ, отъ книгъ сказати гораздъ, всѣми дѣлы поповскими изященъ и по всѣму нарочитъ бѣ" (Воскр. 6885)[1]). „И того ради избранъ бысть изволеніемъ великого князя во отечьство и въ печатники, и бысть Митяй отець духовный князю великому и всѣмъ боаромъ старѣйшимъ, еще же и печатникъ. И пребысть въ таковѣмъ чину и устроеніи много лѣтъ" (тамъ же). По общему отзыву, даже его враговъ, (а всѣ отзывы принадлежатъ его врагамъ) Митяй былъ замѣчательнымъ, для того времени, историкомъ и вообще выдающимся своими дарованіями человѣкомъ. Даже гречески—образованный Кипріанъ принужденъ сознаться, что его противникъ „книги добре свѣдѣ".

Итакъ, даже враги признавали, что Митяй обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ лишь своему таланту и заслугамъ. Но когда же Московскій князь Димитрій могъ такъ близко узнать коломенскаго попа, и притомъ за много лѣтъ до разсматриваемаго времени,

---

[1]) Еще болѣе блестящую аттестацію даетъ ему Никоновская лѣтопись „Возрастомъ великъ зѣло и широкъ, высокъ и напругъ, плечи великы и толсты, брада плоска и долга, и лицемъ красенъ, рожаенъ, и саномъ превыде всѣхъ человѣкъ, рѣчь легка и чиста и громогласна; гласъ же бѣ его красенъ зѣло, износящь словеса и рѣчи сладостны зѣло, грамотѣ добрѣ гораздъ, теченіе веліе имѣя по книгамъ, и силу книжную толкуа, и чтеніе сладко и премудро, и книгами глаголати премудръ зѣло и никтоже обрѣташеся таковъ, и пѣти нарочитъ, и въ дѣлахъ, и въ судѣхъ, и въ разсуженіахъ изященъ и премудръ, и слово и рѣчь чисту и незакоснѣвающу имѣя, и память велію, и древними повѣстьми и книгами и притчями, и духовными, и житейскыми, никтоже таковъ обрѣташеся глаголати".

т. е. тогда, когда Димитрій былъ еще молодымъ человѣкомъ? Для объясненія можно напомнить лишь объ одномъ обстоятельствѣ: Димитрій Ивановичъ въ молодости былъ въ Коломнѣ въ весьма знаменательный моментъ своей жизни: 18 января 1366 года онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Нижегородскаго князя Димитрія Константиновича, „а свадьба бысть въ Коломнѣ“. Это происходило за восемь лѣтъ до нашего разсказа. Вѣроятно, въ это-то время и познакомился Димитрій съ Митяемъ и взялъ его къ себѣ въ духовники. Съ такимъ предположеніемъ сходится и показаніе лѣтописи, что Митяй, до своего посвященія въ архимандриты въ 1375 году, „много лѣтъ“ былъ духовникомъ великаго князя.

Нельзя не обратить вниманія, что на Переяславскомъ съѣздѣ ни Сергій, несомнѣнно бывшій тамъ, ни Алексѣй, тоже, по всей вѣроятности, присутствовавшій, не возражали противъ кандидатуры Митяя. Полагаемъ такъ по тому, что въ случаѣ ихъ возраженій кандидатура эта едва ли бы прошла. Сергій, только что сдѣлавшійся кумомъ великаго князя Московскаго, обладалъ въ это время въ Россіи нравственнымъ авторитетомъ, какъ никто; только его и слушались непримиримые, казалось бы, враги—князья. Въ частности и самый важный изъ присутствовавшихъ князей, тесть великаго князя Димитрій Нижегородскій лично обязанъ былъ Сергію Нижнимъ: онъ заставилъ Бориса Константиновича уступить его старшему брату. О вліяніи митр. Алексѣя на великаго князя не нужно и напоминать.

Митрополитъ Алексѣй передалъ намѣстничество Митяю и почти тотчасъ же отправился черезъ Тверь въ Литву и Кіевъ. Въ это время въ Твери уже не было епископа послѣ умершаго въ 1373 году Василія. Въ февралѣ 1374 года митр. Алексѣй пріѣхалъ въ Тверь и 9 марта, въ четвертокъ средокрестной недѣли, поставилъ Тверскимъ епископомъ *Евѳимія* Висленя[1]).

---

[1]) „Мѣсяца Ѳевраля прiиде митрополитъ Алексѣй во Тверь и постави Еѵѳпмiа епископомъ граду Тверп на средокрестной недѣлѣ въ четвертокъ, на память святыхъ мученикъ, сорока, и поиде съ Твери съ по-

Но какъ и въ первый свой пріѣздъ митр. Алексѣй ѣхалъ въ Тверь по пути въ Кіевъ, куда онъ думалъ переселиться согласно требованіямъ патріарха. Въ Твери и долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ патріаршій посланецъ Кипріанъ, но не одинъ, а съ посольствомъ отъ князей княжества Литовскаго, какъ мы узнаемъ объ этомъ изъ грамоты патріарха Нила Кипріану. Въ лицѣ этого талантливаго человѣка мы имѣемъ будущаго митрополита всея Руси.

Кипріанъ, по фамиліи Цамблакъ, былъ болгаринъ, получившій прекрасное греческое образованіе. Цамблаки представляли довольно многочисленную фамилію, часть которой жила и въ Константинополѣ и пользовалась большимъ вліяніемъ при дворѣ Іоанна Кантакузина. Но самъ Кипріанъ, равно какъ и его племянникъ, будущій митрополитъ Литовскій Григорій, были родомъ не изъ Константинополя, а изъ Тырнова, церковь которой Григорій называетъ „воспитавшая насъ церковь“. У Кипріана до конца жизни сохранились очень близкія отношенія съ Тырновскимъ патріархомъ Евѳиміемъ, но былъ ли послѣдній его родственникомъ, какъ думаетъ архимандритъ Леонидъ[1]), объ этомъ возможны лишь предположенія. Но если по происхожденію своему Кипріанъ былъ болгаринъ, то по языку своихъ сочиненій онъ до такой степени былъ

сломъ съ патріаршескымъ съ Кyпріаномъ въ Переславль“. (Ник. 6882). Судя по тому, что *Евфимій* Вислень былъ хиротонисанъ въ Твери и изъ игуменовъ Тверского же Никольскаго монастыря, слѣдуетъ думать, что и онъ, подобно своимъ предшественникамъ, былъ кандидатомъ Тверского князя Преемники же его, за исключеніемъ Арсенія, хиротонисаннаго 24 іюля 1390 года изъ архидіаконовъ митр. Кипріана (послѣ того какъ *Евфимій* Вислень былъ лишенъ каѳедры), и Антонія, неизвѣстнаго происхожденія, хиротонисаннаго 2 февраля 1411 года, всѣ остальные епископы тверскіе, получившіе поставленіе до 1477 года, были изъ Твери, а именно. Илья около 1435 года, изъ игуменовъ Желтиковскихъ, Моисей 1453 года, Геннадій Кожинъ 1461 года и Вассіанъ Стрига-Оболенскій 6 дек. 1477 года—всѣ изъ игуменовъ Отроча монастыря. Слѣдуетъ думать, что тверскіе князья удерживали за собою право назначенія епископа до самаго паденія Твери.

[1]) Кипріанъ до восшествія на Московскую митрополію въ чтеніяхъ Общества Исторіи и древностей Россійскихъ 1867. 9 кн.

сербомъ, что его долгое время принимали за серба и по происхожденію. Арх. Леонидъ объясняетъ это явленіе тѣмъ преобладаніемъ сербской письменности среди славянъ, какое мы наблюдаемъ въ то время. Можно сказать, что литературно-славянскій языкъ того времени былъ языкъ сербскій. Но было и еще одно обстоятельство, которое объясняетъ сербскій языкъ Кипріана: онъ былъ аѳонскимъ инокомъ, жилъ, по всей вѣроятности, въ сербской Святопавловской обители и тамъ занимался своими литературными трудами. Тутъ онъ, конечно, долженъ былъ усвоить и сербскій языкъ, переписывая сочиненія на этомъ языкѣ. Но, и удалившись на Аѳонъ, Кипріанъ не прерывалъ связей съ Болгаріею и Тырновомъ. До насъ дошла переписка его съ Евѳиміемъ Болгарскимъ, которая лучше всего доказываетъ тѣ близкія отношенія, какія существовали между ними.

Все это, принимая во вниманіе обстоятельства того времени, дѣлало Кипріана желаннымъ лицомъ въ Константинополѣ. На Аѳонѣ, вѣроятно, и познакомился съ нимъ игуменъ лавры Аѳанасія, патріархъ Филоѳеи, приблизилъ его къ себѣ и, вѣроятно, взялъ его съ собою, когда въ 1364 году вновь занялъ патріаршій престолъ. Болѣе раннее появленіе Кипріана въ Константинополѣ едва ли могло имѣть мѣсто. Въ качествѣ болгарина и близкаго къ болгарскому патріарху человѣка онъ до 1355 года былъ схизматикомъ, такъ какъ только по поводу брака Андроника Палеолога 17 августа 1355 года съ болгаръ снято было отлученіе. Къ тому же въ эту эпоху Кипріанъ былъ и слишкомъ еще молодъ для монаха[1]). Иначе обстояло дѣло въ 1363 году, когда Кипріану могло быть уже подъ сорокъ лѣтъ, а Филоѳею, вновь вступившему на престолъ, пришлось возстановлять церковное единство, сильно пострадавшее при его предшественникѣ Каллистѣ.

---

[1]) Онъ умеръ, правда въ маститой старости, въ 1406 году, что даже при предположеніи, что ему было въ эту пору 80 лѣтъ, даетъ годъ его рожденія 1326. Слѣдовательно, въ 1355 году ему было не болѣе 30 лѣтъ, а по всей вѣроятности, и менѣе.

И съ Болгаріею дѣла были неблагополучны. Рѣчь шла о томъ, какъ понимать патріаршій титулъ Болгарскаго Тырновскаго епископа. Титулъ этотъ былъ полученъ отъ патріарха Константинопольскаго Германа (1222- 1240) при болгарскомъ царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ (1218—1241) по настоянію послѣдняго и тотчасъ же сдѣлался источникомъ пререканій и вражды между патріархами[1]). Въ 1364 году патріархъ Филоѳей принужденъ былъ поддерживать весьма непрочный миръ съ Болгаріею уже чрезвычайными средствами. Онъ написалъ посланіе къ царю Болгарскому Іоанну—Александру, гдѣ, именуя его не только царемъ, но и братомъ византійскаго царя, онъ убѣждаетъ его не нарушать заключеннаго имъ самимъ договора. Такой тонъ объясняется лишь крайнею слабостію грековъ въ это время, чего даже не скрываетъ въ своемъ посланіи и самъ патріархъ. Совершенно понятно, какъ важно было въ это время и патріарху и царю имѣть при себѣ такого умнаго и вліятельнаго въ Тырновѣ или, по крайней мѣрѣ, прекрасно знакомаго съ Тырновомъ болгарина, какимъ былъ Кипріанъ. Эпохою этихъ переговоровъ съ царемъ болгарскимъ и должно было начаться дипломатическое поприще, которое проходилъ потомъ Кипріанъ, даже и въ то время, когда онъ былъ уже митрополитомъ; какъ увидимъ мы, его постоянно отправляли въ славянскія страны съ царскими порученіями къ мѣстнымъ государямъ и, судя по всему, Кипріанъ дѣйствительно былъ блестящимъ дипломатомъ въ византійскомъ смыслѣ этого слова.

---

[1]) Германъ полагалъ, что это лишь почетный титулъ, а въ дѣйствительности, согласно Халкидонскому правилу о патріархахъ и ихъ числѣ, Тырновскій патріархъ долженъ продолжать оставаться на положеніи митрополита т. е. поминать патріаршее имя, уплачивать лежащіе на немъ налоги и подлежать суду патріаршаго синода. Этотъ же самый вопросъ возникъ и въ 1355 году. Болгары соглашались на возношеніе имени патріарха Константинопольскаго только при томъ условіи, чтобы эта анафора была взаимною, т. е. чтобы и патріархъ Константинопольскій тоже поминалъ Тырновскаго патріарха, Каллистъ же, ссылаясь на Халкидонское правило, требовалъ односторонняго возношенія со стороны Тырновскаго патріарха.

Но при всей близости его къ Филоѳею для него не нашлось мѣста ни въ архіереяхъ, ни въ клирѣ Великой церкви Что касается до митрополитовъ, то первымъ достоинствомъ и требованіемъ отъ нихъ было, чтобы онъ былъ родившимся и выросшимъ въ Константинополѣ. Что же касается до клира Св. Софіи, то это была сплоченная корпорація, которая умѣла отстаивать права своихъ членовъ противъ кого угодно, не исключая и самого патріарха, и едва ли бы пустила въ свою среду чужака. Въ то же время въ 1366 году мы находимъ въ Пелопонезскомъ монастырѣ Вронтохія игуменомъ Кипріана, въ санѣ архимандрита и великаго протосинкелла. Доказать тождество этого Кипріана съ будущимъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, конечно, въ настоящее время невозможно, но предполагать его есть много основаній [1]).

Кипріанъ оправдалъ мнѣніе патріарха. Общеніе сербовъ съ греками было возстановлено при посредствѣ

[1]) Царскій и патріаршій монастырь Вронтохій находился въ Пелопонезѣ, т. е. странѣ съ славянскимъ населеніемъ, гдѣ болгаринъ Кипріанъ былъ, какъ нельзя болѣе, умѣстенъ Онъ назначенъ былъ недавно, какъ пишетъ въ своей грамотѣ патр. Филоѳей, указаніе весьма подходящее къ 1364 году.

При предположеніи, что въ лицѣ Вронтохійскаго Кипріана мы имѣемъ будущаго всероссійскаго митрополита, становятся понятными и тѣ чрезвычайныя отличія, какія выпали на его долю. Только что назначенный игуменъ получаетъ чинъ архимандрита и великаго протосинкелла. Патріархъ чувствуетъ, что такое отличіе неожиданно и оправдываетъ его тѣмъ, что будто бы уже съ самаго основанія Вронтохійской обители патр Аѳанасіемъ и при послѣдующихъ патріархахъ ея игуменъ имѣлъ санъ архимандрита и протосинкелла.

Наконецъ дѣятельность Кипріана Вронтохійскаго чрезвычайно напоминаетъ дѣятельность Кипріана митрополита оба они были хорошими хозяевами и большими скопидомами. Какъ впослѣдствіи Кипріанъ митрополитъ, такъ теперь Кипріанъ Вронтохійскій тотчасъ же принялись, и не безъ успѣха, собирать и утверждать за монастыремъ прежде принадлежавшія ему недвижимости.

Въ этомъ случаѣ благоволеніе къ нему патріарха обнаруживается во всей мѣрѣ Онъ получилъ патріаршую грамоту, которою не только утверждаются подъ страшными церковными карами имущества, принадлежащія монастырю (довольно много монастырей и монастырьковъ), но и вновь присоединяется такой монастырь который передъ тѣмъ получилъ было самостоятельность

аѳонскаго инока Исаіи, который, склонивъ къ этому сначала короля Лазаря и патріарха Ефрема, затѣмъ въ качествѣ повѣреннаго отъ всего освященнаго сербскаго собора отправился посломъ въ Константинополь. Старанія Исаіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ, въ чемъ принималъ искреннее участіе и Кипріанъ, какъ человѣкъ равно близкій къ патріарху и къ старцу. (Леонидъ Ч. О. И. и Д. 1867. II. 27. около 1376 г).

И теперь Кипріанъ былъ посланъ съ подобнымъ же порученіемъ въ Россію. По словамъ грамоты патріарха Нила, врага Кипріана, ему было поручено примирить литовскихъ князей между собою и съ Алексѣемъ.

„Когда патріархъ (Филоѳей) увидѣлъ, что грамоты ничего не помагаютъ, посылаетъ туда своего монаха... киръ Кипріана, человѣка отличающагося добродѣтелію и благоговѣйнствомъ, способнаго хорошо воспользоваться обстоятельствами и разумно устроить дѣла (уже и тогда Кипріанъ имѣлъ славу хорошаго дипломата) съ тѣмъ, чтобы онъ помирилъ князей между собою и съ митрополитомъ“.

Но тутъ добродѣтельный Кипріанъ, яко бы недобродѣтельно обманулъ патріарха Филоѳея. „Онъ, забывъ наказъ пославшаго, дѣйствовать посреднически между обѣими сторонами и примирить ихъ, весь предался мысли, какъ бы самому овладѣть тою церковью, и дѣлалъ все, что находилъ нужнымъ для сокрытія своего замысла; прежде всего, удалилъ отъ себя посланнаго съ нимъ отсюда сотрудника или, пожалуй, наблюдателя, опасаясь, чтобы сей послѣдній не узналъ о его происках; потомъ сближается съ литовскимъ княземъ и его совѣтниками, вступаетъ съ ними въ столь тѣсный союзъ, что они стали смотрѣть на него, какъ на второго Романа“.

Но Кипріанъ повелъ дѣло очень тонко и пока не раскрывалъ своихъ плановъ. Онъ довольно долго пробылъ въ Литвѣ и исполнилъ официальное порученіе патріарха убѣдивъ, какъ литовцевъ, такъ и митр. Алексѣя, съѣхаться для переговоровъ. По словамъ патріаршей грамоты, „князья и на сей разъ оказали полное повиновеніе патріарху, охотно приняли его совѣты и немедленно отправили пословъ къ

митрополиту". Посольство это, во главѣ съ Кипріаномъ, и направилось къ союзнику Литвы Михаилу въ Тверь, куда, подъ предлогомъ необходимости поставленія епископа, прибылъ и митрополитъ. Послы литовскихъ князей „обѣщались прекратить прежніе соблазны и всѣ происходившіе между ними распри и раздоры, держаться его, митр. Алексѣя, какъ своего митрополита, и воздавать ему всяческое расположеніе, послушаніе и любовь; вмѣстѣ съ тѣмъ они изрекаютъ на себя страшнѣйшія клятвы, если сдѣлаютъ что-либо другое, оскорбительное для его чести, и не будутъ во всемъ исполнять его воли".

Митрополиту же Алексѣю Кипріанъ привезъ строгій приказъ патр. Филоѳея, отправиться въ Литву и „посѣтить свою митрополію, въ которой онъ не былъ *девятнадцать лѣтъ*, посѣтить также и прочій тмочисленный народъ, лишенный его поученія и надзора". Но митрополитъ Алексѣй „патріаршія грамоты и увѣщанія и поименованнаго посла (не патріаршаго, а литовской рады, неизвѣстнаго по имени) призналъ враждебными себѣ и совершенно отказался отправиться къ нимъ".

Мы видѣли, что Алексѣй оставилъ во Владимірѣ своего намѣстника и слѣдовательно, собирался въ долгую отлучку въ Кіевъ и теперь отказался. Впослѣдствіи москвичи прямо указывали на Кипріана, какъ на виновника такой перемѣны въ намѣреніяхъ митрополита. Онъ „увѣрилъ митр. Алексѣя, что будетъ дѣйствовать въ его пользу, и уговорилъ его остаться дома (*καὶ μένειν οἴκοι παραινέσας*) и не ожидать себѣ никакой непріятности, такъ какъ онъ (Кипріанъ) взялъ на себя всю заботу о немъ". Такое объясненіе вполнѣ вѣроятно. То торжественное посольство, о которомъ разсказываетъ грамота, могло быть только по соглашенію съ митрополитомъ, который предварительно уже долженъ былъ при негласныхъ переговорахъ условиться, что онъ поѣдетъ въ Кіевъ, какъ его о томъ будетъ просить посолъ; потому-то оно и отправлено было въ пограничную съ Литвою и полулитовскую Тверь, а не во Владиміръ и не въ

Москву. Во всякомъ случаѣ можно сказать навѣрное, что если-бы Кипріанъ дѣйствительно убѣждалъ митрополита посѣтить Кіевъ, какъ то предписывалъ въ своихъ грамотахъ патріархъ, то митр. Алексѣй, навѣрное, не отказалъ бы сдѣлать это. Ибо Кипріанъ вошелъ въ полнѣйшее довѣріе къ митрополиту Алексѣю, который считалъ его своимъ лучшимъ другомъ, вполнѣ подчинялся его указаніямъ и даже снабдилъ его, вѣроятно, немалою суммою на хлопоты по его дѣлу. (Патріархъ говорилъ потомъ, что Кипріанъ обязанъ былъ митр. Алексѣю „благодарностію за в с е полученное отъ него добро“).

Но примиреніе литвиновъ съ Алексѣемъ не входило ни въ личные интересы Кипріана ни въ интересы патріархіи, и Кипріану легко было разстроить его, указавъ на несомнѣнно слабые пункты соглашенія. Грамота патріарха, написанная подъ диктовку литвиновъ (въ дѣйствительности самого Кипріана) была безусловно оскорбительна и несправедлива по отношенію къ митр. Алексѣю. Обвинять его въ томъ, что онъ девятнадцать лѣтъ не былъ въ Кіевѣ, можно было, только игнорируя его пребываніе въ немъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, съ 1358 по 1360 годъ, и тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ принужденъ былъ покинуть Кіевъ. Поступая такъ, литвины, очевидно, подчеркивали, что и за этотъ періодъ они признавали за законнаго митрополита не Алексѣя, а Романа; обѣщаясь не оскорблять Алексѣя впредь, они не считали все прежнее за что нибудь незаконное и несправедливое. Короче сказать, литвины совершенно послѣдовательно проводили свою теорію, что митр. Кіевскій можетъ быть назначенъ лишь великимъ княземъ Кіевскимъ или великимъ княземъ Литовскимъ. При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, приходилось подумать надъ переселеніемъ въ Кіевъ, и естественно было принять предложеніе Кипріана, бравшагося разъяснить дѣйствительное положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. И митр. Алексѣй вернулся изъ Твери въ Москву.

XIV.

Кипріану для его цѣлей необходимо было помѣшать и кандидатурѣ Митяя. Онъ отправляется изъ Твери вмѣстѣ съ Алексѣемъ въ Переяславль и тутъ составляетъ противъ Митяя небольшую, но сильную партію изъ вліятельныхъ при великомъ князѣ лицъ, какъ то: митр. Алексѣя, Сергія Радонежскаго и Ѳеодора Симановскаго. Душою этой партіи былъ Сергій, и ему то впослѣдствіи и приписывалъ Митяй свои неудачи.

Чѣмъ же повліялъ Кипріанъ на благочестивыхъ, но не особенно проницательныхъ москвичей, какъ мы видѣли, не протестовавшихъ на Переяславскомъ съѣздѣ противъ кандидатуры Митяя? Онъ, конечно, не могъ указать на главный дефектъ ея съ точки зрѣнія церковной партіи: что Митяй ставился, (какъ и митр. Алексѣй!) по указанію князя; но влагаетъ въ уста митр. Алексѣя тотъ доводъ, что Митяй — мірской попъ, а не монахъ. Этотъ доводъ мы находимъ не въ первоначальной, а въ Кипріановой повѣсти о Митяѣ и притомъ во вступительной ея части. „Прежде бо сего великій князь Дмитрій Ивановичь просилъ того у Алексіа митрополита, дабы благословилъ Митяя по своемъ животѣ на митрополію; онъ же не хотяше того створити, понеже новоуку ему сущу въ чернечествѣ, якоже Апостолъ глаголеть: подобаеть епископу непорочну быти и не новоуку, да не развеличався въ сѣть впадеть діаволю“.

Если доводъ Кипріана и въ особенности толкованіе „непороченъ“ въ смыслѣ „монахъ“ и не былъ вполнѣ правиленъ по существу, то за то онъ былъ особенно убѣдителенъ для такихъ строгихъ монаховъ, какими были Сергій и Алексѣй, слышавшихъ его изъ устъ ученаго и краснорѣчиваго патріаршаго

посла и при томъ постриженика горы Аѳонской. Какъ серьёзно смотрѣлъ на это Кипріанъ, видно изъ того, что впослѣдствіи, сдѣлавшись митрополитомъ, онъ первый замѣнилъ бѣлый митрополичій клобукъ чернымъ клобукомъ монаха.

Онъ и былъ правъ, но только въ извѣстной степени. Въ половинѣ XIV вѣка это возраженіе дѣйствительно было важнымъ. Борьба Арсенитовъ привела къ преобладанію монаховъ, и въ частности аѳонцевъ, въ управленіи церковью. Патріаршій престолъ сталъ удѣломъ Аѳона; монахи же вытѣсняютъ бѣльцовъ и съ митрополичьихъ каѳедръ. Но обычай требовать отъ кандидата постриженія не былъ безусловнымъ правиломъ, и притомъ не требовалось продолжительнаго монашества на практикѣ, хотя немало было и насмѣшекъ надъ лицами наканунѣ давшими обѣтъ послушанія, а на слѣдующій день принявшими на себя несовмѣстимый съ нимъ санъ епископства [1]).

Кипріанъ уѣхалъ обратно въ Литву, а Сергій и Алексѣй продолжали добросовѣстнѣйшимъ образомъ дѣйствовать противъ Митяя; но не такъ-то легко было заставить Димитрія Ивановича перемѣнить разъ принятое имъ, да еще по совѣщанію съ другими князьями, рѣшеніе. Онъ уступалъ, въ чемъ могъ, но твердо держался Митяя. Противники указывали на то, что Митяй бѣлецъ. Это препятствіе было устранено: Митяя сдѣлали архимандритомъ Спасскаго великокняжескаго монастыря. Но и игуменство Митяя, нынѣ архиман-

---

[1]) Симеонъ Солунскій Ἡ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησία τοὺς πλείους τῶν εἰς ἐπισκοπὴν ἀγομένων ἄρτι τῷ θείῳ σχήματι τούτῳ κατακοσμοῦσα πρότερον οὕτω ἐπισκόπους καθιστᾷ. Migne CLV 489. Pachimeres II 88. Καὶ τοῦτο κανὼν ἐτίθετο παρ' ἐκείνοις, εἰ καὶ μὴ ἔχων κατὰ τοὺς ἄλλους τὸ ἀπαραίτητον, τὸ σήμερον μὲν ἰστᾷν ἐνώπιον Θεοῦ καὶ ἀγγέλων καί τὰς συνθήκας ἀπαιτεῖν τῆς μοναχικῆς τάξεως, εἶτα τὸν εἰς ὑποταγὴν ταχθέντα τὸν αὔριον εἰς ἀρχιερέα χειροτονεῖν ὃ δὴ καὶ αὐτὸ ἐδόκει πολλοῖς ἐπιλήψιμον. Кандидатъ на постъ митрополита Угровлахійскаго Даніилъ Критопуло присланъ былъ въ Константинополь еще мірскимъ клирикомъ и уже по избраніи его синодомъ постригся подъ именемъ Аѳанима не ранѣе августа 1370 года, а всего вѣроятнѣе, 3 сентября или, можетъ быть, даже 17 октября (когда бываетъ память Аѳанима), а къ ноябрю того же года былъ уже рукоположенъ въ митрополиты Угровлахійскіе А. Р. I. 532—536.

дрита Михаила, сдѣлалось предметомъ нескрываемаго глумленія со стороны его противниковъ[1]).

„И пребысть Митяй въ архимандритехъ яко два лѣта". Судя по тому, что Митяй около двухъ лѣтъ, пробылъ въ архимандритахъ до смерти митр. Алексѣя, происшедшей 12 февраля 1377 года, и принимая во вниманіе, что обыкновенно давалось имя святого дня постриженія (см. житіе Сергія), мы должны будемъ признать за наиболѣе вѣроятный день постриженія 14 февраля 1375 года.

Постриженіе Митяя не удовлетворило и митр. Алексѣя, и онъ сдѣлалъ попытку замѣнить этого новоука въ монашествѣ такимъ вліятельнымъ членомъ русскаго монашества, какимъ былъ Сергій Радонежскій. По Львовской лѣтописи эта попытка отнесена къ 6884, т. е. 1375/6 г. „Того же лѣта митр. Олексей видѣ себе отъ старости изнемогша и х концу уже приближающися, призываеть убо святаго Сергія; оному же пришедшу, бесѣдующимъ же имъ, повелѣ митрополитъ Олексѣй изнести крестъ съ парамандомъ, златомъ же и бисеромъ украшенъ, даруеть святому; (такой крестъ былъ однимъ изъ отличій митрополита) онъ же смиреніемъ поклонися ему, глаголя: „прости мя, владыко, яко отъ юности моея не бѣ златоносець, во старости же ноипаче хощу въ нищете пребывати". Архіерѣй же рече къ нему: „вѣмь, чадо, яко и сія

---

[1]) Въ Воскр. лѣтописи мы читаемъ подъ 6885 „Състарѣся старець Іоанъ, нарицаемый Непейца, архимандритъ Спаскій.. и тогда взысканіе бысть кому быти по Непейцы архимандриту у Спаса, и въпрьвыхъ помяненъ бысть... Митяй (опять невольное признаніе его достоинствъ), сего въсхотѣ князь великій архимандритомъ у Спаса, еже и бысть въскорѣ. Въсхищенъ бысть, аки нуждею (Митяй не желалъ постриженія), Митяй на постриженіе и приведенъ бысть въ церковь святаго Спаса, и призванъ бысть ту отъ Михайлова Чюда архимандритъ, именемъ Елисей. (монастырь былъ построенъ митрополитомъ Алексѣемъ, значитъ, и постриженіе производилось по его настоянію) нарицаемый Чечетка, и абіе постризаетъ Митяя въ черници, и не токмо въ черници, но и въ архимандриты. И ту бяше видѣти дива полно· иже до обѣда бѣлець сый,· а по обѣдѣ архимандритъ, иже до обѣда мірянинъ, а по обѣдѣ мнихомъ началникъ и старцемъ старѣишина, и наставникъ, и учитель, и вождь, и пастухъ"

исправилъ еси; но и сотвори послушаніе, пріими отъ мене данное ти благословеніе". И тако шедъ, возложи на святаго, яко нѣкое обрученіе". Сергій принялъ это обрученіе съ будущею каѳедрою во имя монашескаго послушанія, и Алексѣй, рѣшивъ, что тотъ простреть свое послушаніе и до конца, повелъ дѣло напрямикъ, но потерпѣлъ неудачу. „По сихъ хотящихся ему глаголати, рече же ко святому: „вѣдый буди, преподобне, на что призватъ тя, что хощу, яже о тебѣ сотворити". Святый же рече: „никакоже господи, могу вѣдати". Онъ же рече къ нему: „се язъ держахъ, Богу вручившу ми, Рускую митрополью, елико Богу хотящу, нынѣ же вижю себе к коньцу приближающуся, токмо не вѣмь дни скончанія моего; желаю же при своемъ животѣ изобрести мужа, могуща по мнѣ пасти стадо; о всѣхъ недоумѣвся, тебе единого избрахъ, яко достойна сущи исправити слово истинное; знаю бо извѣстно, яко вси тебе требуютъ; преже убо епископства саномъ почтенъ будеши, по моему преставленіи мой престолъ воспріимиши". Сергій рѣшительно отказался, прибавивъ: „тебѣ молюся, владыко мой, яко да къ тому прочее ни мнѣ, ниже кому иному о мнѣ глаголеши, понеже убо никто мужь сія во мнѣ не можетъ изобрести". Видя его непреклонность, отказался отъ своего проекта и Алексѣй митрополитъ.

Нѣкоторыя указанія этого разсказа заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Митр. Алексѣй предполагалъ передать свою каѳедру Сергію тѣмъ же способомъ, какимъ онъ получилъ ее и самъ, т. е. путемъ назначенія его при жизни во владыки Владимірскіе съ тѣмъ, чтобы по смерти онъ былъ назначенъ и митрополитомъ всея Руси. Какъ увидимъ, и передачу каѳедры Митяю предполагали произвести въ такой же формѣ. Митр. Алексѣй говоритъ при предложеніи Сергію не только лично отъ себя, но и отъ лица вліятельныхъ круговъ тогдашняго боярства. „Знаю бо извѣстно, яко вси тебе требуютъ". Такое неудовольствіе бояръ на Митяя понятно: онъ оказался слишкомъ добросовѣстнымъ намѣстникомъ и принялся прилагать

всѣ старанія, чтобы вернуть каѳедрѣ имущества, захваченныя князьями и боярами. Памятникомъ его усилій въ этомъ направленіи слѣдуетъ признать сборникъ ханскихъ ярлыковъ русскимъ митрополитамъ.

До насъ дошло двѣ редакціи ханскихъ ярлыковъ. Въ одной изъ нихъ семь ярлыковъ изданы Новиковымъ въ его „Древней Россійской Вивліоѳикѣ“, т. IV. 1787 года. Въ этой же редакціи напечатаны шесть ярлыковъ въ „Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ“. Отсутствуетъ самый любопытный ярлыкъ Тайдулы митрополиту Іонѣ, который редакторы, руководясь такимъ изумительнымъ заголовкомъ, должны были признать подложнымъ, и во всякомъ случаѣ не знали, къ какому времени его отнести. Въ другой редакціи шесть ярлыковъ (отсутствуетъ ярлыкъ митр. Петру): они были помѣщены въ такъ называемой „Львовской“ лѣтописи, въ настоящее время критически изданной въ XX томѣ Полнаго Собранія Лѣтописей. Достаточно даже самаго поверхностнаго сличенія этихъ редакцій, чтобы видѣть, что первоначальною является именно редакція, помѣщенная во Львовской лѣтописи, тогда какъ редакція Новиковская и Собранія Государственныхъ грамотъ представляетъ лишь позднѣйшую и притомъ тенденціозную передѣлку Львовской.

Составитель Суздальской или Львовской лѣтописи нашелъ ярлыки въ видѣ уже готоваго сборника, который, онъ и помѣстилъ цѣликомъ, только разбивъ его механически на двѣ части, подъ 6850 и 6865 годами. Подъ 6850 годомъ мы читаемъ: „Ярлыки, иже суть давали цари ординскія митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси на церковныя домы, и на люди, и на всяку честь, писали имъ во грамотахъ, *а невѣрніи цари*“. Заголовокъ этотъ принадлежитъ оригинальному сборнику, но, какъ увидимъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру приведенныхъ въ немъ ярлыковъ. Далѣе слѣдуютъ самые ярлыки въ такомъ порядкѣ. „Первый ярлыкъ далъ Тютякъ царь Михаилу митрополиту“ (т. е. нашему Митяю, нареченному на митрополію). „А се вторый ярлыкъ дала Тайдула царица Ивану митрополиту“. „Третей ярлыкъ далъ Менгутемирь царь“. „А се четвертой ярлыкъ дала Ченебѣкова

царица Тайдула Ѳеогносту митрополиту". Бросается въ глаза помѣщеніе на первомъ мѣстѣ ярлыка Михаилу, который могъ быть данъ только въ 1379 году. Это замѣтилъ и Львовскій лѣтописецъ, но, не желая выбрасывать ярлыка изъ того мѣста, на какомъ онъ находился въ сборникѣ ярлыковъ, онъ предпочелъ лучше буквально повторить этотъ ярлыкъ подъ 1378 годомъ.

Очевидно, лѣтописецъ нашелъ въ своемъ сборникѣ и нумерацію ярлыковъ и первоначально не рѣшился ее уничтожить. Нумераціи мы не находимъ во второй части, помѣщенной подъ 6865 г., гдѣ приведены два ярлыка Алексѣю Тайдулы и Бердебека.

Въ заключеніе мы находимъ послѣсловіе, особенно для насъ важное. „А се того писца слово, который переводилъ тѣ ярлыки, на Рускій языкъ. Суть же иніи мнози ярлыки предани быша ко церкви Божіей и пречистые Его Матери отъ безбожныхъ онѣхъ царей, крѣпость бысть митрополитомъ и всему причту о немъ. Не реку отъ Саина, иже бѣ попленилъ Рускую землю, но паче рещи всѣхъ царей, егоже по нихъ царьствоваше. Но охъ, увы, слезы моа постигоша велики, понеже убо милость получи святая церкви отъ невѣрныхъ си поганыхъ. Вы же, православніи князи и бояріи, подщитеся ко святымъ церквамъ благотвореніи показати, да въ день судный отъ онѣхъ варваръ посрамлени не будете... Елика же обретохъ во святей митропольи старыхъ царей ярлыки, но иныхъ не возмогохъ перевести зане неудобь познаваемою рѣчію писаны быша, ниже паки именовахомъ здѣ. Довольно бо есть намъ наказаніе отъ Саракинъ, неже правда крестьянская не разумѣющимъ поистинне Бога, но ослепленнымъ суетою, еже преобидѣти святыя церкви и домы ихъ".

Послѣсловіе это даетъ возможность съ большою вѣроятностію догадываться объ авторѣ его. Онъ былъ клирикъ Владимірской церкви, писавшій не по порученію митрополита (иначе объ этомъ обстоятельствѣ, очень важномъ для тоій цѣли, съ какою составленъ переводъ сборника, онъ непремѣнно упомянулъ бы), но на основаніи подлинныхъ грамотъ, хранившихся въ ларѣ митрополіи; что предполагаетъ, что онъ имѣлъ

доступъ къ этому, вообще говоря, недоступному ларю. Составляя свой сборникъ, онъ имѣлъ въ виду не привилегіи духовенства вообще, а именно охрану привилегіи только Владимірской церкви и ея домовъ. Все это указываетъ, что авторомъ сборника былъ, по всей вѣроятности, митрополичій намѣстникъ, ближе всѣхъ, послѣ митрополита, заинтересованный въ этомъ вопросѣ.

Но есть и такія черты, которыя заставляютъ признать въ немъ въ то же время и великокняжескаго духовника. Для достиженія своей цѣли онъ думалъ, очевидно, вручить свой трудъ, съ высшей степени рѣзкимъ послѣсловіемъ, не кому иному, какъ Димитрію Донскому, человѣку вообще горячему и подчасъ безцеремонному даже съ духовенствомъ (припомнимъ Кипріана и Пимена).

Нашъ авторъ былъ весьма недюжиннымъ по тому времени ученымъ историкомъ. Онъ добросовѣстно указываетъ свои источники, объясняетъ причину предпочтенія однихъ документовъ другимъ и старается перевести ихъ съ полнѣйшею точностію. Надо сознаться, что переводчикъ зналъ татарскій языкъ недостаточно: напримѣръ, онъ не зналъ, какъ по—татарски курица. Но неизвѣстныя ему слова онъ и оставлялъ безъ перевода (какъ, напримѣръ, „тетигуево лѣто“, вмѣсто „куриное лѣто“). Стремленіе же къ точности подчасъ дѣлало переводъ темнымъ.

Наконецъ нельзя не признать его крупнымъ ораторомъ, даже въ современномъ смыслѣ этого слова. Планъ послѣсловія безукоризненъ, языкъ очень хорошъ для того времени, сравнительно съ языкомъ Кипріана и Діонисія, мысль выражена кратко, ясно и замѣчательно сильно, до рѣзкости.

Всѣ указанныя качества и соединилъ въ себѣ Митяй, „за коризну тако именуемый“. По нашему убѣжденію, онъ не заслужилъ такой „коризны“. Сдѣлавшись митрополичьимъ намѣстникомъ, Митяй долженъ былъ обратить вниманіе на хищеніе имуществъ Владимірской церкви и принять мѣры къ тому, чтобы прекратить его. Одною изъ такихъ мѣръ охраны интересовъ каѳедры и было составленіе той исторической

докладной записки, какою является сборникъ ярлыковъ, для великаго князя. Такія записки были вообще въ характерѣ Митяя. Мы знаемъ, что и по вопросу о поставленіи митрополита имъ была составлена подобная же докладная записка, для того же Димитрія Донского.

Конечно въ полномъ своемъ составѣ сборникъ не можетъ относиться ко времени намѣстничества Митяя. Ярлыкъ Михаилу, т. е. самому же Митяю, относится уже къ 1379 году. Онъ полученъ былъ при участіи Мамая, во время путешествія нареченнаго митрополита въ Константинополь. Какъ увидимъ, нареченный митрополитъ Михаилъ не получилъ посвященія и умеръ, не доѣхавъ до Цареграда. Послѣ же его смерти ярлыкъ этотъ долженъ былъ утратить всякое значеніе, уже по тому одному, что послѣ Куликовской битвы трудно было говорить о ханскихъ ярлыкахъ, а при томъ положеніи, въ какомъ оказалась русская каѳедра послѣ смерти Митяя, трудно было думать о сохраненіи въ неприкосновенности ея имуществъ. Все заставляетъ предполагать, что сборникъ перевода ярлыковъ находился при Митяѣ во время его путешествія и въ это же время и былъ дополненъ переводомъ новаго ярлыка, по языку совершенно тождественнымъ съ переводомъ прежнихъ ярлыковъ. Новый ярлыкъ неудобно было помѣщать послѣ заключенія, и онъ былъ поставленъ въ началѣ столбца. Помѣщеніе этого ничего не значущаго ярлыка на самомъ важномъ мѣстѣ и является въ нашихъ глазахъ тоже доказательствомъ авторства Митяя.

Но какъ же въ такомъ случаѣ объяснить отсутствіе въ сборникѣ ярлыковъ ярлыка Азиза митрополиту Алексѣю, который, несомнѣнно, долженъ былъ существовать во время намѣстничества Митяя и на который ссылается и ярлыкъ Атюляка? Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, можетъ быть, и заключается объясненіе отсутствія Азизова ярлыка. Атюляковъ ярлыкъ, принимая во вниманіе тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ былъ изданъ, по всей вѣроятности, представлялъ изъ себя повтореніе ярлыка Азизу. А потому послѣдній, если и находился въ первоначальномъ переводѣ ярлыковъ, былъ опущенъ послѣ вне-

сенія въ сборникъ послѣдняго ярлыка Атюляка. На такое предположеніе наводитъ сохранившійся заголовокъ какого-то другого ярлыка послѣ Бердибекова, каковымъ и долженъ былъ быть Азизовъ. Такъ какъ самаго текста ярлыка не сохранилось, то лѣтописецъ принялъ этотъ заголовокъ за послѣсловіе къ ярлыку Бердибека, именемъ котораго и замѣнилъ первоначально стоявшее имя Азиза. Такимъ образомъ этотъ бывшій заголовокъ дошелъ до насъ въ такомъ видѣ: „Сій же ярлыкъ далъ Бердебекъ царь Олексѣю митрополиту", дѣлающимъ его совершенно излишнею добавкою въ концѣ ярлыка Бердибека, второй разъ повторяющею стоящій въ началѣ его заголовокъ.

Если бояре и интриговали противъ Митяя, то не рѣшались высказывать ихъ неудовольствіе вслухъ, и ихъ интриги пока не имѣли никакого практическаго результата. Но все это впослѣдствіи дало возможность утверждать Кипріану, что Митяя никто не хотѣлъ, кромѣ великаго князя, теперь же затягивало дѣло: при конструкціи назначенія новаго митрополита, путемъ передачи ему Владиміра при жизни его предшественника, великій князъ не могъ начать хлопоты о Митяѣ въ Константинополѣ, пока митр. Алексѣй не соглашался на такую передачу. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока не узнали, что другъ и пріятель митр. Алексѣя, Кипріанъ, самъ поставленъ въ Константинополѣ въ митрополиты всея Руси.

Мы видѣли уже, что переговоры митр. Алексѣя съ литвинами въ Твери окончились отказомъ его согласиться на ихъ условія. Можно себѣ представить, въ какой гнѣвъ должны были прійти отъ этого гордые литовскіе паны, не знавшіе причины этого отказа. „Это возстановило противъ него, Алексѣя, князей и возбудило ихъ гнѣвъ, такъ какъ они признали его поступокъ личнымъ для себя оскорбленіемъ. Вслѣдствіе того они рѣшили между собою—уже ни въ какомъ случаѣ не принимать его, хотя бы онъ и захотѣлъ отправиться къ нимъ, а къ патріарху всѣ вмѣстѣ написали, прося себѣ другого архіерея". Отъ патріарха къ митрополиту Алексѣю послѣдовало новое посланіе съ требованіемъ примириться съ князьями. Митропо-

литъ Алексѣй, увѣренный въ предстательствѣ Кипріана, не отвѣтилъ на это письмо, и въ Константинополѣ это было истолковано, какъ презрѣніе къ патріарху. Митр. Алексѣя постигла обычная въ подобныхъ случаяхъ кара---низложеніе. Правда, это низложеніе было условнымъ; непослушному лицу предоставлялось объяснить причины его поведенія, и отлученіе снималось, если объясненія оказывались уважительными.

Теперь наступило время Кипріану пожать плоды своей тонкой игры. Литовскіе паны отправили его въ Константинополь въ качествѣ кандидата на митрополію Литовскую. „Недовольные князья, наскучивъ этимъ дѣломъ, послали къ патріарху и собору великое посольство съ грамотою, прося и моля, чтобы имъ данъ былъ другой архіерей. „Это“, говорили они, „мы дѣлаемъ послѣдній опытъ и, если не достигнемъ цѣли, то готовы перейти къ другой церкви, которая давно отступила отъ правыхъ догматовъ и сдѣлалась чуждою православной христіанской церкви“. Письмо это совершенно напоминаетъ Казимирово посланіе галицкихъ бояръ, но въ то же время и отличается весьма существенною чертою: литвины, даже грозя передаться на сторону католицизма, называютъ послѣдній неистинною вѣрою и, такимъ образомъ, прямо удостовѣряютъ, что это была только угроза, которой они ни въ какомъ случаѣ не привели бы въ исполненіе; но въ Константинополѣ испугались или сочли удобнымъ показаться испугавшимися.

Грамота патр. Антонія, представляя панегирикъ митр. Кипріану, не говоритъ, кто же былъ кандидатомъ литовцевъ, и даетъ понять даже, будто бы Кипріанъ, все время протестовавшій противъ назначенія митрополита по представленію князей, хотя бы и православныхъ, самъ былъ назначенъ исключительно по личному усмотрѣнію и свободному выбору синода. Но патр. Нилъ говорилъ и откровеннѣе, и справедливѣе, что грамота литвиновъ была написана Кипріаномъ, и въ ней именно его, а не кого другого, просили себѣ паны въ митрополиты. „И вотъ шлется отъ нихъ грамота съ просьбою поставить его въ митрополиты и съ угрозою, что если онъ не будетъ постав-

ленъ, то они возьмутъ другого, отъ латинской церкви. грамота, *которой онъ самъ былъ* не только составителемъ, но и подателемъ".

И вотъ рѣшено было назначить Кипріана митрополитомъ Кіевскимъ и Литовскимъ, но съ тѣмъ, чтобы по смерти митрополита Алексѣя онъ присоединилъ къ себѣ и всю остальную Русь. Но уже въ это время, какъ митрополитъ Кіевскій, онъ носилъ титулъ и митрополита всея Руси. „Патріархъ прибѣгаетъ къ крайней мѣрѣ снисходительности по отношенію къ просителямъ: онъ рукополагаетъ упомянутаго киръ Кипріана въ митрополита Кіевскаго, Русскаго и Литовскаго, т. е. тѣхъ мѣстъ, которыя въ продолженіе многихъ лѣтъ митрополитъ киръ Алексѣй оставилъ безъ призрѣнія, „а чтобы древнее устройство Руси сохранилось и на будущее время... соборнымъ дѣяніемъ узаконяетъ, дабы послѣ смерти киръ Алексѣя киръ Кипріанъ получилъ всю Русь и былъ однимъ митрополитомъ всея Руси".

На этихъ условіяхъ 2 декабря 1375 года и состоялось поставленіе Кипріана митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. „Послѣ всѣхъ этихъ дѣяній, тайкомъ, отъ Алексѣя, (Кипріанъ) рукополагается. въ митрополита Кіевскаго и Литовскаго и, такимъ образомъ, овладѣваетъ одною частію церкви еще при жизни митрополита, своего друга, и сверхъ того получаетъ такое соборное дѣяніе, чтобы не упустить и другой части". Послѣднее прямо оговаривало что „и теперь эта митрополія не раздѣляется на двѣ: ибо поставленіе киръ Кипріана есть дѣло уважительной причины и неотложной нужды, вызванное тѣмъ, чтобы не предать весь народъ на погибель; а что опять долженъ быть одинъ митрополитъ Руси, этого требуетъ и право, и польза, и обычай".

Вся эта исторія съ митр. Алексѣемъ и Кипріаномъ не представляетъ сама по себѣ чего-либо исключительнаго и не является единственною въ своемъ родѣ для Византіи того времени, по крайней мѣрѣ, для славянскихъ странъ. Почти одновременно произошло совершенно аналогичное замѣщеніе Угровлахійской

каѳедры. Въ 1359 году (A. P. I. 383) воевода Угровлахійскій, призвавшій еще ранѣе къ себѣ сосѣдняго Видинскаго митрополита Іоакинѳа Критопуло, просилъ патріарха назначить его митрополитомъ всей Угровлахіи. Патріархъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы по смерти Іоакинѳа новый Угровлахійскій митрополитъ былъ поставленъ въ Константинополѣ. Но на Іоакинѳа смотрѣли въ Византіи подозрительно, какъ самъ онъ заявлялъ въ посланіи своемъ патріарху въ 1370 году. Нѣкоторые обвиняли его передъ патріархомъ за то, что онъ не явился въ Константинополь по вызову патріарха; это было признано за презрѣніе къ патріархіи и онъ былъ низложенъ за это. Іоакинѳъ же заявлялъ, что онъ потому только не явился на поклонъ патріарху, что его не отпустилъ воевода, ссылаясь на неудобства пути; въ послѣднее же время къ этому присоединилась и старческая слабость и болѣзнь. „Теперь“, писалъ Іоакинѳъ, „отправляется на поклоненіе твоей великой святыни, братъ мой, дикеофилаксъ (Даніилъ Критопуло, намѣстникъ Іоакинѳа), посылаемый великимъ воеводою и его боярами, чтобы ты поставилъ его архіереемъ всей Угровлахіи съ совѣта, воли и согласія моего“. „Не презри моей глубокой старости и слабости“, заключаетъ митрополитъ свое письмо. (A. P. I. 534). Патріархъ исполнилъ желаніе воеводы и митрополита, но не вполнѣ: Даніилъ Критопуло былъ поставленъ не на всю Угровлахію, а на часть ея, при чемъ съ него взята особая подписка, лишавшая его возможности завладѣть всею Угровлахіею безъ согласія патріарха. Критопуло выдалъ патріархіи слѣдующее обязательство: „Говорю и обѣщаюсь, что я никогда не буду врагомъ митрополита и не буду подговаривать на него государя Угровлахійскаго, но буду признавать его, и почитать, и любить и, если бы даже что и случилось съ нимъ или тамъ, или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, признавать его и не противорѣчить ему въ чемъ бы то ни было, но имѣть его, какъ будетъ имѣть его мой всесвятый владыка, вселенскій патріархъ, и божественный и святой соборъ. Если они будутъ имѣть и признавать его митрополитомъ Угровлахіи, чтобы и я его имѣлъ такимъ же: если же нѣтъ, то я все-таки

буду соблюдать то, что постановитъ относительно его божественный синодъ". Подписка эта дана въ силу опасеній, какъ бы новый митрополитъ не сталъ тревожить прежняго, не пожелалъ завладѣть всею Угровлахіею, не подвинулъ бы противъ него воеводу Угровлахійскаго и, до прихода митрополита въ Константинополь на божественный и святой синодъ и послѣ прибытія и новаго суда надъ нимъ, не завладѣлъ бы и всей Угровлахіею. (εὑρίσκεσθαι καὶ τὸν αὐτὸν εἰς τὴν Οὐγγροβλαχίαν А. Р. I. № 278). Подписка относится къ августу 1370 года, а къ ноябрю мѣсяцу Даніилъ Критопуло, въ монашествѣ Аѳанмъ, уже получилъ рукоположеніе въ митрополиты части Угровлахіи. (А. Р. I. 535). Дѣло же объ Іоакинѳѣ рѣшено пересмотрѣть вновь.

Можно сказать, что случай съ Угровлахіею повторяетъ исторію поставленія митр. Алексѣя чуть ли не въ деталяхъ. То же поставленіе, согласно новеллѣ Андроника, по волѣ князя, и та же оговорка, чтобы впредь поставляли по усмотрѣнію патріаршаго синода. То же назначеніе преемника престарѣлому митрополиту (такъ же, какъ Алексѣй, обвинявшемуся въ презрѣніи власти патріарха) по просьбѣ этого послѣдняго, въ виду его немощи, но не на всю митрополію, а только на половину ея, съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ быть митрополитомъ надъ всей страною. Справедливость требуетъ признать, что и при назначеніи преемника Алексѣю москвичи думали именно обратиться къ этому способу назначенія въ Константинополѣ по просьбѣ предшественника, въ надеждѣ преемства, съ тѣмъ, чтобы при жизни его онъ имѣлъ епископскую власть надъ Владиміромъ, т. е. надъ половиною митрополіи. Греки и литвины при назначеніи Кипріана, въ сущности, только предупредили москвичей. На этотъ разъ побѣдилъ Ольгердъ. Не только было возстановлено фактическое положеніе, существовавшее въ послѣдніе годы Романа, но оно получило юридическое признаніе, и былъ созданъ прецедентъ назначенія митрополита всея Руси волею великаго князя Литовскаго.

Остается вопросомъ лишь одно: дѣйствительно ли Кипріанъ обманывалъ и обманулъ такого тонкаго человѣка, какимъ былъ патр. Филоѳей, или наоборотъ дѣйствовалъ по соглашенію съ нимъ? Не только аналогія съ Молдаво-Влахійскою каѳедрою, но и другія соображенія приводятъ именно къ послѣднему предположенію. Требуя отъ митрополита Алексѣя, старца восьмидесяти лѣтъ, объѣздить чуть не всю Литву, Филоѳей едва ли предполагалъ возможность выполненія этого требованія, а вѣроятнѣе всего, лишь искалъ благовиднаго предлога назначить особаго митрополита для Литвы. Вопросъ этотъ и былъ поставленъ ребромъ какъ разъ въ то время, когда нужно было отыскать преемника митр. Алексѣю, согласно грамотѣ ему того же Филоѳея. Лучшаго кандидата, чѣмъ Кипріанъ, едва ли и можно было найти патріарху. Получившій греческое образованіе, вполнѣ преданный Филоѳею, убѣжденный защитникъ патріаршихъ прономій, и въ особенности права свободнаго выбора митрополитовъ патріархомъ—Кипріанъ въ то же время прекрасно зналъ славянскій литературный языкъ, былъ выдающимся славянскимъ писателемъ и ораторомъ и вдобавокъ—выдающимся греческимъ дипломатомъ своего времени. Его-то и долженъ былъ намѣтить патр. Филоѳей, какъ это впослѣдствіи утверждалъ и самъ Кипріанъ и патр. Антоній. Но опытъ показалъ, что если бы Филоѳей и поставилъ его, то такой митрополитъ изъ Константинополя не былъ бы принятъ ни въ Москвѣ, ни въ Литвѣ. Заблаговременно отправляя его въ Россію въ качествѣ посла, Филоѳей и предоставлялъ ему возможность устранить и это препятствіе. Въ Москвѣ обстоятельства сложились явно противъ Кипріана; но въ Литвѣ ему удалось склонить на свою сторону пановъ, которые и выставили его своимъ кандидатомъ, вѣроятно, къ большой радости Филоѳея.

Поставленіе Кипріана патр. Филоѳемъ состоялось 2 дек. 1375 года, а 9 іюня 1376 года Кипріанъ былъ уже въ Кіевѣ[1]).

---

[1]) Данныя для опредѣленія времени этихъ событій не вполнѣ совпадаютъ, даже если судить по словамъ самого же Кипріана. Онъ пишетъ Сергію:

Поставленіе Кипріана было однимъ изъ тѣхъ поставленій при жизни предшественника, съ какими мы неоднократно встрѣчаемся въ разсматриваемую эпоху. Юридическая конструкція такого страннаго и неизвѣстнаго въ древности института ясна изъ поставленія митрополита Виѳинскаго, происшедшаго почти тогда же. Такъ въ іюлѣ 1381 г., патр. Нилъ назначилъ нѣкоего іеромонаха Кассіана митрополитомъ Виддинскимъ, по просьбѣ мѣстнаго владѣтеля, Страцимира, царя Болгарскаго (A. P. II. 28 N345 *ὁ ὑψηλότατος βασιλεὺς τῶν Βουλγάρων κῦρ Ἰωάννης ὁ Στρατζιμιτρός*). Іоаннъ этотъ засвидѣтельствовалъ посланіемъ своимъ и *другими мѣстными людей*, что этого Кассіана они признаютъ *за εὐλαβῆ ἱερέα καὶ συνειδήσεως ἀγαθῆς ἄνθρωπον*. Греки съ тѣмъ большею охотою исполнили желаніе Страцимира, что этимъ прекращалось долгое время существовавшее подчиненіе Виддина схизматическому, съ точки зрѣнія грековъ, архіеп. Болгарскому. Но первый кандидатъ Страцимира на Виддинскую митрополію оказался очень неудачнымъ: новый митрополитъ вскорѣ провинился въ убійствѣ и *сознался въ немъ*. Послѣ этого патріархъ нѣсколько разъ писалъ къ Страцимиру, прося, чтобы онъ „или послалъ кого-либо изъ добрыхъ людей, чтобы мы его посвятили, или, если онъ не имѣетъ такихъ, написалъ намъ, и мы бы нашли подходящаго и посвятили его“. Такимъ образомъ патріархъ не считалъ возможнымъ

„Полтретья лѣта мнѣ *въ святительствѣ, а какъ вьѣхалъ есмь на Кіевь*, двѣ лѣтѣ и 14 дній до сего дни, иже есть іуніа мѣсяца 23 день... въ лѣто 6886, индикта перваго“.

Въ своей же прощальной грамотѣ (Ник. 6915) онъ пишетъ: „А понеже сочтохъ лѣта своя, отнелиже въ митрополиты поставленъ быхъ, и обрѣтеся числомъ, яко тридесято лѣто течетъ къ приходящему мѣсяцу Декамврію, въ 2 день“. Такъ какъ грамота писана 12 сент. 1406 года, то день посвященія получается 2 дек. 1376 года, какъ мы и находимъ въ Ник. 6915: „Мѣсяца Сентября въ 16 день, преставися Кипріанъ митрополитъ, бывъ въ митрополитехъ 30 лѣтъ безъ полутретьа мѣсяца“ (очевидно, на основаніи прощальной грамоты Кипріана). Тогда какъ по посланію къ Сергію получается 1375 г. Послѣднюю дату слѣдуетъ предпочесть, такъ какъ 2 декабря 1376 года Филоѳея уже не было на патріаршемъ престолѣ.

посвятить митрополита безъ согласія мѣстнаго владыки. Страцимиръ, наконецъ, послалъ іеромонаха Іоасафа, какъ кандидата на Видинскую каѳедру: но патріархъ почему-то не нашелъ нужнымъ посвятить его и отослалъ его обратно, хотя и обнадежилъ его въ будущемъ. Немного времени спустя, прибылъ въ Константинополь и Кассіанъ, теперь уже принявшійся отрицать свое участіе въ убійствѣ: онъ, по его словамъ, самъ только бросилъ оскорбившаго его монаха на полъ и приказалъ слугамъ убрать его; послѣдніе же тащили его за ноги головою по лѣстницѣ и по землѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ. Узнавъ же, что и за это ему грозитъ низложеніе, Кассіанъ снова бѣжалъ изъ Константинополя и пропалъ безъ вѣсти. Черезъ нѣкоторое время іеромонахъ Іоасафъ явился вновь съ просьбою Болгарскаго царя посвятить его въ митрополиты Видднискіе. Въ синодѣ голоса по этому поводу раздѣлились: нѣкоторые полагали, что не можетъ быть поставленъ новый епископъ до полнаго осужденія прежняго (*μὴ δεῖν πρὸ τῆς ἐκείνου τελείας ἀποφάσεως ἕτερον χειροτονηθῆναι*). Но патріархъ нашелъ это соображеніе неправильнымъ. „Про Кассіана нельзя сказать“, заявилъ онъ, „что онъ пользуется своимъ достоинствомъ (*τῆς ἰδίας ἀπολαύει τιμῆς*); онъ уже и ранѣе давно не пользовался своимъ достоинствомъ; а главное, онъ, и придя въ синодъ, не пользовался правами своего сана: онъ ни сослужилъ съ патріархомъ, ни пользовался участіемъ въ синодальныхъ собраніяхъ“. Оставалось только произнести приговоръ по его дѣлу, но это былъ бы приговоръ обвинительный на основаніи собственнаго его сознанія (*ἀλλ' ἀπὸ τῆς ὁμολογίας ἐκείνου καταδίκη κατ' ἐκείνου ἐξενεχθήσεται*), митрополія же Виддниская уже шесть лѣтъ безъ епископа. На этомъ основаніи опредѣлили: посвятить Іоасафа, *не лишая и Кассіана права требовать продолженія суда надъ нимъ.*

Причина такого явленія ясна. Греки слишкомъ уже строго требовали присутствія обвиняемаго на судѣ, какъ необходимаго условія его осужденія и низложенія. Даже завѣдомая контумація, завѣдомое уклоненіе его отъ суда, не давало возможности постановленія

приговора, хотя бы обвиняемый и сознавался въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ. Какъ непзбѣжный практически выводъ и получается странное и непзвѣстное прежнему праву поставленіе епископа, такъ сказать, неокончательное, на каѳедру, занятую другимъ, и безъ формальнаго осужденія его предшественника, безъ чего, согласно древнимъ канонамъ, и самое поставленіе было невозможно. И митрополитъ Алексѣй не былъ лишенъ возможности потребовать продолженія суда надъ собою. Совершенно напротивъ: и сами греки продолжали слѣдствіе.

Для оцѣнки послѣдующихъ событій въ высшей степени важно опредѣлить, когда выѣхалъ Кипріанъ изъ Константинополя, куда онъ направился, и гдѣ провелъ время до переѣзда въ Кіевъ. Какъ мы видѣли уже, поставленіе Кипріана состоялось въ началѣ декабря мѣсяца 1375 года. Тою же зимою Кипріанъ выѣхалъ изъ Константинополя[1]). Если онъ добрался до Кіева только къ серединѣ іюня 1376 года, то гдѣ онъ провелъ остальное время?

Есть указанія, что Кипріанъ попытался было пробраться въ Москву и только послѣ того, какъ великій князь Димитрій не принялъ его, онъ направился въ Литву и въ Кіевъ. Никон. 6884: „Того же лѣта пріиде изо Царяграда на Русь митрополитъ Кипріанъ, поставленъ на митрополію Филоѳеемъ, патріархомъ Цареградскимъ; князь же велики Дмитрей Ивановичь не пріа его, рекъ ему сице: „есть у насъ митрополитъ Алексѣй, а ты почто ставившися на живаго митрополита“? Онъ же поиде съ Москвы въ Кіевъ и тамо живяше“. Съ меньшею опредѣленностію говоритъ объ этомъ Супрасльская 6884: „Тои же зимы выиде из Царяград митрополить Киприянь, и не прия его князь великыи Дмитреи Ивановичь; он же шед на Киевъ. Тои же зимы прпехали от митрополита 2 протодиякона Юръи а Иоан и а съ Олексеею митрополить“. Здѣсь упоминается лишь о томъ, что Димитрій не принялъ

---

[1]) Супр. 6884. „Тои же зимы выиде из Царяград митрополить Киприянь“.

Кипріана; изъ упоминанія же о томъ, что тою же зимою пришли въ Москву патріаршіе послы и, очевидно изъ контекста, пришли безъ Кипріана, слѣдуетъ, что Кипріану не было времени для поѣздки въ Москву безъ пословъ; да и какая цѣль ему была ѣхать одному, имѣя съ собою пословъ?

Другіе же источники ясно говорятъ, что Кипріанъ прямо проѣхалъ въ Литву, не заѣзжая въ Москву. И Кипріанъ, стараясь въ посланіи къ Сергію опровергнуть обвиненія москвичей, не говоритъ о томъ, будто бы онъ пріѣхалъ не на Литву, а на Москву, и только непринятый въ Москвѣ уѣхалъ въ Литву; между тѣмъ обвиненія были такого содержанія, что ихъ удобнѣе всего было бы опровергнуть именно такимъ указаніемъ. „Кладетъ на меня (Кипріана) вины, что былъ есмь въ Литвѣ *первое*“ (Кипріанъ, стало быть, признаетъ этотъ фактъ); „и которое лихо учинилъ есмь, бывъ тамо“ и т. д. (Р. И. Б. VI, 182). Точно также и патріархъ Нилъ потомъ говоритъ лишь о попыткахъ Кипріана пробраться въ Великую Русь, и притомъ уже послѣ смерти м. Алексѣя, а не при его жизни. „Между тѣмъ“, пишетъ онъ: „митр. Кипріанъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы войти въ Великую Русь и овладѣть ею въ особенности, когда митрополитъ Алексѣй въ глубокой старости преставился къ Богу“.

Такимъ образомъ не въ Москвѣ и не въ путешествіи туда провелъ Кипріанъ время до половины іюня 1376 года. Естественнымъ мѣстопребываніемъ его слѣдуетъ признать Новогородокъ Литовскій. Такое предположеніе подтверждается и нѣкоторыми намеками, какіе мы находимъ въ посланіи его къ Сергію. Онъ говоритъ о своей дѣятельности въ Литвѣ въ слѣдующемъ порядкѣ, который можно признать за хронологическій: „*Новый-Городокъ* литовьскый давно отпалъ, и язъ его оправилъ, и десятину доспѣлъ къ митрополіи же, и села. *Въ волыньской же земли такожде* колько лѣтъ стояла володимерьская епископіа безъ владыки, *запустошала?* и язъ владыку поставилъ и мѣста исправилъ. Такоже отприснаа *села софійская,*

отпала къ князем и къ бояромъ, и язъ тыхъ доискиваюся и оправдаю".

Любопытно, какъ могъ ставить Кипріанъ епископа во Владимірѣ Волынскій, который отнесенъ былъ грамотою патріарха 1371 года къ эпоріи митрополита галицкаго? Если не предположить нѣкоторой безцеремонности со стороны Кипріана (на что онъ по временамъ былъ способенъ), то остается предположить, что Ольгердъ не принялъ Антонія Галицкаго въ своей землѣ. Во всякомъ случаѣ Кипріанъ понималъ терминъ „Литовская митрополія" въ томъ же смыслѣ, какъ и Романъ, т. е. подразумѣвалъ подъ нею всѣ земли, входившія въ составъ Литвы.

Получается, что Кипріанъ прежде всего изъ Греціи направился въ самую Литву, въ Новогородокъ, и, устроивъ дѣла тамъ, переѣхалъ или въ Кіевъ или сначала побывалъ во Владимірѣ, а затѣмъ отправился въ Кіевъ. Тѣмъ временемъ, то есть еще зимою же, патріаршіе послы отправились въ Москву подготовлять для Кипріана почву, а можетъ быть, и поторговаться съ Московскимъ правительствомъ по этому поводу. Офиціальною же причиною пріѣзда была выставлена необходимость дознанія о жизни Алексѣя. Кипріанъ, представившій отчетъ о своемъ дознаніи въ Россіи, составилъ его въ очень неблагопріятномъ для Алексѣя видѣ. Какъ выражается п. Нилъ „составилъ на него ябеду, наполненную множествомъ обвинительныхъ пунктовъ, и добивался его низложенія". Теперь для провѣрки обвиненій и отправлялись патріаршіе послы. „Съ Кипріаномъ посылаются церковные санов ники, произвести дознаніе о жизни м. Алексѣя, выслушать, что будутъ говорить противъ него обвинители и свидѣтели и донести священному собору то, что откроется".

Фактъ присылки въ 1376 году патріаршихъ чиновниковъ въ Москву отмѣченъ и русскою лѣтописью [1]).

---

[1]) Ник. 6881: „Того же лѣта пріидоша изо Царяграда два нѣкая протодьякона, сановника суща, единому имя Георгій, а другій Иванъ" (ср. Супрасл. 6884).

Только они не квалифицированы судьями или слѣдователями, а перечисляются на ряду съ другими греческими проходимцами въ особенномъ обилiи устремившимися въ этомъ году въ Россію за милостынею [1]). Мы полагаемъ, что русскіе правильно опредѣлили негласную цѣль пріѣзда этихъ сановниковъ въ Москву. По отзыву апокрисіаріевъ „все оказалось пустымъ и неосновательнымъ словомъ: не нашлось ни обвинителя, ни знающаго за нимъ что-либо противозаконное; напротивъ, всѣ считали его спасителемъ народа; всѣ стояли за него своею головою, а на митрополита Кипріана, какъ безчестно поступившаго противъ святого мужа, произносили страшныя проклятія". Можно догадываться, что дѣло шло о старыхъ обвиненіяхъ Ольгерда противъ спасителя народа м. Алексѣя, которыя Кипріанъ призналъ правильными.

Патріаршая грамота благоразумно умалчиваетъ о тѣхъ формахъ, въ какія вылилось неудовольствіе на патріарха и царя въ Москвѣ. Объ этомъ повѣствуетъ митр. Кипріанъ въ своемъ посланіи къ Сергію: „Что створиша (христіане) патріаршимъ *посломъ*, хуляще на патріарха, и на царя, и на соборъ великій: патріарха литвиномъ назвали, также царя и всечестный соборъ вселеньскій. И язъ, колика сила, хотѣлъ есмь, чтобы злоба утишилася". Послѣдняя фраза показываетъ, что рѣчь идетъ не о событіяхъ пріѣзда Кипріана въ Москву въ 1378 году, когда Кипріанъ не имѣлъ при себѣ патріаршихъ пословъ, и не могъ имѣть ихъ, ибо на патріаршемъ престолѣ сидѣлъ Макарій, признавшій Митяя. Въ 1378 году съ Кипріаномъ были лишь его слуги да его же черницы; слѣдовательно, эта брань была по адресу пословъ Филоѳея въ 1376 г.

Московское правительство, такимъ образомъ, съ позоромъ отправило пословъ обратно. Досталось по пути и Кипріану. Если послѣ всего этого митр.

---

[1]) Ник. 6881. „Того же лѣта пріиде нѣкій митрополитъ, именемъ Марко, изъ Синайскіа горы на Русскую землю милостыни ради. Того же лѣта приде изъ Ерусалима нѣкій архимандритъ, именемъ Нифонтъ.. на Русскую землю милостыни ради, да тою милостынею на патріаршество сталъ иже во Іерусалимѣ".

Алексѣя оставили въ покоѣ и не наложили отлученія, то, навѣрное, не даромъ: его заставили не только признать Кипріана, но и написать въ южную Русь, гдѣ не желали принимать Кипріана, грамоты съ убѣжденіемъ покориться патріаршему рѣшенію. „По всей Русской землѣ сильное негодованіе и немалое волненіе и смятеніе народное, возбужденное дѣйствіями Кипріана, было утишено лишь непрестанными внушеніями и совѣтами митр. Алексѣя, обращенными ко всѣмъ вообще и къ каждому порознь". Въ Кіевѣ не хотѣли Кипріана и крѣпко держались митр. Алексѣя. Да и роль Кипріана во всемъ этомъ дѣлѣ не могла долго оставаться тайною, и тогда гнѣвъ обманутыхъ пановъ долженъ былъ направиться уже не на митр. Алексѣя, а на митр. Кипріана. Этимъ въ достаточной степени объясняется, почему Кипріанъ такъ долго не являлся въ Кіевъ. И Кипріанъ, съ своей стороны, тоже соблюдалъ корректность: онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ захватить восточную митрополію при жизни митр. Алексѣя (въ этомъ не обвиняетъ его даже крайне враждебная Кипріану грамота патріарха Нила 1380 года), хотя Алексѣй, естественно, относился къ нему съ недовѣріемъ. Въ глазахъ московскаго правительства наиболѣе опасенъ былъ въ этомъ отношеніи Новгородъ, и потому были приняты особыя мѣры по отношенію къ нему, чтобы предупредить возможность признанія новгородцами митр. Кипріана.

Съ новгородцами и у митр. Алексѣя и у кн. Дмитрія Ивановича передъ этимъ вышли какія-то недоразумѣнія, вѣроятно, на почвѣ литовско-тверскихъ отношеній. Въ 1370 году въ іюнѣ Аввакумъ, въ числѣ другихъ грамотъ, выхлопоталъ и грамоту противъ арх. Алексѣя Новгородского, который обвинялся въ томъ, во-первыхъ, что онъ носитъ крестчатыя ризы, которыя были пожалованы патріархомъ лично только Моисею Новгородскому, во-вторыхъ, что онъ не оказывалъ, по словамъ патріарха, „надлежащаго почтенія, повиновенія и благопокоренія митрополиту Алексѣю и великому князю Дмитрію, но противился и противорѣчилъ имъ". Въ отвѣтъ на эти жалобы патріархъ

предписалъ епископу Алексѣю Новгородскому спороть съ своихъ ризъ кресты. Кромѣ того, на него была наложена епитимія, снятіе которой было поставлено въ зависимость отъ покорности митрополиту и великому князю. „Если же не исполнишь того, о чемъ пишетъ и приказываетъ наша мѣрность, то мы напишемъ къ твоему митрополиту, чтобы онъ низложилъ тебя и лишилъ архіерейства“.

По всей вѣроятности, вина новгородцевъ состояла въ томъ же въ чемъ и многихъ другихъ русскихъ князей того времени: они не хотѣли принимать участія въ войнѣ противъ Литовскаго князя. Повидимому, Новгородцы думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ и Алексѣя митрополита и Москвы для того, чтобы добиться ограниченія митрополичьей юрисдикціи, если не полной независимости отъ митрополичьяго суда, о чемъ они настойчиво хлопотали потомъ и при митр. Кипріанѣ. Только по этому поводу и вспомнилъ митр. Алексѣй о томъ, что новгородскій владыка неправильно пользуется крестчатыми ризами.

Но какъ разъ тѣ же недоразумѣнія повторились въ 1375 году, когда новгородское ополченіе, по первому зову великаго князя Димитрія, явилось подъ Тверь и заставило Михаила Тверского докончать миръ на всей волѣ великаго князя и Новгородцевъ. Въ Новгородѣ имѣли основанія разсчитывать на благодарность великаго князя и въ частности на льготы въ сферѣ суда. Того же они, естественно, должны были добиваться и отъ митрополита по отношенію къ архіепископскому суду; но ихъ постигла, вѣроятно, такая же неудача, какъ и нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Судимъ такъ по слѣдующему. Въ томъ же 1375 г. архіепископъ Алексѣй Новгородскій отказался отъ каѳедры и удалился въ Деревеницы, яко бы по своей волѣ. Но есть полное основаніе думать, что удаленіе это было послѣдствіемъ запрещенія, наложеннаго митрополитомъ на Новгородъ и архіеп. Алексѣя. Архіепископъ, поставленный въ тиски между требованіями новгородцевъ и предписаніями патріаршей грамоты о повиновеніи митрополиту, предпочелъ уда-

нится съ каѳедры. Новгородцы были отъ этого удаленія „въ великой скрѣби и, много гадаша“, отправили посольство къ митрополиту. Извѣстіе о поставленіи Кипріана поправило новгородскія дѣла и заставило Москву пойти на уступки. Новгородцы просили митрополита, „чтобы благословилъ сына своего Алексѣа въ домъ Св. Софіа на свои святительскій степень; и митрополитъ благослови сына своего, владыку Алексѣа“. Послы вернулись и привезли „благословеніе митрополиче владыцѣ Алексѣю и всему Новугороду“. Тогда „Новгородци вѣчемъ сташа на Ярославлѣ дворѣ, и послаша съ челобитіемъ къ владыцѣ, съ вѣча, намѣстника, посадника, и иныхъ многыхъ бояръ и добрыхъ мужь“ и, когда владыка принялъ челобитье, „возведоша владыку Алексѣя въ домъ Св. Софіи на свои ему архіепископьскій степень“. Это произошло 9 марта 1376 года.

Теперь московскому правительству было уже не до споровъ съ новгородцами. Послѣ того, какъ Кипріанъ водворился въ Кіевѣ, мы видимъ въ Москвѣ Новгородскаго владыку Алексѣя, прибывшаго сюда, вѣроятно, по приглашенію митрополита въ 6884 году, „поиде владыка Алексѣи къ митрополиту, и съ нимъ Сава архимандритъ... и много бояръ мѣсяца августа въ 13 день... и прія митрополитъ сына своего владыку въ любовь, такоже и князь великій; и пребысть владыка на Москвѣ двѣ недѣли, и отпусти митрополитъ съ благословеніемъ, а князь великій и братъ его Владимиръ съ великою честію; и пріиде владыка въ домъ св. Софіа, мѣсяца октября въ 17 день“.

Очень возможно, что при этомъ и сдѣланы были со стороны митрополта какія-нибудь уступки въ сферѣ церковной юрисдикціи, которыя впослѣдствіи доставили столько хлопотъ митр. Кипріану. Иначе трудно было бы объяснить то упорство, какое обнаруживали впослѣдствіи въ этомъ пунктѣ новгородцы.

Но если митр. Алексѣй относился къ Кипріану сравнительно очень добродушно, то иначе думалъ объ этомъ въ Москвѣ князь Димитрій. Для него предстояла непремѣнная задача, во что бы то ни стало,

добиться отмѣны патріаршей грамоты о предоставленіи каѳедры Великой Руси, по смерти митр. Алексія, тоже Кипріану, въ которомъ видѣли литовскаго ставленика. Поэтому попытка Кипріана обезпечить за собою признаніе его со стороны Московскаго правительства, какъ будущаго митрополита всея Руси, потерпѣла неудачу. Великій князь отвѣтилъ ему упрекомъ: „Что ставишься на живое мѣсто“? Въ Константинополѣ же по этому поводу были начаты переговоры. Съ перемѣною на византійскомъ престолѣ и вселенской каѳедрѣ они получили неблагопріятное для Кипріана направленіе.

12 авг. 1376 г. Іоаннъ V былъ свергнутъ съ престола своимъ сыномъ Андроникомъ при помощи генуэзцевъ. Новый императоръ заставилъ патр. Филоѳея оставить каѳедру и назначилъ патріархомъ Макарія. О послѣднемъ Кипріанъ (житіе св. Петра въ Степенной книгѣ) отзывается какъ о человѣкѣ, лишенномъ всякаго разума, что, впрочемъ, слѣдуетъ приписать въ значительной степени курсу, принятому новымъ правительствомъ. Къ тому же, въ глазахъ Кипріана, это былъ незаконный патріархъ, возведенный на престолъ „едпною царскою волею и безъ соборнаго избранія“. Въ Византіи успѣли уже позабыть о рѣчи Кантакузина.

Новый императоръ короновался 18 октября и извѣстенъ подъ именемъ Андроника IV. Онъ заставилъ Филоѳея оставить каѳедру и назначилъ патріархомъ Макарія[1]). Къ нимъ то и отправлено было посольство москвичей. „Отправлены грамоты и къ нашей

---

[1]) „Филоѳеи на ересь Акиндинову и Варламову подвизася, и сихъ ученія разрушивъ поученіи своими, еще и Григорія еретика словеси своими духовными поправъ, и ученія его до конца низложивъ, и самѣхъ проклятію предастъ, и книги многи на утвержение православнымъ написа.. Но сего.. тогдашній Царь не восхотѣ, но того ложными и оболгательными словесы съ престола сводитъ, и въ монастырь затворяетъ, по своему же нраву избираетъ Макарія нѣкоего безумна, и всякаго разума лишенна, и кромѣ церковнаго преданія же и устава посаждаетъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Филоѳеи .. по лете успе сномъ блаженнымъ“.

святѣйшей Церкви Божіей, съ жалобою на облако печали, покрывшее ихъ очи, вслѣдствіе поставленія митрополита Кипріана, и съ просьбою къ божественному собору о сочувствіи, состраданіи и справедливой помощи противъ постигшаго ихъ незаслуженнаго оскорбленія. То же самое донесли собору и возвратившіеся оттуда наши церковные послы, и это донесеніе вполнѣ подтверждено было согласными показаніями многихъ другихъ пришедшихъ оттуда людей".

Москвичи хлопотали о томъ же, о чемъ прежде хлопоталъ Казимиръ и Ольгердъ. Какъ тѣ желали имѣть особаго митрополита для своихъ владѣній, такъ теперь требовалъ этого Димитрій, и по тѣмъ же исключительно политическимъ причинамъ. Ольгердъ не желалъ Алексѣя, какъ ставленика Москвы; Димитрій не желалъ теперь Кипріана, какъ ставленика Литвы. „Что бы тамъ ни было", говорили потомъ московскіе послы, „мы не примемъ кира Кипріана, человѣка, взысканнаго литовскимъ княземъ, нашимъ злѣйшимъ непріятелемъ". (Р. И. Б. VI. 208). Трудно было отказать въ этихъ домогательствахъ сильному православному князю, при томъ, что они были удовлетворены для неправославныхъ.

Но самъ митр. Алексѣй въ этихъ хлопотахъ не участвовалъ, на что у него было много причинъ. Во-первыхъ, какъ мы уже видѣли, онъ призналъ митрополита Кипріана, по волѣ патріарха, и даже убѣдилъ западно-руссовъ принять его. Во-вторыхъ, митр. Алексѣй всю свою жизнь боролся противъ того, что затѣвалось теперь Димитріемъ,—противъ раздѣленія Русской митрополіи на двѣ. Въ-третьихъ у Алексѣя были и особыя причины быть особенно щепетильнымъ: онъ былъ ставленикъ незаконно низложеннаго патр. Филовея, и для него едва ли удобны были переговоры съ новымъ патріархомъ Макаріемъ, направленныя къ нарушенію воли Филовея, выраженной въ настольной грамотѣ митрополиту Алексѣю же. Митр. Алексѣй не только не принималъ никакого активнаго участія въ дѣлѣ Митяя, но подобно Сергію Радонежскому все время былъ противъ него. Несмотря на всѣ убѣжденія

великаго князя онъ отказывался благословить Митяя на митрополію. Только передъ самою смертію престарѣлаго митрополита добились отъ него подписанія какой-то грамоты въ пользу Митяя, вѣроятно, составленной по образцу Ѳеогностовой грамоты въ пользу Алексѣя. Оговорка, которую м. Алексѣй якобы при этомъ сдѣлалъ, судя по прибавкѣ Кипріана въ Воскресенской лѣтописи, не подтверждается словами Кипріана же въ посланіи Сергію и имѣетъ скорѣе риторическій характеръ. Митрополитъ яко бы сказалъ: „Азъ не доволенъ благословити его, но оже дасть ему Богъ, и святаа Богородица, и пресвященный патріархъ и вселенскій съборъ“. Оговорка ненужная, такъ какъ никто и не думалъ поставлять Митяя безъ участія вселенскаго патріарха.

Въ посланіи своемъ Сергію Кипріанъ дѣлаетъ намеки на то, что подпись грамоты митрополитомъ достигнута была какими-то непозволительными способами („Или утаилося есть намъ, како учинилося есть на смерти митроличѣ“?). Но и тутъ намеки его слишкомъ неопредѣленны; онъ и не повторяетъ ихъ въ прибавленіи къ Воскресенской лѣтописи; слѣдовательно, они не имѣли подъ собою фактической почвы [1]).

Степенная книга говоритъ, что и послѣ преставленія Алексѣева Сергію предлагали („мнози моляху“) престолъ митрополитчій, но онъ отказался. „По преставленіи же блаженнаго Алексія, паки *мнози моляху* Святаго Сергія, еже воспріяти Архіерейства санъ, но той, якоже твердый адамантъ, никако же на сіе не уклонися. Михаилъ же Архиман-

---

[1]) Никон. лѣтопись, старающаяся выгородить митр Алексѣя изъ дѣла Митяя, полагаетъ, что Митяй такъ и не получилъ благословенія м. Алексѣя; умирающій митрополитъ будто бы сказалъ: „Азъ недоволенъ есмь благословити его, но емуже дасть Господь Богъ и Пречистаа Богородица, и пресвященный патріархъ и вселенъскый съборъ, того и азъ благословляю“. Но такое изложеніе дѣла явно натянуто: было бы прямо неприлично съ точки зрѣнія клирикальной дисциплины принимать чье бы то ни было благословеніе послѣ патріаршаго. Никоновская лѣтопись произвольно толкуетъ извѣстіе Воскресенской лѣтописи и не подтверждается другими источниками.

дрій Спасскій, рекомый Митяй, самодерзновенно взыде на престолъ Архіерескій *кромѣ соборнаго избранія* и поставленія, точію попущеніемъ великаго князя" и т. д. (Степ. XI. 468). Къ этому извѣстію слѣдуетъ отнестись съ осторожностію: оно, очевидно, разсчитано лишь на то, чтобы подчеркнуть дерзость Митяя и нисколько не подтверждается другими данными. Во всякомъ случаѣ, среди этихъ „многи" не было великаго князя.

Теперь только было заявлено о кандидатурѣ Михаила, и было получено согласіе на нее патріарха Макарія. Въ отвѣтной грамотѣ его между прочимъ значилось, что онъ „не принимаетъ киръ Кипріана, а переда ет ту церковь своею грамотою архимандриту оному Михаилу, о которомъ зналъ, что онъ находится въ чести у благороднѣйшаго князя киръ Димитрія, и которому *кромѣ рукоположенія, вручилъ всю власть надъ тою церковію* и далъ грамоту, чтобы онъ прибылъ сюда для поставленія въ митрополита Великой Руси". (Р. И. Б. VI. 206) Митяй, съ устраненіемъ Кипріана, назначенъ былъ патріаршимъ экзархомъ надъ Великою Россіею и, такимъ образомъ, территорія бывшей „всея Россіи" распадалась на три территоріи, соотвѣтственно тремъ образовавшимся на ней государствамъ. Судя по тому, что Митяй, отправляясь на посвятку въ Константинополь въ серединѣ іюня 1379 года, пробылъ патріаршимъ намѣстникомъ полтора года, слѣдуетъ думать, что посольство съ отвѣтною грамотою патріарха вернулось въ Москву въ серединѣ декабря 1377 года.

Къ сожалѣнію, эта въ высшей степени важная для насъ грамота патріарха Макарія дошла до насъ не въ подлинникѣ, а въ позднѣйшей ссылкѣ на нее патр. Антонія (который считалъ эти распоряженія своего предшественника неправильными), да къ тому же съ досаднымъ дефектомъ какъ разъ на интересующемъ насъ мѣстѣ. По замѣчанію патріарха Антонія, „великій князь Московскій киръ Димитрій, какъ только скончался духовный отецъ и попечитель его, митрополитъ киръ Алексій, изъ уваженія къ нему и послушанія, имѣя остатокъ вражды къ киръ Кипріану и находя опору въ грамотахъ бывшаго

патріарха, посылаетъ архимандрита онаго Михаила для рукоположенія въ митрополита Великой Руси".

Эти слова отчасти разъясняютъ намъ, почему съ такимъ усердіемъ и настойчивостію добивались въ Москвѣ согласія митр. Алексѣя Конструкція передачи митрополіи оказывалась та самая, которую мы находимъ въ разсказѣ о предложеніи каѳедры Алексѣемъ Сергію. Каѳедрою распоряжается митрополитъ при своей жизни, великій же князь является лишь исполнителемъ этой его воли послѣ смерти. Замѣщеніе каѳедры Великой Россіи и на будущее время было поставлено въ зависимость отъ великаго князя московскаго. Москвичи добились, такимъ образомъ, торжественнаго подтвержденія закона Андроника, и только этимъ предположеніемъ и можно, какъ увидимъ, объяснить исторію Пимена.

Для этого, москвичи пустили въ ходъ не только обычный въ подобныхъ случаяхъ доводъ — куны, но, какъ заявляетъ Кипріанъ въ посланіи Сергію, и фрязовъ. Кипріанъ едва ли видитъ въ нихъ простыхъ заимодавцевъ; скорѣе онъ намекаетъ на то закулисное правительство генуэзцевъ, какое существовало въ это время въ Византіи. Имперія, можно сказать, доживала свои послѣдніе дни. Въ сущности она была уже въ полной зависимости отъ турокъ, и въ то же время въ ней происходила борьба между Іоанномъ V и сыномъ его, Андроникомъ, во-первыхъ, и—генуэзцами и венеціанцами во-вторыхъ. Андроникъ, провинившійся въ бунтѣ противъ отца и въ участіи въ бунтѣ противъ султана, приговоренъ былъ къ ослѣпленію, по требованію послѣдняго. Зависимость императора отъ султана лучше всего выказалась въ томъ, что Іоаннъ, не желавшій ослѣпленія сына, принужденъ былъ хитрить и создавать какое-то подобіе ослѣпленія, чтобы только умилостивить своего союзника — повелителя. Андроникъ, хотя и не утратилъ зрѣнія, но былъ заключенъ въ тюрьму. Тамъ онъ, можетъ быть, и просидѣлъ бы очень долго, если бы не вмѣшательство галатійскихъ генуэзцевъ. На сторонѣ Іоанна V были враждебные генуэзцамъ венеціанцы, хотя и далеко не

безкорыстно. Въ 1375 году царь принужденъ былъ отдать венеціанцамъ въ высшей степени важный островъ Тенедосъ, составлявшій предметъ споровъ ихъ съ генуэзцами. Тогда галатійскіе генуэзцы, въ это время уже совершенно не признававшіе власти византійскаго императора, освободили изъ тюрьмы Андроника и дали ему возможность захватить столицу, 12 августа 1376 года. Старый царь былъ подвергнутъ заключенію; но ни на что большее не рѣшились, частію изъ чувства благодарности за ранѣе оказанную милость, частію потому, что противъ Андроника IV было общественное мнѣніе столичнаго населенія, съ которымъ все-таки приходилось считаться. Андроникъ могъ держаться въ Константинополѣ лишь при помощи генуэзцевъ. Онъ не остался у нихъ въ долгу, и не только расширилъ ихъ владѣнія въ Перѣ, но и отдалъ имъ спорный островъ Тенедосъ. Но тутъ ему пришлось убѣдиться, какъ мало онъ самъ значилъ: греческій начальникъ Тенедоса не подчинился приказу Андроника и передалъ Тенедосъ венеціанцамъ. Пока происходила эта борьба, Андроникъ, по приказу турецкаго султана, принужденъ былъ удалиться изъ Константинополя и уступить столицу своему отцу и очень популярному брату Мануилу, которые 8 іюня 1379 года и вступили вновь въ столицу. Но и тутъ генуэзцы показали свою силу: они заставили Іоанна примириться съ Андроникомъ, бѣжавшимъ въ Галату, и его, а не Мануила, назначить преемникомъ престола (въ маѣ 1381). Если таково было вліяніе генуэзцевъ на внутреннія дѣла Византіи даже при императорѣ, несомнѣнно имъ не симпатизировавшемъ, то каково же было ихъ вліяніе при всѣмъ обязанномъ имъ Андроникѣ IV?

Патріаршая грамота, упорядочившая положеніе дѣлъ въ Восточной Руси, получена была, какъ мы видѣли, въ декабрѣ 1377 года. Что же происходило тамъ до этого времени?

По смерти Алексѣя, митрополитъ Кипріанъ сдѣлалъ было попытку подчинить себѣ Новгородъ, но она оказалась неудачною. Совершенно согласно патріаршей грамотѣ, дѣлавшей его митрополитомъ

всея Руси въ случаѣ смерти митр. Алексѣя, онъ потребовалъ было отъ новгородцевъ признанія себя за митрополита всея Руси. Къ этому времени и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести извѣстіе Новг. I. 6884: „Тои же зимы присла митрополитъ Кипріянъ, изъ Литвы, свои послове, и патріарши грамоты привезоша къ владыцѣ въ Новъгородъ; а повѣствуетъ тако: благословилъ мя патріархъ Филоѳеи митрополитомь на всю Рускую землю, и Новогородци, слышавъ грамоту, и даша имъ отвѣтъ: посылай къ великому князю; аще пріиметъ тя князь великіи митрополитомъ всеи Рускои земли, и намъ есп митрополитъ; и слышавъ отвѣтъ Новогородскіи митрополитъ Кипріянъ, и не сла на Москву къ великому князю“. Послѣдняя фраза показываетъ, что сношенія эти происходили уже послѣ того, какъ изъ неудачи перваго своего посольства въ Москву, Кипріанъ убѣдился во враждебности князя Димитрія; т. е. что ихъ слѣдуетъ отнести къ зимѣ 1376—1377 года[1]). Совершенно понятно и то, почему Кипріанъ не послалъ на этотъ разъ въ Москву: великій князь хлопоталъ уже за своего любимца Митяя, и было совершенно ясно, что онъ не приметъ Кипріана.

Что же касается до Митяя, то онъ и до полученія патріаршей грамоты велъ себя совершенно по митрополичьи. „По преставленіи же Алексѣя митрополита, оставль архимандритію, на преболшій санъ устремися, повелѣніемъ великого князя на превысокій степень взыде, и творяше все, еже достоитъ митрополиту, по всей митрополіи“. „На дворѣ митрополичѣ живяше, *и въ всемъ сану митрополичи хождаше*, казну же и ризницу митрополичю взя, и боаре митрополичи служахуть ему, и отроци предстояху ему, и вся елика подобаетъ митрополиту, тѣмъ всѣмъ обладаше“. Воскр. 6885.

---

[1]) На время послѣ смерти митр. Алексѣя указываютъ и другія данныя Во-первыхъ упоминаніе о патріаршей грамотѣ и требованіе о подчиненіи на основаніи этой грамоты, что было возможно на основаніи ея текста лишь въ случаѣ смерти митр. Алексѣя. Во-вторыхъ и отвѣтъ новгородцевъ, заставляющій предполагать, что въ это время въ Москвѣ митрополита уже не было; иначе они не ограничились бы такимъ уклончивымъ отвѣтомъ, а сказали бы, что у нихъ есть уже митрополитъ Алексѣй.

По полученіи патріаршей грамоты на намѣстничество дѣйствія Митяя получали опредѣленный титулъ; но едва ли и этой грамотою, предоставлявшей всѣ права митрополита, кромѣ хиротоніи, можно было оправдать пользованіе такими отличіями, какія являлись отличіями митрополичьяго сана и не могли принадлежать пресвитеру. Кипріанъ писалъ по этому поводу Сергію: „Како у васъ стоитъ на митрополіцѣ мѣстѣ чернець въ монатьи святительской и въ клобуцѣ, и перемонатка святительская на немь, и посохъ въ рукахъ?... Коли слышалося преже поставленіа възглагати на кого святительскія одежи, ихьже не льзѣ иному никомуже носити, но токмо святителемь единымъ? Како же ли смѣеть стояти на мѣстѣ святительскомь?... садиться въ святѣмь олтарѣ на намѣстномъ мѣстѣ!... И что клеплють митрополита, брата нашего, что онъ благословилъ его на та вся дѣла, то есть лжа".

Митр. Кипріанъ былъ правъ съ греческой точки зрѣнія, но русскіе обычаи на этотъ счетъ далеко не были такъ строги. И впослѣдствіи предоставленіе простымъ архимандритамъ епископскихъ отличій, за исключеніемъ омофора, (въ пользованіи которымъ не обвиняетъ Митяя и Кипріанъ) было явленіемъ довольно обычнымъ. Да и ссылка на митрополита Алексѣя и его благословеніе едва ли была до такой степени неправильна, какъ то предполагаетъ Кипріанъ. Припомнимъ, что Алексѣй, предлагая игумену Сергію митрополію, надѣлъ на него крестъ и именно ту перемонатку, которую Кипріанъ считаетъ принадлежностію епископскаго одѣянія. По всей вѣроятности, благословляя архимандрита Михаила на митрополію, Алексѣй передалъ ему и остальныя принадлежности митрополичьяго облаченія. Въ чинѣ благословенія Алексѣй, вѣроятно, повторялъ тотъ чинъ, какой въ свое время совершонъ былъ надъ нимъ митр. Ѳеогностомъ; послѣдній же легко могъ передать ему свое облаченіе, какъ лицу, уже имѣющему епископскій санъ. Говоря о поставленіи Митяя, Кипріанъ замѣчаетъ между прочимъ: „Сице ли почли суть князь и бояре митрополію и гробы стятыхъ митропо-

литовъ". Это заставляетъ думать, что нареченіе арх. Михаила совершено было очень торжественно въ Успенскомъ соборѣ у гробовъ Петра и Ѳеогноста, и что впослѣдствіи москвичи, поставляя митрополита не иначе какъ у гроба св. Петра, лишь слѣдовали примѣру Донского и митр. Алексѣя. Въ монастыряхъ игуменъ получалъ знаки своего сана тотчасъ же по своемъ избраніи, еще до посвященія. Припомнимъ наконецъ Ѳеодора, Бѣлый Клобучекъ. Принимая во вниманіе все это, мы должны признать, по крайней мѣрѣ за весьма вѣроятное, что митр. Алексѣй передалъ арх. Михаилу, въ знакъ своего благословенія, принадлежности митрополичьяго сана, а тотъ тотчасъ сталъ носить нѣкоторыя изъ нихъ. Несомнѣнно, что современники Митяя не видѣли въ такомъ поведеніи ничего особеннаго.

Но время шло, а Михаилъ не ѣхалъ въ Константинополь и послѣ приглашенія со стороны патріарха. Причиною, по всей вѣроятности, былъ недостатокъ средствъ. Тѣ огромныя уступки, какія сдѣланы были въ Константинополѣ русскимъ, были, конечно, обусловлены и соотвѣтствующими выгодами для вѣчно нищей патріаршей казны. Не слѣдуетъ забывать, какъ понимали греки приглашеніе на посвятку въ Константинополь. Приглашенный долженъ самъ хлопотать о томъ, чтобы члены патріаршаго собора поставили его кандидатуру, а это, само собою, требовало и большихъ расходовъ, даже не считая расходовъ въ пользу патріарха и императора.

Все это было очень на руку Кипріану. Онъ игнорировалъ и опредѣленія бунтовщическаго константинопольскаго правительства, и самого патріарха Макарія, и продолжалъ считать себя единымъ законнымъ митрополитомъ всея Руси по смерти митр. Алексѣя. Съ формальной точки зрѣнія онъ отчасти былъ правъ: его не призывали въ Константинополь, а опредѣленіе, состоявшееся въ его отсутствіи не могло его связывать. Но нельзя забывать, что и то опредѣленіе, на которое опирался Кипріанъ, обладало тѣмъ же дефектомъ. Какъ бы то ни было, Кипріанъ, находясь въ Кіевѣ, зорко наблюдалъ за происходившимъ въ

Россіи. Онъ подготовлялъ себѣ почву въ Москвѣ, стараясь войти въ милость правящихъ круговъ[1]). Онъ льстилъ тщеславію великаго князя, помпная его при торжественныхъ богослуженіяхъ первымъ: „а коли гдѣ пригажаломпся", писалъ онъ, „сборовати, ему болшее мѣсто велѣть есмь многа лѣта нѣти, а да потомъ нпымъ". Ради же великой княгини онъ выкупилъ плѣнныхъ кашинцевъ и на собственный счетъ отослалъ ихъ домой[2]). Наконецъ онъ рѣшился попытать счастья неожиданно явившись въ Москву. Временемъ этого пріѣзда Львовская лѣтопись 6886 опредѣляетъ апрѣль мѣсяцъ 1378 г. „Того же лѣта, мѣсяца апрѣля, Кипреянъ митрополитъ пріѣха пс Кіева на Москву, а не пріятъ его князь велики Дмитрей Ивановичь онъ же возвратися". Но это даказываетъ лишь, что Кипріанъ думалъ попасть въ Москву къ Пасхѣ приходившейся въ 1378 году 20 апрѣля, и въ этихъ разсчетахъ выѣхалъ изъ Кіева. Но имъ не суждено было осуществиться. Онъ еще п 3 іюня былъ лишь на границѣ московскихъ владѣній въ Любутскѣ.

Рѣшаясь на такой шагъ, Кипріанъ, повидимому, слишкомъ уже преувеличивалъ вліяніе на великаго князя Сергія и Ѳеодора Симановскаго, бывшихъ дѣйствительно на его сторонѣ. Пріѣхавъ 3 іюня 1378 г. въ Любутскъ[3]), онъ между прочимъ писалъ имъ оттуда: „Слышу о васъ и о вашей добродѣтели, *како мирьская вся мудрованія преобидите* и о единой воли Божіей печетеся; и о томъ велми благодарю Бога, и молюся Ему, да сподобить насъ видити другъ друга

---

[1]) „Аще кого въ полону отведена гдѣ изнашелъ есмь изъ его отчины, колка сила моя была, вынмая отъ погани, отпускалъ есмь. Кашинцевъ нашелъ есмь въ Литви, два года въ погребѣ сидящихъ и, княгини дѣля великой, вынялъ есмь ихъ, како мога, клячи подъ нихъ подалъ есмь и отпустилъ ихъ есмь зятю ея, князю кашиньскому... А еще и дары честными хотѣлъ есмь дарити" Кашинцы были захвачены татарами въ 6883 году, слѣдовательно, выкуплены черезъ два года, уже по смерти м. Алексѣя.

[2]) Посланіе м. Кипріана къ Сергію 23 іюня 1378 г въ Р. И Б. VI. стр. 173 сл.. Впервые эти посланія (4) напечатаны проф. Павловымъ въ Прав. Соб. 1860 г т. II стр. 88.

[3]) Прав. Соб. 1860 г. II. стр 79 –80, 84—85.

и насладитися духовныхъ словесъ.. Вы же будите готови видитися с нами, гдѣ сами погадаете: ѣдучи жадаю видитися с вами і утѣшитися духовнымъ утѣшеніемъ". Мірскія мудрованія, о которыхъ пишетъ здѣсь Кипріанъ, естественнѣе всего понимать, какъ хлопоты объ утвержденіи Великой Руси за Митіемъ. Слѣдовательно, и приглашеніе Кипріана на свиданіе для какихъ-то переговоровъ слѣдуетъ считать приглашеніемъ на переговоры о замѣщеніи митрополіи. Но едва ли пріѣздъ Кипріана являлся результатомъ приглашенія со стороны Сергія и Ѳеодора; это были слишкомъ практичные люди, чтобы не понимать неизбѣжности неуспѣха Кипріана; да и въ письмахъ его нѣтъ ни малѣйшаго намека на приглашеніе съ ихъ стороны.

Въ Москвѣ не желали принимать Кипріана и сдѣлали предписаніе не пропускать его черезъ литовскую границу. Кипріанъ рѣшилъ рисковать. Въ упомянутомъ выше письмѣ онъ писалъ: „Иду же якоже иногда Іосифъ отъ отца посланъ къ своей братіи, миръ и благословеніе нося. Аще нѣціи о мнѣ инако свѣщаютъ, азъ же святитель есмь, а не ратный человѣкъ; благословеніемъ иду, якоже и Господь, посылая ученики своя на проповѣдь, учаше ихъ глаголя: „пріемляй васъ, Мене пріемлет". Хотя и не ратный человѣкъ, Кипріанъ на этотъ разъ обманулъ московскія заставы: онъ проѣхалъ какимъ-то такимъ путемъ, гдѣ его не ожидали, съ сравнительно небольшой свитою: у него было всего 40 лошадей. Ему не воспрепятствовали пріѣхать въ Москву и помѣститься на митрополичьемъ дворѣ; но ночью всѣ пріѣхавшіе были арестованы. Слуги Кипріана были немедленно высланы изъ города и предѣловъ Московскаго государства. Кипріанъ жаловался, будто бы ихъ выслали на дрянныхъ клячахъ, безъ сѣделъ и въ рогожныхъ костюмахъ, обобранными до рубашекъ. Справедливость требуетъ сказать, что здѣсь имѣлась въ виду не цѣль наживы. Самъ же м. Кипріанъ сначала былъ отдѣльно отъ его чернецовъ заключенъ въособую клѣть, и ему воспрещенъ выходъ, куда бы то ни было, даже въ

церковь. Кипріанъ жаловался, что его „въ ночи заточили нагаго и голоднаго, и отъ тоя ночи студени и нынѣча стражду“. Вечеромъ слѣдующаго дня приставленный къ Кипріану воевода Никифоръ со стражей повезъ и самого митрополита. Затѣмъ, чтобы было менѣе замѣтно, что митрополитъ ѣдетъ недобровольно, Никифоръ и его спутники одѣлись въ костюмы и сѣли на лошадей слугъ Кипріана. Отпустили ихъ, повидимому, не доѣзжая Литовской границы. Вмѣстѣ съ Кипріаномъ вывезены были и пріѣхавшіе съ нимъ чернецы. Кипріанъ удалился въ Кіевъ, наложилъ отлученіе на всѣхъ участвовавшихъ въ его захватѣ и нѣкоторое время выжидалъ, не измѣнятся ли его дѣла въ Москвѣ. Но перемѣны никакой не было. Наконецъ онъ написалъ въ концѣ іюня новое посланіе къ Сергію и Ѳеодору. Въ немъ онъ во-первыхъ указываетъ на свои права на митрополію и критикуетъ притязанія Михаила, во-вторыхъ разбираетъ свои отношенія къ великому князю, какъ съ фактической, такъ и съ теоретической стороны, и, наконецъ, предписываетъ своимъ сторонникамъ дѣйствовать съ большею рѣшительностію и сообщаетъ имъ о своихъ дальнѣйшихъ планахъ.

Противъ притязаній Митяя Кипріанъ выставляетъ каноническій принципъ: „Епископомъ бо отъ соборовъ поставлятися повелѣно бысть“. Такимъ епископомъ— митрополитомъ можетъ быть признанъ только Кипріанъ. „Язъ, Божіимъ изволеніемъ и избраніемъ святаго и великаго сбора, и благословеніемъ и ставленіемъ вселеньскаго патріарха, поставленъ есмь митрополитомъ на всю рускую землю, а вся вселенная вѣдаетъ“. Ни однимъ изъ этихъ титуловъ Митяй не обладаетъ. Онъ можетъ ссылаться только на посмертное распоряженіе митрополита и на волю великаго князя. Но правила Ап. 76 и Ант. 23 строго воспрещаютъ епископу передавать каѳедру по наслѣдству. „Не прощено есть епископомъ въ себе мѣсто ихъже хотять во своихъ церквахъ поставляти и посажати... Епископомъ бо отъ соборовъ поставлятися повелѣно бысть. Не подобаетъ епископу, аще и на конець житія своего, иного оставляти наслѣдника въ себе мѣсто“. Что же касается

до великаго князя, то пр. 30. Ап., говорящее о пріобрѣтающихъ священство при помощи мірскихъ властей, и 29. Ап., говорящее о симоніи, приравниваютъ оба эти проступка съ точки зрѣнія наказанія въ отступленіе отъ общаго правила, „не отмстити дважды за единое“: въ этихъ двухъ случаяхъ полагается не только извержение, но и отлученіе.

Отрицательно относится Кипріанъ и къ праву князя не принять митрополита, неугоднаго ему. Попутно Кипріанъ разбираетъ обвиненія въ враждебности князю московскому и доказываетъ, что напротивъ онъ постоянно дѣлалъ услуги великому князю и всячески выдѣлялъ его изъ ряда другихъ князей. И на этотъ разъ онъ готовъ былъ даже дарить Димитрія „дары честными“, если бы онъ не выгналъ его изъ Москвы. Но если бы даже и была вина его, митрополита, то судить ее не князю, а патріарху.

„Которая есть моя вина предъ княземъ предъ великимъ? Надѣяся на Бога, не найдеть въ мнѣ вины ниединыя. И аще бы вина моя дошла которая, ни годится княземъ казнити святителевъ: есть у мене патріархъ, болшій надъ нами, есть великій соборъ; и онъ бы тамо послалъ вины моя, и они бы съ исправою мене казнили“.

Поэтому Кипріанъ налагаетъ отлученіе на всѣхъ причастныхъ къ тѣмъ обидамъ, какія онъ испыталъ при своей поѣздкѣ въ Москву, дѣлаетъ выговоръ всѣмъ монашествующимъ (конечно, во главѣ съ Сергіемъ) за то, что они не возвысили голоса въ его защиту, спрашиваетъ, что намѣрены они впередь дѣлать, и заявляетъ о своемъ намѣреніи искать правосудія въ Константинополѣ. Въ то же время предписано было Кипріаномъ опубликовать эту отлучительную грамоту и наложено отлученіе на всѣхъ, кто покусился бы скрыть ее[1]).

Если смотрѣть на эти возраженія Кипріана отвлеченно, не принимая во вниманіе фактической обста-

---

[1]) Елици причастни суть моему иманію, и запиранію, и бещестію и хуленію, елици на томъ съвѣтъ свѣщали, да будуть отлучени и не-

новки событій и того, о чемъ умалчиваль Кипріанъ, то съ нимъ должно почти во всемъ согласиться. Въ частности нужно согласиться и съ правильностію заявленія Кипріана о неподсудности его великому князю. До сихъ поръ еще эта фраза м. Кипріана подчасъ вызываетъ нѣкоторый ужасъ у нашихъ писателей, видящихъ въ ней чуть ли не бунтъ м. Кипріана противъ великаго князя московскаго, на томъ основаніи, что Кипріанъ не считалъ себя его подданнымъ. При этомъ какъ-то упускается изъ виду, что даже съ современной точки зрѣнія Кипріанъ, не видавшій Москвы и не бывшій ея уроженцемъ, не могъ бы быть признанъ за московскаго подданнаго. Припомнимъ, что постоянною резиденціею Кипріана былъ Кіевъ, и литовскій великій князь могъ смотрѣть на него, какъ на подданнаго, съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ московскій. Съ византійской точки зрѣнія на всѣхъ христіанъ, какъ на подданныхъ императора, не могло и возникать спора о подданствѣ. Съ точки же зрѣнія цѣлесообразности подданство Кипріана нейтральному византійскому императору было наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса о подданствѣ для митрополита, власть котораго распространялась на территорію двухъ постоянно враждовавшихъ государствъ.

Въ полномъ сознаніи своей правоты Кипріанъ заявляетъ о своемъ желаніи искать правосудія въ Константинополѣ [1]).

благословеніи отъ мене Кипріана, митрополита всея Руси, и прокляти по правиломъ св. Отець, и хто покусится сію грамоту сжещи, или затаити, и тотъ таковъ. Вы же, честніи старци и игумени, отпишите ми наборзѣ, что мудрьствуете, понеже сдѣсе есмь не благословилъ (т. е. напишите мнѣ поскорѣе, что вы думаете насчетъ наложеннаго мною отлученія). А ко Царюгороду ѣду боронитися Богомъ и с в я т ы м ъ патріархомъ и великимъ сборомъ; и тіи на куны надѣются и на фрязы, язъ же на Бога и на свою правду".

„Вы же ныне отъ міра отреклися есте .. како толику злобу видивъ, умолчали есте"[2]

[1]) Но оппортунизмъ Кипріана во всякомъ случаѣ долженъ произвести на современнаго читателя впечатлѣніе. Какъ человѣкъ, самъ

Кипріанъ дѣйствительно могъ требовать пересмотра рѣшенія патріарха Макарія, какъ состоявшагося въ его отсутствіи и безъ выслушанія его объясненій; но до этого времени наложеніе запрещенія на великаго князя было по меньшей времени преждевременно. Кипріанъ и самъ понималъ, что трудно ему будетъ выиграть дѣло въ Константинополѣ и потому только грозилъ, что поѣдетъ въ Константинополь, но долго не ѣхалъ. Тѣмъ временемъ положеніе Митяя нисколько не измѣнилось. Письмо къ Сергію написано 28 іюня 1376 года и между тѣмъ въ немъ нѣтъ даже намека на непопулярность арх. Михаила, о которой говорится во вставкахъ Кипріана въ повѣсть о Митяѣ Совершенно напротивъ. Письмо адресовано такъ.— „Кипріанъ милостію Божіею митрополитъ шлея мули гелкъпору (т. е. всея Руси, честному) старцу игумену Сергію (Радонежскому) и игумену Ѳеодору (Симоновскому) и аще кто инъ единомудренъ съ вами“. Кипріанъ не только боялся теперь назвать себя митрополитомъ всея Руси, но даже не зналъ, есть ли у него сторонники, кромѣ этихъ двухъ игуменовъ. „Тако ли не обрѣтеся никтоже на Москвѣ, добра похотѣти души князя великого и всей отчинѣ его? Вси ли уклонишася вкупѣ и непотребнѣ быша“? Не составляли исключенія изъ общаго правила даже такіе вліятельные люди, какъ Сергій и Ѳеодоръ. „Вы же, иже міра отреклися есте... како толику злобу видивъ, умолчали есте“? „И онъ послы ваша разослалъ мене не пропустити“.

Правда, Кипріанъ приписываетъ такое единодушіе въ признаніи Митяя страху мірянъ передъ кня-

---

получившій санъ при помощи язычника Ольгерда, могъ говорить о томъ, что православный великій князь не вправѣ предлагать своего кандидата въ митрополиты, и о томъ, что за такое участіе свѣтскаго начальства епископу полагается не только изверженіе но и отлученіе. Митяй дѣйствовалъ не по собственному праву, но какъ намѣстникъ патріарха, отъ его имени. Пусть Кипріанъ не признавалъ этого патріарха, какъ неправомѣрно и насильственно захватившаго патріаршій престолъ, но какъ въ такомъ случаѣ говорить объ этомъ же патріархѣ, какъ о святомъ, и какъ искать у него правосудія, какъ то собирался дѣлать Кипріанъ.

земъ; но тутъ же проговаривается, что на сторонѣ Митяя были не только князь, но и всѣ его бояре совѣтники („Сице ли почли суть *князь и бояре* митрополію и гробы святыхъ митрополитовъ?") и этимъ, въ связи съ молчаніемъ такихъ вліятельныхъ людей, какъ Сергій и Ѳеодоръ, было все сказано. Сергій и Ѳеодоръ отвѣтили Кипріану не позже октября мѣсяца. О содержаніи отвѣта можемъ судить по новому письму Кипріана къ своимъ сторонникамъ. Оказалось, что таковыхъ не одинъ только Сергій съ Ѳеодоромъ, но довольно много[1]). Всѣ они заявляли о ихъ любви и повиновеніи святой Божіей церкви и митрополиту Кипріану и выражали сожалѣніе о томъ, что лишены возможности его увидѣть. Кипріанъ отвѣтилъ изъ Кіева посланіемъ 18 октября 1378 года. Преподавая благословеніе всѣмъ, онъ заявлялъ и о своихъ планахъ на будущее время: „А како повинуитеся к нашему смиренію, тако крѣпитеся. Язъ бо славы не ищу, ни богатьства, но митрополію свою, юже ми есть предала святая Божія велікая Церкви, а смиренія и съединенія церковнаго желаю и христіаньскаго. А хто насъ не въсхотѣли, потомъ познають истину. А язъ безъ измѣны ѣду къ Царюгороду, а предъ собою вѣсти послалъ же есмь. А вы, сынове, не тужите; молите же Господа Бога, да сподобить насъ видѣтися, и тогда утѣшимся веселіемъ духовнымъ и възрадуемся". (Прав. Соб. 1860. II, стр. 103).

Сторонникамъ Кипріана, очевидно, приходилось плохо, и они торопили его въ Константинополь; это и совершенно понятно. Несправедливое, по существу, и неполитичное отлученіе, наложенное на москвичей и въ первую голову—на великаго князя, не могло не раздражить послѣдняго и не поднять еще болѣе шансовъ Митяя. Для Кипріана не оставалось ничего болѣе, какъ самому поѣхать въ Царьградъ. И онъ поѣхалъ,

---

[1]) И до такой степени много, что, переписывая отвѣтное письмо Кипріана, гдѣ онъ перечислялъ ихъ имена, переписчикъ замѣнилъ послѣднія словами „имярекъ, имярекъ". „Благословеніе и о Святѣмъ Дусѣ възлюбленымъ сыномъ нашего смиренія імрк. імрк. імрк.".

по собственнымъ его словамъ, въ началѣ третьяго года по прибытіи его въ Кіевъ [1]).

Мы полагали бы, что ко времени передъ этою поѣздкою слѣдуетъ отнести письмо Кипріана къ одному изъ сочувствовавшихъ ему игуменовъ (въ подлинникѣ обозначенъ лишь буквою А), котораго онъ извѣщаетъ, что, невзирая на нежеланіе разстаться съ паствою, онъ принужденъ сдѣлать это противъ воли: что онъ ѣдетъ въ Константинополь „коньми, на волошьскую землю“. Кипріанъ выражаетъ полную увѣренность, что онъ скоро вернется изъ Царягорода митрополитомъ. „Благословеніе о Святѣмъ Дусѣ възлюбленому сыну моему, а игуменъ съ всею еже о Хрістѣ братіею. Буди ти свѣдомо, сыну: ѣду къ Царюгороду коньми на волошьскую землю. Мнѣ не хотѣлося отъ своихъ дѣтій нигдѣ не бывати; да что взяти! Хто мене въ трудъ путный вложилъ в сее время? Господь Богъ пакъ да подасть ему познати истину. А мнѣ борзо быти у в а с ъ изъ Царягорода; а лживаго человѣка и льстиваго Богъ объявить. Ты же прилежи своей паствѣ вѣдый, яко о нихъ слово въздасп Богови“. и т. д. (Прав. Соб. 1860 г. 104 стр., II.). Издатель грамоты, совершенно основательно видя въ ней указаніе на Димитрія Донского, напрасно ищетъ въ лживомъ человѣкѣ, на котораго жалуется Кипріанъ, Пимена. Наоборотъ, согласно посланію къ Сергію, слѣдуетъ видѣть въ немъ Митяя, котораго Кипріанъ прямо обвиняетъ тамъ во лжи на своего предшественника [2]). Что касается до Димитрія Дон-

---

[1]) „Къ Рускоій земли пришедшу ми мало нѣчто противно прилучило ми ся... И т р е т і е м у л ѣ т у н а с т а в ш у, паки ко Царюграду устремихся“. (Кипріаново житіе св Петра). Такая дата исключаетъ возможность предположенія, что Кипріанъ былъ вызванъ для суда надъ патр. Макаріемъ, которому въ эту пору ничто еще не угрожало.

[2]) Отнести къ 1383 году и усмотрѣть потому во лживомъ человѣкѣ Пимена заставили издателя слѣдующія соображенія. „Четвертое посланіе, въ которомъ дата совершенно опущена мы относимъ къ 1383 году, на томъ основаніи, что въ посланіи этомъ митрополитъ Кипріанъ, говоря о новомъ своемъ путешествіи, принятомъ въ Константинополь противъ своей воли, прибавляетъ: „Господь Богъ пакъ да подасть ему познати истину“. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что Кипріанъ

ского, то въ первый разъ онъ „позналъ истину“ уже при жизни м. Алексѣя отъ патріаршихъ пословъ. Самое же путешествіе черезъ Волошскую землю указываетъ на путешествіе Кипріана въ 1378 году, когда онъ, дѣйствительно, ѣхалъ сухимъ путемъ, черезъ Балканскій полуостровъ [1]). Поѣздка началась для Кипріана очень неудачно. Онъ гдѣ-то на Дунаѣ былъ ограбленъ какимъ то племенемъ (валахами?), но былъ утѣшенъ тѣмъ пріемомъ, какой встрѣтилъ онъ въ своемъ родномъ Тырновѣ. Навстрѣчу ему вышли не только патріархъ Тырновскій Евѳимій, но и чуть не поголовно всѣ жители города, побросавшіе всѣ свои занятія. Они наперерывъ старались получить отъ него благословеніе, а матери даже приносили къ нему своихъ больныхъ дѣтей, въ надеждѣ, что благословеніе Кипріана исцѣлитъ ихъ [2]). Судя по тому, что

былъ уже разъ признанъ въ качествѣ Московскаго митрополита, но что теперь опять изгнанъ изъ Москвы и, какъ прежде, намѣренъ искать у патріарха суда съ своимъ совмѣстникомъ. Это новое изгнаніе Кипріана случилось въ концѣ 1382 года, совмѣстникомъ его тогда былъ Пименъ. Такимъ образомъ, посланіе можетъ быть отнесено къ началу 1383 года“.

Но если письмо, какъ предполагаетъ издатель, адресовано къ Аѳанасію Серпуховскому, то оно не могло быть написано въ 1383 г. Въ эту поѣздку Аѳанасій сопровождалъ Кипріана въ Кіевъ и, слѣдовательно, послѣднему не для чего было писать ему письма. Можно сказать болѣе, мы знаемъ, что Аѳанасій отправился въ Константинополь, пріобрѣлъ себѣ андрофатъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей и болѣе въ Россію не вернулся. Наиболѣе вѣроятнымъ слѣдуетъ признать, что, уѣхавъ вмѣстѣ съ Кипріаномъ изъ Кіева, Аѳанасій проѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и въ Константинополь.

[1]) По словамъ его племянника, Григорія Цамблака, онъ видѣлъ своего дядю по отцу, Кипріана, всего одинъ разъ въ жизни, а именно въ Тырновѣ, когда Кипріанъ, уже въ санѣ русскаго митрополита, совершилъ поѣздку въ Константинополь, лѣтъ за тридцать до его смерти (указаніе, показывающее на 1378, а не на 1383 годъ).

[2]) „Мы же святого онаго лица вмалѣ сподобихомся видѣти, отроческій еще носяще возрастъ... суть бо оттолѣ до тридесяти нѣгдѣ лѣтъ, егда отъ васъ воздвигшеся къ великому сему и царици градовъ грядааше; подвизаше бо пастыря любленіе, долготу ни во чтоже вмѣнити и нѣкій языкъ, проходящи, иже Истру рѣцѣ спротяжущи, искушенія святаго срѣтиша и многою скорбію того обложиша...

Кипріанъ прибылъ въ Константинополь за тринадцать мѣсяцевъ до іюня 1380 года, т. е. приблизительно въ маѣ 1379 года, онъ довольно долго прожилъ въ Тырновѣ. Тутъ ему легко было наблюдать за Константинопольскими событіями, и наконецъ онъ рѣшилъ обратиться туда, хотя на первый разъ и неудачно[1]). Патр. Нилъ писалъ потомъ, что Кипріанъ „прибѣгаетъ къ священному собору при бывшемъ предъ нами патріархѣ (т. е. Макаріи), прося помощи въ томъ, чтобы занять великорусскую митрополію (значитъ, москвичи уже добились ея отдѣленія); а такъ какъ и здѣсь онъ нашелъ обстоятельства неблагопріятными для достиженія своей цѣли, то оставался въ ожиданіи, питаясь тщетными надеждами".

Дѣла Кипріана однако скоро поправились, о чемъ совершенно умалчиваетъ патр. Нилъ. Не позже какъ черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ Кипріана произошелъ переворотъ, лишившій Андроника IV престола. Весьма возможно, что Кипріанъ зналъ о готовящемся переворотѣ; для внимательнаго наблюдателя могло быть уже яснымъ, что Андроникъ долго не продержится въ виду его непопулярности. И, дѣйствительно, онъ въ угоду общественному мнѣнію принужденъ былъ

И яко уже близъ бысть къ намъ грядый тогда церкви, яже насъ воспитавшіа и наказавши, съ рождшимъ насъ отцемъ и учителемъ зѣльнымъ срѣте.. студъ ограбленія подобающею честью забвенію отсылающи. Понеже бо Богъ на пути тому оскорбитися попусти, благоволи тому во отечествіи тако прославитись... и самому исполнитися неизглаголанныя радости, видѣвшу свое отечество тако правимо, яко многымъ похваламъ достойно бяше, своего же великаго Евпмія таковая кормленія дробаща, и стещись отъ жителей града якоже нѣкоторой быстринѣ напрасно множеству притекшу того срѣтенію" и т. д.

Судя по словамъ Григорія, что онъ больше не видѣлъ Кипріана послѣ этого путешествія, можно думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ тутъ именно то путешествіе, о которомъ говоритъ Кипріанъ въ своемъ посланіи къ неизвѣстному игумену.

[1]) Кипріанъ. Житіе Св. Петра. „Ко Руской земли пришедшу ми мало нѣчто противно прилучило ми ся... И третіему лѣту наставшу, паки ко Царюграду устремихся. Пребыхъ же убо во оно время въ Констянтинѣ градѣ тринадесять мѣсяцъ Ниже бо ми мощно бѣяше изъити, велику бо нестроенію и нужди належащи тогда на царствующій градъ".

освободить изъ заключенія своего отца Іоанна. Послѣдній отправился къ султану Мурату, призналъ себя турецкимъ вассаломъ, обязался платить султану ежегодную дань и на этихъ условіяхъ былъ признанъ имъ за византійскаго императора. Андроникъ, и ранѣе крайне непопулярный, теперь, по приказу сюзерена, принужденъ былъ оставить Константинополь и удалиться въ Галату; Іоаннъ же съ своимъ сыномъ Мануиломъ вступили въ Константинополь 8 іюня 1379 года.

Торжество Іоанна означало низложеніе Андроникова ставленика, патр. Макарія, которое и совершилось, вѣроятно, въ скоромъ времени послѣ этого событія. На соборѣ, низложившемъ Макарія, участвовалъ и Кипріанъ, о чемъ онъ самъ разсказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ[1]). Но участіе это не дѣлаетъ чести Кипріану. Патр. Макарій, по предписанію императора, заочно низложенъ былъ соборомъ въ Св. Софіи, яко бы за ересь. Какъ оказалось впослѣдствіи, соборомъ были при этомъ нарушены самыя элементарныя правила судопроизводства. Это былъ не судъ, а политическая месть. Такая практика синода наблюдается въ это время постоянно и, какъ кажется, являлась совершенно обдуманной и сознательной: синодъ, принужденный постановлять приговоры по чьему-то предписанію, нарочито дѣлалъ при этомъ грубѣйшія процессуальныя ошибки съ цѣлью дать возможность несправедливо осужденному возстановить впослѣдствіи свою невинность. Такъ, между прочимъ, было и съ Макаріемъ: впослѣдствіи оказалось достаточнымъ одно лишь указаніе на эти неправильности, совершенныя при бывшемъ надъ нимъ судѣ, и тотъ же соборъ вновь призналъ его за законнаго патріарха, а состо-

---

[1]) „Царь же озлобивый (Филоѳея) и его царство напрасно погуби, Макарій же отъ него поставленный судомъ Божіимъ соборне измѣтается, и извержению яко злославенъ и заточенію преданъ бываетъ. На томъ же убо соборѣ и азъ со инѣми Святители бывъ, и въ томъ же свитцѣ извержения его и азъ подписахся“.

явившійся ранѣе приговоръ за ничтожный[1]). Наиболѣе вѣроятнымъ временемъ низложенія патр. Макарія слѣдуетъ признать іюнь 1379 года. Но непосредственно за низложеніемъ Макарія наступило довольно продолжительное междупатріаршество: новый патріархъ Пилъ принялъ правленіе лишь въ іюнѣ 1380 года.

---

[1]) Описаніе суда надъ патр. Макаріемъ и допущенныхъ при этомъ нарушеній находимъ въ А. Р. II. 113.

XV.

Извѣстіе о томъ, что Кипріанъ ѣдетъ или даже поѣхалъ въ Константинополь, должно было заставить и Митяя поторопиться и не откладывать своего отъѣзда. Но онъ желалъ явиться туда въ санѣ епископа Владимірскаго. Возможно, что и грамота Сергію не прошла безъ слѣда. Было въ посланіи Кипріана одно указаніе, на которое слѣдовало обратить вниманіе: это—указаніе на недопустимость передачи каѳедры по предсмертному распоряженію предшественника и требованіе: „Епископъ долженъ быть поставленъ соборомъ". Мы видѣли, что эти возраженія были выставлены арх. Моисеемъ при посвященіи м. Алексѣя и поставили въ нѣкоторую неловкость даже патр. Константинопольскаго. Мы видѣли уже, какъ старался патріархъ обойти эти деликатные пункты. Обстоятельства же, въ какихъ находился арх. Михаилъ, были гораздо хуже, чѣмъ тѣ, въ какихъ былъ митр. Алексѣй. Вѣроятно, это и было одною изъ причинъ, заставившихъ Михаила обратиться къ изслѣдованію вопроса, какое значеніе имѣетъ соборъ при поставленіи митрополита и епископа? Въ результатѣ онъ пришелъ къ выводу, что для поставленія митрополита требуется участіе патріарха, для поставленія же простого епископа участіе патріарха и даже митрополита не есть безусловное требованіе: простой епископъ въ случаѣ отсутствія митрополита можетъ быть поставленъ соборомъ епископовъ даже безъ участія митрополита.

По словамъ лѣтописи онъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе великому князю Димитрію: „Почтохъ правила св. Отець и обрѣтохъ сице въ нихъ: яко достоитъ сшедшимся епископомъ елицы обрящутся 5 или 6, да поставять епископа". Михаилъ руководился не только правилами св. Отецъ, но и главнымъ образомъ лѣто-

писнымъ разсказомъ о поставленіи Климента при Ил. славѣ, и зналъ его и по Лаврентіевской лѣтописи, гдѣ говорится объ участіи шести епископовъ, и по Ипатіевской лѣтописи, гдѣ говорится объ участіи пяти епископовъ. Это выставляетъ Михаила въ очень выгодномъ свѣтѣ, какъ знатока исторіи, какимъ онъ слылъ среди современниковъ. Нужно было, напр., съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и вдумчивостію вчитаться въ разсказъ Ипатіевской лѣтописи, чтобы понять, что въ посвященіи Клима участвовали не семь, а только пять епископовъ. Михаилъ, очевидно, умѣлъ отнестись къ своему источнику съ критикою. Это обнаруживается и изъ привлеченія второго источника, правилъ св. Отецъ. Несомнѣнно, Михаилъ былъ не въ примѣръ добросовѣстнѣе Климента. Дѣйствительно, изъ этихъ правилъ, даже со включеніемъ знаменитаго Карѳ. 16, о которомъ уже приходилось говорить, должно было вывести то заключеніе, что митрополитанскій соборъ можетъ поставить лишь простого епископа, въ случаѣ крайности и безъ участія митрополита, но поставить митрополита онъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ. Очевидно, Михаилъ читалъ и Апостольское правило совершенно правильно: „Два или три епископа да поставятъ *епископа*, а не „митрополита“, какъ прочелъ Виленскій соборъ 1415 года. Но арх. Михаилъ тѣмъ не менѣе не отказался отъ мысли созвать соборъ; совершенно напротивъ—онъ просилъ великаго князя: „И нынѣ аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да повелитъ държава твоя съ скоростію снитися епископомъ, сущимъ въ Рустѣй земли подъ областію государьства твоего, и сшедшемся поставять и мене въ епископы“. Великій князь согласился и предписалъ епископамъ собраться въ Москвѣ.

Спрашивается: какую цѣль преслѣдовалъ при этомъ Митяй? Обыкновенно, вслѣдъ за Никоновскою лѣтописью, полагаютъ, что онъ желалъ поставленія въ митрополиты и въ связи съ этимъ даютъ объясненіе и поведенію Митяя. Такъ Макарій объясняетъ нежеланіе Митяя ѣхать въ Константинополь для посвященія въ митрополиты тѣмъ переворотомъ, который совершился въ Константинополѣ, а именно

лишеніемъ престола покровительствовавшаго Митяю патр. Макарія. Но послѣднее предположеніе слѣдуетъ оставить уже по чисто хронологическимъ соображеніямъ. Переворотъ этотъ произошелъ послѣ 8 іюня 1379 года, тогда какъ планъ созвать соборъ былъ составленъ и приведенъ въ исполненіе Митяемъ задолго до этого событія. Да и самое предположеніе о желаніи Митяя быть поставленнымъ въ санъ митрополита соборомъ мѣстныхъ епископовъ слѣдуетъ, на основаніи всего вышесказаннаго, признать недоказаннымъ, и даже прямо невѣрнымъ: повѣсть о Митяѣ приписываетъ ему желаніе поставиться лишь въ епископы. „Того лѣта не попде, хотяще поставитися на Руси въ епископы сущими епископы въ Руской земли".

Лѣтописецъ не ошибается насчетъ намѣреній Михаила: уже при самомъ началѣ собора онъ говорилъ о поѣздкѣ въ Константинополь для полученія митрополіи; слѣдовательно, онъ дѣйствительно думалъ только о посвященіи въ санъ епископа Владимірскаго, когда просилъ великаго князя о созывѣ собора. Но для чего же, въ такомъ случаѣ, понадобилось это посвященіе? Съ точки зрѣнія каноновъ посвященіе въ епископы Владимірскіе служило скорѣе помѣхою для полученія сана митрополита, такъ какъ переходъ съ одной каѳедры на другую былъ очень затрудненъ. Но москвичи, очевидно, думали иначе: они приписывали предварительному посвященію въ епископы Владимірскіе какое-то особое значеніе; такъ поступилъ м. Ѳеогностъ съ Алексѣемъ; такъ собирался поступить м. Алексѣй съ Сергіемъ; наконецъ этого же посвященія добивается и арх. Михаилъ, во что бы то ни стало. Не добившись этого посвященія отъ своего предшественника, онъ готовъ былъ принять посвященіе и просто отъ собора, хотя такое поставленіе и выходило изъ ряда обычныхъ и было сопряжено съ большими неудобствами. Во всѣхъ этихъ довольно разнородныхъ случаяхъ, очевидно, была какая то общая причина, которою и должно быть объяснено это стремленіе. Такою причиною отнюдь не могло быть одно только желаніе поставить Константинополь въ фактическую невозможность замѣстить каѳедру всероссійскаго митро-

полита лицомъ, неугоднымъ великому князю: великій князь Димитрій Ивановичъ показалъ, что онъ въ силахъ не пустить въ Великую Россію неугоднаго ему митрополита, невзирая на поддержку его со стороны Константинополя.

По нашему мнѣнію, здѣсь дѣйствовали на первомъ планѣ два соображенія. Во-первыхъ желаніе обойти законъ, воспрещающій передачу епископскаго сана по наслѣдству или въ силу предсмертнаго распоряженія. По условіямъ русской жизни это запрещеніе почему то не прививалось: мы видимъ и въ Новгородѣ неоднократныя заявленія умирающаго архіепископа: „выберите себѣ мужа, и я благословлю его", т. е. на Новгородскую каѳедру послѣ себя. И мы видимъ, что въ этихъ случаяхъ кандидатъ, выбранный въ обыкновенныхъ формахъ избранія, получалъ затѣмъ благословеніе на каѳедру отъ своего предшественника. То же, въ сущности, мы наблюдаемъ и въ Москвѣ: отъ митрополита требуютъ, чтобы онъ благословилъ своего преемника при жизни, хотя право назначенія его и предоставлено патріаршею грамотою не митрополиту, а великому князю. Такое явленіе слѣдуетъ, объяснить во-первыхъ патріархальными представленіями о родительской власти, которыя переносились и на отца духовнаго—митрополита или епископа; во-вторыхъ—вліяніемъ монастырей, гдѣ назначеніе игумена преемника предшественникомъ было совершенно обыкновеннымъ и нормальнымъ явленіемъ и подразумѣвалось само собой (сравни, напр. игуменъ Сергій и его племянникъ Ѳеодоръ). Но въ то же время москвичи не могли не сознавать, что правила дѣйствительно запрещаютъ передавать епископіи по наслѣдству. Единственнымъ практическимъ выходомъ являлось истолковать это запрещеніе въ возможно тѣсномъ смыслѣ, какъ запрещеніе передавать епископскій санъ. Разъ будущій кандидатъ на митрополію назначался и посвящался въ еп. Владимірскіе при жизни митрополита предшественника, то такой передачи сана по наслѣдству не происходило: митрополитъ назначалъ и посвящалъ его при своей жизни, на что онъ имѣлъ полное право. Послѣ же смерти митрополита въ Кон-

стантинополѣ испрашивали лишь переводъ съ Владимірской каѳедры на каѳедру всея Руси.

Во-вторыхъ такою практикою фактически закрѣплялся за Москвой перевѣсъ въ дѣлѣ назначенія митрополита. Владиміръ, куда сначала назначался кандидатъ, находился подъ властію Москвы. Только въ качествѣ государей Владимірскихъ Московскіе князья и могли участвовать въ назначеніи митрополита, такъ какъ Кіевъ находился внѣ ихъ власти; на каѳедру этого города, собственно, долженъ былъ бы назначать великій князь Литовскій, какъ государь Кіева. Отнюдь поэтому не случайность, что на совѣщаніе о преемникѣ м. Алексѣя на Переяславскомъ съѣздѣ были приглашены лишь Нижегородскіе князья. Дѣло въ томъ, что и они были собственно Владимірской епархіи, такъ какъ, по мнѣнію москвичей, Суздальскіе владыки управляли Нижнимъ Новгородомъ и Городцомъ лишь по порученію Владимірскихъ владыкъ, какъ ихъ экзархи и намѣстники.

Далѣе, участіе возможно большаго числа епископовъ въ поставленіи Михаила въ епископы Владимірскіе должно было отнять у грековъ предлогъ къ той волокитѣ, какая произошла при посвященіи митр Алексѣя. Какъ извѣстно, подъ тѣмъ предлогомъ, что епископы въ выборахъ митрополита Алексѣя не участвовали, греки потребовали дополнительнаго дознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое посвященіе должно было служить отвѣтомъ на требованіе м. Кипріана, чтобы епископъ поставлялся соборомъ епископовъ.

Наконецъ, именно для арх. Михаила поставленіе въ епископы Владимірскіе имѣло еще большее значеніе, чѣмъ для его предшественника Алексѣя. Михаила, въ виду назначенія м. Кипріана, предполагалось назначить не митрополитомъ всея Руси, а только митрополитомъ Великой Руси. Но такъ какъ этотъ митрополитъ не только не имѣлъ, но и не могъ имѣть никакой иной резиденціи, кромѣ Владиміра или Москвы, то съ посвященіемъ арх. Михаила въ епископы Владимірскіе патріарху впослѣдствіи оставалось бы лишь переименовать его въ митрополиты Владимірскіе. Для Михаила посвященіе въ епископы Вла-

димірскіе, дѣйствительно, закрѣпляло за нимъ митрополію Великой Руси. Для него къ тому же важно было обезпечить себя отъ Кипріана, который могъ захватить Владиміръ въ его отсутствіе, особенно принимая во вниманіе, что онъ имѣлъ такихъ союзниковъ, каковы были игумены Сергій и Ѳеодоръ (Макарій IV. 67).

Неожиданное фіаско арх. Михаила на предположенномъ имъ соборѣ уничтожило не только проектъ Михаила, но и эту довольно наивную по своей конструкціи систему замѣщенія митрополичьей каѳедры. По просьбѣ Михаила и приказу великаго князя восточно-русскіе епископы съѣхались въ Москву. Точная дата этого собора, къ сожалѣнію, не извѣстна. Онъ происходилъ послѣ поѣздки м. Кипріана въ Москву: Кипріанъ еще ничего не зналъ о такомъ соборѣ и о томъ, что Михаилъ встрѣтилъ на немъ противодѣйствіе со стороны Діонисія Суздальскаго; иначе онъ не сомнѣвался бы, есть ли противники у Михаила, кромѣ Сергія. Нѣтъ никакихъ намековъ на соборъ и въ посланіи Кипріана Сергію въ октябрѣ 1378 года. Въ то же время соборъ происходилъ незадолго до отправленія Михаила въ Константинополь. Все это указываетъ, какъ на приблизительную дату собора, на весну 1379 года.

Мы не знаемъ, сколько было на соборѣ епископовъ [1]), равно какъ и именъ ихъ, что, естественно, объясняется тою пассивностію, какую они проявили въ вопросѣ о поставленіи Михаила. Исключеніемъ являлся одинъ лишь Діонисій Суздальскій, который и разбилъ всѣ намѣренія Михаила.

---

[1]) Число участниковъ Митяева собора не могло быть большимъ. Михаилъ могъ располагать только епископами восточной половины Руси, гдѣ были епископы Новгородскій, Смоленскій, Ростовскій, Владиміро-Волынскій, Суздальскій, Тверской, Рязанскій, Сарайскій, Коломенскій, Звенигородскій. Но о присутствіи Новгородскаго владыки мы ничего не знаемъ, тогда какъ обыкновенно такія поѣздки въ Москву отмѣчались лѣтописцемъ. Ростовъ былъ вакантенъ. Митяй едва ли могъ набрать болѣе пяти или шести епископовъ, о которыхъ онъ говоритъ.

Неизвѣстно, кто былъ Діонисій по своему происхожденію, и былъ ли онъ даже русскимъ. Павловъ (Прав. Собесѣд. 1866. кн. 3. стр. 245) говоритъ по поводу языка, какимъ написаны сочиненія Діонисія: „Нельзя не замѣтить, что языкъ этотъ несовсѣмъ правиленъ и довольно страненъ: посланіе русскаго святителя какъ будто переведено съ другого языка. Преосвященный Филаретъ говоритъ о немъ между прочимъ: болѣе, чѣмъ вѣроятно, что посланіе патріарха Нила 1382 года, съ обличеніемъ стригольникамъ и съ порученіемъ Діонисію возвратить ихъ Церкви, если не сочинено, то переведено было св. Діонисіемъ (Обзоръ рус. дух. литерат. 76). Мы прибавимъ: весьма вѣроятно также, что и посланіе патр. Нила къ преп. Сергію, съ которымъ Діонисій, какъ извѣстно, находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, если не сочинено, то переведено было имъ же, Діонисіемъ". Въ грамотахъ Діонисія всюду „тѣ же неправильности въ образѣ выраженія, тѣ же растянутые періоды, тотъ же опять кажущійся переводъ съ греческаго". Въ нашихъ глазахъ языкъ Кипріана, въ сравненіи съ Діонисіевымъ, представляется прямо образцовымъ, хотя Кипріанъ не былъ природнымъ русскимъ.

Но есть одинъ сильный доводъ въ пользу русскаго происхожденія Діонисія. Впослѣдствіи п. Нилъ въ настольной грамотѣ Діонисію, стараясь дать ему наилучшую аттестацію и перечисляя всѣ его заслуги, не говоритъ, что Діонисій удалился изъ Греціи въ далекую Россію, а наоборотъ хвалитъ за то, что онъ, преодолѣвъ всѣ трудности пути, явился въ Константинополь. По всему тону грамоты видно, что греки относились къ Діонисію, какъ къ чужестранцу: они подвергли его экзамену по богословію и каноническому праву, удивлялись его познаніямъ и вообще смотрѣли на него, какъ на диковину. Языкъ же Діонисія можетъ быть объясненъ тѣмъ, что Діонисій былъ книженъ, т. е. еще будучи въ Россіи, изучилъ греческій языкъ и воспитался на греческихъ книгахъ. Знаніе греческаго языка въ Россіи того времени вовсе не было рѣдкостію: припомнимъ современника Діонисія—Стефана Пермскаго, выучившагося говорить и читать по гре-

чески въ Ростовѣ, гдѣ была и богатая греческая библіотека. О начитанности же Діонисія свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что онъ былъ центромъ своего рода литературнаго кружка въ Нижнемъ-Новгородѣ. По приказанію Діонисія была переписана Лаврентіевская лѣтопись для князя Нижегородскаго. Діонисій былъ очень близокъ и съ мѣстнымъ „философомъ", Павломъ Высокимъ, проживавшимъ въ Нижегородскомъ монастырѣ и устроившимъ что-то въ родѣ лекцій (Ник. 6891). И самъ Діонисій слылъ въ Россіи за знатока св. Писанія, и совершенно справедливо, если судить по отзыву п. Нила.

Съ именемъ этого Діонисія и было связано возстановленіе Суздальской каѳедры.

Воскрес. 6882. „Въ великое говѣніе, въ первую недѣлю св. поста пресвященный митр. Алексѣй поставн епископомъ Суждалю Діонисіа архимандрита Печерскаго (т. е. Нижегородскаго) монастыря, избравъ его мужа тиха, кротка же и смѣрена, мудра и разумна, и изящна въ Божественномъ Писаніи, и сказателя книгамъ; просто же рещи: въ всякой добродители преспѣюща, и всѣ степени прошедша еже къ спасенію и исправивша по преданію божественому и по правиломъ св. отець", т. е. по избранію мѣстныхъ жителей, или вѣрнѣе, вліятельнаго тестя великаго князя Димитрія Константиновича Нижегородскаго. Какъ мы видѣли уже издавна между владыкою Суздальскимъ и владыкою Владимірскимъ отношенія были не изъ хорошихъ. Владимірская епархія, образовавшаяся на территоріи Суздальской, старалась по возможности захватить побольше изъ владѣній Суздальской епархіи; въ особенности же яблокомъ раздора являлись два города: Нижній и Городецъ. Если митр. Алексѣй не только возстановилъ самую каѳедру, но и возвратилъ Діонисію спорные Нижній и Городецъ, то, очевидно, по желанію того же нижегородскаго князя. Уже въ силу этихъ нижегородскихъ счетовъ еп. Діонисій долженъ былъ быть врагомъ владимірскихъ владыкъ. Этотъ честолюбивый и энергичный епископъ, конечно, неспособенъ былъ удовольствоваться положеніемъ Владимірскаго намѣстника. Воспользовавшись смертію

митр. Алексѣя и вакантностію каѳедры, онъ уже при патр. Макаріи началъ въ Константинополѣ хлопоты о признаніи нижегородской церковной отдѣльности отъ Владиміра.

Въ началѣ, къ сожалѣнію испорченномъ, настольной грамоты ему п. Нила мы читаемъ слѣдующія слова: „ . . . . . въ святительскую постиже высоту и достояніе, мысль свою възложи на Бога, и жити паче Богови, . . . нежели . . . отдыхати хотя, ихъже . . . сего *ныне прежде насъ патріархъ* видѣти въсхотѣ, . . . прити повелѣ ему, и се же еже о собѣ . . . къ добру бо того показа, и труды презрѣ, и долготу пути, нестроенья". Изъ этихъ словъ можно понять, что Діонисій, сдѣлавшись епископомъ (въ святительскую постиже высоту), пожелалъ явиться къ предшественнику патр. Нила т. е., патр. Макарію съ какою-то жалобою, и тотъ предписалъ ему пріѣхать (прити повелѣ ему) и изложить свою просьбу (и се еже о собѣ . . .). Можно сказать, что то дѣло, ради котораго Діонисій собирался ѣхать въ Константинополь и былъ споръ о Нижнемъ и Городцѣ. Діонисій „доносилъ (ἀνέφερεν) . . . . приснопамятному патр. Нилу, о двухъ городахъ, Новгородѣ и Городцѣ, что они, состоя въ удѣлѣ суздальскаго князя, принадлежатъ къ той же епархіи и находятся вблизи его церкви, но что митрополиты русскіе безпокоятъ его. Поэтому онъ просилъ на нихъ грамоты у патріарха и получилъ таковую, согласно его донесенію (κατὰ τὴν ἀναφορὰν αὐτοῦ)." какъ читаемъ объ этомъ впослѣдствіи.

Но въ это время Діонисія пригласили на соборъ въ Москву по поводу предположеннаго поставленія арх. Михаила, будущаго митрополита, въ санъ епископа Владимірскаго. Слѣдуетъ думать, что по вопросу о Нижнемъ и Городцѣ уже и ранѣе велись переговоры между Діонисіемъ и Митяемъ, и только неудача или упорство Михаила заставили Діонисія начать хлопоты въ Константинополѣ. Во всякомъ случаѣ на почвѣ этихъ споровъ изъ-за Нижняго и Городца и испортились окончательно отношенія между Михаиломъ и Діонисіемъ. Михаилъ смотрѣлъ на Діонисія, хотя и епископа, какъ на митрополичьяго экзарха, подчинен-

наго сму, какъ патріаршему блюстителю, экзарху митрополіи; Діонисій же отрицалъ свою зависимость отъ Владиміра. По словамъ лѣтописи „нѣцыи отъ малоумныхъ навадиша Митяю на Діонисіа, а Діонисію на Митяя; Митяй же осуди яко виновата Діонисіа, и посла къ нему, рече: „что ради, о епископе, пришедь въ градъ сей не пріиде ко мнѣ прежде всѣхъ, ни поклони ми ся, ни благословеніа потребова отъ мене, но яко небрегома створи мя; не вѣси ли, кто есмь азъ, яко имѣю власть въ всей митрополіи?“ Требованіе арх. Михаила, чтобы Діонисій Нижегородскій явился къ нему прежде всѣхъ, и упоминаніе о своей власти во всей митрополіи доказываетъ, что мѣстоблюститель во-первыхъ смотрѣлъ на Нижній и Городецъ, какъ на принадлежащіе митрополіи (Владиміру), а на Діонисія—какъ на митрополичьяго намѣстника; во-вторыхъ требовалъ, чтобы Діонисій испросилъ у него, какъ у патріаршаго намѣстника и будущаго митрополита, подтвержденіе своихъ экзаршескихъ правъ на Нижній и Городецъ. Права эти, по мысли Михаила, были получены отъ митрополита Алексѣя лишь на время жизни послѣдняго и должны были быть подтверждены его преемникомъ, если только Діонисій желалъ ихъ сохраненія. Только въ этомъ смыслѣ онъ и могъ говорить о благословеніи Діонисію. Но Діонисій воспользовался этимъ требованіемъ благословенія, чтобы уколоть Митяя. Чувствуя, вѣроятно, слабость своихъ правъ на Городецъ и Нижній, Діонисій придрался къ двусмысленному термину благословеніе и отвѣчалъ: „Да на мнѣ не имаши власти ни единоя же; тебѣ подобаше пріити ко мнѣ, и благословитися и предо мною поклонитися: азъ бо есмь епископъ, ты же попъ, то кто болій есть, епископъ ли или попъ?“

Заявленіе Діонисія понятно, разъ онъ не считалъ себя митрополичьимъ намѣстникомъ, а полагалъ, что Нижній и Городецъ принадлежатъ Суздальской епархіи, а не Владимірской. Но во всякомъ случаѣ, если Митяй и былъ попомъ, то не изъ епархіи Діонисія; въ предѣлахъ же чужой епархіи Діонисій не имѣлъ права требовать тѣхъ знаковъ уваженія, какіе полагаются епархіальному архіерею.

Отвѣтъ же Митяя любопытенъ именно, какъ доказательство, что дѣло шло не о чемъ другомъ, какъ объ экзаршескихъ правахъ Діонисія. „Ты мя попомъ нарече," отвѣтилъ Михаилъ Діонисію: „а язъ въ тобѣ ни попа доспѣю, а скрижали твои своими руками сворю, но не имѣ мицу тебѣ, но егда пріиду изъ Царяграда". Митяй отлично понималъ, что права патріаршаго экзарха не давали ему никакого права суда надъ епископомъ, какъ не давали и права посвященія. Чтобы пріобрѣсти послѣднія, и вмѣстѣ съ тѣмъ право осудить Діонисія и лишить его сана, нужно было посвятиться въ митрополиты въ Константинополѣ. Поэтому, если лѣтописецъ и говоритъ, что Митяй производилъ надъ Діонисіемъ какой-то судъ и даже „осуди яко виновата Діонисія", то это слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что Митяй попытался поступить съ Діонисіемъ точно такъ же, какъ поступилъ митрополитъ Алексѣй съ его предшественникомъ по суздальской каѳедрѣ, т. е. попытался лишить его правъ на Нижній и Городецъ.

Но Діонисій оказался слишкомъ сильнымъ противникомъ. На его сторонѣ были не только тесть великаго князя, Димитрій Нижегородскій, но и Сергій Радонежскій и вообще всѣ, державшіеся митрополита Кипріана. Этимъ легко объясняются всѣ дальнѣйшіе успѣхи Діонисія и неудачи Митяя. Діонисію, знатоку Писанія и правилъ, нетрудно было доказать, что соборъ епископовъ безъ митрополита не имѣетъ права поставлять епископа, какъ то утверждалъ Митяй. Несомнѣнно, мнѣніе арх. Михаила на этотъ счетъ было совершенно одинокимъ въ Россіи того времени. Онъ опирался главнымъ образомъ на правило 1-е Апостольское: „Два или три епископа да поставляютъ епископа". Но вотъ какъ толкуетъ это правило знаменитый современникъ Митяя, Стефанъ Пермскій, уже послѣ спора Діонисія съ Митяемъ. (Поученіе противъ стригольниковъ около 1386 года).

„Христосъ бо Спасъ нашь избра 12 ученика, сія Апостоли постави.... и повелѣ имъ учити народы; Апостоли же, видѣвше вѣру Христову пространяющися... избираху своя ученикы и поставляху ового попомъ,

ового же епископомъ, а ового же патріархомъ. и тако правила положиша: „епископа два или тріе поставляти епископа"; епископы же нарекоша патріарховъ: занеже сами смертни бѣша, того дѣля тако уставиша, да не умреть съ ними священьство... По тому же правилу и доселѣ збираются патріарьси и митрополиты, въ коюждо область поставляють патріарха, а патріархъ съ митрополиты поставляеть митрополита, а митрополитъ же съ епископы поставляеть епископа... а его же митрополита освятить намъ патріархъ, того вси чтемъ, яко Христова намѣстника, тако же и епископа въ коемъждо градѣ и области". Для Стефана Пермскаго участіе патріарха и митрополита въ поставленіи епископа является до такоій степени необходимымъ, даже для дѣйствительности посвященія, что вопреки ясному грамматическому смыслу Апостольскаго правила онъ понимаетъ подъ епископами--посвятителями не простыхъ епископовъ, а патріарховъ. Если бы онъ участвовалъ въ соборѣ Митяя, то несомнѣнно, что онъ сталъ бы на сторону Діонисія. Нѣтъ основанія думать, чтобы и прочіе епископы раздѣляли мнѣніе Михаила: они просто не противились ему, и это самое большее, что можно было о нихъ сказать. Лѣтописецъ такъ и говоритъ. Къ тому же и самая экзаршеская грамота Михаилу предоставляла ему всѣ митрополичьи права, но кромѣ посвященія епископовъ. Естественно, что собору пришлось разойтись, ничего не сдѣлавъ для того, ради чего онъ былъ собранъ: посвященіе Митяя въ епископы Владимірскіе не состоялось.

Въ результатѣ проекта Михаила, основаннаго на его ученыхъ изысканіяхъ, получился лишь такой всероссійскій скандалъ, какъ безцѣльный созывъ въ Москву епископовъ со всей Восточной Руси. Великій князь оказался въ очень неловкомъ положеніи, что не могло не отозваться и на вліяніи Михаила. Но отсюда еще далеко было до отказа отъ поставленія его въ митрополиты или до проектовъ замѣнить его кѣмъ-нибудь другимъ. Въ частности нельзя въ это время говорить и о кандидатурѣ противника Митяева—Діонисія. Предположеніе Никоновской лѣтописи, будто бы уже

въ это время Діонисій преслѣдовалъ дерзкій планъ захватить въ свои руки митрополію [1]), ни на чемъ не основано. Во-первыхъ устраненіе Митяя лишь открывало дорогу къ митрополичьему престолу для готоваго уже митрополита Кипріана: это само собою подразумѣвалось, судя по тому, что за Діонисія стояли сторонники Кипріана, да и Діонисія въ Москвѣ считали въ ихъ числѣ: еще много лѣтъ спустя ему поручили хлопоты въ Константинополѣ о возстановленіи Кипріана на митрополичьей каѳедрѣ. Во-вторыхъ и болѣе древняя лѣтопись и грамота патріарха Нила единогласно объясняютъ дальнѣйшее поведеніе Діонисія именно спорами о Нижнемъ и Городцѣ. Лѣтописецъ пишетъ: „И мнозѣй распрѣ бывши межи ими... и оттолѣ начатъ Діонисіе помышляти къ Царюграду". Мы видѣли еще, чѣмъ была вызвана эта распря. Мы знаемъ и то, что Діонисій помышлялъ о поѣздкѣ въ Царьградъ еще гораздо ранѣе. Поэтому „оттолѣ" слѣдуетъ понимать въ смыслѣ указанія не на время, а на причинную связь („потому"). Для Діонисія въ это время вопросъ о личности митрополита былъ совершенно безразличенъ: очень возможно, что онъ и не поѣхалъ бы въ Константинополь, если бы Митяй сдѣлалъ уступку. Да и грамота патріарха Нила прямо удостовѣряетъ, что Діонисій въ этотъ свой пріѣздъ въ Константинополь ни о чемъ, кромѣ Нижняго и Городца, не хлопоталъ.

Но Митяй вовсе не думалъ дѣлать уступокъ, понималъ, что при такихъ условіяхъ въ интересахъ Діонисія будетъ очернить его въ Константинополѣ, и не замедлилъ поэтому принять свои мѣры: онъ обратился къ великому князю Димитрію съ просьбою арестовать Діонисія и тѣмъ помѣшать его поѣздкѣ. „Се увѣдавъ Митяй и възвѣсти великому князю, да запрѣтитъ Діонисію. Князь же великій отъпнудъ възбрани ити ему къ Царюграду, да не сътворитъ пакости, ниже которые споны Митяю, *дондеже въ митрополи-*

---

[1]) Никон 6886. „Деонисей же епископъ Суждальскый возхотѣ ити ко Царюграду, желаше бо и самъ на митрополскомъ столѣ себя видѣти".

техъ пріидетъ, и повелѣ Діонисіа нуждею удрьжати: и держимь бѣ Діонисіе въ крѣпости". Діонисія выручило заступничество сильныхъ покровителей. Онъ сталъ просить великаго князя: „Ослаби ми и отпусти мя въ своей волн жити, а уже къ Царюграду безъ твоего слова не иду, а на томъ на всемъ поручаю тебѣ по себѣ игумена Сергіа". Благодаря, конечно, заступничеству Сергія Радонежскаго, „князь великій послуша моленія его (Діонисія), и отпусти на томъ словѣ, яко не ити ему къ Царюграду, но ждати *до году* Митяевы митрополіи".

Договоръ этотъ, очевидно, долженъ былъ имѣть тотъ смыслъ, что Діонисій обязался не препятствовать Митяю получить митрополію, великій же князь обязался передать дѣло о Нижнемъ и Городцѣ на усмотрѣніе патріарха. Потребовать отъ Діонисія обѣщанія вовсе не ѣздить въ Константинополь было невозможно уже потому, что его вызывалъ туда самъ патріархъ; можно было лишь обязать его не ѣхать туда въ теченіе годового срока, который обыкновенно назначался лицамъ, вызывавшимся на судъ въ Константинополь, какъ истцу, такъ и отвѣтчику. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ договоръ являлся и уступкою общественному мнѣнію. Современники удивлялись, почему Михаилъ только собираетъ деньги на поѣздку въ Константинополь, а самъ на посвятку не ѣдетъ. Теперь Михаилу, по настоянію Діонисія, назначенъ былъ годовой срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ былъ получить митрополію

Діонисій тотчасъ же грубо нарушилъ свой договоръ съ княземъ. „Діонисій же ни съ недѣлю не помедли, но вскорѣ побѣже къ Царюграду изъ своей епископіи изъ Новагорода Нижнего Волгою къ Сараю, обѣтъ свой измѣнивъ, а поручника свята выдавъ". Это не должно особенно удивлять насъ. Въ соглашеніи Діонисія съ великимъ княземъ не участвовалъ Митяй. Было совершенно ясно, что въ Константинополѣ онъ будетъ дѣйствовать противъ притязаній Діонисія на Нижній и Городецъ и, конечно, въ теченіе года можетъ укрѣпить за собою и эти города; такъ что поѣздка Діонисія въ Константинополь по истеченіи

года, въ дѣйствительности, являлась бы излишнею и безцѣльною. Что же касается Діонисія, то, какъ оказалось впослѣдствіи, онъ дѣйствовалъ въ Константинополѣ согласно смыслу договора т. е., не мѣшалъ княжескимъ хлопотамъ о митрополитѣ. Въ концѣ концовъ, бѣгство Діонисія никому не повредило, а Митяю даже помогло. Сергій нисколько не пострадалъ отъ своей поруки: угроза Митяя разорить Троицкій монастырь, какъ онъ хвалился передъ отъѣздомъ въ Грецію, такъ и осталась угрозою. Да современники, судя по лѣтописи, и не обвиняли Сергія, считая его обманутымъ Діонисіемъ. Что же касается до Митяя, то вѣроломство Діонисія вернуло милость великаго князя къ своему любимцу да, повидимому, и самого Митяя нѣсколько возстановило въ общемъ мнѣніи. „Митяй же болшее себѣ оправданіе пріатъ, и дръзновеніе стяжа, и поношеніе на Діонисіа и негодованіе, князь же великій зѣло любляше Митяя, и въ сласть послушаше его“. Такимъ образомъ даже въ этотъ моментъ о непопулярности Михаила не можетъ быть и рѣчи.

Но Михаилу уже нельзя было откладывать поѣздку на болѣе поздній срокъ и нужно было, во что бы то ни стало, достать средства на эту поѣздку. Эта-то необходимость, по всей вѣроятности, и создала для него ту непопулярность среди духовенства, о которой говоритъ намъ лѣтопись, и которая должна быть объяснена въ связи съ денежною нуждою, въ какой оказался Михаилъ; иначе трудно объяснить тотъ фактъ, что эта непопулярность возникла столь внезапно. Такъ понимаетъ дѣло и лѣтопись (Никон.): „И нача воружатися и на священникы, на инокы, и на архимандриты, и на епископы, и осужаше и продаяше многыхъ и возъстаяше со властію, не обинуяся никогоже;... епископи же, и архимандриты, и игумени, и иноци воздыхаху отъ него, многыхъ бо и въ веригы желѣзныа сажаше, и наказываше и смиряше ихъ со властію, и никтоже можаше рещи противу его“. Такіе пріемы управленія были обычными и до и послѣ Митяя и едва ли могли, сами по себѣ, вызвать противъ него особое неудовольствіе. Воскресен-

ская лѣтопись объясняетъ дѣло проще и, по нашему мнѣнію, ближе къ истинѣ: Митяй „съ поповъ дань сбираше, зборное же и рожественое, оброки же и пошлины митрополичи то все взимаше, готовяся на митрополію и пристраяшеть себѣ вся сущаа, къ путному шествію потребнаа къ Царюграду на поставленіе".

Михаилъ занялся усиленными поборами съ духовенства на расходы по путешествію въ Константинополь на посвятку. Принимая во вниманіе, что расходы эти были очень велики (какъ показываетъ это исторія поставленія Пимена), что всѣ чрезвычайные расходы покрывались чрезвычайными же налогами на этотъ случай, а также зная тѣ пріемы, къ какимъ прибѣгали органы московской администраціи при взиманіи налоговъ (смотри объ этомъ, напр., житіе Сергія), мы легко поймемъ, что налоги на поставленіе Михаила должны были представляться духовенству непосильными и вызывать ненависть и къ самому кандидату на посвятку. Такъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ понимать: „И нача въоружатися на игумены, и на священники, и на черноризцы, епископи же и прозвитеры въздыхаху отъ него глаголюще: „воля Господня да будетъ". Въ результатѣ „Митяя не хотяше никтоже въ митрополіи; епископи же, и игумени, и прозвитери, и весь чинъ священническій и мници вси моляху о томъ Бога, дабы не попустилъ Митяю въ митрополитехъ бытп, но единъ князь великій хотяше его видѣти въ томъ чину". Ко всему этому нужно сдѣлать одну весьма важную оговорку: о непопулярности Митяя говорится только въ несомнѣнно интерполированныхъ мѣстахъ повѣсти; интерполяція же сдѣлана какъ разъ въ цѣляхъ доказать, что всѣ были противъ Митяя за исключеніемъ великаго князя. Это, конечно, въ значительной степени подрываетъ довѣріе къ самымъ указаніямъ.

Съ Михаиломъ повторилась исторія Ѳеодора, Бѣлаго Клобучка: обворожительный Митяй утратилъ свою популярность, а результаты сбора не соотвѣтствовали ожиданіямъ; ѣхать было не съ чѣмъ. Приходилось обратиться за пособіемъ къ великому князю. Такъ

какъ, повидимому, и у послѣдняго въ это время казна была не въ блестящемъ состояніи, то Михаилъ придумалъ такой выходъ изъ затрудненія. Онъ попросилъ у Димитрія Ивановича: „Дай ми харатью не написану, а подписану и запечатану твоею печатію великого князя, да възму съ собою на запасъ, да егда что ми будеть надобѣ заняти сребра тысячю или колико въ оскудѣніи или въ нужи, да напишу си въ ней". Другими словами, Михаилъ попросилъ князя дать свой вексель. Димитрій согласился, и Митяй съ большою свитою торжественно отправился въ Константинополь. 26 Іюля 1373 г. онъ перевезся къ Рязани. Въ Москвѣ его намѣстникомъ остался еп. Герасимъ Коломенскій [1]).

Митяй ѣхалъ по сухому пути черезъ Орду. На дорогѣ онъ былъ на нѣкоторое время задержанъ Мамаемъ, но потомъ не только отпущенъ, но и получилъ ярлыкъ отъ Атюляка[2]). Относительно дальнѣйшаго путешествія Митяя въ Константинополь и поставленія Пимена мы имѣемъ уже не только позднѣйшія пространныя повѣствованія Повѣсти о Митяѣ, но и

---

[1]) Стефанъ, знаменитый впослѣдствіи еп. Пермскій, „поставленъ бысть въ діаконы отъ Арсенья князя и епископа Ростовскаго. Таче по преставленьи Алексна митрополита, повелѣніемъ намѣстника его именемъ Михаила, нарицаемаго Митяя, поставленъ бысть во прозвитеры отъ Герасима епископа Колеменьскаго. (Макарій IV 346). Стефанъ былъ клирикъ Ростовской епархіи, которая была въ это время вакантною за смертію Арсенія и потому находилась въ управленіи митрополичьяго намѣстника Михаила. Стефанъ Пермскій· „приде ко преже реченному владыцѣ Герасиму, епископу Коломеньскому, намѣстнику на Москвѣ, сущу ему старцу многолѣтну и добролѣпну.... Бяше бо въ ты дни на Москвѣ не сущу никомуже митрополиту, Алексѣю убо ко Господу отшедшю, а другому не у пришедшю".

[2]) Это такой же иммунитетный ярлыкъ, какъ и всѣ предшествующіе ярлыки, и не представляетъ ничего особеннаго. Онъ только доказываетъ подлинность прежнихъ ярлыковъ и объясняетъ, зачѣмъ былъ остановленъ Михаилъ и какими средствами онъ получилъ свободу

Около 1363 года Орда раздѣлилась между двумя ханами. А б д у л о й (Abdulah), именемъ котораго правилъ сильный темникъ Мамай, и Мюридомъ. Димитрій получилъ ярлыкъ на великое княженіе отъ послѣдняго, а потомъ принялъ въ 1363 году и посла и ярлыкъ Мамая. Передъ Куликовой битвой Мамай, правившій до сихъ поръ отъ

отрывокъ этой Повѣсти въ ея первоначальномъ видѣ, сохранившійся въ Львовской 6886, гдѣ читаемъ: „А корабль внидоша на Каѳпньское море, и ту уже видети Царьградъ,—и се Митяй разболѣвся умре. Елико онъ болѣ, толико корабля не пусти никаможе, а уже иніи пловяху сѣмо и овамо. И вложше его въ раку, и везоша, и похорониша въ Галате. А сущіи съ нимъ тогда бяху во мнозе смущеніи: хотяху бо поставити въ митрополиты Ивана, а иніи Пимина, а Ивана оковаша. Обрѣтъ же Пиминъ тогда харатьи оны запечатаны и не написаны, иже Митяю вданы, написа на нихъ грамоты отъ великого князя царю и патріарху, да поставять сего Пимина митрополью. Они же прочетъ, рѣша: „что сице пишеть князь велики? а поставленъ епископъ Кипреянъ митрополитомъ и патріархомъ Ѳелоѳіемъ и отпущенъ давно на Русь“. Пиминъ же кабалы исписавъ на харатіяхъ онѣхъ великого князя и многа серебра позаимовавъ у Ѳрязъ и у бисерменъ, иже ростить доселе, и многи посулы разсули. И много истязавши царь и патріархъ, и поставиша Пимина митрополита на Русь“. Вмѣсто этого первоначальнаго сказанія, повидимому написаннаго еще до второго путешествія Пимена въ Константинополь („ростить доселе“), въ пространной повѣсти мы находимъ массу тенденціозныхъ прибавокъ, весьма важныхъ для разбираемаго нами вопроса.

имени хановъ Абдула, а потомъ Магомета, избавился наконецъ отъ послѣдняго и провозгласилъ себя ханомъ. Макарій считаетъ Атюляка за Тюлюбека (IV. 68).

Атюляковъ ярлыкъ написанъ „Авечія лѣта, дарыка въ семьсотное осмое лѣта, салгата мѣсяца, въ десятый нова“. 1379 годъ соотвѣтстуетъ овечьему лѣту, но годъ гиджры не 708 и не 700, а 780—781. Григорьевъ видитъ въ этомъ простую ошибку въ цифрахъ со стороны переводчика или переписчика.

XVI.

Разъ Кипріанъ прибылъ въ Константинополь незадолго до пріѣзда туда Михаила, то въ моментъ отправленія Митяя изъ Москвы патріархомъ былъ еще Макарій; но ко времени прибытія его къ Константинополю дворцовый переворотъ въ Византіи, о которомъ мы говорили выше, уже совершился. Тамъ не было уже ни патріарха Макарія ни прежняго императора [1]), правительство же Іоанна V, вновь возвратившагося на тронъ, совершенно игнорировало и грамоту патр. Макарія и произведенное ею дѣленіе Руси на двѣ митрополіи. Еще до поставленія Нила на патріаршество Кипріанъ въ сент. 1379 г. (6888) уже подписывался подъ синодальными опредѣленіями „митрополитъ всея Руси". Объ этомъ, конечно, не могъ не узнать Митяй, пріѣхавъ къ Галатѣ, гдѣ теперь проживалъ его покровитель, бывшій императоръ Андроникъ, а, можетъ быть — и патріархъ Макарій. Это и должно было остановить его на пути въ Константинополь, гдѣ было правительство, руководимое Кипріаномъ, въ глазахъ котораго Михаилъ былъ отлученный законнымъ митрополитомъ монахъ, которому воспрещался и въѣздъ въ столицу, а вовсе не кандидатъ на митрополію. Къ этому времени Митяй заболѣлъ, но не пожелалъ съѣзжать на берегъ, а до самой смерти пролежалъ на кораблѣ, посылая своихъ спутниковъ, за чѣмъ надо было, на лодкахъ, какъ сообщаетъ объ этомъ первоначальная повѣсть. „Елико онъ болѣ, толико корабля не пусти никаможе, а уже иніи пловяху сѣмо и овамо".

---

[1]) *Müller* B. Analecten. Sitzungsberichte d. K. Akad. d. Wissen. B. XI. 1853. p. 392

Распространенная повѣсть все это обращаетъ въ чудо, являющееся наказаніемъ за дерзость Митяя сдѣлаться митрополитомъ, опираясь на великаго князя. Оказывается, что корабль Михаила не стоялъ на якорѣ около Галаты, а удерживался тамъ сверхъестественною силою, вопреки желанію Михаила; при чемъ, для большаго увѣренія читателя, интерполяторъ ссылается на свидѣтельство современниковъ и спутниковъ, чѣмъ въ дѣйствительности, указывается на первоначальную повѣсть[1]). Въ этой ссылкѣ содержится ясное указаніе во-первыхъ на нашу первоначальную повѣсть, а во-вторыхъ на то, что авторъ ея былъ одинъ изъ спутниковъ Митяя, находившійся съ нимъ даже на одномъ кораблѣ. Вслѣдъ за этимъ начинается длинное разсужденіе о непозволительности поставленія волею князя[2]). Ясно, для чего понадобилось интерполятору и самое чудо, и съ тѣмъ большею осторожностію мы должны отнестись къ показаніямъ его о непопулярности митрополита изъ русскихъ, которыя вовсе не подтверждаются послѣдующими событіями.

Въ Никоновской лѣтописи, неизвѣстно на какомъ основаніи, содержится такое указаніе, какого нѣтъ ни

---

[1]) „Повѣдаху же тамо бывшеи на корабли томъ, и глаголаху. егда разболѣся Митяй, тогда корабль той стояше на единомъ мѣстѣ, ни поступя ни сѣмо ни овамо, а инии мнози корабли миноваху его сюду и овуду“.

[2]) „Се же преславно явленіе показа Богъ неизреченными Его судбами, якоже Апостолъ глаголетъ· никтоже вземлетъ честь о себѣ, но званный отъ Бога. Сего бо предреченнаго Митяа не хотяше никтоже въ митрополіи; епископи же, и игумени. и прозвитери, и весь чинъ священническій и мниси вси моляху о томъ Бога, дабы не попустилъ Митяю въ митрополитехъ быти, но единъ князь великій хотяше его видѣти въ томъ чину, той же, упова на любовь княжскую, о иномъ же ни о комъ не брежаше; аще бо и книгы добрѣ свѣдяше, но не въспомяну пророка глаголюща· добро есть уповати на Господа. нежели уповати на князя, и пакы глаголетъ: не надѣйтеся на князя на сыны человѣчьскіа, въ нихъ же нѣсть спасеніа. Есть бо инако разумѣти, но глаголати не мощно противу судбамъ Божіимъ, многажды бо наводитъ Богъ на насъ скорби и предаетъ въ руцѣ немилостивымъ и суровѣйшимъ пастухомъ за грѣхи наша, но не до конца прогнѣвается; такоже и сему не попусти, ни изволи быти пастырю и митрополиту на Руси“. Воскр. 6885.

въ первоначальномъ текстѣ, ни въ Воскресенской лѣтописи,—будто бы смерть Митяя была насильственной. „Инии глаголаху о Митяи, яко задушиша его; инии же глаголаху, яко морьскою водою уморища его, понеже и епископи вси, и архимандриты, и игумены, и священницы, и иноцы, и вси бояре и людіе не хотяху Митяа видѣти въ митрополитехъ, но единъ князь великии хотяше". По для такого предположенія нѣтъ никакихъ основаній. Задушеніе не мирится съ указаніемъ на довольно продолжительную предсмертную болѣзнь Митяя; то же самое слѣдуетъ сказать и о довольно странной формѣ отравы, о которой говоритъ лѣтопись. Такого опаиванія морскою водою нельзя предположить уже и потому, что не только бояре были на сторонѣ Михаила, но и всѣ его спутники были повергнуты въ величайшее смущеніе его смертію, которая, очевидно, была слишкомъ несвоевременною для того, чтобы быть желательною [1]). Казалось бы, что смерть Митяя освобождала престолъ для Кипріана. Но противъ этого возстали бояре, помнившіе, что великій князь ни въ какомъ случаѣ не приметъ ставленика Ольгерда. Они-то, главнымъ образомъ, и добились того, что путемъ подлога престолъ Великой Руси былъ замѣщенъ москвичемъ же, архимандритомъ Пименомъ.

Исторія этого поставленія извѣстна намъ частію изъ грамотъ на имя Пимена и Кипріана, частію изъ показаній лѣтописей. По лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, послѣ смерти арх. Михаила произошелъ споръ среди его спутниковъ, но не о томъ, необходимъ ли кандидатъ изъ русскихъ, а лишь насчетъ того, кто долженъ быть такимъ кандидатомъ. Этотъ фактъ краснорѣчивѣе всякаго другого, и краснорѣчивѣе разсужденій

---

[1]) Смерть Митяя естественнѣе всего объяснить тѣми трудностями пути, которыхъ онъ не принялъ во вниманіе при отправленіи изъ Москвы. Повидимому уже и тогда здоровье его было не изъ тѣхъ, какого требовало подобное путешествіе. По крайней мѣрѣ, Сергій Радонежскій прямо предсказывалъ, что онъ не доѣдетъ до Константинополя, предсказаніе, которое могло быть естественнымъ результатомъ соображеній о силахъ и здоровьѣ Митяя.

пространной повѣсти о Митяѣ свидѣтельствуетъ, что и при поставленіи Михаила Димитрій Ивановичъ опирался на общественное мнѣніе, признававшее правильность и необходимость поставленія митрополита волею великаго князя, и подтверждаетъ указанія посланій Кипріана о томъ, что и духовенство, за весьма немногими исключеніями, стояло на той же точкѣ зрѣнія. Теперь русскіе раздѣлялись лишь въ своихъ мнѣніяхъ относительно кандидата: одни стояли за Іоанна, архимандрита Петровскаго, начальника общаго житія въ Москвѣ (по мнѣнію профессора Павлова Прав. Соб. 1862. I. 31 это была партія духовенства), другіе же—бояре высказались въ пользу игумена Пимена, тоже природнаго русскаго, не умѣвшаго подписать по—гречески даже свое имя. Послѣ долгихъ споровъ согласились на Пименѣ и его-то и рѣшили выставить въ качествѣ яко бы великокняжескаго кандидата. Противникъ же его Іоаннъ былъ закованъ въ желѣзо. Позднѣйшая повѣсть объясняетъ это тѣмъ, что Іоаннъ яко бы погрозилъ открыть обманъ.

Разсказъ лѣтописи нуждается въ очень существенной поправкѣ: онъ ставитъ и смерть Митяя и кандидатуру Пимена рядомъ, не указывая на то, что эти событія должны быть раздѣлены довольно-таки продолжительнымъ временемъ. Если Михаилъ отправился изъ Москвы около конца іюля 1379 года, то, судя по итинерарію Пимена, которому потомъ потребовалось на поѣздку въ Константинополь около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, московское посольство прибыло къ октябрю мѣсяцу. Въ это время патріарха въ Византіи уже не было, новый же патріархъ Нилъ былъ поставленъ лишь въ іюнѣ слѣдующаго года. Не ранѣе этой даты могло состояться и поставленіе новаго митрополита Великой Руси. Въ теченіе этого времени не было возможности скрыть фактъ смерти Михаила, да русскіе этого и не скрывали. Въ противномъ случаѣ былъ бы совершенно неизбѣженъ вопросъ со стороны византійскаго правительства, какая же судьба постигла того кандидата, который уже получилъ и патріаршее экзаршество и приглашеніе со стороны патріарха Макарія явиться въ Константинополь на

посвятку, и на котораго жаловался митр. Кипріанъ, присутствовавшій въ это время въ патріаршемъ синодѣ. Если никакихъ недоразумѣній по этому поводу не происходило, то это доказываетъ, что греки прекрасно знали, кто былъ тотъ архимандритъ, котораго русскіе погребли въ Галатѣ, около самаго Константинополя.

Въ такомъ случаѣ въ продолженіе очень долгаго времени не могло быть никакой рѣчи о какомъ либо подлогѣ: посольство должно было ожидать въ Константинополѣ новыхъ инструкцій со стороны великаго князя. Но время шло, приближался тотъ синодальный день, когда должна была рѣшиться судьба русской митрополіи, а инструкцій и кандидата изъ Москвы, не было, что и немудрено, принимая во вниманіе „розмирье“ Москвы съ Литвою и Мамаемъ. Только тогда, въ послѣдній моментъ, передъ самымъ синодальнымъ засѣданіемъ русское посольство рѣшило дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, согласно смыслу инструкцій, полученныхъ имъ при отправленіи Михаила изъ Москвы. Воля великаго князя тогда была ни въ какомъ случаѣ не допускать закрѣпленія Великой Руси за Кипріаномъ; но для этого необходимо было прежде всего имѣть своего кандидата на эту каѳедру, и бояре нашли его въ лицѣ Пимена [1]).

Грамота патр. Антонія содержитъ по этому поводу одно въ высшей степени важное указаніе: русскіе „выдумали обманъ, опираясь на грамоты Макарія“. Значитъ, въ грамотѣ патріарха Макарія, дѣйствительно, содержалось не только отдѣленіе Великой Руси въ особую митрополію, но и предоставленіе великому князю Московскому права представленія кандидатовъ на нее. Только при такихъ условіяхъ возможно было замѣнить умершаго Митяя яко бы новымъ великокняжескимъ кандидатомъ Пименомъ (въ чемъ и состоялъ обманъ). Самый подлогъ обставленъ былъ такъ. Въ казнѣ арх. Михаила найдены были грамоты великаго князя за его печатью,—тѣ вексельные бланки, которые

---

[1]) Никон. 6886: „И мнозѣ о семъ молвѣ бывши, и яшася бояре за Пимина“.

далъ онъ Михаилу при его отправленіи въ Константинополь, и одна изъ нихъ и была заполнена текстомъ, содержавшимъ рекомендацію Пимена. Въ позднѣйшей передѣлкѣ повѣсть даетъ и самый текстъ такой рекомендаціи. „Отъ великого князя Руского къ царю и патріарху. Послахъ къ вамъ, *избравъ* во своей земли, архимандрита Пимина мужа честна, да поставите ми его митрополитомъ на Русь; того бо единого избрахъ на Руси, иного же паче того не обрѣтохъ".

Если признать, что этотъ текстъ передаетъ дѣйствительное содержаніе грамоты, хотя бы и въ общихъ чертахъ, то ясно, что русскіе, не имѣвшіе на этотъ разъ возможности сослаться на посмертную, или хотя бы и прижизненную волю митрополита-предшественника, воспользовались *Андроникову новеллою*, какъ основаніемъ права великокняжескаго предложенія: въ ней мы и находимъ требованіе представлять не одного, а нѣсколькихъ избранныхъ кандидатовъ, и лишь за неимѣніемъ ихъ, ограничиться однимъ кандидатомъ, какъ мы и видимъ въ грамотѣ. Но во всякомъ случаѣ текстъ не могъ быть такъ кратокъ, какимъ мы находимъ его въ повѣсти; а въ намѣреніяхъ интерполятора, приводящаго его, могло быть только одно: желаніе подкрѣпить указаніе на неподходящій способъ замѣщенія каѳедры еще указаніемъ на неподходящую форму грамоты [1]).

Новый патріархъ Нилъ былъ человѣкъ съ большимъ характеромъ, очень чувствительный ко всему, что могло задѣть его самолюбіе, и притомъ большой любитель дисциплины и чинопочитанія даже въ мелочахъ. Отъ него сохранился весьма любопытный приказъ по патріаршей канцеляріи [2]), въ которомъ съ величайшею обстоятельностію и замѣчательными подроб-

---

[1]) Такой текстъ, по взгляду грековъ, былъ ужасно грубъ, и грамоту, написанную въ такомъ духѣ, они, какъ мы видѣли, возвратили Трапезундскому царю, хлопотавшему о замѣщеніи Трапезундской каѳедры.

[2]) Ἔκθεσις νεά, ὅπως γράφει νῦν ὁ Κωνσταντινουπόλεως πατριάρχης τῷ πάπᾳ, καὶ τοῖς λοιποῖς πατριάρχαις. Ἐγράφη. Σεπεμβρίου ά ἐν ἔτει, σωλε ἰνδικτιῶνος δεκάτης (Συντ. V'. 497 сл.).

ностями даны формы для переписки съ византійскими чинами. При разсмотрѣніи дальнѣйшей исторіи нашего вопроса и слѣдуетъ всегда имѣть въ виду эту особенность характера патр. Нила.

Просьба о поставленіи Пимена была подана ему послами почти тотчасъ же по вступленіи его на патріаршій престолъ. „Спустя немного времени“ пишетъ онъ, „пришли изъ Великой Руси послы съ грамотами, просяпоставить имъ въ митрополита прибывшаго съ ними Пимена и жалуясь на неканоническое поставленіе Кипріана. Послы эти, лишь только мѣрность наша, божественными судьбами, взошла на высокій патріаршій престолъ, обратились и къ намъ и вручили грамоты, излагающія мысль и желаніе пославшаго ихъ великаго князя всея Руси Дмитрія, настаивая, чтобы ихъ просьба была исполнена“. Показаніе грамоты нуждается въ одной поправкѣ: сначала послы не жаловались на неканоническое поставленіе Кипріана: этотъ вопросъ былъ уже разрѣшенъ при Макаріи образованіемъ особой митрополіи Великой Руси, и теперь русскіе только предлагали кандидата на эту каѳедру. Но греки своимъ намѣреніемъ игнорировать грамоту Макарія заставили русскихъ поднять и этотъ, казалось бы рѣшенный, вопросъ о неканоническомъ поставленіи Кипріана. Такъ совершенно правильно и излагаетъ повѣсть. „Явлена же бысть грамота си всему собору, юже прочетше царь и патріархъ рекоша Руси: „что сице пишетъ князь великій... а поставленъ есть готовъ митрополитъ на Руси Кипріанъ... патріархомъ Филоѳеемъ, того и отпустили есмы на Рускую землю“!!!...

Посламъ приходилось вновь передѣлывать то, что было уже сдѣлано при Макаріи. Противъ Кипріана было выставлено обвиненіе въ антиканоническомъ поставленіи его при жизни митрополита Алексѣя, въ пользу же отдѣленія Великой Руси была приведена даже угроза латинянами, какъ о томъ говоритъ патріархъ Антоній. На этомъ обстоятельствѣ стоитъ остановиться. Съ легкой руки Казимира Польскаго эта угроза обратиться въ католицизмъ сдѣлалась постоянною въ сношеніяхъ русскихъ съ патріархіею. При

ея помощи и въ Литвѣ добивались поставленія туда Кипріана; какъ увидимъ, ту же угрозу пускали въ ходъ впослѣдствіи новгородцы. Есть основаніе думать, что и москвичами эта угроза не теперь употреблена была впервые, а—еще при патріархѣ Макаріи, когда они, подражая Казимиру и Ольгерду, добивались отдѣленія Великой Руси. Этимъ, можетъ быть, и обусловлена была податливость Макарія: ибо и для грековъ важно было создать фикцію насилія и принужденія для того, чтобы имѣть возможность уничтожить всѣ данныя ими уступки впослѣдствіи.

Въ рукахъ пословъ наиболѣе важнымъ средствомъ являлся подкупъ членовъ собора и правительства. О большихъ тратахъ и долгахъ, сдѣланныхъ по этому поводу посольствомъ, говорятъ всѣ современные источники, какъ о фактѣ совершенно общеизвѣстномъ. Такъ мы находимъ въ лѣтописи, такъ—и въ опредѣленіи Виленскаго собора. По словамъ лѣтописи издержки были громадны. Послы, пользуясь великокняжескими бланками, заняли „серебро у фрязъ и бесерменъ“ и раздавали его направо и налѣво. И тѣмъ не менѣе, невзирая на всѣ старанія ихъ, успѣхъ оказался далеко неполнымъ. Они, правда, добились посвященія Пимена въ митрополиты Великія Руси, но не добились ни низложенія Кипріана (впрочемъ, это какъ, мы уже видѣли, было для Москвы неважно) ни окончательнаго отдѣленія митрополіи Великой Руси отъ Малой.

Кипріанъ держалъ себя въ этомъ дѣлѣ очень ловко и, дѣйствительно, оказался превосходнымъ дипломатомъ. По собственнымъ его словамъ, онъ вовсе не принималъ никакого участія въ спорѣ съ москвичами, такъ какъ въ это время былъ тяжко боленъ, чуть было не умеръ и выздоровѣлъ лишь заступничествомъ митрополита Петра, московскаго чудотворца[1]),

[1]) „Пребыхъ же убо во оно время въ Констянтинѣ градѣ тринадесять мѣсяцъ. Ниже бо ми мощно бѣяше изъити, велику бо нестроенію и нужди належащи тогда на царствующій градъ Море убо Латиною обдержимо, земля же и суша обладаема безбожными Турки.

которому онъ молился какъ своему предшественнику по каѳедрѣ всея Руси. Такимъ образомъ избранникомъ митр. Петра оказывался не Иименъ, а Кипріанъ, и потому слѣдуетъ признать, что этимъ разсказомъ, Кипріанъ думалъ прославить не одного только святителя Петра. По словамъ же патр. Нила, дѣло обстояло нѣсколько иначе: Кипріанъ началъ съ защиты своихъ правъ, а окончилъ, чѣмъ-то въ родѣ мировой съ москвичами. Въ день, назначенный для суда, онъ явился въ синодъ съ заявленіемъ, что „пришелъ не для суда, а для того, чтобы искать и получить, что назначилъ ему соборъ своимъ письменнымъ дѣяніемъ (т. е. каѳедру обѣихъ половинъ Россіи), если это окажется правильнымъ; въ противномъ случаѣ, онъ готовъ довольствоваться тою только частію, въ которую поставленъ, а отъ прочаго уже отказался". Заявивъ это, онъ тайкомъ, и ни съ кѣмъ не простившись, уѣхалъ изъ Константинополя.

Хитрый митрополитъ имѣлъ основанія держаться такого образа дѣйствій. Права его на Западную Русь были несомнѣнны не только потому, что онъ получилъ ее отъ патріаршаго синода, но и потому, что и митр. Алексѣй, какъ мы видѣли, волею или неволею, согласился на предоставленіе ему Малой Руси съ Кіевомъ и даже убѣдилъ западно-руссовъ подчиниться новому митрополиту. Что же касается до Восточной Руси, то, какъ Кипріанъ могъ убѣдиться изъ своего опыта, ее нельзя было получить безъ согласія великаго князя. Отказываясь отъ нея теперь, онъ не только ничего не терялъ, но даже увеличивалъ свои шансы въ будущемъ. Уѣзжая же изъ Константинополя до постановленія приговора, Кипріанъ дѣлалъ этотъ приговоръ

И въ таковомъ убо затворѣ сущу мнѣ, болѣзни неудобстерпимы нападоша на мя, яко еле живу быти ми Но едва яко въ себѣ пріидохъ, и призвахъ на помощь Святаго Святителя Петра, глаголя сице. „Аще убо угодно есть тебѣ твоего ми престола доити, и гробу твоему поклонитися, дай же ми помощь и болѣзни облехченіе". Вѣруйте же ми, яко отъ онаго часа болѣзни оны нестерпимыя преста́ша, и въ малыхъ днехъ царствующаго града изыдохъ, и Божіимъ поспѣшеніемъ и угодника своего пріидохъ и поклонихся гробу чудотворному".

заочнымъ и потому недѣйствительнымъ, и въ будущемъ могъ всегда его оспорить. Наконецъ нельзя игнорировать и то обстоятельство, что Кипріанъ не имѣлъ и средствъ для веденія тяжбы въ Константинополѣ, и едва ли практичные московскіе бояре при ихъ тратахъ не учли этого.

Пимену оставалось только посвятиться въ митрополиты Великой Руси и отправляться домой. Но такое мирное разрѣшеніе спора между двумя митрополитами было не въ интересахъ грековъ, которымъ нужно было прежде всего запутать дѣло. Для нихъ поэтому оказался очень кстати доносъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ на Пимена, съ заявленіемъ о совершонномъ имъ подлогѣ. „Дѣло о Пименѣ еще не пришло къ концу, какъ стала раскрываться объ немъ истина. Нѣкоторые изъ его спутниковъ, провѣдавъ обманъ и злоумышленіе, въ которыхъ онъ былъ соучастникомъ (а главная роль принадлежала боярамъ?), или лучше, какъ обнаружилось впослѣдствіи — главнымъ виновникомъ, донесли объ этомъ патріарху“. Но патріархъ и императоръ не только не стремились къ открытію истины, но, повидимому, даже опасались раскрытія ея и поспѣшили покончить дѣло Пимена. Получивъ доносъ, синодъ ограничился лишь самымъ поверхностнымъ дознаніемъ. „Призвавъ пословъ и поставивъ ихъ предъ соборомъ, грозитъ произнести на нихъ самое тяжкое и страшное отлученіе. Они же, треклятые, не убояся Бога (мстителя) за содѣянные ими обманы, ни страшась отлученія, утверждали, что и слова и дѣла ихъ правдивы, и въ доказательство принимали отлученіе на свои головы“. (Р. И. Б. VI. 210). Первоначальная повѣсть о Митяѣ ограничивается по этому поводу коротенькою замѣточкою: „Много изтязаше царь и патріархъ и тако постави патріархъ Пимина митрополитомъ на Русь“. Интерполяторъ же прибавляетъ слѣдующее поясненіе: „Ркуще Греци: аще Русь право или неправо глаголютъ, но мы истинствуемъ и правду дѣемъ“. Ни для Кипріана, ни для его сторонника не было никакой нужды оправдывать въ данномъ случаѣ враждебныхъ имъ царя и патріарха, и потому эта прибавка можетъ имѣть лишь одинъ смыслъ: греки

соглашались поставить Пимена лишь условно, подъ страхомъ изверженія въ случаѣ неправильности показаній москвичей; то есть—подтверждаетъ показанія грамоты. Такое производство объясняется тѣмъ, что не было лица, которое взяло бы на себя рискъ обвиненія противъ Пимена, а имѣлись лишь доносчики въ техническомъ смыслѣ этого слова. Греки и прибѣгли къ процессу, вполнѣ соотвѣтствовавшему западному производству по денунціаціи, они заставили инфамированнаго Пимена дать клятву вмѣстѣ *съ соприсяжниками*. Институтъ совершенно неизвѣстный классическому византійскому праву. Юстиніанъ, хотя и предписывалъ избирателямъ клятвенно подтверждать достоинства предлагаемаго ими кандидата, но такая присяга должна была быть дана ими еще до полученія доноса и свидѣтельствовать о достоинствахъ кандидата, а не о лживости доноса. И въ дальнѣйшемъ производствѣ дѣла Пимена мы увидимъ ясные слѣды заимствованій западныхъ институтовъ.

Такая уступчивость грековъ куплена была дорогою цѣною: подъ ея видомъ они ловко уничтожили всѣ результаты достигнутаго Димитріемъ Ивановичемъ при патр. Макаріи. Они возбудили, невинный повидимому, вопросъ о титулѣ митрополита Великой Руси и предѣлахъ его митрополіи: вопросъ, кому долженъ принадлежать Кіевъ и „правильно ли было бы поставить Пимена въ митрополита *Великой Руси,* не назвавъ его вмѣстѣ и Кіевскимъ, т. е. по имени города, который былъ искони митрополіею Всея Руси“. Этимъ все дѣло поднималося сызнова. Предѣлы митрополіи Великой Руси были установлены уже при жизни митрополита Алексѣя: сюда входило все то, что осталось ему за отдѣленіемъ Западной Руси Кипріану. Совершенно ясно, что не могъ входить въ предѣлы Великой Руси Кіевъ, городъ, находившійся въ безспорномъ обладаніи Кипріана и за границами московской власти. Въ силу же этихъ сомнѣній грековъ судъ надъ Кипріаномъ за захватъ Кіева при жизни митрополита Алексѣя и изслѣдованіе о томъ, правильно ли онъ былъ поставленъ, не прекратились, какъ желалъ

того Кипріанъ, и какъ это было бы безусловно выгодно и для москвичей, а продолжались.

Члены синода единогласно признали самое поставленіе Кипріана при жизни Алексѣя неправильнымъ. Единогласіе это, впрочемъ, достигалось черезъ отсутствіе митрополита Никейскаго, которому Кипріанъ, уѣзжая, передалъ свой голосъ въ синодскихъ засѣданіяхъ. Потому ли, что онъ заранѣе былъ убѣжденъ въ неблагопріятномъ для своего довѣрителя исходѣ синодальнаго суда, или по причинѣ болѣзни, какъ онъ утверждалъ, но онъ не явился на засѣданіе синода, на которомъ разсматривалось дѣло Кипріана. Изъ того, какія мѣры принимались синодомъ затѣмъ, чтобы заставить его тоже дать голосъ противъ Кипріана, мы можемъ заключить, какъ нужно было для грековъ именно единогласіе въ синодальныхъ рѣшеніяхъ, и какъ оно достигалось. Митр. Никейскій, одинъ изъ всѣхъ членовъ синода, имѣлъ мужество отвѣтить, что онъ признаетъ правильнымъ прежнее постановленіе синода о поставленіи Кипріана. Къ нему дважды посылали съ убѣжденіемъ, что „дѣяніе о поставленіи Кипріана неодобрительно, какъ незаконное и противное канонамъ“. Его приглашали „или прійти на соборъ и доказать, что оно согласно съ канонами, и такимъ образомъ убѣдить и насъ соблюдать оное и не предпринимать ничего болѣе, или согласиться съ прочими архіереями“. Очевидно, это требованіе единогласія приводило къ лишенію свободы мнѣнія, на что наконецъ и указалъ протестантъ. „Я думаю“, сказалъ онъ, „что мнѣніе должно быть непринужденнымъ, и поэтому и не желаю подавать мнѣнія о настоящемъ лицѣ по нѣкоторымъ причинамъ, которыя мнѣ кажутся уважительными; но это не значитъ, что я отдѣляюсь отъ собора: напротивъ, если каноны говорятъ: голосъ большинства превозмогаетъ, то пусть будетъ по канонамъ. Что же касается до соборнаго дѣянія, то я считалъ и считаю его каноническимъ; если же архіереи, которые вмѣстѣ со мной участвовали въ его составленіи, признаютъ его незаконнымъ и неправильнымъ, то я имъ не противорѣчу“.

Синодальная грамота отъ имени всѣхъ членовъ Синода, за исключеніемъ только митр. Никейскаго, содержала слѣдующее: „Пименъ поставляется въ настоящаго митрополита Кіевскаго и Великой Руси; онъ долженъ быть и именоваться, по древнему обычаю, митрополитомъ Кіевскимъ и, по примѣру бывшаго передъ нимъ митрополита онаго Алексія, взять въ свое вѣдѣніе Владиміръ и Великую Русь и всѣ гдѣ либо находящіяся имѣнія и прочія права и преимущества той святѣйшей митрополіи". Онъ долженъ „поставлять епископовъ въ епископіяхъ, изначала подчиненныхъ Кіеву и Великой Руси". Кипріанъ по грамотѣ „долженъ быть изгнанъ не только изъ Кіева, но и вообще изъ предѣловъ Руси, поелику онъ получилъ эту церковь обманомъ", а именно—„поставлена неканонически, еще при жизни законнаго митрополита, онаго киръ Алексія, который заочно и безъ судъ лишенъ былъ своей церкви". „*Но*", продолжаетъ грамота, „*по снисхожденію, имѣя въ виду, что онъ* (Кипріанъ) *ушелъ тайно и не находится на лицо, дабы могъ быть совершенно осужденъ, по канонамъ.* (Кипріанъ зналъ, что дѣлалъ, бѣжавъ изъ Константинополя!) постановляемъ, чтобы онъ оставался митрополитомъ только Малой Руси и Литвы, а соборное дѣяніе, на которое онъ ссылается, объявляемъ безсильнымъ и недѣйствительнымъ, такъ какъ оно состоялось не по канонамъ".

Члены собора не задаются вопросомъ, умѣстенъ ли признанный обманщикъ на каѳедрѣ; ихъ опредѣленіе сводилось къ возстановленію Литовской митрополіи въ точныхъ юридическихъ границахъ, въ какихъ она существовала при Романѣ и Алексѣѣ, и уничтоженію того присоединенія Кіева, котораго добился Кипріанъ. У Гоара напечатанъ и въ Синт. V 486 перепечатанъ списокъ митрополій Константинопольскаго патріарха, въ которомъ между прочимъ читаемъ слѣдующее; „Кіеву (митрополіи) Россіи подчиняются слѣдующія епископіи: Великій Новгородъ, Черниговъ, Суздаль, Ростовъ Великій, Владиміръ, Переяславль Русскій, Бѣлгородъ Кіевскій, Юрьевъ на рѣкѣ Роси, Полоцкъ, Рязань, Тверь, Сараи; а въ Малой Россіи: Галичъ,

Владиміръ, Перемышль, Луцкъ, Туровъ, Холмъ и Смоленскъ". Списокъ составленъ позднѣе грамоты о возстановленіи Галицкой митрополіи 1371 г., которая не знаетъ еще Смоленска въ составѣ Малой Россіи, и моложе времени окончательнаго присоединенія къ Литвѣ Полоцка (отдался послѣ Скиргайло и Андрея Витовту въ 1392 году). Поэтому онъ подходитъ единственно ко времени раздѣла Руси между Пименомъ и Кипріаномъ 1380 года. Присоединеніе Смоленска къ Малой Руси Кипріана не можетъ особенно удивлять, разъ мы припомнимъ отлученія, наложенныя на кн. Святослава Ивановича за союзъ его съ Литвою. Понятно, что онъ не желалъ теперь подчиняться въ духовномъ отношеніи ставленику Москвы. Но въ этомъ спискѣ городовъ, подчиненныхъ Кіеву, мы не находимъ Новогородка Литовскаго, что не подтверждаетъ заявленія Кипріана, будто его трудами онъ присоединенъ былъ къ Кіеву. Очевидно, Литовская митрополія осталась существовать по прежнему и къ ней то и были приданы города— отнюдь не митрополія—Малой Россіи. Ибо эта придача остается въ силѣ лишь на время жизни Кипріана, Галичъ же не называется митрополіею и числится городомъ, въ принципѣ подчиненнымъ Кіеву.

Все это совершенно соотвѣтствуетъ грамотѣ патріарха Нила, по которой митрополія по прежнему признается нераздѣльною, и единство ея должно быть возстановлено по смерти Кипріана. „Въ случаѣ, если бы Кипріанъ скончался прежде Пимена, послѣдній долженъ соединить подъ собой всю Русскую митрополію. А послѣ него, Пимена, на всѣ времена архіереи всея Руси будутъ поставляться не иначе, какъ по просьбѣ изъ Великой Руси." Въ нашихъ глазахъ это, собственно, и составляетъ наиболѣе существенную часть грамоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ —образецъ дипломатическаго искусства византійцевъ. На первый взглядъ это опредѣленіе не даетъ съ точки зрѣнія правъ, предоставляемыхъ Московскому князю, ничего особеннаго. Въ разсматриваемую нами эпоху такія привилегіи были весьма обычными и на востокѣ, представляя изъ себя не только примѣненіе Юстиніанова законодательства въ передѣлкѣ Андроника, но и ясныя черты средневѣ-

ковой западной номинаціи, въ особенности если дѣло шло о неправославныхъ латинскихъ государяхъ [1]). Не говоря уже о знакомыхъ намъ примѣрахъ Казимира и шедшаго по его слѣдамъ Ольгерда, укажемъ на примѣръ назначенія архіепископа Левкадъ по требованію мѣстной герцогини латинянки[1]). Право, предоставленное Московскому князю, судя по грамотѣ, было опредѣлено по примѣру Казимира и Ольгерда. Но и при номинаціи и при Юстиніановой формѣ избранія епископовъ было одно существенно важное условіе, чтобы предложеніе кандидата исходило отъ свѣтскаго государя того города, куда назначался епископъ или митрополитъ. Съ этой только точки зрѣнія можно было говорить лишь о правѣ Московскаго великаго князя назначать митрополита Великой Руси какъ епископа Владиміра, города, входившаго уже въ Московскія владѣнія. Между тѣмъ греки уничтожили эту митрополію Великой Руси, возстановивъ митрополію Кіевскую и всея Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожили и основанія для признанія за Московскимъ великимъ княземъ правъ на назначеніе этого митрополита. Право это, хотя и предоставленное данной грамотою Московскому великому князю, являлось несправедливымъ, такъ какъ онъ не былъ государемъ Кіева, принадлежавшаго Литовскому государю, и какъ таковое не могло получить признанія со стороны Литвы. По поводу ближайшаго же назначенія митрополита всея Руси между этими двумя государями несомнѣнно должна была разыграться борьба, дѣлавшая грековъ полными господами положенія. Значеніе Кіева въ этомъ отношеніи и сказалось по смерти Кипріана. Тогда какъ Витовтъ представлялъ своего кандидата въ Константинополѣ, опираясь на то, что Кіевъ находится въ его

---

[1]) Въ 1389 г. въ августѣ состоялось назначеніе архіепископа Левкадъ по требованію мѣстной герцогини латинянки (Φράγγαν τὴν δουκαίσαν Λευκάδος Ἰθάκης, Ζακύνθου καὶ Κεφαλονίας). При этомъ, тоже согласно желанію герцогини, въ вѣдѣніе арх. Левкадъ были отнесены и Кефалонія и Закинѳъ, принадлежащіе къ Коринѳской митрополіи, но недоступные для Коринѳскаго митрополита по причинѣ войны, т.е. потому, что его не принимала та же герцогиня.

области, московское правительство принуждено было, чтобы избѣжать поставленія по волѣ Витовта, просить и настаивать на соблюденіи стародавняго правила о поставленіи митрополита русскаго по усмотрѣнію царя и патріарха [1]). Мнимое расширеніе правъ Московскаго великаго князя было лишь маскою, за которою скрывалось полное уничтоженіе этихъ правъ, и московскіе бояре попались на эту приманку. Грамота Нила не рѣшала вопроса о томъ, какъ быть, если митр. Пименъ умретъ или будетъ низложенъ ранѣе смерти Кипріана, и кому въ такомъ случаѣ принадлежитъ право назначенія новаго митрополита Великой Руси? Какъ увидимъ, это умолчаніе было не случайнымъ и впослѣдствіи было истолковано, какъ признаніе за патріархомъ права свободнаго назначенія митрополита всея Руси.

Но и наличные митрополиты были поставлены въ рабскую зависимость отъ Константинополя — одинъ, какъ захватчикъ Кіева вопреки постановленія собора, другой—какъ завѣдомый клятвопреступникъ. Поставленіе клятвопреступника-Пимена входило въ планы грековъ; этимъ и объясняется та поспѣшность, съ какою оно было произведено. То многое истязаніе Пимена и пословъ, о которомъ говоритъ лѣтопись, не могло быть продолжительнымъ по времени. Патр. Нилъ былъ поставленъ въ іюнѣ 1380 года; въ томъ же іюнѣ Пименъ не только былъ нареченъ митрополитомъ Великой Руси, но и посвященъ въ этотъ санъ и въ качествѣ такового принималъ участіе въ патріаршемъ синодѣ, въ актахъ котораго осталась его славянская подпись: „Смѣреныі митрополитъ Поиминъ Кіевскіи и Великое Руси“ (АР. П. р 8). Судя по этому, дѣлу Пимена едва ли было посвящено болѣе двухъ засѣданій: одного, въ

---

[1]) Фотій, назначенный по этому представленію, писалъ потомъ „Егда же благоизволеніемъ Божіимъ съвѣтовася сыну моему, великому князю Василью Дмитреевичю, и послався къ святому патріарху и къ священному збору и къ святому царю, яко да егоже, по Божію хотѣнію, изберуть и пришлють, той есть намъ и святый святитель Кіевскый и и всея Руси, по старой пошлинѣ, еже и бысть о мнѣ смиренѣмъ“ (РИБ. VI 329-330)

которомъ московскіе послы представили подложную грамоту Димитрія, другого, въ которомъ должно было разбираться дѣло Пимена и Кипріана. Въ это послѣднее засѣданіе, между прочимъ, были разсмотрѣны и заявленія русскихъ о допущенномъ Пименомъ подлогѣ. Такая спѣшка вовсе не вызывалась нуждами Русской церкви: Пименъ послѣ своего посвященія пробылъ болѣе года въ Константинополѣ. Она можетъ быть объяснена только указанными выше соображеніями.

XVII.

Московскіе дипломаты въ дѣлѣ Пимена оказались не на высотѣ ихъ задачи; непослѣдовательность самого Димитрія Московскаго привела его къ совершенному пораженію. Пименъ поставленъ былъ въ іюнѣ 1380 года, но задержался въ Константинополѣ болѣе чѣмъ на годъ послѣ этого. Весною же 1381 года дѣло его въ Москвѣ было проиграно: великій князь, узнавъ о Константинопольскихъ событіяхъ, пришелъ въ страшный гнѣвъ на Пимена и пригласилъ въ Москву Кипріана. Львов. лѣтопись „То же слышавъ князь велики, яко Митя умре и Пиминъ идеть въ митрополитехъ на Русь, и посла въ Кіевъ по Кипреяна“ Воскресенская лѣтопись говоритъ объ этомъ съ большимъ краснорѣчіемъ, хотя и не съ большими подробностями: „Пріиде вѣсть къ великому князю, яко Митяй умре, а Пиминъ въ митрополиты сталъ; князь же великій не въсхотѣ Пимина на митрополію рече: „Азъ не послахъ Пимина стати на митрополію, но послахъ его яко единого отъ служащихъ Митяю; что се нынѣ слышу таковаа“.

Для такого переворота во взглядахъ великаго князя, кромѣ гнѣва, достаточно было и другихъ причинъ. Прежде въ Москвѣ не желали Кипріана по чисто политическимъ соображеніямъ: боялись скрывавшагося за нимъ Ольгерда. Теперь Ольгердъ умеръ, въ Литвѣ начались смуты, она утратила прежнее обаяніе, и скоро православіе въ ней оказалось въ такомъ положеніи, что митрополитъ, чей бы онъ ставленикъ ни былъ, не могъ не тянуть къ Москвѣ, какъ единственному оплоту православія. Политическія соображенія въ интересахъ послѣдней требовали теперь не раздѣленія митрополій, а напротивъ соединенія ихъ въ рукахъ митрополита всея Руси, и Кипріанъ оказывался дорогимъ для Москвы человѣкомъ. Литвины, которые не приняли бы

московскаго ставленика, смотрѣли на Кипріана, какъ на своего человѣка, а онъ не разъ уже доказалъ, что понимаетъ свои обязанности по отношенію къ великому князю. Уже самая готовность Кипріана отказаться отъ Москвы, какъ того хотѣлъ великій князь, должна была произвести пріятное впечатлѣніе на честолюбиваго и властнаго Димитрія.

Но самое главное значеніе, слѣдуетъ приписать конечно вліянію Сергія и его партіи. Послѣ отъѣзда Михаила случилось то, чего онъ опасался: эта партія взяла верхъ. Видный членъ ея, Ѳеодоръ Симановскій, сдѣлался вмѣсто Михаила духовникомъ великаго князя и вмѣстѣ съ тѣмъ—и главнымъ совѣтникомъ его по церковнымъ дѣламъ. На Ѳеодорѣ поэтому должна лежать и отвѣтственность за всѣ тѣ промахи, какіе сдѣланы были московскимъ правительствомъ въ дѣлѣ Пимена и Кипріана. Первымъ такимъ промахомъ и былъ совѣтъ великому князю немедленно, безъ всякихъ сношеній съ Константинополемъ, пригласить митрополита Кипріана. Съ этимъ въ февралѣ 1381 года Ѳеодоръ отправился въ Кіевъ, и Кипріанъ не заставилъ себя долго просить: въ Вознесенье 1381 года (24 мая), онъ пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ митрополита всея Руси. „И посла на Кіевъ по Кипріяна митрополита Феодора игумена Симановскаго, отца своего духовнаго, и поиде съ Москвы въ великое заговѣніе (24 февр. 1381 г.) по Кипріана митрополита, зовущи его на Москву отъ великаго князя. Кипріанъ же пріиде изъ Кіева на Москву, въ четвертокъ на праздникъ Вознесенія (24 мая) и срѣте его весь народъ града Москвы; князь же великій Дмитрій Ивановичь пріатъ его съ великою честію и любовію.“ По заявленію грамоты патр. Антонія (РИБ. VI пр. 210) Димитрій призываетъ „митрополита киръ Кипріана, вполнѣ раскаявшись и испросивъ у него прощеніе въ томъ, въ чемъ погрѣшилъ передъ нимъ, *обманутый грамотами бывшаго патріарха.*“ Новое указаніе на то, что грамотою патр. Макарія было предоставлено великому князю Московскому право назначать митрополита Великой Руси по своему усмотрѣнію.

Извѣстія объ этихъ перемѣнахъ должны были дойти до Константинополя къ осени 1381 года т.е. къ такому времени, когда Пименъ былъ еще въ Константинополѣ (судя потому, что въ Московскіе предѣлы онъ пріѣхалъ лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ и стало быть выѣхалъ (изъ Константинополя) не ранѣе сентября. Пименъ вскорѣ за этимъ выѣхалъ въ Россію. Греки же использовали ошибки великаго князя съ необычайнымъ мастерствомъ.

Почти одновременно съ Пименомъ выѣхалъ въ Россію и врагъ его Діонисій Суздальскій, о которомъ патріаршая грамота Антонія сообщаетъ слѣдующее. „Прошло немного времени (послѣ посвященія Пимена), какъ приходитъ въ царствующій градъ суздальскій еп. Діонисій съ сильными жалобами на Пимена и съ заявленіемъ, что все, случившееся съ нимъ (поставленіе въ митрополиты) есть зло для той (Русской) церкви, ведущее къ расколу, смутѣ и *раздѣленію*... Что грамоты и посольскія рѣчи о немъ—совершенная ложь и выдумка, и что несправедливо было бы признавать архіереемъ лицо, рукоположенное благодаря столькимъ неправдамъ.“ Что разсказъ патріаршей грамоты относится не къ поѣздкѣ Діонисія въ 1383 году, ясно изъ собщеній лѣтописи о томъ, что Діонисій былъ въ Константинополѣ въ 1381 г. Не слѣдуетъ забывать, что грамота патр. Антонія, къ сожалѣнію служащая главнымъ источникомъ нашего знакомства съ дальнѣйшими событіями, составлена въ интересахъ митр. Кипріана и даетъ очень тенденціозное освѣщеніе событій, на что были такіе мастера византійцы.

Такимъ образомъ Діонисій, который долженъ былъ пріѣхать въ Константинополь ранѣе Пимена, оказывается, до посвященія Пимена не только не принималъ никакого участія въ раскрытіи обмана, но даже не видалъ патріарха. Только такъ и можно объяснить себѣ выраженіе патріаршей грамоты, что онъ прибылъ въ Константинополь немного спустя послѣ посвященія Пимена. При той поспѣшности съ какою былъ поставленъ Пименъ въ самомъ началѣ патріаршества Нила, весьма вѣроятно, что Діонисій, дѣйствительно, могъ представиться патріарху лишь послѣ этого событія.

Но, во всякомъ случаѣ, такое поведеніе объяснимо лишь при одномъ предположеніи: Діонисій не былъ вполнѣ нарушителемъ клятвъ, данныхъ великому князю Московскому; онъ дѣйствительно не посѣтилъ Константинополь ранѣе года, какъ это и обѣщалъ, и предоставилъ великокняжескому кандидату спокойно получить посвященіе. Если мы правильно понимаемъ исторію поставленія Пимена, то до посвященія и Діонисій могъ совершенно добросовѣстно считать Пимена новымъ кандидатомъ великаго князя[1]).

Теперь этотъ Діонисій возвращался въ Россію въ въ санѣ архіепископа Суздальскаго, Нижегородскаго и Городецкаго и съ важными порученіями отъ патріарха. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ точной даты отъѣзда Діонисія и можемъ догадываться о времени этого отъѣзда лишь потому, что грамота патріарха Новгородцамъ, отправленная съ Діонисіемъ, помѣщена въ актахъ патріархіи, хотя и безъ даты, но между двумя другими датированными актами отъ августа 1381 года (А. Ист. I № 251, Р. И. Б. VI № 23), и что къ 6 янв. 1382 г. Діонисій былъ уже въ Нижнемъ въ своемъ новомъ санѣ. Архіепископство по словамъ патріаршей грамоты было наградою Діонисію за его знаніе богословія и каноническаго права и ревность въ соблюденіи каноновъ. Патріархъ писалъ, что уже предшественникъ его приказалъ прійти Діонисію въ Константинополь, какъ извѣстному въ этомъ отношеніи человѣку. Когда же Діонисій явился, то и патріархъ и его синодъ могли убѣдиться, что похвала ему нисколько не преувеличена „и святому сбору приложися и съ тѣми духовно бесѣдовавъ, иже о божественѣмъ писаніи, знаемъ обое показа явѣ,—и святыхъ божественыхъ канунъ разумъ и знатью, иже ревность имать о сихъ въ радости и въ вѣрѣ“. Не считая себя въ

---

[1]) *Макарій не принимаетъ этихъ соображеній во вниманіе. IV 69.* „Быть не можетъ чтобы въ Константинополѣ не знали истины: тамъ находились уже и Діонисій, епископъ Суздальскій, врагъ Митяевъ, и Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій, незадолго прибывшіе, которые не могли не возвѣстить, кто правилъ Русскою церковью болѣе года и кого великій князь собирался послать въ Грецію для принятія митрополитскаго сана.“ Да развѣ это не было уже извѣстно грекамъ?

правѣ удерживать въ Константинополѣ, далеко отъ паствы, такого достойнаго пастыря и полагая въ то же время, что „немалая неправда будетъ, аще сего непочтена отпустимъ“ патріархъ предписываетъ „церкви его зватись архіепископьею отнынѣ святыя митрополья Кіевьскыя и всея Руси (титулъ объясняющійся тѣмъ, что раздѣленіе митрополій признавалось только за временное)... вторый чинъ имѣти въ всѣхъ епископьяхъ митрополья всея Руси... облачатись ему во стихарь со источникы и во фелонь съ четырми кресты и съ еуаггелы“ Русскимъ же князьямъ и всѣмъ православнымъ—чтить Діонисія и слушаться его поученій.

Все это не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Діонисій выдавалъ себя въ Константинополѣ за ревнителя каноновъ т.е. за сторонника единства митрополіи и противника притязаній московскаго князя[1]) словомъ и дѣломъ, и что патріархъ и наградилъ своего вѣрнаго слугу за счетъ митрополита, ставленика московскаго правительства. Тяжба шла главнымъ образомъ о Нижнемъ и окончилась довольно скоро послѣ поставленія патр. Нила. Судимъ такъ по тому, что уже къ лѣту 1381 года Діонисій успѣлъ изготовить и выслать изъ Константинополя двѣ иконы Одигитріи для каѳедральныхъ соборовъ въ Суздалѣ и во вновь пріобрѣтенномъ Нижнемъ. Въ послѣднемъ эта икона должна была служить памятью о принадлежности его суздальскимъ владыкамъ[2]). Но самъ Діонисій попалъ въ Нижній лишь къ Крещенью 1382 года и недолго пробылъ тамъ[3]).

Патріархъ посылалъ его въ Великій Новгородъ

---

[1]) „Пастыремъ, якова же и слова явш, и сія паче слова и свидѣтельствуютъ дѣла“.

[2]) Воскр. 6889. „Того же лѣта Діонисей епископъ Суздалскій присла изъ Царяграда съ чернцомъ съ Малахѣемъ съ философомъ, переписа образа два Пречистые Одигитріи, иже сходитъ въ вторникъ, въ той же образъ, и въ мѣру, и въ широту, и въ высоту, и поставленъ бысть въ съборныхъ церквахъ единъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, а другій въ Суждали“

[3]) Воскр. 6890. „Тое же зимы приде изъ Царяграда Діонисіе епископъ Суздалскій въ свою епископію, генваря 6, а исправи себѣ архіепископію у патріарха Нила и сущимъ по себѣ епископомъ въ томъ

уладить церковныя дѣла, такъ какъ въ это время тамъ происходило сильное антіерархическое движеніе, извѣстное подъ именемъ стригольническаго. Уже самый фактъ дачи такого порученія Діонисію, а не Кипріану, хотя оно и вызвано было жалобами Кипріана, должно было показать московскому правительству, что патріархъ не признаетъ Кипріана за митрополита всея Руси и, стало быть, считаетъ совершонный имъ захватъ Великой Руси при законномъ митрополитѣ за ничтожный. Но порученіе не давалось и Пимену митрополиту Великой Руси: знакъ, что въ Константинополѣ и на послѣдняго смотрѣли, какъ на недостойнаго и ожидали предъявленія на него формальнаго обвиненія. Второе порученіе было полуофиціальнымъ. Когда Діонисій заявилъ о подлогѣ, то патріархъ ограничился замѣчаніемъ, что если все это правда, то Пименъ заслуживаетъ извержения. Діонисій понялъ эту уклончивую фразу, какъ приглашеніе собрать въ Россіи доказательства противъ Пимена; но судьба посмѣялась надъ нимъ: въ Россіи ему пришлось выступить въ роли защитника Пимена противъ великаго князя московскаго.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ прибытія въ Москву Кипріана, т.е. въ концѣ декабря 1381 года, туда пришла вѣсть, что Пименъ идетъ изъ Константинополя въ санѣ митрополита; но великій князь не пожелалъ ни видѣть Пимена, ни выслушать объясненія пословъ. „Князь же великій посла противу ему, и егда бысть на Коломнѣ, и ту разведоша отъ него вся сущая люди, бывшаа съ нимъ.“ О судьбѣ этихъ людей патр. Антоній сообщаетъ, что „пословъ, которые содѣйствовали Пимену, однихъ лишаетъ имущества, другихъ наказываетъ ссылкою, нѣкоторыхъ — темницею и ударами, а иныхъ подвергаетъ тягчайшей казни — предаетъ смерти“. Достовѣрность послѣдняго, конечно, приходится оставить на совѣсти Антонія; но остальное въ его сообщеніи подтверждается и московскими источ-

---

предѣлѣ: въ Суждали, и въ Новѣгородѣ и на Городцы, и дасть ему патріархъ и весь вселенскій съборъ фелонъ съ четырми кресты; тогда же вынесе изъ Цариграда и страсти Спасовы и мощи многыхъ святыхъ.“

никами. „Князь же великій на своего боярина болшаго Юрья Васильевича Кочевина-Олешеньскаго гнѣвашеся... а дружину его (Пимена) и думцы, и совѣтници его, и клиросницы повелѣ развести и въ вериги желѣзныя посажати". (Никон.). Что же касается до Пимена, то съ него тотчасъ сняли бѣлый клобукъ (признакъ митрополичьяго сана) и отняли всѣ прочія митрополичьи отличія; затѣмъ его повели за приставомъ въ заточеніе на Чухлому, кружнымъ путемъ, минуя Москву. Здѣсь онъ пробылъ цѣлый годъ, пока его не перевели въ Тверь.

Казалось, что на этотъ разъ Кипріанъ прочно утвердился въ Москвѣ. Исправивъ свои отношенія къ великому князю, Кипріанъ, насколько можно судить, поддерживалъ и очень хорошія отношенія съ вліятельнымъ Сергіемъ Радонежскимъ. Почти тотчасъ послѣ своего пріѣзда онъ покумился съ нимъ у князя Владиміра Андреевича[1]). Въ слѣдующемъ году у великаго князя Димитрія крестилъ Ѳеодоръ Симановскій[2]). Но и Сергій продолжалъ крестить дѣтей великаго князя[3]). Кипріанъ, Сергій и Ѳеодоръ составляли дружную партію. И во время нашествія Тохтамыша и митр. Кипріанъ, и Сергій оба нашли пріютъ въ Твери.

Кипріанъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ не только съ самимъ Сергіемъ, но и съ его учениками. До насъ дошло отвѣтное посланіе его игумену Аѳанасію, котораго онъ называетъ своимъ возлюбленнымъ сыномъ. Судя по содержанію этихъ отвѣтовъ, Аѳанасій, по всей вѣроятности, былъ митрополичьимъ намѣстникомъ. Онъ желалъ получить схиму изъ рукъ митрополита, что показываетъ, что онъ былъ непосредственно ему подчиненъ; но въ то же время онъ жилъ не въ митро-

---

[1]) Воскрес. 6889. Тое же весны родися князю Володимеру сынъ Иванъ, и крестиша его Кипріанъ митрополитъ и игуменъ Сергій.

[2]) Воскрес. 6890 Августа въ 14 день великому князю Дмитрею родися сынъ князъ Андрѣй, и крести его игуменъ Феодоръ Симановскои.

[3]) Воскрес. 6893. Мѣсяца іюня 29 родися великому князю Дмитрію Ивановичю сынъ Петръ, и крести его преподобный игуменъ Сергій.

полпчьей резиденіи. „Да яко желаеши отъ моея рукы великимъ аггельскимъ образомъ одѣятися, еже есть скима, и се по вѣрѣ твоей буди ти; и егда убо самъ восхощеши и поспѣеши и се сътворимъ". Но этотъ игуменъ спрашиваетъ о томъ, что непосредственно монаха не касалось, и былъ въ какихъ то властныхъ отношеніяхъ къ бѣлому духовенству. Онъ спрашиваетъ между прочимъ, какъ погребать священника мірянина, объ отпѣваніи младенцевъ, объ ересп Армянской, о погребеніи лица, не имѣвшаго духовнаго отца, о бѣсноватыхъ и ихъ причащеніи, о томъ кто имѣетъ право вступить въ третій бракъ, о крещеніи дѣтей въ рѣкѣ и о кумовьяхъ, о понамаряхъ и проскурницахъ, двоеженцахъ и троеженцахъ, о томъ какъ поступать если собака вскочитъ въ церковь, при чемъ въ отвѣтѣ на послѣдній вопросъ замѣчено „аще ли же небреженіемъ поповымъ се учинится, показнити попа годится, яко да брежеть о церкви." Вопросовъ предложенныхъ Аѳанасіемъ довольно много, что указываетъ или на то, что митрополита не было долгое время передъ этимъ, или, что самъ Аѳанасій былъ изъ новыхъ въ должности намѣстника. Да и монастырь его кажется былъ новый. Аѳанасій не зналъ, что ему дѣлать съ селомъ, которое подарилъ монастырю князь, что было совершенно обычно со стороны строителей—князей. Отвѣтъ Кипріана тоже показываетъ, что онъ еще не успѣлъ освоиться съ мѣстными особенностями Великой Руси; онъ совѣтуетъ или отказаться отъ села или управлять имъ черезъ какого нибудь богобоязненнаго мірянина, а не монаха. Вѣроятно это посланіе адресовано къ Афанасію, котораго вызвалъ князь Владиміръ Андреевичъ для устроенія княжескаго монастыря въ Серпуховѣ и который былъ любимымъ ученикомъ Сергія; написаніе же посланія слѣдуетъ отнести ко времени вскорѣ послѣ перваго пріѣзда Кипріана въ Москву. Такое предположеніе подкрѣпляется еще тѣмъ, что и потомъ Аѳанасій былъ очень близокъ къ Кипріану и послѣдовалъ за нимъ въ Кіевъ, когда въ 1382 году тотъ принужденъ былъ покинуть Москву.

Поэтому если великій князь неистовствовалъ надъ Пименомъ, то значительную долю нравственной отвѣт-

ственности за это слѣдуетъ возложить на Ѳеодора и Кипріана. Кипріанъ, разъ дѣло коснулось его противника, совершенно позабылъ о томъ, что митрополитъ подсуденъ только патріарху и собору, мысль о чемъ онъ такъ краснорѣчиво развивалъ въ своемъ посланіи Сергію, когда самъ подвергался преслѣдованію со стороны того же Димитрія. Мы должны предположить, что и арестъ Пимена совершился не безъ совѣта съ Кипріаномъ, какъ впослѣдствіи Кипріанъ же былъ замѣшанъ и въ арестѣ Діонисія въ Кіевѣ. Но если м. Кипріанъ позабывалъ о юрисдикціи и правахъ патріарха, то въ Константинополѣ только выжидали момента, чтобы смирить и непокорнаго митрополита и великаго князя. Ударъ былъ нанесенъ совершенно неожиданно для нихъ обоихъ.

Во время нашествія Тохтамыша Кипріанъ принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы въ Тверь, гдѣ и оставался, пока великій князь не пригласилъ его обратно въ Москву. „А Кипріанъ митрополитъ тогда суще на Твери, тамо избывшу ему ратнаго нахожденіа; посла же по него князь великій Дмитрей боляръ своихъ Семіона Тимофѣевича да Михаила Морозова, и пріиде Октября въ 7.“ Но вскорѣ за этимъ почетнымъ призывомъ Кипріанъ принужденъ былъ удалиться изъ Москвы въ Кіевъ и надолго уступить митрополію Великой Руси Пимену.

Причина такой неожиданной перемѣны далеко не выяснена. Лѣтопись видитъ ее въ великокняжескомъ гнѣвѣ. „Тое же осени съѣха Кипріанъ митрополитъ на Кіевъ, разгнѣва бо ся на него князь великій Дмитрей Ивановичь того ради, что не сѣдѣлъ на Москвѣ въ осадѣ“. Но такому объясненію противорѣчитъ уже и самый фактъ почетнаго призыва Кипріана въ Москву изъ Твери; трудно предположить, чтобы великій князь приглашалъ затѣмъ, чтобы сначала прочесть нотацію митрополиту, а затѣмъ прогнать его. Да странно было и винить его, что онъ не сидѣлъ въ Москвѣ: Кипріанъ оставилъ Москву лишь послѣ бѣгства изъ нея великаго князя и наступленія анархіи, вызванной начавшимся бѣгствомъ бояръ. Вина, возлагаемая на Кипріана скорѣе была виною самого великаго князя.

Объясненіе это признано неправильнымъ уже и Никоновскою лѣтописью, которая просто говоритъ о нелюбьѣ великаго князя и о томъ, что Кипріанъ уѣхалъ скорѣе обидѣвшись на великаго князя, чѣмъ выгнанный имъ, не объясняя въ чемъ же заключалось это нелюбье. Никоновская 6891. „Тоя же осени не возхотѣ князь великій Дмитреи Ивановичь Московскій пресвященнаго Кипріана митрополита всея Русіи и имяше къ нему нелюбье". Поэтому уже Карамзинъ (ср. Макарій IV. 73. Православный Соб. 1862. I. 39) предполагалъ, что князь разгнѣванъ былъ не вообще удаленіемъ Кипріана, а отъѣздомъ именно къ Тверскому князю Михаилу Александровичу, родственнику Ольгерда и давнему врагу Московскаго князя, князю, который первый послалъ дары къ Тохтамышу и получилъ отъ него ярлыкъ. Но вѣдь и Сергій Радонежскій тоже бѣжалъ въ это время въ Тверь вмѣстѣ съ Кипріаномъ, да въ Твери же былъ и противникъ Кипріана—Пименъ; слѣдовательно, никакой политики тутъ не было. Да если бы и предположить политику и враждебныя намѣренія со стороны Кипріана, то именно поэтому то его и слѣдовало бы задержать въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ бы совершенно безопасенъ для великаго князя, а не выпускать на свободу, которою онъ могъ воспользоваться во вредъ ему. Наконецъ съ предположеніемъ о гнѣвѣ на Кипріана плохо мирится и то обстоятельство, что потомъ все время Димитрій Донской хлопоталъ въ Константинополѣ о возвращеніи Кипріана въ Москву.

Все это вмѣстѣ взятое и въ особенности послѣднее обстоятельство заставляютъ насъ дать полную вѣру тому объясненію удаленія Кипріана, какое мы находимъ въ грамотѣ патр. Антонія, который пишетъ, что патріархъ Нилъ, „узнавъ о заключеніи Пимена и почитая недобрымъ дѣломъ, если человѣкъ, получившій рукоположеніе отъ церкви, какимъ бы то ни было образомъ подвергнется тѣлесному бѣдствію отъ мірскихъ властей, посылаетъ грамоту князю, п р о с я п р и н я т ь П и м е н а, к а к ъ м ѣ с т н а г о а р х і е р е я. Послѣ отправленія многихъ грамотъ противъ Кипріана и еще большаго числа въ пользу Пимена послѣдній одолѣ-

ваетъ и получаетъ ту церковь". Такимъ образомъ оказывается, что Димитрій принужденъ былъ замѣнить Кипріана Пименомъ, повинуясь требованіямъ патріарха, и что онъ уступилъ этимъ требованіямъ не сразу. Такое объясненіе не только прекрасно освѣщаетъ всю послѣдующую исторію, но и по существу является наиболѣе естественнымъ. Патріархъ не могъ, конечно, примириться съ фактомъ того распоряженія каѳедрою не спросясь его, какое допустили Димитрій и Кипріанъ и долженъ былъ вступиться за Пимена. Патріархъ указывалъ великому князю: 1) что онъ не можетъ судить и карать митрополита, подлежащаго лишь патріаршему и синодальному суду (на что, какъ мы видѣли въ свое время, указывалъ и Кипріанъ); 2) что ни о какомъ судѣ не можетъ быть и рѣчи, пока Пименъ не окажется въ спокойномъ обладаніи своею каѳедрою.

Послѣднее есть не что иное, какъ западно-европейское excerpti spolii, [1]) Мы тщетно искали бы этого института въ древней церкви; но въ разсматриваемую эпоху его можно признать вполнѣ рецепированнымъ на востокѣ. Положеніе—spoliatus ante omnia restituendus est—служило тамъ общепризнаннымъ средствомъ защиты епископовъ противъ весьма обыкновенныхъ въ то время насилій, въ томъ числѣ—и со стороны латинянъ; послѣднихъ били ихъ же оружіемъ. Въ 1393 г. мы находимъ такой случай. Аѳинскій митрополитъ сдѣлалъ попытку поселиться въ этомъ городѣ, хотя онъ и былъ занятъ латинянами, не допускавшими туда православныхъ архіереевъ. Попытка кончилась неудачею: митрополитъ принужденъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ, спасая жизнь, и кромѣ того со стороны латинянъ противъ него возбуждено было передъ патріаршимъ синодомъ обвиненіе въ уголовномъ преступленіи (сношеніи съ

---

[1]) C. 3 C. 3 qu. 1. Redintegranda sunt omnia exspoliatis vel eiectis episcopis praesentialiter ordinatione pontificum, et in eo loco, unde abscesserant, funditus revocanda, quacunque conditione temporis, aut captivitate, aut dolo, aut violentia maiorum, aut per quascunque iniustas causas res ecclesiae, vel proprias, aut substantias tuas perdidisse noscuntur ante accusationem aut regularem ad synodum vocationem eorum.

турками). На синодѣ раздались голоса, что обвиненіе должно быть отклонено на томъ основаніи, что обвинители еретики, отъ которыхъ каноны воспрещаютъ принимать обвиненія; указывались и другія погрѣшности въ обвинительномъ актѣ. Но какъ патріархъ, такъ и синодъ рѣшили отклонить обвиненіе по другому болѣе важному въ ихъ глазахъ основанію. „Считая все это второстепеннымъ, мы выставляемъ только самую суть каноновъ, на которыхъ утверждается весь церковный строй (διακόσμησις) и безъ которыхъ невозможно существовать христіанской церкви. Ибо, если бы вообще и слѣдовало подвергнуть суду митрополита Аѳинскаго и заставить его отвѣчать на предъявленныя обвиненія, то для этого ему слѣдовало бы обладать своею церковью, своимъ тономъ и честью, на немъ бы онъ долженъ былъ сидѣть спокойно и дѣлать свое дѣло и т. д.[1]).“ Если Греки уже до того сжились и сроднились съ этимъ западнымъ институтомъ, что считали его самою сутью каноновъ (τὸ τῶν κανόνων ἰσχυρόν), въ сравненіи съ которымъ всѣ прочія средства защиты являлись лишь вспомогательными и второстепенными, то слѣдуетъ думать, что самое заимствованіе этого института произошло задолго до XIV вѣка.

Вся дальнѣйшая борьба между Кипріаномъ и Пименомъ ведется на основаніи этой эксцепціи. Митр. Кипріанъ доказывалъ недѣйствительность грамоты патр. Макарія въ пользу великаго князя Московскаго; Пименъ отвѣчалъ своему противнику возраженіемъ о захватѣ Кіева и требовалъ спокойнаго обладанія этимъ городомъ, прежде чѣмъ отвѣчать по существу обвиненія. Такъ онъ съ успѣхомъ защищался въ теченіе всего патріаршества Нила. Не можетъ быть никакой рѣчи о томъ, будто бы это средство было придумано

---

[1]) Πάντα ταῦτα δεύτερα θέμενοι, τὸ τῶν κανόνων μόνον ἰσχυρὸν προβαλλόμεθα, οἷς ἐρείδεται πᾶσα ἐκκλησιαστικὴ διακόσμησις, καὶ ὧν ἄνευ χριστιανῶν ἐκκλησίαν συστῆναι ἀδύνατον εἰ γὰρ καὶ ὅλως ἔδει κρίνεσθαι τὸν Ἀθηνῶν καὶ ἀπολογεῖσθαι περι ὧν ἐγκαλεῖται, ἔδει κατέχειν τὴν ἐκκλησίαν αὐτοῦ καὶ τὸν οἰκεῖον θρόνον καὶ τὴν τιμὴν καὶ οὕτω καθήμενον ἀνενόχλητον καὶ τὸ οἰκεῖον ἔργον πράττοντα. (А Р II 168 № 436 6901 – 1393 года мартъ).

Греками именно ради даннаго случая, ради Пимена и Димитрія; такое подозрѣніе было бы совершенно неосновательнымъ. Но тѣмъ не менѣе поведеніе Грековъ все-таки не можетъ быть названо вполнѣ корректнымъ: они примѣнили это средство защиты нѣсколько поздно. При постоянныхъ сношеніяхъ Россіи съ Константинополемъ патріархъ не могъ не быть освѣдомленъ о тѣхъ перемѣнахъ, какія произошли въ Россіи еще до отъѣзда Пимена. Послѣдній, несомнѣнно, былъ бы очень признателенъ патріарху, если бы тотъ уже при самомъ отправленіи его въ Россію объяснилъ великому князю его обязанности по отношенію къ новому митрополиту и тѣмъ предупредилъ тѣ непріятности, какія произошли съ нимъ въ Москвѣ. Патріархъ же по тому, что въ свое время испыталъ Кипріанъ, могъ догадываться и о томъ, что ожидало Пимена. Если даже не предполагать заточенія, то во всякомъ случаѣ можно было ожидать навѣрное, что Пименъ не будетъ допущенъ великимъ княземъ на каѳедру. И тѣмъ не менѣе патріархъ ничего не сдѣлалъ въ предупрежденіе грозившихъ событій; только когда они уже совершились, патріархъ выступилъ въ роли защитника церковныхъ правъ. Дѣло пріобрѣтаетъ такой видъ, какъ будто Византійцы хотѣли проучить заносчиваго Русскаго князя; они сначала дали Димитрію хорошенько запутаться, а затѣмъ принудили его къ позорному отступленію.

Что Димитрій прекрасно понималъ всю тяжесть этого пораженія, видно изъ той тщательности, съ какою скрывалъ онъ переписку по дѣлу Пимена. Переписка эта была довольно продолжительная, Константинополь обмѣнялся съ Москвою не одною грамотою, и тѣмъ не мѣнѣе лѣтописецъ даже не подозрѣваетъ ни о существованіи такой переписки, ни объ истинной причинѣ удаленія Кипріана и возстановленія Пимена. Въ концѣ концовъ великій князь и Кипріанъ принуждены были уступить, хотя сдѣлали это не сразу. Если считать первымъ актомъ такого отступленія переводъ Пимена изъ Чухломы въ Тверь, что, во всякомъ случаѣ, являлось уже значительнымъ облегченіемъ его участи, то переписка продолжалась болѣе года. По всей вѣроятности, дѣло было

улажено лишь при посредствѣ Діонисія Суздальскаго. Онъ отправился въ Россію съ прямой задачею собрать доказательства виновности Пимена въ подлогѣ. Уже это одно должно было привести его къ сношеніямъ съ великимъ княземъ Московскимъ, преслѣдовавшимъ ту же цѣль. Для великаго князя Димитрія и теперь естественно было обратиться къ своему союзнику Діонисію съ вопросомъ, какъ быть и Діонисій принужденъ былъ посовѣтовать ему примириться съ Пименомъ согласно приказу патріарха.

Часть написаннаго по этому поводу отвѣтнаго письма Діонисія великому князю дошла до насъ, хотя къ сожалѣнію и въ очень испорченномъ видѣ. Она отыскана и напечатана проф. Павловымъ въ Прав. Собесѣдн. 1866 г. кн. 3 стр. 247 подъ неудачнымъ на нашъ взглядъ заголовкомъ: „Повинное посланіе св. Діонисія арх. Суздальскаго къ вел. кн. Димитрію Іоанновичу Донскому *1383 года*“. Причина недоразумѣнія, какое допустилъ почтенный ученый, предположивъ, что Діонисій проситъ за себя, тогда какъ въ дѣйствительности онъ проситъ за Пимена, заключается въ произвольныхъ передѣлкахъ, сдѣланныхъ въ этомъ посланіи какимъ то неизвѣстнымъ книжникомъ. Тотъ вздумалъ сдѣлать изъ него шаблонъ для своего рода письмовника, образецъ того, какъ епископъ долженъ писать извинительное посланіе своему князю, если бы это потребовалось. Озаглавивъ его „Отъ иного посланія о повинныхъ,“ онъ прямо показалъ этимъ, что изъ посланія приведена имъ только часть. Но и въ ней онъ, соотвѣтственно своей цѣли, постарался уничтожить собственныя имена и вообще указанія на дѣйствующихъ лицъ подлинника; остались лишь нѣкоторые слѣды, по которымъ можно возстановить первоначальный текстъ, что и попытался сдѣлать проф. Павловъ.

По нашему мнѣнію онъ совершенно правильно опредѣлилъ, что посланіе адресовано Димитрію Ивановичу Донскому, и мы не будемъ повторять тѣхъ доводовъ, какіе приведены у почтеннаго профессора; но мы не можемъ согласиться съ его возстановленіемъ нѣсколькихъ буквъ, оставшихся отъ имени автора пи-

сьма: „Азъ же Ди . . . . епископъ . . . . се же по судбамъ Божіимъ и т.д.“ Мы сомнѣваемся въ возможности читать эти буквы: „Азъ же Ди(онисій) епископъ (суждальскій поставленъ есмь всесвятымъ патріархомъ вселенскимъ въ архіепископа).“ Такое чтеніе по нашему мнѣнію непріемлемо. Діонисій въ 1383 г. былъ уже митрополитомъ Кіевскимъ; для чего-же ему было называть себя епископомъ (даже не—архіепископомъ) Суждальскимъ? И чтеніе „бывый епископъ Суждальскій,“ тоже едва-ли можетъ быть принято: во-первыхъ, потому, что такое именованіе по прежней, а не по настоящей каѳедрѣ, было бы совершенно необычнымъ, въ данномъ же случаѣ—даже дерзкимъ. Епископъ Суздальскій Діонисій, сдѣлавшись митрополитомъ, вторично и очень грубо обманулъ довѣріе къ себѣ великаго князя; ему, согласно предполагаемой проф. Павловымъ цѣли, нужно было стараться, чтобы великій князь поскорѣе забылъ о немъ, какъ объ епископѣ Суздальскомъ, а не безтактно и безъ нужды напоминать объ этомъ. Мы полагали бы, что во всѣхъ отношеніяхъ естественнѣй читать загадочныя буквы: „Азъ Ди(онисей архі)епископъ (Суждальскій, Нижегородскій и Городецкій).“

Если же такъ, то и годъ 1383 окажется неподходящимъ, такъ такъ въ этомъ году Діонисій уже не былъ архіепископомъ Суздальскимъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя согласиться и съ предполагаемою проф. Павловымъ задачею посланія. Онъ полагаетъ, что посланіе представляетъ извиненіе Діонисія за какой то его (т.е. Діонисія же) грѣхъ. „Молю же о семъ твое державное царство. да и милостивъ будеши съгрѣшающимъ к тобѣ . . . . . да бы еси милость свою явилъ на *съгрѣшившемъ къ Богу и тобѣ* на імрк“ (въ первоначальномъ подлинномъ спискѣ, замѣчаетъ проф. Павловъ, вѣроятно, было: „на мнѣ грѣшнемъ“) . . . да якоже въ многихъ, такоже и о семъ явится человѣколюбіе твое, да будеши съверьшенъ.“ По нашему мнѣнію дѣло идетъ о какомъ то иномъ епископѣ (о с е м ъ), за котораго и проситъ Діонисій. Въ подлинникѣ здѣсь должно было стоять собственное имя этого кого-то, замѣненное переписчикомъ черезъ „имя рекъ.“ Мы признали бы, что наиболѣе подходящимъ именемъ было бы имя—Пименъ. По всей вѣроятности далѣе про-

должалось разъясненіе Діонисія, почему Пимена слѣдуетъ простить, но эти объясненія переписчикъ выбросилъ, какъ совершенно ненужныя для его цѣли, рѣзко оборвавъ ходъ разсужденія и поставивъ совершенно неожиданное „аминь." По справедливому замѣчанію проф. Павлова ключъ къ рѣшенію вопроса заключается въ словахъ: „Да бы есп милость свою явилъ на съгрѣшившемъ къ Богу и тобѣ." По мнѣнію проф. Павлова они объясняются изъ снесенія ихъ съ подобными же словами Іоанна арх. Петровскаго, сказанными боярамъ, избравшимъ въ 1379 году Пимена въ митрополиты по смерти великокняжескаго избранника Митяя: „азъ не обинуясь возглаголю на вы, что есте сотворили неправду предъ Богомъ и предъ великимъ княземъ" (Никон. тамъ же 243). Но, во-первыхъ, этими словами позднѣйшей лѣтописи, представляющими несомнѣнную вставку въ современное событіямъ сказаніе, трудно что-нибудь объяснить; во-вторыхъ, именно Пименъ, а не Діонисій, виновенъ былъ передъ Богомъ и великимъ княземъ въ то время, когда Діонисій былъ архіеп. Суздальскимъ; за него то и долженъ былъ ходатайствовать Діонисій, какъ ходатайствовалъ и патріархъ. Что же касается до самого автора письма, то ему уже не для чего было извиняться передъ великимъ княземъ, такъ какъ отношенія между ними исправились еще до написанія письма. Діонисій и проситъ-то потому, что „и до насъ (т. е. Діонисія) худыхъ простретья любве, еже хотѣніа молитвы". Посланіе является отвѣтнымъ Димитрію Донскому, просившему у Діонисія молитвъ за себя: между ними въ эту пору была полнѣйшая дружба, исключавшая необходимость въ просьбахъ о прощеніи.

Но изъ того, что Діонисій ходатайствовалъ за Пимена, не слѣдуетъ еще, что у него возстановились хорошія отношенія съ нимъ, или что онъ сдѣлался его сторонникомъ. Совершенно напротивъ: они остались врагами до смерти, освобожденіе же Пимена и возстановленіе на каѳедрѣ необходимы были лишь для того, чтобы имѣть возможность добиться его низложенія и возстановленія Кипріана на патріаршемъ судѣ. Какъ бы то ни было, но и великій князь и

митрополитъ Кипріанъ принуждены были наконецъ исполнить патріаршую волю. Подъ дипломатичнымъ предлогомъ якобы происшедшей между ними ссоры, Кипріанъ удалился въ Кіевъ, гдѣ былъ съ честію принятъ мѣстнымъ княземъ, а Димитрій съ честію же пригласилъ въ Москву Пимена.

Такое положеніе вещей могло быть только переходнымъ, временнымъ. Во-первыхъ, требованіе патріарха исполнено было только наполовину, такъ какъ Кіевъ, о которомъ существовало синодальное опредѣленіе, что онъ долженъ принадлежать митрополиту Великой Руси Пимену, остался за Кипріаномъ. Великій князь самовольно привелъ Великую Русь въ предѣлы, указанные въ грамотѣ Макарія, которая была уже отмѣнена синодомъ. Во-вторыхъ, наперед можно было предсказать, что примиреніе Димитрія съ Пименомъ не будетъ искреннимъ: Димитрій несомнѣнно продолжалъ быть противъ Пимена. Предполагалось, что Кипріанъ удаляется только на короткое время, пока въ Константинополѣ не будетъ улажено дѣло о Русской митрополіи въ желательномъ для Москвы смыслѣ, т.е. возстановлены ея единство и Кипріанъ въ санѣ митрополита всея Руси. Но, благодаря неправильностямъ, допущеннымъ Кипріаномъ при захватѣ имъ Москвы противъ воли патріарха, въ 1381 году, дѣло это затянулось на цѣлые восемь лѣтъ, и Пименъ такъ и умеръ митрополитомъ Великой Руси, не уступивъ при жизни свою каѳедру Кипріану.

По смыслу требованій патріархіи возстановленіе Пимена должно было являться лишь предварительнымъ актомъ, за которымъ должно было слѣдовать привлеченіе его къ патріаршему суду со стороны вел. кн. Димитрія. Онъ уже такъ разславилъ и Пимена и пословъ обманщиками, что отступленіе для него было невозможнымъ. И дѣйствительно, 29 іюня 1383 года въ Константинополь отправилось какое-то посольство отъ великаго князя по дѣламъ митрополіи.

Воскрес. 6891 „О Петровѣ дни поиде въ Царьградъ Діонисей архіепископъ Суждалскій, и съ нимъ отпусти князь великій Дмитрей Ивановичь отца своего духовнаго Ѳеодора, игумена Симановского, управленья ради митрополіа Рускіа.“

Какъ выборъ послами Діонисія и Θеодора—оба сторонники Кипріана и единства митрополіи,—такъ и то обстоятельство, что они отправлялись по дѣламъ митрополіи Русскія, т. е. всея Руси, не оставляетъ сомнѣнія, что задачею посольства было возстановленіе Кипріана въ санѣ митрополита всея Руси и низложеніе Пимена. Но по свидѣтельству грамоты патріарха Антонія въ Константинополѣ послы стали хлопотать о чемъ то совершенно другомъ, а именно—о поставленіи Θеодора митрополитомъ Великой Руси. „Діонисій возвращается въ Русь, беретъ отъ великаго князя киръ Димитрія и другихъ князей письменныя обвиненія противъ Пимена и доставляетъ ихъ лично патріарху. Съ собою приводитъ онъ іеромонаха Θеодора архимандрита, чтобы по низложенію Пимена онъ (т. е. Θеодоръ) получилъ власть въ Великой Руси.“ Φέρει δὲ μεθ' ἑαυτοῦ καὶ ἱερεμόναχον Θεόδωρον τὸν ἀρχιμανδρίτην ὡς τοῦ Ποιμένος καθαιρεθέντος αὐτὸς τὴν τῆς Μεγάλης Ῥωσίας ἀρχὴν ἀναδέξηται. Текстъ несомнѣнно двусмысленъ; неясно, къ кому относится αὐτός, къ Діонисію или къ Θеодору, и на первый взглядъ можетъ показаться, что дѣло идетъ именно о поставленіи Діонисія. Но эта неясность входила въ расчеты составителя грамоты: нужно было замаскировать фактъ, что поставили Діонисія, за котораго никто не просилъ, и поставили при наличности двухъ архіереевъ, занимавшихъ русскую каѳедру. Истина ясна изъ сообщенія той же грамоты п. Антонія, что всѣ русскіе были возмущены этимъ поставленіемъ.

Кандидатура Θеодора не является неожиданною. Діонисій и посольство добивались низложенія Пимена, но было бы ошибочно предполагать, что этимъ достигалося и возстановленіе единства митрополіи. Согласно грамотѣ Нила 1380 г. великому князю, правда, предоставлялось рекомендовать кандидата на каѳедру всея Руси, но только по смерти Кипріана; грамота не рѣшала вопроса, какъ быть, если вакантность каѳедры Великой Руси наступитъ до этого времени? По смыслу грамоты каѳедры должны были продолжать считаться раздѣленными, а Кипріанъ, состоявшій митрополитомъ Литовскимъ, уже по этому одному не могъ сдѣлаться митро-

политомъ всея Руси. Московскому великому князю самое большее могло быть предоставлено назначеніе другого кандидата на каѳедру Великой Руси, котораго и нужно было имѣть про запасъ.

Кандидатура Ѳеодора Симановскаго являлась наиболѣе естественною; кого и предложилъ бы послѣ Кипріана на каѳедру Великой Руси великій князь, какъ не своего духовника и совѣтника по церковнымъ дѣламъ? И Воскресенская лѣтопись намекаетъ довольно ясно, что Ѳеодоръ не былъ отправленъ въ Константинополь въ качествѣ обвинителя Пимена, какъ Діонисій, а лишь отпущенъ великимъ княземъ „управленья ради митрополіа Рускіа.“ Патр. Антоній говоритъ по этому поводу, что русскіе „въ раздорѣ между собою, раздѣленные на двѣ (Кипріана и Пимена) нерѣдко на три партіи (тѣ же и Ѳеодора), представляя въ одно и то же время противорѣчащія грамоты, обвиняя другъ друга и возставая другъ на друга (Пименъ и Кипріанъ), произвели раздѣленіе и раздоръ. А церковь и не знала на чьей сторонѣ правда.“ Замѣтимъ, что и патріархъ говоритъ лишь о противорѣчивыхъ, не о подложныхъ грамотахъ. Но Діонисій не могъ искренно хлопотать объ этомъ, какъ сторонникъ единства митрополіи, и теперь дѣйствовалъ противъ Ѳеодора. Греки воспользовались этимъ раздѣленіемъ и спорами среди русскихъ, и сдѣлали попытку уничтожить однимъ ударомъ и Кипріана и только что уступленное Московскому великому князю право назначенія митрополита всея Руси. Кандидатъ великаго князя, Ѳеодоръ Симановскій, получилъ отказъ, нѣсколько смягченный тѣмъ, что монастырь его признанъ былъ патріаршимъ, а самъ онъ— старѣйшимъ изъ русскихъ архимандритовъ (конечно, Великой Руси)[1]. Вмѣсто же поставленія митрополита

---

[1]) Воскр. 6892. „Тое же осени выиде изъ Царяграда Феодоръ игуменъ Симановскый, ему же патріархъ дасть архимандритію и лишшую честь ему поручи на Руси, паче инѣхъ архимандритъ.“ Въ житіи Сергія П. С. Л. т VI. 122 „Нѣкогда прилучися ему (Ѳеодору) быти во Царѣградѣ, святый же патріархъ Нилъ велми почти его и архимандритомъ постави, и дары многи честны дасть ему, и учини монастырь Симоновскій во имя патріарше, а къ митрополиту ничѣмъ же ни которыми дѣлы повиноватися, анагноста самому себѣ ставити.“

Великой Руси патріархъ возстановилъ единство Русской митрополіи, поставивъ по собственному выбору на каѳедру всея Руси своего бывшаго экзарха, преданнаго, но честолюбиваго арх. Діонисія Суздальскаго.

Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, нужно припомнить о томъ, какъ подѣлилъ патр. Нилъ предѣлы между Кипріаномъ и Пименомъ. Къ Пимену, какъ мы видѣли, отходили Кіевъ и Великая Россія, Кипріанъ же получилъ по снисхожденію не только Литву, но и города Малой Россіи. Онъ получилъ при этомъ Смоленскъ и Галичъ. Но это продолжалось недолго; скоро Галичъ снова былъ выдѣленъ въ особую митрополію патр. Ниломъ. „При насъ“ писалъ Нилъ въ сентябрѣ 1386 года „поставленъ митрополитъ Виддинскій и другой Мавровлахійскій; и въ *Галичѣ, который былъ частію Малой Россіи;* Русскій же митриполитъ пишется Кіевскимъ и *всея* Россіи“ (а не Кіевскій и великой Россіи, какъ мы читаемъ въ грамотѣ Нила 1380 года).[1]) Такъ какъ Виддинскій митрополитъ Кассіанъ былъ назначенъ Ниломъ въ іюлѣ 1381 года (АР. II 28), то этимъ дается время, не ранѣе котораго послѣдовало выдѣленіе Галича. Этотъ новый митрополитъ Галицкій живъ былъ еще въ 1391 году, когда на случай смерти его дѣлались распоряженія о временномъ управленіи Галицкой митрополіею. По всей вѣроятности назначеніе его, состоялось по представленію Польскаго короля, какъ и въ 1370 году. Въ такомъ случаѣ къ Галицкой же митрополіи долженъ былъ отойти и Перемышль, тоже попавшій въ руки поляковъ. Не былъ безспорнымъ и Смоленскъ. Святославъ Ивановичъ, стараясь сохранить свою самостоятельность, лавировалъ между Москвою и Литвою, и это должно было отражаться и на церковныхъ дѣлахъ Смоленска[2]).

---

[1]) Ἐγένετο ἐφ' ἡμῶν καὶ μητροπολίτης Βιδύνης καὶ ἐν τῇ Μαυροβλαχίᾳ ἕτερος καὶ ἐν τῇ Γαλιτζῃ ἥτις ἦν μέρος τῆς Μικρᾶς Ῥωσίας· ὁ δὲ Ῥωσίας μητροπολίτης γράφεται Κιέβου καὶ πάσης Ῥωσιας (Συντ V, 502).

[2]) Въ Смоленскѣ оказалось нѣсколько епископовъ. Въ 1383 году Пименомъ на Костромѣ (Никон. 6891) поставленъ былъ Михаилъ епископомъ Смоленску и отпущенъ въ свою епархію. По всей вѣроятности это было сдѣлано не безъ согласія Смоленскаго князя; но и Михаилъ не могъ удержаться тамъ. Въ 1388 году онъ одинъ изъ всѣхъ архіереевъ,

Все это уже значительно уменьшало предѣлы митрополіи Кипріана. Но для насъ особенно цѣнно то указаніе патр. Нила, что послѣ выдѣленія Галича и Русскій митрополитъ началъ называться митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, т.е. что было возстановлено единство русской митрополіи. Единственнымъ подходящимъ моментомъ для такого возстановленія въ періодъ между 1381 и 1386 годами и слѣдуетъ признать 1383 годъ, а митрополитомъ всея Руси—не преслѣдуемаго патр. Ниломъ Кипріана, а именно Діонисія. И въ данномъ случаѣ ударъ ближайшимъ образомъ направленъ былъ противъ Кипріана; вотъ почему грамота патр. Антонія старается замаскировать это въ высшей степени неясными фразами, и все дѣло Діонисія получаетъ въ ней какое-то спутанное изложеніе. „Все это были только слова и прикрасы въ рѣчахъ Діонисія; но втайнѣ онъ дѣлалъ другое, лицемѣрно прельщая всѣхъ лживыми словами: подъ видомъ исправленія недугующей и бѣдствующей Русской церкви, *коварно забираетъ въ руки всю власть* (т. е. власть надъ всей Русью?). Одно представляетъ онъ въ грамотахъ, содержащихъ много лукаваго и яко бы принесенныхъ оттуда, но на самомъ дѣлѣ имъ самимъ составленныхъ, другое замышляетъ, подготовляетъ и употребляетъ, какъ не слѣдовало.“

Но и эти темныя слова все-таки проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на дѣло. Изъ приведенной нами грамоты патріарха Нила видно, что Діонисій выставлялъ себя ревнителемъ каноновъ, т.е. ревнителемъ патріаршихъ правъ на Русскую церковь, въ видѣ права свободнаго назначенія митрополита патріархомъ, и въ то же время считалъ раздѣленіе Руси на двѣ митрополіи дѣломъ

сопровождалъ Пимена въ Царьградъ въ 1389 году отправился съ Кипріаномъ изъ Константинополя въ Кіевъ, въ 1392 году сопровождалъ его въ Тверь и въ 1397—въ Москву. Въ томъ же 1397 году послѣ взятія Смоленска Витовтомъ, Кипріанъ поставилъ епископомъ Смоленску Ниссона, а Михаилу пришлось отправляться въ Москву, гдѣ онъ и умеръ въ 1402 году. Очевидно изгнаніе его изъ Смоленска обусловлено было политическими причинами. За нѣсколько же лѣтъ передъ этимъ, лѣтописью отмѣчена (Никон. 6906) смерть въ Москвѣ другого епископа Смоленскаго Данила.

вреднымъ для Русской церкви. И въ устахъ патріарха Антонія недугующая и бѣдствующая Русская церковь означала церковь, раздѣленную между двумя митрополитами. Исцѣленіе на сей разъ достигалось тѣмъ, что Діонисій назначался на возстановленную каѳедру всея Руси. Пиша подъ диктовку Кипріана, Антоній умалчиваетъ, что мѣра направлена была противъ Кипріана, и излагаетъ спнодальное дѣяніе такъ, точно оно касалось только Пимена. Соборъ съ согласія патріарха и „съ сонзволенія на то высочайшаго и святого моего самодержца призналъ справедливымъ послать двухъ архіереевъ и сановниковъ, одного изъ церковныхъ, другого—царскаго съ тѣмъ, чтобы они изслѣдовали дѣло Пимена и, если окажется справедливымъ, что говорятъ на него, то пусть низложатъ его, извергнутъ его изъ церкви и поставятъ въ ней Діонисія.“ Но истинный смыслъ грамоты ясенъ изъ дѣйствій Діонисія и апокрисіаріевъ.

Діонисій съ двумя митрополитами, Матѳеемъ Адріанопольскимъ и Никандромъ Ганнскимъ, прямо отправились въ Кіевъ, гдѣ они и настоловали его. Только потомъ послы направились въ Москву, Діонисій же остался на нѣкоторое время въ Кіевѣ. Если онъ поставленъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, то что же за причина была такого страннаго поставленія, вопреки всѣмъ принятымъ на этотъ случай правиламъ? Современники видѣли ее въ денежной нуждѣ императора, заставлявшей его торговать каѳедрами. На эту причину намекаетъ Виленскій соборъ 1415 г.; эту же причину, вѣроятно, имѣли въ виду Русскіе, когда насмѣхались надъ Греками по поводу поставленія Діонисія. Виленскій соборъ прямо заявлялъ, что патріархъ и соборъ „по правиломъ поставити митрополита не могутъ, но кого *царь* повелитъ; и отселѣ купуеться и продаеться даръ Св. Духа, якоже и отець его сътвори на кіевскую церковь, въ днехъ нашихъ, о Кyпріянѣ митрополитѣ, и о Пиминѣ, и о Діонисьи и о иныхъ многыхъ, и не смотряше на честь церковную, но смотряше на злато и сребро много. Отсюду быша долгы великы, и проторы мнози, и молвы, и смущеніа, и мятежи, убійства, и, еже всѣхъ лютѣйше, безчестіе церкви

Кіевской и всей Руси" (Р. И. Б. VI. 314). Но такое объясненіе слѣдуетъ признать односторонним: поставленіе Діонисія вытекало изъ византійской политики, и денежныя соображенія, если и опредѣляли что-нибудь, то лишь лицо, которое слѣдовало поставить въ митрополиты всея Руси при жизни Пимена и Кипріана, а отнюдь не самый фактъ поставленія.

И теперь греки въ сущности повторяли то же самое, что нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ сдѣлано было ими при поставленіи митрополита Кипріана. И тогда Кипріанъ поставленъ былъ въ митрополиты при жизни (непослушнаго) митрополита Алексѣя; и тогда онъ явился въ Кіевъ въ сопровожденіи патріаршихъ пословъ, которые, настоловавъ его, затѣмъ отправились въ Москву, яко бы производить дознаніе по поводу обвиненій противъ митрополита Алексѣя; и тогда Кипріанъ долженъ былъ замѣнить его въ случаѣ его смерти или въ случаѣ его осужденія. При поставленіи Діонисія было совершено даже менѣе нарушеній правилъ, чѣмъ при поставленіи Кипріана: Діонисій былъ уже архіепископомъ и его только нужно было переименовать въ митрополиты Кіевскіе и всея Руси. По отношенію къ Пимену этотъ актъ можно было назвать юридически безразличнымъ, такъ какъ, если бы Пименъ доказалъ неправильность обвиненія Діонисія, то послѣднему грозила не только утрата Кіева, но и утрата сана, какъ обвинителю, прилучившемуся въ клеветѣ, или, по крайней мѣрѣ, не доказавшему своего обвиненія. Иначе дѣло обстояло по отношенію къ митрополиту Кипріану и великому князю Димитрію Московскому. Поставленіе Діонисія и настолованіе его въ Кіевѣ прекращало тотъ захватъ Кіева вопреки волѣ патріарха, какой продолжалъ Кипріанъ; великаго же князя Димитрія, — лишало, какъ и при смерти митр. Алексѣя, возможности распорядиться каѳедрою всея Руси по своему усмотрѣнію. Съ этой стороны Греки проявили несомнѣнное, дипломатическое искусство своего рода. Они вовсе не обманывались рѣчами разныхъ партій, какъ утверждаетъ это патріархъ Антоній: они отлично знали правду, что великій князь желаетъ имѣть митрополитомъ Кипріана, и тѣмъ не менѣе обратили его посольство

и противъ Кипріана, и противъ Ольгерда. и противъ великаго князя Московскаго. Въ то же самое время удовлетворялись и фискальныя цѣли. Діонисію честь сдѣлаться орудіемъ византійской политики несомнѣнно стопла очень дорого, да и Пименъ былъ втянутъ въ судъ и, слѣдовательно,—въ расходы. Греки отлично понимали, какую опасную игру долженъ былъ играть новый митрополитъ, и потому послали не грека, а преданнаго имъ русскаго. Игра кончилась для него очень печально.

Діонисій не имѣлъ партіи среди москвичей. По словамъ Антонія „поставленіе Діонисія не только взволновало русскихъ, но и разъярило ихъ противъ каѳолической церкви, такъ что они излили на насъ потоки многихъ ругательствъ съ прибавленіемъ насмѣшекъ, обвиненій и ропота.“ Послѣ этого Ѳеодоръ Симановскій съ посольствомъ великаго князя отправился не въ Кіевъ, съ новымъ митрополитомъ, а прямо въ Москву, и это, конечно, было дурнымъ предзнаменованіемъ для Діонисія. Но, и оставшись въ Кіевѣ, онъ попалъ, что называется, изъ огня да въ поломя. Діонисій „хотя итти на Москву, хотя быти митрополитомъ на Руси; изыма его князь Володимеръ Кіевскій Олгердовичь, глаголя ему: „пошелъ еси на митрополію безъ нашего повелѣніа“ и тако пребысть въ заточеніи въ нятьи и до смерти“, (Воскр. 6892) воспослѣдовавшей 15 октября 1384 (6893) года[1]). Въ Литвѣ твердо держались принципа номинаціи, который пришлось признать и для Галича. Никон. 6892 очень прозрачно возлагаетъ нравственную отвѣтственность за это *нятье* на м. Кипріана. „А тогда бысть въ Кіевѣ митр. Кипріанъ, и изыма Діонисіа митрополита князь Володимеръ Олгердовичь Кіевскій, внукъ Гедимановъ, рекъ ему сице: „почто пошелъ еси въ Царьградъ ставитися въ митрополиты безъ нашего совѣта? се бо на Кіевѣ есть митрополитъ Кипріанъ, и той есть всей Руси

[1]) Воскр. 6893. Тое же осени октября 15 преставися въ Кіевѣ митрополитъ Діонисій, иже преже бысть архіепископъ Суждалскій, и положенъ бысть въ печерѣ Антоніевѣ, и тѣло же его и донынѣ цѣло и нетлѣнно. (Ср. Супрасл. 6897).

митрополитъ; пребуди убо вдѣ сѣдя въ Кіевѣ." И тако пребысть Діонисей митрополитъ, бывый архіепископъ Суздалскій, въ Кіевѣ въ *пятьи* и до смерти своей". Грамота патр. Антонія, конечно, совершенно умалчиваетъ и о судьбѣ Діонисія и о неказистой роли Кипріана.

Арестъ Діонисія совершился въ отсутствіе патріаршихъ пословъ, которые были уже въ Москвѣ, гдѣ, по словамъ патріарха Антонія, они, согласно состоявшемуся въ Константинополѣ приговору, низложили Пимена. „Между тѣмъ посланные отсюда, отправились туда и, разслѣдовавъ дѣло, нашли всѣ обвиненія противъ него правильными и извергли его изъ церкви. Пименъ, изверженный изъ той церкви, согласно состоявшемуся здѣсь соборному рѣшенію патріарха, бѣжалъ оттуда, сложилъ съ себя монашескія одежды, надѣлъ мірскія и, послѣ долгихъ скитаній съ мѣста на мѣсто, достигнулъ Царствующаго града." Эти сообщенія не подтверждаются нашими лѣтописями. Согласно имъ митрополиты не судили Пимена, а только вызвали его на судъ въ Константинополь. Воскр. 6892. „Тое же зимы пріидоста изъ Царяграда нѣкаа два митрополита Гречина, единому имя Матѳѣй, а другому Никандръ, а съ ними архидіаконы и прочіи сановницы и позываху митрополита Пимина въ Царьгородъ." Лѣтопись права: въ Византіи вообще, а п. Нилъ въ особенности, не допускали низложенія по заочному приговору, какъ это видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла того же Пимена. Неизвѣстно, на чемъ основано сообщеніе о какомъ-то переодѣваніи Пимена: по всей вѣроятности Кипріанъ изображаетъ, какъ что-то особенное, обыкновенный дорожный костюмъ русскихъ того времени.

Послы пріѣхали въ Москву зимою 1384/1385 года. Они зажились тамъ, да и Пименъ не торопился отъѣздомъ. На явку въ Константинополь полагался годичный срокъ, но Пименъ очевидно запаздывалъ. Лишь весною 1385 года онъ тронулся якобы въ Константинополь, но очень страннымъ путемъ—черезъ Новгородъ. Онъ едва ли разсчитывалъ ѣхать черезъ Литву, разъ не желалъ рисковать, какъ Діо-

нисіи, а просто надѣялся запастись средствами на дальнее и весьма дорогое путешествіе. Съ этой стороны поѣздка въ Новгородъ оказалась неудачною: новгородцы не дали ему мѣсячнаго суда, на который онъ разсчитывалъ, и ему пришлось вернуться обратно и ѣхать въ Константинополь по Волгѣ. Соф. I 6893. „Пиминъ митрополитъ поиде къ Царюграду на Новъгородъ, и Новгородци митрополиту не дали мѣсяца судити въ Новѣгородѣ. Того же лѣта поиде Пиминъ митрополитъ въ Царьградъ". Это произошло 9 мая 1385 года, но Пименъ не походилъ на бѣгущаго, и никто не считалъ его низложеннымъ. Воскр. 6893. „Тое же весны маія въ 9 поиде Пиминъ митрополитъ въ Царьградъ и позволи плыти по водѣ Волгою къ Сараю".

Пименъ отправился въ сопровожденіи игумена Аѳанасія Ростовскаго, но безъ великокняжескихъ бояръ (знакъ, что великій князъ былъ противъ него) и, можетъ быть, тайкомъ отъ великаго князя. Прибывъ въ Константинополь задолго до возвращенія изъ Москвы византійскаго посольства, онъ заявилъ протестъ противъ своего низложенія, возразивъ, „что если долженствовало быть суду о его священствѣ, то слѣдовало бы призвать его сюда и судить соборнѣ. Нельзя было не признать (замѣчаетъ патріархъ), что онъ говорилъ правильно. И такъ какъ еще не возвратились послы, отъ которыхъ патріархъ и соборъ могли бы узнать, что раскрылось по произведенному надъ нимъ разслѣдованію, то онъ имѣлъ мѣсто и честь наравнѣ съ архіереями".

Однимъ словомъ, все производство было кассировано, и Пименъ пока совершенно возстановленъ въ своихъ правахъ. Началась обычная византійская волокита. Послѣ возстановленія п. Ниломъ единства русской митрополіи, для Пимена вопросъ былъ не въ томъ, чтобы остаться митрополитомъ Великой Россіи, а—чтобы быть признаннымъ за митрополита всея Россіи. Тутъ, казалось, все соединилось противъ него. Апокрисіаріи все еще оставались въ Москвѣ и „оканчивали разслѣдованіе" (не слишкомъ ли долго?) по его дѣлу. Они, конечно, не могли не убѣдиться въ

обманѣ Пимена и въ томъ, что великій князь желаетъ возстановленія единства митрополіи подъ управленіемъ Кипріана. На возвратномъ пути черезъ Кіевъ они захватили съ собою и Кипріана, вызваннаго царскими грамотами. Московскій великій князь не ограничился тѣми данными, которыя онъ сообщилъ апокрисіаріямъ, но отправилъ еще своего посла, уже извѣстнаго намъ врага Пимена, Ѳеодора Симановскаго. „Того же лѣта (6894) князь великій Дмитрій Ивановичь посла отца своего духовнаго Ѳеодора архимандрита Симановскаго о управленіи митрополіи въ Царьградъ“. Патріархъ же заявляетъ, что Ѳеодоръ посланъ былъ великимъ княземъ съ грамотами, содержавшими въ себѣ многія обвиненія противъ Пимена, и съ наказомъ устно передать многое по тому же дѣлу. Ѳеодоръ на первое время съ жаромъ принялся выполнять свою миссію. „Взявъ на себя роль обвинителя, Ѳеодоръ имѣлъ достовѣрныя доказательства, принесенныя ими грамоты и только что вернувшихся оттуда лицъ, которыя производили тамъ разслѣдованія по дѣлу“ (апокрисіаріи не судьи и не слѣдователи, а только свидѣтели). Такъ какъ великій князь и теперь не выставлялъ своего кандидата на каѳедру великой Руси, то было ясно, что онъ по прежнему хлопоталъ о возстановленіи единства каѳедры въ лицѣ Кипріана. На сторонѣ Кипріана же былъ и императоръ; Кипріанъ являлся своего рода полномочнымъ посломъ при Ягелло Польскомъ. Выдавая себя за его друга ловкій митрополитъ манилъ византійское правительство надеждою устроить при помощи короля крестовый походъ противъ Турокъ.

Но на сторонѣ Пимена былъ патріархъ. Мы видѣли, какъ отнесся Нилъ къ факту захвата Москвы Кипріаномъ безъ согласія патріархіи. И теперь захватъ Діонисія, въ чемъ Кипріанъ принималъ не меньшее участіе, чѣмъ въ свое время въ заточеніи Пимена, могъ только усилить вражду Нила къ дерзкому митрополиту, не желавшему ему подчиниться. Но при данныхъ условіяхъ и патріархъ могъ сдѣлать только одно: по возможности тянуть дѣло Пимена. Такъ онъ и поступилъ. Онъ то отклады-

валъ судъ надъ нимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что невозможно составить соборъ изъ канонпческаго (т. е. двѣнадцати) числа архіереевъ. „Судъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ того времени замедлился до собранія по распоряженію патріарха канонпческаго собора.“ То требовалъ предоставленія Пимену свободнаго обладанія Кіевскою каѳедрою, какъ необходимаго условія допущенія суда надъ нимъ. Эта волокита продолжалась почти два года и окончилась совершенно неожиданнымъ результатомъ.

Ѳеодоръ Симановскій теперь уже не мечталъ о митрополіи и былъ готовъ удовлетвориться меньшимъ. Онъ „умолень бывъ великимъ княземъ“ согласился принять на себя Ростовское владычество. Дѣло было лишь за поставленіемъ, но оно задерживалось споромъ между митрополитами, которому и конца не предвидѣлось. При такихъ условіяхъ Ѳеодору оказалось невыгоднымъ выступить обвинителемъ противъ Пимена, а тотъ въ свою очередь прекрасно учелъ и использовалъ затруднительное положеніе своего противника. Бывшіе враги „заключили союзъ на какихъ то неподобныхъ условіяхъ,“ какъ говоритъ греческая грамота. Вѣроятнѣе всего, что Пименъ предложилъ Ѳеодору поставить его въ архіепископа Ростовскаго подъ условіемъ прекращенія обвиненія, и Ѳеодоръ согласился. Ѳеодоръ впослѣдствіи былъ архіепископомъ Ростовскимъ, но въ русскихъ извѣстіяхъ не сохранилось сообщенія о поставленіи его: это заставляетъ думать, что самое поставленіе его такъ же, какъ и—Евфросина Суздальскаго, произошло внѣ Россіи. Послѣ этого новые друзья отправились обратно въ Россію. „Пименъ и Ѳеодоръ“, такъ разсказываетъ объ этомъ грамота патріарха, „успѣли помириться и, заключивъ между собою клятвенный союзъ на какихъ то неподобныхъ условіяхъ, бѣжали отсюда и тайно переправились на востокъ“ (для чего имъ нужно было только переправиться черезъ Босфоръ). Не ясно изъ грамоты, чѣмъ было вызвано это бѣгство, но изъ дальнѣйшаго оказывается, что имъ грозилъ въ Константинополѣ чуть ли не арестъ. Императоръ, узнавъ объ ихъ бѣгствѣ „послалъ людей, чтобы привести ихъ“, а патріархъ

послалъ отлученіе съ грамотою, грозя воспрещеніемъ священнодѣйствія и лишеніемъ сана, если они не возвратятся" (ὁ δὲ ἀφορισμὸν μετὰ γραμμάτων, ὀργὴν καὶ καθαίρεσιν ἀπειλούντων, εἰ μὴ ὑποστρέψουσιν)[1]).

Императоръ съ патріархомъ оказались въ очень неловкомъ положеніи: имъ не удалось захватить Русскихъ, а послѣдніе „никакъ не хотѣли возвратиться". „И опять послана отъ патріарха грамота, подобная прежней, а отъ святого царя сановники, съ его священными энколпіями, которыми бы они увѣрили ихъ въ полной безопасности и убѣдили, оставивъ всякій страхъ, возвратиться назадъ". Вотъ до чего дошелъ византійскій императоръ: онъ присягалъ на крестѣ, но не вѣрили и его присягѣ. „И такъ они не послушались. Тогда послали къ нимъ соборное отлученіе съ угрозою совершеннаго низложенія, и тому не вняли. Пименъ и Ѳеодоръ, убѣжавъ къ Туркамъ и найдя у нихъ поддержку, осыпали многими ругательствами и царство и церковь... и упорно держась предположенной цѣли, со всею поспѣшностію пустились въ путь, ведущій въ Русь".

Такъ излагаетъ дѣло грамота патр. Антонія, писанная, какъ это неоднократно приходилось намъ замѣчать, подъ диктовку и въ интересахъ митрополита Кипріана. Она вызываетъ много недоумѣнныхъ вопросовъ. Чего ради Пименъ и Ѳеодоръ бѣжали къ Туркамъ и, невзирая на всѣ требованія императора, не желали явиться въ Константинополь? Повидимому, вопреки сопротивленію патріарха, Кипріанъ успѣлъ таки получить императорскую грамоту на Кіевскую митрополію. Пименъ и Ѳеодоръ оставили Грецію въ концѣ фев-

---

[1]) Трудно понять, чѣмъ это собственно грозитъ патріархъ, такъ какъ запрещеніе, изверженіе и отлученіе, очевидно, несовмѣстимы Проф Павловъ полагаетъ поэтому, что „слово ἀφορισμός—отлученіе употреблено здѣсь въ какомъ то особенномъ предметномъ или конкретномъ смыслѣ, какъ бы въ параллель съ нижеслѣдующимъ ἐγκόλπια βασιλικά". Но такое соединеніе несоединимыхъ наказаній довольно обычно для того времени и представляетъ не болѣе какъ угрозу Ср. φακέλλους γραμμάτων διέπεμπον οἱ Βυζάντηοι πρόεδροι κατὰ πᾶσαν ἐπαρχίαν καὶ πόλιν ἀνάθεμα καὶ ἀφορισμοὺς περιέχοντα πάντων, ὅσοι φίλοι βέλουσι εἶναι τοῦ Καντακουζηνοῦ. (Gregoras hist. XII c. 12 § 6).

рая или началѣ апрѣля 1387 года, судя по тому, что къ 6 іюня Пименъ былъ уже въ Москвѣ. А отъ 24 апрѣля 1387 года сохранился документъ, въ которомъ Кипріанъ уже именуетъ себя митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Это собственноручная помѣтка на переписанной имъ лѣствицѣ Іоанна съ толкованіями (Моск. Духовн. Академія 152). „Въ лѣто 6895 (1387) априлія 24 съвершишася сія книги въ Студійской обители Кипріаномъ смѣреннымъ митрополитомъ Кыевскимъ и всея Росіи". (Труды третьяго археол. съѣзда II 241). Да и въ офиціальномъ документѣ 29 мая 1387 года патріархъ Нилъ, по прежнему не признавая Кипріана за митрополита всея Руси и воспрещая ему являться въ Великую Русь, тѣмъ не менѣе называетъ его митрополитомъ Русскимъ, а не Литовскимъ, что можно объяснить только существованіемъ императорской грамоты на этотъ счетъ у Кипріана.

Если такая грамота была, Пимену и Ѳеодору оставалось только бѣжать. Греки всѣми мѣрами готовы были принудить Ѳеодора во что бы то ни стало довести обвиненіе до конца, а Пимену потеря дѣла грозила по меньшей мѣрѣ заточеніемъ въ одномъ изъ константинопольскихъ монастырей. При подобныхъ же условіяхъ низложенный Григорій Цамблакъ только бѣгствомъ избавился отъ какой то иной казни [1]). Бѣгство же дѣлало какое бы то ни было рѣшеніе по дѣлу заочнымъ и потому неокончательнымъ.

Патр. Нилъ и потомъ продолжалъ смотрѣть на Пимена, какъ на единственно законнаго митрополита Великой Руси, а на Кипріана,—какъ на состоящаго подъ судомъ. Положеніе Кипріана было далеко не блестящимъ и теперь, невзирая на императорскую грамоту: послѣдняя для своей окончательной дѣйствительности должна была быть зарегистрирована синодомъ, а при упорномъ Нилѣ на предложеніе о регистраціи долженъ былъ получиться несомнѣнный отказъ. Чтобы избѣжать его, Кипріанъ прибѣгъ къ

---

[1]) См Грамоту Фотія по поводу поставленія Григорія Цамблака. „Но и еще изъ сану священничьства изверже его (Цамблака) вселенскый патріархъ и прокля, и едва убѣжа иныя казни".

такому пріему. Въ среду 29 мая 1387 года онъ представилъ синоду царское предложеніе, въ которомъ императоръ просилъ, „чтобы митрополиту Русскому (вѣроятно стояло—митрополиту всея Руси) Кипріану сперва позволено было итти по дѣлу, на которое онъ посылается приказомъ святого царскаго величества, а потомъ уже онъ явился бы на судъ предъ соборомъ по возводимымъ на него обвиненіямъ". Какъ видно изъ рѣшенія синода, Кипріанъ по прежнему обвинялся въ захватѣ Кіева, а теперь императорское предложеніе отправляло Кипріана въ этотъ же самый Кіевъ[1]). Синодъ и на этотъ разъ, хотя и съ явнымъ раздраженіемъ, рѣшилъ по императорскому предложенію. „Да будетъ сіе, какъ по желанію царя, такъ и ради общей пользы, соединенной съ тѣмъ дѣломъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ, чтобы Кипріанъ „никоимъ образомъ не совершалъ ничего святительскаго въ Великой Руси, не ходилъ туда, а оставался бы въ той области только, въ которой теперь находится[2])".

Опасенія, что Кипріанъ отправится въ Великую Русь, достаточно доказываютъ, что Димитрій Московскій былъ на сторонѣ Кипріана и хлопоталъ за него. Захватъ Кіева, относящагося къ Великой Руси согласно опредѣленію синода отъ 1380 года, и теперь былъ предметомъ обвиненій со стороны Пимена. Непосредственно вслѣдъ за этимъ синодъ и переходитъ къ этому обвиненію. „Постановляется, чтобы онъ (Кипріанъ) непремѣнно, не отговариваясь никакою великою и уважительною нуждою, въ теченіе года возвратился въ Константинополь... и, чтобы, явившись сюда, не имѣлъ права отказываться отъ суда предъ божественнымъ и священнымъ соборомъ, но безъ всякихъ отговорокъ подвергся суду на соборѣ въ томъ, въ чемъ обвиняется". Кипріану хотя и ус-

---

1) Ἐλαλήθη περὶ τοῦ μητροπολίτου Ῥωσίας Κυπριανοῦ ζητήσαντος τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως, ἵνα ἀπέλθῃ πρῶτον εἰς τὴν δουλείαν εἰς ἣν ἀποστέλλεται, ὁρισμῷ τῆς βασιλείας αὐτοῦ, καὶ μετὰ ταῦτα ἔλθῃ καὶ κρίθῃ συνοδικῶς περὶ τῶν ἐγκλημάτων, ὧν καταγορεῖται

2) Ἵνα μηδόλως ἐνεργήσῃ τι ἱερατικὸν ἐν τῇ Μεγάλῃ μήτε ὅλως ἀπέχθῃ ἐκεῖ εἰ μὴ εἰς μόνην τὴν ἐνορίαν εἰς ἣν εὑρίσκεται σήμερον.

ловно „отъ собора дано разрѣшеніе священнодѣйствовать до суда". Это само собою предполагаетъ, что Кипріанъ, строго говоря, подлежалъ аргіи, и, слѣдовательно, обвиненія противъ него были такого рода, что ему грозило лишеніе сана.

Но для насъ особенно интересны тѣ условія, на которыхъ Кипріанъ получилъ всѣ эти разрѣшенія. Мы читаемъ: „если онъ, Кипріанъ, не исполнитъ хотя одного изъ этихъ требованій, то пусть будетъ и безъ суда осужденъ и низложенъ. Во всемъ этомъ онъ, киръ Кипріанъ, долженъ дать письменное обѣщаніе, которое дѣйствительно и далъ и утвердилъ собственноручною подписью". Ἂν δὲ ἀθετήσῃ ἓν τι ἀπὸ τούτων, ἵνα καὶ δίχα κρίσεως ὑπάρχῃ καταδικασμένος καὶ καθῃρημένος καὶ ἵνα δῷ αὐτὸς ὁ μητροπολίτης κῦρ Κυπριανὸς ἔγγραφον ὑπόσχεσιν περὶ τούτων πάντων, ὃ καὶ ἐγένετο καὶ ὑποσχέθη καὶ ἔστερξε ταῦτα ὑπογράψας τὴν ὑπόσχεσιν οἰκειοχείρως.

Это несомнѣнно подлинное дѣяніе трудно согласить съ той тенденціозною передачею дѣла, какую находимъ въ грамотѣ Антонія: ясно, что если м. Кипріанъ продолжалъ еще состоять подъ судомъ по обвиненію со стороны м. Пимена, то послѣдній не былъ еще отлученнымъ и 29 мая, т.е. много времени спустя послѣ бѣгства. Такъ получается и изъ другихъ источниковъ. Пименъ поставлялъ въ Греціи архіереевъ на русскія каѳедры: такъ имъ былъ поставленъ арх. Ростовскій Ѳеодоръ, и повидимому, и епископъ Суздальскій Ефросинъ, пріѣхавшій въ Константинополь одновременно съ Ѳеодоромъ (Воскр. 6894), что не могло быть безъ вѣдома и согласія патріарха. Когда Пименъ пріѣхалъ въ Россію, то и тутъ его не считали отлученнымъ или запрещеннымъ, а только не успѣвшимъ добиться правосудія въ Константинополѣ. Никон. 6895. „Того же лѣта, мѣсяца іюля въ 6 день, прінде Пиминъ митрополитъ на Русь изо Царяграда, не въ Кіевъ же убо, но на Москву токмо; а прінде безъ исправы, понеже въ Кіевѣ бѣ Кипріанъ митрополитъ, а на Москвѣ Пиминъ митрополитъ". Послѣдняго признавали на Москвѣ не только великій князь, но и всѣ епископы, включительно до новго-

родскаго. 1 января 1388 года Пименъ поставилъ Іоанна Новгородскаго, на поставленіи же были Ѳеогностъ Рязанскій, Савва Сараіскій, Данило Звенигородскій: „Поставиша же его при великомъ князѣ Дмитреи Ивановичи. Тоя же весны въ недѣлю Вербную Пименъ Московьскый постави Павла архимандрита Рожьственаго изъ Володимеря въ епископы на Коломну, а въ Кіевѣ въ та времяна Кипріанъ митрополитъ". Попытался Пименъ поставить епископа и въ Рязань. Ѳеогностъ былъ хиротонисанъ туда 15 августа 1387 года [1]). Но рязанцы не приняли московскаго ставленика, и онъ замѣненъ былъ грекомъ Іереміею. Съ послѣднимъ намъ придется еще встрѣтиться. Все это заставляетъ думать, что, и рисуя бѣгство Пимена изъ Константинополя, грамота такъ же неправа, какъ и описывая передъ тѣмъ яко бы бѣгство его изъ Москвы: когда м. Пименъ отправился въ Москву, то патріархъ продолжалъ считать его единственно законнымъ митрополитомъ Великой Руси. Все до поры до времени было возстановлено въ прежнее положеніе.

Поэтому показанія грамоты патр. Антонія, что Пименъ былъ низложенъ поставившимъ его патріархомъ Ниломъ, слѣдуетъ отнести ко времени гораздо болѣе позднему, чѣмъ маій 1387 года; по всей вѣроятности—ко времени послѣ начала іюня 1388 года. Если къ этому времени вернулся м. Кипріанъ на судъ по обвиненіямъ со стороны Пимена, какъ это предписано было ему синодомъ, а Пименъ въ то же время къ суду не явился, то это дѣйствительно могло быть основаніемъ для низложенія его. Но не слѣдуетъ забывать, что въ концѣ 1388 года патр. Нилъ уже скончался, и весьма возможно, что и самый этотъ, въ высшей степени странно мотивированный, приговоръ былъ изданъ скорѣе отъ имени п. Нила, чѣмъ имъ самимъ. Этимъ синодальнымъ рѣшеніемъ и Пименъ и Ѳеодоръ были подвергнуты низложенію; но это вызвало оппозицію въ самой же Греціи, какъ видно изъ тѣхъ соображеній, каки-

[1]) Никон. 6895 „Того же лѣта мѣсяца августа въ 15 день.. въ Володимерѣ Пиминъ митрополитъ Московьскій постави Ѳеогноста епископа на Рязань, а ту сущу и великому князю Дмитрею Ивановичю."

ми впослѣдствіи и. Антоній оправдывалъ приговоръ своего предшественника. „Въ этомъ случаѣ они (Ѳеодоръ и Пименъ) не были осуждены заочно, какъ можетъ быть скажутъ нѣкоторые... нѣтъ. Пименъ находился на лицо, былъ обвиняемъ, зналъ обвинителя и наконецъ, подружившись съ нимъ, бѣжалъ". Можно говорить о дѣйствительности такого приговора въ виду контумаціи обвиняемаго, но никакъ уже нельзя не согласиться съ *нѣкоторыми*, что такой приговоръ во всякомъ случаѣ будетъ заочнымъ. Нѣкоторые, повидимому, указывали и на то, что въ данномъ случаѣ никакой контумаціи нѣтъ, въ виду отказа обвинителя отъ обвиненія. Антоній старается опровергнуть это соображеніе такимъ способомъ: „Дружба съ обвинителемъ еще болѣе служитъ къ его осужденію. Если Ѳеодоръ обвинялъ ложно, то онъ былъ бы осужденъ и лишенъ общенія; а кто сообщается съ лишеннымъ общенія, тотъ и самъ низложенъ и внѣ общенія. Если же обвиненія были истинны, то Пименъ былъ бы низложенъ, да и самъ Ѳеодоръ былъ бы низложенъ, какъ сообщающійся съ лишеннымъ общенія. Такъ они взаимно передаютъ другъ другу осужденіе". При этой аргументаціи забывалося, что для понятія общенія съ отлученнымъ необходима наличность дѣйствительнаго отлученія, а не одна только моральная увѣренность, что оно воспослѣдуетъ. Нилъ, въ высшей степени расположенный къ Пимену, низложилъ его несомнѣнно подъ внѣшнимъ давленіемъ; но дѣло продолжалось и при его преемникѣ.

Въ лицѣ Нила сошелъ въ могилу человѣкъ, умѣвшій поддерживать достоинство патріаршей власти не только противъ непокорныхъ епископовъ, но и противъ самого императора. Совершенную противоположность Нилу представляетъ его преемникъ Антоній (съ января 1389 г.). Онъ началъ съ того, что клятвенно обязался соблюдать ту новеллу Андроника II, противъ которой такъ долго боролись со времени Кантакузина, и дѣйствительно былъ тѣмъ покорнымъ слугою императора, какимъ долженъ былъ являться представитель церкви согласно этой новеллѣ. И при томъ—слугою не только за страхъ, но и за совѣсть. Антоній былъ

совершенно проникнуть римской имперской идеей до такой степени, что, повидимому, считать ее чуть не за основной догматъ православія. Классическимъ выраженіемъ его взглядовъ на этотъ счетъ служитъ посланіе къ великому князю Василію Димитріевичу, гдѣ онъ серьезно заявляетъ, что нельзя христіанамъ не имѣть царя, что одинъ только (византійскій) царь во вселенной и что этого то царя исключительно и имѣетъ въ виду ап. Петръ, говоря „Бога бойтесь, царя чтите“. Антоній былъ превосходнымъ дополненіемъ такого же сторонника имперской идеи, во что бы то ни стало, какимъ былъ и неудачный императоръ Іоаннъ V. Для нихъ и попытки русскихъ предлагать своего кандидата, и непринятіе имперскаго кандидата на митрополію являлись прямымъ бунтомъ. И вотъ безпорядки въ Россіи и сдѣлались первымъ дѣломъ, на которое, по собственнымъ его словамъ, обратилъ вниманіе новый патріархъ. „Мѣрность наша, какъ только Богу извѣстными судьбами приняла на себя предстоятельство во вселенской церкви (да и прежде мы были не безучастны къ этимъ дѣламъ, напротивъ крайне соболѣзновали о той разстроенной и страждущей отъ своихъ чадъ церкви (*πάσχουσαν ἀπὸ τῶν οἰκείων*) поставила это дѣло, предпочтительно предъ другими, главнѣйшимъ предметомъ нашихъ попеченій“. Въ глазахъ патріарха „исправить Русскую церковь, прекратить прежніе соблазны и раздоры, даровать всему народу миръ, правомѣрно (*δικαίως*) *изгладить несправедливо нанесенныя нашей Великой Христовой, каѳолической и апостольской церкви оскорбленія, порицанія и обиды*“ являлось, какъ онъ выражается, „какъ бы начаткомъ и жертвою благодарности Богу за все, что онъ даровалъ намъ“. Понятно, что для Антонія такое упорядоченіе дѣлъ Русской церкви должно было начаться съ возстановленія единства Русской митрополіи. „А какъ это могло бы случиться, если не помощію прежняго порядка и устройства, если не черезъ возстановленіе... изначала узаконеннаго обычая... чтобы опять былъ поставляемъ одинъ митрополитъ для всей Россіи“. Въ то же время въ лицѣ Антонія вступилъ на престолъ ярый сторонникъ Ки-

ріана, который и при Нилѣ стоялъ на его сторонѣ, а впослѣдствіи даже поручился за Кипріана въ кабалѣ (АИ. I 252). Не менѣе опредѣленны были на этотъ счетъ и намѣренія императора. Послѣдній „приложилъ все стараніе къ тому, чтобы исправить Русскую церковь, возстановить въ ней древній порядокъ и устройство и уничтожить недавно возникшіе соблазны." Этимъ, можно сказать, предрѣшалось низложеніе Пимена.

Кипріанъ къ этому времени возвратился въ Константинополь, какъ ему было предписано, и въ февралѣ 1389 года (А. Р. II 129) мы не только находимъ его въ числѣ членовъ патріаршаго синода съ титуломъ митрополита Русскаго, но имѣемъ и синодальное рѣшеніе, которымъ уничтожается раздѣленіе Русской митрополіи, подтверждается приговоръ п. Нила надъ Пименомъ, Кипріанъ же попрежнему признается митрополитомъ всея Руси. Въ такомъ видѣ этотъ синодальный актъ является еще болѣе непослѣдовательнымъ, чѣмъ актъ Нила. Онъ уже ни словомъ не упоминаетъ о Ѳеодорѣ Ростовскомъ, что равнялось его молчаливому оправданію, въ чемъ нельзя не видѣть руку ловкаго Кипріана, добившагося оправданія своего вліятельнаго у Московскаго князя союзника. Сдѣлать это было очень легко, такъ какъ Ѳеодора собственно никто серьезно не обвинялъ. Но при такомъ оборотѣ дѣла и удержаніе въ силѣ приговора по отношенію къ Пимену является совершенною неожиданностію. „Пименъ" по прежнему утверждаетъ Антоній „низложенъ не заочно, не такъ, чтобы, когда противъ его предъявлены были обвиненія, онъ спокойно оставался въ своей церкви; онъ, желая очистить себя отъ обвиненій, предсталъ на соборъ, потомъ, увидѣвъ своего обвинителя, примкнулъ къ нему и убѣжалъ отъ суда, собора и рѣшенія". Но почему же это обвиняемый обязанъ заботиться о томъ, чтобы обвинитель довелъ обвиненіе до конца, и почему въ отказѣ Ѳеодора отъ обвиненія и принятіи посвященія отъ Пимена не видѣть признанія своей неправоты? „Съ другой стороны и соборъ (при Нилѣ) при такомъ поворотѣ дѣла, не упустилъ изъ виду указанія каноновъ, но трижды

приглашалъ его явиться и такимъ образомъ согласно съ канонами произнесъ приговоръ" (не стѣсняясь отсутствіемъ обвинителя?) Самъ сознавая слабость своей аргументаціи, п. Антоній заявляетъ, что, если уже расположенный къ Пимену п. Нилъ произнесъ низложеніе ему, то значитъ, что онъ виновенъ (но тогда слѣдовало бы низложить и Ѳеодора, какъ сдѣлалъ это п. Нилъ). Антоній не допускаетъ даже апелляціи на свое заочное рѣшеніе, а за нѣсколько строкъ передъ этимъ приговоръ о лишеніи сана, въ отсутствіи обвиняемаго, признается совершенно недопустимымъ. Въ данномъ случаѣ дѣло и шло не о правосудіи, а объ удовлетвореніи политическихъ видовъ императора; Антоній же дѣйствовалъ при этомъ, какъ вѣрный его союзникъ.

Пименъ былъ низложенъ не столько за тѣ неправильности и подлоги, какіе были допущены при его поставленіи, сколько потому, что императоръ и патріархъ, какъ мы видѣли уже, рѣшили возстановить единство Русской митрополіи. „Должно быть исполнено то, что указано выше, именно, чтобы на будущее время былъ одинъ митрополитъ во всей Руси. Этимъ прежде всего озабоченъ высочайшій и святой мой самодержецъ, оберегатель (κηδεμών) и защитникъ права и пользы; въ этомъ безспорно состоитъ и слава всей церкви и всѣхъ вкупѣ христіанъ". Патр. Нилъ если и низложилъ Пимена, то не возстановилъ еще Кипріана и, слѣдовательно, считалъ низложеніе Пимена неокончательнымъ. Теперь же цѣликомъ возстановлено дѣяніе Филоѳея въ пользу Кипріана и отмѣнены всѣ привилегіи и уступки, полученныя московскимъ правительствомъ отъ Макарія. „А какъ преосвященный митрополитъ Кипріанъ имѣетъ уже часть (русской митриполіи), въ которой теперь находится, кромѣ того имѣетъ дѣяніе святѣйшаго и приснопамятнаго киръ Филоѳея, опредѣляющее, чтобы по смерти киръ Алексія онъ одинъ состоялъ митрополитомъ всея Руси: то и мы всѣ, единодушно утверждая упомянутое дѣяніе и какъ бы сначала поставляя того Кипріана, полагаемъ конецъ прежде бывшимъ соблазнамъ,—я говорю о смутахъ, волненіяхъ и раздорахъ, которые мы признаемъ какъ бы не существовавшими, считая все то дѣломъ времени, обстоятельствъ и первыхъ

(случайныхъ) причинъ, о которыхъ мы сказали выше". Постановляется „чтобы митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси былъ и именовался кирь Кипріанъ, который до конца жизни будетъ обладать ею и всею ея областію, какъ настоящій архіерей всея Руси, не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ. Таковы послѣ него будутъ и всѣ митрополиты Русскіе, наслѣдуя одинъ послѣ другого".

Въ этой своей части синодальное постановленіе соотвѣтствуетъ и императорскому хризовуллу „такъ, чтобы никогда не отмѣнялось настоящее соборное дѣяніе и постановленіе ни нами, ни позднѣйшими патріархами: ибо мы опытомъ удостовѣрились, какое зло раздѣленіе и раздробленіе той церкви на части". Всю вину за это событіе патріархъ снимаетъ съ Филоѳея и Нила и тѣмъ возлагаетъ на Макарія. „Сего ради и выдано преосвященному митрополиту Кіевскому и всея Руси и пречестному... и самой церкви Русской настоящее соборное дѣяніе нашей мѣрности, дабы оно находилось тамъ для постояннаго и всегдашняго въ томъ удостовѣренія. Мѣсяца февраля настоящаго 12 индикта 6897 года".

Остановимся нѣсколько внимательнѣе на дѣлѣ Пимена и Кипріана. Пусть греки дѣйствовали въ данномъ случаѣ недобросовѣстно съ точки зрѣнія строгаго правосудія; но и при полной добросовѣстности правосудіе не могло быть высокимъ въ виду несомнѣнныхъ недостатковъ византійскаго обвинительнаго процесса. Какъ изъ дѣла Пимена и Кипріана, такъ и изъ другихъ, видно, что греки чувствовали эти недостатки и старались создать что то въ родѣ слѣдственнаго процесса, который создавался въ эту пору и на западѣ. Мы видѣли уже, что къ инфамированному Пимену передъ его посвященіемъ предъявлены были тѣ же требованія, какія предъявлялись въ подобныхъ случаяхъ на западѣ: онъ долженъ былъ дать присягу вмѣстѣ съ послами, выступавшими такимъ образомъ въ роли соприсяжниковъ. Но переходъ къ дальнѣйшему fama pro accusatore habetur, послужившему основою слѣдственнаго процесса на западѣ, на востокѣ не замѣчается. Не могла быть успѣшною и попытка создать изъ апокрисіаріевъ

что то въ родѣ слѣдственныхъ судей: имъ, какъ мы видѣли, давались порученія провѣрить обвиненія противъ Пимена и низложить его въ случаѣ признанія его виновнымъ. Въ такомъ видѣ апокрисіаріи очень напоминали собою легатовъ отъ ребра апостольскаго. Но подобный институтъ опять таки нарушалъ всѣ византійскія традиціи. Посланцы патріаршіе неоднократно встрѣчаются и ранѣе, но не въ значеніи судей, а какъ выражаются акты того времени, въ значеніи свидѣтелей, примѣнительно же къ нашему словоупотребленію—въ значеніи экспертовъ, свѣдущихъ людей, докладчиковъ. Они должны были на мѣстѣ ознакомиться со всѣми обстоятельствами дѣла, сдѣлать о немъ докладъ патріарху и быть готовыми дать о немъ всѣ необходимыя указанія на судѣ. Но нечего было и говорить о предоставленіи имъ права суда надъ митрополитомъ и—низложенія его. Патріархія, желая по возможности сосредоточить въ своихъ рукахъ дѣла епископовъ, настаивала на безусловной обязательности не стараго восточнаго права и законодательства Юстиніана, а совершенно не согласованныхъ съ ними и съ восточными условіями постановленій Карѳагенскаго собора. По нимъ, какъ извѣстно, даже для суда надъ діакономъ требовалось не менѣе трехъ епископовъ, для суда надъ пресвитеромъ число ихъ увеличивалось до шести; епископа же должны были судить не менѣе двѣнадцати епископовъ, т. е. такое число, которому могъ удовлетворить лишь патріаршій синодъ.

Около 1400 года, именно на этомъ требованіи шести епископовъ для осужденія пресвитера патріархъ основывалъ свое право на принятіе апелляцій отъ всѣхъ клириковъ, осужденныхъ ихъ митрополитами. Логически же это должно было приводить и къ праву принятія апелляцій и на рѣшенія другихъ патріарховъ, разъ ихъ соборъ не удовлетворялъ требованіямъ этого кворума. Патріархъ писалъ митрополиту Амастрійскому, извергшему іеромонаха Каллиста, когда послѣдній подалъ апелляцію на этотъ приговоръ, „согласно канонамъ и справедливости, чтобы всѣ клирики, гдѣ бы ихъ архіереи не находились, прибѣгали къ тог-

дашнему вселенскому патріарху и искали у него разслѣдованія ихъ споровъ". Κανονικόν τε καὶ δίκαιόν ἐστιν ἅπασι τοῖς κληρικοῖς τῶν ἁπανταχοῦ ἀνατρέχειν εἰς τὸν κατὰ καιροὺς οἰκουμενικὸν πατριάρχην καὶ διάγνωσιν ζητεῖν ἀμφισβητουμένων αὐτοῖς. Для извержения пресвитера требуется не менѣе шести архіереевъ. „А потому и канонически извержений, если бы пожелалъ, имѣлъ бы право прибѣгнуть къ нашей мѣрности и судиться съ своимъ архіереемъ" ὅτου καὶ κανονικῶς καθαιρεθείς, εἴπερ ἐβούλετο, δίκαιον εἶχεν ἐνταῦθα ἀναδραμεῖν εἰς τὴν ἡμῶν μετριότητα, καὶ ἀντικριθῆναι τῷ ἰδίῳ ἀρχιερεῖ (АР. II 371). Поэтому патріархъ предписываетъ митрополиту Амастрійскому: „Если твоя святость въ состояніи доказать это (вины іеромонаха Каллиста), то приходи съ нимъ немедленно въ синодъ, взявъ съ собою какъ обвинителей его, такъ и свидѣтелей обвиненій, чтобы ты канонически доказалъ ихъ и онъ былъ подвергнутъ синодально извержению. Не посылай сюда иного вмѣсто себя, ибо знаетъ твое священство, что каноническія обвиненія не возбуждаются черезъ порученіе или третье лицо, но лишь самимъ возбуждающимъ ихъ или осудившимъ апеллянта" (АР. II 371) Εἴπερ ἐνίσταται... ἡ σὴ ἱερότης ταῦτα ἀποδεῖξαι, ἔρχου ἀπαραιτήτως εἰς τὴν σύνοδον μεθ' αὐτοῦ, ἔχων μετὰ σαυτοῦ τούς τε κατηγόρους αὐτοῦ καὶ τοὺς μάρτυρας τῶν ἐγκλημάτων, ὡς ἂν ἀποδείξῃς ταῦτα κανονικῶς καὶ συνοδικῶς, καθαιρηθῇ. καὶ μὴ ἄλλον ἐνταῦθα στέλλῃς ἀντί σου· οἶδα γὰρ ἡ σὴ ἱερότης, ὅτι τὰ κανονικὰ ἐγκλήματα οὐ κινοῦνται διὰ ἐντολέως ἢ ἐξωτερικοῦ προσώπου, ἀλλὰ δι' αὐτοῦ τοῦ κινοῦντος αὐτὰ ἢ τοῦ καταδικάσαντος τὸν ἐγκαλούμενον.

При такихъ условіяхъ порученіе суда надъ митрополитомъ апокрисіаріямъ въ числѣ двухъ лицъ, хотя бы и епископскаго сана, являлось въ полномъ смыслѣ слова невозможнымъ. Апокрисіаріи не могли даже выступать въ качествѣ публичныхъ обвинителей; можно сказать, что въ Византіи даже не предполагали возможности замѣны частнаго обвинителя представителемъ публичной власти, дѣйствующимъ по долгу службы. Если бы патріаршіе посланцы, воротясь въ Константинополь, дѣйствительно могли выступить на судѣ въ качествѣ публичныхъ обвинителей Пимена, то въ такомъ случаѣ Пименъ дѣйствительно оказался бы виновнымъ въ контумаціи

и былъ бы низложенъ за нее, а Θеодоръ дѣйствительно оказался бы виновнымъ въ общеніи съ отлученнымъ. Но византійцамъ, желавшимъ во что бы то ни было представить дѣло именно въ такомъ видѣ, не приходила въ голову даже возможность такой конструкціи обвиненія. Патріархъ Антоній по прежнему настаивалъ на необходимости возбужденія обвиненія только черезъ частнаго обвинителя и всякое отступленіе отъ этого принципа разсматриваетъ, какъ несомнѣнное и вопіющее нарушеніе права. И такъ мы находимъ не только въ дѣлѣ Пимена, но и въ совершенно аналогичномъ дѣлѣ митрополита Аланскаго.

Около 1400 года (АР. II 483 сл.) патріархъ въ виду обложенія Константинополя турками поручилъ митрополиту Трапезундскому посвятить митрополита Аланскаго по своему усмотрѣнію, но при участіи и экзарха патріаршаго Наѳанаила, которому патріархъ и послалъ особыя инструкціи на этотъ счетъ. Порученіе было исполнено, но съ нарушеніемъ каноновъ и законовъ. Былъ посвященъ тотъ, на кого указали свѣтскіе начальники и кого они назначили и пожелали, митрополитъ же исполнилъ ихъ желаніе частію по принужденію, частію подъ вліяніемъ подкупа. Αὐτόθι δὲ ἠνάγκασαν καὶ περιώρισον αὐτὸν. καὶ ἐπήγαγον αὐτῷ ἀνάγκην καὶ βίαν, ὥστε πραχθῆναι τὴν χειροτονίαν παρὰ τοὺς θείους καὶ ἱεροὺς κανόνας καὶ παρανόμως καὶ διὰ δόσεως χρημάτων· ἐχειροτονήθη γὰρ, ὃν οἱ κοσμικοὶ ἄρχοντες προώρισαν καὶ ἐβούλοντο καὶ ὃν ἠνάγκασαν καὶ ἄκοντα καὶ ἔδωκε χρήματα ἐπὶ τῷ χειροτονηθῆναι. Патріархъ изумляется на митрополита, какъ онъ не возсталъ противъ такого беззаконія и даже содѣйствовалъ ему. Онъ гнѣвается на экзарха и назначаетъ ему епитимію, но и только. Относительно м. Аланіи рѣшено подвергнуть его суду, когда найдется обвинитель. Пока же патріархъ ограничивается тѣмъ, что онъ не будетъ писать ему и не будетъ обращаться къ нему какъ къ архіерею, пока дѣло это не будетъ разсмотрѣно синодально. Ὁ χειροτονηθεὶς δὲ Ἀλανίας συνοδικῶς κριθήσεται, εἴ τις καιροῦ διδόντος ἐγκαλέσει αὐτῷ περὶ τοῦτο, καὶ γενήσεται εἰς αὐτὸν ὅσον οἱ ἱεροὶ κανόνες διεγορεύουσι. Такимъ образомъ, какъ и въ дѣлѣ Пимена, въ дѣлѣ митрополита Аланіи обманное и противозакон-

ное получение посвящения представлялось патріарху морально несомнѣннымъ и съ этой стороны совершенно доказаннымъ, но въ то же время судъ безъ частнаго обвинителя — совершенно невозможнымъ. Этотъ недостатокъ византійскаго процесса еще усугублялся тѣмъ пониманіемъ требованія присутствія обвиняемаго, которое мы находимъ въ нашемъ дѣлѣ: патріархъ считаетъ такое присутствіе необходимымъ условіемъ возможности постановленія окончательнаго приговора. При такихъ условіяхъ трудно было довести до окончательнаго приговора какое бы то ни было дѣло, такъ какъ не только у недобросовѣстнаго подсудимаго, но даже и у недобросовѣстнаго обвинителя была всегда возможность затянуть дѣло, просто сбѣжавъ изъ Константинополя. Для противодѣйствія этимъ злоупотребленіямъ въ рукахъ у патріарха было средство, но не судебнаго, а чисто административнаго характера, на которое онъ и указываетъ въ грамотѣ о митрополитѣ Аланіи: это временное прекращеніе общенія съ заподозрѣннымъ, при наличности большой вѣроятности совершенія преступленія т. е. та же аргія, о которой намъ приходилось говорить и ранѣе.

Съ точки зрѣнія византійскаго права только о такой аргіи и возможно было говорить въ порученіи апокрисіаріямъ: они могли наложить аргію, но ни въ какомъ случаѣ не низложеніе или отлученіе. Аргія эта налагалась лишь до тѣхъ поръ, пока обвиняемый не станетъ на судъ или даже пока онъ не отправится на судъ, гдѣ апокрисіаріи обращались уже во что угодно, только не въ судей. Строго говоря, судъ не оканчивался и въ томъ случаѣ, если бы апокрисіаріи пришли къ заключенію относительно неправильности обвиненія; о прекращеніи суда можно было говорить лишь въ томъ случаѣ, если бы подъ вліяніемъ указаній апокрисіаріевъ состоялось примиреніе обвинителя съ обвиняемымъ, отказъ обвинителя отъ обвиненія. Но уже приведенное нами выше дѣло митр. Петра и Андрея Тверского показываетъ, что такое примиреніе на допросѣ вовсе не прекращало еще обвиненія на судѣ патріаршемъ, если обвинитель вопреки своему слову продолжалъ поддерживать обвиненіе. Такимъ образомъ

апокрисіаріи могли лишь оказывать вліяніе на ходъ процесса. Наложивъ аргію, они тѣмъ самымъ заставляли подвергшагося ей явиться на судъ, гдѣ ихъ показанія могли имѣть рѣшающее значеніе; отказавъ въ наложеніи аргіи на обвиняемаго, они лишали обвинителя въ сущности единственнаго средства привлеченія обвиняемаго къ суду. Но во всякомъ случаѣ они не были ни обвинителями ни судьями въ техническомъ смыслѣ этого слова. Еще менѣе могли помочь этому недостатку реверсы о томъ, что такой то предоставляетъ въ извѣстныхъ случаяхъ патріарху лишить его сана и безъ суда. Такой реверсъ, судя по словамъ Антонія, далъ при своемъ посвященіи Пименъ, такой же реверсъ принужденъ былъ дать и Кипріанъ въ 1387 году на случай, если бы онъ не явился черезъ годъ на судъ. Было совершенно ясно, что такія частныя соглашенія не могутъ отмѣнить основного правила о томъ, что никто не можетъ быть лишенъ сана безъ суда, и потому съ самаго начала являлись ничтожными. Самое большее, что они были извѣстнымъ нравственнымъ оправданіемъ при наложеніи аргіи; но разъ вопросъ шелъ о лишеніи сана, то по первому заявленію лишеннаго сана безъ суда долженъ былъ быть произведенъ судъ, какъ мы и видимъ въ дѣлѣ Пимена.

XVIII.

13 апр. 1389 года Пименъ вновь, отправился въ Константинополь не только безъ согласія, но и безъ вѣдома великаго князя[1]). Самый отъѣздъ былъ совершенъ имъ во вторникъ страстной недѣли, когда трудно было ожидать, что митрополитъ покинетъ свой каѳедральный городъ, не дождавшись Пасхи, а обстановка путешествія была такая же скромная, какъ и въ 1385 году: Пимена сопровождали лишь еп. Михаилъ Смоленскій, Авраамій Ростовскій да Сергій, архимандритъ Спасскій[2]). Въ Москвѣ въ это время было не до митрополита. Судя по тому, что Димитрій, скончавшійся 19 мая 1389 года, передъ смертію долго и тяжело болѣлъ, слѣдуетъ думать, что въ половинѣ апрѣля онъ уже былъ болѣнъ этою предсмертною болѣзнью. Вѣроятно, съ этимъ то первымъ приступомъ болѣзни, и совпадаетъ отъѣздъ Пимена.[3]).

Но повидимому Пименъ не столько бѣжалъ изъ Москвы, сколько спѣшилъ въ Переяславль Рязанскій. Выѣхавъ въ Рязань 13 апрѣля, Пименъ, не останавливаясь даже ради Свѣтлаго праздника, ѣхалъ до Переяславля Рязанскаго, гдѣ и провелъ весь остатокъ пасхальной недѣли. Его встрѣтили тамъ съ почетомъ,

---

[1]) Ник. 6897 „Князь же великій Дмитрей Ивановичь понегодоваше на митрополита о семъ, яко безъ его съвѣта поиде, бѣ бо и распря нѣкаа промежь ихъ“ Воскр. 6897 „Въ вторникъ страстной Пиминъ митрополитъ выѣха съ Москвы и поиде въ Царьгородъ, а князя великаго утаився и не възвѣстивъ ему, князь великій прогнѣвася на него про то и не любо ему бысть“.

Новг. 6897 „Пименъ съиде съ митрополіи своей, тайно, безъ вѣсти, въ Царьградъ“.

[2]) Описано въ „Хожденіе Пименово въ Царьградъ“ см. Ник. л 6897“.

[3]) Никон. 6897 Сице же болѣзнь его бысть· прежде разболѣся и при смерти бысть, и пакы облегчися ему, и возрадовашеся людіе о семъ; таже пакы въ большую въ болѣзнь впаде, и стенаніе велие приде къ сердцу его, яко и внутренимъ его тръгатися“.

какъ митрополита и мѣстный епископъ Еремѣй Гречинъ и мѣстный князь Олегъ Ивановичъ. Пименъ „пирова у великого князя, и честь многу пріятъ; и сице безпрестани чествованіе насъ съ своимъ епископомъ Еремѣемъ Гречиномъ“ пишетъ одинъ изъ спутниковъ его. Въ Переяславлѣ же въ это время происходилъ какой то съѣздъ епископовъ. Тамъ находились Ѳеодоръ Ростовскій, Ефросинъ Суздальскій, Исаакій Черниговскій и Даніилъ Звенигородскій, кромѣ архимандритовъ, игуменовъ и поповъ. Очевидно, они явились сюда не случайно, и Пименъ торопился именно на это собраніе. Епископы держали себя очень осторожно: въ сослуженіи съ Пименомъ участвовалъ только хозяинъ Іеремія Рязанскій, но не его гости. „А въ святую недѣлю Пасхы ыдохомъ къ Рязани... и приспѣхомъ къ Перевитску, и ту срѣте насъ Еремѣй епископъ Рязаньскій Гречинъ .. и пришедшимъ намъ ко граду Переславлю и срѣтоша насъ со кресты, пришедъ же митрополитъ въ соборную церковь и молебнаа совръшивъ и т. д.“ Объ участіи въ этой встрѣчѣ епископовъ нѣтъ ни слова, но тѣмъ не менѣе они проводили его съ честію, когда по прошествіи Свѣтлаго праздника, онъ тронулся въ дальнѣйшій путь. „Пріидохомъ до Чюръ Михайловыхъ“ пишетъ спутникъ Пимена про путешествіе его изъ Рязани „и ту утѣшеніе вземше и о Господѣ цѣлованіе сотворше, и съ радостію и со умиленіемъ проводиша насъ епископи, и архимандрити, и игумени, и священници, и иноцы, и бояре великого князя Олга Ивановичя Рязаньскаго, цѣловавшеся вси цѣлованіемъ святымъ, и отъ того мѣста возвратишася въ свояси“.

Но въ этомъ то послѣднемъ и Пименъ и его спутники ошибались; во свояси возвратился лишь епископъ Звенигородскій Даніилъ, участвовавшій 19 мая въ погребеніи Димитрія Ивановича. Судя по этому, Даніилъ былъ оставленъ Пименомъ въ Москвѣ, въ качествѣ его намѣстника. Всѣ же остальные изъ бывшихъ въ Рязани епископовъ отправились въ Константинополь. Послѣднее можетъ быть документально удостовѣрено относительно Ефросина Суздальскаго. Первый изъ спутниковъ Пимена прибылъ въ Константинополь

лишь 29 іюня 1389 года; между тѣмъ въ іюлѣ 1389 года Ефросинъ успѣлъ получить отъ Константинопольскаго патріарха сигилій на Нижній и Городецъ[1]). Вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ же отправились и другіе епископы, которыхъ мы находимъ въ Константинополѣ въ моментъ смерти Пимена и которыхъ мы видѣли на Пасхѣ въ Рязани. Въ такомъ случаѣ они должны были выѣхать одновременно съ Пименомъ, чтобы и въ Константинополь поспѣть одновременно. Если при этомъ они не только ѣхали отдѣльно отъ Пимена, но и въ Цареградѣ, судя по записямъ Игнатія, держались въ сторонѣ отъ Пимена, то все это должно быть принято во вниманіе при объясненіи съѣзда епископовъ въ Рязани.

Кто прежде всего былъ грекъ Іеремія Рязанскій? Онъ, несомнѣнно, не былъ ставленникомъ Пимена и попалъ на мѣсто находившагося еще въ живыхъ Ѳеогноста Рязанскаго, рукоположеннаго Пименомъ. Митр. Макарій (Ист. V 310) полагаетъ, что Іеремія былъ поставленъ въ Константинополѣ въ 1389 году и, дѣйствительно, такое предположеніе о поставленіи въ Константинополѣ является единственно возможнымъ. Но Іеремія весною 1389 года былъ уже въ Рязани, а поставленіе это могло совершиться лишь черезъ Кипріана. Задолго передъ этимъ Кипріанъ, еще и не получивъ синодальной грамоты Антонія, дѣйствовалъ какъ митрополитъ всея Руси, игнорируя Пимена. Вѣроятно, черезъ этого-то Іеремію и было послано въ Россію извѣстіе о низложеніи Пимена. Положеніе ставленниковъ Пимена оказывалось неблестящимъ, а въ особенности положеніе Ѳеодора и Ефросина. Судя по выраженію грамоты Ефросину „нынѣ поставленный“ въ іюлѣ 1389 года, можно думать, что въ Греціи просто не признавали его поставленія Пименомъ и только послѣ принесенія повинной признали и архіепископомъ Суздальскимъ и обладателемъ Нижняго и Городца. Такъ же обстояло дѣло и съ Ѳеодоромъ Ростовскимъ. Ѳеодоръ по мнѣнію Антонія только присвоилъ себѣ

---

[1]) „И нынѣ рукоположенный на Суздальскую каѳедру (χειροτονηθείς) киръ Ефросинъ предъявилъ свои права на тѣ города и самъ получилъ на нихъ сигилионъ... мѣсяца іюля индикта 12“

архіепископскій титулъ, хотя и былъ рукоположенъ Пименомъ. На этотъ разъ нельзя видѣть въ Ѳеодорѣ посла, яко бы отправленнаго великимъ княземъ въ догонку за Пименомъ въ Константинополь. Ѳеодоръ встрѣтилъ Пимена въ Рязани вмѣстѣ съ прочими епископами и, слѣдовательно, долженъ былъ выѣхать изъ Москвы ранѣе Пимена. Да и странно было бы для великаго князя поручать хлопоты о низложеніи Пимена ставленику этого самаго Пимена. Ѳеодору приходилось думать о себѣ. Всѣ эти факты- собраніе епископовъ у Іереміи Рязанскаго, завѣдомо не признававшаго Пимена и поставленнаго вопреки его волѣ Кипріаномъ, необычайное путешествіе такого множества русскихъ епископовъ въ Константинополь одновременно, и ихъ поведеніе въ Константинополѣ—можно объяснить лишь однимъ предположеніемъ: они были вызваны въ Константинополь, вѣроятно, черезъ Іеремію Рязанскаго, не осмѣлились ослушаться патріаршаго приказа и собрались вмѣстѣ для того, чтобы пуститься въ этотъ далекій путь. Слѣдуетъ думать, что приказъ этотъ былъ присланъ имъ еще отъ имени патр. Нила, и во всякомъ случаѣ—еще до изданія патр. Антоніемъ грамоты о возстановленіи единства Русской митрополіи; иначе имъ трудно было бы собраться такъ скоро. Совершенно понятно при такомъ предположеніи, почему и Пименъ спѣшилъ въ Рязань и старался удержать ихъ отъ такой поѣздки въ Константинополь: конечно, тамъ они не стояли бы за него и перешли бы на сторону его противника, какъ мы это и находимъ впослѣдствіи. Поведеніе Іереміи Рязанскаго, сослужившаго съ Пименомъ, получаетъ огромное значеніе; оно доказываетъ, что и Пименъ былъ вызванъ въ Константинополь на судъ; только въ такомъ случаѣ, если онъ повиновался этому вызову, съ него снималось запрещеніе совершать священнодѣйствія.

Въ январѣ 1389 г. п. Антоніи былъ еще нареченнымъ патріархомъ (А. Р. II. 112), въ первый же разъ онъ называется патріархомъ лишь въ дѣяніи 9 февраля 1389 г. (А. Р. II 114). Около этого времени и должно было состояться дѣяніе относительно русской митрополіи. Трудно предположить, чтобы оно

могло сдѣлаться извѣстнымъ во всѣхъ подробностяхъ уже въ началѣ апрѣля или даже ранѣе. Повидимому и Пименъ еще не зналъ о своемъ окончательномъ низложеніи, отправляясь въ Константинополь. Становится понятнымъ и поведеніе великаго князя Димитрія Ивановича. Какъ мы видѣли, онъ все время хлопоталъ о возстановленіи единства митрополіи въ рукахъ Кипріана; если бы онъ былъ извѣщенъ объ исполненіи его завѣтныхъ желаній, то, конечно, Пимена ожидало бы то же заточеніе, какимъ началось его митрополитствованіе въ Москвѣ. Но, получая вызовъ митрополита на продолженіе суда съ Кипріаномъ, на которомъ ничего кромѣ волокиты ожидать было нельзя, великій князь естественно былъ противъ поѣздки Пимена. Заочно низлагая Пимена, греки очень торопились. Пименъ узналъ о дѣяніи Антонія, повидимому, передъ самымъ только Константинополемъ. Записывавшій событія путешествія Пимена архимандритъ Игнатій пишетъ, что прибывъ въ городъ Остранію „отпусти Пименъ митрополитъ черньца Михаила къ Царюграду, а Михаилъ епископъ Смоленскій мене, Игнатіа, а Сергѣй архимандритъ Азаковъ своего черньца“ самъ же остались въ Остраніи. Игнатій, объясняетъ такое поведеніе Пимена и его спутниковъ тѣмъ соображеніемъ „занѣ бѣхомъ въ Турской дръжавѣ, и мятежь бысть великій, и смущеніе много въ той странѣ и убоавшеся мятежа“. Трудно принять такое объясненіе; казалось бы, что слѣдовало поэтому поскорѣе добраться Константинополя, а не оставаться въ Турской державѣ. Но въ дѣйствительности, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отлученный и низложенный Пименъ только и чувствовалъ себя спокойнымъ въ ней, въ самомъ же Константинополѣ онъ такъ и не появлялся. По крайней мѣрѣ въ описаніи Игнатія, повѣствующемъ о посѣщеніи всевозможныхъ святынь и достопримѣчательностей Царяграда, мы нигдѣ не находимъ упоминанія о томъ, чтобы Пименъ принималъ при этомъ какое нибудь участіе. Не видимъ указаній и на то, чтобы онъ являлся къ патріарху или когда нибудь сослужилъ съ нимъ, какъ это было въ предшествующій его пріѣздъ; нѣтъ даже никакихъ указаній на то, чтобы онъ прибылъ наконецъ

въ столицу. Такое умалчиваніе не можетъ быть объяснено забывчивостію Игнатія. у него есть извѣстіе о прибытіи туда Михаила Смоленскаго и при томъ въ такомъ видѣ. „въ 16 день мѣсяца Іюля пріиде Михаиль владыка Смоленскій отъ Пимина митрополита въ Царьградъ". Самъ же Пименъ повидимому такъ и не рѣшился двинуться дальше Халкидона (Скутари) на азіатскомъ берегу Босфора. Онъ хлопоталъ въ Константинополѣ по всей вѣроятности черезъ Михаила Смоленскаго, но хлопоты эти были неудачны: ему не удалось добиться снятія отлученія

Но въ то же время и Кипріану не удавалось уѣхать къ мѣсту своего новаго назначенія въ Россію. Его имя неоднократно встрѣчается за это время въ актахъ патріаршаго синода и есть основаніе думать, что онъ являлся очень видным и вліятельнымъ его членомъ[1]). Противъ Пимена было не только все начальство и власть имущіе, но даже и собственные его ставленники—епископы, которые относились безразлично къ вопросу, кто будетъ митрополитомъ. Они теперь вели въ Константинополѣ такія хлопоты, которыя показывали, что они готовы признать Кипріана. За это время Пименъ, вѣроятно, находился въ такомъ же положеніи, какъ и Кассіанъ Видинскій, заочно обвиненный въ убійствѣ. „И прибывъ къ святому синоду онъ не пользовался ни единой архіерейской честію, ни сослужилъ намъ (патріарху), ни былъ участникомъ синодальныхъ собраній, и даже не пользовался тѣмъ же сѣдалищемъ, какъ другіе, на тронѣ архіереевъ" (А. Р. II № 434 ап. 1392). Но для Пимена важна была уже самая возможность тянуть время и дѣло. Положеніе патріарха Антонія было вовсе не изъ прочныхъ. Тотъ патріархъ Макарій, котораго онъ обвинялъ въ раздѣленіи Руси на двѣ митрополіи и на котораго по этому поводу сыпалъ всевозможные нелестные эпитеты, былъ еще живъ. Онъ былъ смѣщенъ съ каѳедры такъ же, какъ и Пименъ, посредствомъ заочнаго

---

1) Такъ въ апрѣлѣ 1389 (А Р. II № 406) онъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Серрскимъ былъ командированъ къ императору отъ синода съ прошеніемъ согласиться на возстановленіе уничтоженной при Филовеѣ Халкидонской Митрополіи. Затѣмъ онъ упоминается въ іюлѣ (ib № 409).

приговора и тоже по политическимъ, въ сущности, мотивамъ. И судьба хотѣла, чтобы патр. Антоній уступилъ свой престолъ именно этому Макарію, личному врагу Киприана. Въ короткое царствованіе Іоанна VII Макарій снова взошелъ на вселенскій престолъ. Когда онъ сталъ вызывать обвинителей, то никто не явился, и синодъ отмѣнилъ приговоръ о его низложеніи въ 1379 году по причинѣ допущеннаго при этомъ нарушенія основныхъ правилъ судопроизводства. Приговоръ не только признанъ былъ недѣйствительнымъ и ничтожнымъ, но и сожженъ. Относительно же патр. Антонія, было рѣшено удалить его съ патріаршаго трона на время жизни патр. Макарія, но сохранить за нимъ священство, такъ какъ онъ вступилъ на каѳедру не по собственному произволу, но по синодальному рѣшенію [1]).

Трудно еще сказать, чѣмъ бы кончилось дѣло Пимена, если бы онъ дотянулъ его до патріаршества своего товарища по несчастію. Патріархъ Антоній и самъ понималъ, что окончательное заочное низложеніе Пимена неправильно, и потому въ выраженіяхъ, понятныхъ для умѣющихъ читать между строкъ, слагалъ всю отвѣтственность на императора, волю котораго онъ лишь исполнялъ. Мы читаемъ: „Если Пименъ... уже не имѣетъ возможности оправданія, то и должно быть исполнено то... чтобы на будущее время былъ одинъ митрополитъ во всей Руси. Этимъ прежде всего озабоченъ высочайшій и святой мой самодержецъ, оберегатель и защитникъ права и пользы; въ этомъ безспорно состоитъ и слава всей церкви и всѣхъ вкупѣ христіанъ“. (Ясно, что Пименъ низлагается по волѣ императора и по политическимъ соображеніямъ). „И этотъ порядокъ пусть ненарушимо соблюдается отнынѣ и впредь во всѣ вѣки, что утверждено и досточтимымъ хризовулломъ высочайшаго и святого моего

---

[1]) Περὶ δέ γε τοῦ πατριαχεύσαντος κυροῦ Ἀντωνίου, ἐπεὶ καὶ τὸ κατ᾽αὐτὸν ἅπαν ψήφῳ καὶ διαγνώμῃ συνοδικῇ γέγονε, καὶ νῦν οὐκ ἔστιν οὐδὲν τῶν ἁπάντων εἰς κατιγορίαν αὐτοῦ καὶ τῆς ἱερωσύνης ἐπίσχεσιν, δίκαιον ἡμῖν διεκρίθη καὶ περὶ τούτου τὴν μὲν ἔχειν μεθ᾽ἑαυτοῦ τὴν ἱερωσύνην, ἀργὸν δὲ αὐτὸν παντάπασι εἶναι τῆς πατριαρχικῆς ἀρχῆς καὶ τοῦ θρόνου, ἕως ἂν εἰς ζῶντας τελεῖ ὁ... οἰκουμενικὸς κῦρ Μακάριος (A. P. II 146).

самодержца" (который какъ мы видѣли состоялся ранѣе изданія Антоніемъ разсматриваемаго дѣянія) „такъ, чтобы никогда не отмѣнялось настоящее соборное дѣяніе и постановленіе".

Но на этотъ разъ Пименъ пробылъ въ Греціи очень недолго. 9 авг. 1389 г. онъ тяжело заболѣлъ, а 11 сентября скончался въ Халкидонѣ. Едва ли за это время могло состояться хоть одно синодальное засѣданіе по его дѣлу; со смертію-же Пимена прекратился и судъ надъ нимъ. То же обстоятельство, что греки служили сорокоусть по митрополитѣ Пименѣ заставляетъ думать, что заочный приговоръ надъ нимъ такъ и остался неокончательнымъ „И на сорокоусты по Пименѣ митрополитѣ по церквамъ и по монастыремъ давахомъ."

Митр. Кипріанъ получилъ наконецъ благословеніе на каѳедру всея Руси. Такъ кончился этотъ долгій споръ между митрополитами и кончился полною побѣдою грековъ. Даже спутники Пимена были довольны, что споръ какъ бы то ни было да разрѣшился. Игнатій замѣчаетъ по поводу смерти Пимена. „Тогда сущу въ Царѣградѣ Кипріану митрополиту Кіевскому, о исправленіи престола Русскаго пребывающу; сице же и Пименъ митрополитъ, егда живъ сый, о исправленіи престола Русскаго пріиде къ Антонію патріарху. Богъ же своими судбами сице устрои: преставися Пименъ митрополитъ... и тако пресвященный Антоней патріархъ благослови Кипріяна митрополитомъ на Кіевъ и на всю Русь и отпусти его съ честію".

Эта фраза разъясняетъ очень многое. Русское духовенство въ эту пору было или безразлично къ вопросу о національной митрополіи или даже враждебно ей. Учрежденіе этой митрополіи было дѣломъ свѣтской власти, а вовсе не духовенства; только впослѣдствіи, когда греки были заподозрѣны въ православіи, вопросъ о національномъ митрополитѣ сдѣлался дѣйствительно національнымъ. Пока же духовенство въ этомъ вопросѣ должно было сильнѣе всего чувствовать дороговизну поставленія митрополита. Несомнѣнно, что та волокита, которую мы наблюдаемъ во всемъ дѣлѣ Пимена, вызвана

была между прочимъ желаніемъ выжить изъ спорящихъ митрополитовъ, что возможно, и проектъ этотъ былъ выполненъ блестяще. Въ послѣднюю свою поѣздку въ 1389 г. Кипріанъ, назначенный наконецъ митрополитомъ всея Руси, занялъ въ Константинополѣ большую сумму денегъ и далъ заемную кабалу за поручительствомъ самого патріарха. И Ѳеодоръ Ростовскій оказался въ числѣ такихъ заемщиковъ (А. Ист. 1 № 252). Поручительство патріарха за Кипріана показываетъ, куда собственно пошли эти деньги, и кто былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ скандальныхъ злоупотребленій, на которыя потомъ съ горечью указывали современники. Такимъ виновникомъ слѣдуетъ признать главнымъ образомъ императора, что было совершенно ясно и для современниковъ. Они полагали и и высказывали какъ совершенно общеизвѣстный фактъ, что патріархъ не можетъ поставить митрополита по своей волѣ, а только по указанію царя, царь-же торгуетъ каѳедрами.

На этотъ разъ Кипріанъ не сталъ медлить и проживаться въ Константинополѣ. Несмотря на осеннее время, крайне неудобное для плаванія по Черному морю, онъ 1 октября 1389 года отправился на кораблѣ въ Аккерманъ. Его сопровождали два уже знакомыхъ намъ греческихъ митрополита, нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ неудачно посадившіе въ Кіевѣ несчастнаго Діонисія, и три русскихъ епископа: Михаилъ Смоленскій, Іона Волынскій и Ѳеодоръ Ростовскій, котораго Игнатій почему то продолжаетъ считать архимандритомъ Симановскимъ. „И поиде оттуду мѣсяца Октября въ первый день, а съ нимъ Михаилъ епископъ Смоленскій, и Іона владыка Волынскій и Ѳеодоръ архимандритъ Симановскій, духовный отецъ великого князя“ [1]). Отправились въ Россію и остальные наши рязанскіе знакомцы, о которыхъ Игнатій не упоминаетъ. Страшная буря чуть было не погубила и Кипріана и его спутниковъ, но по счастію ихъ она скоро прекратилась и всѣ благополучно сошли на берегъ

[1]) Чѣмъ объяснить такую странную ошибку Игнатія? Вѣроятнѣе всего, что Игнатій пропустилъ слово „бывшій“.

въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ). Оттуда прибыли въ Кіевъ, а затѣмъ въ Москву, куда онъ съ необыкновеннымъ торжествомъ вступилъ въ средокрестную недѣлю 6898—1390 года. Его сопровождали не только всѣ русскіе епископы, но и патріаршіе послы. Новый великій князь съ честію встрѣтилъ Кипріана, который на этотъ разъ прочно утвердился въ Москвѣ.

Воскр. 6898. „Прінде на Москву Кипріанъ митрополитъ, въ великое говѣніе, на Средокрестной недѣлѣ, и пріатъ его князь великій Василей Дмитреевичь съ великою честію. Тогда же пріндоша съ нимъ два митрополита Гречина: Матфѣй Іандрѣянополъскій и Никандръ Гаіанскій; тогда же пріндоша съ нимъ епископи Рустіи, кійждо на свою епископію; на Ростовъ прінде Феодоръ архіепископъ, ему-же дасть патріархъ въ Царіградѣ архіепископьство, на Суздаль Ефросинъ архіепископъ, на Рязань Еремѣя епископъ, Феодосій епископъ на Туровъ; ти вси въ едино лѣто кійждо свою епископью пріаша".

Еще подробнѣе описываетъ это событіе. Ник. 6898. „Тоя же зимы прінде Кипріанъ митрополитъ въ Кіевъ изо Царяграда, отъ патріарха благословенъ и отъ всего священнаго събора на Кіевъ и на всю Русь; а съ нимъ прідоста два митрополита Гречина, Матѳѣй Андрѣянополскій да Никандръ Гапянскый. Тоя же зимы предъ великимъ заговѣніемъ поиде Кипріанъ митрополитъ всея Русіи изъ Кіева на Москву, и срѣтоша его бояре великого князя, еще далече ему сущу; и прінде къ Москвѣ въ великое говѣніе, на Средокрестной недѣлѣ, и срѣте его самъ князь велики Василей Дмитреевичь съ матерію своею великою княгинею Евдокѣею, и з братьею, и з бояры, и со всѣми христіаны, на Котлѣ... и бысть радость веліа и поидоша въ градъ Москву. И облечеся въ святителскій санъ Кипріанъ митрополитъ у Николы у Стараго, и поиде во градъ Москву съ кресты, съ священнымъ съборомъ, къ Пречистѣй Богородицѣ, и сѣлъ на своемъ столѣ митрополстѣмъ, владѣя своими пошлинами по старинѣ; и бысть радость веліа зѣло во градѣ Москвѣ. Тогда же вси епископи Рустіи пріаша кождо свою епископью, пришедше къ митрополиту къ Кипріану на Москву, глаголюще сице: „се уже

Кипріанъ митрополитъ всея Русіи бысть и, пришедше отъ Кіева, сяде на Москвѣ на своей митрополіи".

Есть полное основаніе думать, что и вдовствующая княгиня и молодой великій князь, ея сынъ, лишь исполняли волю покойнаго Димитрія, такъ торжественно принимая Кипріана. Правда, въ Москвѣ Кипріана и грековъ ждала и нѣкоторая непріятность: патріаршіе посланцы были встрѣчены безъ прежней предупредительности и чести, митрополиту же великій князь запретилъ поминать имя императора. Патріархъ жаловался потомъ: „За что ты показываешь пренебреженіе ко мнѣ, патріарху, и не воздаешь мнѣ той чести, какую воздавали твои предки, великіе князья, напротивъ— неуважительно относишься ко мнѣ и къ моимъ людямъ, которыхъ я туда посылаю, такъ что они не получаютъ у васъ той чести и мѣста, какое всегда имѣли патріаршіе люди".

Но особенно всполошились греки воспрещеніемъ поминать императора, въ чемъ они увидѣли бунтъ противъ имперіи. При первомъ же случаѣ въ 1393 г. патріархъ, исполняя просьбы великаго князя относительно новгородцевъ, преподалъ ему пространное поученіе (къ сожалѣнію сохранилося безъ конца) на тему, что нельзя христіанамъ имѣть церковь, а не имѣть царя; что одинъ только царь во всей вселенной, о которомъ говорилъ и ап. Петръ; что самое притязаніе иныхъ владѣтелей на царскій титулъ является уже дѣломъ тиранніи и насилія. „Въ самомъ дѣлѣ какіе Отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о такихъ царяхъ? Но все и сверху и снизу гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются по всей вселенной, и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не чье либо другое". Но если бы греки хорошенько подумали, то могли бы пока и не тревожиться. Дѣло было еще далеко не такъ серьезно; патріархъ и великій князь просто говорили на разныхъ языкахъ и о разныхъ вещахъ.

Вотъ въ чемъ обвиняетъ патріархъ Василія Димитріевича: „Ты не позволяешь поминать божественное имя царя въ диптихахъ и говоришь: „Мы-де имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ"... Ты говоришь:

„мы имѣемъ церковь, а не царя" (Ἐκκλησίαν ἔχομεν χριστ. βασιλέα δὲ οὔτε ἔχομεν, οὔτε λογιόμεθα... ἐκκλησίαν ἔχομεν οὐχὶ βασιλέα А. Р. II 190). Патріархъ несомнѣнно понималъ „церковь" въ смыслѣ общества вѣрующихъ: но намъ уже приходилось говорить, что такое пониманіе въ Россіи было совершенно необычнымъ, и Василій Димитріевичъ, стоя на этой русской точкѣ зрѣнія, видѣлъ въ церкви не болѣе какъ храмъ. Слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то, что тогда какъ по правиламъ царское имя поминалось при всякомъ служеніи каждымъ духовнымъ лицомъ, Василій Димитріевичъ воспрещалъ поминать его только митрополиту въ диптихахъ т. е.—въ одномъ только Успенскомъ соборѣ и, значитъ, не препятствовалъ поминать его въ другихъ церквахъ. Дѣло шло вовсе не о подданствѣ императору, а о чемъ то совершенно другомъ. Въ устахъ Василія Димитріевича фраза „Церковь имѣемъ, царя не имѣемъ и знать не хотимъ" должна была имѣть приблизительно такой смыслъ: „Церковь (Успенскій соборъ) наша (построенъ нами, а не императоромъ) и потому нѣтъ основаній поминать въ ней имя царя". Если бы Василій Димитріевичъ имѣлъ въ виду то, о чемъ говоритъ патріархъ, то выразился бы „патріарха имѣемъ, царя не имѣемъ" или какъ нибудь иначе. Въ данномъ же случаѣ онъ поступалъ въ сущности такъ же, какъ и любой изъ его подданныхъ, не позволявшій постороннимъ молиться на его образъ, хотя бы и стоявшій въ церкви, или выносившій на рынокъ плохо помогавшую икону. И говоря о церкви Константинопольской или Іерусалимской, русскіе думали исключительно о храмѣ Св. Софіи или—храмѣ Воскресенія, а отнюдь не о патріархахъ, и не о патріархатахъ. Опасность такого пониманія „церковь", противъ котораго боролся въ Россіи и преемникъ Кипріана м. Фотій, сказалась лишь послѣ того, какъ храмъ Св. Софіи обращенъ былъ въ мечеть турками. Русскіе увидали въ этомъ паденіе самой Константинопольской церкви[1]), признали въ Іерусалимской церкви (т. е. въ

---

1) Какое значеніе придавали въ Москвѣ временъ не только Ивана III, но и Ивана Грознаго, церкви Св Софіи, видно изъ того, что въ посланіяхъ къ Константинопольскому патріарху игнорировали зах-

храмъ Воскресенія) мать всѣхъ церквей и потому обратились къ Іерусалимскому патріарху, какъ архіерею этой церкви, за разрѣшеніемъ отлученія, наложеннаго на Россію въ Константинополѣ, и за признаніемъ самостоятельности Русской церкви[1]).

Но при Василіи Димитріевичѣ дѣло обстояло иначе. Прекращеніе поминовенія едва ли принадлежало ему. Василій въ эту пору былъ еще очень молодъ (родился 30 дек. 1370 года) и встрѣтилъ Кипріана съ большимъ уваженіемъ. Кипріанъ же могъ и долженъ былъ растолковать ему неправильность его распоряженія. Если Василій не послушался его, то вѣроятно потому, что дѣло шло о волѣ его покойнаго отца. Уже Димитрій Ивановичъ сталъ оказывать пренебреженіе патріарху. Не даромъ, говоря о чести, какую оказывали патріарху предки великаго князя Василія, наша грамота не упоминаетъ объ его отцѣ, а говоритъ только о предкахъ, тогда какъ не-

---

вать ея турками и по прежнему называли святую Софію патріархіею. Очевидно въ глазахъ Иванова духовенства, такъ же какъ и въ глазахъ его дѣда, захватъ Софіи магометанами являлся вопросомъ о томъ, имѣетъ ли патріархъ прежнюю власть.

Митр Кириллъ Московскій писалъ въ 1571 году патр Митрофану: „держащимъ правленіе святой матери церквей въ прежнемъ царствующемъ богозданомъ градѣ *въ домѣ Софіи Премудрости Божіей*, высочайшею и священною главою вселенскаго цвѣтущаго благочестія, учителемъ истиннаго божественнаго закона и наказателемъ вѣры *прежде бывшаго Греческаго православія* и всея Русскія земли“ (Муравьевъ I 125) Митрополитъ употребляетъ слово православіе въ смыслѣ государство.

[1]) Посланіе митрополита Ѳеодосія 1464 г. (А. И. I № 78 стр. 128).

„Сіонъ всѣмъ церквамъ глава мати сущи всему православію... на созиданіе святые матери церквамъ еже есть Сіонъ, отъ него же изыде радость и свѣтъ Христосъ“.

Въ 1641 году въ спорѣ съ королевичемъ Вольдемаромъ патріархъ Іосифъ доказываетъ, что истинная церковь доселѣ находится въ Іерусалимѣ, къ Іерусалимской же церкви принадлежатъ теперь и другія „паче же и четыре патріаршія мѣста къ сему же (къ истинной Іерусалимской церкви) съ тѣми четыремя восточными патріархами со всѣми святыми вкупѣ и наша святая Россійская церковь согласуется правымъ исповѣданіемъ“ (Каптеревъ Никонъ и Алексѣй Мих I 102).

Очевидно поэтому то русская церковь и обращалась за своимъ признаніемъ и за поставленіемъ митрополитовъ и патріарховъ къ

премѣнно слѣдовало бы указать Василію на Димитрія Ивановича, если бы Василій не подражалъ его примѣру. По всей вѣроятности и въ запрещеніи царской анафоры слѣдуетъ видѣть результатъ неудовольствія Димитрія на византійское правительство за поставленіе Діонисія и отказъ Ѳеодору Симановскому, великокняжескому кандидату.

Какъ бы то ни было, на этотъ разъ дѣло уладилось; по всей вѣроятности Василій приказалъ помнить по прежнему, а сынъ и преемникъ его Василій Васильевичъ по прежнему же говоритъ о царѣ, какъ главѣ всѣхъ христіанъ и обращается къ нему въ традиціонныхъ формахъ даже наканунѣ паденія Византіи.

Полная побѣда грековъ съ особою ясностію обнаружилась по смерти Кипріана, когда въ противовѣсъ Витовту, предлагавшему своего кандидата на правахъ государя Кіева, въ Москвѣ, стали требовать назначенія митрополита по стародавнему обычаю изъ Константинополя и по усмотрѣнію императора и патріарха.

Іерусалимской церкви. Она въ ея глазахъ была важнѣйшею церковью.

Во времена Максима Грека нѣкоторые русскіе книжники и считали нужнымъ признавать въ Москвѣ не третій Римъ, а второй Іерусалимъ.

Максимъ Грекъ (сочиненія III 156 сл.).

„О немъ же... глаголалъ со мною прежде малыхъ днехъ, яко въ нынѣшнихъ временѣхъ въ лѣпоту убо и будетъ и наречется Іерусалимъ царствующій градовомъ велеименитая Москва, аки старому Іерусалиму непотребну бывшу уже за еже многа лѣта обладатися отъ нечестивѣйшихъ Сарацинъ, о семъ хощу вельми бесѣдовати". Послѣ долгихъ оговорокъ, что онъ вовсе не желаетъ умалять градъ Москву Максимъ продолжаетъ. (стр. 161) „Да препритъ тя отступитися, ея же имаши мысли неподобныя стихѣра, сотворена премудрымъ Іоанномъ Дамаскинымъ.. радуйся Сіонъ святый мати церквамъ.... Тогда скверняется гради благовѣрныхъ и содержимая въ нихъ святая егда живущіе въ нихъ вѣрные, отступивше непорочныя вѣры и честнаго жительства воспримутъ ученія... безбожныхъ агарянъ". Кромѣ того Максимъ приводитъ и массу другихъ доводовъ въ томъ числѣ ссылается на небесный огонь въ Христову заутреню.

Ib. 151 „Инока Максима Грека сказаніе ко отрицающимся на поставленіи и кленущимся своимъ рукописаніемъ Русскому митрополиту и всему священному собору, еже не приимати поставленія на митрополію и на владычества отъ римскаго папы латынскія вѣры и отъ цареградскаго патріарха, аки во области безбожныхъ турокъ поганаго царя, и поставленнаго отъ нихъ не приимати" (Стр. 155). „Потомъ да учится преподобіе твое, яко святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ".

Такой результатъ отнюдь не можетъ быть названъ неожиданнымъ. Юридическія основанія требованій о назначеніи митрополита властію мѣстнаго князя разъ дѣло шло о митрополитѣ всея Руси, раздѣлявшейся между нѣсколькими враждебными государями, дѣйствительно были очень слабы. Такимъ основаніемъ, какъ мы видѣли уже, могли служить новеллы Юстиніана, первое время въ ихъ оригинальномъ текстѣ, потомъ—въ передѣлкѣ Андроника. Западно русскіе же князья, имѣя передъ собою живой примѣръ своихъ западно-европейскихъ коллегъ—государей, претендовали на такое же право номинаціи, какимъ пользовались тѣ. Неуспѣхъ тѣхъ и другихъ совершенно понятенъ.

Какъ Юстиніаново законодательство, такъ и выходившая изъ тѣхъ же идей номинація съ самаго начала были далеко не согласованы съ церковными требованіями на этотъ счетъ. Согласно церковнымъ правиламъ выборъ епископа собственно принадлежалъ собору епископовъ, который и поставлялъ его. Просьбы мѣстныхъ жителей явились лишь рекомендаціей кандидата. Фактически трудно было удержаться на каѳедрѣ лицу, поставленному противъ воли пасомыхъ и потому такія просьбы могли рѣшать дѣло, но юридически, во всякомъ случаѣ, послѣднее слово должно было оставаться за соборомъ. И мы видимъ, что даже знаменитые отцы церкви подчасъ относятся съ нескрываемымъ недовѣріемъ къ рекомендаціямъ гражданъ, иногда руководившихся въ своемъ выборѣ весьма непочтенными соображеніями. Законодательство Юстиніана, стѣснявшее въ этомъ отношеніи права митрополита и его собора, далеко нельзя было считать ни вполнѣ согласнымъ съ духомъ каноновъ ни вполнѣ принятымъ на практикѣ. Въ нашу эпоху Юстиніаново право можно было признать устарѣлымъ и отмѣненнымъ противоположнымъ обычаемъ. Въ чинахъ поставленія въ епископы и митрополиты, ничего не знающихъ о правѣ предложенія кандидатовъ мѣстными жителями, чинахъ, противъ которыхъ ничего не возражали и императоры, можно съ полнымъ правомъ видѣть доказательство такой отмѣны.

Для императора въ разсматриваемую нами пору такая отмѣна Юстиніанова права была даже полити-

чески желательною; но и русскіе не защищали этого права и какъ такового. Попытки назначенія Иларіона и Климa Смолятича, равно, какъ и Ѳеодора Владимірскаго, были лишь случайными и единичными фактами. Галицкіе князья, польскіе короли и литовскіе великіе князья, добиваясь права назначенія митрополита, дѣйствовали по принципу, но имѣли въ виду не столько восточное право, сколько западную номинацію. Что же касается до московскихъ великихъ князей, то они въ этотъ періодъ руководились вовсе не желаніемъ поддержать какое либо право, а исключительно соображеніями практической пользы и данной минуты. Они желали только, чтобы митрополитъ поддерживалъ ихъ и ихъ политику.

Въ связи съ нуждами ея колебались и отношенія московскихъ князей къ праву назначенія митрополита. Единственной удачной попыткой въ этомъ случаѣ было назначеніе м. Алексѣя въ интересахъ Москвы. Послѣ м. Алексѣя именно эти-то интересы, по скольку они въ то же время были и интересами православія, требовали назначенія митрополита изъ Византіи съ устраненіемъ вліяній со стороны мѣстныхъ государей. Уже преемникъ митр. Алексѣя Ипменъ представлялъ курьезный примѣръ митрополита, поставленнаго яко бы по предложенію великаго князя московскаго, въ дѣйствительности же—безъ его вѣдома, и поддерживавшагося греками на каѳедрѣ вопреки великокняжеской волѣ. Заявленія же москвичей по смерти Кипріана являлись уже прямымъ отказомъ ихъ отъ всякихъ правъ на назначеніе или рекомендацію митрополита. Только права императора и патріарха остались непзмѣнными и непоколебленными. И Юстиніанъ, говоря въ своихъ новеллахъ объ обязательной рекомендаціи со стороны гражданъ, имѣлъ въ виду гражданъ, а отнюдь не мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ городовъ, которымъ каноны прямо воспрещали вмѣшиваться въ дѣло выбора епископовъ. Права князей были сомнительны и они тѣмъ легче отъ нихъ отказались. Мнѣніе же лучшей части духовенства за которымъ въ концѣ концовъ послѣдовали и князья, было въ пользу и единства митрополіи и традиціоннаго способа назначенія митрополитовъ.

Пока еще не было той силы, которая создала наконецъ и московское государство и московскую автокефальную церковь. Мы имѣемъ въ виду московскій національнзмъ. О спеціально русскомъ національнзмѣ до начала XV вѣка нужно говорить съ осторожностію. Національная самобытность обусловливается не только политическою самостоятельностью, но и извѣстною, самобытною и при томъ жизнеспособною культурою; политическая самостоятельность является лишь однимъ изъ благопріятныхъ условій ея развитія. Византійская же супрематія на внутреннія отношенія Россіи вліяла лишь съ культурной стороны; тутъ трудно было соперничать съ греками.

Мы не говоримъ уже о XI вѣкѣ, когда русское въ поученіяхъ духовенства еще отожествлялося съ понятіемъ языческаго, когда русскіе напр. допускали еще многоженство въ противоположность ромеямъ носителямъ христіанства. Очевидно, что тогда все духовенство, т. е. весь культурный классъ русскаго общества, могло думать только о томъ, чтобы ихъ соотечественники поскорѣе перестали быть русскими и поскорѣе сдѣлались ромеями. Но и впослѣдствіи русскій національнзмъ отнюдь не могъ быть враждебенъ греческой націи и греческому государству. Національнымъ прозвищемъ русскаго дѣлается христіанинъ или *крестьянинъ* въ противоположность магометанамъ, татарамъ и язычникамъ, и—православный въ противоположность надвигавшемуся воинствующему католицизму.

Въ томъ и другомъ случаѣ не только восточная церковь, но и восточная имперія являлись драгоцѣнными и незамѣнимыми союзниками. Только какъ подданный христіанскаго императора, не имѣвшій права признавать надъ собою другой власти въ ущербъ власти византійскаго царя, русскій великій князь могъ игнорировать свои клятвы татарскому хану, какъ идущія въ разрѣзъ съ этою обязанностію. Только поэтому татарскій ханъ, хоть бы и не вмѣшивавшійся во внутреннія дѣла Россіи, не могъ никакими привилегіями купить себѣ расположеніе духовенства, остававшагося ярымъ врагомъ татаръ, невзирая на свои увѣренія, что во Владимірѣ за Чанибека молятся (какъ за государя).

Русскіе могли быть по временамъ недовольны греками, но не греческимъ. Они могли поражаться алчностью, хитростію и коварствомъ представителей Византіи, но не могли не преклоняться передъ греческою культурою, начиная съ пѣнія и архитектуры и кончая литературою. Такъ было при Владимірѣ, такъ было и въ концѣ XIV вѣка. Тѣмъ болѣе, что и въ Россіи общій уровень нравственности былъ отнюдь не выше греческаго.

Съ этой стороны цѣлая пропасть раздѣляетъ эпоху даже Василія Димитріевича отъ эпохи сына его Василія Васильевича. При послѣднемъ дѣйствительно создается Московскій націонализмъ въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и новая постановка вопроса о митрополіи. Но для этого необходимы были не только смута Димитрія Шемяки, выдвинувшая кандидатуру Іоны на каѳедру московскаго митрополита, но и такія событія, какъ паденіе Константинополя и измѣна грековъ православію за все предшествующее время, начиная отъ Флорентинской уніи. Только тогда могли сложится представленія о противоположности московскаго православія греческому и о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ и единственномъ центрѣ истиннаго православія[1]). Съ этого момента, конечно, и греки должны были быть изъ принципа устранены отъ всякаго участія во внутреннихъ дѣлахъ московской церкви и особенно отъ участія въ поставленіи московскаго митрополита. Но на основаніи права, дѣйствовавшаго до тѣхъ поръ, поставленіе Іоны не было-бы закономѣрнымъ. Это былъ актъ хотя логически и вытекавшій изъ создавшагося положенія вещей, но юридически несомнѣнно революціонный. Имъ разрушалось старое и создавалось новое право, ставившее будущаго московскаго царя въ положеніе главы русскаго государственно-церковнаго строя и вмѣстѣ съ тѣмъ въ положеніе главы русской церкви.

---

[1]) См. объ этомъ А. Я. Шпаковъ Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ ч. I, Кіевъ 1901 г.

Замѣченныя опечатки:

Стран.	*Строч.*	*Слѣдуетъ читать*	*вмѣсто*
2	1 сн.	митрополитами	митрополитоми
16	2 св.	продолжаетъ	продожаетъ
22	20 сн.	Константины	Констатины
44	14 сн.	Долгорукій	Долгорукйі
46	6 сн.	пробывшихъ	пробышихъ
47	12 сн.	основаній	основапій
63	9 сн.	ихъ	ихь
68	1 св.	постоянныхъ	постояныхъ
83	4 сн.	событіями	событіяти
100	12 сн.	онъ	это
146	12 св.	чтобы	что бы
146	9 сн.	монашеской	монашенской
150	13 сн.	постриженникомъ	постриженикъ
157	1 сн.	Ростовскими	ростовскими
181	5 сн.	Его не сохранилось	Его сохранилось
253	9 сн.	митрополіи	митрополіи
254	2 сн.	при первомъ его	въ первомъ своемъ
271	7 сн.	Юріи	Юріѣ
297	5 сн.	Акиндинъ	Акиндинъ
319	8 св.	Плещеевымъ	Плещевымъ
328	5 св.	Въ то же	Въ тоже
333	6 св.	Семенъ	Сименъ
335	2 св.	узурпаціи	узурпацію
336	18 св.	принадлежащую	принадлежащею
341	13 сн.	Андроника	Андронина
345	3 сн.	Ивана	Инана
374	7 сн.	яко бы	якобы
375	1 св.	яко бы	якобы
378	17 сн.	такіе же поборы	такіе же пробы
391	2 сн.	удѣлъ	удѣлѣ
391	1 сн.	всѣ	всъ
396	13 св.	междоусобица	междуусобица
440	10 св.	года	геда
451	4 св	по соглашенію	по соглашинію
458	8 сн.	Новгородскаго	Новгородского
460	9 сн.	митрополита	митрополта
463	5 сн.	митрополичій	митрополитчій
491	1 св.	ему	сму
512	15 св.	поставленъ	поставлена
512	17 сн.	безъ суда	безъ судъ